THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3379
.T6
1915

a 00002 797227

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.

Form No. 513,
Rev. 1/84

THE UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL
LIBRARY

PURCHASED ON THE

DR. AND MRS.
JOSEPH EZEKIEL POGUE
ENDOWMENT FUND

qe
C
PG3379
.T6
1915

ПИСЬМА

ГРАФА

Л. Н. ТОЛСТОГО

КЪ ЖЕНѢ

1862—1910 г.

Изданіе второе, исправленное и дополненное.

СОБСТВЕННОСТЬ ИЗДАТЕЛЬНИЦЫ.

L Pis'ma grafa
L.N. Tolstogo
k zhenie

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушперевъ и К°. Пименовская ул., с. д.
МОСКВА—1915.

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/pismagrafalntols00tols

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Передъ тѣмъ, какъ мнѣ уйти изъ жизни, чтобы соединиться съ любимымъ человѣкомъ въ той духовной области, куда онъ ушелъ, я хотѣла подѣлиться съ людьми, любящими и чтущими память Льва Николаевича, тѣмъ, что для меня такъ дорого—его письмами ко мнѣ и изъ нихъ свѣдѣніями о нашей совмѣстной 48-лѣтней, почти до конца счастливой супружеской жизни. Письма печатаю *всѣ*, кромѣ трехъ, касающихся живыхъ лицъ и для которыхъ еще не настало время. Разставались мы рѣдко и только по необходимости, и потому писемъ относительно немного.

Многіе, вѣроятно, найдутъ еще несвоевременнымъ опубликованіе этихъ писемъ. Но что значитъ *время* въ такихъ вопросахъ? Не лучше ли, чтобы прочли эти письма тѣ, которые знали Льва Николаевича, чѣмъ черезъ 50 лѣтъ люди, не имѣвшіе никакого отношенія къ нему?

И еще вопросъ, сохранятся ли эти письма послѣ моей смерти. Въ настоящее время печатается переписка Н. Н. Страхова съ Львомъ Николаевичемъ, и въ выноскахъ безпрестанно встрѣчаются замѣчанія, что писемъ Л. Н., о которыхъ упоминаетъ Страховъ въ своихъ, не оказалось. У кого они,—неизвѣстно. Съ письмами Льва Николаевича и гр. Александры Андреевны Толстой тоже были непріятныя осложненія.

Побудило меня напечатать эти письма еще и то, что послѣ моей смерти, которая по всей вѣроятности близка, будутъ по обыкновенію ошибочно судить и описывать мои отношенія къ мужу и его ко мнѣ. Такъ пусть ужъ интересуются и судятъ по живымъ и правдивымъ источникамъ, а не по догадкамъ, пересудамъ и вымысламъ.

И пусть люди снисходительно отнесутся къ той, которой, можетъ быть, непосильно было съ юныхъ лѣтъ нести на слабыхъ плечахъ высокое назначеніе—быть женой генія и великаго человѣка.

Софія Толстая.

1862 годъ.

Письменное предложеніе графа Льва Николаевича Толстого Софіи Андреевнѣ Берсъ 16—17 сентября 1862 г.

1.

Софья Андреевна! Мнѣ становится невыносимо. Три недѣли я каждый день говорю: нынче все скажу, и ухожу съ той же тоской, раскаяніемъ, страхомъ и счастьемъ въ душѣ. И каждую ночь, какъ и теперь, я перебираю прошлое, мучаюсь и говорю: зачѣмъ я не сказалъ, и какъ, и что бы я сказалъ. Я беру съ собой это письмо, чтобы отдать его вамъ, ежели опять мнѣ нельзя или недостанетъ духу сказать вамъ все. *Ложный взглядъ вашего семейства* на меня состоитъ въ томъ, какъ мнѣ кажется, что я влюбленъ въ вашу сестру Лизу. Это несправедливо. Повѣсть ваша засѣла у меня въ головѣ, оттого что, прочтя ее, я убѣдился въ томъ, что мнѣ, Дублицкому [1]), не пристало мечтать о счастьѣ... что ваши *отличныя*, поэтическія требованія любви... что я не завидовалъ и не буду завидовать тому, кого вы полюбите. Мнѣ казалось, что я могу радоваться на васъ, какъ на дѣтей. Въ Ивицахъ [2]) я писалъ [3]): *Ваше присутствіе слишкомъ живо напоминаетъ мнѣ мою старость и невозможность счастья, и именно вы...*

---

[1]) Лицо въ повѣсти С. А. Берсъ, напоминавшее Льва Николаевича. Повѣсть была написана въ 1860 году.

[2]) Ивицы, имѣнье моего дѣда Исленьева въ Одоевскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи.

[3]) Мѣломъ, на карточномъ столѣ, начальными буквами.

Но и тогда, и послѣ я лгалъ передъ собой. Еще тогда я бы могъ оборвать все и опять пойти въ свой монастырь одинокаго труда и увлеченья дѣломъ. Теперь я ничего не могу, а чувствую, что напуталъ у васъ въ семействѣ. Что простыя, дорогія отношенія съ вами, какъ съ другомъ, честнымъ человѣкомъ, потеряны. И я не могу уѣхать и не смѣю остаться. Вы, честный человѣкъ, руку на сердце, *не торопясь, ради Бога не торопясь, скажите:* что мнѣ дѣлать? Чему посмѣешься, тому поработаешь. Я бы померъ со смѣху, ежели бы мѣсяцъ тому назадъ мнѣ сказали, что можно мучаться, какъ я мучаюсь, и счастливо мучаюсь, это время. Скажите, какъ *честный человѣкъ*, хотите ли вы быть моей женой? Только ежели отъ всей души, *смѣло* вы можете сказать *да*, а то лучше скажите нѣтъ, ежели есть въ васъ тѣнь сомнѣнія въ себѣ. Ради Бога спросите себя хорошо. Мнѣ страшно будетъ услыхать нѣтъ, но я его предвижу и найду въ себѣ силы снести. Но ежели никогда мужемъ я не буду любимымъ такъ, какъ я люблю, это будетъ ужасно...

Другое написанное предложеніе гр. Льва Николаевича Толстого Софіи Андреевнѣ Берсъ, отданное имъ послѣ женитьбы. Сентябрь 1862 г.

2.

Софья Андреевна! Мнѣ стыдно и больно, что я васъ втянулъ въ фальшь, которую вы не можете переносить и которую вамъ не слѣдуетъ терпѣть. Вотъ обѣщанныя разъясненія: ложный взглядъ вашего семейства состоитъ въ томъ, что я влюбленъ, или que je fais la cour, въ вашу сестру Лизу. Это совершенно несправедливо. Ваша повѣсть сидитъ у меня въ головѣ потому, что въ ней я узналъ себя Дублицкимъ и ясно убѣдился въ томъ, что я къ несчастію забываю слишкомъ часто: что я, дядя Лявонъ, старый, необычайно непривлекательный чортъ, который долженъ одинъ упорно и серьезно работать надъ тѣмъ, что ему дано отъ Бога, а не думать о другомъ счастьѣ, кромѣ сознанія исполненнаго дѣла.

Второе разъясненіе—слова, написанныя въ Ивицахъ, слѣд. или въ родѣ того. Смыслъ тотъ. Я бываю мраченъ, глядя именно на васъ, потому что ваша молодость напоминаетъ мнѣ слишкомъ живо мою старость и невозможность счастья. Это было написано тоже до чтенія повѣсти, которая и вслѣдствіе тѣхъ поэтическихъ *отличныхъ* требованій молодости, и вслѣдствіе узнанія себя въ Дублицкомъ совершенно отрезвила меня, такъ что я вспоминаю повѣсть и васъ не только безъ сожалѣнья или прошедшей зависти къ П. или будущей зависти къ тому, кого вы полюбите, но радостно, спокойно, какъ смотришь на дѣтей, которыхъ любишь.

Одно грустно, что я вообще напуталъ и самъ запутался у васъ въ семействѣ, и что потому мнѣ надо лишить себя лучшаго наслажденія, которое я давно не испытывалъ,—бывать у васъ.

А впрочемъ, вы честный человѣкъ, съ вами лгать нельзя [1]).

Я Дублицкій, но только жениться на женщинѣ такъ, потому что надо же жену, я не могу. Я требую ужаснаго, невозможнаго отъ женитьбы. Я требую, чтобъ меня любили такъ же, какъ я могу любить. Но это невозможно. *Л. Толстой.*

Я перестану ѣздить къ вамъ, защитите меня вы съ Танечкой.

1863 годъ.

Письма и записки изъ Тулы, изъ Пирогова, съ охоты, съ пчельника, гдѣ Левъ Николаевичъ одно время проводилъ цѣлые дни, увлекаясь пчелами.

3. **Съ охоты.**

Мы будемъ дома въ половинѣ пятаго, непремѣнно. Возвращаться мы будемъ по Муравкѣ [2]), по дорогѣ въ Горячкино (Яковъ знаетъ). Ты поѣзжай въ пролеткѣ съ Яковомъ на Бара-

[1]) (Здѣсь вычеркнуто шесть строкъ, такъ что нельзя прочесть.)

[2]) Муравкой называлась большая дорога.

банѣ. Мы будемъ ѣхать лѣвой стороной дороги, т.-е. влѣво отъ вашего направленія. Ежели хочешь проѣхаться больше, такъ какъ день прелестный, то выѣзжай въ часъ съ половиной; ежели хочешь меньше, выѣзжай въ два съ половиной. Якову вели взять рожокъ и трубить.—Агу, агъ... [1]).

Осенью.

4. **Изъ Тулы.**

Я у Маркова [2]) сижу и буду обѣдать. Они васъ очень просятъ *объихъ* [3]). Пожалуйста пріѣзжайте. Я былъ у Менгденъ [4]). Они насъ ждутъ вечеромъ. Пожалуйста пріѣзжайте. Таня, не капризничай. Мы будемъ всѣ вмѣстѣ, и все будетъ толкомъ.— И билетъ готовъ.

Ноябрь.

1864 годъ.

5.

22 апрѣля, 10 час. Пирогово.

Пріѣхали мы отлично, ничто не рвалось, не ломалось, и Саша [5]) остался доволенъ *сидѣньемъ*. Въ Пироговѣ прежде, чѣмъ въ домъ, вошли на конный дворъ. И мнѣ такъ грустно стало—*страсть*, глядя на конюшни, прежде полныя тысячными лошадьми и теперь пустыя или заставленныя одрами. Я четыре года не былъ въ Пироговѣ, и ужасно грустно послѣ всего прежняго изобилія и богатства [6]) видѣть мерзость запустѣнія и

[1]) Относилось къ новорожденному сыну Сережѣ.

[2]) Евгеній Львовичъ Марковъ, извѣстный писатель, тогда учитель тульской гимназіи.

[3]) Я и моя сестра Т. А.

[4]) Тульскій помѣщикъ, впослѣдствіи членъ госуд. совѣта.

[5]) Мой братъ, Александръ Андреевичъ Берсъ.

[6]) При отцѣ Л. Н. Исторію Пироговскаго имѣнія см. въ „Біографіи“ П. Бирюкова (I, 78). При раздѣлѣ Толстыхъ Пирогово досталось С. Н. Толстому.

посреди запустѣнья—городской домикъ съ убитыми щебнемъ передъ окнами дорожками.

Домъ оказался не топленъ, и мы пошли (мы, я перезябъ, особенно на козлахъ) къ приказчику, который есть удивительно жалкій и смѣшной dummer Junge, какъ я и объявилъ Келлеру [1]). Въ хозяйствѣ Сережи мнѣ дѣлать нечего, хотя я чувствую, что одной внушительной болтовней съ старостой и приказчикомъ я не безполезенъ. Сейчасъ сдѣлалъ ошибку. Загнали скотину крестьянскую, и одинъ мужикъ самовольно увелъ; я его напугалъ, и онъ пришелъ просить прощенія за это; и онъ безъ носа и потому очень жалокъ, и я его простилъ, не штрафъ, а наказанье. И теперь раскаиваюсь.

Саша съ Келлеромъ пошли на тягу, а я сижу съ попомъ, который говоритъ, что мужикъ этотъ потерялъ носъ, ходя къ *аристократкамъ*. Ѣсть намъ очень хотѣлось, но мы напились чаю, и Сережка намъ варитъ курицу.

6.

23 апрѣля, 4½ часа. Оттуда же.

Я проснулся въ 4, несмотря на то, что легъ въ 12-мъ часу, и сейчасъ перебудилъ всѣхъ, велѣлъ ставить самоваръ и закладывать лошадей. Домикъ точно картонная игрушечка и прекрасно устроенъ до малѣйшихъ подробностей; но былъ такъ холоденъ, что мы обѣдали, или ужинали скорѣе, въ кухнѣ. Я все болталъ съ попомъ, а Сережка тутъ же, подлѣ насъ, на плитѣ, готовилъ кушанье.

Послѣ ужина я прошелъ въ подробности по всему дому и узналъ вещи Сережины (разныя мелочи), которыхъ я не видалъ давно, которыя знаю 25 лѣтъ, когда мы оба были дѣтьми, и ужасно мнѣ стало грустно, какъ будто я его потерялъ навсегда. И оно почти такъ.

---

[1]) Густавъ Өед. Келлеръ, привезенный Льв. Ник. изъ Германіи въ Яснополянскую школу.

Они спали наверху вмѣстѣ, а я внизу, должно быть, на томъ диванѣ, на которомъ Т... за ширмами держала его. И эта вся поэтическая и грустная исторія живо представилась мнѣ. Оба хорошіе люди, и оба красивые и добрые: старѣющій и чуть ли не ребенокъ, и оба теперь несчастливые; а я понимаю, что это воспоминаніе этой ночи—одни въ пустомъ и хорошенькомъ домѣ—останется у обоихъ самымъ поэтическимъ воспоминаніемъ, и потому что оба были милы, особенно Сережа. Вообще мнѣ стало грустно на этомъ же диванѣ и о нихъ, и о Сережѣ, особенно глядя на ящичекъ съ красками, тутъ, въ комнатѣ, изъ котораго онъ красилъ, когда ему было 13 лѣтъ; онъ былъ хорошенькій, веселый, открытый мальчикъ, рисовалъ и все, бывало, пѣлъ разныя пѣсни, не переставая. А теперь его, того Сережи, какъ будто нѣтъ.

Потомъ у меня въ ухѣ шумѣло и стало грустно о тебѣ (о Сережѣ меньшомъ я еще не жалѣю), и нашелъ страхъ, что я тебя оставилъ; потомъ заснулъ и видѣлъ во снѣ разныя лица изъ моего романа.

Ѣдемъ мы далѣе на Машенькиныхъ лошадяхъ [1]), а Келлеръ въ телѣгѣ на монхъ съ пчельникомъ, который не приходилъ оттого, что у него умеръ третьяго дня зять. Обѣщалъ мнѣ еще пчельникъ съ собой привезть (и съ Келлеромъ) бабу кухарку. Боюсь, Келлеръ бы не обидѣлся. Еще нанялъ мужика, Кондратія, живпаго у Сережи и разочтеннаго приказчикомъ именно съ тою цѣлью, чтобы отдать его Сережѣ, когда онъ вернется. А по показаніямъ Келлера, Сережа имъ дорожитъ.

Хозяйственныя дѣла у Сережи и Маши, сколько можно видѣть при поверхностномъ обзорѣ, не дурны, и даже столяръ приказчикъ не такъ дуренъ, какъ казалось сначала.

Вотъ что: пожалуйста, ты безъ меня не попускайся—тебя въ это втягиваетъ Т.,—а дѣйствуй, какъ бывало въ эти дни, когда ты сходишь къ Мышкѣ [2]) и играешь на фортепіанахъ и только Сережа

[1]) Сестры М. Н. Толстой, имѣніе которой было поблизости отъ Пирогова.

[2]) Смыслъ этого обозначенія забытъ.

отрываетъ тебя. Ежели Сережа будетъ нездоровъ, пришли ко мнѣ сейчасъ нарочнаго. Я прошу не сидѣть, а ходить, для того что иначе—я имѣю дерзость думать—тебѣ будетъ грустнѣе безъ меня. Еще я буду писать тебѣ, какъ нынче,—все, хоть съ собой привезу; также и ты *пиши, пожалуйста*; но не посылай по почтѣ,—не дойдетъ; а въ субботу вечеромъ *вышли Якова; ежели онъ придетъ и будетъ человѣкъ для уборки остальныхъ лошадей, то вышли Якова съ лошадьми (подкованными) въ Лапотково, пускай онъ тамъ переночуетъ и воскресенье ѣдетъ шажкомъ въ Сергіевское и тамъ тоже переночуетъ, ежели мы не пріѣдемъ въ этотъ день. Онъ привезетъ мнѣ твое письмо. Въ Лапотковѣ пускай онъ скажется на станціи, а въ Сергіевскомъ пускай стоитъ у Черемушкина* [1]). Овса можетъ взять съ собой верхомъ 2 мѣрки, и что недостанетъ—купить. Дорка [2]) ужъ вѣрно вамъ измѣнила. Ежели она не уѣхала, внушите Петру Ѳедорову, что веревку, къ которой она привязана, или цѣпь онъ не долженъ отпускать *ни на одну секунду*. Прощайте, цѣлую ручки тетенькѣ.

7.

Съ дороги. Въ апрѣлѣ или маѣ.

Соня! Я здоровъ, больше, чѣмъ въ Ясной, и ѣмъ, и сплю. Здѣсь всѣ здоровы. Машенька сдѣлала глупость, не дождавшись моего отвѣта. Я пріѣду завтра. Баба, которая принесетъ это письмо, нанята въ скотницы за 12 рублей въ годъ и 2 пуда муки, и $^1/_4$ мѣры крупъ. Прощай, не пишу больше, потому что думаю, что самъ буду прежде этой бабы. *Л. Толстой.*

8.

Съ пчельника, версты полторы отъ дома.

Зстроилось. Рамокъ нужно чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Посылаю рамки неподклеенныя. Пришли мнѣ струбцинки,—это

[1]) Купецъ, покупавшій хлѣбъ въ Ясной Полянѣ.

[2]) Дорка—желтый сеттеръ, наша любимая собака.

винты, чтобъ вынимать ульи. Двѣ были у садовника. У меня есть 4 пустыя рамки, а стекла ни одного. У меня голова болитъ. Пришли лошадь или заѣзжай за мной передъ обѣдомъ.

Іюнь. Все-таки *Левендуполо* [1]).

9.

Соня! Одинъ (рой) ушелъ и пойманъ. Два отроились. Когда отдѣлаешься дома, пришли мнѣ жаровенку и воскъ и за мной пришли лошадь и полотенце передъ обѣдомъ. Ивану Иванычу [2]) внуши, чтобъ онъ постарался найти плотниковъ завтра.

Левендуполо.

Что Сережа? Зелень тотъ разъ была признакомъ перехода къ лучшему.

Іюнь.

10.

Соня, найди кого-нибудь охотниковъ ѣхать сейчасъ въ Тулу; а ежели нѣтъ никого охотниковъ, то пошли Ивана шорника. Чтобъ онъ былъ дома въ 8-мъ часу. Нужно: 1) свезти записку къ Копылову [3]) и взять денегъ, 2) на почту, 3) у медовыхъ купцовъ Сушкиныхъ и др. спросить вощины. Какъ твой зубъ и ...?

Левендуполо.

Я хочу остаться здѣсь до 5-го часа. Два отроились.

Записки запечатай. Коли отъ Копылова не достанутъ денегъ, то пусть отдастъ записку Келлеру. Тогда только.

Іюнь.

11.

Съ дороги. Изъ Марьина [4]).

Забылъ тебѣ сказать очень важное: посылай каждый день Николку на пчельникъ присутствовать и сама вели себѣ сказы-

---

[1]) Такъ одно время прозвалъ себя Левъ Николаевичъ, а мнѣ это не нравилось.

[2]) Приказчикъ.

[3]) Купецъ, покупавшій хлѣбъ.

[4]) Эта и четыре слѣдующія записки безъ указаній мѣста и времени должны быть отнесены къ лѣту 1864 г.

вать, сколько и когда отроилось, и старостѣ вели смотрѣть. Это я пишу ужъ изъ Марьина.

12.

Я выдумалъ самое умное для тебя. Оставайся тамъ. Я здѣсь поужинаю и пріѣду на своихъ лошадяхъ за тобой черезъ часъ, чтобъ ѣхать прямо въ Ясную.

13. **Съ охоты.**

Я видѣлъ цѣлую ночь страшные сны про Сережу маленькаго и про твоего отца. Видѣлъ, что Сережа на уздѣ водилъ вокругъ себя скелетъ въ холодной комнатѣ. Я проснулся въ 4 ч. въ очень раздраженномъ и хорошемъ состояніи. Очень хочется писать, и знаю, что. Прощай, милая жена. А, можетъ быть, будетъ хорошая погода, тогда пріѣзжай ко мнѣ; въ два часа выѣзжай.

14.

Я ужасно наслаждался, читая всѣ эти письма [1]). И читалъ *съ тобой*. Читай и ты *со мной*. Какіе всѣ славные, милые. Всѣ твои. Лучше твой міръ, чѣмъ мой, поганый, съ работниками.

15. **Съ охоты.**

Доѣхали до Ново-Малахова хорошо. Линейка сломана. Коекакъ собрали, чтобъ довезти. Все бы у меня хорошо на душѣ, если бъ не то, что я тебѣ сказалъ передъ отъѣздомъ.—Напиши мнѣ съ первой почтой, всѣ ли вещи при линейкѣ, съ тѣмъ, чтобы дать на чай старостѣ.

Гр. Л. Толстой.

16.

Воскресенье, 9 авг. Съ охоты въ Чернск. уѣздѣ.

Поѣхали мы по старой дорогѣ. Въ 4-хъ верстахъ забѣжалъ я въ болотце и сдѣлалъ промахъ по бекасу. Потомъ около Пирогова,

---

[1]) Отъ моихъ родныхъ изъ Москвы.

у Иконскихъ выселокъ убилъ дупеля и бекаса. Таня и пропасть мальчишекъ деревенскихъ присутствовали и визжали. Въ Пироговѣ встрѣтили насъ Машенька, дѣти, Гриша; съ ними Сережа и тетенька [1]). Сталъ я подговаривать Машеньку ѣхать къ тебѣ. Теперь ей нельзя или не хотѣлось; а тетенька первое слово сказала, какъ мы тебя оставили одну, и поѣдетъ. Я подговаривался, чтобъ она ѣхала на другой день, но она не сказала, когда. Было бы очень хорошо все, если бъ не присутствіе Сережи и Т..., которое даетъ натянутость и неискренность всѣмъ отношеніямъ. Это пѣнье, выходы на балконъ и все мнѣ ужасно непріятно. Вся эта исторія много портитъ мнѣ жизнь. Постоянно неловко и боишься за нихъ обоихъ.

Только я успѣлъ пообѣдать, какъ сталъ собираться. Машенька дала телѣжку и лошадь, Келлеръ поѣхалъ со мной въ Воротынку. Это 12 верстъ отъ Пирогова. Вечеромъ мы ничего не нашли, кромѣ Бибикова, В. Н., возвращавшагося съ охоты съ того болота, куда мы ѣхали. Онъ увѣрялъ, что ничего нѣтъ дичи, но я уговорилъ его ѣхать ночевать съ нами. Я въ сараѣ съ Доркой тепло и безъ насѣкомыхъ спалъ отлично.

Утромъ, въ 4 часа, насъ разбудили выстрѣлы въ болотѣ, которое въ $^1/_4$ версты отъ деревни. Тамъ уже было пять человѣкъ охотниковъ. Мы пошли, я сдѣлалъ промахъ по дупелю, потомъ убилъ одного, и одного Келлеръ. Потомъ поѣхали искать дальше. И не нашли ничего, кромѣ охотниковъ, которыхъ въ этомъ мѣстѣ въ одинъ вчерашній день съѣхалось съ разныхъ мѣстъ 17 человѣкъ. Мнѣ бы надо было пріѣхать двѣ недѣли раньше, а то болото это знаменито, и въ него ѣдутъ со всѣхъ сторонъ.

Къ вечеру съѣхались мы съ другимъ молодымъ, женатымъ Бибиковымъ и молодымъ Маршочниковымъ, и тутъ, возвращаясь домой, нашелъ я и убилъ двухъ бекасовъ. Былъ уже 6-й часъ, когда мы подъѣзжали къ Пирогову. Бибиковъ, Николай, уговорилъ меня обѣдать у него (онъ по дорогѣ отъ Машеньки двѣ версты). Я заѣхалъ, отобѣдалъ съ горькимъ масломъ и хо-

[1]) Татьяна Александровна Ергольская.

тѣлъ ѣхать, какъ явился Сережа. Онъ совсѣмъ не зналъ, что мы тутъ просто катались со всѣми Зефиротами [1]) и заѣхали сюда. Домой ѣхали вмѣстѣ. Напились чаю, поужинали, и я легъ съ Доркой во флигелѣ, гдѣ, говорятъ, клопы; но я спалъ превосходно, и не знаю, есть или нѣтъ. У Сережи съ Т.... что-то было, я вижу по признакамъ, и мнѣ это очень непріятно. Ничего, кромѣ горя, и горя всѣмъ, отъ этого не будетъ. А добра не будетъ ни въ какомъ случаѣ.

Нынче всталъ,—всѣ спятъ, и вотъ досталъ тетрадь какую-то и пишу къ Сонѣ, безъ которой мнѣ жить плохо.

Вчера я возвращался въ Пирогово съ мыслью, что я нынче ѣду назадъ въ Ясную: такъ мнѣ стало страшно за тебя и Сережу, котораго видѣлъ во снѣ. И мнѣ досадно было, что тетенька не ѣдетъ и не уѣхала. Но когда тетенька объявила, что она ѣдетъ завтра съ Таней, я рѣшилъ, что поѣду въ Никольское [2]). Сомнительно, чтобъ я поѣхалъ дальше. Пиши же черезъ станцію. Можетъ, я нынче найду письмо въ Черни. Испортился я совсѣмъ. Ты говоришь, я забуду. Ни минуты, особенно съ людьми. На охотѣ я забываю, помню объ одномъ дупелѣ; но съ людьми—при всякомъ столкновеніи, словѣ—я вспоминаю о тебѣ, и все мнѣ хочется сказать тебѣ то, что я никому, кромѣ тебя, не могу сказать.

Нынче я буду въ Никольскомъ, завтра пробуду весь день, и, должно быть, больше никуда не поѣду, и послѣзавтра вернусь. Изъ Черни же тебѣ напишу.

---

[1]) Такъ называлъ Левъ Николаевичъ своихъ племянницъ Варю и Лизу по слѣдующему поводу: въ Ясную Поляну изрѣдка пріѣзжала монахиня тульскаго монастыря, Марья Герасимовна, крестная мать Маріи Николаевны. Разъ, пріѣхавши изъ Тулы, она разсказала, что въ газетахъ напечатано, что прилетѣли огромные—не то птицы, не то драконы, зовутъ ихъ Зефироты. Сначала Л. Н. говорилъ про меня и сестру Таню: „жили, жили съ тетенькой покойно, и прилетѣли къ намъ эти Зефироты“. Потомъ онъ перенесъ это названіе и на племянницъ.

[2]) Имѣніе Толстыхъ въ Черниговѣ уѣздѣ.

17. **10 августа.**

Вотъ опять вѣрнѣйшій случай: Фетъ везетъ [1]). Я вчера пріѣхалъ въ Никольское въ 8. Страшный тамъ случай, поразившій меня ужасно [2]). Баба скотница упустила бадью въ колодезь на конномъ дворѣ. Колодезь всего 12 аршинъ. Сѣла на палку и велѣла себя опустить мужику. Мужикъ-староста, пчеловодъ, единственный мнѣ знакомый и милый въ Никольскомъ. Баба слѣзла внизъ и упала съ палки. Мужикъ-староста велѣлъ себя спустить, долѣзъ до половины, упалъ съ палки внизъ. Побѣжали за народомъ, вытащили черезъ полчаса, оба мертвые. Въ колодцѣ было всего 3 четверти воды. Вчера хоронили.

Спалъ я скверно, мухи заѣли. Всталъ въ 10 и получилъ письмо, что Фетъ тутъ и сейчасъ ѣдетъ. Я поѣхалъ къ Борисову и отъ него пишу. Фетъ боленъ и мраченъ. Не хочетъ къ намъ заѣхать. Хозяйство въ Никольскомъ превосходно, но урожай не слишкомъ хорошъ. Завтра я осмотрю земли и, должно быть, буду готовъ. Грустно, что мы не могли пожить вмѣстѣ въ Никольскомъ. Фетъ сидитъ и чешетъ каламбуры такъ что *страсть*, и развлекаетъ. Борисовъ дастъ собаку. Прощай, милая. Нынче посылаю въ Чернь. Авось привезутъ твое письмо. У Борисова пропасть сливъ, и Фетъ говоритъ, что здѣсь живутъ *и счастливы—ища сливы*. Цѣлую крѣпко. Сережѣ: атата, атата...

18. **На слѣдующій день.**

Нынче 11-е. Я, наконецъ, выспался. Утро чудесное; и, уже ничѣмъ постороннимъ не развлекаясь, я намѣренъ заняться цѣлый день проектами разверстанія, осмотра земли для хутора, скотины и т. д. Вчера я писалъ тебѣ съ Фетомъ. Боюсь только, что онъ не доставилъ тебѣ письма. День вчерашній провелъ у Борисова. Правда твоя, что Борисовъ этотъ непріятный человѣкъ. Все у него хорошо: какъ обстроенъ, какой обѣдъ, лошади, со-

[1]) Т.-е. письмо.

[2]) Описано въ Книгахъ для чтенія Л. Н. Толстого.

баки, оранжереи—все отлично. Къ чему человѣку съ сумасшедшей женой заводить все это? Мальчикъ его очень собой милъ, здоровъ, энергиченъ, но непріятенъ и *страшно* похожъ на мать. Я увѣренъ, что онъ кончитъ тѣмъ же, чѣмъ мать. Гости у него были: сестра его жены, глупая и резонерка, толстая помѣщица, и Нарышкинъ, молодой, женатый человѣкъ, страстный охотникъ, деревенскій житель и сосѣдъ Кирѣевскаго [1]). Онъ зналъ тебя дѣвочкой. Они жили въ Покровскомъ, и А. Е. [2]) съ Жюлькой его учили стрѣлять.

Ѣздили на охоту около дома, и Борисовъ протравилъ постыднымъ образомъ русака. Такъ, что и не хочется у него брать собакъ. Чулковъ, отсюда 20 верстъ, продаетъ 6 борзыхъ и 5 гончихъ, и отличныхъ собакъ. Но я не рѣшаюсь. Какъ ты скажешь? Шеншина, несмотря на то, что она дура, сказала мнѣ, что отъ *всѣхъ* она слышала похвалы тебѣ. Еще бы! А Кирѣевскій говоритъ Нарышкину, у котораго жена должна такъ же родить, какъ ты, что стыдно охотнику пригонять дѣло такъ, чтобы роды были въ охотничью пору.

Доходъ съ Никольскаго нынѣшній годъ будетъ около 4000 по теперешнимъ цѣнамъ, да стараго хлѣба на 1000 руб. Заплатить надо въ Совѣтъ 1900 да Дохтурову 1500, и того около 2500 останется... Я считаю самое малое. Теперь, ежели ничего не случится, я нынче окончу всѣ дѣла и выѣду въ ночь, ежели буду свѣжъ; ежели жъ очень устану, то выѣду завтра утромъ и вечеромъ почувствую твой арбузъ [3]) и увижу твое лицо милое. Прощай, голубчикъ, Сережѣ кланяйся и не вели капризничать, а атата, атата...

19. 12 августа. Г. Чернь.

А я-то тебя какъ люблю! Голубчикъ, милый. Всю дорогу ѣхалъ до Черни и думалъ: нѣтъ, непремѣнно произойдетъ какая-нибудь

---

[1]) Кирѣевскій, богатый помѣщикъ, страстный охотникъ.

[2]) Андрей Евстаѳьевичъ Берсъ, мой отецъ.

[3]) Беременность, уже очень поздняя.

путаница съ письмами и я не получу въ Черни. Пріѣзжаю, и бывшій приказчикъ Томаса—какое милое лицо у этого приказчика—говоритъ: а вы не изволили получить письма? А я такъ проголодался, занялся супомъ, что еще не спросилъ. Какое письмо милое, и ты милая! Я спокоенъ, и по письму вижу, что ты не въ веселомъ, но очень хорошемъ состояніи. Я къ Фету и къ Кирѣевскому не думаю ѣхать, à moins qu'il n'arrive quelque chose d'extraordinaire. Въ Никольское не ѣхать и вернуться къ тебѣ, какъ я хотѣлъ, было совѣстно и притомъ нужно, а удовольствія безъ тебя для меня быть не можетъ, кромѣ охоты. Охоты же у Кирѣевскаго и Фета быть не можетъ. Я обдумалъ это теперь. Что ежели бы мнѣ ѣхать къ Кирѣевскому, то надо бы списаться и пріѣхать къ его выѣзду. Я не отмѣняю срокъ 15-го числа, а только самъ постараюсь пріѣхать раньше. Теперь 7 часовъ. Я въ Черни. Стало быть, въ Никольскомъ только съ завтрашняго дня. И надо же осмотрѣть наконецъ и узнать хорошенько это имѣнье, которое я не знаю и не видѣлъ, несмотря на то, что 5-й годъ имъ живу. Разспроси Таню, въ какомъ духѣ былъ нынче Сережа большой. Пресмѣшно. Уѣзжая отъ Машеньки, я зашелъ въ болотце, около дороги. Вижу, ѣдутъ Сережа, Гриша и Келлеръ. Думаю себѣ: вотъ они ѣдутъ, я увижусь, поговорю, только страшно хочется, надо сходить скорѣе, чтобъ свободно съ ними быть. Я сѣлъ въ болото... Подъѣзжаетъ Сережа, и надутый.—Прощай, прощай... Я въ полной увѣренности, что онъ въ этомъ пассажѣ видѣлъ что-нибудь особенное и ему въ пику сдѣланное. Вслѣдствіе ли это его характера или отношеній къ Т., или вслѣдствіе моего характера, только онъ мнѣ тяжелъ, тяжелъ и тяжелъ. Я нынче еще себя спрашивалъ: не я ли виноватъ въ томъ? Но нѣтъ. Тетенька мнѣ мила. Машенька чудо какъ мила и пріятна; Зефироты—говорить нечего, а онъ связываетъ, стѣсняетъ меня.

Дорогой встрѣтилъ знакомаго архитектора и пригласилъ его къ себѣ. Онъ будетъ около 16-го. Я на своихъ лошадяхъ доѣхалъ до Красныхъ дворовъ, 18 верстъ за Сергіевское, и послалъ ихъ

кормиться къ Черемушкину до моего возвращенія. Скажи Ивану Ивановичу, чтобъ онъ приказалъ лошадей въ конюшнѣ убирать хоть Кондратію. Еще скажи ему, чтобъ лучшую землю (самую навозную), 2 десятины, онъ бы не засѣвалъ, а оставилъ подъ пшеницу, которую привезутъ изъ Никольскаго. Въ выборѣ земли пусть онъ спроситъ совѣта Тимоѳея старосты. Еще скажи ему, чтобъ онъ посмотрѣлъ саженый клеверъ,—не перепустить бы его, т.-е. какъ бы головки не свалились. Еще сѣмянной же клеверъ, за рощей, надо обирать. Послать туда 10 дѣвочекъ и Соню [1]) съ ними, если хорошая погода, и щипать головки, класть въ фартуки, а изъ фартуковъ въ телѣгу. Надѣюсь, двѣ Тани [2]) у тебя, цѣлуй ихъ отъ меня. А о тебѣ ничего не говорю. Въ этотъ разъ я чувствую, какъ ты мнѣ много еще ближе стала.

Осенью 1864 года Левъ Никол. ѣздилъ часто на охоту съ борзыми и въ концѣ сентября упалъ вмѣстѣ съ лошадью въ водомоину, сломалъ себѣ руку и выбилъ ее изъ плеча. Вправили неудачно тульскіе доктора, рука срослась неправильно; рѣшилъ Левъ Ник. ѣхать въ Москву, вновь вправить руку, и 21 ноября уѣхалъ. Я осталась съ только что родившейся дочерью Таней въ деревнѣ. Переписка шла въ ноябрѣ и декабрѣ.

20. **24 ноября. Москва.**

Опять вечеръ, у Тани на столѣ пишу тебѣ, пріѣхавъ изъ театра. Ужъ мнѣ кажется, что я не могъ бы заснуть, не написавъ тебѣ. Все, что дѣлаю днемъ, думаю: «вотъ это напишу Сонѣ». Поповъ [3]) vaguement сказалъ мнѣ вчера, чрезъ Петю, на мое письмо, чтобъ я пріѣзжалъ въ половинѣ десятаго въ больницу. Я думалъ, что онъ согласится дѣлать въ тотъ же день операцію,

---

[1]) Меня, Софью Андреевну.

[2]) Тетенька Татьяна Александровна и сестра Татьяна Андреевна.

[3]) Докторъ хирургъ.

сговорившись съ Басовымъ [1]). Но оказалось, что Екатерининъ день (24)—у нихъ праздникъ, и онъ хотѣлъ только меня показать своему ассистенту, а дѣлать операцію рѣшительно отказался до завтра. Ассистентъ его, который знаетъ больше его, и онъ самъ опять сказали то же, что шансовъ удачи очень мало. Пріѣхавъ домой, я разсказывалъ Андрею Евстаѳьевичу; онъ сталъ мнѣ представлять резоны, что править не надо (Любовь Александровна [2]) тоже того мнѣнія). Стали мнѣ представлять примѣры Трифоновны [3]) съ невправленной ногой и хорошо ходящей, мужика-охотника въ Покровскомъ съ невправленнымъ вывихомъ руки и дѣйствующаго ею, такъ что я въ самомъ дѣлѣ пришелъ въ нерѣшительность, тѣмъ болѣе тяжелую, что 3-й день все въ ней, а я уже, было, такъ хорошо рѣшился, что утромъ хотѣлъ непремѣнно сдѣлать операцію и для того бралъ съ собою Алексѣя [4]). А. Е. увѣрялъ и доказывалъ, что рука, хотя и не на мѣстѣ, все будетъ улучшаться и улучшаться и мѣсяцевъ черезъ шесть дойдетъ до совершенной свободы движеній. Чтобы выйти изъ самаго сквернаго состоянія нерѣшительности, я придумалъ слѣдующее: послать за Анке [5]) и попросить его, чтобы онъ со мной вмѣстѣ поѣхалъ къ Иноземцеву [6]), и спросить у Иноземцева, что какъ бы онъ посовѣтовалъ своему хорошему пріятелю, находящемуся въ моемъ положеніи: дѣлать или не дѣлать операцію? Написали къ Анке, я между тѣмъ сѣлъ писать и чувствую себя нынче вообще хорошо. Написалъ листъ недурно [7]). Пріѣхалъ докторъ, гимнастъ, который ежедневно мнетъ животъ

---

[1]) Тоже хирургъ.

[2]) Моя мать.

[3]) Кухарка, прожившая въ нашей Берсовской семьѣ болѣе 35 лѣтъ.

[4]) Алексѣй Степановичъ Орѣховъ, преданный слуга Льва Николаевича, бывшій съ нимъ въ Севастополѣ. Крестьянинъ Ясной Поляны.

[5]) Старый врачъ, пріятель моего отца, профессоръ, деканъ медицинскаго факультета.

[6]) Извѣстный въ то время докторъ.

[7]) Романъ „Война и миръ“.

А. Е.,—показалъ ему руку. Онъ сказалъ, что не понимаетъ, что хотятъ дѣлать хирурги; что у него былъ случай хуже моего, и совершенно получилъ владѣнье, и увѣрялъ, что въ 6 мѣсяцевъ, дѣлая гимнастику по его наставленіямъ, я могу получить всѣ движенія руки. Онъ повертѣлъ руку, и я почти увѣренъ, что онъ правъ. Несмотря на то, разъ положивши, я все оставался въ намѣреніи исполнить то, что посовѣтуетъ незаинтересованный авторитетъ, какъ Иноземцевъ.

Съ Петей [1]) мы рѣшили итти до обѣда въ Зоологическій садъ: я—посмотрѣть брамапутровъ и пройтись, онъ—кататься на конькахъ. Таня пошла съ нами. Мы славно болтали всю дорогу. Она говоритъ, что ей и грустно, и скучно, и все оговаривается, что она не жалуется, а между тѣмъ она права. Пасмурно въ Кремлѣ; что за странность: Л. А. и А. Е. любятъ другъ друга, и оба какъ будто взяли себѣ цѣлью жизни раздражать другъ друга изъ всякихъ пустяковъ, портятъ себѣ жизнь и всѣмъ окружающимъ, особенно дочерямъ. Эта атмосфера раздраженія такъ тяжела даже для постороннихъ. Вѣрно, что бы ни было, у насъ такъ не будетъ, милая моя душенька Соня, кормящая за ширмами, какою я тебя всегда вижу. За обѣдомъ и все послѣобѣда придирки, раздраженія съ обѣихъ сторонъ, что все страшно, все неловко. Собрались въ театръ смотрѣть новую комедію Островскаго «Шутники». Но такъ какъ Анке отвѣчалъ, что пріѣдетъ вечеромъ, отложили, опять послѣ столкновенія между родителями. Пріѣхалъ Анке и отсовѣтовалъ обращаться за совѣтомъ къ Иноземцеву, и совѣтовалъ обратиться къ Рудинскому, главному доктору военнаго госпиталя, который по его словамъ знаетъ дѣло больше Попова и Басова. Послали Алексѣя съ письмомъ къ Рудинскому и получили отвѣтъ, что онъ будетъ завтра, въ 12 часовъ; и опять я жду его совѣта, и по его совѣту рѣшительно буду дѣлать операцію или нѣтъ. Всѣ средства употреблю, чтобъ операція была сдѣлана завтра же, и, разумѣет-

[1]) Мой братъ, Петръ Андреевичъ Берсъ.

ся, ты получишь телеграмму. Анке, бѣдный, сначала отказался отъ предложеннаго хереса, а потомъ выпилъ, и грустно пошутилъ что-то съ Трифоновной, и уѣхалъ. Л. А. съ барышнями уѣхала въ театръ, и я поѣхалъ за ними. Я засталъ конецъ 2-го дѣйствія. Изъ деревни всегда мнѣ покажется все дико, ломаньемъ и фальшью; но приглядишься, и опять нравится. Комедія трогательна, даже слишкомъ. Въ театрѣ приходили Оболенскій маленькій и Геничка Ауэрбахъ. Ю. Ѳ. и Sophie тамъ были. Я самъ добрый нынче вечеромъ, и всѣ мнѣ кажутся добрыми. Пріѣхавъ, поужинали, и я въ кроткомъ и добромъ расположеніи, но со страхомъ за тебя и за всю дѣтскую, и думать. Еще нѣтъ отъ тебя письма. Ежели что дурно, *телеграфируй* пожалуйста, и телеграфируй до тѣхъ поръ, пока не будетъ лучше. Прощай, душа, и двухъ недѣль не проживу здѣсь.

21. **25 ноября.**

Нынче утромъ я послалъ третью телеграмму, въ которой говорю, что операціи дѣлать не буду. Вотъ какъ было дѣло утромъ: сидѣлъ дома, ожидалъ Рудинскаго, заѣхалъ случайно еще Вендрихъ. Показалъ ему, и онъ сказалъ, что править не надо, хотя и признавалъ, что рука не на мѣстѣ, и привелъ три случая вправленія застарѣлыхъ вывиховъ, которые всѣ остались безуспѣшны. Ему я не повѣрилъ и ждалъ Рудинскаго, на слова котораго я какъ будто загадалъ—сдѣлать, что онъ скажетъ, что бы то ни было. Я впередъ просилъ А. Е. не говорить съ нимъ прежде меня и предоставить объяснить одному мнѣ. Онъ смотрѣлъ внимательно и рѣшилъ, что ломать не надо, что былъ переломъ (это призналъ и Поповъ), и что полному вправленію могла помѣшать какая-нибудь подвернувшаяся подъ головку связка, и что кромѣ того пустое пространство, которое не занято костью руки, теперь ужъ навѣрное выполнилось хрящомъ (это тоже говоритъ Поповъ), и что поэтому пробовать нечего. Онъ говорилъ, что рука очень, очень мало не на мѣстѣ, и что владѣть ею я буду гораздо лучше,

чѣмъ теперь; что теперь я не владѣю преимущественно оттого, что при бездѣйствіи всѣ мускулы исхудали, и въ мускулахъ было произведено растяженіе и ушибомъ параличное состояніе, которое можетъ пройти и само собою, и при употребленіи іодистой мази, которая произведетъ наружное воспаленіе. Это я сдѣлаю завтра; главная же моя надежда на гимнастику. Фоссъ увѣрялъ вчера, что у него были такіе случаи, излѣчиваемые совершенно, и что для этого потребуется мѣсяцевъ шесть. Онъ говорилъ, что надо это дѣлать ему самому, слѣдовательно въ Москвѣ, на что я, разумѣется, не соглашусь, и думаю сдѣлать вотъ какъ: начавъ съ завтрашняго дня, буду его приглашать каждый день ко мнѣ для упражненій и продолжу это недѣлю или 10 дней. Алексѣй будетъ присутствовать и учиться; и ежели замѣчу пользу, то по его инструкціи буду продолжать то же самое. Къ несчастью, онъ долженъ былъ пріѣхать нынче къ А. Е. и почему-то не былъ, такъ что я всего съ нимъ не переговорилъ. А впрочемъ будетъ, что будетъ. Я очень мало буду тужить, если рука безъ боли останется въ теперешнемъ даже положеніи, и ежели бы я зналъ, что ты смотришь такъ же, то былъ бы совершенно спокоенъ. Отъ тебя все нѣтъ письма. Нынче утромъ я опять писалъ охотно; потомъ пріѣхалъ маленькій Оболенскій, который, кажется, хочетъ faire la cour Лизѣ, и С—нъ, который что-то похудѣлъ и сталъ похожъ на стараго камеръ-лакея. Оба наскучили. Потомъ Анке еще хуже наскучилъ, сидя весь обѣдъ и весь вечеръ. А. Е. тоже тяжелъ своей непрестанной, томящей заботой о своемъ здоровьѣ, которое было бы дѣйствительно много лучше, ежели бы онъ меньше о немъ заботился, воздерживался бы. Вечеромъ поѣхали опять въ Малый театръ всѣ, безъ Тани, въ новую дурацкую пьесу, но все хорошо бы было, только не для меня. Мнѣ все скучно здѣсь, кромѣ моей работы и пѣнья Тани. Она плоха. Безпрестанно плачетъ и молчитъ почти такъ же, какъ было первое время. Получили отъ Саши письмо очень хорошее, только и мечтаетъ, что о поѣздкѣ въ Ясную Поляну. До сихъ поръ я только и былъ озабоченъ своей рукой; теперь,

когда это дѣло рѣшено, я завтра добьюсь отвѣта отъ Каткова и или у него или отдѣльной книжкой начну печатать. Матеріаловъ я много досталъ здѣсь. Что ты? Что въ дѣтской? Прощай, милый другъ. Завтра, можетъ, еще припишу, а теперь 11-й часъ, и усталъ очень; я все послѣобѣда дѣлалъ гимнастику своей рукой.

22. **27 ноября.**

Вчера въ первый разъ не успѣлъ написать тебѣ вечеромъ въ тотъ же день и теперь пишу тебѣ утромъ, еще всѣ спятъ, чтобъ поспѣть до 9-ти на почту. Посылай, пожалуйста, Кондратія или Сережку каждый день. Не успѣлъ я написать вчера оттого, что зачитался Рославлевымъ. Понимаешь, какъ онъ мнѣ нуженъ и интересенъ [1]). Вчерашній день никуда не выѣзжалъ, ожидая гимнаста Фосса, и пробовалъ, было, писать, но негдѣ, мѣшаютъ, да и не въ духѣ былъ, должно быть. Не весело, совсѣмъ не весело въ Кремлѣ. А. Е. только и говоритъ, что о своей болѣзни, которую онъ видитъ въ кишкахъ. Лиза [2]) тихо сидитъ и шевелится по своимъ дѣламъ, а Таня плачетъ цѣлые дни, какъ вчерашнее утро. О чемъ,—не добьешься, или все о томъ же, или о томъ, что ей скучно. Это правда. Года три-два тому назадъ былъ вашъ цѣлый міръ—твой и ея, съ влюбленьями разными и ленточками, и со всей поэзіей и глупостью молодости; а теперь вдругъ и послѣ нашего міра, ей очень полюбившагося, и всѣхъ передрягъ, т.-е. чувства, испытаннаго ею, она, вернувшись домой, не нашла больше этого міра, который у ней былъ съ тобой, а осталась добродѣтельная, но скучная Лиза, и поставлена она лицомъ къ лицу, т.-е. ближе къ родителямъ, которые вслѣдствіе болѣзни стали тяжелы. Ну, записались на коньки, сдѣлали шапочку мерлушечью, записались въ концерты, но этого ей мало... Поговорилъ я съ ней, но говорить и скучно и грустно. Потомъ пришелъ

---

[1]) Въ связи съ писавшейся уже „Войной и миромъ“.

[2]) Моя старшая сестра.

Любимовъ [1]) отъ Каткова [2]). Онъ завѣдуетъ «Русскимъ Вѣстникомъ». Надо было слушать, какъ онъ въ продолженіе, я думаю, 2-хъ часовъ торговался со мной изъ-за 50 рублей за листъ и при этомъ, съ пѣной у рта, по-профессорски смѣялся. Я остался твердъ и жду нынче отвѣта. Имъ очень хочется, и вѣроятно согласятся на 300 руб., а я, признаюсь, боюсь издавать самъ, хлопотъ и съ типографіей, и, главное, съ цензурой.—Послѣ него пошелъ я гулять къ Фоссу. Какъ на бѣду, когда я хотѣлъ начинать, его два дня не было. За обѣдомъ позвонили,—газеты; Таня все сбѣгала; позвонили другой разъ—твое письмо. Просили всѣ у меня читать, но мнѣ жаль было давать его. Оно слишкомъ хорошо, и они не поймутъ, и не поняли. На меня же оно подѣйствовало, какъ хорошая музыка: и весело, и грустно, и пріятно—плакать хочется. Какая ты умница, что пишешь, чтобъ я никому не давалъ читать моего романа; ежели бы даже это было не такъ умно, я бы исполнилъ потому, что ты хочешь.—Между родителями не было столкновеній за солонину и т. п., и Таня послѣ обѣда развеселилась (молодость беретъ же свое), и было пріятно. Я собрался съ Петей и Володей въ баню, а Таня съ мама на Кузнецкій мостъ. Послѣ бани мнѣ дали Рославлева, и за чаемъ слушалъ разговоры и, слушая пѣнье Тани, все читалъ съ наслажденіемъ, котораго никто, кромѣ автора, понять не можетъ. А. Е. сварилъ какао и неотступно гонитъ меня пить. Прощай. Рука болитъ, но я надѣюсь. Мазалъ іодомъ, и нынче во что бы то ни стало сыщу Фосса. Прощай, милая; пиши и посылай въ Тулу каждый день. Да, вотъ, подумай и объясни: третьяго дня былъ Саша Купфершмидтъ [3]), я съ нимъ часа два разговаривалъ объ охотѣ; и вчера сошелъ къ нянѣ и съ ней о дѣтяхъ и раз-

---

[1]) Ник. Ал. Любимовъ былъ профессоромъ физики въ университетѣ, а потомъ служилъ въ ред. „Русскаго Вѣстника“.

[2]) Михаилъ Никиф. Катковъ, извѣстный публицистъ, редакторъ „Русскаго Вѣстника“ и „Московскихъ Вѣдомостей“.

[3]) Скрипачъ Малаго театра, товарищъ по ружейной охотѣ съ моимъ отцомъ.

ныхъ казусахъ говорилъ; и повѣришь ли, что эти два разговора были пріятнѣе всѣхъ, которые я имѣлъ во все время пребыванія моего въ Москвѣ, включая и Любимова, и Сухотина, и Тютчеву [1]). Чѣмъ больше я сталкиваюсь съ людьми теперь, выросши большой, я убѣждаюсь, что я совсѣмъ особенный человѣкъ, и отличаюсь только тѣмъ, что нѣтъ во мнѣ прежняго тщеславія и мальчишества, которыя рѣдко кого оставляютъ.

Письма, диктованныя сестрѣ Танѣ послѣ операціи вновь вправленной руки.

23. 29 ноября.

Вотъ тебѣ отчетъ за два дня. Когда мнѣ сказали, и я повѣрилъ, что гимнастика одна сдѣлаетъ пользу, я сталъ махать рукой, и долженъ признаться, что она пришла въ скверное состояніе, что я очень унылъ, и въ этомъ унынiи поѣхалъ къ Редлиху [2]); когда Редлихъ, у котораго была выгода брать съ меня деньги, на гимнастикѣ сказалъ, чтобъ я правилъ, то я окончательно рѣшился; по чистой правдѣ, рѣшился я наканунѣ въ театрѣ, когда музыка играетъ, танцовщицы пляшутъ, Michel Боде [3]) владѣетъ обѣими руками, а у меня, я чувствую, видъ кривобокій и жалкій, въ рукавѣ пусто и ноетъ; а главное же, нервное разстройство, подъ вліяніемъ котораго я пріѣхалъ изъ Ясной, совершенно прошло, и я вспомнилъ твои слова: не слушаться Андрея Евстаѳьевича, что онъ меня собьетъ; такъ и вышло.

Въ этотъ день особенно дѣятельно ходилъ по книжнымъ лавкамъ, докторамъ, и хотя я чувствовалъ, что всѣхъ Берсовъ смутилъ своимъ рѣшеніемъ править, я былъ очень веселъ, поѣхалъ въ оперу, мнѣ было очень пріятно и отъ музыки, и отъ вида различныхъ господъ и дамъ, которые для меня все типы. Бояться хлороформа и операціи мнѣ было даже совѣстно думать, несмотря

---

[1]) Екатерина Ѳедоровна Тютчева, дочь поэта.

[2]) Владѣлецъ водолѣчебнаго и гимнастическаго заведенія.

[3]) Свѣтскій человѣкъ, сынъ начальника дворцовой конторы въ Москвѣ.

на то, что ты обо мнѣ такого низкаго мнѣнія; непріятно мнѣ было остаться безъ руки немного для себя, но право больше для тебя, особенно послѣ разговора съ Таней, который меня еще больше въ этомъ убѣдилъ. Я шелъ навѣрное на то, что не исправятъ; но дѣлалъ это, чтобы избавить себя отъ своихъ же упрековъ въ будущемъ, и самъ удивлялся, какъ я могъ разными Анками, Вендрихами и толками дать себя сбить до того, что потерялъ почти цѣлую недѣлю. Въ этотъ же день и на другой день не писалъ тебѣ оттого, что Поповъ нерѣшительно обѣщалъ пріѣхать въ субботу, 28-го, а я въ письмѣ своемъ долженъ былъ тебя обманывать или страшно встревоживать. Забылъ, было, описать свиданіе съ Любимовымъ передъ операй; онъ пріѣхалъ отъ Каткова и, опять слюняво смѣясь, объявилъ, что Катковъ согласенъ на всѣ мои условія, и дурацкій торгъ этотъ кончился, т.-е. я имъ отдалъ по 300 рублей за листъ первую часть романа, которую онъ съ собою и увезъ. Но когда мой porte-feuille опустѣлъ и слюнявый Любимовъ понесъ рукописи, мнѣ стало грустно именно за то, за что ты сердишься,—что нельзя больше переправлять и сдѣлать еще лучше.

Теперь слѣдующій день, мое памятное 28-е. Съ утра начались необыкновенныя событія и суетня во всемъ домѣ, какъ-то: барышни, уступивши мнѣ комнату, переносились; второе: Анночка ma chère со стиркой, произведшей тоже не малое волненіе; потомъ третье: мама съ дѣвами, Степой, Лалой, няней поѣхали въ баню; четвертое: пріѣхала Захарьина,—тоже событіе; пятое: полотеры, которые, мѣшаясь со всѣми на дорогѣ, танцовали при этомъ по комнатамъ; шестое: портниха съ шубками, и наконецъ седьмое: ожиданіе Попова и операціи. Операцію тебѣ описала Таня, которая обо всемъ могла имѣть бо́льшее понятіе, чѣмъ я; я знаю только, что не чувствовалъ никакого страха передъ операціей и чувствовалъ боль послѣ нея, которая скоро прошла отъ холодныхъ компрессовъ.

Ухаживали и ухаживаютъ за мной такъ, что желать нечего, и только совѣстно; но, несмотря на все, вчера съ разстроенными

первами послѣ хлороформа, особенно послѣ твоихъ писемъ, которыя пришли четверть часа послѣ операціи, я Богъ знаетъ какъ хотѣлъ, чтобы ты тутъ была.

Боль утихала очень скоро, и къ вечеру было только неловко и скверно отъ оставшагося во мнѣ хлороформа. Въ этотъ вечеръ мнѣ все хотѣлось ходить и какъ можно больше дѣлать. Я послалъ Петю за книгами къ Ешевскому [1]), и Перфильевы [2]), узнавъ отъ него объ операціи, вчетверомъ, молодая и старая чета, пріѣхали къ намъ; Васенька [3]) игралъ въ Тамбовѣ съ Ольриджемъ Макбетъ, роль шотландскаго короля, и Настасья Сергѣевна показывала Васенькину карточку въ шотландскомъ костюмѣ и подвѣшенной бородой; хочу снять копію съ этой карточки для Сережи, въ pendant съ m-lle Baumgarten [4]). Я воспользовался Перфильевыми для себя очень пріятно, заведя Степана Васильевича на разсказы о 12-мъ годѣ.

Ночь провелъ хорошо, и нынче утромъ помощникъ Попова, Гаакъ, пріѣхалъ, перевязалъ, сказалъ слѣдующее: положеніе руки стало много лучше, но на линію все-таки выдалась впередъ плечевая кость, и что надо предполагать, что буду владѣть рукой свободно, хотя немного не совсѣмъ такъ, какъ лѣвой; неподвижность руки и бинтъ—дѣло первой важности; черезъ три дня можно будетъ сказать опредѣлительнѣе; черезъ двѣ недѣли можно будетъ ѣхать домой; вообще положеніе руки стало навѣрное лучше, чѣмъ было. Поповъ, пріѣхавшій послѣ, подтвердилъ то же и такъ же неопредѣленно. Гаакъ и Поповъ будутъ ѣздить. Вчера я ничего не ѣлъ, а сегодня явился прекрасный аппетитъ, и чувствую себя очень хорошо. Вчера послали телеграмму безъ адреса въ домъ Руднева, и, боясь, что она не дойдетъ, нынче по-

---

[1]) Профессоръ.

[2]) Семья жандармскаго генерала Ст. Вас. Перфильева.

[3]) Василій Степановичъ Перфильевъ, впослѣдствіи московскій губернаторъ, другъ Льва Николаевича.

[4]) Гувернантка племянницъ: Вари и Лизы Толстыхъ, сдѣлавшая свою фотографію въ арабскомъ мужскомъ костюмѣ.

слалъ тебѣ другую. Нервы еще не совсѣмъ въ порядкѣ, и потому нынче не писалъ, хотя Лиза вызывается писать подъ диктовку; о Танѣ же я тебѣ разскажу, какъ она мила. Папа говоритъ, что онъ плакалъ, читая твое письмо ко мнѣ; я едва удерживался, чтобы не дѣлать того же самаго. Сейчасъ получилъ вашъ большой пакетъ. Прощай, пиши и посылай въ Тулу за моими письмами каждый день. Воздерживаюсь отъ разныхъ вещей, которыя хотѣлъ бы написать о тебѣ самой и дѣтяхъ, оттого что эти вещи надо самому говорить и писать, а диктовать неловко. Цѣлую милыхъ Зефиротовъ, и Машеньку, и Сережу, который, надѣюсь, у васъ, такъ какъ ты купила вина, и прошу и надѣюсь на Сережу и Машеньку, что если что неблагополучное у насъ случится, они меня сейчасъ извѣстятъ телеграммой; хотя этимъ дѣлу и не поможешь, но зато я буду всегда спокоенъ, не получая телеграммы. Тетенькѣ цѣлую руки, которыя поднимаются; теперь я не могу видѣть и говорить о рукѣ, не думая о томъ, что она хорошо подымается.

Цѣлую тебя въ дѣтской, за ширмами, въ сѣромъ капотѣ.

24. 1 декабря.

Здоровье очень хорошо, но—главный предметъ—рука остается подъ сомнѣніемъ. Сейчасъ былъ докторъ, перевязалъ въ третій разъ послѣ операціи, не позволяетъ дѣлать ни малѣйшаго движенія, обѣщаетъ, что буду владѣть рукой, но признается, что хотя кость и въ лучшемъ положеніи противъ прежняго, но все не на мѣстѣ. Совѣсть моя спокойна; я все попробовалъ, что можно было, а ужъ такъ надоѣло и думать, и говорить о ней. Теперь отчетъ о моей жизни:

О вчерашнемъ днѣ писала тебѣ Таня; отчего я не писалъ, самъ не знаю, кажется, усталъ, да и весь день для всѣхъ былъ, несмотря на свою торжественность [1]), тяжелый и скучный. Кто ни пріѣдетъ: и Дьяконова, и Перфильева Варенька и Саша Куп-

[1]) 30-го ноября именины моего отца.

фершмидтъ—все люди хорошіе и показываютъ участіе, а Богъ знаетъ отчего,—не только скучно, но тяжело; какъ будто подъ наказаніемъ сидишь съ ними. Какъ въ житьѣ нашемъ оказалось, что намъ дома не надо, а достаточно одной дѣтской, такъ и въ жизни, съ тѣхъ поръ, какъ я выросъ большой, вижу, что никого не нужно, кромѣ пяти-шести человѣкъ самыхъ близкихъ людей. Мнѣ всегда бывало досадно, совѣстно, когда мы говорили про Любовь Александровну, что все въ ней хорошо, а сердце не очень къ ней лежитъ. Въ этотъ пріѣздъ, а особенно вчера вечеромъ, когда всѣ уѣхали, мы очень хорошо разговорились, и я очень ее полюбилъ. Говорили не о чемъ-нибудь необыкновенномъ—объ ея молодости, объ исторіи Ш—хъ, о васъ всѣхъ и о ея супружескихъ отношеніяхъ, и у нея глаза особенно блестѣли, и выходило очень хорошо. Судишь строго оттого, что мы съ тобой избалованы и окружены слишкомъ хорошими людьми, а она очень, очень хорошая, милая и главное умная женщина, въ чемъ я прежде сомнѣвался.

Веселѣе всего, даже Армфельда, бланманже, и шума, и Николая Богдановича (Анке), было вчерашній день то, что мы съ Таней и Петей въ пристройкѣ повторяли все: Са-а-шъ Куп-фершмидтъ! (!!!staccato) этакимъ голосомъ. Впрочемъ, Саша Купфершмидтъ, Петръ Гавриловичъ, няня и многое мнѣ особенно странно и пріятно потому, что напоминаетъ тебя дѣвочкой и когда ты была невѣстой, и это хорошее чувство я второй разъ испытываю, живя безъ тебя въ Кремлѣ. Я все шучу, а у тебя что дѣлается? Послѣ твоего большого конверта я ничего не получалъ, и грустно очень становится иногда безъ тебя, тѣмъ болѣе, что эти два дня не пишется. Я вчера объяснялъ Танѣ, почему мнѣ легче переносить разлуку съ тобой и съ дѣтьми (я чувствую однако здѣсь, что я ихъ еще мало люблю),—у меня есть постоянная любовь и забота о моемъ дѣлѣ писанья. Ежели бы этого не было, я чувствую, что я бы не могъ рѣшительно пробыть дня безъ тебя, ты это вѣрно понимаешь, потому что то, что для меня писанье, для тебя должны быть дѣти.

Таня все приставляетъ палецъ къ глазу, и какъ-то странно, то раздраженно весела, то вдругъ нервно и весело заплачетъ, какъ вчера; когда Клавдія [1]) разсказывала про нашу Марью Ивановну, привезшую въ ихъ заведеніе 16-лѣтнюю дочь, которая родила,—она вдругъ разревѣлась. Лиза удивляетъ меня своей постоянной дѣятельностью и сознаніемъ долга: то учится по-англійски, то переводитъ, то съ дѣтьми, то за мной, за папа ухаживаетъ, но все неловко и несимпатично. Андрей Евст. постоянно жалуется на свою болѣзнь, хандритъ, и въ семействѣ его слишкомъ строго судятъ, онъ мнителенъ, но положеніе съ этой трубочкой [2]) не очень пріятно; впрочемъ послѣдніе дни Любовь Александровна съ нимъ очень хороша.

Я всегда податливъ на похвалу, и твоя похвала характера княжны Марьи меня очень порадовала. Но сегодня я перечелъ все присланное тобою (начисто переписанное), и мнѣ показалось все это очень гадко, и я почувствовалъ лишеніе руки; хотѣлъ поправить кое-что, перемарать—и не могъ; вообще разочаровался сегодня насчетъ своего таланта, тѣмъ болѣе, что вчера диктовалъ Лизѣ ужасную ерунду. Я знаю, что это только временное настроеніе, которое пройдетъ; можетъ быть, нервы не окрѣпли послѣ хлороформа и вообще не въ нормальномъ состояніи отъ тугой перевязки на груди. Впрочемъ ты не думай, чтобы я былъ нездоровъ; я ѣмъ и сплю хорошо, и завтра непремѣнно пройдусь или проѣдусь, чтобъ подышать чистымъ воздухомъ. Впрочемъ нынѣшній день я тебѣ еще не описывалъ; да ничего, ровно ничего не было, читалъ давно забытую Гоголевскую исповѣдь и французскіе mémoires, да съ Славочкой [3]) игралъ, онъ очень, очень милъ. Все проситъ разсказать ему казку (сказку), и я ему разсказываю, что мальчикъ съѣлъ 7 огурцовъ, и вся. И онъ повторяетъ: «мама, лиль, биль одинъ мальчикъ, и онъ съѣлъ 7 огур-

[1]) Дочь няни моихъ братьевъ, акушерка.

[2]) Серебряная трубочка (канюля) была вставлена въ горло отца послѣ операціи и паралича горла.

[3]) Двухлѣтній братъ мой Вячеславъ.

цовъ, ха-ха-ха!..» Ихъ мнимый французъ мнѣ очень не нравится; онъ совершенно того разбора, какъ Labourdette. Но что дѣлать, онъ нуженъ, я съ этимъ согласенъ, для бѣдной Любови Александровны, которой безъ помощи мужа пришлось теперь воспитывать 4-хъ мальчиковъ, именно когда помощь была бы нужнѣе всего. Степа [1]) бѣдный все забитъ, даже этотъ Labourdette его постукиваетъ,—но не унываетъ. Когда Степа входитъ въ комнату и видитъ гостя, незнакомое лицо (эту операцію онъ произвелъ вчера съ Сухотинымъ и Дьяковой), онъ очень усердно расшаркивается, такъ что гость чувствуетъ необходимость съ особенно пріятной улыбкой отвѣтить на поклонъ, и думаетъ, что этимъ отъ него отдѣлался. Но тутъ-то Степа начинаетъ еще чувствительнѣе и настоятельнѣе расшаркиваться, какъ будто ожидая еще чего-то; гость опять улыбается, онъ опять расшаркивается, такъ что всѣмъ въ комнатѣ становится стыдно. Сухотина онъ довелъ вчера до нѣжныхъ поцѣлуевъ.

Ну, прощай, милый другъ, страшно писать вздоръ, можетъ, тебѣ не до этого; надѣюсь, тревоги твои обо мнѣ ужъ прошли. Цѣлую всѣхъ. Въ запискѣ ты забыла чай, я его куплю; остальное все купитъ мама. Брамапутровъ приторговалъ и привезу съ собой. Деньги, если получу за романъ теперь, отдамъ Берсамъ. Что Яковъ? Какой дуракъ, что убѣжалъ изъ больницы; не переставайте слѣдить за нимъ. Что дѣлается въ скотной? Нѣтъ ли падежа? Не унываетъ ли Анна Петровна? Не занялась ли слишкомъ свадьбой дочери? Подбодри ее, чтобъ поила и кормила хорошенько телятъ и свиней; и старосту, чтобъ, главное, скотина была исправна, а то и въ двѣ недѣли можно все испортить, все, что сдѣлано въ годъ. Прощай, голубчикъ, поди гулять, смотрѣть заячьи слѣды съ Зефиротами и каждый день посылай въ Тулу и пиши мнѣ.

25. **2 декабря.**

Милая моя Соня, нынче вечеромъ получилъ твое огорчительное письмо и ни о чемъ другомъ не могу писать и думать, какъ о

[1]) Одинъ изъ моихъ братьевъ.

томъ, что у васъ дѣлается. Я тебя и ночью все во снѣ видѣлъ и все боюсь за васъ; главное не ослабѣвай, не приходи въ отчаяніе, согрѣвай животъ, не давай лѣкарствъ, но привези доктора, непремѣнно привези, хоть не для того, чтобъ давать его лѣкарства, но для того, чтобъ надѣяться и услышать его успокоенія; я знаю, какъ это нужно, пошли непремѣнно. Но все уже поздно будетъ, теперь прошло уже четыре дня. Я скоро пріѣду, не могу жить безъ тебя, но я не поѣду теперь, пока не узнаю, чѣмъ кончился поносъ [1]), который меня мучаетъ. Оспа ничего, это и всѣ наши сказали. Когда думаю о томъ, что можетъ случиться, то находитъ ужасъ, и потому стараюсь не думать. Одно, что утѣшаетъ меня, это то, что по всему тону письма твоего видно, что ты не въ духѣ, и я утѣшаю себя мыслью, что ты сама себѣ преувеличиваешь и потому невольно мнѣ. Коли бы я былъ увѣренъ, что при самомъ даже худшемъ исходѣ, мнѣ бы прислали телеграмму, я бы могъ быть спокоенъ; а теперь—нѣтъ; я знаю, что скажутъ: къ чему спѣшить извѣщать о несчастьѣ, всегда узнаетъ слишкомъ рано. Впередъ дай мнѣ твердое, вѣрное слово тотчасъ извѣстить, что бы то ни было, а то иначе жить нельзя, «жить нельзя»!

Въ томъ, что ты не получаешь писемъ, я не виноватъ; начиная съ перваго дня моего пріѣзда, я пропустилъ только одинъ день передъ операціей. Сегодня утромъ я диктовалъ немного Танѣ, читалъ книги для романа и перебиралъ бумаги изъ Архива, которыя, по протекціи Сухотина, они приносятъ на домъ. Но несмотря на богатство матеріаловъ здѣсь, или именно вслѣдствіе этого богатства, я чувствую, что совсѣмъ расплываюсь и ничего не пишется. Я пересиливалъ себя, диктовалъ, но Таня уѣхала на коньки; я собирался пріѣхать или притти туда, къ нимъ, на что и спрашивалъ вчера позволеніе доктора, но оказалось, что перевязка и пальто такъ тяжелы, что я вернулся назадъ, дойдя только до Моховой. Безъ меня былъ Поповъ, но я объ этомъ не жалѣю, онъ не нуженъ и сдѣлать ничего не мо-

---

[1]) Маленькаго сына Сережи.

жетъ теперь, а нужна только перевязка, которую дѣлаетъ его помощникъ, Гаакъ. Я ему послалъ тридцать рублей, и надѣюсь, больше ѣздить не будетъ. Къ обѣду пришелъ Оболенскій, и я все не могу разобрать, къ кому онъ возгорѣлся любовью; только что-то есть, и онъ очень милый мальчикъ, деликатный и скромный, а это ужъ большое качество. Вечеромъ читалъ и горевалъ надъ твоимъ письмомъ; ѣздилъ съ Таней и Петей по магазинамъ; славный лунный вечеръ. Какъ-то ты его провела? Ежели бы были здоровы, поѣхали бы кататься. Возвратившись, засталъ дѣдушку; онъ все такой же, но я съ грустью вижу, что весь престижъ, который онъ прежде для меня имѣлъ, весь исчезъ. Онъ привезъ карточку Костеньки [1]) съ усами, и мнѣ ужасно хочется видѣть, а она еще въ неразобранномъ чемоданѣ.— Сейчасъ мнѣ съ такой ясностью и ужасомъ пришла мысль: что, ежели у васъ несчастье? Я вчера писалъ тебѣ такое шуточное письмо,—и вмѣстѣ какое-то тяжелое чувство, какъ во снѣ: хочешь и не можешь что-то схватить.

Дальше нетвердой, больной рукой написано самимъ Львомъ Николаевичемъ:

Прощай, моя милая, душечка, голубчикъ. Не могу диктовать всего. Я тебя такъ сильно всѣми любовями люблю все это время. Милый мой другъ. И чѣмъ больше люблю, тѣмъ больше боюсь.

Дальнѣйшее опять подъ диктовку.

Пожалуйста, дай мнѣ слово телеграфировать все; какъ только развяжутъ руку, что будетъ дней черезъ 5, я убѣжусь, насколько она стала лучше, и не останусь здѣсь больше. Всѣ эти дни буду дѣлать опыты и пріучаться къ ѣздѣ; въ каретѣ потихоньку ѣхать не можетъ сдѣлать вреда. Всѣ наши очень милы и здоровы. Андрея Евстаоьевича здоровье, хотя онъ и жалуется, становится при мнѣ лучше. Цѣлую всѣхъ; милымъ Зефиротамъ буду отвѣчать завтра. Напишите еще, милыя Зефироты, пожалуйста.

[1]) Мой дядя, Константинъ Александровичъ Исславинъ.

26. **Тогда же (безъ числа).**

Милая моя Соня, сейчасъ я былъ у Аксакова, который, помнишь, стóилъ тебѣ столько слезъ и мнѣ такого раскаянья [1]). Какъ я помню это чувство, когда я подъѣзжалъ къ дому, и ты выскочила ко мнѣ навстрѣчу. То мнѣ только и радостно здѣсь, что напоминаетъ тебя. И сейчасъ опять же Аксаковъ такъ живо напомнилъ мнѣ то прекрасное время, когда ты въ Покровскомъ сидѣла съ Ниломъ Поповымъ [2]) на приступочкѣ, и я, притворяясь, что мнѣ ничего, изо всѣхъ силъ ревновалъ тебя, и любилъ, только совсѣмъ иначе, чѣмъ теперь. Я вчера въ театрѣ толковалъ это вашей милой Анеточкѣ, когда она выходила изъ нашей ложи, и ей сказалъ: «какъ видно, что вамъ хорошо»,— и она въ коридорѣ, несмотря на капельдинеровъ, на посторонникъ, съ азартомъ повернулась ко мнѣ и сказала: «какъ славно». Премилое существо; я ей внушалъ, чтобъ она не боялась, что ея счастье пройдетъ, и что они будутъ меньше любить другъ друга; что все больше и больше любишь, только иначе; этимъ-то и премудро устроено; а любить все одинаковымъ образомъ надоѣло бы.

Такъ Аксаковъ напомнилъ мнѣ: пріѣхалъ за свѣдѣніями объ Австріи; сказалъ мнѣ, что лучше всего обратиться къ Нилу Попову, который оттуда пріѣхалъ. Я непремѣнно постараюсь увидать его.—Два дня сряду получалъ письма отъ тебя и потому веселъ и спокоенъ. Какая ты умница, что ходишь гулять, и съ милымъ Зефиротомъ—Лизой. Вѣдь какъ, кажется, теперь я былъ бы счастливъ съ тобой; а пріѣдешь, пожалуй будемъ ссориться изъ-за какого-нибудь горошка. Но теперь вѣрно не бу-

[1]) Въ предыдущую нашу съ Льв. Николаевичемъ поѣздку въ Москву онъ пошелъ вечеромъ къ Ив. Сер. Аксакову и обѣщалъ заѣхать за мной въ Кремль, чтобъ вмѣстѣ возвратиться домой. Заговорившись у Аксакова, Л. Н. до 4-хъ часовъ ночи не пріѣзжалъ, и я сильно забезпокоилась, плакала и представляла себѣ всякіе несчастные случаи съ Л. Н.

[2]) Профессоръ исторіи въ Моск. университетѣ.

демъ. О рукѣ долженъ тебѣ сообщить нерадостныя извѣстія. Поповъ и Гаакъ вчера нарочно съѣхались вмѣстѣ, сняли перевязку, и хотя увѣряютъ, что кость раздвинулась немного, кажется, что отъ операціи собственно пользы очень мало. Они предлагали еще разъ попробовать, опять повторяя, что изъ ста шансовъ есть одинъ. И я, было, находился въ нерѣшительности, но вздумалъ посовѣтоваться съ Иноземцевымъ и Нечаевымъ, сыномъ знаменитаго костоправа, про котораго мнѣ говорили. Нынче утромъ былъ у Иноземцева. Онъ сначала мнѣ сказалъ, что вывиха нѣтъ никакого, а что у меня внутренняя болѣзнь, которую онъ открылъ, посмотрѣвъ въ увеличительное стекло на мой языкъ; потомъ сказалъ, чтобъ я носилъ хирургическую повязку, а потомъ сказалъ, чтобъ еще разъ попробовать править. Онъ совсѣмъ сумасшедшій. Вернувшись домой, засталъ Вендриха; этотъ сказалъ, чтобъ отнюдь не носить повязки. Вотъ и разсуждай! Въ два часа пріѣхалъ Нечаевъ и сказалъ, что править рѣшительно невозможно, а посовѣтовалъ распариванье въ банѣ, мази и легкую повязку подъ мышку, увѣряя, что этимъ способомъ можетъ почти исправиться; вообще обѣщалъ, что буду почти владѣть рукой. Такъ какъ его средства всѣ безвредныя, то я на нихъ остановился и сейчасъ иду въ ванну. Я самъ надѣюсь, что буду еще въ силахъ тебя носить на правой рукѣ и дать тукманку правой рукой тому, кто тебя обидитъ. Теперь есть еще отеки и слабость отъ ломанья. Рука совсѣмъ не поднимается, и больно при толчкахъ. Кромѣ того, отъ Каткова не получилъ еще назадъ рукописей или денегъ и потому думаю пробыть до конца будущей недѣли. Писать ничего не писалъ все это время— или не пишется, или некогда, но многое себѣ приготовилъ и еще приготовлю.

Дальше опять написано нетвердой рукой Львомъ Николаевичемъ:

Прощай, милый мой другъ. Какъ я тебя люблю и какъ цѣлую. Все будетъ хорошо, и нѣтъ для насъ несчастья, коли ты

меня будешь любить, какъ я тебя люблю. Бѣдная и милая Таня все груститъ и плачетъ. Ты совсѣмъ права: она и Любовь Александровна лучше всѣхъ, и я ихъ обѣихъ очень люблю.

27. **7 декабря.**

Нынче получилъ твое въ дурномъ духѣ написанное письмо, но и оно для меня радость и успокоеніе. Издалека я тебя даже такою люблю, да и вблизи тоже. Другою я тебя не могу представить, какъ съ твоими измѣненіями живости и нѣжности и изрѣдка того состоянія, въ которомъ ты писала письмо, которое изрѣдка находитъ на тебя и которое я отношу всегда къ физическимъ причинамъ, за что ты на меня всегда сердишься. Такое же бываетъ твое расположеніе духа, когда ты вдругъ вздумаешь ревновать, какъ, помнишь, незадолго передъ моимъ отъѣздомъ.

Сейчасъ уѣхалъ Василій Исленьевъ [1]); онъ имѣетъ видъ добраго малаго и простъ; но что-то есть въ немъ, какъ будто у него на душѣ много стыднаго и гадкаго; такое онъ мнѣ дѣлаетъ впечатлѣніе и раздражаетъ меня. Кромѣ него, тутъ Александръ Михайловичъ [2]), который просто противенъ; и съ тѣхъ поръ, какъ онъ тутъ, мнѣ еще тяжелѣе становится здѣсь. Боюсь тебя обмануть, но черезъ недѣлю вѣрно буду ужъ съ тобой вмѣстѣ переноситься изъ дѣтской на верхъ. Вчера и нынче былъ въ ваннѣ, и ванны, натиранья и повязка Нечаева производятъ на руку пріятное впечатлѣніе, будто она здорова. Въ ваннѣ, сидя въ водѣ, я поднимаю и верчу ею, почти какъ здоровой рукой. Каждое утро заставляю Алексѣя поднимать ее, и она безъ боли поднимается совсѣмъ кверху. Стало быть, если мускулы получатъ силу, что всѣ мнѣ обѣщаютъ, то нѣтъ причины, чтобъ я не владѣлъ ею; только съ тою разницею, что при движеніи кверху правое плечо будетъ подниматься выше лѣваго.

Сейчасъ говорилъ это Танѣ, и тебѣ долженъ сказать, хоть и совѣстно: я ужасно нравственно опустился эти послѣдніе три

[1]) Двоюродный братъ моей матери.

[2]) Дѣдъ мой, Исленьевъ.

дня; ничего не дѣлаю, даже не съѣздилъ въ библіотеку, куда мнѣ нужно, ни къ Каткову переговорить о романѣ, а съ утра до вечера шляюсь по комнатамъ и уныло слушаю невеселыя, 50-я шуточки Александра Михайловича. Все это, можетъ быть, хорошо, но мнѣ здѣсь одному, т.-е. безъ тебя, не вынести еще столько же. Съ завтрашняго дня намѣренъ строго ходить въ струнѣ, хоть не писать, а передѣлать здѣсь всѣ нужныя дѣла. Въ понедѣльникъ, вторникъ и среду взять по ваннѣ, призвать Нечаева, спросить его, что онъ можетъ теперь сдѣлать и наставленіе въ будущемъ. Въ четвергъ и пятницу остаться и въ субботу ѣхать.

Дальше опять написано нетвердой, больной рукой Льва Николаевича:

Чтобъ воскресенье обнять тебя, милую, хоть лѣвой рукой, но обнять и цѣловать, цѣловать. Нѣтъ, неловко мнѣ писать черезъ Таню, я все пишу отъ души, а все какъ-то не то. У меня еще горе: я начинаю охладѣвать къ своему писанью, и, можешь себѣ представить, ты, глупая, съ своими неумственными интересами, мнѣ сказала истинную правду. Все историческое не клеится и идетъ вяло. Я утѣшаюсь, что отъ этого не идетъ впередъ. Я расклеился. Оправдываю себя тѣмъ, что это отъ положенія руки, которое опять стало неопредѣленно. И досадно...

Дальше опять Левъ Николаевичъ диктовалъ Танѣ:

Мнѣ такъ было хорошо послѣ попытки вправленія, когда я ходилъ съ забинтованной рукой, ожидая отъ нея сюрприза; но сюрпризъ не пришелъ, и я все еще не привыкъ къ терпѣнію, съ которымъ надо ожидать медленнаго улучшенія. Ежели я тебѣ мало пишу о дѣтяхъ, Сережѣ и Танѣ, то ты изъ этого не заключай, чтобъ ихъ положеніе было мнѣ мало интересно; напротивъ, все, до малѣйшихъ подробностей хотѣлось знать о нихъ, а въ нынѣшнемъ письмѣ ты пишешь, что у Сережи поносъ опять, а не описываешь подробно, въ какой степени.

Нынче, поутру, около часа диктовалъ Танѣ, но не хорошо—спокойно, безъ волненія, а безъ волненія наше писательское дѣло не идетъ. Потомъ поѣхали на коньки, и я съ дѣдушкой, сидя на лавочкѣ, любовался успѣхами Тани и Пети. Послѣ обѣда—доказательство упадка духа—часа два игралъ въ ералашъ и выигралъ восемь рублей у несчастнаго Александра Михайловича. Потомъ баня, неловкій Василій Владиміровичъ, противный дѣдушка, дѣятельная Лиза и плаксивая Таня, и спящій Петя, и никуда негодный твой мужъ, когда онъ безъ тебя и безъ дѣтей, я теперь это чувствую. Благодарю и цѣлую Машеньку за ея письмо; я ей напишу завтра, и Зефиротамъ тоже. Надѣюсь быть въ струнѣ.

Всѣ слѣдующія письма уже написаны Львомъ Николаевичемъ собственноручно.

28. **8 декабря.**

Вчера получилъ твое хорошее письмо, милый другъ. Вотъ уже 4-й день, что регулярно за обѣдомъ звонитъ почтальонъ и приноситъ твои письма. Помни, душенька, что я разсчитываю на то, что ты тотчасъ извѣстишь меня, ежели съ Сережей будетъ нехорошо. У него долженъ быть желудочный катаръ. Средства противъ этого: гигіена, тепло и удобоваримая пища: молоко, супъ, и Андр. Евст. совѣтуетъ очень телячьи ножки и саго. Саго я привезу тебѣ. Вчера я писалъ тебѣ о моихъ планахъ, о моей рукѣ и моей тоскѣ здѣсь. Все это точно такое же нынче. Воскресенье думаю быть у тебя; рукой заставляю Алексѣя дѣлать раза два въ день движенія и ношу повязку, которая меня очень облегчаетъ. За дѣло ни за какое не могу приняться.—Вчера утромъ читалъ англійскій романъ автора Авроры Флойдъ. Я купилъ 10 частей этихъ англійскихъ не читанныхъ еще мною романовъ и мечтаю о томъ, чтобъ читать ихъ съ тобою. Вотъ бы ты съ Лизой занималась по-англійски. Потомъ опять противный Александръ Михайловичъ, Екатерина Егоровна, Лиза. Даже и читать нельзя, угла нѣтъ. Только пошелъ походить до обѣда, и ни въ библіотекахъ,

ни для покупокъ ничего не могъ сдѣлать, потому что воскресенье. Послѣ обѣда опять: «Погубилъ я свою молодость», и въ 7 часовъ «*Жизнь за Царя*». Очень хорошо, но монотонно. Въ театрѣ была только воскресная публика, и потому половины интереса наблюденій для меня не было. Но зато, вернувшись, мы были одни: Любовь Александровна, которая очень, очень мила и хороша, Лиза, Таня и Петя, и было очень весело отчего-то. Вспоминали, разсуждали. Таня увѣряла, что она хочетъ одного: жить въ башнѣ одной, высоко, высоко, съ гитарой. Любовь Александровна доказывала, что въ башнѣ надо ѣсть и н. х..., и Таня нервно и весело, какъ и тотъ разъ о поповой дочери, расплакалась, и мы пошли спать.

Кромѣ того, Петя спалъ и вралъ, и я разсказывалъ, что я долженъ, несмотря на ревнивый характеръ жены, для очищенія совѣсти сознаться въ ужасномъ поступкѣ съ Анночкой [1]). Снимая фракъ, я размахнулся рукой въ то время, какъ она проходила, и рукой попалъ ей прямо въ грудь. Я вижу, какую ты сдѣлаешь мнѣ знакомую брезгливую мину... Ахъ, Соня, скоро ли пройдутъ эти 5 дней... Для очищенія совѣсти я хочу распаренную руку показать Нечаеву.

Отъ Каткова и Любимова не получалъ отвѣта и рукописи, и мнѣ досадно; а вмѣстѣ съ тѣмъ ѣхать къ Каткову не хочется. Въ Архивѣ почти нѣтъ ничего для меня полезнаго. А нынче поѣду въ Чертковскую и Румянцевскую библіотеки. Очень мнѣ гадко и скучно, особенно эти два послѣдніе дня. Ты говоришь, чтобъ я ѣздилъ. Никуда не хочется. Одна мысль: какъ бы не забыть сдѣлать то, что нужно. Но, выбирая изъ двухъ праздностей—ухищряться разговаривать объ умномъ или жантильномъ, или шляться по кремлевскимъ комнатамъ, безъ дѣла, все лучше послѣднее, особенно, когда нѣтъ Александра Михайловича, который, я тебѣ разскажу, почему-то сталъ мнѣ такъ гадокъ, что я его видѣть не могу равнодушно, и умышленно обошелся съ нимъ такъ холод-

[1]) Престарѣлая горничная сестеръ.

но подъ конецъ, что онъ не заѣдетъ къ намъ. Онъ уѣхалъ вчера, въ 5 часовъ. Всѣ черные вашей семьи мнѣ ужасно милы и симпатичны. Любовь Александр. ужасно похожа на тебя. Она на-днях дѣлала колпакъ для лампы, точно какъ ты,—примешься за работу и уже тебя не оторвешь. Даже нехорошія черты у васъ одинаковыя. Я слушаю иногда, какъ она съ увѣренностью начинаетъ говорить то, чего не знаетъ, и утверждать положительно и преувеличивать,—и узнаю тебя. Но ты мнѣ всячески хороша. Я пишу въ кабинетѣ, и передо мной твой портретъ въ 4-хъ возрастахъ. Голубчикъ мой, Соня! Какая ты умница во всемъ томъ, о чемъ ты захочешь подумать. Отъ этого-то я и говорю, что у тебя равнодушіе къ умственнымъ интересамъ и не только не ограниченность, а умъ, и большой умъ. И это у всѣхъ васъ, мнѣ особенно симпатичныхъ, черныхъ Берсовъ. Есть Берсы черные: Любовь Александровна, ты, Таня, Петя; и бѣлые—остальные. У черныхъ умъ спитъ,—они могутъ, но не хотятъ, и отъ этого у нихъ увѣренность, иногда некстати, и тактъ. А спитъ у нихъ умъ оттого, что они сильно любятъ, а еще и оттого, что родоначальница черныхъ Берсовъ была не развита, т.-е. Любовь Александровна[1]). У бѣлыхъ же Берсовъ участіе большое къ умственнымъ интересамъ, но умъ слабый и мелкій. Саша пестрый, полубѣлый. Славочка на тебя похожъ, и я его люблю. Воспитанье его съ угощеніями и баловствомъ мнѣ кое въ чемъ не нравится, но онъ вѣрно будетъ славный малый. Одинъ Степа, я боюсь, еще доставитъ всѣмъ намъ много горя. Онъ и самъ дуренъ отчего-то, а воспитанье его еще хуже его. Вчера, по случаю преній о гувернерѣ, въ которомъ принимали участіе Таня, Петя и Володя, нападая на гувернера, Любовь Александровна рѣшила отдать всѣхъ, кромѣ Пети, въ заведенья. И я говорю: «прекрасно, по крайней мѣрѣ ваша совѣсть покойна будетъ». А правда, что отца нѣтъ. Я говорю: «коли я умру, одно завѣщаніе оставлю Сонѣ,

---

[1]) Моя мать вышла замужъ 16-ти лѣтъ, выросла въ деревнѣ съ мачехой и гувернанткой Мими.

чтобъ она Сережу отдала въ казенное заведеніе». А я такъ и не сказалъ, за что ты умница. Ты, какъ хорошая жена, думала о мужѣ, какъ о самой себѣ, а я помню, какъ ты мнѣ сказала, что мое все военное [1]) и историческое, о которомъ я такъ стараюсь, выйдетъ плохо, а хорошо будетъ другое—семейное, характеры, психологическое. Это такъ правда, какъ нельзя больше, и я помню, какъ ты мнѣ сказала это, и всю тебя помню. И, какъ Таня, мнѣ хочется закричать: «мама, я хочу въ Ясную, я хочу Соню!» Началъ писать тебѣ не въ духѣ, а кончаю совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Душа моя милая. Только ты меня люби, какъ я тебя, и все мнѣ ни по чемъ, и все прекрасно. Пора итти по дѣламъ.

29. **Въ тотъ же день.**

Писалъ утромъ, пишу еще вечеромъ. Нынче не было письма. Что-то съ тобой дѣлается? Чѣмъ ближе приходитъ время, когда я увижу тебя, тѣмъ мнѣ страшнѣе становится. Все кажется, что въ эту длинную разлуку съ тобой что-нибудь случится. И приходятъ такія мысли, что и тебѣ совѣстно признаться. Нынче съ утра я былъ въ струнѣ. Только написалъ тебѣ письмо, сейчасъ пошелъ со двора, въ Чертковскую библіотеку, и тамъ пробылъ часа три за книгами, очень для меня нужными, и за портретами генераловъ, которые мнѣ были очень полезны. Тамъ мнѣ сказали, что у графа Уварова есть переписка его дяди, командовавшаго корпусомъ въ 1805-мъ году; поѣхалъ къ нему, но не засталъ дома. Предметъ же мой прежній, мнѣ сказали, что принимаетъ, но я, разумѣется, не вошелъ, потому что мнѣ скучно бы было и тебѣ, можетъ быть, непріятно. Дома все по-старому; Лиза не переставая работаетъ: отъ англійскаго урока къ нѣмецкому переводу, отъ перевода къ уроку съ дѣтьми; я право любуюсь на нее. Таня нѣтъ-нѣтъ и заплачетъ; и жалко, и досадно на нее смотрѣть, больше жалко. Мы счастливы, мужчины. Ежели мы

[1]) Въ „Войнѣ и мирѣ“.

любимъ, то можемъ дѣйствовать; а ей надо терпѣть или забывать, а она ни того, ни другого не умѣетъ.

Послѣ обѣда продиктовалъ немножко Лизѣ военную сцену, хотя и безъ связи, но не дурно. И только было расписался, какъ меня оторвали ѣхать въ баню. Потомъ читалъ англійскій романъ, написалъ записочку Бартеневу [1]), и тебѣ пишу одинъ, всѣ уже разошлись спать. Завтра намѣренъ итти въ Румянцевскую публичную библіотеку, а вечеромъ дома и писать. Ежели не будетъ завтра посланія отъ Каткова, то намѣренъ послѣ обѣда съѣздить къ нему и взять рукописи. Какъ ты мила, что поняла мое чувство, отдавая рукописи. Вотъ такія черты для меня самыя главныя и лучшія доказательства твоей хорошей любви ко мнѣ...

Такъ страстно я желаю тебя видѣть... Вижу твое лицо... Странный сонъ я видѣлъ про тебя. Видѣлъ, что ты утонула и опять ожила. Рука все въ томъ же положеніи, въ повязкѣ не болитъ, и я надѣюсь на лучшее и, по правдѣ сказать, не думаю о ней, когда самъ здоровъ, а когда не въ духѣ, тогда мнѣ кажется, что это большое лишеніе. Прощай, душенька, милая, еще надо написать Ивану Ивановичу. Еще 5 дней.

30. **10 декабря.**

Два дня не писалъ тебѣ, Соня, т.-е. пропустилъ одинъ день. Нынче пишу рано утромъ, съ тѣмъ, чтобы попало на почту до 12-ти. Не писалъ же я оттого, что, избаловавшись 4-мя днями сряду, въ которые регулярно мнѣ приносили твои письма, я, не получая ихъ два дня, былъ очень неспокоенъ и, уѣзжая изъ дома, думалъ: «а вотъ-вотъ безъ меня принесутъ телеграмму съ какимъ-нибудь ужаснымъ извѣстіемъ». Вчера получилъ вдругъ два твоихъ письма: розовое и большое. Оба письма очень хорошія, и я опять ожилъ духомъ, и мнѣ вѣрится, что опять счастливо и скоро

---

[1]) Петръ Ивановичъ, смотритель библіотеки Григ. Алекс. Черткова, впослѣдствіи издатель „Русскаго Архива“.

увижу тебя, а именно: послѣ послѣзавтра. Дѣлъ, дотянувъ до отъѣзда, у меня набралось пропасть: и къ Каткову, и къ Попову, и покупки, и книги. Можешь себѣ представить: свинья Катковъ двѣ недѣли держалъ рукопись и не читалъ ее, и просилъ подождать до вечера; я нынче поѣду къ нему и обругаю его. Третьяго дня и вчера я понемногу писалъ, диктуя то Танѣ, то Лизѣ, и чувствую себя въ хорошемъ духѣ. Рукѣ становится лучше, и подаетъ мнѣ хорошія надежды. Нынче увижу Попова, Гаака и Нечаева, съ тѣмъ чтобы они сказали мнѣ послѣднее слово передъ отъѣздомъ. Чай купилъ двухъ сортовъ, опять по-прошлогоднему. Твое хозяйство отлично; все, что сдѣлаешь, хорошо. И то, чтобы возить воду изъ Воронки, одна изъ тѣхъ хозяйственныхъ вещей, которыя очень трудны и очень просты. Вотъ я пріѣду, погоди же ты, Анна Петровна, ужъ я не разъ нарушу твое спокойствіе и чай.

Что это съ милой Лизой? Надѣюсь, она ужъ здорова, и Машенька успокоилась.—Вчера были въ Гильомъ-Теллѣ. Я былъ въ духѣ понимать и наслаждаться два первыхъ акта, а потомъ усталъ. Такъ Сережа къ клеенкѣ лицо прикладываетъ и агу кричитъ? Посмотрю я. Ты меня такъ удивила, объявивъ, что ты спишь на полу [1]); но Любовь Александровна сказала, что и она такъ спала, и я понялъ. Я и люблю, и не люблю, когда ты подражаешь ей. Я желалъ бы, чтобы ты была такая же существенно хорошая, какъ она; но хочется, чтобъ ты была (какъ оно и есть) болѣе тонкой работы и съ бо̀льшими умственными интересами. Оно такъ и есть.

Послѣ послѣзавтра, на клеенчатомъ полу въ дѣтской обойму тебя, тонкую, быструю, милую мою жену. Надо ѣхать.

31. **Декабрь.**

Соня, душенька, я въ очень хорошемъ духѣ, въ такомъ, въ какомъ могу быть безъ тебя. У меня три радости въ нынѣшній день: 1) Я поѣхалъ утромъ въ ванну и, какъ всегда, въ водѣ началъ упражнять свою руку и вдавливать кость назадъ, гдѣ бы

[1]) Изъ страха уронить ребенка на полъ при кормленіи ночью.

ей должно быть. Можешь себѣ представить, что, къ удивленію моему, я замѣтилъ, что кость иногда впереди на $^1/_8$ вершка, а вдавишь ее, она входитъ назадъ. Вдавивъ назадъ, я попробовалъ поднимать. Въ водѣ она поднялась легко. Я всталъ, и на воздухѣ, къ великому моему удивленію, она поднялась наравнѣ съ плечомъ и выше, выше, и выше головы. Какъ скоро я придерживаю ее рукой, т.-е. кость, рука поднимается безъ боли и труда. Это открытіе, можешь себѣ представить, какъ меня порадовало. Вопросъ въ томъ, чтобы удержать кость на этомъ положеніи. Бинтованіе удерживаетъ ее, но не совсѣмъ и, кромѣ того, стѣсняетъ руку. Завтра пріѣдетъ ко мнѣ Нечаевъ, которому я обязанъ за совѣты бань, мазей и бинтованья, и послѣ того я поѣду еще къ Попову. Пускай они осмотрятъ на мѣстѣ и рѣшатъ, что дѣлать дальше.

Письмо это придетъ вѣрно вмѣстѣ со мной, но пишу (кромѣ того, что у меня хорошо на душѣ и хочется поговорить съ тобой) затѣмъ, что ежели я не пріѣду воскресенье, то ты знай, что какой-нибудь бандажъ или наблюденіе надъ моей рукой задержали меня. Должно быть, этого не будетъ.

2) Хотя не радость, но пріятно. Утромъ пріѣзжалъ Любимовъ отъ Каткова, опять три часа торговался, довелъ меня до того, что я спустилъ имъ, т.-е. разрѣшилъ въ ихъ пользу напечатать 500 оттисковъ (отъ цѣны я не отступилъ), и довелъ до того, что я ему рѣзко сказалъ, что они грубы. Онъ уѣхалъ, соглашаясь на все, и просилъ меня только оставить имъ теперь же рукопись. Стало быть, это дѣло покончено.

3) Это твое письмо бѣлое, большое. Душа моя, я радуюсь твоимъ слезамъ, понимаю ихъ очень, очень, очень. Только страшно, не примѣшивается ли къ нимъ сожалѣнье, и не могъ ли я сдѣлать, чтобъ не было этого сожалѣнья.

Грустно, что о Сережѣ все ты не пишешь; что поносъ, прошелъ ли? Не говори и не думай, что я ихъ не люблю. Одно изъ главныхъ желаній моихъ, чтобъ Сережа былъ совсѣмъ здоровъ. Больше я бы ничего не попросилъ у волшебницы. А я не люблю ихъ въ сравненіи съ тѣмъ, какъ я тебя люблю.

Еще пріятное, и очень пріятное, впечатлѣніе было нынче то, что Жемчужниковъ [1]) пріѣхалъ ко мнѣ, и я, противъ твоего совѣта, обѣщался прочесть ему нѣсколько главъ. Случайно въ это же время пріѣхалъ и Аксаковъ. Я имъ прочелъ до того мѣста, какъ Ипполитъ разсказываетъ: «одна дѣвушка...», и имъ обоимъ, особенно Жемчужникову, чрезвычайно понравилось. Они говорятъ: «прелестно». А я радъ, и веселѣй писать дальше. Опасно, когда не похвалятъ или наврутъ, а зато полезно, когда чувствуешь, что произвелъ сильное впечатлѣніе. Подъ вліяніемъ этого веселаго чувства мы разговорились въ спальной хорошо, и я ужиналъ передъ столомъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ ты меня ждала, когда я тебѣ сдѣлалъ предложеніе, и такъ живо я это вспомнилъ. Какъ же намъ не вспоминать? Слава Богу, и воспоминанья хорошія, и мечты о будущемъ и настоящемъ. Будетъ какъ хорошо, когда мы опять увидимся, и я увижу твое особенно радостное лицо, которое такъ хорошо дѣлается въ эти минуты. Я такъ живо вспомнилъ и твое испуганное лицо, и твое платье лиловое. Я Танѣ все показывалъ на это мѣсто, и она не могла догадаться.

Цѣлую ручки тетеньки и цѣлую Машеньку, Зефиротовъ, Сережу большого и малаго, а Таня еще не человѣкъ. Богъ дастъ, я самъ привезу тебѣ это письмо.

1865 годъ.

32. **Пятница, апрѣль или май.**

Пишу тебѣ въ 12 часовъ дня изъ Никольскаго, куда я сейчасъ пріѣхалъ отъ Дьякова [2]). Начну съ начала. Въ Никольское я пріѣхалъ часу во второмъ на разсвѣтѣ. Очень усталъ и на

[1]) Алексѣй Михайловичъ, поэтъ.

[2]) Дмитрій Алексѣевичъ Дьяковъ, близкій другъ Льва Николаевича. Его имѣніе Черемошня было недалеко отъ Никольскаго.

новомъ мѣстѣ долго не заснулъ. Проснулся въ 11-мъ. Татьяна Дмитріевна угащивала меня чаемъ и хотѣла готовить обѣдъ, но я рѣшился ѣхать къ Дьяковымъ. Хозяйство хорошо, и Иванъ Ивановичъ хорошъ. Хлѣба здѣсь гораздо лучше нашихъ, но 20 десятинъ свекловицы погибаютъ отъ мушкары. Я все вралъ, что въ Никольскомъ 800 четвертей овса. Здѣсь 500 четвертей ржи и 480 четвертей овса. Такъ что денегъ гораздо больше, чѣмъ прдполагалъ. Тысячи на $2^1/_2$. Я не нарадуюсь, что у меня здѣсь Иванъ Ивановичъ. Трезвый, честный, порядочный человѣкъ.

Итакъ, я потолковалъ съ Иваномъ Ивановичемъ, посмотрѣлъ сады, скотину (все хорошо) и поѣхалъ къ Дьякову. Ближе, чѣмъ 15 верстъ. У Дьякова прелесть что за домъ, что за балконъ, лучше вашего Покровскаго; какъ песочкомъ усыпаны дорожки, какая ограда! Все отлично. А вошелъ къ нему, онъ въ 4 часа еще не одѣвался. Жена съ самаго пріѣзда все хвораетъ ревматизмами въ головѣ, и Маша [1]) заболѣла только утромъ: маленькій жаръ. Кромѣ того, что онѣ больны, видно, что она скучаетъ, и онъ опустился. Пасмурно у нихъ. Онъ въ полѣ ни разу не былъ. Онъ очень радъ былъ, что его зовутъ къ намъ, и ему хочется. Ежели его жена и Маша поправятся (нынче уже имъ было лучше), онъ пріѣдетъ завтра ко мнѣ, и мы вмѣстѣ пріѣдемъ. Несмотря на его уныніе и апатію къ хозяйству, оно идетъ у него все-таки на большую ногу. Я все-таки у него очень пріятно провелъ день. Но съ усталости или съ чего—не знаю, но спалъ ночь прескверно, и почувствовалъ себя очень не хорошо, и потому не уѣхалъ, какъ хотѣлъ—вечеромъ или рано утромъ, и потому опоздалъ тебѣ письмомъ.

Теперь въ Никольскомъ получилъ отвѣтъ отъ дурака посредника, посылалъ Ивана Ивановича къ землемѣру, и самъ поѣду (выспавшись) по лѣсамъ и полямъ.

Задержать меня ничего, кажется, не можетъ, и къ обѣду, самое позднее, я пріѣду въ воскресенье.

---

[1]) Дочь Дьякова.

Нынче я начинаю безпокоиться и чувствовать себя одинокимъ, и очень радъ буду твоему письму. Я во все время ни на кого не сердился и не увлекался ничѣмъ; но пасмурно,— погода все хуже и хуже. Прощай, душенька, иду спать.

Устроимся мы всѣ въ Никольскомъ прекрасно [1]). Только перегородку переставить, и... передѣлать и одну комнатку подклеить. Тетенькѣ будетъ комната, и Танѣ комната. Когда пріѣду, все растолкую.

Лѣтомъ 1865 года, въ концѣ іюня, Левъ Николаевичъ свезъ меня и дѣтей къ сестрѣ его, Маріи Николаевнѣ, гдѣ я жила въ банѣ; самъ уѣхалъ на охоту къ Кирѣевскому. Его письма того времени, хотя безъ означенія числа и года. На бумажкѣ двухъ писемъ напечатано: «Воинъ», имѣнье Новосильцовыхъ [2]).

33. **27 іюня.**

Соня, по этому ты можешь видѣть, откуда я пишу. Пріѣхалъ вчера поздно къ Новосильцовымъ и всѣми неправдами не могъ уѣхать раньше нынѣшняго дня, 2-го часа. Старикъ заговорилъ меня своими анекдотами и разсказами изъ моего добраго, стараго времени двѣнадцатаго года. Сынъ же замучилъ меня, показывая хозяйство. Хозяйство и домъ діаметрально противоположныя хозяйству бароновъ [3]). Все для изящества и тщеславія: парки, бесѣдки, пруды, point de vue, и очень хорошо. Но Ясная лучше. И можешь себѣ представить,—видъ его хозяйства побудилъ меня къ тому, что ты любишь и желаешь,—подчистить въ Ясной. Нынче Богъ знаетъ когда пріѣду, но поѣду, не останавливаясь. Лошадей отпускаю и людей, потому что Барабанъ захворалъ. Въ Орлѣ все куплю. Я радъ, что этотъ день меня развлекли, а то дорогой мнѣ уже становилось за тебя

[1]) Семья предполагала часть лѣта провести въ Никольскомъ.

[2]) Помѣщики.

[3]) Дельвигъ.

страшно и грустно. Смѣшно сказать: какъ выѣхалъ, такъ почувствовалъ, какъ страшно тебя оставлять. Прощай, душенька, будь паинька и пиши. Петръ Петровичъ тутъ ходитъ, пока я пишу, и мѣшаетъ, и говоритъ: «mettez moi aux pieds de la comtesse», и т. д. Прощай.

Л. Толстой.

34.

(Бумажку я захватилъ отъ Новосильцова.)

Пишу еще нѣсколько словъ изъ Орла, откуда я сейчасъ ѣду. Пріѣду я въ Шаблыкино, должно быть, заполночь и предполагаю, что придется переночевать на постоялюмъ дворѣ. Здоровье мое ни то, ни се, хотя одно ухо пренепріятно заложило. Ѣзда скучна, но время, проведенное у Новосильцовыхъ, было очень пріятно и интересно.

Ботинки сейчасъ иду покупать, но едва ли успѣю отправить. Да ежели и отправить, то едва ли пріѣдутъ раньше меня. Мнѣ все больше и больше становится скучно и грустно, и страшно. Кирѣевскаго я, вѣроятно, не застану и 28-е проведу въ погонѣ за нимъ. Стало быть, если придется поохотиться 29, 30 и 31, я былъ бы совершенно удовлетворенъ и могъ бы пріѣхать 2-го; но это только предположеніе. Вышло же, что вмѣсто того, чтобъ пріѣхать утромъ нынче, я пріѣду утромъ завтра. Во всякомъ случаѣ 5-го я буду дома, а надѣюсь и желаю, что раньше. Никогда мы передъ разлукой не были такъ равнодушны, какъ этотъ разъ, и потому мнѣ все о тебѣ щемитъ. Прощай, душенька. Пиши все дневникомъ подробнѣе, хоть по пріѣздѣ прочту.

Л. Толстой.

35. **28 іюня.**

Пишу тебѣ отъ Кирѣевскаго подъ звуки органа, играющаго увертюру изъ Донъ-Жуана, и въ столовой, гдѣ пропасть прислуживающаго народа. Я пріѣхалъ утромъ 28-го, потому что переночевалъ въ дорогѣ. Кирѣевскій не уѣзжалъ еще, все ожидая дождя. Въ первый свой отъѣздъ онъ ничего не убилъ и,

почти какъ Фетъ, смотритъ безнадежно на воду, исчезающую вмѣстѣ съ дичью. Что за муаровый жилетъ! Очень любезенъ, учтивъ, ровенъ со всѣми и простъ во всѣхъ смыслахъ; но, видно, честный, добрый, здравомыслящій человѣкъ, которому и по положенію, и по богатству легко было быть честнымъ. Онъ не хотѣлъ еще ѣхать, ожидая дождей, но для меня, зная, что я пріѣхалъ на три дня, ѣдетъ завтра. Укладываются вина и провизія въ огромный подвезенный къ дому фургонъ; собираются ружья, собаки и человѣкъ 6 охотниковъ, изъ которыхъ внушающій мнѣ страхъ и уваженіе—Костецкій, съ которымъ Кирѣевскій познакомилъ меня, какъ съ первымъ стрѣлкомъ въ мірѣ. Выѣзжаемъ мы завтра и, должно быть, день будемъ въ ѣздѣ, потому что ѣдемъ за 30 верстъ. Стало быть, охоты для меня будетъ 30-е и 31-е, и 1-е. Ежели 2-го я вернусь къ Кирѣевскому, 3-го я выѣду, 4-го пріѣду. Здоровье мое хорошо. Садятся ужинать. Напишу завтра. Цѣлую тебя. Прощай, голубчикъ.

Л. Т.

36. **1 іюля.**

День пропустилъ, не писалъ тебѣ. Отъ тебя не получилъ ни одного письма, и знаю отчего. Я самъ виноватъ, давъ тебѣ адресъ на Орелъ, тогда какъ Кирѣевскому пишутъ въ Карачевъ. Теперь ужъ поздно эта поправка. Въ Орлѣ, Богъ дастъ, получу твой дневникъ. Страшно! Но, пожалуйста, вышли 4-го числа лошадей съ письмомъ. Теперь разсказъ о себѣ. Пріѣхалъ я, какъ сказалъ тебѣ, 28-го утромъ къ Кирѣевскому. Онъ уже всталъ. Меня отвели, не спрашивая, кто я и зачѣмъ, въ комнату, спросили, чего я хочу: чаю, кофе. Куча грязныхъ лакеевъ въ передней встаютъ всякій разъ, какъ ты проходишь. Онъ—ограниченный, честный, твердый человѣкъ, исключительно охотникъ. Изъ всѣхъ его разсказовъ три четверти принадлежатъ охотѣ. Обходилъ я весь паркъ. Паркъ хорошъ, но деревья молоды, и все-таки паркъ хуже тѣхъ подмосковныхъ, которые ты знаешь. 29-го мы поѣхали послѣ завтрака въ 7 экипажахъ на скверныхъ

упряжкахъ и лошадяхъ, но все съ отличными собаками и ружьями, и съ такой важностью и степенностью, какъ будто мы ѣхали на важнѣйшее дѣло въ мірѣ. Пріѣхали за 40 верстъ, на границу Брянскаго уѣзда, того лѣсного, дикаго мѣста, о которомъ я тебѣ говорилъ.

На постояломъ дворѣ все устроено, какъ дома: палатки, кухня. На другой день мы поѣхали, т.-е. мы, за исключеніемъ Кирѣевскаго, который остался дома бить мухъ (какъ онъ говоритъ),—Казаковъ, молодой, добрый малый, отставной гусаръ, Костецкій полякъ, отличный стрѣлокъ, Андреевъ, мелкопомѣстный дворянинъ, главный охотникъ, егерь Кирѣевскаго, и я. Мы убили 32 штуки, изъ которыхъ я—8. Дора была необыкновенна, это признали всѣ. И я, стрѣляя по бекасу, убилъ бекаса и ранилъ Дору въ ухо. Ужасно жалко мнѣ ее было, но опаснаго ничего нѣтъ. Усталъ я ужасно и плохо выспался нынче, но здоровъ, и даже шума въ ухѣ нѣтъ. Нынче опять ѣдемъ, и, по правдѣ сказать,—чего я здѣсь не скажу,—совсѣмъ не хочется ѣхать, но дѣлать нечего: заѣхавши такъ далеко, надо воспользоваться, сколько возможно. Правду сказать, мнѣ здѣсь дороже охоты—этотъ охотничій міръ и стариковскій. Я не жалѣю, что я поѣхалъ, и не нарадуюсь. Особенно когда пріѣду и увижу тебя и дѣтей,—тебя съ твоей улыбкой, и тебя, здоровую, счастливую и спокойную. Только чтобъ съ тобой ничего не случилось во все это время. Вотъ что: я не обѣщаю пріѣхать раньше 5-го, но лошадей вышли во *Мценскъ*, не въ Богуславъ, а во Мцѣнскъ. И не 4-го, а 3-го. Пускай онъ скажется на почтовой станціи, гдѣ онъ стоитъ, чтобы мнѣ его сыскать. Лошадей закладываютъ, надо пойти убираться. Прощай, душенька, Христосъ съ тобой.

Л. Т.

37.

Передъ выѣздомъ изъ дому въ Тулу.

Я тебя не сталъ будить; авось, сномъ ты избавишься отъ боли. Я уѣзжаю въ 11-ть, стало быть, раньше 6 не пріѣду. Ежели же

что-нибудь интересное,—что очень сомнительно,—задержитъ, то останусь и вечеръ. И я паинька, и ты будь паинька, и Сережа будь паинька, не будетъ...

Я все медлю, хотѣлось бы тебя поцѣловать передъ отъѣздомъ.

Съ поѣздки лѣтомъ въ Никольское.

38. **Съ дороги.**

Посылаю тебѣ 5 бекасовъ. Я не успѣлъ дойти до Ѳоминки, а все настрѣлялъ подъ Карамышевымъ. Кушай и поминай, и дожидай меня. Должно быть, доѣду на своихъ. Доставившему тебѣ бекасовъ дай 20 коп.

Твой *Л. Толстой.*

39.

До Сергіевскаго ѣхалъ я по ужасной погодѣ. Объ этомъ жаркомъ, удушающемъ вѣтрѣ вы не можете себѣ представить. Мнѣ сдѣлалось страшно, что я задохнусь. Кромѣ пыли, въ воздухѣ былъ дымъ, который я почувствовалъ, 6 верстъ не доѣзжая Сергіевскаго. Пошелъ дождь и холодный вѣтеръ. Я заѣхалъ въ избу отдышаться и узналъ, что Сергіевское горитъ. Я пріѣхалъ, пожаръ еще былъ во всемъ разгарѣ, но больше не распространялся, потому что вѣтеръ стихъ. Сгорѣло больше 50 домовъ на этой и той сторонѣ рѣки. 4 трупа сгорѣвшихъ уже найдено, а не досчитываются еще человѣкъ 6 дѣтей и взрослыхъ. Сапожникъ съ женой найдены сгорѣвшими подъ печкой, куда они забились отъ страха. Я теперь жалѣю, что я не посмотрѣлъ. Черемушкинъ не сгорѣлъ; за домъ отъ него остановилось. Я засталъ у его воротъ толпу народа пьянаго и пьющаго водку, которую онъ имъ подносилъ. Пьяныхъ пропасть по всему селу, такъ что общее зрѣлище больше гадкое, чѣмъ жалкое.

Я доѣхалъ на своихъ до Красныхъ дворовъ и туда же велѣлъ ему быть къ утру въ воскресенье. Ѣхать на телѣжкѣ превосходно. Я хотѣлъ тебѣ сказать и забылъ: какъ ты дала большой

Танѣ держать маленькую Таню? Большая теперь такъ не своя, что ей ничего поручать нельзя. Я уѣхалъ, и боюсь очень за нее. Какъ бы не возобновилось старое? Хотѣлось написать тебѣ: смотри за ней, внушай ей то и то, или скажи Сережѣ, въ какомъ она положеніи [1]); но ничего нельзя. Никто не виноватъ, и ни присовѣтовать, ни заказать ничего нельзя. Засуха и она не выходятъ у меня изъ головы. Я усталъ, но мнѣ хорошо было ѣхать. Чувствую въ себѣ вниманіе веселое ко всему. Черемушкинъ какъ милъ—прелесть.

Я еще не начиналъ безпокоиться о тебѣ и дѣтяхъ, но боюсь, что это скоро придетъ. Впрочемъ, что Сережа съ вами, это ужъ много легче. Въ пятницу напишу тебѣ. Сѣмечки—10—посылаю, прибери, или, еще лучше, посади въ ящикъ, въ Пироговѣ. Варенькѣ скажи, что я *чувствую*. Прощай, душенька.

40. Тоже.

Доѣхалъ я за Сергіевское вчера часу во 2-мъ ночи и прекрасно выспался на сѣнѣ. Привезли ли тебѣ бекасовъ и записку изъ Лапоткова? Ночую и пью чай въ избѣ милаго русскаго мужичка. Что за свиньи и неряхи! Дьяковская лошадь такъ ослабѣла, что не только долженъ ее оставить, но что, боюсь, Кузьма принесетъ домой одинъ хомутъ и кожу. На совѣсти у меня не будетъ ея смерть,—я ѣхалъ очень тихо.

Цѣлую тебя, душенька, тетеньку и дѣтей.

41. Тоже.

Пріѣхалъ во 2-мъ часу въ Чернь на парѣ. Видѣлъ, какъ Дьяковская шаталась и собиралась умирать, и ужасно жалко. Сейчасъ встрѣтилъ гусарскаго стараго офицера,—Ваську Денисова нынѣшняго вѣка. Плохъ. Гусаръ съ маленькимъ оттѣнкомъ

---

[1]) Татьяна Андреевна тогда заболѣла и у нея (ошибочно) предполагали начало чахотки.

нигилизма. Нынче буду ночевать у Маши; завтра, если Богъ милостивъ, рано поѣду въ Никольское и къ завтраку къ Дьяковымъ. Тамъ переночую; но во всякомъ случаѣ не раньше понедѣльника буду дома. Прощай, душа моя. Цѣлую тебя и дѣтей.

1866 годъ.

Съ дороги, когда Левъ Николаевичъ везъ больную сестру Таню къ Дьяковымъ въ Чермошню.

42. **Весной.**

Мы пріѣхали въ Сергіевское въ четыре часа благополучно. Дремали, но не спали. Кажется, Таня не устала, и респираторъ ей пріятенъ. Богъ съ тобой! Надѣюсь, что ты будешь ужъ поднята духомъ, когда получишь эту записочку. Ежели можно раньше пріѣхать, то пріѣду, потому что только съ тобой, дѣтьми и дома я человѣкъ. Но едва ли будетъ можно. Прощай, цѣлую тебя въ глаза.

43.

Пріѣхали въ Чернь около 9-ти и рѣшили ѣхать прямо на Никольское. Хотя и грязь ужасная, но думаю, что временемъ мы выгадаемъ. Отъ Сергіевскаго я спалъ все время, также и Таня, и до сихъ поръ я одобряю ночную ѣзду. Съ тѣхъ поръ какъ я уѣхалъ, только и случилось событій, что сонъ. И сонъ я видѣлъ, что Громило нашелся и бѣжитъ по прешпекту, а за нимъ его щенята. А Громило—сука, а щенята его сороконожки—насѣкомыя, и ихъ безчисленное множество.

Теперь ужъ можно опредѣлить приблизительно, что раньше 3-хъ часовъ мы въ Чермошню никакъ не попадемъ, и то дай Богъ. Прощай, душенька, цѣлую тебя.

Поѣздка съ моимъ братомъ Степой въ Бородино для осмотра поля битвы 12-го года и избушки военнаго совѣта.

44. **Сентябрь** [1]).

Сейчасъ, 25-го вечеромъ, ѣду въ Бородино со Степой, котораго отпустили со мной по моей просьбѣ. Везу съ собой письмо къ управляющему Аникѣевой въ ея имѣнье, находящееся въ 10-ти верстахъ отъ Бородина, и письмо къ игуменьѣ въ тамошній монастырь. Останавливаться, вѣроятно, нигдѣ не буду до Бородина. Ѣду на почтовыхъ. Цѣлыхъ полтора дня былъ въ попыхахъ мелочныхъ хлопотъ. Печатанье идетъ вяло, и вовсе не отъ меня, а отъ неисправности почты. Послѣдній разъ посланная рукопись до сихъ поръ не получена. Пришли мнѣ расписку. И отъ неисправности Риса, котораго надо подгонять [2]). Я такъ здоровъ, какъ всегда бываю въ городѣ. Наши всѣ очень милы и добры, какъ всегда. Петя хорошо учится, и всѣ погружены въ занятія. Цѣлую всѣхъ нашихъ; а тебя и дѣтей особенно. Ежели Маша у насъ, надѣюсь, что она понимаетъ необходимость моей поѣздки. Прощай, душенька. Въ четвергъ утромъ тебѣ телеграфирую.

45. **27 сентября.**

Сейчасъ пріѣхалъ изъ Бородина. Я очень доволенъ, очень, своей поѣздкой и даже тѣмъ, какъ я перенесъ ее, несмотря на отсутствіе сна и ѣды порядочной. Только бы Богъ далъ

---

[1]) Посѣщеніе Бородинскаго поля въ книгѣ П. Бирюкова отнесено къ осени 1865 г., со ссылкою на воспоминанія С. А. Берса, сопутствовавшаго Л. Н. въ этой поѣздкѣ (Бирюковъ, II, 28). Но въ рукописи этихъ воспоминаній, хранящейся въ библіотекѣ Ясной Поляны, годъ поѣздки опредѣленно обозначенъ 1866-й.

[2]) Типографія, гдѣ печаталось отдѣльное изданіе „Войны и мира“.

здоровья и спокойствія, а я напишу такое Бородинское сраженіе, какого не было!.. Все хвастается!.. Видѣлъ тебя во снѣ, лежа въ монастырѣ, и такъ ясно, что вспоминаю о снѣ, какъ о дѣйствительности, и со страхомъ думаю о тебѣ. Не пишу тебѣ о подробностяхъ поѣздки—разскажу. Первую ночь ѣхалъ до Можайска сто верстъ и соснулъ поутру на станціи. Вторую ночь ночевалъ въ гостиницѣ монастыря. Всталъ на зарѣ, объѣхалъ еще разъ поле и весь день ѣхалъ до Москвы. Получилъ твои два письма. Грустно о большой Танѣ и страшно, очень страшно стало за маленькую Таню (я знаю, вижу, и люблю, и боюсь ее съ ея жаромъ). Но главное—стало хорошо на сердцѣ отъ твоихъ писемъ, отъ того, что есть *тебя* въ нихъ. И все лучшее твое ты кладешь въ письма и мысли обо мнѣ. А въ жизни часто заглушаетъ это и тошнота, и чувство спора. Я это знаю.

Я занимаю 1000 руб. у Перфильева и потому буду богатъ, и куплю и шапку, и сапоги, и все, что велишь. Знаю, что ты разсердишься на то, что я занимаю. Не сердись; я занимаю затѣмъ, чтобы это первое время зимы быть свободнымъ и нетревожимымъ денежными дѣлами, и съ этой цѣлью намѣренъ эти деньги беречь какъ можно и имѣть ихъ только на то, чтобы знать, что есть деньги, чтобы расчесть невыгоднаго и лишняго человѣка и т. п. Ты поймешь и поможешь мнѣ. Письма твои, душенька, для меня огромное наслажденіе, и не говори вздоръ, чтобъ я ихъ давалъ читать.

Въ Бородинѣ мнѣ было пріятно, и было сознаніе того, что я дѣлаю дѣло. А въ городѣ мнѣ невыносимо, а ты говоришь, что я люблю шляться. Я бы только желалъ, чтобы ты въ $^1/_{10}$ такъ любила деревню и ненавидѣла праздную суету города, какъ я. Завтра поѣду къ Перфильевымъ поблагодарить ихъ, и увижу Риса, и буду дѣлать покупки; и ежели все кончу и Дьяковъ готовъ, то поѣду въ пятницу утромъ. Прощай, душенька, цѣлую тебя и дѣтей.

Письма изъ Москвы, куда Левъ Николаевичъ ѣздилъ съ больной моей сестрой Таней и по дѣламъ «Войны и мира».

46. **Ноябрь, съ дороги.**

Ну вотъ, милый другъ, съ нами и случилось то, чего я боялся: сломалось колесо, и мы за нимъ простояли $1^1/_2$ часа, и еще теперь стоимъ около часа. Особенно странный и счастливый случай, что въ самую критическую минуту, когда мы стояли посреди дороги, мы встрѣтили Якова. Онъ намъ много помогъ. Дай ему отъ меня 1 руб. сер.

Какова собака Шумка? Прелесть? То, что мы опоздали, не доказываетъ, что я пріѣду позже. Только Берсовъ перебудимъ. А. Е. встанетъ, услышитъ меня и закричитъ во весь домъ. Я здоровъ и спокоенъ; дай Богъ, чтобъ къ добру. Завтра жду твоей телеграммы. Мы пріѣдемъ, ежели теперь не будетъ несчастій, все-таки часу во второмъ. Прощай, думай, что теперь меньше дня до свиданья. Главное, какъ можно меньше предпринимай. И въ случаѣ чего, не торопись. Все образуется. О Сережѣ телеграфируй. Да ты и сама знаешь. Таня благополучна, но не ѣстъ и...

47. **11 ноября, пятница.**

Вотъ мы и пріѣхали, милая моя голубушка. И пріѣхали благополучными, и всѣхъ застали благополучными. Ѣхали мы скорѣе, чѣмъ думали, такъ что подъѣхали къ дверямъ гофъ-медиковымъ въ концѣ 7-го часа. Не знаю, гдѣ кто былъ, но очутились всѣ съ извѣстнымъ тебѣ визгомъ на лѣстницѣ и въ столовой. Андрей Евстаѳьевичъ точно такой же, какимъ былъ прошлаго года; онъ очень радъ былъ щенку и помѣстилъ его у себя въ пристройкѣ. Любовь Александровна потолстѣла. Очень рада Танѣ, но вижу въ ея глазахъ и рѣчахъ непріязненную arrière pensée, что Таня уѣзжаетъ къ Дьяковымъ. Оба родителя, какъ ты и предполагала, упорно стоятъ на томъ, что у Тани не можетъ быть чахотки,— съ самоувѣреннымъ озлобленіемъ, даже Любовь Александровна.

О поѣздкѣ Тани говорятъ еще мелькомъ, не останавливаясь и какъ бы предчувствуя, что этотъ предметъ еще будетъ продолжительно обсуждаться. Петя еще и очень выросъ. И еще не веселъ. Володя нездоровъ, горло болитъ, и имѣетъ пасмурный, но кроткій видъ. Степа веселъ и доволенъ; онъ 3-имъ въ классѣ и надѣется быть на золотой доскѣ. Славочка на мои глаза все такой же. Лиза съ Таней внизу, въ большой комнатѣ; Володя съ Степой въ вашей пристройкѣ, Петя въ нянниной комнатѣ и я съ нимъ.

Мы по Таниной методѣ ничего не ѣли всю дорогу, и благодаря тому я пріѣхалъ очень свѣжъ; но теперь напился чаю и поѣлъ тетеревовъ, которыхъ съ своимъ милымъ, наивнымъ гостепріимствомъ мнѣ нарѣзывалъ Андрей Евстаѳьевичъ, и теперь лицо горитъ, усталъ и лѣнивъ.

Впрочемъ и не знаю, что можетъ еще быть очень интереснаго. Любовь Александровна очень разспрашиваетъ про нашихъ дѣтей. Даже трогательно. Сашѣ будемъ телеграфировать. О. А. выходитъ за Матвѣева, Танинаго «на безрыбьи и ракъ рыба», такъ велитъ написать Лиза. Лиза нѣсколько похудѣла, у ней страшно болѣлъ корень зуба, который ей вырѣзывали, выпиливали съ мучительной болью.

Завтра поѣду къ Башилову [1]), въ типографію и въ Румянцевскій музей читать о масонахъ. Прощай, душенька, голубчикъ. Знай и помни, что я о тебѣ не меньше твоего думалъ дорогой, думаю теперь и буду думать. Прощайте, милые мои Сережа, Таня, Илюша [2]). Цѣлую руку тетеньки. До завтра.

48. Суббота, вечеръ, 12 ноября.

Вотъ, мой милый другъ, голубчикъ, второй день и второе письмо. Вотъ всѣ событія дня: спалъ я отчего-то дурно; проснулся въ 7-мъ часу, знаешь, въ томъ нервномъ раздраженіи,

[1]) Башиловъ былъ инспекторомъ Школы Живописи и Ваянія въ Москвѣ, двоюродный братъ моей матери, взялся иллюстрировать „Войну и миръ“.

[2]) И. Л. Толстой, родился 22-го мая 1866 г.

которое предшествуетъ моему 70-тилѣтнему состоянію, которое и было. Утромъ пили кофе всѣ вмѣстѣ. Таня все такая же. Ждали Разсвѣтова [1]), и потому я со двора не выходилъ. Разсвѣтовъ пріѣхалъ, я ему сказалъ, что умоляю его безъ учтивости къ А. Е. и безъ ménagement сказать самымъ рѣзкимъ и положительнымъ образомъ свое мнѣніе. Пришла Таня, стали ее слушать. Меня всегда ужасно волнуетъ это слушанье и разговоры. Разсвѣтовъ сказалъ самымъ положительнымъ образомъ, что легкія Тани въ худшемъ состояніи, чѣмъ были прошлаго года, что у нея даже, по его мнѣнію, есть начало чахотки, что онъ совѣтуетъ ѣхать за границу, и все то, что мы знали, т.-е. régime спокойствія, питанія, воздержаній отъ усилій пѣнія и т. д. Онъ посовѣтовалъ еще позвать Варвинскаго. И Варвинскій будетъ въ понедѣльникъ. Для меня и безъ Варвинскаго и безъ Разсвѣтова сомнѣнья нѣтъ въ ея положеніи; но, что я и предвидѣлъ, А. Е. и Л. А. упорно стоятъ на своемъ, что у нея легкія здоровы; А А. Е. толкуетъ о лихорадкѣ, желудкѣ и т. д. Но я не далъ ему мудрить, и, слава Богу, на существенное-то, на поѣздку за границу, родители согласны. Бѣдная наша милая Таня, какъ она мнѣ жалка и мила. Я впрочемъ твердо надѣюсь, что она поправится. Вчера мнѣ сказалъ А. Е., что ея крестная мать даетъ ей деньги за границу, но подробно не разсказалъ, вѣрно ли и сколько; и понимаешь, что я не разспрашивалъ, какъ и что, а сказалъ, что мы даемъ деньги. Съ деньгами очень непріятно. А Андрей Евстаѳьевичъ ѣздилъ къ Булочникову, мѣнялъ, и тотъ ему сказалъ, что билеты нельзя иначе заложить, какъ по 10-ти процентовъ, такъ что, отдавъ Дьякову за 8, будешь получать только 3 вмѣсто прежнихъ 5. Продать билеты было бы выгоднѣе; но я знаю, что тебѣ это будетъ непріятно, и поэтому я заложу: потеря будетъ небольшая.

Въ 12-мъ часу я пошелъ со двора къ Башилову. Засталъ сначала одну Марью Ивановну и дѣтей. Какія прелесть дѣвочки.

[1]) Докторъ по грудянымъ болѣзнямъ, для сестры Тани.

Всѣ онѣ были страшно больны въ скарлатинѣ. Теперь выздоровѣли. Меньшая дѣвочка была въ поносѣ 3 мѣсяца, и чуть до смерти не залѣчили, а вылѣчилъ Высоцкій—чѣмъ?—однимъ сырымъ молокомъ.—Пришелъ Башиловъ. Картинокъ онъ сдѣлалъ всего только 13. Нѣкоторыя, какъ смерть Безухова и поцѣлуй, необыкновенно хороши; но вся часть, напечатанная въ прошломъ году, еще не рисована, и Рихау [1]) отсталъ еще больше въ работѣ, такъ что нѣтъ возможности кончить картинки къ Новому году. Такъ что я рѣшилъ въ нынѣшнемъ году картинокъ вовсе не печатать. О томъ же, къ будущему году печатать ли картинки со всѣмъ романомъ, я еще не рѣшилъ.

Оттуда пошелъ въ типографію Каткова. Тамъ мнѣ дали счетъ всего печатанья въ 1200 рублей; впередъ денегъ я далъ только 300 рублей. Завтра получу отъ нихъ рѣшительный отвѣтъ. Экземпляровъ 3600. Потомъ зашелъ на гимнастику, но былъ такой 70-лѣтній, что ничего не могъ дѣлать, да и Берсы теперь обѣдаютъ въ три. Послѣ обѣда, за которымъ была только Екат. Егор., заснулъ за ширмами въ спальнѣ. Потомъ, поболтавши, чтобы не пропалъ вечеръ, поѣхалъ къ Эленъ Горчаковой [2]), но не засталъ ее, и провелъ вечеръ дома.

Знаешь ли, что Саша Кузминскій [3]) переводится въ Тулу судебнымъ слѣдователемъ? Я радъ, особенно за тебя. Сашѣ нашему не телеграфировалъ, а написалъ письмо. Петя мраченъ, скученъ и лѣнивъ. Онъ стыдится, что въ 5-мъ классѣ гимназіи. Но Степа и Володя очень оживленно толкуютъ о гимназіи и, видно, довольны и хорошо учатся. Завтра, вѣрно, получу твое письмо. Безпрестанно о тебѣ думаю, и боюсь, что нынѣшній разъ нисколько не безпокоюсь. Храни васъ Богъ. Цѣлую тебя и твои руки, милый голубчикъ. Цѣлую тетеньку и дѣтей.

---

[1]) Граверъ.

[2]) Дочь кн. Сергія Дмитр. Горчакова, родственника Толстыхъ.

[3]) Александръ Михайловичъ, мужъ моей сестры, нынѣ первоприсутствующій сенаторъ.

49. **Воскресенье, 13 ноября.**

Пишу въ понедѣльникъ утромъ, въ 7 часовъ. Вчера вечеромъ потушилъ свѣчу и въ постели вспомнилъ, что не писалъ тебѣ, и ночью, какъ будто собираясь на порошу, просыпался безпрестанно изъ страха пропустить время, 8 часовъ. Вотъ вчерашній день: утренній кофе, какъ всегда. Потомъ я отправился къ Перфильевымъ, въ Зоологическій садъ, къ Зайковскимъ [1]), въ типографію за отвѣтомъ, на выставку картинъ и на Петровку къ Ржевскому о телятахъ. Лиза съ вечера еще хотѣла увязаться за мной на выставку, но, благодаря тому, что она дрыхнетъ до 12-ти часовъ, я ушелъ безъ нея, и вмѣсто нея взялъ Петю. Право, что за человѣкъ эта Лиза! Я ѣхалъ къ Москвѣ съ мыслью, что за глупость, что Лиза, умная, молодая, здоровая дѣвушка, сестра жены, и я отъ нея кромѣ непріятнаго чувства ничего не имѣю. Не я ли виноватъ въ этомъ? Постараюсь въ этотъ разъ быть съ ней какъ можно проще. Ну, и можешь себѣ представить, не прошло и двухъ дней, и она ужъ тяжела, и я радъ, какъ отдѣлаюсь отъ нея. Вчера онѣ легли съ Таней спать. Таня умоляетъ не топить, отворить форточку. Лиза настояла, натопила, и Таня всю ночь не спала и потѣла. Ну, такъ пошелъ съ Петей. Въ Зоологическомъ саду ничего изъ скотины не нашелъ новаго. Одну телочку холмогорскую, можетъ быть, куплю весной, когда будетъ аукціонъ.

У Перфильевыхъ застали дома всѣхъ, кромѣ старика. Лакей пошелъ докладывать, и слышу изъ-за дверей голосъ Настасьи Сергѣевны: «давай его сюда!» и сидитъ въ сѣрыхъ букляхъ и корсетѣ, нарядная, только отъ обѣдни. Варенька постарѣла, похудѣла. Она связала Илюшѣ одѣяло въ Перфильевскомъ вкусѣ. Фанни съ старшимъ сыномъ, здоровая, веселая, тутъ же. Варенька увязалась съ нами на выставку. По дорогѣ встрѣтили Сергѣя Степановича, и онъ пошелъ съ нами. На выставкѣ есть

[1]) О. Зайковская—моя подруга, съ которой я держала въ университетѣ экзаменъ.

картина Пукирева,—того, чей «Неравный бракъ»,—«Мастерская художника»: попъ, чиновникъ и купецъ разсматриваютъ картину—превосходно! Остальное все не очень замѣчательно. Есть картинка Башилова. Чего-то недостаетъ Башилову какъ и въ жизни, такъ и въ искусствѣ, какого-то жизненнаго нерва. То, да не то.

Встрѣтилъ тамъ Боткина [1]) съ женой, у которыхъ Фетъ останавливается. Его ждутъ каждый день. Съ выставки поѣхалъ съ Петей къ Зайковскимъ. Головиныхъ нѣтъ, но видѣлъ въ первый разъ мать. У нихъ былъ гость, Пановскій, тотъ самый, что я ругаю за фельетоны. И въ гостиной по-французски лопочутъ, и стараются ужасно. Такъ это мнѣ смѣшно. А Ольга милая, а Эмилія не нравится мнѣ. Очень здорова и какъ будто преисполнена грѣшныхъ мыслей. Она выдумала себѣ выщипать брови тамъ, гдѣ онѣ срослись, и можешь себѣ представить, какъ это вышло уродливо. Это, какъ я сказалъ, и Зайковскимъ говорилъ, въ твое воспоминаніе. И въ самомъ дѣлѣ, мнѣ только то весело, что я дѣлаю, и знаю, что ежели бы ты была, ты бы со мной дѣлала и одобряла. Я не вспоминаю тебя, а сознаніе тебя всегда при мнѣ. Это не фраза, а это именно такъ.

Въ типографіи было заперто, и не получилъ отвѣта. У Ржевскихъ поговорилъ, какъ бы получить штукъ пять телятъ отъ него, но не знаю, какъ еще устроится съ поеніемъ. Дома къ обѣду пришелъ Томашевскій [2]) и Майнъ. Майнъ, какъ всегда, уменъ, толковъ, льстивъ и непріятенъ. Томашевскій ужасно жалокъ. Онъ только 3-й день изъ тюрьмы, гдѣ высидѣлъ одинъ, безъ сообщеній ни съ кѣмъ, ни съ молодой женой, безъ книгъ, 4 мѣсяца, и ни за что. За то, что онъ былъ знакомъ съ Петерсономъ [3]), который тоже ни въ чемъ не вино-

---

[1]) Дмитрій Петровичъ Боткинъ, владѣлецъ картинной галлереи.

[2]) Анатолій Конст. Томашевскій, одинъ изъ учителей сельскихъ школъ Льва Николаевича 1861 и 62 гг.

[3]) Николай Павловичъ, одинъ изъ учителей сельскихъ школъ Льва Николаевича въ 1861—62 г.

вать. Кто судьи его: Сычинскій, Берингъ, Михайловскій и т. п. отребье рода человѣческаго. «А напрасно совсѣмъ мы васъ брали», сказали они ему, выпуская.—Послѣ обѣда пріѣхала тетя Надя съ отцомъ своимъ. Онъ боленъ, она его привезла. Она мнѣ очень понравилась. О тебѣ, разумѣется, очень разспрашивала. Вечеромъ поѣхалъ къ Горчаковымъ. Засталъ всѣхъ, т.-е. старика, старуху, Элену и трехъ ея сестеръ. Посидѣлъ, ни скучно, ни весело, часа два и вернулся. Заужинался и легъ, забывъ писать тебѣ. Прощай, душенька, я чувствую, что скоро пріѣду. Теперь не могу ничего рѣшительно сказать, оттого что вопросы о печатаньи и деньгахъ ничего не рѣшены. Скажи дѣтямъ, что папаша велѣлъ *пикестить* [1]) и поцѣловать, и прочти имъ что-нибудь изъ моего письма или выдумай, но чтобъ они знали, что такое значитъ—писать.

50. Понедѣльникъ, 14 ноября.

Нынче хоть и поздно, радъ, что ничего не мѣшаетъ писать тебѣ, моя душенька. Утро точь-въ-точь то же, что и прежніе дни. Но плохо, что немного 70 лѣтъ всѣ эти дни. Пошелъ въ Румянцевскій музей, и по случаю Дагмариного рожденія заперто. Оттуда, чтобъ избавить Таню отъ выѣзда, поѣхалъ въ Англійскій магазинъ купить ей платье и тебѣ халатъ. Халатъ всѣмъ понравился, а платье не одобрили, но оттого, что Таня велѣла купить въ 10 рублей. Оттуда въ типографію. Тамъ на мои условія согласны, но завтра придетъ еще ко мнѣ господинъ окончательно переговорить. Дома ждалъ до обѣда Варвинскаго, который не пріѣхалъ. Онъ боленъ, и завтра Таня съ папа ѣдутъ къ нему. Пришелъ глупый С—нъ. Послѣ обѣда поѣхали въ театръ, въ Фауста: тетя Надя, Лиза, мама, Таня и я. Потомъ пріѣхалъ Андр. Евст. Въ театрѣ парадъ по случаю рожденія Дагмары. Фаустъ глупъ, и хоть ты и не вѣришь, не

[1]) Что значило въ устахъ маленькой Тани: перекрестить.

люблю театръ, и всегда хочется критиковать. Знакомыхъ никого, исключая Сѣверцова, который приходилъ въ ложу. Необыкновенно возмужалъ и похорошѣлъ. Да, забылъ. Утромъ былъ В. И—въ. Онъ и всегда былъ противенъ, а теперь еще гаже. Поступилъ въ судебные пристава,—это въ родѣ частнаго пристава. Я сдѣлалъ открытіе того впечатлѣнія, которое онъ производитъ на меня, и Таня подтвердила: неловко и *стыдно* смотрѣть на него, точно какъ будто онъ нечаянно безъ панталонъ, и самъ не замѣчаетъ этого. Потомъ были Зайковскіе: Дмитрій Дмитр. и Эмилія. Я отрекаюсь отъ моего перваго впечатлѣнія о Дмитріи Зайковскомъ. Ты права, онъ премилый, умный и comme il faut молодой человѣкъ. И долженъ быть хорошій. Съ нимъ я особенно былъ любезенъ, и опять въ твое воспоминаніе.

Послѣ обѣда еще получилъ твое первое письмо. И мы оба съ мама такъ принялись хвалить тебя, что самимъ стало совѣстно. Какъ грустно о Машенькѣ. А Таню маленькую я такъ и вижу, и сіяю при мысли о ней. Прочти имъ: «*Сережа милый, и Таня милая, и Илюша милый, я ихъ люблю. Сережа теперь большой, онъ будетъ писать папашѣ*».—И вели ему написать и Танѣ, т.-е. нарисовать что-нибудь мнѣ.

Изъ театра, не дослушавъ акта, поѣхалъ къ Сушковымъ. Тамъ все, какъ 15 лѣтъ тому назадъ, и также гости; одна кн. Мещерская, урожденная Панина—огромная, съ мужскими чертами женщина, очень добрая и неглупая. Я ее знавалъ барышней, и теперь у нея 4, у меня 3 дѣтей. Очень звала къ себѣ въ середу. Не знаю, поѣду ли. И еще княжна Л...нъ, очень глупая и чопорная барышня. Вернулся домой вмѣстѣ съ нашими и вмѣстѣ ужинали очень весело. Таня весела, но изъ театра какъ вышла, такъ у ней показалась кровь. Ахъ, эта бѣдная, милая Таня! Не могу тебѣ сказать, какъ она мнѣ жалка и мила. Твое письмо тронуло ее такъ, что она не могла скрыть слезъ, и я тоже. Очень грустно, что не намъ пришлось дать ей эти деньги, а все эта крестная путаница.—Тютчева, какъ мнѣ

показалось, очень искренно восхищалась прошлогодней частью 1805 года; говорила, что 2-я часть понравилась ей лучше 1-й, а 3-я лучше 2-й. Я дорожу этимъ мнѣніемъ такъ же, какъ мнѣніемъ Сухотина; оно также выраженіе толпы, хоть немного и повыше Сухотина. Приставали, чтобъ я у нихъ прочелъ что-нибудь, но я сказалъ, что, во-первыхъ, скоро ѣду и мало времени, и что мнѣ нужно, чтобъ заодно слушали тѣ, кого я желаю. Онѣ обѣщаютъ пригласить того, кого я хочу, но я не обѣщалъ рѣшительно. Вяземскаго въ Москвѣ нѣтъ. Завтра уже жду твоего письма, отвѣта на мое, но теперь ужъ недолго писать. Я скоро пріѣду. Дѣлать больше нечего. Ежели я не соберусь еще, то по тому чувству, что все думается, не забылъ ли чего-нибудь еще въ Москвѣ, о чемъ послѣ пожалѣешь. Прощай, мой милый голубчикъ, цѣлую тебя въ глаза, въ шею и руки. Тетенькѣ цѣлую руку. Наташѣ скажи, что Джой въ комнатахъ. И—что̀ значитъ уходъ—не пакостить.

51. **Вторникъ, 15 ноября.**

Кажется бы, не отъ чего, но очень усталъ, милая моя душенька, и напишу коротко. Послѣ кофе пошелъ въ Румянцевскій музей и сидѣлъ тамъ до 3-хъ, читалъ масонскія рукописи, очень интересныя. И не могу тебѣ описать, почему чтеніе нагнало на меня тоску, отъ которой не могъ избавиться весь день. Грустно то, что всѣ эти масоны были дураки. Оттуда пошелъ на гимнастику—чувствовалъ себя сильнѣе прежняго—и обѣдать. Обѣдалъ Анке и С—нъ, пожиравшій все въ огромномъ размѣрѣ и болтавшій безъ умолку. Да еще Варенька Перфильева, которую я не видалъ отъ С—на. Вечеромъ пріѣхали Зайковскія и Башиловъ и изъ типографіи. Суетня, крики Зайковскихъ, торопливость—знаешь это чувство? Я очень радъ былъ, что меня звала княжна Эленъ, я уѣхалъ къ ней, и вотъ сейчасъ отъ нея, гдѣ пробылъ съ ней en tête-à-tête $1^1/_2$ часа и не скучно. Изрѣдка она очень пріятна, но все-таки спать захотѣлось.

Варвинскій былъ безъ меня и нашелъ то же, что Разсвѣтовъ, хотя, по словамъ А. Е. и Л. Ал., сказалъ, что бугорковъ еще нѣтъ, но могутъ быть. Ждалъ во время болтовни С—на и писка Зайковскихъ письма отъ тебя, но проклятая почта вѣрно завтра принесетъ два.

Съ типографіей все не кончилъ. И теперь является опять возможность сдѣлать картинки. Завтра навѣрное все рѣшу, а утромъ постараюсь кончить выписки и чтенія, которыя мнѣ нужны въ музеѣ. Прощай, милая голубушка, до завтра.

52. **Среда, 16 ноября.**

Съ утра пошелъ въ Румянцевскій музей. Чрезвычайно интересно то, что я нашелъ тамъ. И 2-й день не вижу, какъ проходятъ тамъ 3, 4 часа. Это одно, чего мнѣ, кромѣ Берсовъ, будетъ жалко въ Москвѣ. Потомъ зашелъ къ Башилову, и съ нимъ домой. Обѣдали, болтали. Я ждалъ изъ типографіи отвѣта и наконецъ получилъ. Все уладилось. Катковъ проситъ напечатать 4 листа съ тѣмъ, чтобы деньги эти шли въ счетъ печатанья. Я этому даже радъ. Вмѣсто того, чтобъ итти къ Мещерскимъ, куда на меня должны были собраться Сушковы [1]) и неизбѣжный Сухотинъ, просидѣлъ дома. Во-первыхъ, скучно и все извѣстно; во-вторыхъ, тамъ бы надо назначить день читать, и я бы не сумѣлъ отказать, а надо и хочется скорѣе, скорѣе къ тебѣ подъ крылышко. Нынче было одно письмо отъ тебя, и письмо милое, но огорчительное тѣмъ, что оно заставило меня резонно упрекнуть себя. Во-первыхъ, я виноватъ, что не написалъ англичанкѣ или Львову; во-вторыхъ, денегъ тебѣ мало оставилъ. Обойдется, навѣрное обойдется. Я счастливъ, что она тебѣ понравилась [2]). И чувствуется мнѣ, что ты, писавъ пись-

[1]) Сушкова, сестра поэта Тютчева.

[2]) Безъ Л. Н. въ Ясную Поляну пріѣхала приглашенная къ дѣтямъ англичанка, и я писала Льву Николаевичу о затруднительности объясняться съ ней на незнакомомъ языкѣ.

мо, была усталая и не въ духѣ. Но и не въ духѣ ты мнѣ милѣе всего на свѣтѣ, и я злюсь на почту, которая навѣрное задержала одно, а то и два твоихъ письма. Я бы сказалъ тебѣ кое-что о деньгахъ, англичанкѣ и т. д., но уже думаю, что письмо это придетъ нѣсколько часовъ прежде меня. Мечталъ я выѣхать завтра, но едва ли успѣю. Во-первыхъ, надо переговорить съ Башиловымъ; 2-е—поправить начало печатнаго въ рукописи, чтобы оставить въ типографіи. Желѣзная дорога уже ходитъ, и я поѣду по ней въ пятницу, въ 5 часовъ, и къ утру въ субботу обойму и буду цѣловать тебя, мою милую голубушку. И съ англичанкой, и съ дѣтьми, и съ деньгами—все будетъ хорошо. Прощай, душа, цѣлую дѣтей и тетеньку. Таня, бѣдная, все плоха.

1867 годъ.

53. **Москва, 18 іюня.**

Благодаря прекрасному шарабану и товариществу Саши [1]), я доѣхалъ совершенно свѣжій въ Москву. Андр. Евст. встрѣтилъ насъ. Онъ очень былъ веселъ, оживленъ и показался мнѣ посвѣжѣвшимъ. Онъ потребовалъ, какъ и всегда, желая сдѣлать людямъ получше, а себѣ похуже, чтобъ я заѣхалъ съ нимъ къ Рису и Бартеневу [2]). Бартенева не было дома, но онъ пріѣхалъ въ Кремль. Онъ объявилъ мнѣ, что то, что онъ прочелъ изъ новаго, убѣдило его, что пускать надо по 8 руб., и что все разойдется. Такія рѣчи всегда пріятны. Но я не позволилъ себѣ подъ вліяніемъ пріятности обѣщать ему что-нибудь прежде, чѣмъ я разсмотрю дѣло. Нынче же воскресенье, и Риса нѣтъ въ Москвѣ, такъ что я ничего не успѣлъ сдѣлать. Завтра принесутъ корректуры и возьмутъ рукопись.

---

[1]) Братъ мой.

[2]) Корректоръ „Войны и мира“.

Поѣхали обѣдать въ Паркъ очень веселые и довольные. Лиза также. Разсказывали о подробностяхъ свадьбы и дальнѣйшемъ, и всѣ были очень довольны такъ же, какъ и мы сами. Потомъ пошли гулять и встрѣтили братьевъ Горчаковыхъ. Александръ пьяный юродствовалъ, а Дмитрія я зазвалъ къ Андрею Евст. пить чай, и онъ сталъ не глупый и не дурной человѣкъ. Я хотѣлъ итти пѣшкомъ домой, но накрапывалъ дождикъ, и пойду завтра рано утромъ въ Кремль съ тѣмъ, чтобъ тамъ начать дѣйствовать,—просмотрѣть корректуры и листы, которые пришлютъ мнѣ, рѣшить поэтому, годится ли Бартеневъ, и, получивъ отвѣтъ отъ Захарьина [1]), поѣхать къ нему въ Москву или Архангельское. Прощай, душенька, цѣлую тебя и всѣхъ.

54. **Въ тотъ же день.**

У меня на совѣсти, что я не писалъ тебѣ вчера, милый другъ, но, видно, къ лучшему, потому что вчера я написалъ бы тебѣ скверное, не въ духѣ письмо. Ѣхали мы прекрасно, даже особенно счастливо (на заставѣ шоссейной у меня спрашиваютъ 64 копейки. Я сунулъ руку въ карманъ и вынулъ горсть мѣди, ровно 64 коп.).

Потомъ въ вагонѣ сдѣлалъ знакомство съ овцеводомъ предсѣдателемъ, который мнѣ прочелъ практическій курсъ овцеводства,—такой, какого нигдѣ не найдешь. Я и не усталъ, но стала болѣть печень, тошнить, и я, пріѣхавъ въ Москву, несмотря на баню, совсѣмъ расклеился. Въ родѣ моихъ желчныхъ лихорадокъ, какъ на Святой, но гораздо слабѣе. Помѣстились мы внизу: я у барышень, Бибиковъ у Пети. Съ утра послалъ я за Башиловымъ и за Бартеневымъ. Бартеневъ завтра пріѣдетъ изъ Петербурга, а Башиловъ пришелъ (его жена еще не родила) и говорилъ, что Бартеневъ самъ назвался взять на себя мое изданіе.

[1]) Докторъ, профессоръ.

Завтра его увижу, и очень радъ буду, ежели обойдусь безъ Каткова и сойдусь съ нимъ. О картинкахъ на первое изданіе и думать нечего, такъ сказалъ Башиловъ. Потомъ пошелъ на выставку, которая открыта нынче послѣдній день, и нашелъ весьма много уродливаго и глупаго и мало интереснаго. Потомъ поѣхалъ въ Паркъ, куда съ вечера послалъ письмо Л. А. съ своей припиской, и пріѣхалъ въ 4. Папа твой хорошъ и веселъ, и добръ, и милъ ко мнѣ, какъ всегда. Лиза тоже очень мила. Разсказывала она мнѣ про Г...ца и его цинизмъ; это ужасно, неимовѣрно, я разскажу тебѣ это съ аханьями. Потомъ поѣхалъ къ Захарьину; его нѣтъ дома, но онъ въ Москвѣ, и я оставилъ ему записку, прося назначить мнѣ время, когда онъ меня приметъ. Ежели онъ пришлетъ ко мнѣ сказать когда, то это значитъ, что онъ намѣренъ обратить на меня вниманіе, и тогда поѣду къ нему; въ противномъ случаѣ куплю послѣзавтра Киссингенъ и по совѣту Андрея Евстаѳьевича начну пить и пришлю въ Ясную. Потомъ поѣхалъ къ Самарину и тоже не засталъ дома, хотя и въ Москвѣ, и оставилъ свой адресъ.

Вчера, подъѣзжая къ Москвѣ, какъ я увидалъ эту пыль и толпу и почувствовалъ жаръ и шумъ, такъ страшно и гадко стало, что захотѣлось скорѣе бѣжать къ тебѣ подъ крыло. Я всегда тебя еще больше люблю, когда отъ тебя уѣзжаю. А третьяго дня, какъ только я выѣхалъ за Засѣку и обдумалъ хорошенько положеніе нашихъ жениховъ [1]), мнѣ такія пришли мысли, что чуть не попросилъ Бибикова вернуться, чтобъ сказать имъ кое-что, но вспомнилъ слова Любови Александровны, что все воля Божья, и вспомнилъ, что она тамъ, и успокоился. Ахъ, поскорѣе, поскорѣе они бы были счастливы и покойны такъ, какъ я, а не тревожны и неопредѣленны, какими я ихъ оставилъ.

Нынче къ вечеру мнѣ лучше, и завтра надѣюсь быть здоровъ. Этотъ припадокъ тоже удача. Ежели бы его не было, я

---

[1]) Готовилась свадьба Т. А. Берсъ и А. М. Кузминскаго.

бы не подумалъ о Захарьинѣ и не пилъ бы водъ, которыя, вѣроятно, онъ мнѣ предпишетъ и которыя всегда полезны.

Что твои зубы? Неужели ты купаешься? Какъ ты мнѣ мила; какъ ты мнѣ лучше, чище, честнѣе, дороже, милѣе всѣхъ на свѣтѣ. Гляжу на твои дѣтскіе портреты и радуюсь. Я, вѣрно, скоро уѣду: и потому, что мнѣ все удачно идетъ (64 к.), и потому, что безъ тебя нѣтъ во мнѣ никакой экспрессіи. Цѣлую дѣтей, тетеньку и всѣхъ, и вся. Прощай, голубчикъ.

55. **Вторникъ, 20 іюня.**

Почта прелесть—субботнее твое письмо получилъ въ понедѣльникъ, воскресное—сейчасъ, во вторникъ, пріѣхавъ изъ Парка. Сижу одинъ въ комнатѣ во всемъ верху; читалъ сейчасъ твое письмо, и не могу тебѣ описать всю нѣжность, до слезъ нѣжность, которую къ тебѣ чувствую, и не только теперь, но всякую минуту дня. Душенька моя, голубчикъ, самая лучшая на свѣтѣ! Ради Бога, не переставай писать мнѣ каждый день до субботы. Я не вижу возможности пріѣхать раньше воскресенья, а письма получаются на другой день.

Что Танечкинъ кашель? Надѣнь фланель и покутай, время скверное—лѣтніе холода. То, что ты пишешь мнѣ о Танѣ и Кузминскомъ, меня еще не такъ пугаетъ, и это размолвка, которая не исключаетъ любовь. Больше всего я въ нихъ боюсь чувственности и не люблю, а я подмѣтилъ ее. Ну, да не намъ судить. «Богъ», какъ говоритъ Любовь Алекс., и будетъ Богъ, ежели они женятся; а нѣтъ, то всѣ и мы будемъ предъ собой виноваты. Знаешь, меня мучаетъ мысль, что мы Дьякову, такому отличному нашему и ея другу, не сообщили всего. Мнѣ кажется, это надо было сдѣлать. Какъ ты и они думаютъ?

Благодарствуй за твои всѣ распоряженія и съ пчелами, и съ коровами,—это прекрасно. Нынче я въ Петровскомъ-Разумовскомъ купилъ телку по 3-мъ году за 50 рублей. Тотчасъ по полученіи этого письма вышли въ Москву мужика (получше,—

Василья, я думаю) и женщину (не поѣдетъ ли нянина дочь?), чтобы привезти ее. Ежели не поѣдетъ, то послать другую дворовую женщину, нанять; или Иванъ-шорникъ не поѣдетъ ли? Телка прелестная и никогда не водилась. Страшно, чтобы не заморили ее, и потому одному мужику или двумъ мужикамъ нельзя поручить. Это трудно рѣшить, и ты мнѣ прости, что я задаю тебѣ такую задачу; но какъ-нибудь, общимъ совѣтомъ, устройтесь.

Теперь о похожденіяхъ моего дня. Вчера съ вечера еще была присылка отъ Захарьина, въ которой онъ велѣлъ сказать, что онъ къ моимъ услугамъ отъ 2-хъ до 4-хъ и пріѣдетъ ко мнѣ, ежели я хочу, или чтобы я пріѣхалъ. Я рѣшилъ послѣднее. Но прежде, чѣмъ ѣхать къ нему, я поѣхалъ въ типографію Каткова и нашелъ тамъ, что даже съ пересылкой корректуръ возможно напечатать къ 1-му декабря, и что новое изданіе безъ картинъ будетъ стоить около 4-хъ тысячъ, но смѣту еще не сдѣлали и отложили до завтра. Завтра же готовъ будетъ отвѣтъ отъ Бартенева, такъ что завтра я навѣрное рѣшу и напишу контрактъ съ тѣмъ или другимъ,—съ тѣмъ, кто дешевле. Бартеневъ обѣщаетъ безплатно держать корректуры, даже если я буду печатать не у него. Изъ типографіи поѣхалъ къ Самарину [1]) и проговорилъ съ нимъ часа три, и еще болѣе полюбилъ его, и увѣренъ въ томъ же съ его стороны. Оттуда къ Захарьину, и, какъ на бѣду или на счастье, по дорогѣ къ нему почувствовалъ начинающуюся головную боль. Захарьинъ до смѣшного былъ внимателенъ и педантиченъ; разсматривалъ меня, заставлялъ ходить съ закрытыми глазами, и лежать, и дышать какъ-то, и ощупалъ, и остукалъ со всѣхъ сторонъ. Онъ сказалъ мнѣ: у васъ 1) разстройство сильное нервовъ, 2) желчные камни въ желчномъ пузырѣ,—обѣ эти болѣзни неопасныя и легко излѣчимыя; но, кромѣ того, у васъ можетъ быть 3)—хотя я и не предполагаю, но не могу рѣшить, не изслѣдовавъ мочи, это—

[1]) Юрій Ѳедоровичъ, писатель и общественный дѣятель.

сахарное мочеизнуреніе. Завтра мнѣ пришлите мочу, и я скажу вамъ въ четвергъ, что и какъ вамъ лѣчиться. Ан. Ев. апробовалъ все, что сказалъ Захарьинъ, и интересуется знать, что онъ предпишетъ. Я лѣчиться лѣкарствами не буду, и сказалъ ему, что первое условіе моего лѣченія—это жить въ деревнѣ, по образу жизни, который онъ предпишетъ, или водамъ послѣдую. Отъ Захарьина поѣхалъ съ сильнѣйшей мигренью въ Паркъ; тамъ, измучившись часа три, заснулъ, и потомъ поѣхалъ съ Лизой кататься въ Разумовское, тамъ купилъ телку, и оттуда, возвращаясь назадъ, заѣхали въ освѣщенный садъ Сакса и, обойдя этотъ садъ со свойственной этимъ садамъ скукой, вышли оттуда черезъ пять минутъ. Ты спрашиваешь, отчего я не вернусь раньше воскресенья. Завтра, ежели кончу съ Катковымъ, четвергъ и пятницу я просижу въ Паркѣ, поправляя 1-ю часть, которую я обѣщалъ оставить имъ. Кромѣ того, я желаю, и мнѣ нужно, прочесть нѣсколько главъ историческихъ Погодину [1]), Соболевскому [2]), Самарину, Щебальскому [3]). Завтра я поѣду собирать этихъ господъ. Еще нужно размѣнять или заложить билеты на 1000 рублей. Впрочемъ, я нарочно пугаю тебя. Мнѣ самому жить хочется, а безъ тебя мнѣ не то что грустно, страшно,—хотя и это бываетъ, но главное—я мертвый, не живой человѣкъ. И слишкомъ ужъ тебя люблю въ твоемъ отсутствіи. Такъ, что глупо. Прощай, милая, голубчикъ.

56. **Среда, 21 іюня.**

Нѣтъ, буду писать отдѣльно, чтобы писать свободнѣе. У меня два дня мигрень, и теперь, вечеромъ, едва проходитъ. Несмотря на то, я надѣлалъ много дѣлъ. Послѣ пріѣзда Кузминскаго пріѣхалъ Самаринъ и задержалъ меня часа два. Потомъ поѣхалъ къ Бартеневу и окончательно рѣшилъ съ нимъ. Я даю 1000 руб.

[1]) Михаилъ Петровичъ, историкъ, профессоръ Моск. университета.

[2]) Вѣроятно Сергѣй Александровичъ, извѣстный библіографъ.

[3]) Петръ Карловичъ, историкъ и публицистъ.

впередъ; все изданіе будетъ стоить 4500 руб. Изданіе будетъ готово въ ноябрѣ; въ декабрѣ я долженъ отдать 1100 рублей, въ февралѣ остальныя. Корректуры будутъ пересылаться ко мнѣ и потомъ продерживаться Бартеневымъ. Оставить имъ надо въ Москвѣ всю первую печатную часть и 5 листовъ изъ второй. Чтобы сдѣлать это, мнѣ нужно еще два дня,—minimum, и я раньше субботы выѣхать не могу.

У Бартенева я просидѣлъ до 4-хъ, оттуда поѣхалъ дѣлать покупки и къ стыду своему заѣхалъ къ Ржевскому, купилъ у него корову за 80 р. красоты необыкновенной. Оттуда поѣхалъ къ Соболевскому въ клубъ, чтобы поговорить съ нимъ о книгѣ, которая мнѣ нужна; потомъ пріѣхалъ домой, все съ мигренью, и, ничего не ѣвши, пошелъ съ Лизой, съ Леночкой Кузминской и Бибиковымъ въ театръ, такъ какъ я ни на что болѣе неспособенъ. Оттуда въ 10 пришелъ домой, поѣлъ размазни и засыпаю. Телеграмму я послалъ. Саша Кузминскій ни сестрѣ, ни Андрею Евстаѳьевичу, ни Лизѣ ничего еще не сказалъ отъ какого-то конфуза, который обуреваетъ его. Я съ нимъ пытался откровенно объясниться, въ чемъ его недоразумѣнье съ Таней, и онъ хочетъ, и какъ-то робѣетъ или не можетъ, и не хочетъ сказать. Все уладится, очень молодъ. Только жалко, что они съ Таней не объяснились передъ отъѣздомъ. А то ему тяжело. Впрочемъ, онъ сегодня замученный и сонный.

Прощай, душенька; я и не говорю о томъ, какъ мнѣ несносно здѣсь и тянетъ домой. Нечего расчувствоваться, надо дѣйствовать. Завтра и Захарьинъ, и контрактъ.

57. **Четвергъ, 22 іюня.**

Пишу тебѣ изъ Парка, изъ комнаты Лизы, послѣ всѣхъ не только дневныхъ, но и почти недѣльныхъ трудовъ, почти оконченныхъ благополучно. Съ утра промѣнялъ, т.-е. заложилъ 10 билетовъ; потомъ пріѣхалъ Рисъ, типографщикъ, и съ нимъ подписалъ условіе и далъ ему 500 рублей задатка. Рисъ этотъ молодчина, практическій и аккуратный нѣмецъ. Бартеневъ, ко-

торому я далъ 10% за публикаціи, продажу и складъ книгъ, тоже аккуратнѣйшій человѣкъ и знающій дѣло, такъ что, мнѣ кажется, лучше нельзя было устроить изданіе. Все будетъ стоить около 4500 р.; окончено будетъ въ первыхъ числахъ ноября, корректуру буду держать я самъ и потомъ Бартеневъ—въ смыслѣ исправности и даже правильности языка, который я ему смѣло разрѣшилъ поправлять. Экземпляровъ напечатается 4800 и продаваться будутъ по 8 руб. за экземпляръ. Изъ этого 30% отдадутся: 10—Бартеневу и 20—книгопродавцамъ. Противъ прежняго проекта я даю лишнихъ 5% Бартеневу за свое спокойствіе. Теперь нужно мнѣ оставить поправленную всю 1-ю часть и нѣкоторую долю второй, а для этого нужно часовъ шесть здороваго и спокойнаго времени, которое я надѣюсь найти до субботы.

Провозившись до 3-хъ съ Рисомъ и Бартеневымъ, я поѣхалъ къ Захарьину, и у него прождалъ часъ и просидѣлъ другой. Предполагаемой имъ во мнѣ болѣзни нѣтъ, съ чѣмъ онъ меня поздравилъ, а желчные камни и нервное разстройство; онъ рѣшилъ лѣчить меня карлсбадскими водами и умолялъ меня остаться три дня пить воды подъ его наблюденіемъ, съ тѣмъ, чтобы предписать дальнѣйшее. Я не согласился, но все-таки завтра и въ субботу буду пить воды у Редлиха и поѣду еще къ нему.

Кромѣ того, онъ въ Тулѣ будетъ 7-го іюня и телеграфируетъ мнѣ или самъ пріѣдетъ и увидитъ дѣйствіе водъ. Онъ обѣщаетъ совершенное излѣченіе сначала горячими карлсбадскими водами, а потомъ холодными купаньями. Но предписалъ строжайшій режимъ, которому я, съ твоею помощью, постараюсь слѣдовать. Захарьинъ продержалъ меня такъ, что я только въ 5 пріѣхалъ въ Паркъ на чудесный, но простѣйшій Трифоновнинъ обѣдъ, въ которомъ принимали участіе Бибиковъ, Кузминскій и Фуксы [1]). Послѣ обѣда пошли гулять пѣшкомъ до Разумовскаго и вотъ только вернулись, и не было возможности вернуть-

[1]) Фуксъ, впослѣдствіи сенаторъ, былъ женатъ на сестрѣ Кузминскаго, Еленѣ Михайловнѣ.

ся; а завтра опять все утро пройдетъ въ хлопотахъ, питьѣ водъ, Захарьинѣ и съ Бартеневымъ. Я уже и мысль о чтеніи отбросилъ и завтра намѣренъ пріѣхать обѣдать въ 2 въ Паркѣ и весь вечеръ работать.

Кузминскій ничего не говорилъ ни Ан. Ев., ни Фуксамъ. Инстинктъ вѣрнѣе ума. Ничего изъ этого не выйдетъ, и тѣмъ лучше. Сію секунду на этихъ словахъ онъ вошелъ ко мнѣ въ Лизину комнату и сѣлъ писать Танѣ. Нѣтъ, писать объ этомъ нельзя, и роль наша молчать и ждать; но ежели онъ вернется со мной, ничего не сказавъ своимъ, то мнѣ кажется, что нашъ долгъ прекратить его посѣщенія въ Ясную. Вотъ горе и мука свалились на насъ, когда мы того менѣе всего ждали. Я даже хочу обмануть его, сказавъ, что ѣду въ воскресенье, и уѣхать въ субботу.

Я нынче совсѣмъ здоровъ, и все такъ же, какъ и вчера, и, чѣмъ ближе подвигается конецъ разлуки, стараюсь не думать о тебѣ и обо всей милой Ясной, несмотря на поденныхъ и работниковъ. Еще нужно не отпирать заслонки и работать безтолково и поспѣшно, какъ это всегда дѣлается въ городѣ.

Прощай, голубчикъ. Цѣлую мама, тетеньку, дѣтей. Папа очень здоровъ и милъ ко мнѣ и ко всѣмъ, какъ всегда.

Сверху письма приписано:

Не переписанное продолженіе романа осталось дома или нѣтъ?

Поѣздка осенью въ Москву.

58. Изъ Тулы.

Мнѣ всю дорогу было грустно ѣхать въ Тулу, оттого что я тебя такъ глупо обидѣлъ. Пожалуйста, голубчикъ, не отдавайся безъ меня минутнымъ впечатлѣніямъ и не сдѣлай себѣ вреда. Я увѣренъ, что ты уже б.....

Я пріѣду какъ можно скорѣе. Но лошадь вышли въ пятницу, къ раннему поѣзду. И ежели завтра будетъ случай (ѣдутъ съ яблоками), напиши мнѣ въ Москву. А съ лошадью непремѣнно напиши. Прощай, душенька, цѣлую тебя.

59. **Москва.**

Любезный другъ! Пріѣхалъ я вчера прямо въ типографію, отдалъ, что нужно; потомъ поѣхалъ къ Голицыну [1]). Онъ идеально прекрасный корректоръ, но большой копунъ. Просидѣлъ у него до часа и ночевалъ въ «Россіи». Толстой послалъ телеграмму. Отвѣта еще нѣтъ. Къ Урусову [2]) поѣду въ часъ. Покупки и разныя дѣла хочу сдѣлать сейчасъ, утромъ. Какъ видишь, писать нечего, потому что я ничего еще не дѣлалъ, а все буду дѣлать. Сейчасъ обругалъ всю гостиницу за дурной кофе и отослалъ его назадъ. И все оттого, что натощакъ. Напишу еще завтра. Цѣлую всѣхъ.

60. **Москва.**

Милый другъ! Я пріѣхалъ въ Москву прекрасно. Спалъ почти всю дорогу. Заѣхалъ къ Рису [3]), съ нимъ все благополучно. Послалъ къ Урусову. Онъ пришелъ ко мнѣ: съ нимъ проговорилъ все утро и съ нимъ поѣхалъ къ Юрьеву [4]) и Самарину. Обоихъ ихъ пригласилъ вечеромъ къ Урусову. Обѣдалъ у Урусова. Отъ него, чтобъ дать отдохнуть головѣ и посмотрѣть новую пьесу Островскаго, пошелъ въ театръ. Не досидѣлъ тамъ и всей пьесы и вернулся къ Урусову, гдѣ вчетверомъ договорили до 3-го часа. Историческія мысли мои поразили очень Юрьева и Урусова и очень оцѣнены ими; но съ Самаринымъ, вовлекшись въ другой философскій споръ, и не успѣли поговорить объ этомъ. Я нѣсколько разочаровался въ немъ. Вчера пришелъ домой въ половинѣ 3-го съ головной болью, и оттого, что

---

[1]) Кн. Сергѣй Владиміровичъ Голицынъ.

[2]) Кн. Сергѣй Семеновичъ Урусовъ, генералъ участникъ Севастопольской обороны, крестный отецъ нашихъ дѣтей, Левы и Маши.

[3]) Въ типографіи Риса печаталась „Война и миръ“, 1-е изданіе.

[4]) Сергѣй Андреевичъ, переводчикъ Шекспира, основатель журнала „Русская Мысль“.

не было бумаги и конверта, не могъ написать тебѣ. Нынче проснулся въ 12, освѣженнымъ и здоровымъ, послалъ за чаемъ (право уменъ?) и сейчасъ все переговорилъ съ Рисомъ. Шерсть еще не продалъ, и онъ сейчасъ ѣдетъ за ней на желѣзную дорогу, и ему я поручаю отдать это письмо кондуктору, чтобъ доставить его на почту въ Тулу.

Можешь себѣ представить, что Н. П. извѣстіе ложно, какъ всегда. Машенька съ 15-го числа въ Москвѣ. Я знаю это отъ Урусова, который былъ у нихъ въ тотъ день, какъ я пріѣхалъ, и отъ княгини, у которой былъ П. И. вчера же. Она знаетъ, что я пріѣхалъ, но я еще не былъ у нихъ, нынче поѣду обѣдать или вечеромъ. Вотъ и все существенное. Захарьина постараюсь увидать. Но ты не можешь себѣ представить, какъ мало времени, когда есть дѣла, какъ мои,—такія, какъ переговорить съ Самаринымъ, съ Юрьевымъ,—дѣла, которыя требуютъ сосредоточеннаго вниманія. Я вчера, напримѣръ, ничего не сдѣлалъ съ Самаринымъ, потому что былъ уставши и не хотѣлъ высказать кое-какъ то, что мнѣ было нужно.

Прощай, душенька, до свиданья. Кромѣ мысленныхъ потребностей нѣтъ ничего на свѣтѣ, чтобы хоть немножко занимало меня и отвлекало отъ мысли о тебѣ и домѣ. Это вчера мнѣ показалъ театръ. Ушелъ отъ скуки, не доглядѣвъ новую пьесу и игранную прекрасно. Скучно стало.

1869 годъ.

Письма съ поѣздки въ Пензенскую губ. для осмотра имѣнія, которое Левъ Николаевичъ предполагалъ купить и не купилъ.

61. **Москва. Читай одна.**

Весь день провелъ въ разспросахъ и нерѣшительности, какимъ путемъ ѣхать: на Моршанскъ или на Нижній. Ильина, которая ѣхала со мной до Москвы, увѣряла меня, что лучше на

Моршанскъ. Но изъ всѣхъ разспросовъ здѣсь, на почтѣ и у брата управляющаго пензенской деревней, котораго я нашелъ здѣсь, я вывелъ, что на Моршанскъ путь неопредѣленный и можно ошибиться, потому рѣшился ѣхать на Нижній. Стало быть, пиши въ Саранскъ, на почту, и въ Нижній, въ гостиницу Соболева. Братъ управляющаго—богатый купецъ въ Москвѣ, и по разговорамъ съ нимъ я догадываюсь, что у его брата теплое мѣсто тамъ (онъ управляетъ уже 15 лѣтъ), и что на покупателя смотрятъ недоброжелательно.

У проклятаго Риса ничего не готово, и я не видалъ своихъ корректуръ и, должно быть, не успѣю взять съ собой. Голицына не видалъ и, должно быть, не увижу. Вчера ничего дорогой не ѣлъ, и съ тѣмъ, чтобы поужинать и разспросить о дорогѣ, поѣхалъ въ клубъ, гдѣ ничего толкомъ не узналъ и видѣлся съ Менгденомъ, Соболевскимъ и фонъ-Визинымъ, и, поужинавъ, тотчасъ уѣхалъ. Печень все еще болитъ, но, кажется, меньше.

Такъ какъ теперь еще 2-ой часъ, а поѣздъ идетъ въ 5, то хочу съѣздить къ Перфильевымъ,—не знаютъ ли они подробности о Пензѣ. Встрѣтилъ, разумѣется, Сухотина. Между прочимъ онъ мнѣ разсказалъ, что Вяземскій сочинилъ шутливые стихи на придворныхъ, и между прочимъ:

Надъ Трубецкимъ трунитъ Толстая,
Толстыхъ я вижу въ ней закалъ,
„Войны и мира“ часть седьмая,
Благодарю, не ожидалъ.

У Соловьева [1]) денегъ только рублей 500. Онъ говоритъ, что идетъ туго и потому, что лѣто, и потому, что ждутъ 6-ой томъ.

Я всегда съ тобой, и въ особенности при разставаніи, бываю въ размягченномъ и кроткомъ настроеніи. Въ такомъ духѣ я и пріѣхалъ въ Тулу и имѣлъ неудовольствіе видѣть А., эгоиста холоднаго, мелкаго, злого; и такъ больно было сердиться на

[1]) Книгопродавца.

него, а нельзя иначе. Я увѣренъ, что онъ не пустилъ Т..... Онъ одинъ изъ тѣхъ людей, радость жизни которыхъ состоитъ въ томъ, чтобъ дѣлать другимъ непріятности. Ему, я увѣренъ, слаще обѣдъ, если онъ отниметъ его у другого.

Купилъ книгъ и бульона; вина куплю въ Нижнемъ. Изъ Шумина (?) узнаю ужъ навѣрное, можно ли ѣхать на Моршанскъ. Но едва ли. Да и во всякомъ случаѣ поѣду назадъ, чтобы получить твои письма. Прощай, душенька.

62.

Пріѣхалъ благополучно въ Нижній нынче, 2-го [1]), въ 8-мъ часу утра. Тутъ начинаются трудности путешествія. Ни отъ кого ничего не добьешься. Всѣ стараются прижать. Экипажи, которые можно достать—тарантасы, не лучше телѣги, да еще угрожаютъ сломаться. Такъ что я рѣшился ѣхать на перекладной. Теперь разъѣздъ съ ярмарки, и, говорятъ, на станціи лошадей не будетъ. На перекладной все-таки легче передвигаться и нѣтъ опасности сломать, и въ случаѣ грязи все-таки уѣдешь. Въ тарантасѣ ѣхалъ бы и день и ночь, теперь буду ночевать. По всему судя, дай Богъ 4-го добраться до мѣста. Ѣхалъ я изъ Москвы до Нижняго рѣшительно одинъ; только до Павлова, 60 верстъ отъ Москвы, ѣхалъ со мной купецъ, богачъ Лабазинъ, съ которымъ я имѣлъ чрезвычайно интересный разговоръ о божественномъ. Разскажу, когда пріѣду. Прощай, душенька. Только напился кофе, тебя поминалъ и спѣшу на почту. Надѣюсь выѣхать въ 12-ть. До Саранска 255 верстъ и оттуда 60.

63.

Пишу тебѣ изъ Саранска, милый другъ. Доѣхалъ почти до мѣста. Отсюда 46 верстъ. Я беру вольныхъ и ѣду прямо до мѣста. Что съ тобой и дѣтьми? Не случилось ли что? Я второй день мучаюсь безпокойствомъ. Третьяго дня въ ночь я ночевалъ

[1]) Августа.

въ Арзамасѣ, и со мной было что-то необыкновенное. Было 2 часа ночи, я усталъ страшно, хотѣлось спать и ничего не болѣло. Но вдругъ на меня нашла тоска, страхъ, ужасъ такіе, какихъ я никогда не испытывалъ. Подробности этого чувства я тебѣ разскажу впослѣдствіи; но подобнаго мучительнаго чувства я никогда не испытывалъ, и никому не дай Богъ испытать. Я вскочилъ, велѣлъ закладывать. Пока закладывали, я заснулъ, и проснулся здоровымъ. Вчера это чувство въ гораздо меньшей степени возвратилось во время ѣзды, но я былъ приготовленъ и не поддался ему, тѣмъ болѣе, что оно и было слабѣе. Нынче чувствую себя здоровымъ и веселымъ, насколько могу быть безъ семьи. Въ эту поѣздку я въ первый разъ почувствовалъ, до какой степени я сросся съ тобой и съ дѣтьми. Я могу оставаться одинъ въ постоянныхъ занятіяхъ, какъ я бываю въ Москвѣ, но какъ только безъ дѣла, я рѣшительно чувствую, что не могу быть одинъ.

Кажется по всему, что я узналъ здѣсь, что я поѣду назадъ на Моршанскъ, что гораздо ближе. Въ Саранскъ и въ Нижній я напишу на почту съ вложеніемъ марки, чтобъ мнѣ прислали твои письма въ Тулу.

Ѣхалъ я все время одинъ, какъ въ пустынѣ, не встрѣтивъ ни одного цивилизованнаго человѣка. Отъ Нижняго до $^2/_3$ дороги одинъ характеръ мѣстности—песчаный грунтъ, прекрасныя мужицкія постройки въ родѣ подмосковныхъ. Я не люблю этотъ характеръ. Къ Саранску начинается черноземъ, похоже все на Тулу и очень живописно.

Я надѣюсь сократить свой отпускъ, но ничего рѣшительно не пишу, пока не былъ на мѣстѣ. Страшно, главное, ненастье. Морозъ подираетъ по кожѣ при одной мысли ѣхать назадъ эти 300 верстъ по грязи.

Я забылъ двѣ вещи: кожанъ и варенье. Но кожанъ я намѣренъ замѣнить кафтаномъ, который куплю, а варенье замѣню сахаромъ.

Прощай, душенька. Одно хорошо, что мыслей о романѣ и философіи совсѣмъ нѣтъ.

1870 годъ.

64. **Осень. Москва.**

Пріѣхалъ я прекрасно. Спалъ и у Кузминскихъ, и въ вагонѣ. Машенька въ такомъ же, какъ и прошлаго года, болѣзненномъ раздраженіи. Женихъ [1]) настаиваетъ, чтобъ дѣлать свадьбу въ генварѣ, а она хочетъ послѣ заграницы, въ маѣ. Докторъ Череновъ будто бы сказалъ, что и Лизѣ [2]) опасно для здоровья выходить замужъ, а лучше ѣхать за границу. Я былъ мягокъ и дипломатиченъ, сколько могъ, и кажется, удалось успокоить. Я рѣшилъ, что во всякомъ случаѣ имъ надо ѣхать какъ можно скорѣе за границу, но передъ отъѣздомъ рѣшить окончательно вопросъ о здоровьи Лизы. Для этого я сейчасъ ѣду къ Захарьину и постараюсь привезти его къ Лизѣ. Если, какъ я увѣренъ, онъ скажетъ, что Лизѣ ничего опаснаго нѣтъ выходить замужъ, то тогда пускай женихъ пріѣдетъ въ генварѣ въ Дрезденъ, и тамъ они сыграютъ свадьбу приличнѣе и дешевле, чѣмъ въ Москвѣ, и молодые уѣдутъ въ Россію. Если же и Захарьинъ скажетъ, что лучше ждать до весны, тогда такъ и надо сдѣлать. Всѣ согласились съ моимъ планомъ, кромѣ жениха, котораго къ несчастью нѣтъ въ Москвѣ. Лицо по портрету хорошее; Лиза, кажется, влюблена, и я веселѣе смотрю на эту свадьбу, чѣмъ прежде.

Видѣлъ Васеньку и тобой столь любимую чучелу Полиньку. Васенька очень милъ, какъ всегда. Урусовъ былъ у меня и возилъ въ оперу Марту, которую я высидѣлъ съ трудомъ $1^1/_2$ акта. Стою я въ «Россіи». Рано легъ спать, выспался и принимаюсь за дѣла. Нынче буду обѣдать у стариковъ Перфильевыхъ. Ну, до свиданья, душенька. Веселиться никакъ не умѣю. Дьяковыхъ не видалъ, но знаю, что они здоровы и опять въ дружбѣ съ Машенькой.

---

[1]) Князь Леонидъ Дмитр. Оболенскій, женившійся на дочери Маріи Николаевны—гр. Елизаветѣ Валерьяновнѣ Толстой.

[2]) Елизавета Валерьяновна, дочь гр. Маріи Николаевны Толстой.

1871 годъ.

Письма съ поѣздки въ Самарскія степи на кумысъ съ моимъ братомъ Степой въ іюнѣ и въ іюлѣ 1871 года.

65.

Я ѣду въ Самару, все сдѣлалъ. Буду писать. Едва поспѣлъ на чугунку. Няня прекрасная Танѣ, *Линдгольмъ. Домъ Понятковскаго, Колок. пер., домъ Швабе*, 12 рублей, по рекомендаціи пастора, молодая. Пускай Таня ей пишетъ и вышлетъ 3 рубля на дорогу. Я одобряю. Не красивая.

Твой *Л. Т.*

66. **9 іюня.**

Продолжаю тебѣ свой дневникъ. Спалъ нехорошо. Все спина болитъ. Утромъ всталъ и, старательно избѣгая знакомыхъ, поѣхалъ по дѣламъ: въ банкъ, опять къ Рису и по англичанкамъ. Все устроилось прекрасно, благодаря Степѣ. Когда нужна степенность, я прихожу въ аккуратность; когда нужна рѣшительность, я дѣлаю: Танѣ я писалъ о нянькахъ. Она мнѣ очень понравилась; простая и работящая, должно быть. Одно не хорошо, что она часто перемѣняла мѣста.

Бумагу я такъ радъ, что выручилъ, что велѣлъ послать въ Петербургъ. Соловьева обругалъ и учелъ, но денегъ съ него больше не слѣдуетъ. Купилъ, что нужно, и книгъ. И вернулся домой въ 4. Нашелъ Тимоѳея, чему былъ очень радъ, и поѣхалъ съ Леонидомъ обѣдать на выставку. Обѣжалъ выставку и немного опоздалъ. Я подъѣзжалъ къ дебаркадеру, былъ 2-й звонокъ, и билетовъ не выдаютъ. Первое лицо я встрѣчаю растрепаннаго барина съ барынею, которые мнѣ кричатъ: «Хо-

тите взять билетъ? я взялъ, но вещи мои не пріѣхали, и билетъ пропадаетъ». Я говорю: «Мнѣ до Нижняго». Онъ говоритъ: «И я до Нижняго». Я говорю: «Мнѣ нельзя одинъ билетъ, мнѣ два». Онъ говоритъ: «У меня два».—Я заплатилъ барину 18 рублей, вскочилъ въ вагонъ, 3-й звонокъ, и поѣхалъ. Къ чему это, я не знаю, но необыкновенно.

На дорогѣ перешелъ въ 1-й классъ, но почти всю ночь не спалъ. Съ машины прямо на пароходъ «Кавказъ и Меркурій», и теперь пишу съ парохода. Просторно; всего два мужчины—помѣщикъ и самарскій прокуроръ, и семейство съ дѣтьми. Датчане, кажется. Удобно, красиво, и погода прелестная. Отчего мы не всѣ ѣдемъ вмѣстѣ? Такъ легко и просто, и покойно. А какое бы веселье! А ужъ Петя гдѣ бы усталъ, я не знаю. Ну, да только дай Богъ въ Ясной ему поправиться.

Когда ты дѣлала планы поѣздки въ Ходынино [1]) безъ меня, я очень легко смотрѣлъ на это, а теперь боюсь. Но это не значитъ, что не ѣзди. Поѣзжай, я знаю, что тебѣ пріятно будетъ, но я боюсь. Не скучай моимъ отъѣздомъ. Я теперь чувствую, что я прокладываю дорогу для нашихъ будущихъ поѣздокъ, которыя будутъ наслажденье. И такъ все время буду смотрѣть и прилаживать на Тананыкѣ. Прощай, милая душенька, пиши какъ можно чаще, всѣ мелочи, все мнѣ дорого знать.—Какъ всегда, кто похвалитъ кого изъ моихъ дѣтей, на того я больше обращаю вниманія. Урусовъ похвалилъ Илюшу, и я все его вспоминаю. Спроси ихъ, что они велятъ себѣ привезти. До Самары плыть не трое сутокъ, какъ я думалъ, а двое.

67.

Пишу тебѣ на пароходѣ. Письмо поѣдетъ изъ перваго города, куда пристанемъ. Въ Москвѣ была такая суета, что не успѣлъ. Не успѣлъ особенно потому, что вопросъ о томъ, ѣду ли я на Саратовъ или на Самару, рѣшился для меня за часъ до отъ-

[1]) Имѣнье, гдѣ жила тогда моя сестра Лиза Павленкова.

ѣзда. Напишу все съ начала. Пріѣхалъ я прямо къ Васенькѣ. Володя же поѣхалъ прямо въ Петербургъ. Васеньки не было дома, но онъ скоро пріѣхалъ. О томъ, гдѣ кумысъ, они ничего не умѣли мнѣ сказать. Деньги, 75 р., а не 100, какъ я думалъ, онъ мнѣ отдалъ. Я написалъ съ вечера телеграмму Захарьину въ Братцово. Утромъ пошелъ дѣлать покупки и искать пяню и доктора; и все нашелъ, кромѣ доктора. Никого не было въ городѣ, а ѣхать на дачу за Никулинымъ или Захарьинымъ, который телеграммой вызвалъ меня обѣдать, я не рѣшился, ибо это задержало бы меня на цѣлый день. То, что сказали бы доктора, мы знаемъ. Сказали бы, что ничего замѣтнаго нѣтъ, а ѣхать не худо. Вопросъ о томъ, куда ѣхать, я долго не могъ рѣшить. Бартеневъ, который купилъ имѣнье у Аткарска, увѣрялъ, что тамъ хорошій кумысъ. Васенька тоже, что у Саратова. Но тамбовскіе доктора: Филипповичъ и Леонтьевъ, которыхъ я встрѣтилъ, и Самаринъ, всѣ утвердительно сказали, что несомнѣнно и несравненно лучше климатъ и кумысъ, признаваемый всѣми докторами, есть самарскій. Дорогой встрѣтилъ еще доктора и знающихъ людей, которые всѣ подтвердили, что Самара лучше всего, и я ѣду на старое мѣсто. Пиши мнѣ, пожалуйста, и поскорѣй въ Самару до того времени, когда я пришлю другой адресъ. Я въ самарскомъ почтамтѣ распоряжусь, куда мнѣ высылать.

Теперь о нянькахъ. Боюсь, что Таня затруднится моимъ телеграфическимъ, краткимъ письмомъ. Былъ я у нѣмецкаго пастора; самъ пасторъ и особенно вдова старушка Дикгофъ дали мнѣ 5 адресовъ, изъ которыхъ я былъ по двумъ. Одну не засталъ дома; другую, которую болѣе всего рекомендовалъ Дикгофъ, Линдгольмъ, которой я послалъ адресъ, Степа нашелъ, и она пріѣзжала ко мнѣ. Ей 25 лѣтъ. Жила она 6, кажется, лѣтъ нянькой на одномъ мѣстѣ, у Мезенцова; наружностью не очень пріятна. Но видно честная дѣвушка, здоровая и не балованная. На 12 рублей согласна, съ надеждой на прибавку въ будущемъ. Обязанности я ей расписалъ: ходить за двумя стар-

шими, держать бѣлье, платья, спать съ ними и шить. И учить читать и писать по-нѣмецки. Языкъ нѣмецкій хорошъ. По-русски говоритъ. Я бы ее взялъ. Проситъ, чтобъ дорогу въ Тулу ей заплатили и чтобъ черезъ годъ дали на обратный проѣздъ, если не сойдетесь. Я ничего не сказалъ. Она обѣщала ждать отвѣта 5 дней. Если бы не понравилась, послать назадъ въ Москву, не важно еще 3 рубля. Деньги бы можно ей передать черезъ Васеньку, 3 р., т.-е. ей написать, чтобы она къ нему зашла, а Васенькѣ написать, чтобы онъ ей далъ.

Отъ масленника я денегъ не получилъ, и онъ обѣщалъ и не пришелъ, слѣдовательно, эти деньги получатся тобой. С... купилъ отличное и съ усовершенствованіями, и пришлется вмѣстѣ съ pas-de-géant, который купилъ у Пуарэ за 28 рублей. Установка pas-de-géant слѣдующая: призови мужчинъ, и всѣ старайтесь понять и исполнить.

(Далѣе слѣдуетъ описаніе постановки pas-de-géant, написанное чужимъ почеркомъ.)

Вышлются вещи въ среду. Здоровье мое не только ничего, но, кажется мнѣ, даже совершенно хорошо. Поцѣлуй дѣтей, себя и всѣхъ нашихъ. Пиши, пожалуйста, поподробнѣе. Степѣ я очень радъ. Онъ очень кротокъ и милъ. Любовь Александровна, вѣрно, у насъ; поцѣлуй ее и Славочку. Мнѣ ужасно пріятно, что она съ тобой.

68. **14 іюня. Ночью.**

Пишу изъ деревни Дубовой, первая станція къ Каралыку, тамъ, гдѣ я былъ. Сколько я ни спрашивалъ, ничего лучше этого нѣтъ. Двое сутокъ мы ѣхали по Волгѣ; очень занимательно, но безпокойно. Я бы сказалъ, что совсѣмъ здоровъ, коли бы не безсонницы и очень унылое расположеніе духа. Дѣйствительно, Степа мнѣ полезенъ, и я чувствую, что съ нимъ у меня арзамасской тоски не сдѣлается. Кумысники такъ расплодились, что 4 заведенія около Самары набиты биткомъ, и больше ни квартиръ, ни кумысу

нѣтъ. Боюсь, чтобъ того же не было на Каралыкѣ. Неудобство Каралыка главное въ томъ, что туда нѣтъ почты, и я безъ ужаса не могу подумать о томъ, что и ты, и я можемъ пробывать по двѣ недѣли безъ писемъ. Я рѣшился вотъ какъ: я буду писать тебѣ всякій разъ, какъ будетъ случай изъ Каралыка въ Самару. Но если въ недѣлю не будетъ случая (я надѣюсь, что будетъ чаще), то я нарочно буду посылать въ Самару свои письма и на почту за твоими. Ты пиши, какъ я говорилъ, чѣмъ чаще, тѣмъ лучше, но не менѣе двухъ разъ въ недѣлю. Не знаю, что будетъ дальше, но до сихъ поръ я не выходилъ изъ тоски. Степа очень пріятенъ. Прощай, душенька, цѣлую всѣхъ.

69. **15 іюня.**

Пишу тебѣ нѣсколько словъ, потому что усталъ и нездоровится. Усталъ я потому, что только что проѣхалъ послѣднія 130 верстъ до Каралыка. Башкирцы мои всѣ меня узнали и приняли радостно; но, судя по тому, что я увидалъ вчера, у нихъ совсѣмъ не такъ хорошо, какъ было прежде. Землю у нихъ отрѣзали лучшую; они стали пахать, и бо́льшая часть не выкочевываетъ изъ зимнихъ квартиръ. Я помѣстился, однако, въ кибиткѣ, купилъ собаку за 15 рублей и собираюсь съ нетерпѣніемъ выдержать свой искусъ. Но ужасно трудно. Тоска, и вопросъ: зачѣмъ занесло меня сюда, прочь отъ тебя и дѣтей; и найду ли я тебя и ихъ такими, какими оставилъ. Впрочемъ, нынче усталъ и не въ духѣ. Каждую недѣлю надѣюсь получать извѣстія. Прощай, душенька, обнимаю тебя.

70. **18 іюня.**

Пишу тебѣ четвертое письмо, милый другъ; отъ тебя еще не получалъ и не могъ получить. Жду понедѣльника, когда посланный привезетъ письма изъ Самары. Пріятнаго ничего не могу написать тебѣ. Здоровье все не хорошо. Съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ сюда, каждый день въ 6 часовъ вечера начинается *тоска*,

какъ лихорадка, тоска физическая, ощущеніе которой я не могу лучше передать, какъ то, что душа съ тѣломъ разстается. Душевной тоскѣ по тебѣ я не позволяю подниматься. И никогда не думаю о тебѣ и дѣтяхъ, и оттого не позволяю себѣ думать, потому что всякую минуту готовъ думать, а стоитъ только задуматься, то сейчасъ уѣду. Состоянія я своего не понимаю: или я простудился въ кибиткѣ первыя холодныя ночи, или кумысъ мнѣ вреденъ, но въ 3 дня, которые я здѣсь, мнѣ хуже. Главное—слабость, тоска, хочется играть въ милашку и плакать, а ни съ башкирцами, ни со Степой это неудобно.

Живемъ мы въ кибиткѣ, пьемъ кумысъ (Степа тоже, всѣ его угощаютъ); неудобства жизни привели бы въ ужасъ твое кремлевское сердце: ни кроватей, ни посуды, ни бѣлаго хлѣба, ни ложекъ. Такъ что, глядя на насъ, ты бы легче переносила несчастья пережаренной индѣйки или недосоленнаго кулича. Но неудобства эти нисколько не непріятны, и было бы очень весело, если бы я былъ здоровъ. А то я нагоняю тоску на Степу. И я вижу, ему скучно. Охота порядочная. Я разъ ходилъ и убилъ 2-хъ утокъ. Тутъ живетъ, кромѣ насъ, человѣкъ 10 кумысниковъ всякаго сорта: товарищъ прокурора, адвокатъ, помѣщикъ, попы, купцы, и я нашелъ профессора семинаріи греческаго языка и съ нимъ читалъ.

Я насчетъ себя рѣшилъ, что жду до того воскресенья, 27-го, и если не пройдетъ тоска и лихорадка, то поѣду домой. Тутъ было холодно по ночамъ; но со вчерашняго дня, 17-го, началась жара ужасная, и я нынче говорилъ Степѣ, который нылъ, что если запуститься, то можно притти въ отчаяніе отъ этой жары; главное, отъ мысли, что на сотни верстъ кругомъ не найдешь буквально ни одного дерева, и что укрыться отъ солнца можно только въ кибиткѣ, которая пропечена солнцемъ и въ которой мы сидимъ голые и то потѣемъ. Больнѣе мнѣ всего на себя то, что я отъ нездоровья своего чувствую себя $^1/_{10}$ того, что есть. Нѣтъ умственныхъ, а главное—поэтическихъ, наслажденій. На все смотрю, какъ мертвый,—то самое, за что я не любилъ многихъ людей. А теперь самъ только вижу, что есть; понимаю, со-

ображаю, но не вижу насквозь, съ любовью, какъ прежде. Если и бываетъ поэтическое расположеніе, то самое кислое, плаксивое, хочется плакать. Можетъ быть, переламывается болѣзнь.

Что дома? Пиши все подробнѣе обо всемъ. Думать я о тебѣ себѣ не позволяю наяву; зато во снѣ вотъ двѣ ночи вижу тебя. Вчера ты куда-то очень развязно уѣзжала, а я тебя всякими хитростями старался удержать, и былъ въ отчаяніи. А нынче Таня сестра въ бархатномъ платьѣ куда-то ѣхала, и мы съ тобой ее удерживали.

Прощай, душенька. Пиши больше. Цѣлуй всѣхъ. Адресъ: Самара, до востребованья.

71. **23 іюня.**

Съ радостью пишу тебѣ хорошія вѣсти, милый другъ, о себѣ, т.-е. что два дня послѣ послѣдняго письма моего къ тебѣ, гдѣ я жаловался на тоску и нездоровье, я сталъ себя чувствовать прекрасно, и совѣстно, что я тебя тревожилъ. Не могу, по привычкѣ, ни писать, ни говорить тебѣ того, что не думаю. Мучительно только то, что завтра 2 недѣли, какъ я изъ дома, и ни слова еще не получалъ отъ тебя. Ужасъ беретъ, какъ я подумаю и живо представлю тебя и дѣтей, и все, что съ вами можетъ случиться. Въ томъ, что я не получалъ отъ тебя писемъ, никто не виноватъ, кромѣ мѣстности,—130 верстъ не-почтоваго тракта. Завтра будетъ недѣля, что поѣхалъ посланный башкирецъ, который долженъ былъ вернуться въ воскресенье,—нынче середа, и его нѣтъ. Теперь я узналъ новый мой адресъ, который я приложу въ концѣ. Пиши черезъ разъ: одинъ разъ въ Самару, другой разъ по новому адресу. Когда я получу письма, я напишу, какой адресъ лучше.

То, на что я жаловался—тоска и равнодушіе—прошли; чувствую себя приходящимъ въ скиѳское состояніе, и все интересно и ново. Скуки не чувствую никакой, но вѣчный страхъ и недостатокъ тебя, вслѣдствіе чего считаю дни, когда кончится мое оторванное, неполное существованіе. 6 недѣль я, день въ день, выдержу, и потому къ 5-му августа думаю, и не смѣю говорить и ду-

мать, думаю быть дома. Но что будетъ дома? Всѣ ли дѣлы, всѣ ли такими же, какими я оставилъ. Главное, ты. Ново и интересно многое: и башкирцы, отъ которыхъ Геродотомъ пахнетъ, и русскіе мужики, и деревни, особенно прелестныя по простотѣ и добротѣ народа. Я купилъ лошадь за 60 рублей, и мы ѣздимъ со Степой. Степа хорошъ. Иногда очень восторженъ и все съ значительнымъ видомъ ругаетъ Петербургъ; иногда пристаетъ, и мнѣ его жалко, потому что ему все-таки скучно, и жалко, что онъ не въ Ясной.

Разсказывать я тебѣ вообще буду много и буду сердиться, что ты слушаешь, какъ пищитъ Маша, а не то, что я говорю. Будетъ ли это, и когда?

Я стрѣляю утокъ, и мы ими кормимся. Сейчасъ ѣздили верхомъ за дрофами,—какъ всегда, только спугнули,—и на волчій выводокъ, гдѣ башкирецъ поймалъ волченка.

Я читаю по-гречески, но очень мало. Самому не хочется. Кумысъ лучше никто не описалъ, какъ мужикъ, который на-дняхъ мнѣ сказалъ, что мы *на травѣ*, какъ лошади. Ничего вреднаго самому не хочется: ни усиленныхъ занятій, ни курить (Степа меня отучаетъ отъ куренья и даетъ мнѣ, все убавляя, теперь уже по 12 папиросъ въ день), ни чая, ни поздняго сидѣнья. Я встаю въ 6, въ 7 часовъ пью кумысъ, иду на зимовку, тамъ живутъ кумысники; поговорю съ ними, прихожу, пью чай со Степой; потомъ читаю, немного хожу по степи въ одной рубашкѣ; все пью кумысъ, съѣдаю кусокъ жареной баранины, и или идемъ на охоту, или ѣдемъ, и вечеромъ, почти съ темнотой, ложимся спать. Ты мнѣ велѣла посмотрѣть, каковы удобства жизни и путешествія. Я все спрашивалъ здѣсь о землѣ, и мнѣ предлагали землю здѣсь по 15 р. за десятину, которыя приносятъ 6% безъ всякихъ хлопотъ; а нынче одинъ священникъ написалъ письмо о землѣ, 2500 десятинъ, по 7 рублей, которая кажется очень выгодною. Я завтра поѣду смотрѣть. И такъ какъ вообще очень можетъ быть, что я куплю эту землю или другую, то я прошу тебя прислать мнѣ билетъ Купеческаго банка, который можетъ понадобиться для задатка (посредствомъ перевода черезъ Самарскій банкъ).

Сонъ здѣсь меня больше всего сближаетъ съ вами. Первыя ночи видѣлъ тебя, потомъ Сережу. Портретъ дѣтей показываю башкиркамъ и башкирцамъ. Что Таня и нянька? Саша вѣрно уѣхалъ. Я очень жалѣлъ, что не вышло съ нимъ передъ разлукой, и не сказалъ ему, что если между нами пробѣгали кошки, то теперь я очень радъ, что мы разстались съ нимъ друзьями.

Что моя надёжа—Любовь Александровна? Я теперь уступилъ бы ей здоровья своего. Что шталмейстеръ милый и дѣвочки? Вареньку вспоминалъ вчера при видѣ табуновъ въ вечернемъ освѣщеніи. Во снѣ я видѣлъ, что Сережа шалитъ, и я на него сержусь; наяву, вѣрно, это напротивъ.

Сережа!

Напиши мнѣ, какъ ты живешь. Ѣздишь ли верхомъ, и часто ли тебя бранятъ или хвалятъ мама и Ханна [1]), и сколько у тебя за поведеніе? Цѣлую тебя.

Таня!

Тутъ есть мальчикъ, ему 4 года и его зовутъ Азисъ, и онъ толстый, круглый, и пьетъ кумысъ, и все смѣется. Степа его очень любитъ и даетъ ему карамельки. Азисъ этотъ ходитъ голый. А съ нами живетъ одинъ баринъ, и онъ очень голоденъ, потому что ему ѣсть нѣчего, только одна баранина. И баринъ этотъ говоритъ: хорошо бы съѣсть Азиса, онъ такой жирный. Напиши, сколько у тебя за поведенье. Цѣлую тебя.

Илюша!

Попроси Сережу, онъ прочтетъ тебѣ, что я напишу. Нынче башкирецъ поѣхалъ верхомъ и увидалъ трехъ волковъ. И онъ ничего не испугался и прямо съ лошади прыгнулъ на волковъ.

[1]) Ханна Тарсей, англичанка, прожившая у насъ около 6 лѣтъ при старшихъ дѣтяхъ.

Они стали кусать его. Онъ пустилъ двухъ, а одного поймалъ и привезъ къ намъ. И нынче ночью, можетъ быть, придетъ мать этого волченка. И мы тогда её будемъ стрѣлять. Цѣлую тебя. Поцѣлуй отъ меня обѣ тёти и Левочку, и Машу, и Ханнѣ кланяйся, и Натальѣ Петровнѣ, и нянѣ. И еще поди гулять на деревню и скажи Ивановымъ дѣтямъ и его женѣ, что Иванъ здоровъ и разговариваетъ съ башкирками по-татарски и очень на нихъ кричитъ, а онѣ его не боятся и надъ нимъ смѣются.

Прощай, душенька. Цѣлую тебя. Адресъ неопредѣленъ. Пиши по старому.

72. **26 іюня.**

Пишу пятое письмо, и не получалъ отвѣта, и опять никто не виноватъ, кромѣ проклятаго башкирца, который обѣщалъ быть черезъ три дня и не ѣдетъ 9-й день. Теперь больше этого не будетъ, я наладилъ посылать Ивана. На-дняхъ я ѣду въ Бузулукъ на ярмарку,—отсюда 80 верстъ; и тамъ есть кумысъ, и оттуда буду тебѣ телеграфировать. Теперь посылаю съ случаемъ, а Ивана не посылаю, потому что жду его послать, какъ скоро получу отъ тебя. Мы живемъ по-старому. Я уже считаю дни. И чуть нездоровится, то тоска ужасная. Въ послѣднемъ письмѣ я тебѣ хвалился здоровьемъ, а это продолжалось только три дня; теперь два дня кашель и нездоровится, но не такъ, чтобы я бросилъ пить кумысъ и чтобъ сказать, что мнѣ хуже. Я жду, напротивъ, большого улучшенія. И нервы крѣпче, и силъ умственныхъ и физическихъ больше. Вѣрно, простуда. Холода отвратительные. То жара, то холодъ. Прощай, милая душенька, когда-то обойму тебя!

73. **27 іюня.**

Нынче утромъ, 27-го числа, получилъ твое первое письмо отъ 13-го. Вѣроятно, послано оно 14-го изъ Тулы, и ты получила мое первое. Полученіе письма отъ тебя—это маленькое свиданіе: то же чувство нетерпѣнія, радости и страха, когда берешь его

въ руки, какъ когда подъѣзжаешь къ дому. Вчера писалъ тебѣ второпяхъ, черезъ мужика, который дѣлалъ мнѣ услугу и сидѣлъ, ждалъ. Нынче пишу спрохвала. Письмо поѣдетъ только 29-го съ вѣрнымъ человѣкомъ. Здоровье мое не дурно, но не могу сказать, что хорошо—ломается. На-дняхъ напалъ кашель, и бокъ заболѣлъ; теперь само совершенно прошло. Изрѣдка бываетъ и лихорадочное состояніе, но меньше и рѣже, и силъ больше, и духомъ бодрѣе гораздо. Я жду хорошаго. Опишу тебѣ наше житье. Башкирская деревня, зимовка, въ двухъ верстахъ. На кочевкѣ, въ полѣ у рѣки, только три семейства башкиръ. У нашего хозяина (онъ мулла) четыре кибитки: въ одной живутъ онъ съ женой и сынъ съ женой (сынъ Нагима, котораго я оставилъ мальчикомъ тотъ разъ); въ другой—гости. Гости безпрестанно пріѣзжаютъ—муллы—и съ утра до ночи дуютъ кумысъ. Въ третьей кибиткѣ два кумысника: довольно противный полу-полякъ, таможенный чиновникъ, Петръ Станиславичъ, котораго очень уважаетъ Иванъ, и болѣзненный богатый донской казакъ, тоже непріятный господинъ. Въ 4-й, огромной кибиткѣ, которая была мечеть прежде и которая протекаетъ вся (что мы испытали вчера ночью), живемъ мы. Я сплю на кровати на сѣнѣ и войлокѣ, Степа на перинѣ, на полу, Иванъ на кожанѣ въ другомъ углу. Есть столъ и одинъ стулъ. Кругомъ висятъ вещи. Въ одномъ углу буфетъ и *продукты*, какъ, по выраженію Ивана, называется провизія, въ другомъ—платья, уборная, въ третьемъ—библіотека и кабинетъ. Впрочемъ, такъ было сначала, теперь все смѣшалось. Въ особенности куры, которыхъ мы купили и которыхъ мнѣ ни съ того, ни съ сего подарилъ одинъ попъ, портятъ порядокъ. Зато тутъ же, при насъ, каждый день несутъ по 3 яйца. Еще лежитъ овесъ для лошади и собака—прекрасный черный сеттеръ, называется Вѣрнымъ. Лошадь буланая и служитъ мнѣ хорошо. Я встаю очень рано, часто въ $5^1/_2$ (Степа спитъ до 10-ти). Пью чай съ молокомъ, 3 чашки, гуляю около кибитокъ, смотрю на возвращающіеся изъ горъ табуны, что очень красиво,—лошадей 1000, все разными кучками, съ жеребятами. Потомъ пью кумысъ, и са-

мая обыкновенная прогулка—зимовка, т.-е. деревня; тамъ остальные кумысники, всѣ, разумѣется, знакомые: 1) управляющій графа Уварова, въ очкахъ, съ бородой, старый, степенный; 2) московскій студентъ, самый обыкновенный и потому скучный; 3) товарищъ прокурора, маленькій, въ блузѣ, опредѣлительно говоритъ, оживляется, когда о судѣ рѣчь, не непріятный. Его жена знаетъ Томашевскаго и студентовъ; куритъ, и волоса короткіе, но не глупая; 4) помѣщикъ муромскій, молодой, красивый, не окончившій курсъ въ Москвѣ. Всѣ, даже Степа, зовутъ его Костя. Очень симпатичный. Всѣ эти составляютъ компанію. Потомъ другая компанія: попъ, почти умирающій (очень жалокъ), профессоръ семинаріи—греческаго языка, Степа его возненавидѣлъ, говоритъ, что онъ вѣрно ставитъ 1 всѣмъ, и буфетчикъ изъ Перми. Все наши друзья. Потомъ братъ съ сестрой, кажется, купцы, смирные, и какъ купцы, все равно что ихъ нѣтъ.

Я со Степой правильно два раза въ день отправляюсь ко всѣмъ, и къ башкирцамъ знакомымъ, не забывая и буфетчика, и кромѣ того одну большую дѣлаю поѣздку или прогулку. Обѣдаемъ мы каждый день баранину, которую мы ѣдимъ изъ деревянной чашки руками. Для утѣшенія Степы я купилъ въ Самарѣ пастилы и мармеладу, и онъ *продукты* эти употребляетъ въ десертъ.

Земля здѣсь продается Тучкова, въ 30 верстахъ. Длинно разсказывать, какъ и что, но эта покупка очень выгодна. При хорошемъ урожаѣ можетъ въ два года окупиться имѣнье. 2700 десятинъ, просятъ по 7 рублей за десятину, и, купивши, надо положить до 10.000 на устройство. Ни при какой покупкѣ у меня не было такой рѣшительности, какъ при этой. Я написалъ повѣренному въ Самару и просимую цѣну намѣренъ дать. Разумѣется, прежде хочу твоего одобренія. Для того, чтобы имѣнье принесло доходъ и окупилось, нужно лѣто будущее прожить въ немъ. Вчера я ѣздилъ къ будущему сосѣду, Тимроту [1]), лицеисту, съ женой

[1]) Присяжный повѣренный въ Самарѣ, которому Левъ Николаевичъ поручалъ дѣла по покупкѣ самарской земли.

и 5-ю дѣтьми. И не могу тебѣ сказать, съ какимъ удовольствіемъ и грустью немного я видѣлъ—чайный столъ, дѣти. Одинъ въ коклюшѣ,—няни. Однимъ словомъ, Европа. Домикъ маленькій, стоитъ 600 рублей, посаженный садикъ, тѣни никакой, но степной воздухъ, купанье, кумысъ, верховая ѣзда. То же было бы у насъ. Мѣстность этой земли живописная, гористая, кромѣ лѣса. Вода будетъ вездѣ, гдѣ запрудишь прудъ. Я тебѣ писалъ прислать банковый билетъ въ Самару. Если ты не посылала, то подожди. Тогда, если буду покупать, можно будетъ телеграфировать.

Нынче мы ѣдемъ со Степой на своей лошади, на дрогахъ въ Бузулукъ на ярмарку. Отсюда 90 верстъ. Для покупки здѣсь имѣнья особенно соблазняютъ простота, и честность, и наивность, и умъ здѣшняго народа. Ничего похожаго нѣтъ съ нашими ерниками. Заманчиво тоже здоровый климатъ и простота хозяйственныхъ пріемовъ. Доходъ получается здѣсь въ 10 разъ противъ нашего, а хлопотъ и трудовъ въ 10 разъ меньше. Прощай, душенька, голубчикъ; когда поцѣлую тебя? Цѣлуй всѣхъ.

74. 29 іюня.

Пишу изъ Бузулука; это 90 верстъ отъ насъ. Мы проѣхали сюда со Степой вдвоемъ, переночевали и нынче, 29-го, вечеромъ ѣдемъ домой. Поѣздка очень удалась. Здоровье мое хорошо; и такъ хорошо, что послѣ усталости и недоспанной ночи дорогой я, вмѣсто того, чтобы не спать, спалъ такъ, что не слыхалъ клоповъ, которые (когда я проснулся, увидалъ) всего обсыпали меня. Ярмарка очень интересная и большая. Такой настоящей, сельской и большой ярмарки я не видалъ еще. Разныхъ народовъ больше 10. Табуны киргизскихъ лошадей, сибирскихъ, уральскихъ.

Пишу только, чтобы воспользоваться прямымъ сообщеніемъ, а подробнѣе буду писать послѣ. Кромѣ того, телеграфирую. Я нашелъ средство телеграфировать мнѣ въ Самару. Именно, если случится что-нибудь необыкновенное, то телеграфируй: въ Са-

мару, графу Толстому, нотаріусу Аляеву.—Этотъ нотаріусъ знакомый одного изъ кумысниковъ, и я просилъ его о томъ, чтобы въ случаѣ телеграммы переслать мнѣ ее съ нарочнымъ. Имѣй только въ виду, что пересылка съ нарочнымъ можетъ стоить до Каралыка около 20-ти рублей. Я нынче телеграфирую тебѣ, чтобы тебя повеселить, а самъ не могу получить того же. Думалъ я послать съ отвѣтомъ, но расчелъ, что пока придетъ да перешлется изъ Тулы или Ясенковъ, я не дождусь. Да что телеграммы! И хорошее и дурное не имѣетъ времени. Раньше ли, послѣ. Настоящее хорошее и дурное.

Офенбергу я рѣшилъ ничего не отвѣчать. Можетъ быть, онъ самъ или брать еще напишутъ. Тогда видно будетъ; притомъ здѣшняя покупка застилаетъ всѣ другія.

Что Любовь Александровна? Какъ я радъ, что ей лучше. Придумай же устроить ее попокойнѣе. Нынче 2 недѣли, что я на кумысѣ, $^1/_3$. Ужасно считаю дни.—Прощай, душенька, цѣлую тебя, цѣлую всѣхъ.

75. **3 іюля.**

Пишу 9-е письмо, и только два слова, съ тѣмъ, чтобы сказать, что я все какъ прежде и измученъ ожиданіемъ писемъ отъ тебя. Ничего не получалъ послѣ 23-го. Жду каждый день. Тоска нравственная преобладаетъ надъ физической, и не знаю, когда кончится мое мученье. Тороплюсь,—башкирецъ сидитъ, ждетъ. Здоровье ни то, ни се. Прощай, обнимаю тебя, душенька. Завтра буду писать еще.

76. **8 іюля.**

Вчера былъ счастливый день. Я измучился ожиданіемъ писемъ, и пріѣхавшій башкирецъ изъ Самары объявилъ, что писемъ нѣтъ, а взялъ ихъ какой-то русскій. Русскій могъ быть приказчикъ съ хутора или приказчикъ отъ Тимрота, которымъ я обоимъ поручилъ быть на почтѣ. Я осѣдлалъ лошадь и поѣхалъ къ обоимъ. У одного нѣтъ; пріѣзжаю къ Тимроту.—Пріі-

ѣхалъ приказчикъ?—«Нѣтъ. Но барыня ѣздила въ Самару и привезла вотъ какую гору писемъ», говорилъ мнѣ мужикъ.—Мнѣ есть?—«Все вамъ».—Прихожу, дѣйствительно 4 письма твои, одно отъ Лизы, прекрасное, премилое письмо Урусова и Фета два. Я читалъ ихъ тутъ же на дворѣ, и наивный мужикъ идетъ мимо: «что, правда, бугоръ тамъ?» Твоя карточка [1]) тутъ же. Мнѣ очень была и есть (потому что часто смотрю) пріятна, хотя первое впечатлѣніе было непріятное. Ты показалась мнѣ и стара, и худа, и жалка. Впрочемъ, послѣ разлуки всегда и портретъ, и лицо само человѣка, котораго не любишь, а больше что-то (какъ я тебя), производитъ впечатлѣніе разочарованія. Въ воображеніи своемъ вижу я тебя всегда точно такою, какая ты есть, но совершеннѣе. А дѣйствительность несовершенна. Теперь я помирился съ портретомъ, и онъ мнѣ пріятенъ, и очень. Письма твои всѣ перечелъ раза три. Пиши, пожалуйста, чаще и больше. Хотя не скоро приходятъ, но съ адресомъ въ Самару они всѣ дойдутъ; только за недѣлю до моего отъѣзда, т.-е. съ 24 іюля, остановись писать, а напиши 25-го, положимъ, въ Нижній, на почту, до востребованья, а 27, 28-го въ Москву до востребованья.

Все у васъ, судя по письмамъ, хорошо, кромѣ няни и Левочки; но это ужъ прошло совсѣмъ, надѣюсь, и ничто не замѣнило это. Лиза прекрасно мнѣ все описала. Письмо это, разумѣется, застанетъ тебя безъ мама. Тутъ я немного трушу за тебя за это время.

Жизнь наша все попрежнему. Степа ходитъ на охоту, убилъ утку и турухтана; я нѣсколько дней не совсѣмъ здоровъ: бокъ и желудокъ или печень, какъ всегда. Но все это слабѣе при кумысѣ. Вчера, ѣздивши за письмами, я сдѣлалъ поѣздку верстъ въ 40, и отъ Тимроть поѣхали со мной верхомъ m-me Тимроть и молодой лицеистъ, кончившій курсъ,—Бистромъ. У Тимроть иноходецъ, и я въ первый разъ видѣлъ даму на настоящемъ

[1]) Съ бритой головой, въ чепцѣ, послѣ родильной горячки при рожденіи дочери Маши.

иноходцѣ. Шибко скакать надо, чтобы не отставать. И если будемъ живы и здоровы, достану тебѣ иноходца. Красиво, быстро и покойно, какъ въ люлькѣ.

Степа скучаетъ, хотя стыдно здѣсь скучать ему. Вѣдь съ ружьемъ въ 2 часа 20 разъ выстрѣлишь. А въ озерахъ кумысники ловятъ на удочку, и не переставая клюетъ. Они въ полчаса наловили 30 окуней. Я ни того, ни другого не дѣлаю эти дни; гуляю и играю въ шашки съ башкиромъ, Михаиломъ Ивановичемъ. Погода здѣсь такая, о какой мы въ Тулѣ не имѣемъ понятія. Жаръ пріятный, и дождь, и грозы, которые никогда не сдѣлаютъ грязи больше, чѣмъ на полчаса. Лѣто здѣсь жить лучше на дворѣ, чѣмъ у насъ въ дурномъ домѣ.

О покупкѣ земли дѣло не подвигается, потому что повѣренный, съ кѣмъ надо имѣть дѣло, не въ Самарѣ, а пріѣдетъ 15-го. Покупка эта выгодности баснословной, какъ и всѣ покупки здѣсь. Это все разскажу на словахъ. Цѣлую всѣхъ. Тебя, душенька, обнимаю, цѣлую. Я писалъ это письмо, не зная, съ кѣмъ пошлю, поэтому, вѣроятно, напишу еще, когда буду посылать.

9-го. Приписываю на другой день. Письмо пойдетъ завтра. Здоровье нынче совсѣмъ хорошо, и нынче мы съ Бистромомъ ѣдемъ къ дальнимъ башкирамъ и на охоту. Въ понедѣльникъ, 12-го, буду писать еще. Меня очень обрадовало то, что ты къ Машѣ стала нѣжнѣе. Я такъ ее очень люблю, и мнѣ грустно было, что ты къ ней была холодна. Портретъ твой похожъ на мученицу, но все-таки я ему радъ.

77. 16 іюля.

Давно я тебѣ не писалъ, милый другъ. Виноватъ немного я, но больше судьба. Я пропустилъ одинъ случай писать, и съ тѣхъ поръ каждый день мнѣ обѣщаютъ: «вотъ поѣдетъ, вотъ поѣдетъ», и я все откладывалъ, 5 дней; но теперь ужъ не могу болѣе терпѣть и посылаю нарочнаго. Послѣднее письмо я писалъ тебѣ, кажется, 9-го или 10-го, передъ отъѣздомъ. Мы дѣйстви-

тельно поѣхали: такъ называемый Костенька; баронъ Бистромъ, юноша нѣмчикъ, только что кончившій курсъ въ лицеѣ съ медалью; Степа и я, на парѣ лошадей, въ корзинкѣ плетеной (здѣсь всѣ такъ ѣздятъ), безъ проводника и кучера. Мы сами не знали, куда ѣдемъ, и по дорогѣ у встрѣчныхъ спрашиваемъ: не знаютъ ли они, куда мы ѣдемъ? Мы ѣхали собственно кататься по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ есть кумысъ, и стрѣлять, имѣя только смутное понятіе о какомъ-то Иргизѣ, Камешкѣ. Поѣздка наша продолжалась 4 дня и удалась прекрасно. Дичи пропасть, дѣвать некуда утокъ и ѣсть некому. И башкиры, и мѣста, гдѣ мы были, и товарищи наши были прекрасные. Меня, благодаря моему графскому титулу и прежнему моему знакомству съ Столыпинымъ, здѣсь всѣ башкиры знаютъ и очень уважаютъ. Принимали насъ вездѣ съ гостепріимствомъ, которое трудно описать. Куда пріѣзжаешь, хозяинъ закалываетъ жирнаго курдюцкаго барана, становитъ огромную кадку кумыса, стелетъ ковры и подушки на полу, сажаетъ на нихъ гостей и не выпускаетъ, пока не съѣдятъ его барана и не выпьютъ его кумысъ. Изъ рукъ поитъ гостей и руками (безъ вилки) въ ротъ кладетъ гостямъ баранину и жиръ, и нельзя его обидѣть. Много было смѣшного. Мы съ Костенькой ѣли и пили съ удовольствіемъ, и это намъ очевидно было въ пользу; но Степа и баронъ были смѣшны и жалки. Особенно баронъ. Ему хотѣлось не отставать, и онъ пилъ, но подъ конецъ его вырвало на ковры, и потомъ, когда мы на обратномъ пути намекнули, не заѣхать ли опять къ гостепріимному башкиру, такъ онъ чуть не со слезами сталъ просить, чтобы не ѣздить. Изъ этого ты можешь видѣть, что здоровье мое хорошо. Немножко болѣлъ бокъ это время, но слабо, и теперь совсѣмъ прошелъ. Главное то, что тоски помину нѣтъ, и что я теперь впился въ кумысъ и вошелъ въ настоящее кумысное состояніе, т.-е. съ утра до вечера немного пьянъ кумысомъ, и иногда цѣлые дни ничего не ѣмъ или чуть-чуть. Погода здѣсь чудная. Во время поѣздки былъ дождь; но теперь три дня жара ужасная, но мнѣ пріятная. Степа теперь ужъ, кажется,

не скучаетъ, и, кажется, потолстѣлъ и возмужалъ. Многихъ бы я привезъ сюда: тебя, Сережу, Ханну. Какъ меня мучаетъ ея болѣзнь. Избави Богъ, какъ она разболится, какъ лѣтось. Съ тѣхъ поръ, какъ ты мнѣ написала о Бибиковѣ [1]), я каждый день смотрю по дорогѣ и жду его. Если бы онъ пріѣхалъ, я былъ бы очень счастливъ и угостилъ бы его всѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ любитъ, и навѣрное предпринялъ бы поѣздку въ Уфу (все по башкирамъ), 400 верстъ, и оттуда уже прямо бы вернулся на пароходѣ по рѣкѣ Бѣлой въ Каму и изъ Камы въ Волгу. Теперь я этой поѣздки, хотя и мечтаю о ней, почти навѣрное не сдѣлаю. Боюсь, что она задержитъ меня хоть на день пріѣздомъ домой. Съ каждымъ днемъ, что я врознь отъ тебя, я все сильнѣе, и тревожнѣе, и страстнѣе думаю о тебѣ, и все тяжеле мнѣ. Про это нельзя говорить. Теперь остается 16 дней. Поѣздка же въ Уфу интересна мнѣ потому, что дорога туда идетъ по одному изъ самыхъ глухихъ и благодатнѣйшихъ краевъ Россіи. Можешь себѣ представить, что тамъ земля, въ которой лѣса, степи, рѣки, вездѣ ключи, и земля—нетронутый ковыль съ сотворенія міра, родящая лучшую пшеницу, и земля только въ 100 верстахъ отъ пароходнаго пути продается башкирцами по 3 рубля за десятину. Ежели не купить, то мнѣ хотѣлось очень посмотрѣть на эту землю.

Дѣло о покупкѣ здѣшней земли не подвигается. Я написалъ Сашѣ въ Петербургъ, чтобъ онъ торговалъ у Тучкова, и здѣшнему повѣренному Тучкова въ Самару, но ни отъ того, ни отъ другого не получалъ отвѣта. Стороной до меня дошли слухи, что хотятъ просить дороже 7 рублей. Если такъ, то я не куплю. Ты знаешь, я во всемъ предоставляю рѣшенію судьбы; такъ и въ этомъ.

Послѣ моего послѣдняго письма я получилъ еще два письма отъ тебя. Хотѣлъ написать: душенька, пиши чаще и больше; но

---

[1]) Александръ Николаевичъ, сосѣдъ по Ясной Полянѣ, владѣлецъ Телятинокъ.

на это мое письмо едва ли ты успѣешь отвѣтить иначе, какъ въ Нижній-Новгородъ. Письма твои, однако, мнѣ уже вѣроятно вреднѣе всѣхъ грековъ [1]) тѣмъ волненіемъ, которое они мнѣ дѣлаютъ. Тѣмъ болѣе, что я ихъ получаю вдругъ. Я не могъ ихъ читать безъ слезъ, и весь дрожу, и сердце бьется. И ты пишешь, что придетъ въ голову, а мнѣ *каждое слово* значительно, и всѣ ихъ перечитываю. Два извѣстія твои очень грустны: это то, что я не увижу мама, если не поѣду къ Лизѣ и не увезу ее опять къ намъ, что я намѣренъ сдѣлать; и главное, что милый другъ Таня угрожаетъ уѣхать до меня. Это было бы очень грустно. Что ты не пишешь о тетенькѣ Татьянѣ Александровнѣ?—Получилъ я сейчасъ по письму отъ Урусова и Фета и буду имъ отвѣчать. На письмо Офенберга я еще не рѣшилъ, что отвѣчать; но и торопиться не къ чему, такъ какъ адресъ его въ Варшаву только до 18-го. Я хочу ему однако отвѣчать слѣдующее: предложить ему 90.000, которыя онъ проситъ, но съ разсрочкой, безъ процентовъ, на три года, по 30.000. Поцѣлуй очень Лизу милую и за тебя, и за меня, и чтобъ она не сердилась, если я не успѣю въ этомъ жару и хмелю постоянномъ отвѣчать на ея письма, которыя мнѣ доставили огромное удовольствіе. Цѣлую всѣхъ, даже Дмитрія Алексѣевича, если онъ у васъ съ своими, и несмотря на то, что онъ тебя и Таню дразнитъ. Таню успокой; если мужъ хорошій, то отъ разлуки необходимой ничего не будетъ, кромѣ того, что больше оцѣнитъ и сильнѣе полюбитъ, и найдетъ маленькая влюбленная грусть, которая женѣ должна быть пріятна. Отъ невѣрности же въ разлукѣ дальше гораздо, чѣмъ когда вмѣстѣ, потому что въ разлукѣ есть идеалъ *своей*, съ которымъ ничто не можетъ сравниться. Это все и къ тебѣ относится.—Чтобы Варя написала. Мы зато со Степой разсказывать много будемъ. Радуюсь, что pas-de-géant стоятъ, но самъ живо представить себѣ не могу, какъ это у васъ идетъ. Пред-

[1]) Я и друзья наши Фетъ и Урусовъ были увѣрены, что болѣзнь Льва Николаевича произошла вслѣдствіе переутомленія отъ усиленныхъ занятій греческимъ языкомъ въ продолженіе зимы.

ставляю только, какъ Илья падаетъ. Ахъ, только дай Богъ, чтобъ безъ меня все такъ же бы хорошо было до конца, какъ по послѣднимъ письмамъ. Прощай, милый голубчикъ, обнимаю тебя. И все нервы разстроены. Сейчасъ плакать хочется, такъ тебя люблю.

17 іюля.

Вечеромъ приписываю. Здоровъ совершенно, считаю дни. Писемъ отъ тебя не привезъ башкирецъ. Ему не дали, потому что Jean слишкомъ усерденъ и написалъ дурацкую записку на почту. Надѣюсь завтра.

78. **20 іюля.**

Вчера опять ѣздилъ къ Тимроту и опять получилъ твои письма, три,—отъ 4-го, 7-го и 10-го. Какъ и всегда, пробѣжалъ послѣднее, убѣдился, что все хорошо, и оставилъ остальныя для дома. Читалъ ихъ до 12 часовъ ночи и долго не могъ заснуть. У тебя слишкомъ все хорошо безъ меня по твоимъ письмамъ, такъ что страхъ меня беретъ. Особенно страшно мнѣ за то время, что ты осталась одна съ дѣтьми и тетенькой. Здоровье мое хорошо. Боюсь сказать, но кажется мнѣ, что я поправился и потолстѣлъ. Нервы мои окрѣпли навѣрное. Одно, что бокъ болитъ изрѣдка, хотя и очень слабо. Въ кумысъ я только что впился. Пью его съ бо́льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ прежде. Да и притомъ у насъ съ нынѣшняго дня захолодало. Ясное солнце и сильный холодный вѣтеръ. И кумысъ до того вкусенъ, что нельзя себѣ представить. Степа—и тотъ говоритъ, что это чудо.

Нынче ѣдутъ профессоръ и попъ. Завтра уѣзжаетъ Костенька. Намъ остается недѣля. Я строго выдержу 6 недѣль и выѣду утромъ 28-го (замѣтъ). Вчера узналъ, что отъ Саратова до Аткарска открыта дорога. И вѣроятно я поѣду на Саратовъ. Этимъ путемъ я выгадаю день и миную толпу ярмарки, которая теперь во всемъ разгарѣ. Я телеграфирую тебѣ, вѣроятно, когда буду ѣхать—съ пути.

Покупка здѣсь Тучковской земли все не подвигается. Нѣтъ отвѣта. Притомъ письмо Офенберга, на которое я отвѣчалъ, что я даю 90.000 (купчую пополамъ), разсрочивъ по 30.000 на три года, и твое мнѣніе, враждебное къ этой покупкѣ, меня очень охладили. Все будетъ, какъ Богъ дастъ. Только понятіе твое о степи ложное. Жить безъ дерева за 100 верстъ въ Тулѣ—ужасно, но здѣсь другое дѣло: и воздухъ, и травы, и сухость, и тепло дѣлаютъ то, что полюбишь степь. Ты представь себѣ, что въ 5 недѣль мы не видали грязи, не чувствовали сырости и холода. Выгода же покупки здѣсь баснословна, но немного рискованна. Можно получить въ одинъ годъ назадъ всю цѣну покупки, а при неурожаѣ, какъ въ нынѣшнемъ году, получить убытокъ рублей въ 1000.—Ну, да все это буду тебѣ разсказывать, а ты будешь думать о другомъ, а я буду сердиться. Ты мною должна быть довольна: я строго исполняю 6 недѣль и не позволяю себѣ уклоненій отъ лѣченія. Въ Стерлибемъ Оренбургской губ., за 320 верстъ отсюда, гдѣ прелестная земля съ лѣсами, степями и видами продается по 3 рубля и гдѣ все населено башкирами, куда меня очень подмывало ѣхать, я не поѣду, боясь, что это разстроитъ лѣченіе. Нынче окончательно рѣшилъ, что не ѣду. Дня же тебя лишняго не видать я ни за что не просрочу. Такъ-то мнѣ тяжела семейная жизнь! и крики дѣтей, какъ ты предполагаешь! Жду не дождусь, когда услышу дуэты Лели и Маши. Радуюсь, что она поправилась. Илюшу поздравляю и цѣлую. Для Сережи, Тани и Илюши привезу что-нибудь татарское, если поѣду черезъ Нижній. А нынче вспомнилъ и просилъ Степу собрать здѣшнихъ травъ, чтобы и тебѣ дать понятіе о степи. Всѣ-то ѣздятъ; одна ты, бѣдная, милая, сидишь! Мы выдумаемъ съ тобой что-нибудь. Я затѣялъ рисовать здѣсь—читать, особенно греческое, не читается (порадуйся)—и нарисовалъ двухъ башкировъ: отца и сына. Отецъ Михаила Ивановича уморительный башкиръ, который обыгрываетъ насъ въ шашки и дѣлаетъ намъ н—и. У него было 14 братьевъ; у самого у него теперь 11 сыновей, ему 55 лѣтъ, и 2 жены мо-

лодыя, и онъ не отказывается съ нами бѣгать въ перегонки. Вчера мы съ нимъ купались, и его три сына. Одинъ 6-тилѣтній сынъ, Костюкъ, схватился за шею 15-лѣтнему старшему сыну, и тотъ съ нимъ по страшной глубинѣ плаваетъ и ныряетъ сажени на три. Кумысъ удивительный напитокъ. Здѣсь было человѣкъ 10 больныхъ самыхъ разнородныхъ, и положительно всѣ поправились, кромѣ одного священника, который нынче ѣдетъ и едва ли проживетъ до зимы. Онъ пріѣхалъ умирающій.

Прощай, душенька. Не долго. Завтра напишу послѣднее письмо съ Каралыка. Цѣлую тетеньку, дѣтей и племянницъ, и свояченицу, если она съ тобой.

1872 годъ.

Письма изъ Самарской губерніи, когда Левъ Николаевичъ ѣздилъ въ только что купленное у генерала Тучкова имѣніе.

79. Іюль.

Пишу тебѣ отъ Тимрота. Ѣхалъ на пароходѣ прекрасно. Только нервы мои всегда безобразно поднимаются отъ желѣзнодорожной и пароходной тряски. Вчера мучился съ ариѳметикой [1]) цѣлый день, вмѣсто того чтобы любоваться берегами. Общество было: очень милый генералъ Бруннеръ и офицеръ генеральнаго штаба. Ночь почти не спалъ. Чѣмъ ближе подъѣзжалъ къ Самарѣ, тѣмъ мрачнѣе слухи объ урожаѣ. Говорятъ, все пропало. У Тимрота же узналъ слѣдующее: то, что взошло весной, очень рѣдко, то все засохло. Теперь послѣ дождей конца іюня и іюля восходитъ молодой подсѣдъ, и обѣщаютъ порядочный урожай. И цѣны очень высокія: 1 р. 85 коп. Такъ что, какъ говоритъ Тимротъ, можетъ быть 50 пудовъ съ деся-

[1]) Съ отдѣломъ ариѳметики въ „Азбукѣ“, которая тогда печаталась подъ наблюденіемъ Н. Н. Страхова.

тины, или худшее—10 руб. съ десятины останется чистаго. Все это меня очень интересуетъ. Тимротъ живетъ на дачѣ съ семействомъ, и мы нынче же съ нимъ ѣдемъ на Тананыкъ. Тамъ и домъ, и все готово, и лошади. Торопятъ отослать письмо. Прощай, милая, душенька, напишу оттуда.

Л. Т.

80. **13 іюля.**

Пишу съ хутора; доѣхали съ Тимротомъ благополучно. Слухи о порядочномъ урожаѣ не оправдались. Очень плохо. Я еще не видалъ полей всѣхъ, но по тому, что̀ видѣлъ и слышалъ, думаю, что не вернешь затраченнаго, тѣмъ болѣе, что непремѣнно надо посѣять опять столько же. Надо посѣять потому, что послѣ двухъ лѣтъ плохихъ надо ожидать хорошіе, и остановиться теперь было бы глупо. Тимротъ писалъ о томъ, что онъ видѣлъ весной; а потомъ сдѣлалось такое бѣдствіе, какого не запомнятъ старики: и травы, и хлѣба́ сгорѣли отъ жары; земля стала черная, и народъ сталъ разбѣгаться отъ страха голода. Теперь всѣ не нарадуются на благодать, что есть травы и въ хлѣбѣ хоть что-нибудь. Въ денежномъ отношеніи наши самарскія дѣла вотъ какія будутъ: придется отдать Тимроту отъ 2000 до 3000 на уборку и пахоту для будущаго года; и надо надѣяться, что онъ мнѣ пришлетъ, продавши пшеницу, назадъ отъ двухъ до трехъ тысячъ и кромѣ того обзаведетъ хуторъ такъ, что на будущій годъ можно будетъ пріѣхать, и будетъ совсѣмъ независимое хозяйство. Нынче несчастный годъ, но, несмотря на это несчастье, можно сказать, что самарская земля принесетъ $8^0/_0$. Можно сказать, что $8^0/_0$, потому что, хотя ничего денегъ не получится, обзаведеніе хутора стоитъ уже не менѣе 2000. Покосовъ было отдано на 670 рублей. Впрочемъ, въ письмѣ всего не объяснишь. Разскажу о самомъ хуторѣ и домѣ. Мѣсто не на Тананыкѣ, а на мѣстѣ стараго хутора, очень хорошее въ хозяйственномъ отношеніи и очень веселое. Первое впечатлѣніе очень пріятное было мнѣ и

вѣрно тебѣ будетъ, несмотря на то, что прудъ еще безъ воды. Домъ старенькій (это непріятно), сѣренькій, но кажется, что будетъ совершенно достаточно для насъ. Въ немъ нѣтъ еще перегородки, а двѣ большія горницы, и я сдѣлалъ планъ расположенія, который тебѣ посылаю. Кромѣ того, ужъ готова огромная кухня для приказчика и рабочихъ, и еще построится кухня для насъ. Кромѣ того, погребъ, кладовая, амбарчикъ. Это все изъ земляного кирпича съ земляным поломъ. Кромѣ того, въ сторонѣ отъ хутора огромный амбаръ. Все это почти готово. Есть 5 лошадей и плетушка, и я дѣлаю распоряженіе о покупкѣ коровъ, овецъ, хомутовъ, куръ и т. д.

Тимротъ очень честный человѣкъ, но, какъ кажется, былъ стѣсненъ деньгами (онъ строилъ домъ въ городѣ), и счеты у него по моему хозяйству смѣшаны съ своими; онъ самъ мнѣ это говорилъ.

И что выводъ счетовъ теперь тотъ, что немного моихъ денегъ за нимъ. Онъ честный человѣкъ навѣрное, но очень мнѣ противный; равно и его вся семья, и его участіе въ моемъ дѣлѣ, хотя и очень полезное, мнѣ очень противны. Купчая и исполнительный листъ давно готовы, но не введенъ во владѣніе, потому что 450 поземельныхъ не заплачены.

О себѣ. Мы пріѣхали въ середу къ Тимроту вечеромъ. Я ночевалъ у него и уѣхалъ вчера съ нимъ къ себѣ, и первую ночь выспался. Посылалъ къ башкирцамъ за кумысомъ, и потому съ кумысомъ матеріальная жизнь обезпечена. Нынче пріѣхалъ ко мнѣ изъ Гавриловки, которую видно за 6 верстъ изъ хутора, мой другъ, мужикъ Василій Никитычъ, и привезъ куръ, молока и яицъ. Дождь идетъ ливнемъ, и я пережидаю, чтобъ ѣхать къ Тимроту. Онъ нынче уѣзжаетъ въ Самару, и я съ нимъ переговорю обо всемъ и отправлю письмо. Главное дѣло то, что хлѣбъ, что есть, поспѣетъ не скоро, да и не веселитъ, и потому я только осмотрю поля, выберу мѣста для посѣва, съѣзжу на одинъ продающійся участокъ осмотрѣть его—если будутъ деньги, чтобъ купить—и вернусь гораздо раньше, чѣмъ

я думалъ. Въ слѣдующемъ письмѣ я напишу тебѣ гораздо опредѣленнѣе, когда именно вернусь, а теперь еще не могу, потому что это я рѣшилъ нынче, и не видалъ еще ни полей, ни съ Тимротомъ не переговорилъ.

Про свое тѣлесное состояніе могу сказать, что ничего не болитъ, и дорогу перенесъ отлично; про душевное—разумѣется, неловко, не полно, и точно я сплю. Не позволяю себѣ думать.

Здѣсь на хуторѣ живетъ приказчикъ, молодой холостой малый, солдатъ. Кругомъ вездѣ народъ—на покосахъ и на пахотѣ. Тимоѳей [1]) очень мнѣ полезенъ и милъ.

Съ Петей [2]) я бы остался здѣсь 4 недѣли, потому что утѣшался бы мыслью, что ему въ пользу, и точно: что здѣсь за воздухъ—это нельзя понять, не испытавши; но одному—не то что скучно, а совѣстно вырывать изъ своей полезной и счастливой жизни время на пустяки. А работать безъ тебя, безъ того, чтобъ знать, что ты тутъ, я, кажется, не могу. Скажи Степѣ,—какая жалость,—Василія Никитыча милая дѣвочка, внучка Саша, умерла корью.

Прощай, душенька, напишу тебѣ черезъ три дня. А когда буду ѣхать, телеграфирую. Дѣтей цѣлую и всѣхъ нашихъ.

(При письмѣ рукой Льва Николаевича былъ нарисованъ планъ хутора, съ означеніемъ размѣра комнатъ.)

1874 годъ.

Поѣздка для обсужденія въ Комитетѣ грамотности вопроса о способахъ обученія грамотѣ.

81. **Январь.**

Исполняю обѣщаніе. Доѣхалъ прекрасно. Всѣ дѣла важныя: о печатаньи, о выкупѣ билета (это былъ самарскій билетъ), полу-

[1]) Тимоѳей Ѳокановъ, крестьянинъ Ясной Поляны.

[2]) Мой братъ, болѣвшій и изнуренный тифомъ.

ченіе денегъ отъ Соловьева (очень мало, 1600 руб.) и отдача Нагорному [1]) (я отдалъ 1700 рубл.), и засѣданіе въ комитетѣ,—все это окончилъ благополучно. Одно не хорошо: это то, что я обѣщалъ завтра давать образцовые уроки, и это займетъ всѣ мои вечера, которые я бы употребилъ пріятнѣе. И пользы, боюсь, не будетъ, т.-е. никого не убѣдишь,—слишкомъ глупы и упорны [2]). Я не сердился; и Дьяковъ, и другіе говорятъ, что я говорилъ хорошо. И завтра надѣюсь отдѣлаться, чтобы въ четвергъ уже не ѣхать въ засѣданіе. Здоровье хорошо. Дьяковы очень милы. Цѣлую тебя, душенька, и дѣтей. Прошу старшихъ трехъ вести себя такъ, чтобъ ты не жаловалась на нихъ, а похвалила.

Твой *Л. Т.*

82. **Въ тотъ же день.**

Немного раскисъ отъ безсонной ночи въ дорогѣ, но не нездоровъ. Былъ въ школѣ,—тамъ порядочно; былъ въ типографіи и у племянницъ. Отдалъ Нагорному деньги. Завтра надѣюсь все кончить, и пріѣхалъ бы, если бы не школа завтра отъ 5 до 8 вечера, въ которой хочу быть и нужно. У Соловьева денегъ пѣтъ.

Былъ у Сушковыхъ вчера вечеромъ, и, можетъ быть, если привезу туда Самарина, буду читать у нихъ. Я сказалъ на-двое. Завтра утромъ покупки.

Сейчасъ кричитъ Дьяковъ, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, Маша пріѣдетъ крестить. А Маша говоритъ: навѣрное. Они здоровы, милы. Только бы Богъ далъ, чтобы ты была здорова безъ меня и тебя бы не измучили какія-нибудь тревоги и болѣзнь Эмили.

Обнимаю тебя, душенька, до вторника.

Л. Т.

Съ поѣздки лѣтомъ въ Самарскія степи съ сыномъ Сережей.

83. **Москва.**

Доѣхали мы хорошо, остановились у Перфильевыхъ. Я взялъ у Соловьева 300 рублей и оставилъ ему 100. Такъ что онъ пере-

[1]) Н. М. Нагорный, мужъ В. В. Толстой, дочери М. Н. (сестры Л. Н.).

[2]) Засѣданіе Комитета грамотности было 15 января. Подробности см. въ Біографіи П. Бирюкова (II, 138 и слѣд.).

дастъ Алексѣю 400. Съ типографіей окончилъ все по согласію. Полинька [1]) предложила свести Аркадію Сережу въ Зоологическій садъ. Я позволилъ, и самъ пошелъ съ ними. Къ Гришѣ посылалъ, но онъ не могъ пріѣхать, такъ что я долженъ передать деньги Полинькѣ. Сережа спалъ мало и былъ раскисши, но я уложилъ его спать, и онъ теперь спитъ. Сейчасъ подниму его обѣдать и ѣхать. Пріѣхалъ Леонидъ и помѣшалъ дописывать письмо. Впрочемъ, писать пока нечего. Сережу разбудилъ. Онъ заспанъ и не лишенъ аппетита. Обѣдаетъ одинъ подлѣ меня. Цѣлую тебя, дѣтей и друзей.

Твой *Л. Т.*

84.

Съ парохода, приписка къ письму сына.

Ну вотъ, онъ, Сережа, все написалъ. Ѣхать намъ хорошо и общество простое и не непріятное. Главное хорошо то, что пароходъ ходитъ всю ночь, и мы въ субботу утромъ прибудемъ въ Самару. Это сократитъ путешествіе. Но все-таки не жди меня раньше 15-го. Можетъ быть, дольше придется пробыть на хуторѣ. Я, было, очень усталъ, но на пароходѣ уже успѣлъ отдохнуть. Сережа очень милъ, и это путешествіе насъ сблизитъ. Я все время на него смотрю съ умиленіемъ. Я говорилъ, что скучно на пароходѣ, но теперь отрекаюсь; сижу на балконѣ, смотрю и радуюсь, и думаю о томъ, какъ на будущій годъ мы всѣ поѣдемъ. Только бы у тебя было все благополучно.

Господинъ сходитъ въ Васильсурскѣ и обѣщаетъ отдать на почту письмо. Прощай, душенька, до свиданья. Съ Сережей тоски у меня не будетъ. И все время я, какъ въ семьѣ.

Л. Т.

---

[1]) Прасковья Ѳедоровна Перфильева, дочь „американца“ гр. Ѳ. И. Толстого.

1876 годъ.

85.

Февраль. Изъ Ясной Поляны въ Москву.

Получилъ сейчасъ телеграмму. Очень радъ. Я спалъ внизу и никакъ не могъ понять, какъ я жилъ одинъ. Пожалуйста, не торопись, оставайся еще нѣсколько дней, если весело; а главное, не скупись. Чѣмъ больше ты издержишь, особенно на себя, денегъ, тѣмъ лучше. Дѣти и педагоги благополучны, какъ ты видишь. Я утро занимался. Мнѣ завидно тебѣ въ томъ, что ты видишь ихъ вмѣстѣ—жениха съ невѣстой, и Дмитрія Алексѣевича и радостно жужжащую Софешъ [1]). Внуши имъ хорошенько, какъ я ихъ люблю и радуюсь ихъ счастью. Я радъ, что я не буду на ихъ свадьбѣ, а то бы я все плакалъ. Иду ѣсть блины.

86.

Апрѣль. Изъ Ясной Поляны въ Москву.

Истоминъ [2]) пріѣхалъ въ 3 часа, когда я только хотѣлъ ѣхать верхомъ кататься. Онъ очень милъ и очень много выигралъ.

Дѣти ходили гулять, но тепло одѣты и не озябли. Гувернантки очень заботятся. Всѣ вели себя хорошо. Ре [3]) съ Истоминымъ играли въ шахматы. Илюша безъ Тани заснулъ на диванѣ. Мы были съ Истоминымъ на тягѣ, много стрѣляли, но ничего не убили. Заколдованные вальдшнепы. Боюсь я все за тебя; какъ бы ты по этому холоду не простудилась.

---

[1]) С. Р. Войткевичъ, вторая жена Д. А. Дьякова, бывшая гувернантка его дочери отъ перваго брака.

[2]) В. К., бывшій потомъ правителемъ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора.

[3]) Мг. Кеу, гувернеръ нашихъ дѣтей.

Пожалуйста, помни, что покупки важны очень, но здоровье твое важнѣе. И не уставай. Лучше оставайся дольше, но не уставай. Получилъ письмо отъ Владиміра. Они послали Костенькѣ [1]) 100 рублей. Я утромъ писалъ только письма: Страхову (философское), Урусову и Бобринскому [2]). Прощай, душенька. Безъ Тани за столомъ ужасно пусто. Цѣлую тебя, Танечка. Мнѣ безъ тебя скучно.

Письма изъ поѣздки въ Самару и Оренбургъ для покупки лошадей съ племянникомъ Николаемъ Валеріановичемъ Толстымъ, сыномъ сестры Маріи Николаевны.

87. **4 сентября, суббота.**

Доѣхали до Москвы, не видали времени. Нагорный встрѣтилъ насъ съ Варенькой, и Леонидъ. Нагорный привезъ 1200 рублей. Распростились съ Машенькой, которую мнѣ очень жаль, и поѣхали на Нижегородскую. Несмотря на то, что мы взяли мѣста во 2-мъ классѣ, спали прекрасно. А въ Нижнемъ, несмотря на то, что народа было очень мало, была ужасная суета. Отходилъ одинъ только самолетскій пароходъ, и мѣста не было. Послѣ большой суеты размѣстились на другой, экстренный пароходъ, съ котораго я тебѣ пишу. Я не написалъ изъ Нижняго отъ суеты; но не только помнилъ, но думалъ и думаю, такъ какъ ужасно люблю: переношусь въ прошедшее—Покровское, лиловое платье, чувство умиленности, и сердце бьется.

Николенька очень милый товарищъ, и ему все интересно и весело. Съ нами теперь въ 1-мъ классѣ маленькаго парохода нѣмка съ двумя нѣмцами, вѣрно купцы, и купецъ-землевладѣлецъ изъ Оренбурга, владѣтель 50.000 десятинъ и 1500 лошадей,—заводъ, въ родѣ котораго я завожу; и еще хивинецъ, котораго я еще не изслѣдовалъ. Я совершенно здоровъ, кромѣ насморка.

---

[1]) Костенька и Владиміръ—Ислявины, мои дяди, братья моей матери.

[2]) Гр. Алексѣй Павловичъ, бывшій министръ путей сообщенія, „родетокистъ“.

Говорятъ, что въ Оренбургъ ѣздятъ по чугункѣ, и, можетъ быть, я поѣду, но все въ предѣлахъ 14 дней. Я знаю, что тебѣ тяжело и страшно, но я увидѣлъ то усиліе, которое ты сдѣлала надъ собой, чтобы не помѣшать мнѣ, и, если можно, то еще больше люблю тебя за это. Если бы только Богъ далъ тебѣ хорошо, здорово и энергично-дѣятельно провести это время. Господь помилуй тебя и меня!

Мой планъ, хотя и очень неопредѣленный, такой: какъ пріѣду въ Самару, такъ найду Боля [1]) и попрошу его довезти меня до Бузулука; оттуда поѣду на хуторъ, и если можно изъ Бузулука ѣхать дальше, до Оренбурга, и если на хуторѣ есть деньги, то, забравъ съ собой Никитыча и мужика для прогона лошадей, поѣду назадъ въ Бузулукъ и оттуда въ Оренбургъ. Это все планы, но я напишу еще изъ Самары. А Дьяковъ проѣхалъ прямо въ Москву. Леонидъ видѣлъ его. Прощай, милая, душенька. Господи помилуй.

Твой *Л. Т.*

Цѣлую всѣхъ дѣтей и впередъ благодарю ихъ за то, что они тебя слушаютъ и стараются радовать. Степу обнимаю и не велю ему думать, какъ матеріалисты. М. Rey кланяюсь.

88. **5 сентября.**

Пишу тебѣ, милый другъ, изъ Казани, сегодня, 5-го, въ 11 часовъ вечера, и не съ парохода, а изъ самаго города Казани, куда мы пріѣхали ночевать, такъ какъ отъ безпорядицы самолетскаго парохода, на который мы къ несчастью попали и который сѣлъ на мель и сломался, мы потеряли цѣлыя сутки. Ты не можешь себѣ представить, какъ это обидно, когда, какъ я, считаешь каждую минуту и для тебя, и еще болѣе для себя. Поѣздка по Волгѣ имѣла до сихъ поръ мало пріятнаго—тѣснота и купеческое общество. Впрочемъ, я нашелъ нѣсколько интересныхъ и даже

[1]) Бывшій учитель въ одной изъ открытыхъ Львомъ Николаевичемъ сельскихъ школъ въ 1862 г. Служилъ тогда на желѣзной дорогѣ.

очень интересныхъ людей, въ томъ числѣ купца Дѣева, владѣтеля 100 тысячъ десятинъ земли, съ которымъ я теперь сижу въ номерѣ, въ то время какъ Николенька съ хивинцемъ пошли въ казанскій театръ. Былъ еще татаринъ, попъ. Погода прелестная. Здоровье хорошо. Вы, вѣрно, ѣздите за грибами. Пожалуйста, не ѣзди на Шарикѣ. Объ оренбургскомъ планѣ напишу тебѣ изъ Самары. Въ Оренбургъ мнѣ бы пріятно съѣздить потому, что Дѣевъ этотъ тамошній и мнѣ поможетъ въ покупкѣ лошадей, и тамъ бы я увидалъ Крыжановскаго [1]). Во всякомъ случаѣ я постараюсь не выйти изъ 14 дней.

Казань возбуждаетъ во мнѣ своими воспоминаніями непріятную грусть. Ахъ, только бы ты и дѣти, главное—ты была здорова и спокойна. Цѣлую тебя, душенька, голубчикъ мой, цѣлуй дѣтей и кланяйся Софешъ, если она у насъ. Мг. Rey.

Твой *Л.*

Писать какъ будто очень хочется [2]).

89. **7 сентября.**

Пишу тебѣ 3-е письмо, милый другъ. Это письмо пишу 7-го, въ 2 часа дня, еще съ парохода, и опущу въ ящикъ въ Самарѣ, въ которой мы будемъ, если Богъ дастъ, въ 7 часовъ вечера. Мы имѣли несчастье встрѣтить 3-хъ поповъ въ Нижнемъ, и рядъ неудачъ насъ преслѣдовалъ. Мы потеряли двое сутокъ. Несмотря на то, надѣемся попасть въ Оренбургъ, куда мнѣ очень хочется.

Желѣзная дорога, говорятъ, хотя и не открыта, ходитъ очень правильно два раза въ сутки, и ѣзды менѣе сутокъ. Все рѣшится нынче вечеромъ, и я напишу тебѣ еще изъ Самары, если не буду очень спѣшить. Надѣюсь, что предзнаменованіе поповъ истощилось уже на просрочкѣ двухъ дней и на скучнѣйшемъ, безвкуснѣйшемъ обществѣ, кромѣ купца и хивинца. Насморкъ мой прошелъ и, благодаря винограду и арбузамъ, желудокъ, и потому

---

[1]) Тогдашній оренбургскій генералъ-губернаторъ Н. А. Крыжановскій былъ севастопольскимъ сослуживцемъ Толстого.

[2]) Въ это время писалась вторая половина „Анны Карениной“.

состояніе духа въ порядкѣ. Надѣюсь, что будешь писать часто, и что я, хоть сразу, получу письма и буду знать о тебѣ въ разные періоды. Ты меня такъ напугала нежеланіемъ отпустить меня, что я больше, кажется, чѣмъ прежніе раза, боюсь за всѣхъ васъ и, главное, за одну тебя. Я иногда писалъ тебѣ, ничего не говоря о моихъ чувствахъ, потому что въ ту минуту, какъ писалъ, не былъ такъ расположенъ. А въ эту поѣздку всякую минуту думаю о тебѣ съ нѣжностью и готовъ все письмо наполнить нѣжными словами. Прощай, душенька, милая, я такъ радуюсь тому чувству, которое имѣю къ тебѣ, и тому, что ты есть на свѣтѣ. Только бы ты была здорова, и потому сама, какая ты есть. Изъ Оренбурга я тебѣ телеграфирую. Твой *Л.*

90. **Въ тотъ же день.**

По обѣщанію, пишу тебѣ два слова изъ Самары. Нашелъ Боля, онъ устроилъ мнѣ билетъ по желѣзной дорогѣ въ Оренбургъ, и мы ѣдемъ нынче, 7-го, вечеромъ, въ 10 часовъ, съ моими спутниками: купцомъ и хивинцемъ. Надѣюсь быть въ срокъ. Будь здорова, душенька милая, цѣлую тебя и дѣтей. Всѣмъ поклонъ.

Твой *Л. Т.*

1877 годъ.

Письма изъ Ясной Поляны ко мнѣ въ Петербургъ, куда я ѣздила по желанію Льва Николаевича къ профессору Боткину, послѣ серьезныхъ моихъ болѣзней. Останавливалась у моей матери.

91. **Январь.**

Вчера, послѣ тебя, скоро пошли на коньки, и я, и Дьяковъ. Дѣти были хороши и веселы, кромѣ Илюши, котораго лицо гадкое меня поразило съ утра. Я цѣлый день былъ въ мрачномъ духѣ

и нездоровилось, и мысль объ Илюшѣ меня мучила. Совѣстно сказать про Дьякова, котораго я такъ люблю,—я усталъ отъ него. Не работалъ. Вечеромъ, уложивъ дѣтей, поѣхалъ провожать Дьякова на Козловку. Вернулся, поигралъ и уныло легъ спать. Спалъ дурно и проснулся рано. Обошелъ дѣтей. Всѣ здоровы и вели себя хорошо. Я, чтобъ справиться, ѣздилъ верхомъ до кофе, подѣлалъ гимнастику и пошелъ съ дѣтьми на коньки. Всѣ бѣгали очень весело. День морозный, но солнце уже хорошо грѣетъ. Вчера я имъ, кромѣ Сережи, позволилъ пробыть лишній часъ; но нынче, боясь твоей аккуратности, пошелъ съ ними домой во-время. Всѣ дѣлали свои уроки. Илюша у Владиміра Ивановича.

Сію минуту, послѣ долгихъ колебаній, я рѣшился еще разъ говорить съ Илюшей. Онъ плакалъ, и я плакалъ. И, Богъ дастъ, останутся слѣды.

Я не могу еще нынче заниматься и ѣду въ Ясенки, везу это письмо. Пожалуйста, не торопись назадъ. Если не только нужно для совѣта Боткина, но просто, если тебѣ пріятно съ *хорошими* людьми. Не стоитъ торопиться, когда уже заѣхала такъ далеко. Пожалуйста, не дѣлай такъ, чтобъ сказать мнѣ: я бы поѣхала, увидала или услыхала, если бы пробыла лишній день. Мнѣ одиноко безъ тебя, но нѣтъ той тоски, которой я боюсь, и чувствую, что не будетъ. А дѣти совершенно въ тѣхъ же условіяхъ, какъ при тебѣ.

Прощай, душенька, цѣлуй всѣхъ, кто тебя любитъ за меня.

92.

Приписка къ письму дочери Тани.

Какъ видишь, у насъ все продолжаетъ быть благополучно. Вчера училъ Лелю и Таню, и Таня меня разсердила такъ, что я на нее раскричался, что мнѣ очень совѣстно. Не могу работать. Вчера вечеромъ дѣти сидѣли со мной и красили, а я игралъ въ

шашки съ Владиміромъ Ивановичемъ, а потомъ весь вечеръ до часу игралъ на фортепіано. И то долго не могъ заснуть и проснулся рано. Сейчасъ ѣду на станцію. Дѣти ходили на коньки, но нынче сильный морозъ: ночью было 19 градусовъ, а на солнцѣ 5 тепла. Самое скучное для меня—обѣды съ дующимися другъ на друга педагогами. Я всякую минуту думаю о тебѣ и воображаю, что̀ ты дѣлаешь. И все мнѣ кажется, хотя я и мраченъ (отъ желудка), что все будетъ хорошо. Пожалуйста, не торопись, и еще, хотя ты и говоришь, что покупать ничего не будешь, не стѣсняйся деньгами, и если вздумается что купить, возьми денегъ у Любови Александровны и купи, и кути. Вѣдь черезъ три дня мы возвратимъ.

Прощай, душенька, не получалъ еще письма отъ тебя. Безъ тебя я стараюсь о тебѣ не думать. Вчера подошелъ къ твоему столу, и какъ обжегся, вскочилъ, чтобъ живо не представлять тебя себѣ. Также и ночью, не гляжу въ твою сторону. Только бы ты была въ сильномъ, энергичномъ духѣ во время твоего пребыванья. Тогда все будетъ хорошо. Всѣмъ, въ особенности Любови Александровнѣ, отъ меня кланяйся.

93.

Пишу тебѣ, милый другъ, хотя письмо это и не должно застать тебя, если ты выѣдешь, какъ хотѣла. Если же застанетъ, то тебѣ будетъ успокоительно. Все благополучно. Дѣти здоровы и провинностей никакихъ не сдѣлали, и учатся порядкомъ. Ходили нынче гулять, но на конькахъ не катались,—холодно. Я не выходилъ цѣлый день потому, что нынче чувствую себя лучше прежнихъ дней, и все утро работалъ, кончилъ корректуры.

Прощай, душенька. О дѣтяхъ потому особенно не заботься, что когда мы оба дома, мы заняты другъ другомъ, скорѣе ихъ забудемъ. А теперь больше дѣлать нечего, какъ заботиться о нихъ. Письма отъ тебя не получалъ. Теперь понедѣльникъ, 7 часовъ вечера. Сейчасъ поѣду въ Ясенки. Вчера и я игралъ со всѣми въ лото. Таня хозяйничаетъ.

Изъ Оптиной Пустыни, куда поѣхалъ лѣтомъ Левъ Николаевичъ, въ іюнѣ, съ Н. Н. Страховымъ.

94. **Іюнь.**

Пишу тебѣ, милый другъ, изъ гостиницы Оптиной Пустыни, послѣ 4-хъ часовъ всенощной. Пріѣхали мы прекрасно, благодаря Оболенскому [1]). На поѣздѣ ждала великолѣпная коляска. Мы устали, но все-таки пріѣхали въ 3 часа ночи. Утромъ нынче явился Дмитрій Оболенскій и цѣлое утро провелъ съ нами. Отчасти мѣшалъ. Насилу отдѣлался, чтобъ не ѣхать къ нему нынче, но завтра поѣду въ 5 часовъ, переночую и выѣду на зарѣ, чтобы поспѣть въ 12 въ Калугу и въ Тулу, куда и прошу прислать лошадей въ 5 часовъ, 28-го. Если не пріѣду, то пусть выѣдутъ въ тотъ же день въ 11. Могу проспать и опоздать. Я здоровъ, и мнѣ очень пріятно, хорошо. Ужасно жалѣлъ, что Саша [2]) съ нами не поѣхалъ. Только дай Богъ, чтобы ты была здорова и ничто тебя не тревожило. До свиданья, душенька.

95. **Лѣтомъ изъ Москвы.**

Пишу тебѣ отъ Риса, изъ его великолѣпной квартиры и подъ вліяніемъ его успокаивающаго добродушія. Оригиналъ прислалъ мнѣ Костенька и самъ пришелъ. Кислота Костеньки невообразимо возмутительна. Онъ виноватъ во всемъ. Злобу свою всю излилъ на Любимова, котораго встрѣтилъ въ вагонѣ, подъѣзжая къ Москвѣ. Но не слишкомъ горячился. Помнилъ: духъ терпѣнія и любви...

Печатаю отдѣльно у Риса безъ цензуры, добавляя изъ предъидущаго то, что недостаетъ до 10 листовъ [3]).

---

[1]) Кн. Дмитрій Александровичъ.

[2]) Кузминскій.

[3]) Рѣчь идетъ о печатавшемся отдѣльно концѣ „Анны Карениной“ (см. письмо Н. Н. Страхова № 51. „Соврем. Міръ“, 1913 г., № 4).

Теперь два часа, и я не успѣю уѣхать сегодня, но завтра уѣду въ 4. Будь совершенно спокойна и, главное, здорова. Если я былъ сердитъ, то теперь все прошло. Страховъ совѣтуетъ печатать отдѣльно. Цѣлую тебя, душенька.

Твой *Л. Т.*

Ужасно бы хотѣлось уѣхать нынче.

Изъ Москвы, гдѣ былъ съ дочерью Таней.

96. **Сентябрь.**

Пріѣхали мы очень хорошо, хотя и очень скучно, особенно для Тани. У Лизаньки [1]) все благополучно, и потому насъ приняли, кажется, безъ большого затрудненія. И меня помѣстили, чему я очень радъ. Я думаю, что ты не досадуешь, что я взялъ 200 рублей. Это меня развяжетъ. Я буду у Соловьева, когда время, а не нарочно.

Здоровье мое не хуже. Былъ вечеромъ вчера у Захарьина, но не засталъ. Нынче буду въ клиникѣ въ 12 часовъ. Нанялъ карету, и Таня поѣдетъ съ Лизой за покупками, а потомъ сойдемся на Кузнецкомъ мосту и поѣдемъ къ зубному врачу. Обидно очень, что все отъ 12 до 3-хъ, и потому въ одинъ день мало сдѣлаемъ: и архивы, и музей, и архіерей, и митрополитъ, и Захарьинъ. Лиза вчера говорила, что хочетъ ѣхать къ Троицѣ. Это было бы отлично. Каждый день будемъ тебѣ писать. Къ дантисту поѣдемъ къ тому, какого укажетъ Захарьинъ. Прощай, душенька, цѣлую и люблю тебя крѣпко.

Твой *Л.*

Таня припишетъ.

---

[1]) Племянница Л. Н-а, княг. Елиз. Валер. Оболенская.

1878 годъ.

Письма изъ поѣздки въ Петербургъ, гдѣ Левъ Николаевичъ оканчивалъ дѣло по покупкѣ самарской земли у барона Бистрома. Поѣздкой этой Л. Н. воспользовался также, чтобы собрать въ Москвѣ и Петербургѣ свѣдѣнія о декабристахъ, за романъ о которыхъ онъ взялся снова.

97. **Мартъ. Москва.**

Меня всю дорогу мучила мысль, что я плохо съ тобой простился и не просилъ тебя написать мнѣ. Только бы ты была здорова. Смотри, будь здорова и не волнуйся. Я доѣхалъ хорошо съ старикомъ Левашевымъ, и говорили всю дорогу. Вечеръ провелъ въ гнѣздѣ съ Костенькой и Истоминымъ, съ которымъ говорилъ о дѣлѣ, т.-е. о книгахъ. Онъ мнѣ пропасть далъ. Нынче былъ у двухъ декабристовъ [1]), обѣдалъ въ клубѣ, а вечеръ былъ у Бибикова, гдѣ Софья Никитична (рожденная Муравьева) мнѣ пропасть разсказывала и показывала.

Теперь провелъ конецъ вечера у Дьяковыхъ съ Машенькой, Лизанькой и Колокольцовыми, и отъ нихъ пишу. Завтра поѣду къ Свистунову, декабристу, и обѣдаю у Истомина, и съ Владиміромъ проведу вечеръ. Цѣлую тебя и дѣтей. Ужасно время скоро идетъ, ничего не успѣваешь и устаешь ужасно. Утромъ былъ на панихидѣ у старика Перфильева.

Т.

98.

Пишу съ Петербургской желѣзной дороги. Усталъ очень, но, слава Богу, все благополучно и здоровъ. Усталъ я оттого,

[1]) Свистунова и Бѣляева.

что всталъ рано, пошелъ къ обѣднѣ; не могъ отдѣлаться отъ Васеньки, все съ нимъ спорилъ. Потомъ поѣхалъ къ Свистунову, у котораго умерла дочь, и просидѣлъ съ нимъ 4 часа, слушая прелестные разсказы его и другого декабриста, Бѣляева. Зашелъ къ Бѣляеву, потомъ къ Бартеневу, у котораго обѣдалъ, и долженъ былъ торопиться на поѣздъ. Цѣлую тебя, душенька, и дѣтей. Будь спокойна и не волнуйся. Андрюшу [1]) особенно цѣлую.

99. **Петербургъ.**

Пишу въ 12 часовъ ночи отъ Любови Александровны, у которой я остановился. Пріѣхалъ къ ней, забылъ № дома и долго искалъ. Она не совсѣмъ здорова,—кровотеченіе, но была мнѣ рада. Поѣхалъ къ Ильѣ Андреевичу Толстому [2]). Онъ звалъ къ себѣ, но я отказался. Пошелъ съ нимъ къ его матери. Посидѣлъ у ней, поѣхалъ къ Александрѣ Андреевнѣ [3]), не засталъ дома. Поѣхалъ къ Владиміру [4]), засталъ его и мальчиковъ его,—славные. Потомъ пришла дѣвочка и мать, очень мнѣ понравились всѣ. Дѣдушка назвался обѣдать къ Любови Алекс. Бистрому [5]) написалъ записку; онъ зоветъ завтра, въ 4 часа. Вечеромъ послалъ Степу къ Страхову [6]). Въ театръ не поѣхалъ—«Юдиоь» Сѣрова. Берегу себя, свои нервы. Играли въ карты съ дѣдушкой и Страховымъ. Завтра обозначатся дѣла, когда могутъ кончиться, и тогда напишу, когда пріѣду. Цѣлую тебя, душенька, и дѣтей. Надѣюсь, что они милы. Андрюша навѣрное милъ. Погода гнилая, и я усталъ, но здоровъ. Жду твоего письма.

---

[1]) Меньшой ребенокъ, котораго я тогда кормила.

[2]) Братъ извѣстной А. А. Толстой.

[3]) Родственница Льва Николаевича, гр. Ал. Андр. Толстая, воспитательница Вел. Княжны Маріи Александровны.

[4]) Ислявину, моему дядѣ.

[5]) Старый генералъ, у котораго Л. Н. купилъ землю въ Самарской губ.

[6]) Николай Николаевичъ, критикъ, философъ.

100.

Опять пишу вечеромъ, милый другъ, отъ мама. Съ утра поѣхалъ къ Александрѣ Андреевнѣ, у нея просидѣлъ до 3. Отъ нея поѣхалъ къ Бистрому. Условія прекрасны: 20.000 руб. плачу теперь, остальныя на два года по 6%. Онъ очень сговорчивъ и милъ. Оттуда поѣхалъ обѣдать къ Владиміру. Тамъ поигралъ въ карты до 8. И оттуда къ Прасковьѣ Васильевнѣ [1]) и у нея до вечера, и домой. Вчера нездоровилось, а нынче совсѣмъ здоровъ. Завтра узнаю у нотаріуса, какъ и когда можно сдѣлать купчую, и напишу.

Получилъ твою телеграмму ночью и не отвѣчаю, потому что ты, вѣрно, получишь мое письмо раньше телеграммы. Получилъ и письмо. Какъ грустно, что дѣти себя такъ дурно вели. Если не получишь телеграммы, не сердись, душенька.

Всѣ Толстые тебя искренно полюбили и хвалятъ, а я радуюсь. Не пробуду ни часу лишняго безъ нужды. Скучно и тревожно здѣсь, хотя я очень спокоенъ и степененъ. Цѣлую тебя и дѣтей. Андрюшѣ не вели безпокоиться.

101. Петербургъ.

Утромъ былъ Бистромъ. Потомъ поѣхалъ къ нотаріусу, въ библіотеку, къ Страхову и въ крѣпость [2]). Потомъ съ Толстой, къ которой заѣхалъ, къ старухѣ Толстой обѣдать. Оттуда къ Вѣрѣ Александровнѣ [3]). Тамъ глупая и скучная игра въ карты, и вернулся сейчасъ домой съ мама, въ три часа. Въ первый разъ собой недоволенъ за то, что сѣлъ въ карты и засидѣлся долго безъ удовольствія. Надоѣло ужасно. Завтра, и позднѣйшее въ пятницу, надѣюсь кончить съ Бистромомъ и уѣхать. Получилъ твое письмо. Ужасно радостно. Страшно только за Андрюшу. Цѣлую тебя, душенька, и ложусь спать.

---

[1]) Гр. Толстая, мать гр. Александры Андреевны.

[2]) Для осмотра мѣста заключенія декабристовъ.

[3]) В. А. Шидловская, сестра моей матери.

Москва.

Пишу два слова, потому что очень усталъ отъ безсонной ночи и дорогой отъ разговоровъ съ Цингеромъ. Здѣсь Сережа. Видѣлся съ своими изъ гнѣзда «Викторіи»[1]). Собранія раскольниковъ не было. Ложусь спать. Жду твоего письма.

Л. Т.

102. **Изъ той же поѣздки.**

Поѣздъ опоздалъ на 3 часа (потомъ оказалось, что на 5), такъ что я потерялъ цѣлый день. Возвращаться не стоило того. Былъ у Пущиной. Много интереснаго отъ дочери Рылѣева. Напишу изъ Москвы. Поѣздъ пришелъ въ 4 ч. 15 м.

Л. Т.

Письма съ самарской поѣздки. Левъ Ник. уѣхалъ раньше меня съ сыновьями Ильей и Левой и ихъ гувернеромъ Mr. Nicf. Я ждала окончанія Сережиныхъ экзаменовъ въ тульской гимназіи и проѣхала позднѣе съ нимъ, Степой, Машей, Таней и Андрюшей (грудянымъ).

103. **Іюнь. Москва.**

Доѣхали вполнѣ благополучно, если не считать того, что Леля потерялъ шапку. Всѣ здоровы и спокойны. Только я раскисъ, и потому такъ опоздалъ, что пишу со станціи Нижегородской, за 10 минутъ до отхода. Видѣлъ только Костеньку. Будь здорова, весела и спокойна, душенька. И не сердись, что такъ пишу[2]).

Л. Т.

104. **Нижній.**

Милый другъ Соня. Теперь чувствую, что я уже окончательно осрамился передъ тобой, и что мнѣ уже въ практическихъ дѣлахъ

---

[1]) Гостиница, гдѣ останавливалась сестра Марія Николаевна.

[2]) Письмо на клочкѣ буфетной бумаги.

останется только признавать свою полную къ нимъ неспособность. Не понимаю, какъ я могъ забыть, потерять или дать украсть у меня бумажникъ. Я не обѣдалъ въ Москвѣ, и пошли мы всѣ въ Павловѣ на станцію,—дѣти чай пить, а мы съ Nief'омъ ужинать. Я еще не доѣлъ своей стерлядки, какъ стали звонить. Я досталъ бумажникъ и, не находя въ немъ 3-хъ рублей, обратился къ Ньефу. Онъ далъ 2 рубля, я заплатилъ и пошелъ въ вагонъ. Въ вагонѣ тотчасъ же стали спрашивать билеты. Я хватился—нѣтъ. Или я забылъ его на столѣ, или не попалъ въ карманъ, или его у меня вытащили. Первое—самое вѣроятное. Телеграфировали въ Павлово, но отвѣтили въ Нижнемъ, что бумажника не оказалось. Денегъ было рублей 270. Счастье мое, что Соловьевъ не могъ мнѣ дать болѣе 300, и что Ньефъ взялъ у меня 95. Все же произошло преимущественно потому, что я очень раскисъ, какъ писалъ тебѣ изъ Москвы. Не знаю, дошло ли до тебя это письмо, написанное на клочкѣ буфетной бумаги. Вслѣдствіе ли болѣзни, или перемѣны пищи, или безсонницы, но мнѣ было вчера 100 лѣтъ и я былъ какъ во снѣ. Денегъ у насъ осталось: у Ньефа—25, у дѣтей—5, у Сергѣя [1])—6. Господинъ, съ которымъ я ѣхалъ, Граве, предложилъ мнѣ взять въ кредитъ билеты на пароходъ, въ компаніи котораго онъ членомъ, и даже денегъ. Я согласился и теперь, на вокзалѣ, жду отъ него извѣстія. Ѣхать же въ тотъ же день, нынче, не пришлось, и, какъ кажется, къ лучшему: идетъ одинъ самолетскій пароходъ. Должна быть большая тѣснота. И при мнѣ одна дама, не потерявшая денегъ, осталась до завтра. Скучно и досадно! Но что жъ дѣлать! Это все Степины 300 рублей пропадаютъ. У Соловьева я взялъ вексель на 3500 рублей и оставилъ ихъ ему, съ тѣмъ чтобъ онъ ихъ дисконтировалъ и прислалъ въ Самару. Если ты поѣдешь, то, можетъ, они у него только что будутъ готовы, и ты ихъ возьмешь съ собой. Я объ этомъ напишу ему и Нагорному. За исключеніемъ этой досады, путешествіе идетъ хорошо. Изъ Казани на-

[1]) С. Арбузовъ, лакей.

пишу тебѣ и изъ Самары, а главное съ хутора, и постараюсь какъ можно вѣрнѣе взвѣсить всѣ удобства, неудобства, выгоды, невыгоды, удовольствія и неудовольствія твоего пріѣзда. Хвалятъ очень пароходы американскіе, ходящіе по средамъ и субботамъ, и если ты поѣдешь, я бы тебѣ присовѣтовалъ попадать на нихъ, но боюсь, не опаздываютъ ли они? Объ этомъ напишу съ парохода.

Въ Москвѣ никого, кромѣ Костеньки. Перфильевы уѣхали на дачу; Истомина нѣтъ. Встрѣтилъ одного Аксакова въ лавкѣ Соловьева и съ нимъ много говорилъ, что утомило меня при моей старости.

Дѣти хороши и физически, и духовно, и внѣшне, и внутренне. Письма ихъ глупы, но они устали, и хотя и отлично спали на двухъ сдвинутыхъ лавочкахъ 2-го класса, но все-таки не столько, сколько обыкновенно.

Дѣти пошли теперь купить марки и апельсины, а я допишу письма, позавтракаю съ ними, походимъ съ ними же и поѣдемъ на пароходъ, гдѣ и можно ночевать, какъ говорилъ мнѣ мой покровитель. Если что еще случится, то припишу. Пока прощай, душенька. Во всякомъ случаѣ не больше, какъ черезъ 2 недѣли, увидимся. Цѣлую дѣтей и главное Андрюшу.

Твой *Л.*

105. Тамъ же.

Здравствуй, душенька, утромъ, въ среду, въ гостинницѣ въ Нижнемъ, гдѣ мы ночевали. Вчера пробыли на станціи, обѣдали, дѣти ходили гулять, покупать гадости всякія, а я ѣздилъ въ городъ, къ Панову, пріятелю Тани и Саши[1]). Я поѣхалъ потому, что Граве, обѣщавшій дать знать, не пріѣзжалъ. Я засталъ Панова за обѣдомъ. Онъ былъ сконфуженъ, и я видѣлъ, что у него нѣтъ 75 рублей, которые я просилъ у него. Но все-таки онъ обѣщался привезти ко мнѣ въ гостинницу.

---

[1]) Кузминскихъ.

Вернувшись домой, нашелъ тамъ Граве, который привезъ письмо къ самолетскому агенту, чтобы выдать намъ на завтра билеты въ кредитъ до Самары. Общества же американской компаніи, въ которомъ служитъ Граве, нѣтъ парохода въ среду. Пароходъ «Кавказъ и Меркурій», на которомъ я ѣздилъ, тоже оказался товаро-пассажирскій, и на немъ не совѣтовали ѣхать. Вечеромъ переѣхали на двухъ лодкахъ черезъ Оку, къ радости дѣтей, и помѣстились въ гостиницѣ, пообѣдали въ другой разъ и легли спать. Спали всѣ прекрасно, Лелю прикрывали въ твое воспоминаніе. Впрочемъ, онъ очень хорошъ и удобенъ. Сейчасъ ѣдемъ на пароходъ самолетскій, но опять предстоитъ суета, потому что Сергѣя, посланнаго за билетами, еще нѣтъ, а уже 10 часовъ.

Сейчасъ явился Сергѣй, и мы отправляемся. Долженъ признаться, что дорога, суета, забота о пустякахъ ужасно тяжелы мнѣ, и я часто поминаю тебя, что: «безумный ищетъ бури»... Ну, прощай, душенька. Гр... *(зачеркнуто)*. По привычкѣ подписался было, и досадно. Буду писать изъ Казани. Цѣлуй дѣтей, Сережу, Таню, чтобъ они тебѣ помогали проводить легче время, и Машу забытую, и Андрюшу милаго. Только бы онъ былъ здоровъ.

106. **14 іюня. Пароходъ.**

Милый другъ! пишу съ парохода вечеромъ, съ тѣмъ, чтобы завтра утромъ рано сдать это письмо въ Казани. Дѣти благополучно спятъ около меня и весь день ѣхали спокойно, благополучно и, какъ всегда, не скучно. Новыя и нѣкоторыя интересныя лица, въ особенности одинъ гельсингфорсскій профессоръ, ѣдущій изучать религію идолопоклонническую черемисовъ, единственныхъ представителей финскаго племени, не перешедшихъ въ христіанство. Потомъ ѣдетъ юноша Ермоловъ,—онъ ѣхалъ съ нами какъ-то лицеистомъ, а теперь кавалергардскимъ солдатомъ. Онъ предложилъ мнѣ денегъ, узнавъ мою исторію, и я взялъ у него 50 рублей. Съ этой же почтой пишу въ Москву,

чтобы ему и въ контору Самолета Нагорный выслалъ 50 и 60 рублей. Досада на себя и стыдъ, что я потерялъ деньги, все еще не прошли.

Дѣти очень хороши, разговариваютъ съ дамами и мальчиками ихъ лѣтъ и не слишкомъ много даютъ намъ съ Ньефомъ хлопотъ. Ньефъ все такъ же старателенъ и добродушенъ, и пріятенъ.

Купили палки въ Козмодемьянскѣ и покупали ягоды черезъ посредство Сергѣя. Мнѣ суета, толпа тяжелы и скучны, и я какъ будто не дышу духовно. Вздохну, пріѣхавъ на мѣсто, и тогда опять пойдетъ обычный ходъ мысли и чувства.

Неужели ты скучаешь безъ меня? Пожалуйста, не попускайся. Такъ и вижу, какъ ты,—если, избави Богъ, ты не въ хорошемъ духѣ,—ты скажешь: «какъ же не попускаться? Уѣхать, бросить меня...» и т. д. Или, что лучше, вижу, что ты улыбнешься, читая это. Пожалуйста, улыбайся.

Сегодня Сережинъ экзаменъ. Пожалуйста, напиши мнѣ, что скажетъ директоръ. А Сережа, надѣюсь, хоть не отличится, то не ударитъ лицомъ въ грязь. Таню цѣлую и прошу выворачивать ноги, чистить зубы и не сердиться на крючки и пуговки. Тутъ на пароходѣ дѣвочки все это дѣлаютъ. Милыхъ гешвистеръ Таню и Степу цѣлую и благодарю, что они за тобой ухаживаютъ. Я знаю.

Прощай, душенька, цѣлую тебя и Андрюшу. Машу я не забылъ и не забываю, а люблю и цѣлую.

Твой *Л. Т.*

107. 15 іюня.

Опять пишу вечеромъ, съ того же парохода. Дѣти здоровы, спятъ и были милы. 10 часовъ вечера, и завтра, въ 4 часа, Богъ дастъ будемъ въ Самарѣ, а къ вечеру на хуторѣ. День прошелъ такъ же тихо, спокойно и пріятно. Интересное было для меня—бесѣда съ раскольниками-безпоповцами Вятской губерніи. Мужики—купцы, очень простые, умные, приличные и серьезные

люди. Прекрасный былъ разговоръ о вѣрѣ. Дѣти больше занимались съ мальчикомъ Протопоповымъ. Это барыня, вдова старая, ѣдетъ изъ Петербурга смотрѣть пожалованный ея мужу участокъ. Мальчикъ Илюшиныхъ лѣтъ, въ гимназіи.

Mr. Niel avec son carnet все спрашиваетъ и все записываетъ. Я первый день чувствую себя здоровымъ, хотя и не совсѣмъ: до сихъ поръ немного болитъ зубъ; но духомъ бодръ, думаю и чувствую. И о тебѣ думаю: то безпокоюсь, то успокаиваюсь. Разспрашивалъ про американскіе пароходы и рѣшительно, если ты поѣдешь, совѣтую тебѣ пригонять къ средѣ, четвергу или субботѣ; по этимъ днямъ они ходятъ.

Въ утѣшеніе Левы мальчикъ Протопоповъ потерялъ свою шляпу нынче. Наши же держатъ на снуркахъ новокупленныя. Пароходъ, особенно если ты попадешь на большой, будетъ тебѣ и дѣтямъ очень пріятенъ.

Я начинаю понемногу забывать досаду потери денегъ, но все-таки чувствую, что теперь навѣки ужъ погибъ въ твоемъ мнѣніи. Милаго Степу цѣлуй, я его поминаю часто. Таня большая теперь вѣроятно уже съ мужемъ; поздравляю ихъ обоихъ и жалѣю, что пропускаю ихъ.

Прощай, милая. Ужасно неловко писать, какъ я, уже 4-е письмо безъ отвѣта; точно какъ говоришь долго и разное человѣку, который молчитъ и лица котораго не видишь. Главное, боюсь, чтобы лицо твое не было измученное и нездоровое.

Пожалуйста, засыпай раньше, не засиживайся, высыпайся и гуляй. Цѣлую тебя, душенька. Изъ Богатова еще напишу. Сережу, Таню, Машу, Андрюшу цѣлую и благословляю.

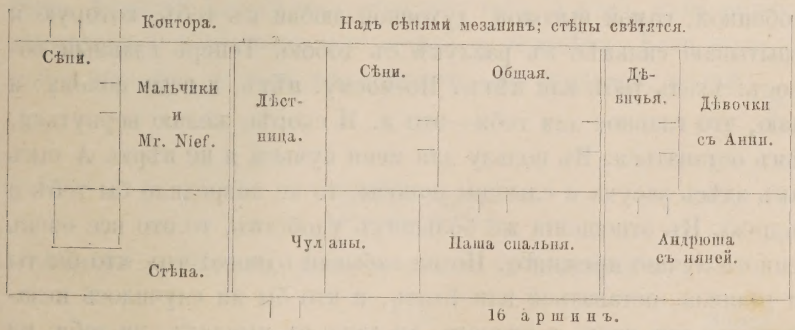
108. Съ хутора.

Посылаю два хорошихъ письма мальчиковъ. Они писали ихъ весело и съ охотой. Отъ усталости были они и непріятны, но теперь спокойны и веселы, и милы. Начну съ начала, съ того времени, какъ я написалъ послѣднее письмо съ парохода, подъѣзжая къ Самарѣ. Вышли въ 8-мъ часу на берегъ, наняли извоз-

чиковъ и поѣхали покупать провизію. Все сдѣлали и не торопясь попали на машину. Она отходитъ въ 50 минутъ 10-го.

Сѣли во 2-й классъ. Просторно и хорошо доѣхали въ 2 часа на станцію Богатово. И тутъ же насъ встрѣтилъ Лутай [1]) съ каретой. Карета очень постарѣла, но все-таки еще крѣпка и удобна. Выѣхали въ 3, чередовались на лучшемъ мѣстѣ, на козлахъ, и доѣхали легко въ 9-мъ часу, совсѣмъ свѣтло, въ Землянки. Если бы была лунная ночь, можно бы было доѣхать до хутора раньше 12-ти. Но, не зная, какъ устроено, и потому что темно, рѣшили ночевать у гостепріимнаго Трускова. Ночевали всѣ рядомъ, въ амбарѣ, и Mr. Nief и Леля страдали отъ блохъ, но Леля во снѣ чесался и меня брыкалъ. Утромъ пріѣхали; я зашелъ прямо къ Мухамедшѣ [2]), который здѣсь, и помѣстился на отлетѣ. Его хотятъ женить, и онъ совѣтовался со мной вчера. Потомъ пошелъ въ домъ и, распредѣляя комнаты, нашелъ, что будутъ даже лишнія. Хотя, если ты рѣшишься ѣхать по телеграммѣ, которую я нынче посылаю, ты и не застанешь письма, посылаю тебѣ все-таки планъ и описаніе.

Вотъ планъ дома и мой планъ, какъ помѣститься. Я много обдумывалъ, и это самое лучшее. И такъ я устрою, если получу



[1]) Башкирецъ кучеръ.

[2]) Мухамедша—старый знакомый башкирецъ, пріѣхавшій съ семьей, кибиткой, и кумысомъ, и лошадьми на нашъ хуторъ по нашему приглашенію.

твою телеграмму, что ты ѣдешь. Довольно чисто и болѣе тепло; полъ свѣтится только кое-гдѣ, и то я велю задѣлать, и есть даже печи—одна въ конторѣ, одна въ домѣ. Лозинки есть около самаго дома и жалкіе кустики крыжовника, и вода передъ домомъ. Одно не хорошо, что тутъ тоже на хуторѣ навозъ и мухъ бездна; не даютъ ни обѣдать, ни чай пить, ни заниматься, кромѣ какъ по вечерамъ.

Я пью кумысъ, не скажу, чтобы съ особенной охотой, но по привычкѣ; и особеннаго желанія прожить здѣсь лѣто не имѣю. Mr. Niel пріунылъ, ему видно не нравится. Хорошо то, что лошадей много, и линейку сдѣлалъ Бибиковъ [1]) прекрасную: 9 человѣкъ сядутъ, и низко, и безопасно. И если ты пріѣдешь, то каждый день послѣ обѣда, я мечтаю, что мы будемъ дѣлать экскурсіи, кто верхомъ, кто въ линейкѣ.

Бибиковъ ведетъ дѣло прекрасно. Денегъ на уборку ему не нужно будетъ. Есть бахчи. Лошади очень хороши. Пшеница у насъ тоже очень хороша. Гораздо лучше, чѣмъ я ожидалъ. Я ничего не дѣлаю, ничего почти не думаю и чувствую, что нахожусь въ переходномъ положеніи. О тебѣ безпокоюсь и думаю, какъ только остаюсь одинъ. Только бы Богъ далъ, все было благополучно во время нашей разлуки, а то я люблю это чувство особенной, самой высокой, духовной любви къ тебѣ, которую я испытываю сильнѣе въ разлукѣ съ тобою. Теперь главный вопросъ: ѣхать тебѣ или нѣтъ? По-моему, нѣтъ, и вотъ почему: я знаю, что главное для тебя—это я. Я скорѣе желаю вернуться, чѣмъ оставаться. Въ пользу для меня кумыса я не вѣрю. А такъ какъ здѣсь засуха и слышны поносы, то не повредило бы тебѣ и Андрею. Въ отношеніи же бо́льшихъ удобствъ, то это все очень немного лучше прежняго. Но не забывай одного: что, что бы ты ни рѣшила, оставаться или ѣхать, и что бы ни случилось независящаго отъ насъ, я никогда, ни даже въ мысляхъ, ни тебя, ни себя упрекать не буду. Во всемъ будетъ воля Божья, кромѣ на-

[1]) Алексѣй Алексѣевичъ Бибиковъ, управлялъ нашимъ имѣніемъ, тульскій дворянинъ.

шихъ дурныхъ или хорошихъ поступковъ. Ты не сердись, какъ ты иногда досадуешь при моемъ упоминаніи о Богѣ; я не могу этого не сказать, потому что это самая основа моей мысли. Обнимаю тебя и цѣлую, милая моя. Цѣлуй дѣтей и всѣхъ нашихъ. Если ты пріѣдешь, я выѣду встрѣчать тебя въ Землянки. Самое главное забылъ: если ты не пріѣдешь, то мы выѣдемъ 1-го іюля.

109. **Оттуда же.**

Описать тебѣ всю путаницу, происшедшую съ телеграммами, слишкомъ долго, но дѣло въ томъ, что, не получая отвѣта и боясь, чтобы ты не пріѣхала 25-го, а кареты не будетъ, и боясь оставить дѣтей (я всего боюсь), я поѣхалъ къ тебѣ навстрѣчу со всѣми; но на половинѣ дороги мы узнали, что есть телеграмма, и что въ ней сказано, что ты велишь прислать лошадей, и рѣшилъ вернуться, а карету послать тебѣ. Лошади хороши и смирны, Лутай править ловко, но подъ гору въ Богатовѣ выдь и вели тормозить. Больше горъ не будетъ. Въ Землянки буду выѣзжать встрѣчать тебя. Совѣтую во всякомъ случаѣ попоить въ хуторахъ и ѣхать прямо до хутора. Пріѣдешь часовъ въ 11-ть. Мы здоровы и благополучны. Что́ вы, милые, о которыхъ не имѣю извѣстія и очень тоскую и безпокоюсь? У насъ все бы хорошо, но мухи! Можетъ быть, Алексѣй Алексѣевичъ увидитъ тебя, а нѣтъ, такъ подряди тарантасикъ и рыдванъ для вещей и человѣка. Если мало, то подрядимъ два, и велю приторговать. До свиданья, милая.

Л.

1879 годъ.

Письмо въ Москву, куда я ѣздила съ Сережей и Таней.

110. **Январь.**

Все самое интересное тебѣ написано, милый другъ. О себѣ не могу сказать хорошаго. Все та же вялость, насморкъ и кашель. Дай вамъ Богъ быть здоровымъ и хорошо повеселиться. Всѣхъ

васъ цѣлую. Съ почты ничего не привезли интереснаго: письмо отъ переводчицы, отъ Ѳеди Перфильева и книжки отъ Готье. Соловьева 20-й томъ у меня есть, стало быть, не надо.

Илюша и Леля здоровы и ходили гулять. Василій Ивановичъ [1]) нездоровъ и не приходилъ. Въ Тулу ѣдутъ M-lle Gachet [2]) и Mr. Niel, въ 3 часа, и съ ними ѣдетъ это письмо.

Завтра пошлю на Козловку.

111. **Изъ Москвы.**

Пріѣхалъ благополучно. Къ Соловьеву-книгопродавцу—денегъ Нагорный *не* бралъ. Къ Нагорнымъ—его нѣтъ дома; Варя съ дѣтьми очень милы. Къ Соловьеву-историку—его нѣтъ. Къ Бартеневу—его дома нѣтъ. Къ Полинькѣ, Васенькѣ—спитъ, зубы болятъ. Въ клубъ—тамъ поужиналъ и поговорилъ съ Бартеневымъ. Ложусь спать. 12 часовъ. Завтра начну дѣла и напишу еще. Боюсь, что простудился въ жаркихъ вагонахъ, горло болитъ немного, но духомъ бодръ. Цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

Письма Льва Николаевича съ поѣздки его къ Аѳ. Аѳ. Шеншину—Фету—и изъ Кіева.

112. **Іюнь. Воробьевка.**

Аоанасій Аоанасьевичъ встрѣтилъ меня въ Будановкѣ, и въ часъ мы были у него. У него все благополучно; его старая пріятельница, Бежская, и Петя Борисовъ. Онъ кончилъ курсъ.

Дорогой я полудремалъ отъ часа до 6-ти. Съ 6-ти до часа въ 3-мъ классѣ заводилъ разговоры. Во 2-мъ же классѣ ѣхалъ съ несчастнымъ, слѣпымъ нигилистомъ, что живетъ у Бобринскаго, и его проводникомъ, солдатомъ, книгоношею,—тотъ, что былъ у насъ съ евангеліями.

---

[1]) В. И. Алексѣевъ, русскій учитель при дѣтяхъ.

[2]) Гувернантка, швейцарка.

Я пригласилъ съ собой ѣхать въ Кіевъ Петю Борисова и желаю, чтобы онъ раздумалъ. Боюсь, что въ Кіевѣ не успѣю осмотрѣть и узнать и $^1/_{10}$ того, что хочется, судя по разсказамъ. Пріѣхавъ, напишу.

Прощай, душенька. Цѣлуй дѣтей. Не торопись, не безпокойся обо мнѣ. Я буду вести себя осторожно. Цѣлую тебя. Феты кланяются тебѣ и Танѣ.

113.

13 іюня, 1 часъ пополудни.

Пишу изъ Курска. Вчера вечеромъ получилъ твою телеграмму. Ужасно грустно! Я никакъ не ожидалъ этого. Ночью плохо спалъ. Все думалъ о немъ. Хотѣлъ ѣхать назадъ, къ бѣдной его вдовѣ и сестрамъ, и раздумывалъ. Для того, чтобы ѣхать назадъ, надо было выѣхать раньше. А я, не спавъ ночь, проспалъ. И вотъ ѣду въ Кіевъ. Отъ Фета, его болтовни усталъ такъ, что не чаялъ вырваться. Пишу это письмо въ лавочкѣ. Изъ Кіева напишу еще. Цѣлую тебя, дѣтей. Прощай, душенька. Дай Богъ, чтобы все было у насъ благополучно. Кіевъ очень притягиваетъ меня.

Твой *Л.*

114.

Нынче, 14-е утромъ, 8 часовъ, очень усталый пріѣхалъ въ Кіевъ. Все утро до 3-хъ ходилъ по соборамъ, пещерамъ, монахамъ, и очень недоволенъ поѣздкой. Не стоило того. Въ 4-мъ нашелъ Загоскину съ обѣими дочерями и кучей внуковъ и у нихъ обѣдалъ. Въ 7 пошелъ опять въ лавру, къ схимнику Антонію, и нашелъ мало поучительнаго. Что дастъ Богъ завтра. Послѣзавтра навѣрное выѣду, если Богъ дастъ здоровья. Письма отъ тебя нѣтъ. Это грустно. Цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

Письма съ поѣздки къ матери моей въ Новгородскую губ. съ сыномъ Сережей.

115. Іюль.

Мы пріѣхали въ 4-мъ часу въ Боровенку благополучно, здорово; но я—не выспавшись и очень усталъ. Сережа спалъ молодымъ сномъ,—завидно. Сейчасъ ѣдемъ на парѣ, съ ямщикомъ, запрягаютъ. Утро прекрасно, свѣжо; но мы надѣвали кафтаны. Что будетъ дальше, и будьте здоровы, а я радъ, что поѣхалъ. Письмо это отправляю съ ямщикомъ, который меня везетъ. Поѣздъ пройдетъ въ 10 ч. вечера, а я еще припишу что-нибудь...

Дописываю отъ Любови Александровны. Она и Славочка здоровы; очень милы и рады намъ. Намекнулъ на пріѣздъ къ намъ. До сихъ поръ не беретъ.

Прощай, душенька. Цѣлуй дѣтей. Нынче я проведу больше во снѣ. Дорога ужасная, и мы пріѣхали только въ 9-мъ часу. Они уже вставали. И домъ, и мѣсто, особенно мѣсто, очень хороши.

При письмѣ дочери Тани изъ Москвы.

116. Осенью.

Я передѣлалъ очень, очень много, и хорошо, но многое еще осталось, и потому ты, душенька, не сердись за то, что мы отлагаемъ пріѣздъ до вторника, по курьерскому.

Захарьинъ меня утѣшилъ, прописалъ лѣкарства, я ихъ взялъ и даже употребляю. Усталъ я нервами очень. Очень хочется къ тебѣ и къ дѣтямъ, и въ блузу, но не безъ пользы моя поѣздка. Ужасно, что ты страдаешь; боюсь думать, что это повторилось. Обнимаю тебя, голубушка, и дѣтей.

1880 годъ.

117. Январь. Изъ Москвы.

Пишу не въ первый вечеръ и даже не во второй, а нынче поутру, въ субботу. Не знаю, простудился ли я, или просто пришло на меня обычное мое нездоровье, но сдѣлался жаръ внутренній, голова болитъ, во рту горько. При этомъ дурной сонъ и аппетитъ. Однимъ словомъ, обычное мое желчное нездоровье. И я просидѣлъ все время, съ четверга вечера до субботы утра, въ комнатѣ. Посылалъ я за Салаевымъ, и вчера, въ три наши свиданья, выговорилъ условія, которыя мнѣ кажутся выгодными, но я все еще не рѣшился на нихъ, а сказалъ, что дамъ отвѣтъ послѣ Петербурга. Условія его: онъ даетъ 25.000 сразу, впередъ, и я даю право на печатаніе 5.500 экземпляровъ. Типографщиковъ я не звалъ, потому что убѣдился, что въ Москвѣ типографій нѣтъ большихъ [1]).—Теперь мои планы: нынче мнѣ получше. Я еще не пилъ кофею, не освѣжился, но чувствую, что я совсѣмъ справился и буду въ состояніи ѣхать въ Петербургъ, гдѣ пробуду уже два дня вмѣсто трехъ. Вѣроятно, ты получишь телеграмму отъ меня раньше этого письма. Я телеграфирую, ѣду ли я въ Петербургъ или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ я поѣду въ Петербургъ только, если буду чувствовать себя совсѣмъ свѣжо; а то лучше вернусь и напишу туда, и пошлю деньги [2]).

Нагорные, Машенька, Варя, Петя, Дьяковъ, Васенька, Громека [3]) были и бываютъ у меня. Покупки всѣ сдѣлаю нынче въ

---

[1]) Рѣчь шла, очевидно, о продажѣ изданія сочиненій.

[2]) За купленную самарскую землю.

[3]) М. С. Громека, авторъ извѣстнаго критическаго этюда о романѣ „Анна Каренина“ Льва Толстого. Въ 1880 г. онъ былъ учителемъ гимназіи въ г. Калишѣ, гдѣ они вмѣстѣ съ вице-губернаторомъ П. Н. Рыбниковымъ (собирателемъ былинъ) увлекались новымъ міровоззрѣніемъ Толстого и добывали заграничныя изданія его „Исповѣди“ и „Евангелія“. Но это было въ

Москвѣ. Пожалуйста не безпокойся, не выдумывай себѣ ничего. Мнѣ нездоровится, желчное состояніе. И если оно не пройдетъ совсѣмъ, то я вернусь завтра, а если пройдетъ совсѣмъ, то съ осторожностью поѣду въ Петербургъ. Цѣлую тебя и дѣтей, и поклонись всѣмъ нашимъ. Не писалъ я потому, что не зналъ, что писать. О нездоровьѣ не хотѣлось писать потому, что все время былъ въ нерѣшительности—поѣду, не поѣду.

118. **Августъ. Москва.**

Вчера заѣхалъ къ Мейеръ и заказалъ учителей и гувернантокъ. Сегодня утромъ приходили 2: M-lle Velti, французскій очень хорошій и музыка,—600 рубл., и манеры хороши, годъ жила у Захарьина, но по чистотѣ не совсѣмъ мнѣ нравится: желалъ бы меньше занятую собой. Лѣтъ—25. Другая—M-lle Bossonay, та, что тебѣ писала: франц. и англ., старая, сухая и очень приличная. Франц. языкъ хуже первой, но степенна очень, даже слишкомъ. Очень хочетъ поступить. Проситъ 800, пойдетъ за 600.

Если выбирать, то изъ двухъ я все-таки возьму Velti. Учителей обѣщали въ конторахъ, но никто еще не былъ. Теперь скоро 2 часа, и я иду по университетамъ и гимназіямъ. Стою я у Соколова [1]), но Перфильевы зовутъ къ себѣ, и я переѣду къ нимъ. Здоровье хорошо. Цѣлую тебя и дѣтей.

Л.

119. **Октябрь. Москва.**

Ну вотъ, милый другъ, пріѣхалъ благополучно. Дорогой съ купцомъ разговаривалъ о мужикахъ и слушалъ. Въ Москвѣ,

---

1881—2 годахъ; въ январѣ же 1880 г. Громека очевидно недавно познакомился съ Толстымъ на почвѣ увлеченія „Анной Карениной“ и отъ него самого могъ получить уже написанную тогда „Исповѣдь“. Несомнѣнно, Громека былъ и въ Ясной Полянѣ; глава XXI его книги содержитъ ясные слѣды знакомства и личныхъ бесѣдъ въ деревенской обстановкѣ.

[1]) Номера Соколова.

на станціи пообѣдалъ и поѣхалъ по конторамъ: Mors, Meyer, Lachenal и Jaquel. Только Lachenal не засталъ дома и ничего не узналъ, а тѣ всѣ дома, но ничего нѣтъ. Нѣтъ, говорятъ, такихъ, чтобы можно рекомендовать. У Мейеръ видѣлъ нѣмку. Я бы ее сейчасъ взялъ, да говоритъ, что нездорова, и ищетъ мѣсто, гдѣ бы поменьше дѣтей. Я уговаривалъ,—не идетъ. Очень мнѣ понравилась; отлично говоритъ по-французски, дурна ужасно, но, должно быть, цѣпкая и умная. Кое-кого обѣщали прислать. Вотъ сижу и жду. Пошлю еще въ Общ. гуверн. и еще по адресамъ.

Изъ конторъ поѣхалъ къ Лизанькѣ. Они всѣ въ театрѣ, и съ Левицкими. Къ Варенькѣ,—она одна дома, укладываетъ дѣтей; посидѣлъ у нея часа $1^1/_2$. Очень она мила, и съ ней мнѣ такъ хорошо. Потомъ поѣхалъ въ Соколова номера и остановился въ Машенькиномъ. Голохвастовъ, Дмитрій [1]), живетъ тутъ. У него вчера сдѣлался второй ударъ. Я зашелъ къ нему. Одинъ въ гостиницѣ; безъ движенія половина тѣла, и въ полной памяти. Желаетъ смерти, и заплакалъ. Потомъ зашелъ къ Перфильевымъ и рано легъ спать. Заснулъ не раньше 2-хъ, а нынче въ 8 разбудили обойщики. Сижу одинъ, сбираюсь пить кофе и пишу тебѣ. Поцѣлуй дѣтей. Мнѣ ужасно досадно было, что я не простился съ Сережей. Прощай, душенька. Завтра напишу еще. *Л.*

120. **Октябрь.**

Пишу опять утромъ, милый другъ, среди народа: Петя, Голохвастовъ, Оболенскій. Но, къ несчастью, не среди гувернантокъ. Сейчасъ была одна изъ Общ. гувернантокъ, но не ѣдетъ въ отъѣздъ. Она пришла по ошибкѣ, и я вижу, что нѣтъ рѣшительно того, что намъ нужно, именно: француженку съ музыкой. Даже и нѣтъ простой, хорошей француженки безъ музыки. Только одна и есть безъ музыки: нѣмецкій, англійскій и французскій,—M-lle Guillod. Она вчера была у меня, и она намъ понравилась. Если нынче ничего не найду, то возьму ее. Она очень мнѣ нра-

[1]) Извѣстный въ свое время ораторъ.

вится, но безъ музыки. Тогда хоть Александра Григорьевича возьмемъ другой разъ въ недѣлю. Общій голосъ всѣхъ конторъ, что франц. съ музыкой очень рѣдко и теперь вовсе нѣтъ.

Вчера былъ съ Варенькой у Боткина, картины смотрѣлъ, у нея обѣдалъ. Вечеромъ былъ у Рѣпина [1]), Перфильева, Истомина. У него засталъ Петю съ женой. Дурно сплю, и нервы разстроены. Прощай, душенька, цѣлую дѣтей, завтра пріѣду.

Л. Т.

1881 годъ.

Письма Льва Ник. съ дороги въ Оптину Пустынь, куда онъ ходилъ пѣшкомъ съ лакеемъ своимъ, Сергѣемъ Арбузовымъ, и учителемъ Ясно-Полянской школы, Дмитріемъ Ѳедоровичемъ.

121. 11 іюня.

2-й часъ послѣ полудня. Крапивна. Дошелъ хуже, чѣмъ ожидалъ. Натеръ мозоли, но спалъ, и здоровьемъ чувствую лучше, чѣмъ ожидалъ. Здѣсь купилъ чуни пенечныя, и въ нихъ пойдется легче. Пріятно, полезно и поучительно очень. Только бы далъ Богъ намъ свидѣться здоровымъ, всей семьей, и чтобъ не было дурного ни съ тобой, ни со мной, а то я никакъ не буду раскаиваться, что пошелъ. Нельзя себѣ представить, до какой степени ново, важно и полезно для души (для взгляда на жизнь) увидать, какъ живетъ міръ Божій, большой, настоящій, а не тотъ, который мы устроили себѣ и изъ котораго не выходимъ, хотя бы объѣхали вокругъ свѣта. Дмитрій Ѳедоровичъ идетъ со мной до Оптиной. Онъ тихій и услужливый человѣкъ. Ночевали мы въ Селивановѣ, у богатаго мужика, бывшаго старшины, арендатора.

---

[1]) Илья Ефимовичъ Рѣпинъ, знаменитый художникъ.

Изъ Одоева напишу и изъ Бѣлева напишу. Я очень берегу себя и купилъ нынче винныхъ ягодъ для желудка. Прощай, душенька, цѣлую тебя и всѣхъ.

Если бы ты видѣла вчера на ночлегѣ дѣвочку Мишиныхъ лѣтъ, ты бы влюбилась въ нее: ничего не говоритъ и все понимаетъ, и на все улыбается, и никто за ней не смотритъ.

Главное, новое чувство, это—сознавать себя и передъ собой, и передъ другими только тѣмъ, что я есмь, а не тѣмъ, чѣмъ я вмѣстѣ съ своей обстановкой. Нынче мужикъ въ телѣгѣ обгоняетъ: «Дѣдушка, куда Богъ несетъ?»—Въ Оптину.—«Что жъ, тамъ и жить останешься?» И начинается разговоръ.

Только бы тебя не разстраивали и большія, и малыя дѣти; только бы гости не были непріятные; только бы сама ты была здорова; только бы ничего не случилось, только бы... я дѣлалъ все хорошее, и ты тоже, и тогда все будетъ прекрасно.

122. **12 іюня.**

Хотѣлъ писать изъ Одоева, но мы свернули на Маланки. Оттуда я пишу теперь, отъ Владиміра Акимовича [1]). Онъ насъ отлично принялъ. Я сейчасъ былъ у раскольниковъ. Менѣе интересно, чѣмъ я думалъ. Шли мы очень хорошо. Здоровье мое совсѣмъ укрѣпилось. Сплю и днемъ, и ночью. Владиміръ Акимовичъ настоялъ на томъ, чтобы подвезти насъ. Я пишу, у него полна комната народа, и потому письмо нескладно и коротко. Припишу еще въ Бѣлевѣ, коли успѣю. Дай Богъ, чтобъ было у васъ все хорошо. *Л. Т.*

Изъ Ясной Поляны въ Москву, гдѣ я искала или купить домъ, или нанять квартиру.

123. **4 іюля.**

У насъ все идетъ очень хорошо: ни непріятностей, ни ссоръ, ни шалостей, главное—всѣ здоровы. Маленькіе очень милы и

[1]) Священникъ, бывшій учитель Яснополянской школы.

трогательны тѣмъ, что они, какъ я говорю Танѣ, на меня съ нею переносятъ то, что они отдаютъ тебѣ. Андрюша сейчасъ подошелъ (теперь утро, дѣти завтракаютъ) разсказывать о томъ, какъ онъ будетъ ѣсть яйца. Я его спросилъ, что написать мама? Онъ задумался, внимательно посмотрѣлъ на меня и просіялъ улыбкой; ее-то я бы хотѣлъ написать тебѣ. Илюша то въ Ясенки, то въ Тулу, но часы занятій исполняетъ. Сережа съ Иваномъ Михайловичемъ [1]) перебираютъ книги въ томъ домѣ. M-lle Guillod все ѣздитъ съ Маніа кататься, Таня очень озабочена и весело хозяйничаетъ. Нынче сбѣгала къ Костюшкѣ, и Илюша ѣдетъ въ Тулу, чтобъ купить пластырь Костюшкиной женѣ. Кузминскіе приходятъ обѣдать, мы пріятно разговариваемъ, но онъ какъ будто боится быть мнѣ въ тягость и скоро уходитъ, и вчера вечеромъ не пришелъ. Я лѣнивъ. Я увѣренъ, что ты свои дѣла уже кончила. Я счелъ, что если 20 домовъ осмотрѣть, то можно выбрать. А 20 домовъ осмотрѣть можно въ 3 дня. Пожалуйста, разсчитывай на меня. Я поѣду и осмотрю, и додѣлаю, чего ты не сдѣлала. Цѣлую Таню и дѣтей. Обнимаю тебя.

124. 5 іюля.

Вчера все такъ же благополучно, какъ и прежніе дни. Я пошелъ съ ружьемъ, а Илюша поѣхалъ по поѣзду въ Тулу, главное, за пластыремъ Константиновой женѣ. Я пришелъ въ 6 час. и засталъ Урусова. Онъ отложилъ свой отъѣздъ до воскресенья и пріѣхалъ къ намъ. Только мы усѣлись—я поджидалъ Илюшу,—какъ пріѣхалъ Ушаковъ съ Валентиной [2]). Таня занимала Валентину, а Урусовъ [3]) и Кузминскій помогали занимать Ушакова. Играли всѣ въ крокетъ. Ушаковы уѣхали въ 9 час. Все было хорошо.

(Письмо обрывается здѣсь.)

---

1) Ивакинъ, учитель сыновей, филологъ.

2) Тульскій губернаторъ съ дочерью.

3) Князь Леонидъ Дмитріевичъ, тульскій вице-губернаторъ.

Письма съ поѣздки въ Самарскія степи съ сыномъ Сережей лѣтомъ 1881 года.

125.

Іюль. (При письмѣ сына Сережи.)

Ночь плохо спалъ и потому проспалъ въ Самарѣ; да и пароходъ опоздалъ, такъ что въ Самарѣ очень торопился и не успѣлъ послать тебѣ это письмо. Дописываю его теперь, въ субботу, въ 2 часа, въ Дубовомъ. Не знаю, какъ оно дойдетъ, но я принялъ всѣ мѣры. Заходилъ въ Самарѣ въ домъ Тимрота, и тамъ ключница мнѣ сказала, что она слышала, что у насъ на участкѣ хлѣбъ особенно дуренъ. Очень обидно, если это правда. Мы до сихъ поръ живы, здоровы и веселы.

126. **15 іюля.**

Пишу изъ Богатова. Только что пріѣхали. Лошади тутъ. Погода жаркая, вѣтреная. Мы живы, здоровы. Про себя не могу сказать, что веселъ. Безсонныя ночи, жара въ вагонахъ. Теперь освѣжился и бодръ. Уѣзжая, очень безпокоился, не столько объ Илюшѣ, сколько о тебѣ. Буду ждать письма. Здѣсь и степь, и хлѣбъ—все по-старому; народъ веселъ. Дорогой было просто скучно; отъ усталости ли, отъ случайности—ни одного интереснаго разговора и въ себя нельзя уйти. Прощай, душенька. Что-то мнѣ тебя очень жалко.

Л. Т.

Не сѣтуй на то, что письмо коротко,—я усталъ и писать нечего; я точно спалъ два дня. Отдохну, напишу подробнѣе. Мечтаю жить на мѣстѣ и писать.

127. **20 іюля.**

Завтра будетъ недѣля, милый другъ, что я уѣхалъ, и ужъ 5 дней, что я не писалъ тебѣ, и меня ужасно тяготитъ наша раз-

лука, хотя мнѣ здѣсь очень хорошо. Когда получу отъ тебя письмо и буду знать, что ты получила мое, тогда успокоюсь. Здѣсь нынѣшній годъ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно. Погода жаркая, ясная, а сухости еще нѣтъ; степь зеленая, свѣжая, зацвѣтаетъ 2-й разъ. Хлѣба хорошіе, хотя и не вездѣ. У насъ очень хорошіе. Въ домѣ чисто, просторно; мухъ совсѣмъ нѣтъ, какъ въ Ясной. Лошадей много для ѣзды, кумысъ прекрасный. Василій Ивановичъ [1]) и въ особенности Лизавета Александр. ухаживаютъ за нами, такъ что Алексѣй Алексѣевичъ живетъ за полверсты внизъ по Мочѣ въ своей землянкѣ. Я вчера былъ у него. У него землянка обита обоями: чисто, весело. Хозяйка его—сконфуженная, молчаливая женщина. Кумысъ отличный. Мухамедъшахъ еще глаже, чѣмъ былъ. За занавѣской жена и пищитъ новорожденный Мухамедши. Онъ, смѣясь и конфузясь, говоритъ: «молодой угодилъ».

Лошади—жеребцы, около 10 штукъ, очень хороши. Я не ожидалъ такихъ. Должно быть, я приведу осенью для продажи и для себя. Лошади замѣчательно удались, несмотря на голодные года, въ которые онѣ голодали, и много истратилось. Есть лошади, по-моему, по дешевой цѣнѣ въ 300 рублей и больше.

Сережа первые дни былъ хорошъ, но съ своимъ упрямствомъ и неряшливостью купался въ самый жаръ по нѣскольку разъ, и теперь, со вчерашняго дня, у него ненавистная тебѣ самарская болѣзнь (дизентерія). Это было и у Кости, и у Бибикова, и у всѣхъ послѣ купанья. Я пью кумысъ съ большимъ удовольствіемъ и чувствую, какъ мысли тише ходятъ, и становишься сонливѣе, спокойнѣе и глупѣе.

Виды на доходы, болѣе 10 тысячъ, мнѣ кажутся вѣрными; но я уже столько разъ ошибался, что боюсь вѣрить. Нынче я съ Вас. Ив. (воскресенье) провелъ цѣлый день въ Патровкѣ, на

---

[1]) В. И. Алексѣевъ, русскій учитель, проживший у насъ въ Ясной Полянѣ около 5 лѣтъ и взявшій потомъ въ аренду часть нашей самарской земли. Лизавета Александровна—его жена.

молоканскомъ собраніи, обѣдѣ и на волостномъ судѣ, и опять на молоканскомъ собраніи. Въ Патровкѣ мы нашли Пругавина (онъ пишетъ о расколѣ). Очень интересный и степенный человѣкъ. Весь день провелъ очень интересно. На собраніи была бесѣда объ евангеліи. Есть умные люди и удивительные по своей смѣлости.

Работа здѣсь—идетъ молотьба ржи молотилкой передъ домомъ. Идетъ все споро, хорошо. Работники и всѣ хозяйственныя дѣла у Бибикова очень хорошо налажены. Первую ночь здѣсь я разбудилъ Сережу тѣмъ, что заоралъ во все горло: «Соня!» Это былъ кошмаръ, душило что-то. Остальныя ночи сплю хорошо. Я въ послѣдней комнатѣ—Эмили гдѣ была, а Сережа въ нашей спальнѣ. Сережа завтракаетъ въ 12 и ужинаетъ въ 10-мъ, съ Василія Ивановича семьей, а я только ѣмъ за ужиномъ. Какъ ты? Что дѣти? Вы всѣ? По многу разъ въ день вспомню, и вглядываюсь въ темноту, и ничего не вижу. Цѣлую всѣхъ, и мальчиковъ милыхъ очень, и Кузминскихъ. Очень тебѣ тяжело и скучно. Дастъ Богъ пріѣду, я тебѣ буду служить по московскимъ дѣламъ усердно, только приказывай. Слѣдующія письма адресуй не въ Самару, а въ Богатово: туда чаще случай. Работать все хочу начать и пробовалъ, но не идетъ. Одного мнѣ бы хотѣлось—справить свой геморой, а то онъ на душевное состояніе давитъ. Смотри жъ, люби меня хорошенько.

128. 24 іюля.

Все нѣтъ случая въ Самару, милый, милый другъ Соня, и до сихъ поръ нѣтъ отъ тебя извѣстій. Если не будетъ случая до воскресенья (нынче среда), пошлю нарочнаго (четвергъ). Первое письмо пошло черезъ краснорядца, это—черезъ Пругавина. Нынче недѣля, что мы здѣсь. Хвалиться очень не можемъ этой недѣлей, потому что у Сережи послѣдніе три дня былъ поносъ и боль живота; вчера еще ему стало лучше, онъ ѣлъ цыплятъ безъ боли и пилъ кумысъ, и нынче совсѣмъ хорошъ. Да и надо же

ему было распорядиться: наѣсться рѣпы, напиться кумысу и въ самый жаръ пробыть два часа въ водѣ. А у меня два дня былъ флюсъ на томъ же мѣстѣ, какъ и тогда, но почти безъ боли, а только съ маленькимъ жаромъ. Нынче (четвергъ) я всталъ совсѣмъ здоровъ. Мнѣ очень хорошо здѣсь, какъ можетъ быть хорошо безъ тебя и 6-ти $^3/_4$ дѣтей. Безпокойство и неловкость какая-то безъ привычной заботы ежечасной не оставляютъ меня. Но хорошо физически. Желудокъ, какъ всегда на кумысѣ, уже совсѣмъ перемѣнился. Люди здѣсь—Василій Иван., Алекс. Алекс.—не веселые, но добрые, хорошіе. Ничего непріятнаго, противнаго не встрѣчается въ цѣлую недѣлю. Условія внѣшняго также прекрасныя. Все идетъ ладно, молотятъ, жнутъ, все споро; народъ рабочій, довольный, хорошо работаетъ. Блохъ, клоповъ и мухъ нѣтъ. Были сильныя жары три дня, нынче свѣжій день, сѣрый. Ожиданія дохода самыя хорошія. Одно было бы грустно, если бы нельзя было помогать хоть немного, это то, что много бѣдности по деревнямъ. И бѣдность робкая, сама себя не знающая. Интересны молокане въ высшей степени. Былъ я у нихъ на моленіи, присутствовалъ при ихъ толкованіи евангелія и принималъ участіе, и они пріѣзжали и просили меня толковать, какъ я понимаю, и я читалъ имъ отрывки изъ моего Изложенія; и серьезность, и интересъ, и здравый, ясный смыслъ этихъ полуграмотныхъ людей—удивительны.

Былъ я еще въ Гавриловкѣ, у субботника. Тоже очень интересно. Вообще впечатлѣній за эту недѣлю даже слишкомъ много. Писать все не начиналъ. Насчетъ хозяйства мы оба съ Бибиковымъ находимся въ совершенной нерѣшительности: прекратить ли посѣвъ совсѣмъ, оставивъ лошадей, или продолжать, или прекратить совсѣмъ и уничтожить лошадей. Видишь ли, какъ дѣло: если оставить посѣвъ, то въ нынѣшнемъ году можетъ получиться отъ 10 до 20 тысячъ, и есть вѣроятіе, что въ будущемъ году можетъ получиться то же; но есть и вѣроятіе, что въ будущемъ году получится и меньше 10 тысячъ. Если прекратить посѣвъ, то въ нынѣшнемъ году можно получить до 25 тысячъ, но на будущій

годъ уже не ожидать болѣе 6 или 7 тысячъ и 2-хъ тысячъ съ лошадей. Если прекратить и посѣвъ и лошадей, то нынѣшній годъ можно получить и до 30 тысячъ, но съ лошадей ужъ ничего. Я думалъ и такъ, и сякъ, и не знаю, на что рѣшиться. Сначала хотѣлъ все уничтожить, потомъ думаю: «dans le doute abstiens-toi», а хозяйство идетъ и налажено такъ, какъ никогда не было,—и быки, и молотилка, и лошади, и земли хорошія, такъ что уничтожить значитъ перемѣнять. А съ другой стороны: придетъ опять голодный годъ, и всѣ ожиданія не сбудутся. Подумай и присовѣтуй.—Какъ-то, какъ ты живешь? Не мучай себя, не принимай къ сердцу того, что не дошло до сердца. Дѣтей: Таню (помнитъ ли она, что я ей сказалъ), Илью (авось онъ помнитъ тебя), Лельку-сюську, Машу и малышей цѣлуй. Кузминскихъ цѣлуй, Урусову кланяйся; я часто вспоминаю о немъ. Ивану Михайловичу, m-lle Guillod, и нянюшкамъ, и Сергѣю Петровичу—всѣмъ кланяюсь...

129. 26 іюля.

Завтра воскресенье, и ѣдетъ утромъ нарочный въ Самару. Какъ я ни скупъ, не могу удержаться отъ этой роскоши получить отъ тебя, надѣюсь, ужъ письма. До сихъ поръ, вотъ 13-й день, не получалъ еще. Я пишу 3-е (по счету 4-е) письмо. Сережа совсѣмъ поправился, я здоровъ, и питье кумыса идетъ хорошо. Съ послѣдняго письма ни особыхъ впечатлѣній у меня не было, и поѣздокъ никуда не предпринималъ. Послѣзавтра поѣду въ Землянки; будетъ самая горячая наемка. Я буду зритель только, потому что не вмѣшиваюсь ни въ какія хозяйственныя дѣла. Они идутъ хорошо. Я два послѣдніе дня два раза начиналъ Петину исторію [1]), и все не могу попасть въ колею. Я надѣюсь, что пойдетъ, а если пойдетъ, то будетъ хорошо.

---

[1]) „Чѣмъ люди живы“, обѣщанныя для дѣтскаго журнала „Дѣтскій Отдыхъ“, издаваемаго моимъ братомъ, Петромъ.

Жизнь здѣсь тихая и спокойная. Лизавета Александровна угощаетъ и все старается, чтобъ было похоже, какъ, она знаетъ, было у насъ, въ Ясной, и въ самомъ дѣлѣ очень добра. Сережа былъ больнѣе, чѣмъ я думалъ сначала. У него былъ кровавый поносъ. Лѣченіе его, я думаю, ты бы одобрила: теплую подушечку отъ кареты на животъ, клистиръ изъ крахмала съ опіумомъ и опій внутрь по 10 капель—2 раза. Діэта—куриный бульонъ и чай съ сухарями. Онъ три дня почти лежалъ и вѣроятно скучалъ ужасно. Ты знаешь, какъ онъ молчаливъ и брюзгливъ. Онъ меня помучилъ, но теперь онъ совсѣмъ хорошъ и охотно самъ держитъ діэту.

Нищета здѣсь зимой была ужасная. Теперь видны слѣды голода. Въ тотъ день, какъ мы пріѣхали, у Василія Ивановича въ сѣняхъ, по его словамъ, умирала дѣвочка, сестра его дѣвочки-пяньки—годовая. Онъ думалъ, что она въ ночь умретъ. Ее лѣчили, а главное—поили молокомъ, и она ожила. Мать дѣвочки говорила, что зимой у нея 10-тилѣтній мальчикъ умеръ съ голоду. Это не совсѣмъ правда, но и не совсѣмъ неправда.

Нѣсколько ночей я спалъ очень дурно отъ жары въ комнатахъ, особенно при кумысѣ. Теперь сталъ спать на балконѣ наверху, и чудесно. Бабай, караульщикъ бывшій на бахчахъ, караулитъ у дома и ѣздитъ на старомъ меринѣ, Турсукѣ, за мукой. Это милѣйшее 70-лѣтнее дитя природы. Поетъ пѣсни татарскія тоненькимъ голоскомъ всю ночь и барабанитъ въ ладъ въ старое ведро. «Ведро ж... кончалъ», какъ онъ говоритъ. Стараго Турсука онъ ужасно любитъ. «Турсукъ пирогъ ашалъ». Онъ его кормитъ и никому не даетъ, и мечта его въ томъ, чтобы ему подарили осенью Турсука, онъ бы на немъ пріѣхалъ домой и тамъ бы его съѣлъ.

Всѣ эти дни налаживали мельницу на конный приводъ, но она не пошла. Я каждый день дѣлаю большую прогулку пѣшкомъ или верхомъ. Стояли страшныя жары, а теперь второй день пасмурно, и нынче дождь.

На тульской станціи мы встрѣтили Митрошу Оболенскаго. Я ему

молькомъ сказалъ: «пріѣзжайте въ Самару». А онъ говоритъ: «je vous prends au mot, я пріѣду». Надѣюсь, что если онъ вздумаетъ поѣхать, онъ тебѣ дастъ знать или заѣдетъ къ тебѣ. Это было бы прекрасно. Я нравственно, слава Богу, все такой же, какъ былъ,—немножко потупѣе; но физически, кажется, крѣпче и подвижнѣе.

Прощай, милая. Расти потихонечку свое брюхо [1]), цыплятъ оберегай, но не изводи себя тревогами, безпокойствомъ, если можно. Цѣлую всѣхъ и кланяюсь всѣмъ. Помни, что твоя жизнь прекрасная.

130. 31 іюля.

28-го получилъ отъ тебя три письма, милый, милый другъ. И меня охватило тѣмъ нашимъ ясно-полянскимъ духомъ, который мы не цѣнимъ, когда въ немъ живемъ.—Одно больно мнѣ, что тебѣ тяжело, и очень тяжело. Три дѣла, понимаю, какъ тебя мучаютъ: Лелинъ экзаменъ, Илюшино баловство и холодные полы. Изъ этихъ дѣлъ я больше всего признаю серьезность половъ. Письмо это тебя, вѣрно, уже не застанетъ, и ты будешь мучаться въ Москвѣ [2]), устраивать это: велишь перемостить полы, залить известью, устлать войлокомъ или даже перемѣнить квартиру. Я такъ воображаю. Разумѣется, теперь ужъ поздно, и ты приняла всѣ муки. Но я, поживъ здѣсь, врозь отъ тебя, иначе сталъ смотрѣть на московское житье. Смѣшно сказать—я повѣрилъ въ него, а главное—понялъ, какъ тяжело тебѣ работать одной. Когда вернусь, буду работать съ тобой, и не для того, чтобы только тебѣ облегчить, а съ охотой. Очень мнѣ тебя жаль и тяжело безъ тебя. Теперь ужъ 3-я недѣля, и вѣроятно скоро послѣ этого письма и мы пріѣдемъ. Второе по важности дѣло—это Илюшино баловство. Бѣды большой нѣтъ, но опять твоя тя-

---

[1]) Беременность сыномъ Алешей, умершимъ.

[2]) Въ Денежномъ переулкѣ домъ кн. Волхонскаго, гдѣ мы только что сняли квартиру въ первый годъ.

гость за нимъ смотрѣть и имъ править. 3-е дѣло—Лелька; я бы совѣтовалъ вовсе оставить его поступленіе въ нынѣшнемъ году. Въ нынѣшнемъ году и такъ много хлопотъ, а онъ подучится дома и поступитъ въ 4-й классъ. Онъ такой мальчикъ, что ученье онъ скоро запоминаетъ и скоро забываетъ.

Письмо Страхова мнѣ было очень пріятно. Наши письма разъѣхались, я ему писалъ передъ отъѣздомъ. То, что ты мнѣ пишешь о Сашѣ Кузминскомъ, мнѣ было очень, очень радостно. Тутъ нѣтъ мѣста тщеславію. А это радость, и страхъ за то, что нѣтъ ли лжи и ошибки въ моемъ толкованіи.

Разумѣется, дай Дмитрію Ѳедоровичу списать. Здѣсь я не далъ молоканамъ списать изъ страха, чтобы не переврали полуграмотные люди. А списывать есть вѣрнѣйшій и законнѣйшій способъ распространенія. Говорятъ, «Горе отъ ума» ходило въ десяткахъ тысячъ спискахъ. Если нужно оно, то найдетъ путь.

Теперь о насъ. Сережа совсѣмъ здоровъ и сталъ веселъ. Стрѣляетъ утокъ и ѣздитъ верхомъ, и ходитъ. Дыни еще не поспѣли. Живемъ мы вотъ какъ: встаемъ часовъ въ 7, пьемъ чай всѣ вмѣстѣ, т.-е. я, Сережа, Василій Иван., Костя, Митя, Лиза [1]), Лизавета Александровна. Лизав. Алекс. все хлопочетъ и съ обѣдомъ, и съ бѣльемъ, и съ масломъ, и съ Машей и рѣдко приходитъ къ столу. Я погуляю версты три, запивая кумысомъ, и пробую писать. (Правда, что не идетъ.) Потомъ ухожу или уѣзжаю на тотъ хуторъ, къ косяку, на жнитво, на хутора Ивана Дмитр-ча или куда-нибудь. Въ деревни непріятно ходить и ѣздить. И опаздываю къ обѣду въ 12 часовъ, и часто ничего не ѣмъ до вечера. Вечеромъ еще съѣзжу верхомъ одинъ или съ Сережей или Костей, и вечеромъ опять всѣ вмѣстѣ, часовъ въ 9, ужинаемъ. Иногда чай посреди дня или послѣ ужина. Всѣ его любятъ, кромѣ меня. Сережа кумысу совсѣмъ не пьетъ. Я пью кумысъ съ удовольствіемъ и много, по 12 чашекъ. Но нынче все утро не пилъ. Очень онъ волнуетъ и горячитъ меня. Но то,

[1]) Лиза, Костя, Митя, Маша—дѣти Алексѣевыхъ.

что занимаетъ тебя—польза здоровья, могу сказать, что кумысъ дѣлаетъ и сдѣлалъ мнѣ пользу, физически подбодрилъ меня. Вопросъ въ томъ, нужно ли это, или нѣтъ? Кормъ наши очень не разнообразны, сытны, но не щеголеваты: баранина жареная, вареная, котлеты, даже съ горохомъ, караси превосходные, творогъ, каша, сырники. Сначала я спалъ хорошо; теперь ночи три хуже, вѣроятно, отъ лишняго кумыса.

Съ понедѣльника нагнали жнецовъ до 300 человѣкъ. Хлопоты о мукѣ, хлѣбахъ, кашѣ. Цѣна по 12 рублей. Завтра Спасъ, и кончаютъ нынче. Двѣ трети сжали, надежда на доходъ не обманываетъ. Лошади тоже меня радуютъ. Сначала я хотѣлъ привести въ Тулу для продажи 15 жеребцовъ, но теперь раздумалъ. За самыхъ двухъ плохихъ жеребцовъ мнѣ давали по 120 рублей. Такъ что здѣсь ихъ можно продать по 200 или по 160 рублей. Кобылъ я тоже плохихъ и лишнихъ назначилъ къ продажѣ 16-ть, и ихъ можно продать 10-ть по 50 и 40 рублей. Только хочу для ѣзды, для себя или для показа привести жеребца 4. Вчера любовался на парочку сосуновъ-жеребчиковъ—двѣ капли воды—буланыхъ. Вотъ, будемъ живы, будетъ у тебя пара любимой масти. Не знаю, какъ ты, а я что дальше врозь съ тобою, то больше о тебѣ думаю и скучаю. Вчера былъ у меня старикъ-пустынникъ; онъ живетъ въ лѣсу по Бузулукской дорогѣ. Онъ самъ мало интересенъ и пріятенъ. Но интересенъ тѣмъ, что онъ былъ одинъ изъ 6 мужиковъ, которые 40 лѣтъ тому назадъ поселились въ Бузулукѣ на горѣ и завели тотъ огромный монастырь, который мы видѣли. Я записалъ его исторію. Ты мнѣ не прислала писемъ Урусова, и я очень жалѣлъ объ этомъ. Поклонись ему хорошенько отъ меня. Книгу Марка Аврелія я тоже не получилъ, несмотря на то, что писалъ записку почтмейстеру, чтобъ онъ безъ объявленія выслалъ мнѣ ее. И объявленія нѣтъ. Не пошла ли она земской почтой? Съ этимъ же письмомъ посылаю тебѣ телеграмму. Цѣлую Таню большую и маленькую. Весело ли ей было у Менгденъ? Посмотрѣла бы она, какъ Лиза помогаетъ матери, гладитъ и масло бьетъ, и за цыплятами лазаетъ по крышамъ.

Объ Ильѣ не говорю, потому что увѣренъ, что ему было стыдно и больно, и что онъ работаетъ и смотритъ на охоту, какъ на праздникъ и на угощеніе, а не какъ на обычное дѣло. Леля пусть работаетъ. И, да извинитъ меня Иванъ Михайловичъ, онъ ариѳметику знаетъ, надо пощупать его съ разныхъ сторонъ. А на это онъ тупъ, чтобы догадаться понять вопросъ и отвѣтить на него, когда онъ предложенъ ему иначе.

Цѣлуй Машу свою и Кузминскую, и Вѣрочку, и Андрюшу за то, что онъ освѣжился, и толстяка Мишу, и Мишу Кузминскаго... какъ ихъ много! Какъ же не быть заботъ?

Здѣсь пріѣхалъ оспенникъ и привилъ Машѣ оспу. Какъ Коля увидалъ, что тотъ ножомъ рѣзалъ Машу, такъ накинулся, накинулъ укрюкъ на оспенника и серьезно, съ гнѣвомъ кричалъ, что онъ поставитъ его въ конюшню.

Прощай, голубушка, теперь не долго.

131. **2 августа.**

Въ послѣднемъ письмѣ твоемъ ты упрекаешь меня за то, что я мало пишу Это 5-ое письмо, кромѣ богатовскаго. Но, разумѣется, мало. Я знаю и чувствую по себѣ, какъ радостно письмо и какъ тоскливо безъ нихъ. Первое письмо мое передалъ Ал. Ал., и оно-то задержалось или пропало. Я 3-го дня написалъ письмо и телеграмму и только что отправлялъ нарочнаго въ Самару, какъ пріѣхалъ ямщикъ изъ Богатова и вмѣсто телеграммы привезъ твое 4-ое письмо. У меня сердце дрогнуло; но потомъ я очень обрадовался его ошибкѣ. Мы живемъ хорошо. Сережа здоровъ и веселъ, что, знаешь, съ нимъ рѣдко бываетъ. У меня болятъ зубы, не сильно, но лихорадочно. Общее здоровье хорошо, и кумысъ пью, особенно послѣ твоего письма, съ бо̀льшимъ усердіемъ и удовольствіемъ. Два дня, вчера и нынче, 1-го и 2-го, у насъ по утрамъ выѣзжали дикихъ лошадей. Очень хорошо, и всѣмъ была потѣха. Косячники-башкиры новые и удивительные молодцы. Нынче я ходилъ на тотъ хуторъ гонять на кордѣ жеребцовъ. Завтра Сережа, Костя и Митя ѣдутъ въ Землянки.

Я думаю, что не поѣду. Ты нынче выѣзжаешь въ Москву. Ты не повѣришь, какъ меня мучаетъ мысль о томъ, что ты черезъ силу работаешь, и раскаяніе въ томъ, что я мало (вовсе) не помогалъ тебѣ. Вотъ ужъ на это кумысъ былъ хорошъ, чтобы заставить меня спуститься съ той точки зрѣнія, съ которой я невольно, увлеченный своимъ дѣломъ, смотрѣлъ на все. Я теперь иначе смотрю. Я все то же думаю и чувствую, но я излѣчился отъ заблужденія, что другіе люди должны смотрѣть на все, какъ я. Я много передъ тобой былъ виноватъ, душенька; безсознательно, невольно былъ виноватъ, ты знаешь это, но виноватъ. Оправданіе мое въ томъ, что для того, чтобы работать съ такимъ напряженіемъ, съ какимъ я работалъ, и сдѣлать что-нибудь, надо забыть все. И я слишкомъ забывалъ о тебѣ, и каюсь. Ради Бога и любви нашей, береги себя. Откладывай больше до моего пріѣзда; я все сдѣлаю съ радостью, и сдѣлаю недурно, потому что буду стараться. Тани, хотя и милыя, но напрасно затѣваютъ театръ. Это не выйдетъ и тебя замучаетъ. Нынче исключительный годъ для тебя: брюхо, моя поѣздка и Москва.

У насъ тоже—вотъ уже недѣля—отвратительная погода: дожди, вѣтры, холодъ. Василій Иван. устлалъ всю мою комнату коврами, но все-таки свѣжо и болитъ зубъ. Оттого и письмо это нескладно. Прощай, душенька, цѣлую тебя и всѣхъ.

Твой *Л. Т.*

132. **6 августа.**

Я очень тоскую по тебѣ, милый другъ, тревожусь за тебя, не случилось бы съ тобой чего-нибудь, не измучилась бы ты черезъ силу.

Вчера я почти цѣлый день работалъ на току: вѣялъ пшеницу. Вечеромъ Ал. Ал. далъ рабочимъ водки. Они пили, кричали, пѣли. А мнѣ не спалось, и нашла такая грусть о тебѣ: и грустная, и сладкая. И вотъ пишу тебѣ, хотя и боюсь, и надѣюсь, что письмо это не дойдетъ до тебя раньше меня. Если ты полу-

чишь это письмо, пришли мнѣ телеграмму въ Богатово. Я дýмаю выѣхать 15-го августа, такъ, чтобы пробыть здѣсь ровно мѣсяцъ. Пробыть же здѣсь подольше мнѣ потому хочется, что, какъ ты всегда говоришь, единственный смыслъ нашей разлуки—это лѣченье, и теперь вотъ вчера 3 недѣли, что я тутъ, и чувствую, что кумысъ мнѣ полезенъ въ самомъ лучшемъ смыслѣ, не столько физически, что желудокъ сталъ лучше дѣйствовать, но душевное состояніе стало тверже гораздо. Я тебя слушаюсь, и какъ бы ни хотѣлось туда и сюда съѣздить, я держусь Мухамедшиной кибитки и не покидаю ее. Сережа очень свѣжъ, веселъ, ходитъ на охоту съ Арсеніемъ, но кромѣ утокъ ничего еще не убилъ. Хозяева наши все такъ же неусыпно и естественно добры. Сейчасъ (утро) вошла Лиза.—Что ты?—«А вы тутъ? Я хотѣла подмести, убрать». А у нихъ еще и нянька ушла, бросила ихъ, и одна кухарка на всѣ дѣла.

Что̀ ты пишешь въ одномъ письмѣ, что мнѣ вѣрно такъ хорошо въ этой средѣ, что о домѣ и своемъ бытѣ я буду думать съ неудовольствіемъ. Это какъ разъ наоборотъ. Все больше и лучше думаю о васъ. Ничто не можетъ доказать яснѣе невозможность жизни по идеалу, какъ жизнь и Бибикова съ семьей, и Василія Иван-а. Люди они прекрасные, всѣми силами, всей энергіей стремятся къ самой хорошей, справедливой жизни, а жизнь и семьи стремятся въ свою сторону, и выходитъ среднее. Со стороны мнѣ видно, какъ это среднее, хотя и хорошо, какъ далеко отъ ихъ цѣли. То же переносишь на себя и научаешься довольствоваться среднимъ. То же среднее въ молоканствѣ; то же среднее въ народной жизни, особенно здѣсь.

Только бы Богъ донесъ насъ благополучно ко всѣмъ вамъ благополучнымъ, и ты увидишь, какой я въ твоемъ смыслѣ стану паинька. Здорова ли ты? Не случилось ли чего съ дѣтьми? Остальное все пустяки. Условія жизни здѣсь нынѣшнее лѣто безъ сравненія лучше, чѣмъ когда ты бывала здѣсь,—ни мухъ и другихъ насѣкомыхъ, ни засухъ, жаровъ, болѣзней. Теперь только дожди мѣшаютъ уборкѣ послѣдняго и молотьбѣ. Отъ хорошей

погоды на двѣ недѣли здѣсь зависятъ милліоны. У насъ двѣ трети убраны, и вчера намолотили 800 пудовъ, и въ пятницу везутъ въ Самару. Бибиковъ какъ-то удивительно соединяетъ мягкость съ тѣмъ, что онъ отличный хозяинъ. Все есть, что нужно, всѣ охотно и споро работаютъ, всюду онъ поспѣваетъ. Уже не добросовѣстность его, а деликатность въ веденіи своего и нашего хозяйства доводитъ до того, что тяжело. Его люди, скотъ его и наши смѣшиваются только въ томъ смыслѣ, что мы пользуемся его, а не онъ—нашимъ. Свои посѣвы онъ больше мѣсяца не видалъ. Доходъ у насъ, если погода не очень помѣшаетъ, будетъ вѣроятно больше того, что я написалъ тебѣ. За лошадей своего завода, простыхъ, мнѣ даютъ 80 и 120 рублей.

Заниматься здѣсь мнѣ не удалось. Даже дневникъ свой, и тотъ я запустилъ.

Прощай, душенька, половина души моей и плоти. Только одного желаю, чтобъ намъ свидѣться, ни о чемъ не жалѣя. Я написалъ, что выѣду 15-го, но счелъ, что 13-го будетъ 4 недѣли, и я выѣду лучше 13-го. Впрочемъ, я тогда телеграфирую. Цѣлую всѣхъ дѣтей. Я что-то о Танѣ больше всѣхъ думаю. О малышахъ думаю часто потому, что Колюшка ихъ напоминаетъ. Милую Таню Кузминскую цѣлую и благодарю. Она вѣрно много тебѣ помогаетъ.

По возвращеніи изъ Самары, изъ Ясной Поляны въ Москву, куда я поѣхала устраивать домъ для жизни осенью и зимой.

133. **26 августа.**

Нынче среда, вечеромъ. Пишу тебѣ въ гостиной, и рядомъ въ залѣ дѣти наши и Кузминскія поютъ куплеты. Всѣ здоровы и веселы. У Саши все кончилось кашлемъ. Машу нынче выпустилъ. У нея ничего не болитъ. Маленькіе совсѣмъ хороши и милы, особенно Миша. Какъ только тебя нѣтъ, онъ льнетъ ко мнѣ: папа! и на руки лѣзетъ, и таскаетъ съ нимъ бѣгать.

M-lle Guillod нынче утромъ ѣздила со всѣми въ Судаково покупать медъ. Хотѣли взять Андрюшу, и хотя жалко было лишать няню, я не разрѣшилъ,—боялся, что утромъ будетъ свѣжо, да и далеко.

Нынче до обѣда дошелъ слухъ черезъ какую-то бабу, что Василій Ивановичъ, священникъ, умеръ. Я ходилъ въ церковь, но слухъ не подтвердился. Марья Дмитріевна вчера была у него. Онъ у зятя въ Обидимѣ, по Калужской дорогѣ, и она не получала извѣстія. Если слухъ не подтвердится, то я завтра съѣзжу къ нему.

Таню сестру я просилъ безъ меня домъ постеречь. Илюша вернулся вчера еще, убилъ 6 штукъ. Жалуются, что дичи нѣтъ. Сережа нынче ѣздилъ въ Малахово и тоже только одну утку убилъ. Илюша нынче ѣздилъ съ Бибиковымъ за волками, ничего не нашли.

Я вчера цѣлое утро писалъ Петину исторію и все не могу кончить. Мнѣ очень грустно было въ ночь твоего отъѣзда, теперь привыкаю. Пожалуйста не воображай, что непремѣнно нужно тебѣ все кончить. Сдѣлай до субботы, что успѣешь, не торопись. Остальное я додѣлаю. Нынче коронація; не помѣшало ли это твоимъ дѣламъ? Я оба дня не въ духѣ. Печень болитъ, но не унываю, потому что знаю, что скоро пройдетъ.

Священника мнѣ очень жалко и его семью, и хотѣлось бы увидать его передъ смертью. Завтра поѣду въ 12, и если нѣтъ поѣзда, возвращающагося рано, возьму лошадей.

Завтра пошлю телеграмму; цѣлую тебя, душенька, до субботы утра.

134. Тогда же.

Пишу съ вечера въ четвергъ. M-lle Guillod завтра хочетъ ѣхать съ дѣвочками въ Ясенки, и свезутъ письмо. Проснувшись, осмотрѣлъ дѣтей. Всѣ здоровы и веселы. Сережа вернулся изъ Тулы послѣ обѣда; я ходилъ гулять и встрѣтилъ его. Илюша

ходилъ на Дегатну и тоже вернулся, ничего не убивши. Таня, какъ я замѣчаю, въ духѣ аккуратности. Андрюша очень веселъ, пилъ со мной чай. Миша особенно гордо хлопаетъ ногами и очень радъ калошамъ. С. Кузминскій обѣдалъ у насъ. Въ крокетъ нельзя было играть отъ дождя. Маша играла въ куклы съ Акулей. Я очень вялъ. Цѣлый день хочется спать. Письма два тебѣ: одно отъ Вари, другое отъ матери англичанки, которая выражаетъ надежду, что дочь ея все исполнитъ. Прощай, завтра напишу, если будетъ время и будетъ что.

Л.

1882 годъ.

Изъ Ясной Поляны Л. Н. собрался на масленицу поѣхать къ И. И. Раевскому, но съ дороги вернулся въ Ясную. Съ этого времени начинаются отлучки его изъ Москвы, гдѣ стала проводить зимы семья. Жизнь въ Москвѣ вызывалась необходимостью учить дѣтей (8 человѣкъ, старшій въ университетѣ, младшій только что родился), Левъ же Николаевичъ тяжело переносилъ городъ и для отдыха и уединенной работы иногда уѣзжалъ въ деревню.

135. **3 февраля.**

Пишу тебѣ, душа моя, изъ Ясной, въ комнатѣ Алексѣя Степановича[1]), гдѣ мнѣ очень хорошо. Пріѣхалъ я въ Тулу. Урусовъ встрѣтилъ меня, напоилъ, накормилъ, поговорили,—больше онъ, и уложилъ спать. Я рѣшилъ ѣхать съ поѣздомъ утреннимъ, въ $8^1/_2$ часовъ, но не сообразилъ, что этотъ поѣздъ идетъ только до Узловой. Такъ и сдѣлалъ: всталъ въ 7 и поѣхалъ. Пріѣхалъ въ 11-мъ часу въ Узловую усталый, вялый; поглядѣлъ—въ

[1]) Бывшій лакей Льва Николаевича, въ то время приказчикъ.

полѣ мететъ, ждать 5 часовъ на станціи, а поѣздъ назадъ въ Тулу идетъ тотчасъ. Я телеграфировалъ Раевскому и поѣхалъ въ Ясную.

Остановился я у Алексѣя Степановича. Онъ очень милъ, но я его отъ храпа изгналъ въ людскую, и это не хорошо. Со мной же спалъ на печкѣ Петръ Шентяковъ. Марья Аѳанасьевна [1]), Агаѳья Михайловна [2]) пили чай и бесѣдовали вчера, а нынче я проѣхалъ верхомъ, напился кофею и началъ заниматься, но не могъ много сдѣлать,—голова болитъ по-мигренному, и чувствую слабость. Я не натуживаю себя и читаю старыя «Revues» и думаю. Упиваюсь тишиной. Просителей избѣгаю. Мнѣ очень хочется написать то, что я задумалъ.

Въ домѣ топятъ въ тетенькиной комнатѣ. Перейду только, если будетъ совсѣмъ теплый и легкій воздухъ. Пробуду я, какъ Богъ на душу положитъ, и какъ ты напишешь. Теперь сообщеніе быстрое. Телеграммы на Козловку и письма въ Тулу.

Какъ твоя грудь и все здоровье? И какъ дѣти, большія и малыя? Если бы тебя это облегчило, и если Илюша этого очень хочетъ, пришли его сюда дня на три. Только бы у тебя было все хорошо. Пожалуйста, пиши мнѣ всю правду. Не бойся меня тревожить. Если тебѣ лучше, чтобы я былъ съ тобой, нужно посовѣтоваться,—телеграфируй, и я черезъ 12 часовъ въ Москвѣ.

Прощай, душенька, обнимаю тебя и дѣтей. Таня всѣхъ тревожнѣй, когда я думаю о нихъ. Таня, не будь же тревожна, а будь какъ Варенька или какъ миндальное масло. Вѣдь всѣ глупости и увлеченья, будутъ или не будутъ, пройдутъ и не оставятъ никакихъ слѣдовъ, а огорчить кого-нибудь—не пройдетъ. Сютаева портретъ, разумѣется, заброшенъ, а можно бы кончить на масленицѣ [3]).

---

[1]) Бывшая няня нашихъ дѣтей, жившая на пенсіи.

[2]) Бывшая горничная бабушки Л. Н., Пелагеи Ник., жившая на пенсіи.

[3]) Т. Л. писала тогда портретъ Сютаева.

136.

3 часа дня, четвергъ, 4 февраля.

Сейчасъ получилъ твое письмо, милый другъ, и очень радуюсь, что у тебя все было пока хорошо. Обо мнѣ не безпокойся. Мнѣ очень хорошо у Алексѣя, и я, должно быть, не перейду въ домъ. Я заходилъ нынче,—едва ли нагрѣется достаточно и такъ, чтобы не было угара. Я этого самъ боюсь. Нездоровъ я не былъ, но какъ-то слабъ—спина немного болитъ и голова. И отъ этого я не поѣхалъ къ Раевскимъ—энергіи не было. Вчера еще болѣла голова. Нынче, несмотря на ужасную метель, теплую, головѣ легче, и только вялъ. Плохо работаю, зато отдыхаю нервами и укрѣпляюсь. Мужиковъ, я сказалъ Алексѣю, что я могу принимать, и никто, кромѣ нищихъ, которыхъ я не видалъ, не былъ. Вчера спалъ одинъ, и очень хорошо. Съ вечера Агаѳья Мих. усыпительно болтала. Я думаю, что лучше, спокойнѣе мнѣ нигдѣ бы не могло быть. Ты, вѣчно въ домѣ и заботахъ семьи, не можешь чувствовать ту разницу, какую составляетъ для меня городъ и деревня. Впрочемъ, нечего говорить и писать въ письмѣ; я объ этомъ самомъ пишу теперь, и ты прочтешь яснѣе, если удастся написать [1]).

Главное зло города для меня и для всѣхъ людей мысли (о чемъ я не пишу) это то, что безпрестанно приходится или спорить, опровергать ложныя сужденія, или соглашаться съ ними безъ спора, что еще хуже. А спорить и опровергать пустяки и ложь—самое праздное занятіе, и ему конца нѣтъ, потому что лжей можетъ быть и есть безчисленное количество. А занимаешься этимъ, и начинаешь воображать, что это *дѣло*. А это самое большое бездѣлье. Если же не споришь, то что-нибудь уяснишь себѣ такъ, что оно исключаетъ возможность спора. А это дѣлается только въ тишинѣ и уединеніи.

Я знаю, что нужно и общеніе съ подобными себѣ, и очень нужно; и мои три мѣсяца въ Москвѣ, съ одной стороны, мнѣ

---

[1]) Л. Н. тогда писалъ статью „Такъ что же намъ дѣлать?“.

дали очень много, не говоря уже объ Орловѣ [1]), Николаѣ Ѳедоровичѣ [2]), Сютаевѣ, — ближе узнать людей, общество даже, которое холодно обсуждалъ издалека, мнѣ дало очень много. И я разбираюсь со всѣмъ этимъ матеріаломъ. Перепись и Сютаевъ уяснили мнѣ очень многое.

Такъ не безпокойся обо мнѣ. Случиться все можетъ и вездѣ, но я здѣсь въ условіяхъ самыхъ хорошихъ и безопасныхъ. Дай Богъ, чтобъ у тебя все было хорошо, но боюсь, масленица возьметъ свое и засуетятъ они тебя. Танѣ вѣрно ужъ теперь придумалось удовольствіе, да и вѣрно не одно. А и не придумается, такъ только лучше для нея и для насъ. Зачѣмъ она молодымъ людямъ подаетъ руку, не поворачиваясь къ нимъ и съ какимъ-то звѣрскимъ выраженіемъ? Ты, Таня, понимай, что если я пишу это, то потому, что я тебя вижу какъ живую передъ глазами, а вижу я такъ только тѣхъ, кого очень люблю.

Прощай, душенька, писать нечего. Говорить—говорилъ бы до тѣхъ поръ, пока прибѣжали бы Андрюша и Миша мѣшать, а писать нечего. Няня варитъ мнѣ супъ въ горшкѣ изъ курицы, сама приноситъ и твердо стоитъ, какъ у обѣдни. Вчера была каша и солонина. Въ Тулѣ я купилъ себѣ бѣлаго вина и калачей. Нынче привезли свѣжихъ. Яйца свѣжія. Сплю я на диванѣ деревянномъ съ матрацемъ. Клоповъ нѣтъ. Нынче Митрофанъ продалъ Балабенка за 65 рублей. За Гнѣдого даютъ 110 рублей. Если погода будетъ хороша и поработаю хорошо, то съѣзжу въ Тулу. Урусовъ и не знаетъ, что я въ Ясной. Если будутъ интересныя письма, сообщи мнѣ.

Прощай, милая, пиши каждый день, и я тоже. *Т.*

137.

6 февр., суббота, 11 ч. утра, до кофею.

Вчера я чувствовалъ себя лучше всѣхъ дней,—спина перестала болѣть, и я только что взялся за работу, какъ пріѣхалъ Урусовъ.

---

[1]) Владимірѣ Ѳедоровичѣ.

[2]) Ѳедоровѣ, библіотекарѣ Румянцевскаго музея въ Москвѣ.

А я только послалъ ему письмо, въ которомъ тонко намекалъ, чтобъ онъ не ѣздилъ. Онъ встрѣтилъ Филиппа на границѣ и пріѣхалъ, и я былъ очень не радъ. Утромъ я занялся, но все ужъ не то, и вечеръ усталъ ужасно отъ разговоровъ. Теперь для меня нѣтъ ничего ужаснѣе разговоровъ. Онъ не виноватъ и очень милъ, но я-то наговорился, ужъ до конца моей жизни не захочется.

Онъ ночевалъ въ домѣ, въ тетенькиной комнатѣ, а няня въ дѣвичьей, и они оба не угорѣли, а тепло тамъ очень, и я нынче хоть на два дня перехожу туда. Живъ буду, то выѣду въ понедѣльникъ или вторникъ, смотря по работѣ и извѣстіямъ отъ тебя.

Блины были третьяго дня прелестные, Арина пекла. Но аппетита нѣтъ; все время не по себѣ. Теперь лучше.—Вчера Урусовъ спуталъ меня, и я не написалъ письма тебѣ. Вмѣсто этого телеграфирую. И не получилъ отъ тебя письма, кромѣ перваго. Нынче, вѣрно, привезутъ два. Прощай, душенька. Не тревожься обо мнѣ. Мнѣ хорошо. А люблю тебя все такъ же, какъ съ тобой, такъ безъ тебя. Какъ-то справляете масленицу? Помнятъ ли тебя дѣти?

Слѣдующая поѣздка черезъ три недѣли.

138. **27 февраля.**

Пишу въ 7 часовъ вечера въ субботу. Ну вотъ, пріѣхалъ я прямо до Козловки и сдѣлалъ очень хорошо, потому что Урусова нѣтъ, онъ уже 5 дней въ Петербургѣ. Сани выѣхали парныя, и мы доѣхали прекрасно, напились чаю и легли спать. Я испытывалъ то же чувство, какъ и тотъ разъ,—страшной усталости, слабости, грусти тихой и упадка силъ. Должно быть, я отдыхаю. Спали съ Илюшей въ одной комнатѣ, проснулись рано; явился Мих. Ѳом. [1]) служить, и Илюша пошелъ съ нимъ на охоту. Видѣли зайца, но не убили. Я сидѣлъ до 3-хъ, не могъ отъ вялости взяться за работу и читалъ старыя «Revues» [2])—пре-

[1]) Бывшій слуга нашъ, а въ то время жившій у кн. Урусова.

[2]) „Revue de deux Mondes“. Въ Яснополянской библіотекѣ сохранился этотъ журналъ за цѣлый рядъ лѣтъ.

красныя статьи по религіознымъ вопросамъ—и много думалъ. Потомъ поѣхалъ верхомъ и еще больше думалъ. Пріѣхалъ, обѣдъ былъ: бульонъ, курица несъѣдобная съ *саго* вмѣсто риса. Но картошечка въ сметанѣ выручила. Завтра будетъ ужъ говядина. Буду писать аккуратно, и ты пожалуйста. Главное, чтобъ письмо твое попадало въ ящикъ въ 8 часовъ утра. Здѣсь всѣ ручьи налились такъ, что проѣхать трудно. Но нынче морозитъ, и выдуло такъ, что я топлю въ другой разъ. Нынче смотрю на Кузминскихъ домъ и думаю: зачѣмъ онъ себя мучитъ, служитъ тамъ, гдѣ не хочетъ. И они всѣ, и мы всѣ. Взяли бы да жили всѣ въ Ясной лѣто и зиму, воспитывали бы дѣтей. Но знаю, что все безумное возможно, а разумное невозможно. Прощай, душенька, цѣлую тебя и дѣтей.

О лошадяхъ вотъ что: если бы лошадь у барышника была продана, то пошли предложить 290 и 300 рублей Лихачеву за бѣлаго жеребца—онъ просилъ 350,—и тогда его взять. Если окажется, что одна лошадь, то во всякомъ случаѣ Филиппу привезти лошадь въ Ясную. Если же двѣ лошади, и по справкѣ окажется, что много (рублей на 10) дешевле везти прямо изъ Москвы въ Ряжскъ, то Филиппу ѣхать съ лошадьми прямо въ Самару. Я ему дамъ инструкцію и письмо Бибикову.

139. 1 марта.

Вотъ 2-й день, что я въ Ясной. Пишу въ 3 часа дня. Опять все утро ничего не дѣлалъ и былъ въ самомъ уныломъ, подавленномъ состояніи; но не жалѣю объ этомъ и не жалуюсь. Какъ мерзлый человѣкъ отходитъ и ему больно, такъ и я, вѣроятно, нравственно *отхожу*,—переживаю всѣ излишнія впечатлѣнія и возвращаюсь къ обладанію самого себя. Можетъ, это временно,—я ужасно усталъ отъ жизни, и мнѣ хорошо отдохнуть.

Илюша нынче опять съ Михайлой на охотѣ; опять видѣлъ и стрѣлялъ зайца, и очень доволенъ. Я читаю «Revue»,—статьи религіозныя и очень интересныя,—и дѣлаю пасьянсъ. Сейчасъ въ первый разъ раскрылъ свои тетради и вижу возможность пи-

сать. Можетъ быть, завтра начну. Очень меня мучаетъ то, что вышло такъ, что я тебѣ навалилъ заботы о лошадяхъ и Филиппѣ. Пожалуйста, прости меня за это—это случилось невольно—и, главное, не бери къ сердцу, если выйдутъ какія-нибудь затрудненія. Какъ нарочно, это такъ случилось. Знаю, что если ты будешь здорова, то все сойдетъ хорошо, а если нѣтъ, то очень понимаю, что тебѣ станетъ досадно, и совершенно справедливо упрекнешь меня,—ко всѣмъ твоимъ заботамъ навалилъ на тебя еще заботу о лошадяхъ, которой ты и не сочувствуешь. Одно помни: что какъ бы что ни вышло, только бы ты не сердилась, и все будетъ прекрасно.

Комната очень хороша, тепла, постель прекрасная, пища тоже, и я, надѣюсь, завтра напишу тебѣ бодрое письмо. Я передумалъ насчетъ адреса твоихъ писемъ и прошу тебя впередъ писать на Козловку. Я сейчасъ свезу это письмо самъ и попрошу любезнаго начальника станціи, и каждый день буду гулять на Козловку, отдавать свое и получать твое письмо.

Прощай, душенька, цѣлую тебя и дѣтей. *Твой Л.*

140. **2 марта.**

Илюша разскажетъ тебѣ про меня. Я нынче пытался писать, но сдѣлалъ мало. Все какая-то усталость, хотя нынче чувствую себя бодрѣе. Писемъ отъ тебя не получалъ еще и безпокоюсь о тебѣ. Нынче почти не выходилъ,—погода не хороша. Дѣлаю пасьянсы, читаю и думаю. Очень бы хотѣлъ написать ту статью, которую я началъ. Но если бы и не написалъ въ эту недѣлю, я бы не огорчился. Во всякомъ случаѣ мнѣ очень здорово отойти отъ этого задорнаго міра городского и уйти въ себя, читать мысли другихъ о религіи, слушать болтовню Агаѳьи Михайловны и думать не о людяхъ, а о Богѣ. Сейчасъ Агаѳья Мих. повеселила меня разсказами о тебѣ, о томъ, каковъ бы я былъ, если бъ женился на Арсеньевой [1]). «А теперь уѣхали, бросили ее тамъ съ 8 дѣтьми,—дѣлай, какъ знаешь, а сами сидите, бороду расправляете».

[1]) Валерія Владиміровна, сосѣдка, жившая въ с. Судаковѣ.

Это было хорошо. Разсказы ея о собакахъ и котахъ смѣшны, но какъ заговоритъ о людяхъ,—грустно: тотъ побирается, тотъ въ падучей, тотъ въ чахоткѣ, тотъ скорченъ лежитъ, тотъ жену бьетъ, тотъ дѣтей бросилъ. И вездѣ страданія и зло, и привычка людей къ тому, что это такъ и должно быть. Если бы я писалъ тебѣ утромъ, я написалъ бы тебѣ бодрое письмо, а теперь опять унылъ. Сейчасъ 12-й часъ, и я ѣду провожать Илюшу на Козловку.

Прощай, душенька, цѣлую тебя и дѣтей. Парники нынче набиты, присылай сѣмена.

Пріѣду, если ничего не случится, въ воскресенье.

141. 3 марта.

Какъ мнѣ больно, милая душенька, что я тебя разстраиваю своими письмами. Это періодъ моего желчнаго состоянія: во рту горько, ноетъ печень, и все мрачно и уныло. Лучше нигдѣ мнѣ не можетъ быть, какъ здѣсь, совершенно одному въ тишинѣ и молчаніи. Нынче и ночь не то что дурно, но мало спалъ и не принимался за работу, а читалъ. Писемъ отъ тебя не получалъ еще, кромѣ шального письма Александра и неискренняго письма Александры [1]), на которомъ ты (*не разобр.*) нѣсколько словъ. Это письмо Александры взволновало и разсердило меня, и я написалъ ей очень жесткій отвѣтъ и самъ свезъ верхомъ въ Ясенки, гдѣ купилъ конвертовъ. Но, возвращаясь домой, вспомнилъ и о томъ, что ты бы очень не одобрила это письмо, и самому непріятно стало, и я послалъ взять письмо назадъ, такъ что не послалъ.

Утро было солнечное и теплое, и жаворонки заливаются со всѣхъ сторонъ, и проѣхаться было пріятно. А теперь вѣтрено, тепло и темно, но я ѣду на Козловку въ саняхъ,—свезу это

---

[1]) Графини Александры Андреевны Толстой. Этого письма А. А. нѣтъ въ изданной перепискѣ, но отголосокъ настроенія Л. Н-ча слышенъ въ письмѣ № 141 (см. изд. Толстовскаго музея). И переписка ихъ замолкла почти на два года.

письмо и поспрошу отъ тебя. Няня нынче ѣздила въ Тулу—отвозила деньги Авдотьи Васильевны—и была на почтѣ, но письма не привезла. Письмо отъ тебя очень развеселитъ меня.

Былъ Костюшка [1]); жена его больна очень; все то же—груди. Говорятъ, что отъ твоего лѣкарства прошло; но потомъ ребенокъ ея умеръ, и сдѣлалось то же въ обѣихъ грудяхъ. Проситъ тотъ пластырь или мазь, какую ты давала. Пришли, если можно.

Ходитъ народъ просить, но я отказываю,—денегъ нѣтъ; да и какъ-то нынѣшній годъ легче, и много я думалъ объ этомъ, и мнѣ не такъ больно отказывать.

Хорошо ли пріѣхалъ Илюша? Все ли у тебя хорошо? Здоровье? И дѣти хороши ли? Это главное. Прощай, душенька. Не думай, что мнѣ не грустно безъ тебя,—грустно. Но я чувствую, что я отдыхаю и, несмотря на нездоровье, набираюсь силъ, и многое лучше, яснѣе и проще обдумываю. Можетъ быть, это мечты и загадыванья ослабѣвающаго, но приходятъ все мысли о поэтической работѣ. И какъ бы я отдохнулъ на такой работѣ! Какъ задумаю объ этомъ, такъ точно какъ задумаю о лѣтнемъ купаньѣ. Но, пожалуйста, и дѣтямъ этого не говори. Съ тобой я думаю вслухъ.

Сейчасъ получилъ твое письмо въ Козловкѣ и очень, очень повеселѣлъ.

142.

4 марта, четвергъ, 9 час. вечера.

У меня и во мнѣ ничего новаго. Сплю мало и оттого не могу работать. Нынче лучше тѣмъ, что ѣлъ лучше, съ бо́льшимъ аппетитомъ. Сижу все одинъ-одинешенекъ,—читаю и дѣлаю пасьянсъ. Погода не хороша: таетъ и вѣтрено—гудитъ и день и ночь. Чтеніе у меня превосходное. Я хочу собрать всѣ статьи изъ «Revue», касающіяся философіи и религіи, и это будетъ удивительный сборникъ религіознаго и философскаго движенія за 20 лѣтъ.

---

[1]) Яснополянскій крестьянинъ.

Когда устану отъ этого чтенія, беру «Revue Etrangère» 1834 года и тамъ читаю повѣсти,—тоже очень интересно.

Письма твоего въ Тулѣ вчера не получилъ,—вѣроятно, не умѣли спросить. Но зато я получилъ твое на Козловкѣ. И очень оно мнѣ было радостно. Не тревожься обо мнѣ и, главное, себя не вини. «Остави намъ долги наши, яко же и мы...» Какъ только другимъ простилъ, такъ и самъ правъ. А ты по письму простила и ни на кого не сердишься. А я уже давно пересталъ тебя упрекать [1]). Это было только вначалѣ. Отчего я такъ опустился, я самъ не знаю. Можетъ быть, года, можетъ быть, нездоровье, геморой, но жаловаться мнѣ не на что. Московская жизнь мнѣ очень много дала, уяснила мнѣ мою дѣятельность, если еще она предстоитъ мнѣ, и сблизила насъ съ тобой больше, чѣмъ прежде.—Что-то ты напишешь нынче? Ты о себѣ не пишешь, какъ здоровье. Пожалуйста, не сдерживайся въ письмахъ, а валяй, какъ Богъ на сердце положитъ.

Я нынче ходилъ на шоссе къ большому мосту передъ обѣдомъ и все злился на Толстую [2]).

Въ Тулу ѣздятъ на колесахъ, и на Козловку уже едва ли проѣдешь на саняхъ. Въ низахъ—вода; но и воды, и снѣга мало, вездѣ проѣхать можно.

Что-то дѣти большія? Не грубятъ ли?..

...А ты не огорчайся. Грубить весело,—даже никому: просто сдѣлать, что нельзя. Ангелы (дѣти маленькія), тѣ не огорчаютъ. Здоровье Миши какъ? Я нынче думалъ о большихъ дѣтяхъ. Вѣдь они вѣрно думаютъ, что такіе родители, какъ мы, это не совсѣмъ хорошо, а надо бы много получше, и что когда они будутъ большіе, то будутъ много лучше. Такъ же, какъ имъ кажется, что блинчики съ вареньемъ—это ужъ самое скромное и не можетъ быть хуже. А не знаютъ, что блинчики съ вареньемъ—это все равно, что 200 тысячъ выиграть. И потому совершенно

[1]) Упреки за жизнь въ городѣ, которую, неожиданно даже для себя, такъ тяжело выносилъ Левъ Николаевичъ.

[2]) Граф. Александру Андр. Толстую.

невѣрно разсужденіе, что хорошей матери должны бы меньше грубить, чѣмъ дурной. Грубить—желанье одинаковое—хорошей и дурной; а хорошей грубить безопаснѣе, чѣмъ дурной. Поэтому ей чаще грубятъ.

Что Сережа братъ? Долго ли пробудетъ? Хотѣлось бы его повидать. Прощай, душенька; будемъ живы, скоро увидимся, и будемъ такъ же, какъ теперь, любить.—Опять возвращаюсь съ твердымъ намѣреніемъ какъ можно меньше говорить. Да и нельзя. Я не буду лгать, если буду говорить, что боленъ нервами. Я затягиваюсь этимъ задоромъ.

Что о приговоренныхъ? Не выходятъ у меня изъ головы и сердца. И мучаетъ, и негодованье поднимается,—самое мучительное чувство.

143. 6 марта.

Должно быть, я нездоровъ былъ и теперь поправляюсь. Вчера легъ спать хорошо, но проснулся рано утромъ съ сильной головной болью и болью въ спинѣ; и все утро было плохо; но передъ обѣдомъ заснулъ, и теперь, къ вечеру, стало совсѣмъ лучше. Надѣюсь, что этимъ разрѣшится, и я пріѣду къ тебѣ здоровый физически и нравственно. Утромъ пріѣхалъ Василій Ивановичъ [1]) и привезъ мнѣ твое письмо. Очень тебѣ благодаренъ за всѣ твои хлопоты о лошадяхъ. Право, я нечаянно такъ сдѣлалъ. Жалко, что ты немножко разстроена, судя по твоему письму; надѣюсь, что это не разгорится, и тебя не разстроятъ больше. Что Илюша плохо учился, это я смутно предчувствовалъ, и очень жалко. Надо будетъ ему подтянуться.—Пріѣздъ Василія Ивановича, несмотря на всю мою привязанность къ нему, былъ мнѣ тяжелъ. Голова болѣла, и не хотѣлось говорить. И онъ берегъ меня. Вечеромъ пришелъ Алексѣй Степановичъ, и мы втроемъ пили чай и бесѣдовали. Теперь 12-й часъ, и я пишу это письмо, съ тѣмъ чтобы завтра рано Петръ свезъ его на поѣздъ. Если погода бу-

[1]) Алексѣевъ.

детъ завтра получше—нынче сильный, холодный вѣтеръ,—то я съѣзжу въ Тулу. Я почти увѣренъ, что мнѣ будетъ лучше послѣ этой мигренной головной боли и особенной горечи во рту. Въ особенности мнѣ Василій Ивановичъ портится тѣмъ, что ты иногда какъ будто его не любишь. Не могу я съ тобой врозь жить. Мнѣ непремѣнно нужно, чтобы все было вмѣстѣ.

Твой планъ насчетъ завода въ Ясной съ Ураганомъ я, коли буду живъ, исполню, но не теперь. Кобылъ везти нельзя, онѣ теперь жеребы, а не жеребыя прохолостуютъ. Если не судьба ему издохнуть, то ужъ это можно будетъ сдѣлать въ продолженіе лѣта. Боюсь, какъ бы мы съ тобой не перемѣнились ролями: я пріѣду здоровый и оживленный, а ты будешь мрачна и опустишься. Ты говоришь: «я тебя люблю, а тебѣ этого теперь не надо»... Только этого и надо. И ничто такъ не можетъ оживить меня, и письма твои оживили меня. Печень печенью, а душевная жизнь своимъ порядкомъ. Мое уединеніе мнѣ очень нужно было и освѣжило меня; и твоя любовь ко мнѣ меня больше всего радуетъ въ жизни.

Прощай, милая душенька. Послѣзавтра пріѣду, если буду живъ. Только бы ты была такая, какая была въ двухъ первыхъ письмахъ, а я буду лучше, чѣмъ былъ, если живъ буду.

Ясная Поляна; новая поѣздка.

144. **Апрѣль 7.**

Пріѣхалъ я благополучно; комната была топлена; я напился чаю съ Марьей Аѳанасьевной, поговорили объ Алексѣѣ Степановичѣ и его наслѣдствѣ,—Семенъ Степ. умеръ за три дня до него,—и заснулъ. Нынче утромъ вышелъ въ 11 часовъ и опьянѣлъ отъ прелести утра. Тепло, сухо, кое-гдѣ съ глянцемъ тропинки, трава вездѣ, то шпильками, то лопушками, лѣзетъ изъподъ листа и соломы; почки на сирени; птицы поютъ ужъ не безтолково, а ужъ что-то разговариваютъ, и въ затишьѣ, и на углахъ домовъ, вездѣ и у навоза жужжатъ пчелы. Я осѣдлалъ

лошадь и поѣхалъ къ Бибикову за хлѣбомъ. Онъ дома, и домъ запертъ. У него, какъ онъ говоритъ, скарлатина и дифтеритъ. Одинъ ребенокъ уже отболѣлъ; по-моему, просто горло болитъ. Я не вошелъ къ нему. Распоряженія твои всѣ передамъ. Часть уже сдѣлана—полы и лѣстница, остальное сдѣлаемъ. Митрофанъ [1]) очень хорошо распоряжается; отдалъ покосы всѣ дороже, чѣмъ Алексѣй, и я думаю, что отъ добра добра не ищутъ. Онъ очень старается и очень толковъ. Корова есть порядочная, но я думаю, что везти туда и назадъ станетъ 20 рублей, а столько не обойдется даже прокатъ; а такъ какъ съ Петей устроились, то и ладно. Эту же корову посылаю взять. Митрофанъ подтвердилъ, что она 80 рублей шутя стоитъ въ Тулѣ.

Читалъ днемъ, потомъ обошелъ черезъ пчельникъ и купальню. Вездѣ трава, птицы, медунчики; нѣтъ ни городовыхъ, ни мостовой, ни извозчиковъ, ни вони, и очень хорошо. Такъ хорошо, что мнѣ очень жалко васъ стало, и думаю, что тебѣ непремѣнно надо съ дѣтьми уѣзжать раньше, а я останусь съ мальчиками. Мнѣ съ моими мыслями одинаково вездѣ хорошо или дурно; а для моего здоровья вліянія городъ имѣть не можетъ, а для твоего и дѣтскаго большое.—Обѣдалъ, доѣдалъ тѣ роскоши, которыя ты тогда прислала и Марья Аѳан. сохранила. И потомъ, только посидѣлъ съ книгой, уже солнце за Заказъ стало красно заходить; я скорѣе дѣлать заряды, сѣдлать лошадь, и поѣхалъ за Митрофанову избу. Летали вальдшнепы далеко отъ меня и мало, ни разу не выстрѣлилъ; но много, какъ всегда, религіозно думалъ и слушалъ дроздовъ, тетеревовъ, мышей по сухимъ листьямъ, собачій лай за Засѣкой, выстрѣлы ближніе и дальніе, филина—даже Булька на него лаяла,—пѣсни на Грумонтѣ. Мѣсяцъ взошелъ съ правой стороны изъ-за тучъ; дождался, пока звѣзды видны, и поѣхалъ домой. И вотъ, только пріѣхалъ, пишу. Чай готовъ, и Агаѳья Михайловна сидитъ. Я еще съ ней не го-

---

[1]) Митрофанъ Николаевичъ, приказчикъ, сынъ дядьки Николая, описаннаго въ „Дѣтствѣ“.

ворилъ. Мнѣ ее очень жалко. Изъ нашего—грѣха, кажется, ничего не вышло, Алексѣй все оставилъ въ порядкѣ, но изъ-за Алексѣева наслѣдства грѣха уже вышло много. Варвара уже приходила и плачетъ, что все досталось племяннику. Прощай, милая, обнимаю тебя и дѣтей. Прилагаю письмо Ханны.

145. **Апрѣль 8.**

Сейчасъ пришелъ съ пчельника, стрѣлялъ три раза, ничего не убилъ. Чудный вечеръ, тепло, тихо, мѣсяцъ свѣтитъ. Много хорошаго думалъ, и написалъ бы, да чувствую, ты будешь читать другимъ, и буду готовиться. Не прими вчерашній мой планъ—мнѣ остаться въ Москвѣ до конца экзаменовъ мальчиковъ—за combat de générosité. Мнѣ будетъ очень радостно оставаться, зная, что ты съ дѣтьми въ Ясной. И исполню всѣ дѣла московскія въ исправности. Доставь и мнѣ это удовольствіе. А я найду себѣ занятія въ Москвѣ; можетъ быть, корректуры будутъ.

Вчера Агаѳья Михайловна долго сидѣла и плакала, и горевала, какъ всегда странно, но искренно:—Левъ Николаевичъ, батюшка, скажите, что жъ мнѣ дѣлать? Я, боюсь, съ ума сойду. Приду къ Шумихѣ [1]), обойму ее и заплачу: «нѣтъ, Шумиха, нашего голубчика Алексѣя Степановича», и т. д. И сама плачетъ. А нынче ѣду изъ Ясенковъ, куда я ѣздилъ взять пистоновъ, патроновъ и конвертовъ, и навстрѣчу ѣдетъ тройка хорошихъ мужицкихъ лошадей маленькой рысью, сидятъ на передкѣ два молодыхъ парня и везутъ что-то странное, мнѣ показалось—цвѣты, розовое, бѣлое. Поровнялись ближе,—ящикъ черный и весь укладенъ вѣнками живыхъ, свѣжихъ цвѣтовъ.—Что везете?—«Господина». — Какого?—«Мертваго господина».—Кто онъ?—«Глазковъ».—Везутъ въ имѣнье, такъ странно!

Вчера послѣ Агаѳьи Мих-ны поѣлъ я капусты на ночь. И такой капусты, какъ у Марьи Аѳанасьевны, нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ. Долго не могъ заснуть, но спалъ хорошо, и нынче съ удо-

[1]) Собака.

вольствіемъ позанялся. Хотя мало, но толково, такъ что испытываю давно неиспытанное чувство, что заработалъ хлѣбъ. А хлѣбъ отличный: щи зеленыя, солонина и опять капуста съ квасомъ.

Утромъ, до кофе, ходилъ на деревню къ старостѣ, и тамъ съ тремя стариками—Матвѣемъ Егоровымъ, Титомъ Ермилинымъ и Петромъ Осиповымъ—судили, какъ раздѣлить безъ грѣха Алексѣево наслѣдство. Варвара одна ужасно жадничаетъ. Ну какъ же не зло проклятыя деньги! Она плачетъ отъ зависти, и жалко ее. Надо будетъ постараться развязать грѣхъ, какъ ты съ Лохмачихой.—Еще за хининомъ одна жалкая Воробьевская приходила; еще одна, оставшаяся безъ мужа, посаженнаго въ острогъ прокурорами, прежалкая; я и его, и ее знаю. Еще Курносенкова вдова не можетъ раздѣлаться съ Григоріемъ Болхинымъ за землю. И этихъ надѣюсь помирить. Осипъ Наумычъ[1]) сидѣлъ утромъ. Принесъ меду. И все жалуется на сына. Посылаетъ ночевать на осѣкъ. Холодно подъ шубенкой одной. Гонитъ; а то, говоритъ, перестану хлѣбомъ кормить. Вотъ эпизодъ изъ настоящей нужды деревенской, которую такъ мы мало знаемъ.

Писемъ отъ тебя не получалъ и сейчасъ повезу на Козловку это письмо незапечатанное. Тамъ припишу въ отвѣтъ. Ночь чудная; ни городовыхъ, ни фонарей, а свѣтло и спокойно. Изъ хозяйственныхъ дѣлъ одно чуть было не огорчило меня,—это то, что за садомъ мыши объѣли штукъ 300 прекрасныхъ яблонь. Другое то, что мы должны были Алексѣю Степановичу, а теперь его наслѣднику жалованья 260 р. Это вѣрно по книгамъ и его книжкѣ, а все-таки мнѣ чуть было не показалось это непріятно.

Взялъ я съ собой Бальзака и съ удовольствіемъ читаю въ свободныя минуты. Видишь ли, я исполняю твою программу писанья писемъ—нигдѣ не пишу: «I hope»'овъ[2]), и о тебѣ, и о малень-

[1]) Мужъ кормилицы Льва Ник-а, крестьянинъ Ясной Поляны.

[2]) Англичанки, съ которыми я переписывалась въ моей жизни, въ письмахъ своихъ писали всегда: I hope you are well, I hope your dear children

кихъ, и о здоровьи Маши, и объ ученьи Илюши, и о страстности къ веселью и унылости къ занятіямъ Тани. Ну вотъ, обнимаю тебя и дѣтей.

Сейчасъ получилъ твое хорошее письмо. Прекрасно сдѣлала, что не пустила Таню, и все такъ хорошо у тебя, такъ же какъ у меня. Что Богъ дастъ завтра.

Цѣлую тебя, милая.

146. **Апрѣль 9.**

Нынче пишу тебѣ до тяги, потому что посылаю въ Ясенки засвѣтло, чтобы получить посылку. На этомъ мѣстѣ меня засталъ Урусовъ. Я писалъ ему нынче утромъ съ нянинымъ внукомъ, и вотъ онъ пріѣхалъ съ ружьемъ. Я только успѣлъ пообѣдать, начавъ съ удивительной капусты съ удивительнѣйшимъ квасомъ, и мы пошли въ Заказъ. Вальдшнеповъ было пропасть. Дождичекъ шелъ теплый. Я два раза промахнулся, а Урусовъ, кажется, убилъ двухъ. Обоихъ не нашли. Завтра онъ пойдетъ искать. Утромъ я ходилъ къ Варварѣ мирить ее съ Константиномъ, и удивительно, какъ нужно имъ доброе слово. Она горячилась, горячилась и вдругъ затихла, и Иванъ Алексѣевичъ пришелъ ко мнѣ послѣ и говоритъ: «Она теперь успокоилась, говоритъ, графъ съ меня теперь 10 пудовъ снялъ».—Потомъ были Таниной кормилицы [1]) мать, Степанъ печникъ и еще другіе, и всѣмъ я какъ будто нуженъ. Нынче былъ и городовой—урядникъ съ саблей. Этотъ не доставилъ мнѣ удовольствія—какія-то свѣдѣнія, ни ему и никому ненужныя, и «ваше сіятельство», и ложь, и вздоръ.—Нынче день теплый съ дождичкомъ; трава такъ и лѣзетъ. Зеленя стали такой яркой, зеленой краски, какой не найдешь у Аванцо. Я занимался порядочно, хуже, чѣмъ вчера,

---

are well, I hope you enjoy... и т. д. О себѣ очень мало. И вотъ я просила Льва Ник. писать только о себѣ, безъ I hope'овъ касательно меня.

[1]) Ребенка сестры Тани.

но тоже покормить стоитъ, и въ 4 часа пошелъ гулять къ Тулѣ,—думалъ встрѣтить Урусова,—но дошелъ до кабачка и вернулся. Урусовъ много интереснаго разсказывалъ и между прочимъ про смерть Глазкова. Ты вѣрно слышала отъ Леонида. Это ужасно! Обнимаю тебя и дѣтей. I hope, что Сережа[1]) сдѣлаетъ мнѣ и себѣ честь, во всемъ получивъ пятерки.

147. **Апрѣль 10.**

Вчера получилъ твое письмо по почтѣ, а нынче—другую записочку съ Мишей и телеграмму. Очень мнѣ жаль, что письмо мое одно не дошло во-время. Вѣроятно, начальникъ станціи забылъ положить въ ящикъ. А тебя, бѣдную, это разстроило, а ты и такъ, я вижу, нездорова и взволнована. Пріѣду я во вторникъ по курьерскому. Вчера ходилъ въ баню; потомъ бесѣдовалъ долго съ Урусовымъ, въ ожиданіи возвращенія изъ Ясенковъ, куда я посылалъ за корректурами. Онъ пріѣхалъ поздно, и я не спалъ до 5 часовъ. Первый разъ дурно. И нынче день провелъ дурно. Разговоры съ Урусовымъ, и потомъ въ лѣсъ ходили искать вальдшнепа. Онъ нашелъ вчерашняго, а я погулялъ. За обѣдомъ нашимъ опять капуста и рѣдька съ квасомъ и зеленыя щи. Въ концѣ является Давыдовъ[2]) на тягу. Очень радъ. Онъ встаетъ. «Да что вы?»—Да тамъ со мной...—«Кто же?»—Да тамъ Лопухинъ.—«Такъ что жъ, зовите его».—Да тамъ моя жена.—«Ахъ, ваша жена; ну, да зовите ее. Она не взыщетъ».—Такъ я пойду...—И идетъ. «Да вы скажите, нѣтъ ли еще кого-нибудь!»—Нѣтъ, да, есть... Мадамъ Добрынина...—«Ахъ, Добрынина; ну что жъ, зовите ее. Вотъ три стула и сундукъ. Но теперь ужъ всѣ?»—Теперь всѣ.—Идетъ и останавливается.—Нѣтъ, есть еще Типольдъ. Теперь ей-Богу всѣ.—Они всѣ пришли, посидѣли, и мы пошли всѣ на тягу въ Заказъ. Я не стрѣлялъ, они стрѣляли, и Урусовъ убилъ еще одного. Они уѣхали.

---

[1]) Сынъ.

[2]) Н. В., тогда тульскій прокуроръ, нашъ хорошій знакомый.

Мы напились чаю, и вотъ я пишу тебѣ и вмѣстѣ посылаю тебѣ телеграмму еще,—отвѣтъ на вопросъ, когда я пріѣду. Я, возвратясь къ обѣду, получилъ твою телеграмму; сначала испугался, потомъ успокоился и послалъ отвѣтъ, а потомъ, перечитывая, нашелъ вопросъ: когда я вернусь? Ты, вѣрно, не разсердишься, когда эта 2-я телеграмма разбудитъ тебя ночью. Ну вотъ, скоро послѣ этого письма и я пріѣду, если буду живъ. Только бы твое здоровье такъ же скоро поправилось, какъ всѣхъ дѣтей. Спасибо Танечкѣ, что она помогаетъ тебѣ; вотъ это хорошо, «понравилось». Ты два раза это пишешь, значитъ, по-настоящему помогаетъ. Цѣлую тебя и дѣтей.

Письма изъ Ясной въ Москву, гдѣ я оставалась съ грудным Алешей, котораго кормила, и съ 3-мя старшими сыновьями, которые держали экзамены. Левъ Николаевичъ же съ Таней, Машей, Андрюшей и Мишей уѣхали на лѣто въ Ясную. Туда же пріѣхали и Кузминскіе.

148. **Приблиз. 15 мая.**

Такъ хорошо и безмятежно доѣхали, какъ только можно желать. Выѣхала Бибиковская карета, потому что вчера съ Таней на Рудаковой горѣ сломалось колесо, и они всѣ пересѣли въ шарабанъ и добрались кое-какъ. Они живы и здоровы. Наши были очень спокойны. Въ дамскомъ, послѣднемъ вагонѣ были дѣти и другъ друга угащивали сластями. Это одно было дурно. Но поѣли уже въ каретѣ куръ и дома молоко и чай. Cattie слаба и жалка [1]), но ей не хуже.

Домъ очень чистъ, веселъ, и все прекрасно прибрано. Таня посылала уже за провизіей, а нынче все ужъ привезли. Маленькіе уже легли спать, а я сижу съ Таней у Тани [2]) послѣ чая. Но

[1]) Cattie—англичанка при дѣтяхъ, только что отболѣвшая воспаленіемъ въ легкихъ.

[2]) Кузминской.

прежде чѣмъ отправить письмо, зайду къ малышамъ,—правда ли, спятъ? Не хочется радоваться на красоту весны; всякую минуту думаю, какъ тебѣ гадко. Пріѣзжай поскорѣй. Я съ радостью смѣню тебя. Мнѣ и дѣла есть, и дорогу я перенесъ—не то что легко, а весело.

149. Тогда же.

Здѣсь мнѣ невыносимо хорошо. Спалъ прекрасно, всталъ въ 10, напился кофе у Тани, поигралъ съ дѣтьми (они очень счастливы и здоровы) и пошелъ ходить по Чертѣ, по желтымъ цвѣтамъ, въ Засѣку, на крапивенскую дорогу, на пчельникъ, къ круглому березнику, купальнѣ, кругомъ Заказа, и пришелъ въ 3 домой. Именно невыносимо хорошо, потому что ни разу не могу порадоваться, чтобы не вспомнить о тебѣ и твоей московской пыткѣ. Я такъ въ одинъ день очнулся и посвѣжѣлъ, что тянетъ ѣхать въ Москву тебѣ на смѣну. Пожалуйста, душенька, если ты хочешь сдѣлать мнѣ истинно пріятное, поскорѣе вызови меня. Только бы Лелѣ было лучше [1]) и рѣшено бы было, что ему лучше ѣхать. Извѣстіе о томъ, что ты зовешь меня тебѣ на смѣну завтра, будетъ для меня радостью. Я съ восторгомъ поѣду, и надѣюсь, что, очутившись здѣсь и вообще переживъ свое нездоровье, я проживу прекрасно въ Москвѣ эти 10 дней.

Придя домой, я забралъ дѣвочекъ трехъ и пошелъ съ ними гулять навстрѣчу Урусову. Онъ вчера видѣлся съ нами. Онъ встрѣчалъ Николая Николаевича младшаго, который всегда ѣдетъ въ одномъ поѣздѣ со мной. Мы не встрѣтили его и вернулись въ 6, къ тети Таниному обѣду. Я вчера, оказывается, провинился очень—невольно. Я бралъ билеты себѣ въ Москвѣ и тутъ же поручилъ артельщику взять билеты людямъ, и проговорился: въ Тулу. Вчера послали на Козловку—людей нѣтъ. Утромъ пришелъ Герасимъ, чтобъ высылали лошадей. Вообще у нихъ была игра! Но пріѣхали всѣ цѣлы и благополучны.

[1]) Леля давно уже болѣлъ лихорадкой и лежалъ въ постели.

За маленькими я слѣжу и, главное, велю какъ можно больше быть въ саду. Въ домѣ и опаснѣе, и нездоровѣе. Жара нынче даже у насъ была ужасная. Каково же было вамъ! Здѣсь засуха по-моему: и ржи, и травы—все худо. Андрюшу ни я, ни Таня не слыхали кашляющимъ, но сейчасъ спросили няню, и сообщаю: няня говоритъ, что кашель гораздо лучше—*два-три раза въ день*.

Вечеромъ, въ 8, пріѣхалъ Урусовъ, привезъ пирогъ къ чаю—хлѣбъ-соль, который назначался тебѣ, но который мы съѣдимъ у тети Тани.

Такъ сдѣлай же мнѣ доброе—выпиши меня скорѣе. Я такъ славно займусь въ Москвѣ окончаніемъ моихъ дѣлъ писательскихъ, и покупкой, и перестройкой дома, и, главное, такъ радостно будетъ знать, что ты въ хорошемъ воздухѣ съ маленькимъ.

Прощай, душенька, обнимаю тебя и цѣлую 4-хъ сыновей. Таня пишетъ. Твой *Л. Т.*

150. **Май.**

Пишу третье письмо, не получивъ еще ни одного отъ тебя, милый другъ. Вѣрно, получу сейчасъ. Я поѣду самъ отвозить письмо. У насъ продолжаетъ быть все такъ же благополучно. Погода чудная здѣсь, а въ городѣ должно быть ужасно! Если ты меня не выпишешь скоро, я самъ пріѣду и ушлю тебя. Вотъ только, что̀ Леля и твое горло? Но я все-таки того мнѣнія, что и то, и другое поправится лучше здѣсь.

Вчера довольно поздно сидѣли съ Урусовымъ у Тани. Нынче пили кофе на крокетѣ. Такъ же ходятъ мужики и бабы съ дѣломъ и бездѣльемъ. Я привелъ въ порядокъ свои бумаги и пошелъ гулять. Маленькихъ направили въ садъ, большихъ съ Carrie и Sophie—на купальню. Sophie, кажется, будетъ хороша. Таня сѣла писать портретъ съ тети Тани. Я пошелъ по лѣсамъ и къ Бибикову. Мое мнѣніе о неурожаѣ подтвердилось и усилилось мнѣніемъ Бибиковыхъ. Предстоитъ въ нашей мѣстности неурожай, какого я не помню за 20 лѣтъ. Больше $^2/_3$ ржи пропало. Я вернулся къ обѣду. Обѣдъ у насъ. Тани ловили рыбу. Вече-

ромъ читали Урусовскій переводъ Марка Аврелія. Переводъ и страненъ, и неправиленъ, но нельзя оторваться мнѣ, по крайней мѣрѣ, отъ этой книги. Не даромъ говоритъ Христосъ: «Прежде, чѣмъ былъ Авраамъ, я есмь». И вотъ этого-то Христа, который былъ до Авраама, Маркъ Аврелій зналъ лучше, чѣмъ его знаютъ Макарій [1]) и другіе.

Мнѣ все такъ же хорошо, и непріятно, что хорошо. Всѣ дѣти—и большія и малыя—милы, веселы и дружны. Что-то твои 4 сына? Въ Москвѣ, въ эту жару, трудно быть веселымъ и дружнымъ.—Маша пишетъ. Малыши пошли спать. Чай пили всѣ у насъ.

До свиданья, душенька. Что скажетъ твое письмо. Цѣлую тебя и дѣтей. Завтра, если буду живъ, буду писать начатую статью. А то скучно безъ тебя и дѣла.

151.

Около 17 мая. Четвергъ, вечеръ.

Неохотно пишу тебѣ, потому что надѣюсь и всей душой желаю, чтобъ ты пріѣхала завтра и отпустила меня. Я совсѣмъ собрался, когда получилъ телеграмму, и я не рѣшился уѣхать съ Таней [2]). Впрочемъ то, что было до нынѣшняго утра, Таня все разскажетъ. Нынче же дѣти гуляли. Таня мазала полотно подъ предлогомъ рисованья портрета Вѣры. Обѣдали всѣ вмѣстѣ. Вечеромъ большіе съ Мишей Кузминскимъ пошли гулять, и я съ ними. А маленькіе сидѣли дома. Завернулъ къ вечеру холодъ, и страшно простудить. Теперь всѣ легли спать, кромѣ Тани большой. Она сейчасъ ходила въ тотъ домъ узнать про маленькихъ Таниныхъ и принесла свѣдѣнія, что Сашѣ лучше, а Вася чудесенъ. Такъ и скажи Танѣ.

Нынче получилъ пріятное письмо отъ Тургенева. Онъ очень тронутъ моимъ письмомъ и пишетъ, что ему лучше, опасности нѣтъ, но едва ли пріѣдетъ въ Россію.

---

[1]) Митрополитъ Макарій.

[2]) Т. А. Кузминская, едва пріѣхавъ, вернулась въ Москву вслѣдствіе тревожной телеграммы отъ меня о здоровьѣ мужа.

Я занимался большимъ сочиненіемъ и въ очень серьезномъ настроеніи.—Телеграмма твоя очень мрачна. Мнѣ стало ужасно жутко. Дай Богъ, чтобъ кончилось благополучно. Ужасно хочется знать подробности. Цѣлую тебя и 4-хъ сыновей.

Прощай, душенька.

Письма изъ Москвы, куда Л. Н. поѣхалъ смѣнить меня и гдѣ пробылъ нѣсколько дней съ сыновьями Сережей и Ильей. Леля (Левъ) и Алеша уѣхали со мной въ Ясную Поляну.

152. **Конецъ мая.**

Пріѣхалъ безъ приключеній въ 8-мъ часу. Всѣ дома. Сережа получилъ 3 и Илюша выдержалъ—3. Жалуется, что онъ зналъ лучше, и ему поставили мало. Саша[1]) поразилъ меня своей блѣдностью и жалкимъ видомъ. Дѣло, однако, идетъ хорошо. Склифасовскій сказалъ, что можетъ быть неудача, но всѣ шансы въ пользу.

У Илюши были Боянусъ, что мнѣ было пріятно, и они идутъ завтра на выставку. Костенька такой, какой есть, и я дѣлаю большія усилія, чтобъ не досадовать на него. Очень пріятно, тихо сидѣли дома. Въ 12 разошлись, и я прошелъ походить по Дѣвичьему Полю. Не жарко и тихо такъ, какъ въ Ясной. Завтра запишу себѣ всѣ дѣла и по пунктамъ буду исполнять... [2]).

Ты очень жалка была нынче утромъ, и мнѣ жалко было тебя будить. Отдыхай хорошенько за много ночей и дней духомъ и тѣломъ. И умѣряй свою заботливость. Только бы дѣти не хворали. Прощай, милая. Завтра напишу, когда вернусь. Смотря по дѣламъ и рѣшенію Склифасовскаго. Лучше бы всего уѣхать съ Кузминскими. Впрочемъ, я нынче очень усталъ что-то, и голова не свѣжа. Завтра все напишу. Цѣлую 6-хъ дѣтей.

[1]) А. М. Кузминскій пріѣзжалъ въ Москву больной на нѣсколько дней.

[2]) Пропущено нѣсколько строкъ, касающихся болѣзни одного изъ родственниковъ.

153. **Тогда же.**

Мнѣ не совсѣмъ здоровилось вчера и нынче, т.-е. немного мало и дурно спалъ, но мужественъ и нынче цѣлое утро ходилъ по дѣламъ. Юрьева видѣлъ. Онъ просилъ смягчить нѣкоторыя мѣста[1]), отмѣченныя въ духовной цензурѣ. Я завтра попробую это сдѣлать тамъ, гдѣ смыслъ отъ этого не теряетъ, и тогда возвращу ему, и онъ напечатаетъ и опять поѣдетъ съ книгой въ духовную цензуру. А тамъ они уже будутъ дѣлать, какъ знаютъ, т.-е. оставятъ книгу или пропустятъ. Ту же маленькую статью я очень радъ, что не напечаталъ. Я не хочу задора. Если бы случилось, что что-нибудь бы вызвало, тогда бы только отдалъ.

Саша все такъ же жалокъ, но дѣло идетъ хорошо. Склифасовскій еще не былъ. Сережа занимается, Илюша поѣхалъ съ Боянусъ на выставку и еще не возвращался. Теперь шесть часовъ. Мы только что пообѣдали. Я и позволилъ ему обѣдать тамъ. Вчера я ѣхалъ съ Анненковымъ и назывался на винтъ, и онъ нынче заходилъ звать меня къ себѣ, и я пойду въ 8 часовъ. Я оставлю письмо и припишу ночью. Сейчасъ поѣду къ Арнаутову[2]). Мой планъ тотъ, чтобы не трогать верхъ. Я съ мальчиками—Сережей и Илюшей—возьму одинъ верхъ, другой верхъ людямъ. А къ низу пристроить высокую и большую залу. Что ты объ этомъ скажешь?

Прощай, милая.

154. **Другой день, утро.**

Пришелъ вчера отъ Арнаутова съ двумя планами: 1) пристроить залу съ лѣвой стороны дома (дѣвичьей). И подъѣздъ въ дѣвичью. Столовая—передняя. Диванная—гостиная. Гостиная—другая гостиная. Зала — дѣтская. Кабинетъ — спальная; дѣвичья—Танина и Машина. Или: 2) пристроить весь верхъ, такъ чтобъ антресоли сдѣлать высокими, а чердакъ—антресолями.

---

[1]) Въ „Исповѣди“ для журнала „Русская Мысль“, гдѣ должна она была появиться, но была запрещена.

[2]) У Арнаутова купили домъ въ Хамовническомъ переулкѣ.

Внизу же залу удлинить кладовою. Что лучше? Вечеромъ былъ у Анненкова. Играли въ винтъ. Нынче опять дурно спалъ.

Квитанція на вещи г. Кашевской [1]). Что она?

Письма изъ Москвы въ Ясную Поляну, гдѣ я оставалась съ дѣтьми, въ то время какъ Левъ Николаевичъ занятъ былъ пристройкой и отдѣлкой вновь купленнаго дома въ Хамовническомъ переулкѣ. Съ нимъ жили во флигелѣ и три учащихся сына: Сергѣй, Илья и Левъ.

155. **11 сентября.**

Пріѣхали мы хорошо и вѣ-время. Сережа насъ встрѣтилъ. Простились съ Таней и поѣхали въ домъ Волхонскаго [2]), оттуда въ Арнаутовъ, но еще много не додѣлано. Свѣдѣнія Сережи вѣрны. Перейти въ нижнія комнаты можно будетъ черезъ 2—3 дня, именно: въ мальчикову, въ столовую, Танину и спальню. Онѣ уже оклеены. Столовая—тѣми желтыми, подъ дерево, что ты выбрала. По-моему, хорошо. Угловая же не готова будетъ, потому что красятъ полъ. Это досадно. Если бы я засталъ, я оставилъ бы некрашенымъ. Въ эти комнаты, готовыя, я думаю перевезть мебель и очистить Волхонскій домъ дня черезъ три. Тебѣ же, думаю, переѣхать, когда будетъ готовъ весь низъ и верхъ старый. Пускай уже при насъ додѣлываютъ залу и гостиныя. Какъ ты думаешь? Я не видалъ еще архитектора. Нынче увижу и, переговоривъ съ нимъ, напишу тебѣ подробнѣе.

Я остановился въ Волхонскомъ домѣ. Мы спали въ дѣтской. Нынче хотимъ переѣхать во флигель Арнаутовскаго дома.

Вчера я зашелъ съ Лелей къ Поливанову [3]). Онъ больше за Лелю сомнѣвается, чѣмъ за Илюшу,—въ томъ, что отстанетъ. Илья

[1]) Учительница музыки дѣтей моихъ и Кузминскихъ.

[2]) Въ домѣ кн. Волхонскаго въ Денежномъ переулкѣ мы жили съ осени 1881 г. и до весны 1882 года.

[3]) Левъ Ивановичъ, директоръ частной гимназіи, въ которой учились наши сыновья.

можетъ ходить въ 6-й классъ на уроки и въ то же время сдавать экзаменъ.

Государь какъ-то таинственно живетъ; никто не знаетъ, въ какомъ дворцѣ, но толпы собираются и тутъ, и тамъ, и никто не знаетъ.

Костенька все то же. Все у него есть, и все онъ жалокъ, и все ждетъ вотъ-вотъ мѣста.

Тороплюсь попасть на почту. Прощай, милая. Не скучай, пожалуйста. Я, вѣроятно, что пріѣду назадъ. Устрою Лелю въ гимназіи и съ Сережей и Сергѣемъ перевезу мебель и пріѣду къ вамъ и за вами. Мы хотимъ взять кухарку и ѣсть дома. И Сережѣ будетъ лучше. А Леля будетъ то съ Сережей, то у Олсуфьевыхъ, когда меня не будетъ. Цѣлую всѣхъ.

156.

Воскресенье, утро, 12 сентября.

Нынче все могу написать обстоятельно. Архитекторъ вчера къ ужасу моему объявилъ, что до 1-го октября онъ проситъ не переѣзжать. Ради Бога, не ужасайся и не отчаивайся. Къ 1-му онъ ручается, да я и самъ вижу, что все будетъ готово такъ, что можно будетъ жить удобно.

Предложу тебѣ прежде мой планъ нашей жизни въ эти двѣ недѣли съ половиной, а потомъ напишу подробности. Планъ такой: я пробуду здѣсь до конца недѣли, перевезу мебель внизъ и сарай и приму Илюшу, котораго ты пришлешь ко мнѣ, если онъ окрѣпъ [1]), и налажу его въ гимназіи и побуду съ нимъ, и пріѣду къ вамъ 20-го. Пробуду съ вами недѣлю и или опять уѣду черезъ недѣлю, дня за 4 до васъ, или съ вами. Такъ ты не будешь скучать долго, и Илюша пробудетъ безъ насъ не долго.

Домъ вотъ въ какомъ положеніи: ко вторнику будутъ готовы нижнія 4 комнаты: мальчикова, столовая, Танина и спальная. Онѣ оклеены, только не докрашены двери и подоконники. Въ нихъ

[1]) У Ильи былъ тифъ въ концѣ лѣта.

я поставлю всю мебель хорошую; похуже—въ сарай. Остальныя три комнаты внизу не готовы, потому что въ нихъ начали красить полъ. Я остановилъ краску—они загрунтованы (желтые, свѣтлые), и я рѣшилъ такъ и оставить. Согласна ты? Комнаты эти и передняя дня черезъ три тоже будутъ готовы. Штукатурная работа вчера кончена послѣдняя въ домѣ. Штукатурить остается кухню. Это дня на три. Въ большихъ комнатахъ штукатурка уже почти просохла; сыра она, и дольше всего будетъ сыра, въ верхнемъ коридорѣ. Я тамъ велѣлъ топить жарче. Лѣстницу начнутъ ставить завтра. Она вся сдѣлана, только собрать и поставить. То же и съ паркетомъ. Онъ готовъ, и завтра начнутъ стелить. Ватерклозеты еще не совсѣмъ готовы, крыльцо, въ передней полъ. Верхнія комнаты, старыя и дѣвичья не оклеены. Я велѣлъ все бѣлить. Согласна? Полъ въ передней архитекторъ совѣтуетъ обтянуть солдатскимъ сукномъ и лѣстницу не красить. Площадку и лѣстницу, и стѣны не оклеивать, а выкрасить бѣлой краской. Вообще домъ выходитъ очень хорошъ. А ужъ покой—чудо! Мнѣ выходить изъ флигеля не хочется,—такъ тихо, хорошо, деревья шумятъ. Я вчера былъ вялъ, провелъ день на постройкѣ съ Сережей, Оболенскимъ Леонидомъ и Дьяковымъ. Они и утро у меня провели, и вчера вечеромъ я просидѣлъ съ ними у Дьякова, и очень пріятно. Цѣлую тебя, душенька, будь покойна и любовна, особенно ко мнѣ. Дѣтей цѣлую.

157.

13 сентября, понедѣльникъ, утро.

Пишу тебѣ 3-е письмо, милый другъ, не получивъ еще ни одного отъ тебя. Вѣрно, нынче получу. Ты посылай на Козловку. Что ты? Твое здоровье тѣлесное и душевное? Что Илюша? повинуется ли и жалѣетъ ли тебя? Вчера Сережа съ Лелей пошли на выставку, а я сидѣлъ дома, читалъ. Приходилъ одинъ проситель мѣста—бѣдный; а потомъ я пошелъ въ Румянцевскій музей къ Николаю Ѳедоровичу. Потомъ походилъ, посмотрѣлъ экипажи, и

вижу, что на 1000 рублей легко собрать все хорошее. Вели прислать, если можно, теперь же сани четверомѣстныя, и одиночныя, и полости, и сбрую парную и одиночную, или починить, или продать здѣсь.—Теперь о домѣ. Въ кухнѣ было сдѣлано неудобно—русская печь, и очень маленькая въ нашей кухнѣ. Мы рѣшили передѣлать печь такъ, чтобы русская печь была больше и устье ея выходило бы въ людскую. И выйдетъ такъ, что будетъ людская столовая, комната для кухарки и каморка для повара. Въ сторожкѣ же, которую надо починить, будетъ жить кучеръ и дворники. Чулановъ для провизіи, лампъ и т. п. въ домѣ съ кладовой—четыре. Подвалы есть, но они сопрѣли и завалились. Я велѣлъ починить, но сдѣлать попроще, для кореньевъ и капусты. А для яблокъ есть мѣсто въ домѣ.

Обѣдали мы вчера дома; и бѣднякъ, голодный Костя пришелъ къ намъ, и его покормили: щи, каша, и говядина изъ щей, и пирожки, и арбузъ. И сидѣли дома. Леля занимался, я и Сережа читали, и легли спать рано, и нынче рано встали. Они ушли учиться, а я вотъ тебѣ написалъ и хочу заниматься. До свиданья, душенька, цѣлую тебя и дѣтей.

158.

14 сентября, вторникъ, утро.

Только собирался писать тебѣ, что не получилъ еще отъ тебя ни одного письма, какъ принесли твоихъ два. О планахъ нашихъ ничего не пишу, потому что не получилъ еще твоего отвѣта на мой проектъ. Я не измѣняю; нечто ты придумаешь что-нибудь лучше. Илюша безсовѣстенъ, если онъ не покоренъ и такъ мучаетъ тебя [1]), но надѣюсь, что, получивъ отъ тебя нагоняй, онъ образумился и сидитъ дома, готовясь. Если онъ окрѣпъ, и погода стала теплѣе (нынче у насъ гораздо теплѣе), то пришли его въ пятницу, а я пріѣду въ понедѣльникъ. Понимаю, какъ тебѣ непріятно быть врозь съ нами, съ Илюшей на рукахъ, и не пони-

[1]) Илюша совсѣмъ не берегся послѣ тифа и этимъ тревожилъ меня.

мать ясно, въ чемъ и отъ чего задержка; такъ много разныхъ работъ, что нельзя сразу понять. Задержка главная—это сохнущая штукатурка. Топить—топятъ, но не вездѣ: трубы еще не совсѣмъ готовы. Въ залѣ и гостиной потолки и одна стѣна уже высохли—изъ сѣрыхъ стали бѣлыми, а это быстро идетъ, и пойдетъ еще быстрѣе, когда вставятъ рамы и будутъ топить. Утвержденіе архитектора справедливо: 1-го октября можно будетъ въѣхать. Но задержки вотъ такія бываютъ: нижнія комнаты хотѣли отдѣлать ко вторнику, а тутъ праздникъ, будетъ готово къ средѣ. А то рабочихъ меньше, нежели обѣщали, и т. п. Людей я, кажется, обдумалъ хорошо. Подвалъ я теперь не начинаю, чтобъ не отрывать народъ; это и послѣ можно сдѣлать, тѣмъ болѣе, что есть ледникъ, теперь и новый, и пустой. Остальныя всѣ свѣдѣнія Лели вѣрны. Обои въ угловой, правда, что ярки, а въ столовой темны; зато Танина и твоя—чудесны. Форточки я вездѣ велѣлъ сдѣлать, кромѣ Таниной комнаты. Тамъ есть отдушникъ мѣдный въ рамѣ, а стекла очень велики; если мало, можно послѣ вставить. Рамы двойныя всѣ готовы, и вставлю въ первый теплый день въ оконченныхъ комнатахъ. Кухню я сомнѣвался, было, штукатурить, но потомъ рѣшилъ, потому что съ кухонной огромной печью она очень скоро высохнетъ.

Пожалуйста, не скучай. Все будетъ, какъ Богъ велитъ; а судя по-мірскому, домъ будетъ удобный и жить будетъ лучше, чѣмъ въ Волхонскомъ.

Я вчера утромъ попробовалъ заниматься, но холодъ помѣшалъ (къ вечеру истопили и было тепло), и пошелъ въ библіотеку, снесъ книги и взялъ книги, и читалъ. Потомъ обѣдалъ очень весело. Дядя Костя приглашенъ былъ къ столу. Потомъ почиталъ, пришелъ Сережа братъ. И я ихъ, особенно Костеньку (онъ очень отказывался), увлекъ къ Васенькѣ. Старые пріятели вѣрно послѣдній разъ собрались. Тамъ было тихо, дружелюбно, но *вышло* меньше, чѣмъ я ожидалъ. Они остались ужинать, а я ушелъ домой. Нынче теплѣй и праздникъ. Леля дома. Сейчасъ послалъ его съ Сережей въ трактиръ завтра-

кать, а самъ пишу письмо и жду архитектора. Обѣдали мы дома, Василій готовитъ намъ щи. Сергѣй ушелъ за ящикомъ и яблоками.

Я все это время въ сонномъ, глуповатомъ и спокойномъ, немного меланхолическомъ состояніи. Никого не видаю, чему радъ.

Ну, прощай, душенька, цѣлую тебя, Таню, Машу, малышей и Илью непокорнаго. Только бы онъ не заболѣлъ. А простудиться очень легко. Даже дядя Сережа это самое о немъ подумалъ.

159.

15 сентября, среда, 3 часа.

Нынче получилъ твое третье письмо, покойное, но еще не отвѣтъ на мое второе.

Вчера сидѣлъ утро дома, погулялъ до Кудрина,—я забылъ тамъ калоши у Дьякова, обѣдали; потомъ, вечеромъ, пришли Адамъ (Олсуфьевъ), Митяша Оболенскій и Варенька съ мужемъ и просидѣли у насъ до 11 часовъ. Архитекторъ былъ не вчера, а нынче. Идетъ работа хорошо и спѣшно, но все не такъ, какъ ожидаешь. Перевезти мебель можно будетъ въ пятницу. Оказалось, паркетъ нужно строгать, карнизы пола обчистить. А нужно отдѣлать совсѣмъ, чтобъ не входить. Я принялъ мѣры, чтобъ маляровъ было больше и чтобы топить печи. Но еще не топили, нынче будутъ. Погода на счастье сутки чудесная. Леля вчера напугалъ меня. Онъ 3-го дня наѣлся винограду и не переставая икалъ, а вчера заболѣлъ животъ, и поносъ. Надѣлъ фланель, не даемъ ничего, кромѣ бульону, и теперь ему совсѣмъ хорошо, а утромъ пропустилъ гимназію. О немъ ты не заботься. Я забочусь такъ, что чувствую, что балую.

Сережа братъ все ищетъ квартиру,—не знаю, нашелъ ли. Нынче ѣдетъ обѣдать къ Васенькѣ. Костенька облекся въ мой сюртукъ и пошелъ къ Полякову-богачу. Ему обѣщаютъ мѣсто черезъ какого-то Шидловскаго. Дай Богъ. Погода чудная. Теперь 3 часа, и я пойду погулять до обѣда, посмотрю стулья краснаго дерева.

Яблоки пришли въ дурномъ положеніи. Ящики перебиты, и потаскано много яблокъ. Мы ихъ перевезли къ себѣ въ сарай и тутъ продадимъ.

Я надѣюсь, что къ 1-му октября мы въѣдемъ; если что не готово, при насъ додѣлаютъ. До завтра. Не унывай, я пріѣду скоро. Какая прелесть садъ: сидишь у окна въ садъ—весело, спокойно; выйдешь на улицу—уныло, тревожно.

Цѣлую тебя и дѣтей. Варенька три дня какъ переѣхала. Келлеръ старшій былъ боленъ, и они ѣдутъ за границу. Сережа Оболенскій въ лицеѣ, а Миташа уѣзжаетъ домой, а княгиня въ деревнѣ.

160.

16 сентября, четвергъ, 11 час. утра.

Сейчасъ сидѣлъ за кофеемъ и думалъ о разномъ, и чувствовалъ лишеніе, что не могу тебѣ сказать, у тебя спросить, и почувствовалъ, что мнѣ скучно и грустно безъ тебя; и тутъ же принесли твое хорошее письмо отъ вторника. Все такъ пусть и будетъ, если ничто не помѣшаетъ. Мальчики будутъ ѣсть дома. У насъ это налажено и безъ кухарки; прекрасно идетъ, немного по-робинзоновски, но отъ этого только веселѣй. А вкусно и сытно. Я понимаю, что матери-кормилицѣ особенно больно, когда дѣти худѣютъ: «Я выкормила сытаго, а теперь испортили». Лелѣ не дадимъ похудѣть, хотя онъ и испортилъ себѣ желудокъ на день. Теперь опять веселъ и здоровъ. Онъ въ гимназіи, Сережа въ университетѣ, а я сижу у открытаго на садъ окна и пишу. Вчера я подбодрилъ архитектора, и сегодня топятъ всѣ печи, и маляры красятъ отъ двухъ хозяевовъ.—Если Илюша пріѣдетъ, то я въ понедѣльникъ поѣду къ вамъ.

О Костенькѣ я писалъ, а Петю я не видалъ; слышалъ только отъ Васеньки, что мѣсто его, исправника, не вышло. Тотъ, который хотѣлъ уйти, не уходитъ. А Василій Степановичъ говоритъ: «не могу я его выгнать». Неудачникъ! Въ этихъ неудачахъ надо утѣшаться тѣмъ, что послѣ вены несчастья пойдетъ вена счастья.

Я не шутя это говорю; это не можетъ быть иначе, если только человѣкъ самъ себѣ не портитъ, какъ Костенька. Петя не былъ нѣсколько дней въ Москвѣ. Онъ былъ нездоровъ, но не серьезно.

Вчера, вернувшись съ ходьбы, я засталъ двухъ графовъ Олсуфьевыхъ. Ихъ родители пріѣхали. Они ѣдутъ въ Саратовъ. Нынче я до кофе былъ у нихъ и видѣлъ одного графа. Вчера вечеромъ я зашелъ къ нашимъ Олсуфьевымъ [1]) съ Сережей. Я сыгралъ партію въ шахматы съ Василіемъ Александровичемъ и ушелъ домой, и легъ въ 11-мъ часу спать. Алекс. Григор-на предлагаетъ брату Сережѣ квартиру въ ихъ домѣ. Надѣюсь нынче увидать его. Вчера, я знаю, что онъ ждалъ меня обѣдать къ Василію Степановичу; но мнѣ не то что скучно, а лучше всего дома. Сбираюсь нынѣшній годъ крѣпко и уединенно для себя сидѣть дома. Я говорю *для себя*, потому что если ѣхать или принимать у себя для дѣтей, то это совсѣмъ другое и имѣетъ свою пріятность.

Въ дѣвичьей нынче ставили перегородку, и надо было рѣшить какъ: захватить ли входную дверь или нѣтъ. Я долго колебался и рѣшилъ не захватить. Не знаю, одобришь ли. Будетъ мѣсто и для спанья одной, и для стола, и для шкаповъ, и бѣгающимъ маленькимъ дѣтямъ будетъ меньше риску студиться.

Если бы ты меня тутъ видѣла, ты вѣрно бы сказала, что я въ нѣкоторомъ отношеніи исправился. Прощай, милая; не думай, чтобы я упустилъ что-нибудь изъ возможнаго для того, чтобы намъ скорѣе соединиться...

Сейчасъ пришли Костенька и братъ Сергѣй.

Цѣлую дѣтей. Поздравляю съ именинами,—Костенька велѣлъ.

161.

Пятница, 2-й часъ, 17 сентября.

Вчера обѣдалъ дома съ Костенькой. Я взялся Сережѣ брату найти квартиру. А то онъ прожилъ всѣ деньги и не нашелъ.

---

[1]) Олсуфьевы, не графы, были наши сосѣди, когда мы купили домъ. Наши сады были отдѣлены только заборомъ.

Я ходилъ все утро и не нашелъ лучше той, какую онъ имѣлъ въ виду на Зубовскомъ бульварѣ, и, вѣроятно, ее возьму. Вечеромъ мы съ Лелей и Костенькой прошли еще за квартирами. Потомъ пришелъ Иванъ Михайловичъ. Я съ нимъ рѣшилъ о занятіяхъ съ Левочкой, по 40 руб. въ мѣсяцъ. Потомъ они ушли, и мы легли въ 11-мъ часу спать. Нынче я всталъ рано, въ 8. Напился съ дѣтьми чаю и пошелъ къ Сухаревой башнѣ смотрѣть стулья краснаго дерева и вообще мебель въ залу. Возьму Костеньку; если онъ одобритъ, то возьму.—Вернулся сейчасъ домой. Усталъ и голова болитъ. Напьюсь кофе, посижу дома, а пойду обѣдать къ Варенькѣ съ Лелей, а вечеромъ зайду къ Олсуфьевымъ. Костенька унесъ мой сюртукъ. Все что-то таинственное съ Поляковымъ. Тяжелъ онъ, но сердиться на него не надо.

Мебель до сихъ поръ не перевезли. Только нынче начали перевозить изъ кухни и людскихъ. Завтра, вѣроятно, перевеземъ все. Возьму одну карету перевозочную для зеркалъ и гостиной, а остальное на рукахъ.

Я собой не недоволенъ, я все это время въ тихомъ и спокойномъ состояніи. До свиданья, душенька. Цѣлую тебя и дѣтей.

162.

18 сентября, суббота, 2-й часъ.

Пишу отъ Костеньки. Сейчасъ пришелъ къ нему, и на дворъ Волхонскаго дома, гдѣ укладываютъ мебель, и пришелъ въ восторгъ отъ квартиры, которую я нашелъ Сережѣ въ домѣ Роговичъ, въ квартирѣ Вышеславцева, на 7 мѣсяцевъ, по 110 р. въ мѣсяцъ; чисто, тепло, роскошно. Я очень радъ, что мнѣ удалось.

Нынче утромъ пріѣхалъ Илюша, веселый, бодрый. Говоритъ, что выспался хорошо въ вагонѣ. Я пошелъ въ гимназію, поговорилъ о немъ и объявилъ Поливанову, что я Лелю оставлю дома.

Вчера я цѣлый день бѣгалъ по квартирамъ, зашелъ къ Варенькѣ, гдѣ обѣдали Сережа и Леля, и оттуда пришелъ домой,

проголодался и наѣлся борщу вчерашняго такъ плотно, что насилу поднялся идти къ Олсуфьевымъ.

У Олсуфьевыхъ былъ Александръ Олсуфьевъ съ женой и очень мнѣ понравился. Пришелъ домой съ Сережей позднѣе обыкновеннаго и спалъ дурно. Твои письма радуютъ меня. Мѣсто изъ *Сенеки* я знаю, и не согласенъ. О моемъ душевномъ состояніи трудно писать. Одно, что оно хорошее и спокойное. Лельку я хочу съ собою привезть. Если ты не одобришь,—телеграфируй. Я въ сомнѣніи. И хочется мнѣ ему пріятное сдѣлать и не оставлять его, и чувствую, что это баловство. Я пріѣду, если буду живъ, въ понедѣльникъ съ почтовымъ, стало быть, телеграфировать нечего.

Ивана перемѣнять я не совѣтую. Хорошаго лакея въ эту цѣну не найдешь. А если изъ этого низшаго сорта лакей не пьетъ и смиренъ, и то благо. Таня вѣрно преслѣдуетъ его.

Ну, прощай, душенька, цѣлую тебя и дѣтей.

163.

Воскресенье, утро, 19 сентября.

Я писалъ тебѣ вчера о пріѣздѣ Ильи; но послалъ письмо послѣ 12, и потому это и вчерашнее придутъ вмѣстѣ. Пишу потому, что Илья хотѣлъ написать, и ему готова бумага и конвертъ, но онъ спитъ. Вчера я цѣлый день ходилъ, искалъ мебель и пролетку. Пролетку, сбрую и кучерское, вѣроятно, куплю нынче за 400 рублей. Очень хороша пролетка у того же Вышеславцева, стоила 500 руб. и совсѣмъ новая. Нынче только перевозилъ мебель. Сергѣй ушелъ въ Волхонскій домъ, а я здѣсь буду принимать и ставить. Все это дѣлать мнѣ скорѣе весело, только бы ты похвалила. Вчера обѣдали дома, великолѣпно, на скатерти. Было насъ 5 персонъ и 5 блюдъ: щи, каша, котлеты, фасоль и варенье. Вечеромъ пришелъ Орловъ, но увидалъ, что мнѣ очень спать хочется, и ушелъ. А мы легли спать. Я заснулъ въ 11 и всталъ нынче въ 7. Сережа, Леля встали, а

Илья спитъ. Я его сейчасъ разбужу. У Олсуфьевыхъ Таня и Анна больны, похоже на тифъ. Мы не ходимъ.

Илья такъ спитъ, что жалко будить. Посылаю письмо. Онъ въ хорошемъ настроеніи. Если ничего не измѣнится, я пріѣду завтра съ Лелей.

Левъ Николаевичъ съѣздилъ къ намъ въ Ясную Поляну, пробылъ нѣсколько дней и опять уѣхалъ въ Москву, откуда и пишетъ слѣдующія письма.

164.

Вторникъ, ½ 10-го, 28 сент.

Пріѣхалъ я прекрасно, желудокъ все то же, но животъ не болитъ. Я очень остороженъ въ ѣдѣ и простудѣ, и надѣюсь, завтра пройдетъ. Мальчики живутъ чудесно. Оба заняты очень спокойно, добродушны. Я засталъ обоихъ за книгами. Илья поговорилъ и пошелъ заниматься. Я пріѣхалъ темно и пошелъ въ домъ, и нашелъ тамъ хуже, чѣмъ ожидалъ. 1) Перегородку въ дѣвичьей поставили не такъ, какъ я сказалъ; она уже оклеена, я не буду передѣлывать; лучше вмѣстѣ придумаемъ, какъ передѣлывать, это не долго. 2) Перила на лѣстницу поставили очень красивыя, но такъ широко, что пролѣзть ребенку легко. Завтра потолкую съ архитекторомъ, какъ это поправить. 3) Паркеты не кончены и могутъ задержать все дѣло. Сейчасъ послалъ Сергѣя къ архитектору, прося выслать завтра какъ можно больше паркетчиковъ. Вообще все подвинулось меньше, чѣмъ я ожидалъ. Я приму всѣ мѣры и въ четвергъ телеграфирую. Тебѣ, вѣрно, не больше моего хочется скорѣе соединиться. За домъ я что-то робѣю передъ тобой. Пожалуйста, не будь строга.

Мальчики очень милы. Такой я счастливый! У васъ былъ,—у васъ очень хорошо. Сюда, къ мальчикамъ, пріѣхалъ,—очень хорошо. Цѣлую тебя и дѣтей. Не бойся такъ объ Алешѣ [1]). Завтра напишу подробнѣе. Твой *Л.*

[1]) Меньшой, 8-й ребенокъ, 11 мѣсяцевъ, котораго я еще тогда кормила.

Яблоки и картофель можно высылать, и всякую провизію, кромѣ муки. Выставка, говоритъ Боянусъ Илюшѣ, останется до 15-го, въ «Моск. Вѣдом.» говорится о закрытіи 1-го октября.

165.

Среда, 12 час. ночи, 29 сент.

Нынче потерялъ бо́льшую часть дня. Сейчасъ только пріѣхалъ изъ Пушкина. Ѣздилъ къ Петѣ. Съ 2-хъ часовъ пошелъ къ Истомину узнать о Петѣ. Узналъ, что онъ на дачѣ, здоровье его лучше, и онъ назначенъ исправникомъ въ Звенигородъ. Я и пошелъ на Ярославскую дорогу; дошелъ, сѣлъ, пріѣхалъ. Спрашиваю Берса,—только уѣхалъ съ семействомъ въ Москву. Мы съ нимъ разъѣхались. 4 часа надо ждать поѣзда назадъ. «Кто тутъ господа?» Мнѣ перечисляютъ, и подъ конецъ: «Генеральша Мансурова и архитекторъ Каменскій, завѣдующій ихъ дѣлами, тутъ же, ѣдетъ къ нимъ». Я чуть было не уѣхалъ къ нимъ; но и холодно, и нельзя иначе вернуться, какъ переночевавъ. Я и раздумалъ. Поѣлъ на станціи и у станового, знакомаго Пети, пилъ чай, и во всемъ этомъ fool's errand провелъ 10 часовъ. Ѣхалъ я къ Петѣ узнать о деньгахъ и о бумагахъ по дому. Завтра онъ самъ пріѣдетъ. Онъ переѣхалъ, какъ мнѣ сказали, на нѣсколько дней—до отправленія на мѣсто—въ номера.

Здоровье мое совсѣмъ почти поправилось: поноса нѣтъ, и животъ не болитъ, но гемороидальное состояніе.—Теперь о домѣ и переѣздѣ. Я съ болью въ сердцѣ и страхомъ телеграфирую тебѣ пріѣзжать во вторникъ. Раньше немыслимо. Все двигалось очень медленно, штукатурка не высохла и клеить нельзя еще наверху; а нельзя клеить, нельзя и начисто отдѣлывать паркеты и другое. Главное, не докрашены коридоръ, задняя лѣстница и дѣвичья; полы и не высохнутъ раньше понедѣльника. Я гоню, какъ могу, и изощряю всѣ силы ума, чтобы распространяться съ мебелью и не помѣшать послѣдней отдѣлкѣ. Одна работа портитъ другую: маляры—паркетъ, паркетчики топчутъ полы; потолки красить—

портить обои и полы. А тутъ еще мебель. Такъ что очень сложно. Нынче все утро толковали съ архитекторомъ и подрядчикомъ, и я составилъ такой планъ, что, не мѣшая работѣ, я буду въ состояніи принять тебя и помѣстить тепло и удобно во вторникъ.

Бранить меня за медленность при покупкѣ дома—излишне, потому что я самъ браню себя. Пожалуйста, будь снисходительна и добра.

Перила рѣшили поставить вдвойнѣ, и, кажется, будетъ не уродливо и совсѣмъ безопасно. Архитекторъ проситъ денегъ, а билетъ я забылъ у тебя взять, пришли его. Лошадей подожди присылать. Надо управиться дома, не прибавляя заботъ.

Мальчики здоровы. Илюша только — кашель и насморкъ. Олсуфьевы очень трудно были больны. Говоритъ миссъ Оунъ, что онѣ мѣсяцъ не встанутъ. Но теперь лучше.

Прощай, душенька. Цѣлую тебя и дѣтей.

Мечта моя—поразить тебя благоустройствомъ дома—не удалась. Только о томъ боюсь, чтобы неурядица, которую ты застанешь, не слишкомъ непріятно поразила тебя. Размѣститься тепло и сухо будетъ всѣмъ; это только и будетъ.

166. **1 октября.**

Сегодня пятница, Покровъ, и никто не работаетъ, а что обѣщали сработать вчера, того не додѣлали; именно, паркетъ залы не достругали и не додѣлали пороги, и нельзя нынче переносить мебель снизу временно въ залу. Въ субботу обѣщаютъ. Я телеграфирую тебѣ еще въ понедѣльникъ. Отъ тебя нѣтъ писемъ. Неужели ты не писала? Вчера я ходилъ въ банкъ, обои выбиралъ, лампу. Потомъ къ Костенькѣ, къ Вышеславцеву. Обѣдали съ Костенькой. Вечеромъ пришелъ Иванъ Мих., Петя, Олсуфьевы—Адамовичи—и сидѣли до 11-го часа. Петя принесъ мнѣ всѣ расчеты и деньги, 550 рублей оставшіеся. Все очень аккуратно, но, уходя, просилъ дать ему взаймы, сколько—не знаю. Я нынче зайду къ нему. Онъ остановился въ гостиницѣ

Шевалдышева на недѣлю. Вся эта всеобщая нищета и погоня, и забота только о деньгахъ, а деньги только для глупостей. Все это тяжело видѣть. И Петю мнѣ жалко.

Теперь 8 часовъ утра. Я здоровъ, но не высыпаюсь, не оттого, чтобы мѣшали, а просто сна нѣтъ. Постараюсь нынче разобраться въ нижнихъ комнатахъ сколько возможно. Какъ ты? Такъ скучно не имѣть отъ тебя извѣстій. Въ какомъ ты духѣ, и все ли благополучно?

Лошадей можно высылать, но боюсь, что у тебя не будетъ на это денегъ. Вышлешь—хорошо и не вышлешь—хорошо. Раньше вашего пріѣзда ихъ не нужно.—Мальчики такъ же хороши. Цѣлую тебя и дѣтей. На письмѣ этомъ отпечатокъ: «не въ духѣ». Это оттого, что я натощакъ.

167. **Суббота, 2 октября.**

Пишу тебѣ, милый другъ, въ 5-й разъ, не получивъ ни одного письма. Вчера ходилъ къ Сухаревой башнѣ, купилъ Танѣ ширмы и былъ у Пети. Дома обѣдалъ, зашелъ къ Костенькѣ. Жалкій народъ тутъ, ужасно жалкій! Мальчики хороши. Илья ходилъ съ Сергѣемъ въ Зоологическій садъ. Мнѣ дурно спится все это время и мрачное настроеніе духа. Но я не поддамся ему. Самое лучшее противъ этого средство—не позволять себѣ разсуждать о себѣ. Я такъ и дѣлаю. Теперь 8 часовъ утра, суббота. Сейчасъ пойду все переносить. Прощай, цѣлую тебя и дѣтей.

168.

Воскресенье, утро, 3 октября.

Это я написалъ вчера и не посылалъ потому, что ничего лучше не умѣлъ написать. Въ 12-мъ часу получилъ твои письма—они обрадовали меня—и послалъ телеграмму. Билетъ я нашелъ у себя. Съ большимъ напряженіемъ можно будетъ принять тебя во вторникъ. И какъ я писалъ тебѣ, и ты пишешь, необходимо будетъ, но пропасть не додѣлано, и общій видъ плачевный. Парадная лѣст-

ница забита досками; въ залѣ временно поставлена мебель гостиная. Кое-гдѣ полы не совсѣмъ просохли, именно: въ дѣвичьей и буфетѣ. Обои въ дѣтской, вѣроятно, не переклеены; это можно сдѣлать при себѣ, переведя на день Дрюшу и Мишу къ Машѣ. Все же существенное будетъ, надѣюсь, сдѣлано къ твоему успокоенію. Если успѣешь, съ Николаемъ напиши мнѣ подробнѣе, какіе шкапчики, комоды и кровати куда поставить. Нынче было 8 градусовъ. Въ домѣ тепло и сухо въ жилыхъ комнатахъ; но какъ здоровье маленькихъ, и рѣшишься ли ты ѣхать! Если отложишь, телеграфируй. Вся работа, которая осталась не додѣлана, не протянется долго и мѣшать намъ не будетъ. Остается только оклеить обоями высокія комнаты, застрогать паркетъ (онъ весь конченъ), переставить балясины и обтянуть сукномъ переднюю.

Я провелъ вчера весь день дома съ Ильей. Сережа былъ на именинахъ у Дмитрія Адамовича. Какъ ты управишься деньгами? Ты бы написала Бибикову, прося его отъ моего имени 200 или 300 рублей денегъ. Любовь Александровна уѣзжаетъ 19-го и вѣрно будетъ у насъ въ Москвѣ. Нынче я спалъ лучше, потому что легъ въ $^1/_2$ десятаго.

Какъ-то ты устроишься. Вижу отсюда твои хлопоты и знаю, что ихъ ужасно много; но все-таки хочется все сказать: «не затягивайся». Все образуется. Нынче много будетъ у насъ съ Сергѣемъ работы. Скучно, главное, то, что нельзя все сдѣлать сразу: тамъ не высохъ полъ, а тутъ еще не докончено. Рамы всѣ вставлены въ жиломъ низу, и надѣюсь, что хорошо.

169.

5 октября, вторникъ, утро.

Получилъ нынче, въ 8 часовъ, твою телеграмму и успокоился. Я совсѣмъ, было, собрался ѣхать въ 4 часа, свезъ бы тебѣ деньги и помогъ бы убраться; теперь жду твоего извѣстія. Я уже два дня, кажется, не описывалъ тебѣ нашу жизнь. Воскресенье много дома хлопотали, и все приняло внизу видъ жилой. Что значитъ

сѣнники ты велишь набить? Алеша развѣ въ телѣжкѣ? Во время нашихъ хлопотъ пришли: наша Лиза Оболенская, а потомъ пріѣхала Миташина Лиза Оболенская. Обѣ мнѣ помогали совѣтами. Главное затрудненіе мое было то, что мы почему-то (мнѣ кажется) съ тобой рѣшили, что рядомъ съ спальней будетъ Carrie съ двумя мальчиками, а не грудной. По комнатѣ и всѣмъ соображеніямъ это не выходитъ. И я рѣшилъ, рядомъ съ спальней будетъ Алеша. Carrie съ двумя, какъ ты и прежде хотѣла, въ большой, ближайшей къ столовой. Обѣ Лизы то же рѣшили.

Вечеромъ я сидѣлъ дома и рано легъ спать. Да, еще утромъ было интересное: приходилъ ко мнѣ раввинъ еврейскій [1]), очень умный человѣкъ. Это знакомство черезъ одного еврея, писавшаго мнѣ и бывшаго у меня въ субботу. А я выразилъ желаніе познакомиться. Еще письмо отъ тети Тани къ Танѣ и къ тебѣ; я распечаталъ и посылаю. Вчера еще письмо отъ К. Мансуровой, тоже посылаю. Воскресенье былъ у Сурикова [2]), онъ согласенъ давать уроки рисованія.

Вчера я пошелъ покупать кретонъ и лампы, и за билетами въ банкъ, и много ходилъ, потомъ зашелъ къ Варѣ и Лизѣ. Илюша тамъ обѣдалъ. Мы всѣ здоровы, если не считать насморка,—гриппъ у Илюши, который проходитъ, а у меня начинается.—Какъ жаль, что не успѣю выслать тебѣ денегъ. По почтѣ долго. Билеты еще не размѣняны. Пишу натощакъ, но не въ мрачности. Нынѣшняя телеграмма успокоила насъ. Нынче и погода какъ будто мягчѣетъ. Цѣлую тебя, душенька, и дѣтей.

170. **Послѣ вторника, 5 окт.**

Нынче я проспалъ и потому не написалъ тебѣ во-время. Меня мучаетъ, что у тебя нѣтъ денегъ и нѣтъ помощника. Хотѣлъ послать тебѣ Сергѣя съ деньгами, но нынче пріѣхалъ Ив. Ив. Раевскій и возвращается въ ночь въ Тулу. Я и рѣшилъ съ

---

[1]) Миноръ, дававшій Л. Н. уроки еврейскаго языка.

[2]) Извѣстный художникъ.

нимъ послать тебѣ денегъ 300 рублей. У насъ все хорошо. Успокоительное письмо твое получилъ и очень радъ. Только досадно на Таню. Человѣка я нанялъ. Кажется, хорошъ. Если бы ты пріѣхала во вторникъ, много бы было недостатковъ, и теперь будутъ, но тогда бѣда бы была. Погода теплая. Дай Богъ, чтобы у васъ все было хорошо. Такъ вотъ, Богъ дастъ, скоро свидимся.

1883 годъ.

Письма Льва Николаевича изъ Ясной Поляны, гдѣ сгорѣла почти вся деревня, въ Москву.

171. **Апрѣль.**

Очень жалко мужиковъ. Трудно представить себѣ все, что они перенесли и еще перенесутъ. Весь хлѣбъ сгорѣлъ. Если на деньги счесть потерю, то это больше 10-ти тысячъ. Страховыхъ будетъ тысячи двѣ, а остальное надо все заводить нищимъ, и заводить все то, что нужно необходимо только для того, чтобы не помереть съ семьями съ холоду и голоду. Я еще никого не видалъ, кромѣ Филиппа, Митрофана и Маріи Аѳанасьевны.

Пошли Сережу въ банкъ Государственный узнать, какую нужно бумагу или довѣренность, чтобы получить билеты, если они понадобятся. Илья, кажется, провелъ *хорошо* время,—все на охотѣ, и на болотѣ, и на тягѣ. Я спалъ въ спальнѣ, и или мнѣ нездоровилось, или еще немножко сыро. Я всѣ мѣры принимаю, чтобы не было и признаковъ сырости къ твоему пріѣзду: и топлю, и открываю, и увѣренъ, что будетъ совсѣмъ сухо,—если теперь не сухо Погода прекрасная. Цѣлую всѣхъ. Урусовъ пріѣхалъ. Письмо это везетъ Алекс. Петров.[1]) въ Тулу (наша корзинка осталась тамъ) и дастъ знать Урусову. Илья былъ вчера въ Тулѣ.

[1]) Александръ Петровичъ Ивановъ, переписчикъ Л. Н., замѣнявшій меня въ мое отсутствіе или болѣзнь.

172. **Тогда же.**

Сейчасъ ходилъ по погорѣлымъ. И жалко, и страшно, и величественно—эта сила, эта независимость и увѣренность въ свою силу, и спокойствіе. Главная нужда теперь—овесъ на посѣвъ. Скажи Сережѣ брату, если его это не стѣснитъ, не можетъ ли онъ мнѣ дать записку въ Пирогово на 100 четвертей овса. Цѣна пусть будетъ та, самая высокая, за какую онъ продаетъ. Если онъ согласенъ, то пришли эту записку или привези. Даже отвѣть телеграммой, дастъ ли Сережа записку на овесъ, потому что, если онъ не дастъ, надо распорядиться купить. Илья ушелъ на охоту, я не въ духѣ и ходилъ по полямъ. Вечеромъ пойду на тягу. Боюсь я, что ты очень измучаешься укладкой. Я знаю, что очень хлопотно, но все-таки можно себя пожалѣть и не переработать. Цѣлую тебя и всѣхъ.

Л.

Письма изъ Самарскихъ степей, куда Левъ Николаевичъ поѣхалъ пить кумысъ и распутывать хозяйственныя дѣла.

173. **Май.**

Доѣхалъ благополучно до Самары; холодъ и дождь. Я хотѣлъ остаться въ Самарѣ на день—переждать дождь и купить, что нужно; но теперь разгулялось, и я ѣду до Богатова. Я давно не ѣздилъ, и дорога мнѣ показалась скучна, оттого что устаешь и не можешь подвинтить себя. Пиши почаще. Не желай того, чего желаютъ всѣ люди. Тороплюсь еще взять билетъ. Встрѣтилъ Вячеслава. Цѣлую дѣтей и всѣхъ гостей.

Л. Т.

Буду пользоваться всякимъ случаемъ писать и буду телеграфировать.

174. **25 мая, середа.**

Второе утро на хуторѣ. Мнѣ совсѣмъ не весело и не пріятно. Даже уныло и грустно. Видѣлъ тебя во снѣ, и думаю безпрестанно о всѣхъ васъ, но не жалѣю, что пріѣхалъ. Надо развязать ту путаницу, которую я же завелъ здѣсь. Половина жеребятъ прошлогднихъ подохла, а нынѣшнихъ отъ 80 кобылъ—24. Мнѣ къ стыду моему было очень досадно; но потомъ я обрадовался, и очень радъ, что отъ меня отпала эта глупая охота, и я рѣшилъ все уничтожить и распродать. Это какъ пожаръ оранжереи, который освободилъ меня отъ множества досадъ. Давно было пора это сдѣлать. Что мы будемъ получать отъ 4-хъ до 6 тысячъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Отдача будетъ только подъ покосъ и подъ пахоту, съ уплатой денегъ впередъ. Теперь долговъ съ новыхъ—до 10 тысячъ, изъ которыхъ 5 пропали. Пожалуйста, ты этому не досадуй, а радуйся. И такъ ужъ много лишняго. Продажа всего скота, лошадей, строеній и посѣяннаго хлѣба должна принести больше 10 тысячъ (я нарочно уменьшаю цифры), такъ что твое желаніе выкупить домъ можетъ исполниться.

Я въ серьезномъ и не веселомъ, но спокойномъ духѣ, и не могу жить безъ работы. Вчера проболтался день, и стало стыдно и гадко, и нынче занимаюсь. Жизнь Бибикова и Василія Ивановича мнѣ не нравится. Ни то, ни се. Труда физическаго, нужды—нѣтъ. А умственнаго труда тоже нѣтъ. А отношенія съ мужиками, отдача земель, торгованье, питье чая—ужасно тупое, одуряющее и противное занятіе. Нынче цѣлое утро Петръ Андреевичъ (это новый управляющій) въ большой комнатѣ сдаетъ луга и торгуется, и мнѣ невыносимо. Я въ крайней, дѣтской. Не знаю, какъ дальше, но мнѣ теперь непріятно и невольное общеніе съ Бибиковымъ и Василіемъ Ивановичемъ, и мое положеніе хозяина, и обращеніе бѣдныхъ, которыхъ я не могу удовлетворить. Мнѣ хоть и совѣстно, и противно думать и своемъ поганомъ тѣлѣ, но кумысъ, знаю, что мнѣ будетъ полезенъ, главное тѣмъ, что справитъ желудокъ, и потому нервы и расположеніе духа, и я буду способенъ

больше дѣлать, пока живъ, и потому хотѣлось бы попить больше; но боюсь, что не выдержу. Можетъ быть, переѣду на Каралыкъ. Тамъ я буду независимѣе. Сережа что? Здѣсь, ожидая его, я больше безпокоюсь о немъ; какъ онъ пріѣдетъ, я телеграфирую [1]).

Мнѣ интересно было себя примѣрить къ здѣшней жизни. Кажется, я недавно былъ, а ужасно измѣнился,—и хоть ты и находишь, что къ худшему, я знаю, что къ лучшему,—потому что мнѣ покойнѣе, и что мнѣ пріятнѣе быть такимъ человѣкомъ, какой я теперь, чѣмъ какой я былъ прежде.

Дорогой видѣлъ много переселенцевъ,—очень трогательное и величественное зрѣлище. При себѣ и то жутко за всѣхъ васъ, а вдалекѣ стараешься или не думать, или ужъ думать серьезнѣе, а то,—если думать о томъ, что можетъ случиться,—съ ума сойдешь отъ безпокойства. Пожалуйста, пиши мнѣ откровенно, и не въ минуты волненія, а въ спокойную минуту, какъ ты смотришь на мое отсутствіе; мнѣ это нужно знать, чтобъ рѣшить, когда вернуться, а по сердцу хочется сейчасъ вернуться, и буду очень радъ. Во всякомъ случаѣ поѣздка моя ужъ имѣла результатъ, и очень важный—упрощеніе отношеній хозяйственныхъ. Прощай, душенька, цѣлую тебя и дѣтей. Таню и ея дѣтей. И всѣмъ домочадцамъ...

175. **Воскресенье, утро, 29 мая.**

Вчера недѣля, что я уѣхалъ изъ дома. Первые дни, отъ кумыса ли, или такъ, была тоска; теперь веселѣе; но вчера ходилъ далеко, на Каралыкъ, и напился молодого кумыса, и сдѣлался нездоровъ. Нездоровье мое обычное—печень. И я даже радъ. Какъ на водахъ, такъ и на кумысѣ бываетъ, что повторяется обычное нездоровье. А это нездоровье у меня какъ мигрень—послѣ него дѣлаешься здоровѣе. До сихъ поръ замыслы мои—работать—не осуществились. И кумысъ отупляетъ, и хозяйственныхъ хло-

[1]) Сергѣй Львовичъ долженъ былъ пріѣхать въ Самару и рѣшилъ совершить этотъ путь въ лодкѣ по Москвѣ, Окѣ и Волгѣ.

потъ много. Скотъ, лошадей, постройки—все продаю, и раздаю землю въ аренду, раздѣливъ ее на 5 участковъ. За самый дальній, за Бобровскій, даютъ 1 р. 30 к. за казенную десятину—деньги впередъ. Такъ что, по этому расчету, можно всю землю раздать за 8 тысячъ. Продать Бобровскій, давали по 24 рубля—всѣ деньги заплатить. Такъ что цѣна утроилась. Непріятнаго было то, что я досадовалъ на Бибикова за непорядки, особенно въ лошадяхъ; ему передали, и онъ огорчился, и мнѣ было совѣстно. Такъ что мы нѣсколько недовольны другъ другомъ; такъ же и съ Василіемъ Ивановичемъ. Я надѣюсь, что нашъ восточный, Самарскій, вопросъ теперь разрѣшится навсегда. Дѣти же наши, которымъ нужно будетъ имущество, будутъ довольны тѣмъ, что купили и не продали эту землю. Пускай они дѣлаютъ тогда, какъ хотятъ. Тучковъ продалъ свой участокъ за 28 руб. за десятину.

Погода здѣсь прекрасная. Степь зелена и весела. Я хожу помногу, и когда сижу дома, читаю Библію toujours avec un nouveau plaisir. Писемъ я еще не получалъ. Завтра Бибиковъ ѣдетъ въ Самару съ Андреевыми, Богоявленской и Лидіей, чтобъ совершать раздѣльный актъ, и онъ привезетъ, вѣроятно, письма. У Бибикова здѣсь живутъ: Богоявленскій (онъ мнѣ несимпатиченъ совсѣмъ) съ женой, Лидія, Андреевы и князь Оболенскій, 18-тилѣтній малый, огромный кадетъ, кончающій курсъ. Кадетъ этотъ ухаживаетъ за Лидіей, и мнѣ говорятъ, что хочетъ жениться. Можешь ли ты себѣ представить, кто этотъ Оболенскій? Это сынъ кадета Оболенскаго, товарища брата Саши. Еще живетъ медикъ 5-го курса,—Цыганковъ, и еще чета Гурьянъ—оба евреи. Онъ въ Москвѣ на медицинскомъ факультетѣ, она въ Петербургѣ на медицинскихъ курсахъ. Я ихъ всѣхъ мало вижу. Симпатичнѣе всѣхъ—евреи. Петръ Андреевичъ мнѣ нравится. Я думаю, будетъ очень толковый управляющій, если честенъ. И жалко, что его не было прежде.

Василій Никитычъ тутъ теперь, пьетъ чай. Мы съ нимъ надняхъ ходили въ Гавриловку. Послѣ молчанія онъ вдругъ началъ: «А что это Василій Ивановичъ домъ построилъ?» Я ска-

залъ, что я тоже удивляюсь постройкѣ этого большого, прекраснаго дома на чужой землѣ. Онъ сказалъ: «Да, вотъ Василій Ивановичъ человѣкъ умный, кроткій, а... чужимъ разумомъ живетъ».—Да, въ немъ, въ Василіи Ивановичѣ, дѣйствительно глупость большая совершилась.

Живетъ Василій Никитычъ плохо. Я его, можетъ быть, пошлю съ Сухотинскими лошадями и лошадями для Ивана Ивановича.—Мухамедша все такъ же хорошъ собой, изященъ и пріятенъ; такъ же похожъ на ястреба. Лизавета Алекс., кажется, въ ожиданіи. Лиза весела и хлопочетъ. Всѣ они заняты около дома: цыплятами, утятами и гусятами. Жизнь ихъ, кажется, нескладная, но я думаю, что и всякая жизнь кажется такою со стороны.

Теперь начинаю ждать Сережу, и очень буду радъ, когда онъ пріѣдетъ. Что всѣ вы? Что ты? Желаю тебѣ быть столь же спокойною, какъ я. Когда на меня первые дни находила тоска, я не вѣрилъ ей, приписывалъ это ненормальному состоянію здоровья, и точно это такъ. Теперь знаю, что васъ, съ которыми я связанъ, много, и что все случиться можетъ,—но то же и при мнѣ. Главное, страшно и непріятно думать, что я еще не знаю, спокоенъ, а тамъ уже случилось.—Прощай, душенька, цѣлую тебя и всѣхъ нашихъ. Немножко мнѣ противно отпаивать себя кумысомъ, но утѣшаюсь тѣмъ, что какъ сонъ нуженъ для того, чтобы на утро встать свѣжо и работать, такъ и мнѣ, если предстоитъ жизнь и работа, надо выспаться.

176. **2 іюня, четвергъ.**

Послѣднее письмо я писалъ тебѣ въ тотъ день и даже часъ, когда пріѣхалъ Сережа. Они доѣхали до Коломны. Очень довольны своимъ путешествіемъ и въ лодкѣ, и на пароходѣ. Я былъ ужасно радъ пріѣзду Сережи, но, какъ всегда, онъ тотчасъ сталъ со мною строгъ, и его присутствіе дастъ мнѣ спокойствіе, но не дастъ радости. Въ послѣднемъ письмѣ я писалъ тебѣ, что мнѣ нездоровилось; теперь все поправилось. Пью кумысъ съ усердіемъ; но нѣтъ той беззаботности, которая нужна. Все хозяйствен-

ныя хлопоты. Съ утра до вечера осаждаютъ мужики, и я стараюсь сладить ихъ. Всѣмъ хочется снять землю. И если бы выжимать все, что можно, то можно бы сдать участокъ очень дорого. И теперь, надѣюсь, что ты будешь довольна. Не пишу подробно потому, что еще не все кончено, но во всякомъ случаѣ получится больше, чѣмъ ты ожидала.—Представь себѣ мое отчаяніе. Бибиковъ ѣздилъ въ Самару, я далъ ему письмо, и такъ былъ увѣренъ въ томъ, что онъ знаетъ, что письма мы получаемъ въ Самарѣ, что ничего не сказалъ ему. И онъ былъ на почтѣ и не спросилъ мнѣ письма. И я до сихъ поръ ничего про тебя не знаю. А меня особенно мучаетъ это этотъ разъ. Я такъ вдругъ скоро уѣхалъ. Какъ будто что-то не договорено, и какъ будто что-то холодно мы простились. Думаю о тебѣ безпрестанно.

Живется здѣсь хорошо и спокойно, коли бы не безпокойство о тебѣ. Одуряюсь понемногу кумысомъ и освѣжаюсь. Всѣ свои планы работъ помню, такъ же люблю, но какъ будто сплю.—Съ Бибиковымъ мы объяснились, оба поплакали и поцѣловались. Съ Вас. Иван-мъ тоже попрежнему, но я ждалъ бо́льшаго отъ ихъ жизни.—Лошадей теперь я думаю головъ 40 съ жеребятами—лучшихъ, т.-е. самыхъ интересныхъ по породѣ—привести къ намъ и размѣстить часть въ Ясной, часть въ Никольскомъ. Изъ этого можно видѣть, что я окумысился.

Здѣсь все дожди, съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхалъ. Нынче ѣздилъ съ Вас. Иван-мъ въ Патровку и Гавриловку по дѣлу сдачи земли и долго бесѣдовалъ съ молоканами, разумѣется, о христіанскомъ законѣ. Пускай доносятъ. Я избѣгаю сношеній съ ними, но, сойдясь, не могу не говорить того, что думаю.—Петръ Андреевичъ, который мнѣ сначала понравился, теперь оказывается знакомымъ мнѣ типомъ управляющихъ плачущихся, и я радъ, что прекращаю хозяйство. Держусь твоего правила: не писать I ћоре..., а хочется. Хочется знать все, что происходитъ у васъ, въ вашей сложной и бурной, въ сравненіи съ нашей, жизни. Сижу и пишу въ своей комнатѣ, и слышу: въ большой комнатѣ Сережа, Иванъ Мих. и Петръ Андр. съ женой ужинаютъ

и тихо разговариваютъ. Я огорчалъ жену Петра Андр-ча тѣмъ, что не ѣлъ приготовленные ею обѣды; теперь Сережа и Иванъ Мих. ѣдятъ. Я питаюсь кумысомъ и чаемъ. Вчера пріѣхалъ къ Мухамедшѣ еще кумысникъ, студентъ Казанскаго университета, съ сестрой.—Письмо это я посылаю съ нарочнымъ, главное, чтобы получить твое письмо. Ты можешь видѣть степень моего безпокойства по этому. Обнимаю тебя, душенька, цѣлую всѣхъ.

177. 8 іюня, вечеръ.

Очень я о тебѣ соскучился, милый другъ. И болѣзнь дѣтей, и неизвѣстность о нихъ очень тревожатъ меня. Я получилъ твои три письма въ одинъ и тотъ же день: 2 изъ Самары, куда я посылалъ, и одно изъ Патровки. Всѣ дошли вò-время. Теперь прошло болѣе недѣли (нынче среда, а я писалъ въ четвергъ), что я не писалъ тебѣ, и мнѣ скучно. Напишу про себя: пью кумысъ усердно, хотя не совсѣмъ охотно, и знаю, и чувствую, что мнѣ полезно, но противно заботиться о своемъ тѣлѣ, и скучно. Только шукни мнѣ, и я сейчасъ пріѣду. Скучно безъ работы; кумысъ мѣшаетъ и физическому труду, и еще больше умственному.—Послѣднюю недѣлю я все возился съ мужиками, а теперь эти послѣдніе дни—другое. Кромѣ всѣхъ жителей, тутъ наѣхали еще гости къ Бибикову: два человѣка, бывшіе въ процессѣ 193-хъ, и вотъ послѣдніе дни я подолгу съ ними бесѣдую. Я знаю, что имъ этого хочется, и думаю, что не имѣю права удаляться отъ нихъ. Можетъ быть, имъ полезно. А мнѣ тяжелы эти разговоры. Это—люди, подобные Бибикову и Василію Ивановичу, но моложе. Одинъ особенно, крестьянинъ (крѣпостной бывшій) Лазаревъ, очень интересенъ. Образованъ, уменъ, искрененъ, горячъ и совсѣмъ мужикъ—и говоромъ, и привычкой работать. Онъ живетъ съ двумя братьями, мужиками, пашетъ и жнетъ, и работаетъ на общей мельницѣ. Разоворы, разумѣется, вѣчно одни—о насиліи. Имъ хочется отстоять право насилія, я показываю имъ, что это безнравственно и глупо. Они

всѣ эти дни ходятъ табуномъ то къ Бибикову, то къ Василію Ивановичу. Я удаляюсь отъ нихъ, но два раза подолгу бесѣдовали. Всѣхъ здѣсь людей 21 человѣкъ, а именно: Петръ Андр. съ женой, Вас. Иван. съ женой, Алекс. Алекс. съ женой, Богоявленскій съ женой, Оболенскій съ Лидіей (эти очень противны), Гурьянъ (еврей) съ женой, казанскій медикъ съ сестрой,— это какая-то вятская кумушка (купчиха, мѣщанка), въ дружбѣ съ женой Петра Андреича, о цыплятахъ и чаѣ разговариваютъ,—я съ Сережей, Иванъ Мих. съ медикомъ московскимъ— Цыганковымъ, два гостя изъ Самары и Лиза. Итого 21 человѣкъ. Гости завтра, кажется, уѣзжаютъ. Сережа, кажется, не скучаетъ и держитъ себя очень хорошо: просто, добродушно; школьничаетъ съ Богоявленскимъ, борется. Иванъ Мих. немножко съ рефронтомъ, и я тоже немножко, т.-е. мало вижу ихъ и предпочитаю уйти въ степь.

Ахъ, ахъ, ахъ! только бы у тебя наши коклюшные благополучно откашляли, и ты не слишкомъ бы измучилась и не заболѣла. А то теперь ужъ не далеко,—половина прошла. А если живы будемъ, то я вернусь къ тебѣ ближе къ тебѣ, чѣмъ когда я уѣхалъ. Мнѣ тутъ скучно и пусто, и не хорошо безъ тебя и безъ работы—оба эти [1]) нужны мнѣ для жизни. Я утѣшаюсь тѣмъ, что я сплю эти 5 недѣль, и, выспавшись, буду лучше и съ тобой жить, и работать.

Ай, бѣдная Таня сестра, пожалѣй ее отъ меня. Хорошо, что дѣти ея здоровы, и черезъ недѣлю пріѣдетъ къ ней мужъ. Что Илья? Занимается ли? Дурно, коли нѣтъ. А Таня не рисуетъ? А я ей хочу лошадь привесть, не красивую, но очень пріятную. Хорошо ли идутъ дѣла у друзей: Альсида и Лёли, и довольна ли ими M-me Seuron [2])? И всѣ фрейнды (friends).

---

[1]) Вѣроятно, случайный пропускъ слова.

[2]) Француженка, гувернантка, жила у насъ нѣсколько лѣтъ. Сынъ ея, Alcide, воспитанникъ Лазаревскаго института, свои вакаціи проводилъ у насъ.

Письмо M-me Adam [1]) мнѣ пріятно тѣмъ, что я напечатаю у нея новое, а старое пошли. Про Метелицыну вчера Лазаревъ разсказывалъ очень дурное, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ ты думаешь, въ томъ, что она шальная и въ обращеніи съ людьми нехорошая. Ну, да Богъ съ ней! На дорогѣ между мной и тобой никакія ни Метелицыны, ни Вѣнниковы стать не могутъ. И вотъ, какъ разлучишься, видишь, какъ мы близки и нужны.—Я даже еврейскаго здѣсь читать не могу,—такъ я лѣнивъ. Непріятнаго ничего нѣтъ, ни въ какомъ отношеніи, ни съ Бибиковымъ, ни съ Василіемъ Ивановичемъ и другими; ни съ мужиками, ни съ Сережей. Цѣлую всѣхъ нашихъ и тебя. Прощай, душенька.

178. **Воскресенье, 12 іюня.**

Нынче пошла 4-я недѣля моего изгнанія (добровольнаго). Скучно, хочется скорѣе быть вмѣстѣ; но намъ здѣсь хорошо: спокойно, здорово и нѣтъ ничего дурного; дай Богъ, чтобы и у тебя такъ же было. Послѣ 3-хъ писемъ еще не имѣлъ отъ тебя, остановился на томъ, что ты съ Альсидомъ поѣхала въ Тулу. Больше всего безпокоюсь за тебя и Алешу. Черезъ два дня получу извѣстіе. Бибиковъ ѣдетъ въ Самару, и я пишу съ нимъ. Послѣднее мое письмо было въ четвергъ. Гости уѣхали, и хотя они были очень интересны и хороши,—я радъ. Со вчерашняго дня началъ мѣрить съ мужиками землю. Даю имъ. Работу эту можно было сдать землемѣру и заплатить 300 рублей. Я хочу сдѣлать самъ. Вчера сдѣлалъ первый опытъ, и очень хорошо. Я, Иванъ Михайл., Василій Иван. и человѣкъ 8 мужиковъ цѣлый день ходили по степи, мѣрили, вычисляли и примѣчали. Было жарко и устали; но было очень пріятно, и дѣло пошло хорошо.

Послѣднее время пребыванія, если буду живъ, посвящу этому. Сережа вчера случайно не пошелъ съ нами. Онъ, вѣроятно, будетъ ходить. Погода у насъ жаркая, мухъ бездна, но дожди ча-

[1]) Издательница журнала „Nouvelle Revue“.

стые, и хлѣба обѣщаютъ быть чудесные. Я дичаю все больше и больше; не только не пишу, но ничего не читаю, чулокъ не надѣваю, ни рубашки. Каждый день мы съ постели идемъ купаться. Если жаловаться мнѣ на что, то на сонъ. Долго не засыпаю и встаю поздно. Съ твоимъ предложеніемъ, чтобы мнѣ вернуться 1-го іюля, я совершенно согласенъ, и такъ и считаю дни. Ужасно тянетъ домой, къ тебѣ и къ работѣ; но все думается, что 5 недѣль кумыса совсѣмъ освободятъ меня отъ гемороидальнаго состоянія, того, съ которымъ такъ трудно бороться, потому что оно дѣйствуетъ на душу.

Кузминскій вѣрно уже пріѣхалъ. Кланяйся ему и Урусову. Нашихъ цѣлую. Рука останавливается писать про нашихъ. Что, какъ что-нибудь неблагополучно и ты одна. Жертвую еще 75 коп., чтобы телеграммой извѣстить тебя, и еще 75, чтобъ самому узнать. Прощай, душенька, обнимаю тебя. Какъ-то прервалось письмо, а выдумывать не хочу, чѣмъ наполнить.

179. **15 іюня.**

Вчера ночью получилъ я твою телеграмму отвѣтную и три письма. Послѣднее отъ 7-го іюня. Я уже засыпалъ, Иванъ Мих. еще гулялъ, услыхалъ возвращающагося Алексѣя Алексѣевича, взялъ письма и телеграмму и принесъ ко мнѣ. Въ тотъ же вечеръ меня уже напугали телеграммой изъ Богатова. Это была телеграмма отъ Громова. Онъ спрашиваетъ адресъ, гдѣ сворачивать съ желѣзной дороги. Я пишу къ тому, что по моему страху, который я испыталъ, распечатывая телеграмму, я узналъ, какъ сильна моя любовь къ тебѣ и дѣтямъ. И вотъ я получилъ радостную телеграмму, что всѣ здоровы и веселы, и твое письмо отъ 7-го іюня, послѣднее, и чѣмъ дольше я читалъ, тѣмъ большимъ холодомъ меня обдавало. Хотѣлъ послать тебѣ это письмо, да тебѣ будетъ досадно [1]). Ничего особеннаго нѣтъ въ письмѣ, но я не

[1]) Мнѣ было досадно, что Л. Н. долго не возвращался, я была измучена коклюшемъ дѣтей, написала сначала ласковое письмо, но разорвала

спалъ всю ночь, и мнѣ стало ужасно грустно и тяжело. Я такъ тебя любилъ, и ты такъ напомнила мнѣ все то, чѣмъ ты старательно убиваешь мою любовь. Я писалъ тебѣ, что я слишкомъ холодно и поспѣшно простился съ тобой; на это ты пишешь, что ты стараешься жить такъ, чтобы я тебѣ былъ не нуженъ, и что очень успѣшно достигаешь этого. Обо мнѣ и о томъ, что составляетъ мою жизнь, ты пишешь, какъ про слабость, отъ которой ты надѣешься, что я исправлюсь посредствомъ кумыса. О предстоящемъ нашемъ свиданіи, которое для меня радостная, свѣтлая точка впереди, о которой я стараюсь не думать, чтобы не ускакать сейчасъ, ты пишешь, предвидя съ моей стороны упреки и непріятности. О себѣ ты пишешь такъ, что ты такъ спокойна и довольна, что мнѣ только остается не нарушать этого довольства и спокойствія своимъ присутствіемъ. О Василіи Ивановичѣ, жалкомъ, добромъ и совершенно для меня неинтересномъ, пишешь, какъ о какомъ-то врагѣ и разлучникѣ. Я такъ живо вспомнилъ эти твои настроенія, столько измучившія меня, про которыя я совсѣмъ забылъ; и я такъ просто и ясно люблю тебя, что мнѣ стало больно. Ахъ, если бы не находили на тебя эти дикія минуты, я не могу представить себѣ, до какой степени дошла бы моя любовь къ тебѣ! Должно быть, такъ надо. Но если бы можно было избѣгать этого, какъ хорошо бы было!

Я утѣшаюсь, что это было дурное настроеніе, которое давно прошло, и теперь, высказавъ, стряхнулъ съ себя. Но все-таки далеко до того чувства, которое имѣлъ къ тебѣ до послѣдняго письма. Да, то было слишкомъ сильно. Ну, будетъ; прости меня, если я тебѣ сдѣлалъ больно; вѣдь ты знаешь, что нельзя лгать между нами.

и написала полное горечи. Между прочимъ: „Никогда уже я не буду удерживать тебя при себѣ, какъ я имѣла неосторожность, любя тебя, это дѣлать прежде. Свобода обоюдная—вотъ и счастье по-новому. Ни упрековъ тогда, ни ссоръ, но зато и ни той тѣсной связи, которая тянетъ за сердце... Я срока возвращенія не назначаю; я прошу дѣлать по своему чувству и здоровью. Господи! только бы не быть опять виноватой!..“

Сережа ѣдетъ 21-го съ Иваномъ Михайловичемъ, а я, вѣроятно, 28-го. Я здоровъ, много работаю въ полѣ, землю мѣряю каждый день, и очень хорошо. Пью кумысъ и чувствую себя хорошо, т.-е. теперь уже очень освѣженнымъ. У насъ дней 5 были ужасные холода, я дрожу за васъ и за коклюшныхъ. У насъ живется хорошо; если бы у меня не было работы въ полѣ, то было бы ужасно скучно, что и требуется доказать.

Боюсь за это письмо, какъ бы оно не огорчило тебя. По себѣ знаешь, когда любишь (это я про себя говорю), то такъ натянуто сердце въ разлукѣ, что каждое неловкое, грубое прикосновеніе отзывается очень больно. Обнимаю тебя, душенька, цѣлую дѣтей. Хочешь, не хочешь—признаться, радостнѣе всего вспоминаю о Мишѣ.

180.

Понедѣльникъ, вечеръ, 20 іюня.

Сережа завтра ѣдетъ и свезетъ это письмо въ Самару. Самъ онъ ѣдетъ на пароходѣ съ четой Богоявленскихъ и съ Иваномъ Михайловичемъ. Послѣднее письмо мое къ тебѣ у меня на сердцѣ. Можетъ быть, я былъ въ дурномъ расположеніи духа, когда писалъ. Во всякомъ случаѣ не сердись на меня и не скучай, если только у тебя все хорошо. Совсѣмъ хорошо съ такой большой семьей быть не можетъ всегда, но если нѣтъ особенно дурного. Послѣднее письмо твое успокоило меня насчетъ коклюша. Но справедливо ли? Я все время былъ очень здоровъ; но вчера разстроился желудокъ, и сегодня опять поправился безъ всякихъ лѣкарствъ.

Скучно мнѣ безъ тебя и всѣхъ нашихъ—мочи нѣтъ! Но, потративъ ужъ столько времени, надо кончить, и потому пробуду всѣ 5 недѣль, т.-е. выѣду, если буду живъ, во вторникъ, т.-е. 28-го, если не ошибаюсь. Сокращаетъ мнѣ здѣсь время работа землемѣрства и хозяйство. И какъ разъ къ этому же времени и дѣла всѣ кончу. Работа землемѣрства немного отрывала меня отъ правильнаго питья кумыса, и ужъ очень изжегся на солнцѣ, такъ что весь лупліюсь; но эту послѣднюю недѣлю хочу себя беречь.

Несмотря на скуку, впечатлѣній я получилъ пропасть; но именно впечатлѣній, а не мыслей. Мыслей нѣтъ. И не скажу, чтобы безъ нихъ было хорошо. Чувствуешь себя глупымъ и дряннымъ. Желаешь себѣ всего получше и боишься смерти и болѣзней. А это все дурно.

Письмо это ты навѣрное получишь незадолго до моего пріѣзда и вмѣстѣ съ Сережей. Онъ хоть плохой разсказчикъ, все-таки разскажетъ все про меня и нашихъ жителей, которые, я знаю, тебя тревожатъ—напрасно. Народъ все добрый, но для меня—совсѣмъ неинтересный. Все ихъ міросозерцаніе мнѣ давно знакомо.

Хотѣлъ я съ Сережей послать въ Москву деньги, чтобы заплатить проценты за домъ. Да не помню срокъ, количество и боюсь ему поручить. Денегъ я привезу, вѣроятно, 1000 рублей съ собою. Тогда пошлемъ.

Посылаю съ Сережей человѣка до Самары, чтобъ онъ привезъ мнѣ твои письма, и съ большимъ волненіемъ буду ждать ихъ въ четвергъ. Лошадей Сухотину и своихъ нѣсколько все не успѣваю отправить. Должно быть, отправлю на этой недѣлѣ. Прощай, душенька, слишкомъ много хочется сказать, отъ этого не пишу. Цѣлую всѣхъ. Напишу еще по полученіи твоихъ. Обнимаю тебя.

Письма изъ Ясной Поляны, гдѣ Левъ Николаевичъ остался одинъ послѣ переѣзда семьи въ Москву.

181. **Конецъ сентября.**

Сижу второй день въ совершенномъ одиночествѣ, и мнѣ хорошо. Ходилъ за вальдшнепами, ихъ много; убилъ двухъ. Занимался, но плохо. Надѣюсь кончить здѣсь эту послѣднюю главу, такъ, чтобы быть удовлетвореннымъ. Это не письмо, а записка, чтобъ ты знала, что я живъ, здоровъ, а то я напишу тебѣ письмо, хоть не то, которое обѣщалъ, а письмо. Прощай, милый другъ, цѣлую тебя и дѣтей.

182. **Четвергъ, 29 сентября.**

Сегодня пріѣхалъ изъ Крапивны. Я ѣздилъ туда по вызову въ присяжные. Я пріѣхалъ въ 3-мъ часу. Засѣданіе ужъ началось, и на меня наложили штрафъ въ 100 рублей. Когда меня вызвали, я сказалъ, что не могу быть присяжнымъ. Спросили: «Почему?» Я сказалъ: «По моимъ религіознымъ убѣжденіямъ». Потомъ въ другой разъ спросили, рѣшительно ли я отказываюсь. Я сказалъ, что никакъ не могу, и ушелъ. Все было очень дружелюбно. Нынче, вѣроятно, наложатъ еще двѣсти рублей, и не знаю, кончится ли все этимъ. Я думаю, что да. Въ томъ, что я именно *не могъ* поступить иначе, я увѣренъ, что ты не сомнѣваешься. Но, пожалуйста, не сердись на меня за то, что я не сказалъ тебѣ, что я былъ назначенъ присяжнымъ. Я бы тебѣ сказалъ, если бъ ты спросила или пришлось; но нарочно говорить тебѣ мнѣ не хотѣлось. Ты бы волновалась, меня бы встревожила; а я и такъ тревожился и всѣми силами себя успокаивалъ. Остаться или вернуться въ Ясную я и такъ хотѣлъ, а тутъ и эта причина была. Такъ ты, пожалуйста, не сердись. Мнѣ можно было совсѣмъ не ѣхать. Тогда были бы тѣ же штрафы, а въ слѣдующій разъ опять меня бы требовали. Но теперь я сказалъ разъ навсегда, что я не могу быть. Сказалъ я самымъ мягкимъ образомъ, и даже такими выраженіями, что никто, мужики—не поняли. Изъ судейскихъ я никого не видалъ. Переночевалъ въ Крапивнѣ. Все читалъ Тургенева и нынче въ 9 часовъ выѣхалъ. День ясный, жаркій, чудо какъ хорошо. Въ 12 пріѣхалъ, и такъ какъ ничего не готово было, то ушелъ за вальдшнепами, и вотъ проходилъ до 5 часовъ и сейчасъ пришелъ и тебѣ пишу.

Корректуръ я своихъ еще не получалъ и только одинъ день позанялся и не кончилъ заключенія[1]). А оно очень мнѣ кажется важно, и я всѣ дни о немъ думаю. Завтра займусь, если пойдетъ дѣло, а нѣтъ—пойду съ собаками. До сихъ поръ не рѣшилъ,

[1]) Въ это время дописывалось „Въ чемъ моя вѣра“.

когда уѣду. Хочется кончить. Если бы день или два хорошей работы, то сейчасъ бы пріѣхалъ, потому что безъ васъ и скучно, и за всѣхъ жутко. Досадно, что пишу и думаю не объ одной тебѣ, а о тебѣ и дѣтяхъ, представляя себѣ, что они будутъ читать письма, и потому не пишешь все, что хочешь. Все-таки пишу на той страницѣ.—Тебя особенно хочется видѣть. Это послѣднее время—не могу сказать, какое,—оно все шло, увеличиваясь,—ты мнѣ стала особенно дорога и интересна, и дорога со всѣхъ сторонъ. Мнѣ кажется, что между нами установилась новая связь, и ужасно боюсь, чтобы не оборвалась. Какъ ни прекрасно здѣсь, я скоро пріѣду. Писемъ не получалъ, потому что не посылалъ въ Тулу. Завтра пошлю. Прощай, душенька. Цѣлую тебя и дѣтей. M-me Seuron поклонъ. Я теперь очень усталъ и отощалъ. Пишу до обѣда. А я тебѣ напишу письмо.

183.

Пятница, вечеръ, 30 сентября.

Сейчасъ получилъ съ Козловки твои два письма и телеграмму,—прекрасныя два письма. По обоимъ я вижу, что ты въ томъ хорошемъ, любимомъ мною духѣ, въ которомъ я тебя оставилъ и въ которомъ ты, съ маленькими перерывами, ужъ давно.—Письмо это читай одна. Никогда такъ, какъ теперь, не думалъ о тебѣ, такъ много, хорошо и совершенно чисто. Со всѣхъ сторонъ ты мнѣ мила.

О Тургеневѣ все думаю и ужасно люблю его, жалѣю и все читаю. Я все съ нимъ живу. Непремѣнно или буду читать, или напишу и дамъ прочесть о немъ. Скажи такъ Юрьеву [1]). Но лучше 15-го. О корректурахъ я просилъ фактора и Лаврова посылать ихъ мнѣ въ Ясенки. Во всякомъ случаѣ пошли мнѣ въ Ясенки.

---

[1]) Серг. Андр. Юрьевъ устраивалъ въ память Тургенева засѣданіе и предложилъ Льву Ник. прочесть что-нибудь о Тургеневѣ. Левъ Ник. согласился, а власти московскія запретили.

Мнѣ здѣсь очень, очень хорошо. На бумагѣ я ничего не написалъ, но много хорошо обдумалъ и жду перваго хорошаго рабочаго дня. Не совсѣмъ здоровилось, желудокъ не ладенъ. Нынче я позанялся немного, вижу—не идетъ, и поѣхалъ съ Титомъ съ собаками—затравили лисицу прекрасную и русака. Совѣстно мнѣ очень передъ тобой, что тебѣ скверно, суетно, хлопотно, а мнѣ такъ прекрасно; но утѣшаюсь тѣмъ, что это нужно для моего дѣла. То, что въ Москвѣ, съ возбужденными нервами, казалось хорошо, здѣсь совсѣмъ передѣлывается и становится такъ ясно, что я радуюсь. Насчетъ житья мнѣ здѣсь превосходно. Мнѣ недостаетъ, разумѣется, и очень, тебя и дѣтей, но тишина и одиночество мнѣ, какъ ванна.

Останусь ли я здѣсь еще недѣлю, это я рѣшу по твоимъ письмамъ. Только не думай, что мнѣ очень хотѣлось остаться. И съ вами быть хорошо, и здѣсь хорошо, и ни то, ни другое не перевѣшиваетъ. Такъ что тронь мизинцемъ, и перевѣсится, куда хочешь, и я всѣмъ буду доволенъ. Несмотря на желудочную неладность, я въ хорошемъ духѣ, и всѣхъ люблю, и тебя прежде всѣхъ.—Сейчасъ читалъ Тургеневское «Довольно». Прочти, что за прелесть! Цѣлую тебя и дѣтей. M-me Seuron поклонъ. Жалче всего мнѣ тебя за Костеньку. Не сиди съ нимъ.

184. **Суббота, вечеръ, 1 октября.**

Посылаю это письмо на Козловку, въ надеждѣ получить твое. Вчера очень долго не могъ заснуть—читалъ Тургенева. Утромъ проѣхалъ Вороного и сѣлъ за работу. Писалъ много, но, кажется, не хорошо. Въ 3 часа пошелъ съ ружьемъ, убилъ вальдшнепа. Теперь 4. И въ лѣсу меня нашелъ Урусовъ. Мы съ нимъ обѣдали. Пришла Агаѳья Михайловна, болтала и сейчасъ ушла. И вотъ я пишу. Мнѣ все такъ же хорошо. Урусовъ немножко помѣшалъ. Жду твоего письма, чтобы рѣшить: ѣхать ли или еще пожить.

Пріѣзжалъ нынче Головинъ сообщить о продажѣ Бабурина; но я не принялъ его и просилъ пріѣхать завтра. Завтра, если

будетъ работаться, то направлю его съ Урусовымъ за вальдшнепами—ихъ много, а если нѣтъ, то поѣду съ нимъ съ собаками. Прощай, душенька, на нынче. Цѣлую тебя и дѣтей.

185.

Воскресенье, 12 час. ночи, 2 октября.

Сейчасъ уѣхалъ Урусовъ, и я не успѣлъ написать тебѣ. Главное, оттого, что очень усталъ. Съ утра занялся, потомъ пошелъ съ нимъ за вальдшнепами; исходили ужасно много и ничего не убили. Но усталъ я такъ, что послѣ обѣда заснулъ. Нынче получилъ гору корректуръ изъ Ясенковъ. Постараюсь ихъ поправить, а не испортить. Твое замѣчаніе огорчило меня. Вчера получилъ твое третье письмо—нехорошее. Не дурное, но нехорошее тѣмъ, что ты, видно, встревожена. Какъ-то теперь? О судейскихъ дѣлахъ ничего не знаю. Объ отъѣздѣ моемъ рѣшаю условно—все будетъ зависѣть отъ твоихъ писемъ—думаю, что поѣду въ четвергъ. Изъ типографіи просятъ скорѣе поправить, а то у нихъ нѣтъ шрифта. Въ три дня надѣюсь кончить. Только бы быть здоровымъ. А нынче я чувствую себя лучше всѣхъ дней и надѣюсь, что такъ продолжится. Что ты? Да этого я не узнаю, пока не пріѣду. И потому хочется пріѣхать поскорѣе. Прощай, цѣлую тебя и дѣтей.

186. Понедѣльникъ, 3 октября.

Нынче утромъ получилъ твое очень хорошее письмо. Одно ужасно грустно—это Костенька. Пожалуйста, не разсердись на него и не обидь. Я какъ пріѣду, постараюсь дружелюбно отдѣлаться отъ него. Вчера провелъ весь день съ Урусовымъ. Въ 11 часовъ его отвезли въ Тулу. У нихъ въ семействѣ удивительное событіе: его племянница, дочь сестры и вице-губернатора Рекъ, выходитъ замужъ за сельскаго учителя, сына крестьянина.

Получилъ корректуры и нынче, какъ ожидалъ, прекрасно работалъ,—сдѣлалъ почти половину. Въ 4-мъ часу пошелъ въ За-

казъ и убилъ вальдшнепа (итого 6). Изъ Тулы привезли письмо Тани къ тебѣ. Тамъ ничего нѣтъ, чего бы ты не знала. Дѣвочки уже въ классы ходятъ, и у Тани гриппъ. Еще проситъ сапоги и атласъ. Я найду и привезу. Еще письмо отъ Маши Свербеевой. Митѣ лучше. И проситъ увѣдомить о цѣнѣ самоваровъ порознь.—Погода морозная, здоровая и незаманчивая къ охотѣ, и я надѣюсь, что поработается эти два дня, какъ нынче. Буду очень счастливъ кончить. Узналъ, что послѣ перваго штрафа въ 100 рублей новаго не накладывали.

То, что ты пишешь о дѣтяхъ, особенно о Танѣ, меня очень радуетъ. Цѣлую тебя и ихъ. Есть еще письма Кузминскихъ дѣвочекъ къ Машѣ и Миши къ Андрюшѣ—это я привезу.

187.

Вторникъ, 9 часовъ, 4 октября.

Нынче получилъ твое грустное письмо. Нездоровье твое—спинная боль—меня очень огорчаетъ. Впрочемъ, тебя не разберешь по письмамъ. Когда я съ тобою, то я все знаю. До сихъ поръ сбывается то, что я желалъ: второй день помногу работаю, и если завтра такъ же, то кончу корректуры и послѣзавтра буду съ вами. Если бы я не рѣшилъ ѣхать въ четвергъ, я бы по твоему письму поѣхалъ. Ты хоть и не хотѣла мизинцемъ тронуть, а потянула обѣими руками. Тебѣ досадно на меня за то, что мнѣ хорошо одному. И мнѣ жалко, что тебѣ не хорошо, но не совѣстно. Жизнь моя, какъ заведенные часы. Проснусь въ 9, пойду въ Заказъ, вернусь, напьюсь кофею, сяду за работу часовъ въ 11 и сижу до половины 4-го, и опять пойду въ Заказъ до обѣда. Обѣдаю, читаю Тургенева. Приходитъ Агаѳья Михайловна, пью чай, пишу тебѣ, погуляю при лунномъ свѣтѣ и ложусь спать. И это самое дурное время. Долго не могу заснуть.—Что-то будетъ въ завтрашнемъ письмѣ? Прощай, душенька, ты на меня не сердись, какъ въ послѣднемъ письмѣ. Цѣлую дѣтей.

Письма изъ Ясной Поляны, черезъ мѣсяцъ послѣ предыдущихъ.

188. **Ноябрь.**

Пишу вечеромъ отъ князя. Вчера пріѣхалъ въ 2 часа. Легли въ 3. Прекрасно выспался. Князь пошелъ въ правленіе [1]), а я немного занялся. Потомъ пошли гулять и къ Лопухинымъ. Лопухина узнала, что я здѣсь, писала записку, прося придти къ ней обѣдать. Я отказался, но зашелъ. Это Васильчикова, ея кузина, ее настроила, чтобъ со мной познакомиться. Я зашелъ, и ничего не нашелъ, кромѣ казеннаго, пустого. Здѣсь черезъ князя получилъ письмо отъ одной Смирновой и маркиза St. Ives—парижскаго. Очень интересно. Онъ членъ общества вѣчнаго мира и пишетъ книгу противъ войны и революціи: «La mission des Souverains», и, кажется, это настоящій. Съ утра я черезъ Михайлу далъ знать въ Ясную, и лошади пріѣхали. Князь меня старательно угостилъ обѣдомъ, и я сейчасъ ѣду. Пороши и чернотропа, кажется, не будетъ; но я не тужу. Хотѣлось бы все кончить въ Ясной. Что ты? Пиши, пожалуйста, каждый день. Я буду тоже. Цѣлую тебя и дѣтей.

189.

Тогда же. Четвергъ, 10 час. вечера.

Спалъ дурно, было холодно и нездоровилось. Но нынче все наладилось. Натопилъ въ кабинетѣ, замазалъ окна, и тепло, и хорошо. И теперь вечеръ, чувствую себя прекрасно. Нынче получилъ письма изъ Ясенковъ, интересныя—отъ Sandoz и еще отъ одного француза. Ходилъ смотрѣть лошадей. Очень хороши, но я боюсь, что будутъ непріятности, хлопоты изъ-за нихъ, и постараюсь ихъ продать.

Сѣно онѣ съѣдятъ, а доходъ отъ нихъ еще когда будетъ! Филиппа не было дома. Онъ возилъ своего Михайлу въ солдаты. Слава Богу, не взяли, онъ остается льготнымъ. Николай Михай-

[1]) Князь Л. Д. Урусовъ былъ вице-губернаторомъ въ Тулѣ.

ловичъ тоже возилъ, и тоже не взяли. У конюшни встрѣтилъ мужика съ бабой. Мужикъ пріѣхалъ къ тебѣ издалека, изъ-за Засѣки, лѣчиться, и ужасно горевали, что тебя нѣтъ. Онъ говорилъ, что онъ знаетъ одного мужика, котораго все лѣчили, и никто не вылѣчилъ, а ты вылѣчила. Мнѣ лестно даже было.—Потомъ пріѣхала ко мнѣ баба,—брюхата на сносѣ, и 4 дѣтей маленькихъ, старуха-свекровь и молодайка, деверняя невѣстка. Было два мужика; и въ одну недѣлю посадили ея мужа въ острогъ за драку, отъ которой произошла смерть, а деверя отдали въ солдаты, и осталась одна. Написалъ Давыдову письмо, нельзя ли хоть выпустить на поруки. Потомъ сѣлъ заниматься, но сдѣлалъ очень мало. Митрофанъ сказалъ мнѣ, что Сережа будетъ обѣдать у Бибикова. Я пошелъ въ Телятники, но Сережа уѣхалъ въ Москву. Вернулся, пообѣдалъ. Агаѳья Михайловна сидитъ, и Дмитрій Ѳедоровичъ переписываетъ. Комната нагрѣлась, а кромѣ того топлю мальчикову со сводами. Если нагрѣется, то завтра перейду туда. Я забылъ дома «Une Vie». Читайте ее покамѣстъ и спрячьте.

Портретъ твой карандашомъ, кажется, плохъ, а я какъ взгляну на него, такъ ужасно живо вспоминаю, и что-то жалкое есть въ немъ, и что-то такое же показалось мнѣ при прощаньи съ тобой. И это меня очень трогаетъ. Душенька! зачѣмъ ты несчастлива! Мнѣ такъ видно, какъ ты можешь и должна быть счастлива, и какъ ты своей révolte противъ всего сама себя мучаешь. Неужели нельзя смириться? Какъ бы хорошо тебѣ и вокругъ тебя всѣмъ было. Я пишу это и представляю, какъ ты можешь разсердиться за это. Не сердись, голубчикъ; взглядывая на этотъ портретъ, я знаю, какъ я тебя люблю и какъ ты нужна мнѣ. Цѣлую тебя и дѣтей. M-me Seuron поклонъ.

190. **Того же времени.**

Моя судьба быть въ Ясной въ дурномъ расположеніи духа и неспособнымъ работать. Такъ и теперь. Не могу докончить начатаго. У меня тепло, хорошо, удобно, пища привычная. Нынче получилъ твое письмо и надѣюсь получить завтра.

Представь себѣ, поручица [1]) умерла. Я нынче, гуляя, зашелъ къ Францу Ивановичу, и онъ мнѣ разсказалъ: она поѣхала въ Тулу; въ номерахъ, рядомъ съ ней, стоялъ знакомый. Онъ провелъ вечеръ у нея. Утромъ она не выходитъ до вечера; выломали дверь. Она лежитъ въ постели, въ самой покойной позѣ—мертвая, разрывъ сердца.

Я читаю Stendhal'я и Энгельгардта [2]). Энгельгардтъ—прелесть. Это нельзя достаточно читать и хвалить; контрастъ нашей жизни и настоящей жизни мужиковъ, про который мы такъ старательно забываемъ. Для меня это одна изъ тѣхъ книгъ, которая освобождаетъ меня отчасти отъ того, что я чувствую себя обязаннымъ сдѣлать. Но онъ сдѣлалъ, и никто не читаетъ. Или читаютъ и говорятъ: «да что, онъ соціалистъ!» А онъ и не думаетъ быть соціалистомъ, а говоритъ, что есть.

Нынче получилъ отъ Давыдова отвѣтъ съ бабой, за которую я просилъ. Онъ обѣщаетъ все сдѣлать и просится пріѣхать воскресенье; говоритъ, что ему что-то *для себя* нужно меня видѣть. Если будетъ случай, я приглашу его.

Нынче приходила еще баба, тоже брюхатая, тоже осталась одна съ 4 дѣтьми. Это вдова того, котораго убили въ дракѣ. Она приходила просить, чтобъ я не просилъ за того, убійцу ея мужа—на поруки. Удивительно!

Какъ ты и всѣ наши? I hope, что хорошо. Завтра узнаю. Цѣлую тебя, душенька. Нынче портретъ не такъ жалокъ. Цѣлую дѣтей.

191. **Пятница, 11 часовъ.**

Нынче я одинъ. Былъ только Дмитрій Ѳедор. Разговаривали о томъ, какъ онъ живетъ самъ-семъ на 11 руб. 40 коп. въ мѣсяцъ. Живетъ!

---

[1]) Жена казеннаго лѣсничаго въ Засѣкѣ.

[2]) Стендаля Л. Н. любилъ и признавалъ его вліяніе на себя. Энгельгардтъ—это, вѣроятно, „Изъ деревни“ А. Н. Энгельгардта.

192. Того же времени.

Не пеняй, душа моя, что мои письма безцвѣтны. Я всѣ три дня въ упадкѣ духа. Печень что-то. Я не нездоровъ и не унылъ, но сплю. Не могу работать. И такъ я былъ вялъ, что два дня даже и ходилъ мало. Сидѣлъ дома и читалъ. Нынче получилъ твое письмо о Сергѣѣ. Ужасно жалко. Ариша же и передастъ тебѣ это письмо. Что ты мнѣ ничего не пишешь о себѣ, о своемъ здоровьѣ? Чиркова предписанья очень плохи. Не знаю, кто меньше полезны и больше шарлатаны: попы или доктора? Оба лучше. Попробовалъ заниматься,—не пошло. Осѣдлалъ лошадь и поѣхалъ въ Бабурино, къ Головину, сговориться охотиться. Дома нѣтъ. День прекрасный, и я, вернувшись, пошелъ съ ружьемъ по рѣкѣ и кругомъ Заказа. Ничего не видалъ; но третьяго дня можно было по слѣду находить. А я спалъ. Сколько тебѣ прислали листковъ? Два или три? Пришли ихъ, пожалуйста, на имя Урусова. Придя домой, я переселился въ мальчикову комнату. Очень хорошо, тепло, 15°. И это мнѣ очень пріятно. Нынче я много дѣлалъ движенья, и тепло. Надѣюсь спать хорошо. Читаю, говорю съ Агаѳьей Мих-ой—и вся. Думаю о томъ впечатлѣніи, которое произведетъ моя книга. Стараюсь не думать о томъ мѣстѣ, которое надо передѣлать, потому что чувствую, что дурно обдумаю; стараюсь тоже не думать о другихъ планахъ работы, потому что надо кончить. Думаю о тебѣ съ нѣжностью и безпокойствомъ; думаю и о старшихъ дѣтяхъ: не нуженъ ли я кому-нибудь бы былъ? И это немножко безпокоитъ.—Видишь ли, хоть кратко, но я всего себя предоставляю тебѣ; а ты такъ сдержанно пишешь; даже о своемъ нравственномъ и физическомъ состояніи ни слова. Завтра пріѣдетъ, вѣроятно, Урусовъ и, можетъ быть, Давыдовъ. Я не далъ знать ему.—Я забылъ, гдѣ найти твой разновѣсъ. Напиши. Мало пришлютъ, но жалуются, что мало даютъ. Прощай, душенька, цѣлую тебя. Денегъ у Митрофана не предвидится. Впрочемъ, я еще толкомъ съ нимъ не говорилъ. Я постараюсь продать лошадей. Четырехъ сейчасъ надо продать, рублей на 400. Да Митрофанъ говоритъ, что теперь продешевишь.

193.

Того же времени. Воскресенье, 10-й часъ.

У меня тепло, уютно, тихо, прекрасно. Но, должно быть, я переработалъ. Нѣтъ настоящихъ ни сна, ни аппетита, и оттого нѣтъ работы. Зато отдыхъ. Нынче я не садился за письменный столъ, а поѣхалъ верхомъ на Сафединѣ навстрѣчу Урусову. А если не встрѣчу, то заѣду въ булочную, гдѣ я покупалъ въ четвергъ хлѣбы и забылъ краденыя у Сережи-сына перчатки. Такъ и вышло. Сафединъ, не любимый вами,—прелесть: покойный, добрый, смирный и сильный. Я скоро ѣхалъ. Пріѣхалъ въ Тулу, нашелъ перчатки, заѣхалъ на минуту къ Урусову и вернулся домой—все довольно скоро, и онъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Нынче Ариша собралась ѣхать, но получила телеграмму. Сергѣя же еще нѣтъ.—Вернувшись домой темно, засталъ у себя нашего новаго священника—онъ пріѣхалъ знакомиться. Я съ нимъ официально поговорилъ и остался одинъ обѣдать огромнѣйшій обѣдъ, приготовленный на Урусова (онъ не пріѣхалъ, потому что кашляетъ), и я, какъ на бѣду, ничего почти не ѣлъ. Скучно одному только ѣсть.

Читаю Stendhal'я «Rouge et Noir». Лѣтъ 40 тому назадъ я читалъ это, и ничего не помню, кромѣ моего отношенія къ автору: симпатія за смѣлость, родственность, но неудовлетворенность. И странно: то же самое чувство теперь, но съ яснымъ сознаніемъ, отчего и почему.

Порошитъ снѣжокъ, но едва ли разойдется. Какъ бы хотѣлось заснуть хорошо и быть свѣжимъ къ работѣ. Мнѣ всего часа 4 хорошей работы нужно, чтобы сдѣлать, что нужно. Письмо твое коротенькое, очень. Если не скучно, пиши побольше. Мнѣ все интересно. Цѣлую тебя и дѣтей.

194. **Того же времени.**

Не получилъ нынче письма. Вѣрно, ты хотѣла съ Сергѣемъ послать. Сергѣй пріѣхалъ, но я его не видалъ. Онъ стыдится, вѣрно.

Нынче утромъ я всталъ было рано для пороши, но пороши не было, снѣгъ шелъ. Головинъ пріѣзжалъ нынче утромъ. Привезъ Ильи ружье починенное. Собака Ильи, которую подарилъ Офросимовъ, у Головина. Онъ приглашаетъ охотиться, но едва ли я успѣю. Завтра поѣду на порошу, если будетъ. А послѣзавтра, среда, будетъ недѣля, что я уѣхалъ. И я пріѣду или въ среду, или въ четвергъ. Работа не идетъ. Нынче всталъ рано и хочу раньше лечь. Получилъ изъ Тулы письмо отъ прочитавшаго въ «Revue Nouvelle» статью и обращающаго меня не безъ ругательствъ въ «православнаго мірянина» и твое письмо, возвратившееся изъ Самары. Такъ что я нынче получилъ отъ тебя письмо. Надѣюсь завтра получить хорошее, длинное письмо. Нынче, чтобы себя уходить, ходилъ цѣлый день съ ружьемъ тихимъ шагомъ. Очень пріятно. Дома Агаѳья Михайловна хорошо разсказывала про старину, про меня то, что я забылъ, какой я былъ противный барчукъ,—и книги. До свиданья. Цѣлую тебя и дѣтей. Хорошо ли у васъ?

195. **Тогда же.**

Нынче въ первый разъ спалъ по-человѣчески, и проснулся рано. Снѣгъ шелъ все утро, и надежды не было на хорошую порошу, но я все-таки поѣхалъ. Получилъ утромъ твои—два заразъ, оба хорошія—письма и поѣхалъ съ болѣе спокойнымъ духомъ. Пороши не было, но я все-таки нашелъ 3-хъ зайцевъ; но или оттого, что бойко, или оттого, что незадача, но ни одного не затравилъ. Одинъ запищалъ у молодого Спорта въ зубахъ; но крикъ этотъ такъ, вѣрно, удивилъ его, что онъ его выпустилъ, и онъ ушелъ. Но пріятно усталъ, проѣздивъ отъ 8 до 5 часовъ. Опять обѣдалъ одинъ, опять Агаѳья Михайловна, toujours avec un nouveau plaisir. Былъ еще Сергѣй. Онъ очень жалокъ и смѣшонъ, какъ смѣшны бываютъ сумасшедшіе. Я боюсь, что онъ не справится. Я совѣтовалъ ему помѣститься въ Тулѣ, въ лакеи, и порекомендую его къ знакомымъ.

Въ глазахъ снѣгъ, слѣды чуть видные, въ ушахъ голосъ Агаѳьи Мих-ны, въ головѣ пустота; въ сердцѣ бы полное спокойствіе, если бы не безпокойство о васъ. Извѣстіе о твоемъ нездоровьѣ—подробности—я очень радъ былъ узнать. Если это такъ, то ты должна быть въ ненормальномъ состояніи. Я знаю, слыхалъ, что это ужасно дѣйствуетъ на душу [1]). На счастье, что ты знаешь это. Душенька, если бъ ты могла привыкнуть къ той мысли, къ которой мы всѣ волей-неволей привыкнемъ: что мы физически никогда не въ нашей власти, но зато нравственно всегда полная свобода и власть. Какъ легче жить, когда не то что поймешь это,—ты понимаешь,—но когда повѣришь и на дѣлѣ живешь такъ.

Завтра будетъ настоящая пороша, я опять поѣду, и послѣзавтра буду съ тобой, если живъ буду. Какой Кошелевъ? Если это старикъ, который былъ у меня въ день моего отъѣзда, то это очень поразительно. Онъ говорилъ про политику, а я видѣлъ въ немъ смерть [2]).

Обнимаю тебя, поцѣлуй дѣтей. Какъ бы хорошо было, коли бы ты перестала болѣть.

11-й часъ, ложусь спать.

1884 годъ.

Письмо изъ Ясной Поляны въ Москву.

196. **Январь, 27, пятница.**

Ѣхалъ очень пріятно. Если бы только записать разсказъ одной бѣдной женщины, была бы трогательная и высоко нравственная исторія.

---

[1]) Еще новая беременность.

[2]) А. И. Кошелевъ умеръ 12 ноября 1883 г.

Домъ не топленъ, и я остановился у Митрофана. Совѣстно его безпокоить (онъ ушелъ къ Агаѳьѣ Михайловнѣ), но мнѣ прекрасно. Я здоровъ. Нынче ѣздилъ къ Бибикову за хлѣбомъ, а потомъ ходилъ на лыжахъ. Не запомню такъ много снѣга. Сейчасъ ѣду самъ въ санкахъ на Козловку. Дай Богъ, чтобъ вамъ было такъ хорошо, какъ мнѣ. Цѣлую тебя и дѣтей.

Т.

197.

Суббота, вечеромъ, 28 января.

Вчера читалъ поздно книгу Droz. Скажи Сережѣ, что книга очень хорошая. Общій взглядъ не хорошъ, молодъ, зеленъ, но много очень умнаго и хорошаго. Нынче читалъ Шекспира «Коріолана»—прекрасный нѣмецкій переводъ, читается очень легко, но несомнѣнная чепуха, которая можетъ нравиться только актерамъ. Нынче нездоровится и не хочется на морозъ. Должно быть, вчера слишкомъ усталъ. Сейчасъ сидятъ гости: Агаѳья Михайловна, Дмитрій Ѳедоровичъ и Митрофанъ, и мѣшаютъ мнѣ писать, да и писать нечего. Въ домѣ тепло, и завтра перейду, если не будетъ холодно и угарно. Не бойся, я самъ подъ старость невольно такъ себя берегу, что даже противно. Какъ вы живете? Очень ужъ много васъ, и на каждаго много соблазновъ. Цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

198. **Воскресенье, 29 января.**

Пишу раньше 7 часовъ вечера, потому что я перешелъ въ домъ; пріѣхалъ Бибиковъ[1]) и зоветъ меня ночевать къ себѣ, на что я согласился. Боюсь, не было бы угарно. Я утромъ прочелъ «Макбета» съ большимъ вниманіемъ,—балаганныя пьесы, писанныя умнымъ и памятливымъ актеромъ, который начитался умныхъ книгъ,—усовершенствованный разбойникъ Чуркинъ. Потомъ по-

[1]) Сосѣдъ изъ Телятинокъ.

шелъ ходить съ лыжами и ружьемъ; прошелъ на Груммонтъ, оттуда по Засѣчной дорогѣ на Тулу, и черезъ Засѣку на кабачокъ, и по шоссе домой. Пьяный мужикъ подвезъ меня, цѣловалъ меня и Бульку, говорилъ, что я отецъ. Самое доброе, совершенное и милое существо въ мірѣ—это пьяный на первомъ взводѣ мужикъ. Дорогой прекрасно думалъ. Ты не можешь себѣ представить моего пріятнаго чувства свободы по окончаніи моей работы [1]). Я пересталъ себя чувствовать une machine à écrire.—Я тоже все думаю о большихъ дѣтяхъ и безпокоюсь. Нынче получилъ твое короткое письмо. Завтра утромъ вернусь въ Ясную.

Л. Т.

199. **Понедѣльникъ, 30 января.**

У Бибикова засталъ Борисевича. Ему 89 лѣтъ, и онъ силенъ, свѣжъ и поворотливъ, какъ молодой человѣкъ. Онъ безъ умолку говоритъ и много разсказывалъ интереснаго. Въ 12-мъ часу за мной пріѣхалъ Филиппъ, и я поѣхалъ домой.

Читалъ «Калики перехожіе», стихи [2]). Меня навела на это чтеніе моя затѣя народной пьесы [3]). Обдумываю ее съ большимъ удовольствіемъ. И, какъ всегда, все разрастается и дѣлается (для меня) очень серьезно. Я пробылъ дома все время отъ 12 до 10, за исключеніемъ прогулки двухчасовой, и угорѣть не угорѣлъ, но все еще побаиваюсь угара, и сейчасъ отворилъ трубу и поѣду самъ на Козловку. Ты теперь, вѣрно, собираешься на балъ. Очень жалѣю и тебя, и Таню.

Нынче Власъ говоритъ: пришелъ мальчикъ, побирается. Я сказалъ: позови сюда. Вошелъ мальчикъ немного повыше Андрюши съ сумкой черезъ плечо.—«Откуда?»—Изъ-за Засѣки.—«Кто

---

[1]) „Въ чемъ моя вѣра".

[2]) Извѣстный большой сборникъ Безсонова.

[3]) „Петръ Мытарь—неоконченное произведеніе Льва Ник. Общій планъ этой пьесы недавно найденъ въ одномъ изъ томовъ книги „Калики перехожіе". А еще рукопись того же произведенія взята Чертковымъ.

же тебя посылаетъ?»—Никто, я одинъ.—«Отецъ что дѣлаетъ?»—Онъ насъ бросилъ. Матушка померла, онъ ушелъ и не приходилъ.—Мальчикъ заплакалъ. У него еще осталось трое, меньше его. Дѣтей взяла помѣщица. «Она,—говоритъ,—кормитъ нищихъ».—Я предложилъ мальчику чаю, онъ выпилъ, стаканъ опрокинулъ, положилъ огрызочекъ сахару наверхъ и поблагодарилъ. Больше не хотѣлъ пить. Я хотѣлъ его еще накормить, но Власъ сказалъ, что его въ конторѣ посадили поѣсть. Но онъ заплакалъ и не сталъ больше ѣсть. Голосъ у него сиплый, и пахнетъ отъ него мужикомъ. Все, что онъ разсказывалъ про отца, дядей и тѣхъ, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло, все это разсказы о бѣдныхъ, пьяныхъ и жестокихъ людяхъ. Только барыня добрая.

Мальчиковъ, женщинъ, старухъ и стариковъ такихъ много, и я ихъ вижу здѣсь, и люблю видѣть. Агаѳья Мих-на очень благодарна M-me Seuron, которой передай поклонъ. Марья Аѳан. [1]) была. Она какъ будто добрѣе къ намъ, и всѣмъ кланяется, особенно Машѣ. Надѣюсь, что ея горло прошло. Съ Власомъ бесѣдую про книжки. Надо будетъ завести библіотеку для мужиковъ.

200.

Вторникъ, 11 вечера, 31 января.

Боюсь, что вчерашнее письмо было непріятно. Я, должно быть, начиналъ угорать, когда писалъ. Нынче чувствую себя совсѣмъ хорошо, и угару нѣтъ. Тоже не пеняй, пожалуйста, что не послалъ телеграмму. Не стоитъ. Лошадь отдай за 250. Обо мнѣ не тужи, я могу привести другую. Вчера я объѣлся. Николай Михайловичъ [2]) наготовитъ много, а я не воздержусь.

Нынче читалъ Montaigne'а съ большимъ удовольствіемъ и пользой и ходилъ на лыжахъ. Очень усталъ, но чувствую себя прекрасно. Вечеръ весь шилъ башмаки Агаѳьѣ Михайловнѣ.

---

[1]) Старая няня, жившая на пенсіи.

[2]) Старый поваръ на пенсіи.

Митрофанъ меня учитъ и помогаетъ. Былъ Дмитрій Ѳедор. и Агаѳья Мих. и читали вслухъ «Житіе Святыхъ». Не берусь за работу, потому что не хочется взять и бросить. Она укладывается въ головѣ.

Извѣстіе твое отъ Маракуева о мнѣніи архимандрита [1]) мнѣ очень пріятно. Если оно справедливо. Ничье одобреніе мнѣ не дорого бы было, какъ духовныхъ. Но боюсь, что оно невозможно.

Цѣлую тебя и дѣтей. Напиши мнѣ подлиннѣй, если у васъ все благополучно. Выбери времечко. Я привыкъ чувствовать твой душевный пульсъ, и, не чувствуя его, мнѣ чего-то недостаетъ.

201.

Среда, 12-й часъ, 1 февраля.

Получилъ твое письмо послѣ бала Барманскихъ, а сейчасъ былъ братъ Сережа съ Бибиковымъ и привезъ мнѣ извѣстіе о васъ послѣ бала Долгорукихъ.

Нынче съ утра пріѣхалъ Головинъ съ собаками, и я поѣхалъ съ нимъ въ Лимоновскую [2]). Ходилъ на лыжахъ и безъ лыжъ отъ 12 до 5 и вернулся усталый и здоровый. Подумалъ, почиталъ; потомъ пріѣхалъ Сережа бѣдняга, очень спутанный и добрый.—Сапожное дѣло нынче остановилось, потому что у Митрофана голова болитъ. Если тебѣ не доставитъ хлопотъ, то пошли, пожалуйста, Кушнереву деньги. Счетъ ихъ я ожидалъ больше, и они были такъ любезны, что не хотѣлось бы ихъ задержать. Попроси Сережу свезти.—Видѣлъ сонъ, кровь и разныя подробности, и вотъ видѣлъ Сережу, и жду еще отъ

---

[1]) Я писала 29 янв., со словъ В. Н. Маракуева, что арх. Амфилохій, предсѣдатель комитета духовной цензуры, прочитавъ переданную на разсмотрѣніе статью („Въ чемъ моя вѣра“), сказалъ, что въ этой книгѣ столько высшихъ истинъ, что ихъ нельзя не признать, и онъ съ своей стороны не видитъ причинъ ее не пропускать. „Но я думаю, что Побѣдоносцевъ со своей безтактностью и педантизмомъ опять запретитъ; пока она запечатана у Кушнерева и рѣшенія никакого нѣтъ“.

[2]) Лимоновская посадка—мѣстность въ Ясной Полянѣ.

тебя о дѣтяхъ. Дай Богъ только хорошаго. Александръ и дѣти Алены здоровы. Скажи ей. Напомни Лелѣ разговоръ нашъ съ нимъ объ ученьѣ. Илюшѣ тоже, боюсь, повредитъ и выставка, и театръ. Все это нарушаетъ правильный ходъ жизни. А правильный ходъ жизни *необходимъ* при гимназическихъ занятіяхъ. Я не совѣтую. Особенно театръ. Цѣлую тебя и дѣтей.

202.

Четвергъ, вечеромъ. Февраль 2.

Получилъ твое письмо, и радуюсь, что у васъ все хорошо и нѣтъ баловъ. Я совершенно здоровъ, но, должно быть, отъ усталости прежнихъ дней нынче все утро былъ сонный и только читалъ. Потомъ поѣхалъ верхомъ на иноходцѣ въ Ясенки купить гильзъ на папиросы, пообѣдалъ и весь вечеръ шилъ башмаки съ Митрофаномъ. Сейчасъ ѣду на Козловку за твоимъ письмомъ. Попытался утромъ работать, но не пошло, и не сталъ баловать. Читалъ Montaigne'a. Полезно бы было то изданіе, о которомъ я говорилъ. Ничто не можетъ такъ оглупить человѣка, какъ увѣренность, что онъ все знаетъ, что прежде было, а что ему нужно знать, что теперь есть. И мы всѣ находимся въ этомъ положеніи. Завтра вернется Сережа изъ Крапивны, и я съѣзжу къ нему, къ Бибикову, провожу его и тамъ уже стану думать, когда самому ѣхать. Ты, душа моя, пожалуйста, на меня не пеняй и мнѣ не завидуй. Мнѣ это уединеніе очень хорошо, если я и ничего не напишу. И врозь, и вмѣстѣ я все одинаково тебя люблю и чувствую. Что дѣти?

203. **Февраль. Пятница, 3-е.**

Здоровъ и соненъ. Читаю Montaigne'a, хожу на лыжахъ понапрасну, но очень устаю, шью башмаки и думаю, и стараюсь никого не обидѣть. Полезное сдѣлать другимъ даже не стараюсь, такъ это невозможно трудно. Нынче много работалъ (башмаки), былъ въ банѣ и очень усталъ. Къ Бибикову не ѣздилъ, завтра утромъ поѣду, и если застану Сережу, то съ нимъ напишу или

скажу, что придется. А теперь прощай, цѣлую тебя и дѣтей. Очень у меня выросло брюхо, и я сталъ очень старъ и слабъ. Тутъ худого нѣтъ, но это новое.

204. **Суббота, вечеръ, 4 февраля.**

Нынче былъ у Бибикова и видѣлъ Сережу, и, прощаясь съ нимъ, садился верхомъ и повихнулъ большой палецъ на правой рукѣ. Какъ видишь, это не мѣшаетъ мнѣ писать. Немного опухло, но всѣ движенья есть, такъ что могъ и башмаки шить. Погода такъ была хороша, что, вернувшись отъ Бибикова, рѣшилъ ѣхать въ Тулу посмотрѣть на Сергѣево заведеніе и къ Урусову. Сергѣя встрѣтилъ на дорогѣ и съ нимъ зашелъ къ нему. Дѣлаютъ столяры гармонные ящики, въ подвалѣ. Въ одной комнаткѣ Сергѣй съ семьей и 4 работника. Работа напряженная и требующая большого мастерства, отъ 6 часовъ до 12 ночи, и работникъ вырабатываетъ въ недѣлю 2 р. 25 коп. на хозяйскихъ харчахъ. Кажется, страшно, а мнѣ не хотѣлось уходить,—такъ у нихъ весело и здоровая такая, трудовая атмосфера. Сергѣй хозяйничаетъ надъ пьяницами, а самъ, разумѣется, не пьетъ. Это, я думаю, лучшее лѣченіе отъ пьянства. Ариша скучаетъ и брезгаетъ. Я ее увѣщавалъ, но, разумѣется, тщетно.

Утромъ еще было совѣщаніе съ Варварой Жаровой: отдать ли ей дочь замужъ въ Алексинскій уѣздъ, несмотря на то, что сваты обѣщали шубу невѣстѣ и не привезли. Я совѣтовалъ отдать на волю невѣсты. Кажется, послушали.

У Урусова много пилъ чаю и много говорилъ празднаго. Радъ былъ о тебѣ узнать. Онъ засталъ тебя съ болью въ спинѣ отъ толчковъ. Что это значитъ? Напиши, каково тебѣ и физически, и нравственно. Домой ѣхалъ ночью, одинъ, въ санкахъ на доброй лошади—очень пріятно. Урусовъ завтра хотѣлъ пріѣхать. Постараюсь меньше болтать,—не люблю. А если ничего особеннаго не будетъ, то пріѣду во вторникъ. Что Варя? Дѣти таки забыли про именины Агаѳьи Михайловны (5 февраля). А мои башмаки ей не поспѣютъ.

205.

Воскресенье, вечеръ, 5 февраля.

Нынче не получилъ письма, и было непріятно. Кромѣ того, всталъ сегодня съ сильной головной болью. Послѣ кофею пошелъ гулять и сильно усталъ, но не совсѣмъ прошло. Съ гулянья зашелъ къ Осипу Наумычу. Старикъ очень жалокъ, не старостью и бѣдностью, а неладомъ между нимъ и сыномъ. Петръ Осиповъ очень интересенъ по вопросу о чтеніи народномъ. У него почти всю зиму собираются грамотные мужики, и они читаютъ. Онъ принесъ мнѣ свою библіотеку—коробъ книгъ; тутъ и Житіе, и катехизисы, и Родное Слово, и исторіи, и географіи, и «Русскій Вѣстникъ», и Галахова хрестоматія, и романы. Онъ высказалъ свое мнѣніе о каждомъ родѣ книгъ. И все это очень заинтересовало меня и заставило многое и вновь подумать о народномъ чтеніи.

Дома засталъ Урусова, мы обѣдали, и благодаря тому, что читали вслухъ Montaigne'a, мало говорили праздно. Вечеромъ пришла Агаѳья Михайловна и телеграмма ей. Она очень довольна. Урусовъ сейчасъ уѣхалъ, и я лягу спать. Завтра соберусь, т.-е. вспомню и сдѣлаю, что нужно, и послѣзавтра пріѣду съ курьерскимъ. Если бы было сомнѣніе, сегодняшнее отсутствіе письма разрѣшило бы его. Надѣюсь застать васъ благополучными и радуюсь свиданію. Отложи до меня дѣла банка и кучера. Цѣлую тебя и дѣтей.

Въ Москву, куда я ѣздила съ сыномъ Львомъ для сго переэкзаменовки въ гимназіи Поливанова.

206. **1 сентября.**

Всѣ живы, здоровы. Одно событіе—Миша нашъ упалъ лицомъ въ крапиву и жалостно плакалъ. Я подошелъ; miss Lake [1]) очень жалѣла и ласкала его. Она добрая. Я ходилъ за грибами,

[1]) Англичанка при мальчикахъ Андрюшѣ и Мишѣ.

нашелъ рыжиковъ корзинку; опоздалъ къ обѣду. Обѣдалъ одинъ въ 6. Сережа съ Сашей и Власомъ ходили за орѣхами. Вечеромъ зашелъ къ Кузминскимъ; они начали, было, ссориться—чуть-чуть. Дѣвочки пошли на деревню. Мы—я, Саша и Таня—пошли къ нимъ навстрѣчу. Весело ходили вмѣстѣ. Теперь маленькіе пьютъ чай. Я дѣвочекъ пускаю спать наверху, въ гостиной и спальнѣ, а самъ иду внизъ. Нынче очень тепло. О лихорадкѣ нѣтъ и помину. Только кашель. Таня писала «дѣвочку» и твердила уроки съ дѣвочками Кузминскими. Она въ аккуратности. Илюша прислалъ за борзыми и приглашалъ Сережу, но Сережа не поѣхалъ. Подробности о малышахъ пусть напишетъ Таня.

Открытое письмо съ попздки къ Н. Н. Ге, въ Черниговскую губ.

207. **11 октября.**

Пріѣхалъ благополучно. Здѣсь жарко, бабочки летаютъ. Молодой Ге попалъ ногой въ молотилку и двѣ недѣли какъ лежитъ. Нога будетъ цѣла. Я усталъ только отъ жары въ вагонахъ и жары лѣтней на дворѣ. Надѣюсь получить письмо.

Л. Толстой.

Письма изъ Ясной Поляны въ Москву послѣ отъѣзда всей семьи.

208. **22 октября.**

Проводивъ васъ, пошелъ пѣшкомъ домой, такъ какъ Филиппу было дѣло. Онъ догналъ меня на Рудаковой горѣ. Дома переносился въ мальчикову комнату и устраивался. Здоровье хорошо. Авдотья Васильевна все мнѣ устроила по твоимъ указаніямъ съ великой роскошью. Дмитрій Ѳедоров. сидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ и переписывалъ, а я читалъ. Нынче проснулся и всталъ въ 8-мъ. День еще лучше и теплѣе прежняго дня. Я отпустилъ Андріана и самъ убрался и накололъ дровъ, что мнѣ доставило

большое удовольствіе, и въ 10 напился кофею и угостилъ чаемъ Марью Аѳанасьевну и Дмитрія Ѳедоровича, и занимался пристально пересмотромъ и поправкой Богословія [1]). Хотѣлъ взяться за другую работу, но не чувствую себя достаточно бодрымъ. Въ три пообѣдалъ и пошелъ пользоваться красотой дня; прошелъ Заказомъ въ елочки и Кочакъ; мимо Бибиковскаго сада, къ церкви. Тамъ зашелъ къ Ивану Никаноровичу (священнику). Мужикъ просилъ меня походатайствовать, чтобы священникъ сбавилъ съ 7 рублей, которые онъ проситъ за свадьбу. У священника 9 человѣкъ дѣтей, и ему меньше брать нельзя. Мы поговорили дружелюбно, и я при лунномъ свѣтѣ пришелъ домой. Дома сидитъ Анна Ивановна (которую волкъ кусалъ) съ мальчикомъ. Она пріѣхала узнать, вышло ли ей что-нибудь. Я поставилъ самоварчикъ, и мы бесѣдовали. Она много разсказывала интереснаго про арестантовъ, которые у нея стоятъ. Между прочимъ про Рыбина, который пойманъ, и прошелъ у нихъ, и представляется героемъ въ ея, и главное ея сына, глазахъ. Сейчасъ ложусь спать, снесу только это письмо. Вчера извѣстіе о смерти Писарева [2]) (вѣрно ли оно?) очень сильно на меня подѣйствовало. Мнѣ стало ужасно грустно и уныло. Такъ ясна стала мнѣ вся толщина стѣны, отдѣляющей людей отъ истины. Тутъ же, на это впечатлѣніе, читалъ изъ «Русской Старины» воспоминаніе и описаніе войнъ. Какъ густо налегъ обманъ на людей! Не видишь возможности уничтоженія его. Но я знаю, что это слабость. Не было бы этого обмана, нечего бы было дѣлать на свѣтѣ; мнѣ по крайней мѣрѣ. Но всегда становится страшно, когда увидишь всю толщину его. Надо не думать объ этомъ, а уничтожать его, сколько въ силахъ. И тогда весело.

Какъ ты пріѣхала? Смягчились ли жестокія дамы? Ты успокоилась ли? И въ Москвѣ не было ли непріятныхъ впечатлѣній? И если были, поддалась ли ты имъ? Что мальчики? Что Ольга

[1]) Разборъ книги Макарія.

[2]) Сергѣя Писарева, раненаго на дуэли.

Зайковская [1]), видѣла ли ты ее еще? Мнѣ осталось впечатлѣніе раскаянія, что я второпяхъ холодно поздоровался съ ней. Она такая измученная по лицу и жалкая.

Пиши поподробнѣе и не торопясь, поточнѣе. Обнимаю тебя и всѣхъ дѣтей.

209. 23 октября.

Писемъ еще не получалъ и скучаю о тебѣ и всѣхъ васъ большихъ, до Андрюши—исключительно. Маленькіе—тѣ радость, украшеніе, а большіе—интересъ, и сложное отношеніе къ каждымъ.—Нынче ты бы меня бранила, и подѣломъ; я дурно себя велъ, а именно: всталъ въ 8, убрался, напился кофею съ Дмитр. Ѳедор. Вышелъ въ садъ, погода восхитительная. Думаю: надо воспользоваться, только взгляну переписанное. Сѣлъ, сталъ читать, поправилъ, и до 6 часовъ, со свѣчой, еще работалъ. И усталъ. Ты скажешь: пустое занятіе [2]). Мнѣ самому такъ казалось. Но потомъ я вспомнилъ ту главу, которую я поправлялъ и надъ которой больше всего сидѣлъ,—это глава объ искупленіи и божественности Христа. Какъ ни смотри на это, для милліоновъ людей этотъ вопросъ огромной важности, и потому коекакъ или основательно изслѣдовать его—это важно, если только писанье мое будетъ прочтено.

Въ 6 пообѣдалъ: овсяный супъ и каша поджаренная, прекрасная; почиталъ и пошелъ ходить въ половинѣ 8-го. Ночь не хуже дня—прелесть. Пошелъ по дорогѣ въ церковь; оттуда хотѣлъ черезъ Воробьевку зайти къ Бибикову и черезъ Кочакъ домой. У Воробьевки встрѣтилъ толпу мужиковъ и бабъ съ пѣснями. Свадьба. Они прошли со мной до двора и стали упрашивать войти. Я вошелъ; меня величали и поднесли полотенце.

Всѣ въ томъ легкомъ, пьяномъ состояніи, въ которомъ мужикъ

---

[1]) Подруга моя, съ которой я вмѣстѣ держала въ университетѣ экзаменъ на дипломъ учительницы.

[2]) Никогда бы этого не сказала, а боялась всегда его переутомленія.

такъ милъ. Я выпилъ браги молодой; потребовали, чтобы я сказалъ: горько, и требовали это разъ 5. И молодой, и молодая—свѣжіе, здоровые, нарядные, сильные, счастливые. Молодому 19 лѣтъ. Оттуда уже пошелъ домой прямо черезъ деревню. Зашелъ къ Козловымъ,—зазвала старуха. Тамъ сцена между снохами, требовали моего совѣта. Я, разумѣется, ничего не могъ помочь. Только вышелъ—Рѣзуновъ зоветъ къ себѣ,—тоже дѣло. Пришелъ его сынъ, солдатъ. Добродушный, наивный парень. Жалуется, что жена его бросила и ушла. Семенъ плачетъ, жалѣетъ брата. Точно жалко и гадко, и я хочу отказать Митрофану [1]). Какъ ты объ этомъ думаешь? Да, посылаю тебѣ еще письмо Ивана Ивановича. Какъ ты объ этомъ думаешь? Я одобряю его мысль. Письмо длинно, я не пошлю. Вотъ въ чемъ его содержаніе: дохода съ Никольскаго онъ ожидаетъ 4 тысячи. Онъ предлагаетъ построить картофельный заводъ, если оставить ему эти деньги. Я думаю, что нынѣшній годъ этого нельзя, если даже получатся деньги изъ Самары. Какъ ты думаешь? Я непремѣнно съѣзжу въ Никольское изъ Москвы. На мѣсто Митрофана я пріищу теперь человѣка. Если же не найду никого очень подходящаго, то поручу кому-нибудь изъ мужиковъ, не пьющихъ. Впрочемъ, все видно будетъ. Я чувствую, что начинаю писать безтолково. Я усталъ, но здоровье хорошо. Теперь 12 часовъ ночи. Придется разбудить или Марью Аѳанасьевну или Филиппа, чтобы отдать письмо.

Хорошо-то хорошо здѣсь, а все-таки долго безъ васъ не проживу. Завтра ѣдетъ Митрофанъ въ Тулу, и я вѣрно получу письма, а утромъ отъ тебя. Прощай, цѣлую тебя.

210.

На слѣдующій день, 24 октября.

Вчера легъ очень поздно, но нынче опять всталъ въ 8 и также съ Дмитр. Ѳед. пилъ чай. Продолжаю поправлять переписан-

[1]) Связь этой фразы съ предыдущей уясняется изъ моего письма: приказчикъ Митрофанъ былъ виновникомъ горя у Рѣзуновыхъ.

ное. Нынче не хотѣлъ уставать и въ 3 кончилъ, и пошелъ въ Ясенки купить почтовыхъ конвертовъ. Погода портится, мгла и туманъ. Но славно прошелся и много, хорошо думалъ на обратномъ пути о томъ, что мнѣ надо, пока мы живемъ, какъ мы живемъ, самому вести хозяйство. Начать съ Ясной. У меня есть планъ, какъ его вести сообразно съ моими убѣжденіями. Можетъ быть, это трудно, но сдѣлать это надо. Общее мое разсужденіе такое: не говоря о томъ, что если мы пользуемся веденіемъ хозяйства на основаніяхъ (ложныхъ) собственности, то надо вести его все-таки наилучшимъ образомъ въ смыслѣ справедливости, безобидности и, если можно, доброты. Не говоря объ этомъ, мнѣ стало ясно, что если, что̀ я считаю истиною и закономъ людей, должно сдѣлаться этимъ закономъ на дѣлѣ въ жизни, то это сдѣлается только тѣмъ, что мы, богатые, насилующіе, будемъ произвольно отказываться отъ богатства и насилія; и это произойдетъ не вдругъ, а медленнымъ процессомъ, который будетъ вести къ этому. Процессъ этотъ можетъ совершиться только тогда, когда мы сами будемъ завѣдывать своими дѣлами и, главное, сами входить въ сношенія съ народомъ, работающимъ на насъ. Я хочу попытаться это сдѣлать. Хочу попытаться совершенно свободно, безъ насилія, а по добротѣ самъ вести это дѣло въ Ясной. Ошибки, потери большой, даже никакой, я думаю, не будетъ. А, можетъ быть, будетъ хорошее дѣло. Хотѣлось бы въ хорошую минуту, когда ты слушаешь, разсказать тебѣ, а описать трудно. Я думаю начать сейчасъ же. Принять все это отъ Митрофана и наладить, и зимой пріѣзжать изрѣдка, а съ весны постоянно заниматься. Можетъ быть, тутъ, незамѣтно для меня, меня подкупаетъ желаніе чаще бывать въ деревнѣ, но я чувствую, что моя жизнь была поставлена неправильно этимъ отвертываніемъ, игнорированіемъ дѣла, которое дѣлалось, и дѣлалось для меня, и совершенно противное всѣмъ моимъ убѣжденіямъ. Въ этомъ игнорированьито и было тоже то, что я, по принципу не признавая собственности, передъ людьми, изъ fausse honte не хотѣлъ заниматься собственностью, чтобъ меня не упрекнули въ непослѣдователь-

ности. Теперь мнѣ кажется, что я выросъ изъ этого. Я знаю въ своей совѣсти, насколько я послѣдователенъ. Но, душа моя, пожалуйста, имѣй въ виду, что это дѣло очень для меня душевное, и необдуманно и сгоряча не возражай мнѣ и не нарушай моего настроенія. Я увѣренъ, что вреда отъ этого никому не будетъ, а можетъ выйти очень хорошее и важное. Боюсь, что ты не поймешь меня. И нельзя по этимъ неяснымъ выраженіямъ.

Утромъ получилъ твое коротенькое, но пріятное письмо. Вижу, что все пока хорошо. Какъ здоровье? Пиши, вообще, поподробнѣе, коли время и хочется. Я совсѣмъ здоровъ. Нынче ѣлъ рѣдьку съ квасомъ, похлебку и печеную рѣпу.

Изъ Тулы ничего не получилъ; только заказное письмо тебѣ, по которому постараюсь завтра получить. Я завтра поѣду верхомъ, чтобы купить товару на сапоги Стаховичу. Какъ я радъ, что Писаревъ не умеръ.

Напечатай въ газетахъ,—какихъ, не знаю, какъ посовѣтуютъ москвичи,—слѣдующее объявленіе:

«Продаются въ 15 верстахъ отъ Тулы, въ сельцѣ Ясная Поляна, 10 жеребцовъ молодыхъ отъ киргизскихъ кобылъ и заводскихъ жеребцовъ, годныхъ для упряжи и верховой ѣзды. Тутъ же продаются кобылы той же породы. Спросить приказчика».

Шарикъ présente ses respects à M-me Seuron. Il me fait l'honneur de m'accompagner dans mes promenades. Кланяюсь M-me Seuron и miss Lake. Цѣлую тебя и дѣтей.

211. 25 октября.

Утро провелъ, какъ обыкновенно. Получилъ твое письмо подлиннѣе перваго. Двѣ вещи не хорошо: это возмущеніе Танино и твое нездоровье. Ну что скажетъ Чижъ [1]). Мнѣ это интересно не по существу, потому что я знаю, что доктора могутъ только попортить нашу жизнь, но пользы принести не могутъ, но интересно по отношенію къ тебѣ.

1) Докторъ по женскимъ болѣзнямъ.

Потомъ поѣхалъ въ Тулу на Желтомъ. Что за прелестная лошадь! Смирна, сильна, росла, красива и быстра. Дѣла въ Тулѣ у меня были слѣдующія: получить заказное письмо на твое имя (это оказалось отъ Василія Ивановича, я посылаю его тебѣ), купить на ботинки Стаховичу, купить калачей и публиковать въ газетахъ о продажѣ лошадей. Все это сдѣлалъ, и ужаснулся на городскую жизнь. Никого знакомыхъ не видалъ. Насчетъ извѣстій самарскихъ не смущайся. Видно, дѣйствительно, тамъ ужасный годъ. Если бы случилось, что они не заплатятъ нынѣшній годъ, тѣмъ дороже будетъ слѣдующій. Землю можно раздавать нынѣшній годъ порознь. Я съѣзжу туда. А если нужны будутъ деньги, то повѣрь, что найдутся (къ несчастью). Можно продать мои сочиненія, они вѣрно выйдутъ нынѣшній годъ; можно продать Азбуки, можно лѣсъ начать продавать. Къ несчастью, деньги есть и будутъ, и есть охотники проживать чужіе труды. Какъ я и говорилъ тебѣ: всякое сознательное и добровольное уменьшеніе своихъ требованій въ нашей семьѣ на 5 рублей въ мѣсяцъ дороже пріобрѣтенія въ 50.000. Вотъ увидимся, поговоримъ. Лошадей въ самомъ дѣлѣ можно бы продать, и съ экипажами.—Я нынче усталъ что-то. Вечеромъ читалъ Митрофанову счетную книгу, вникалъ въ установившійся обиходъ хозяйства. Я не говорю еще Митрофану, но не измѣняю своего намѣренія. Жду твоего мнѣнія.

Нынче погода хуже—гололедка. Самое хорошее впечатлѣніе нынѣшняго дня—это встрѣченные на дорогѣ два старика, два брата, изъ Сибири; идутъ безъ копейки денегъ изъ Аѳона и Стараго Іерусалима. Вмѣстѣ имъ 150 лѣтъ. Оба не ѣдятъ мяса. Былъ у нихъ домъ съ имуществомъ, который стоилъ 1400 рублей. Когда они въ первый разъ ушли, прошелъ слухъ, что они умерли, и домъ передали въ опеку. А опека разорила. Они пришли и подали прошеніе. Потомъ монахъ имъ сказалъ, что это грѣхъ, что по ихъ прошенію люди могутъ попасть въ острогъ, что имъ лучше бросить, чѣмъ идти въ Іерусалимъ. Они бросили, и вотъ остались ни съ чѣмъ. У одного есть сынъ, и опять по-

строилъ домъ. Очень величественные и умильные старики. Я не видалъ, какъ отъ Рудакова дошелъ съ ними до Тулы.

Спасибо Лелѣ, что написалъ мнѣ. Мнѣ очень было пріятно. И письмо его очень похоже на него. Тамъ васъ много, вы бы написали получше и чтобъ было похоже на себя.

Братъ Сережа, я знаю, на другой день проѣхалъ за вами.— Иванъ Иван. о доходѣ, какъ я писалъ, пишетъ, что около 4 тысячъ. Объ овсѣ пишетъ, что будетъ высылать 22-го. О письмахъ ко мнѣ: Ягна и Мельницкаго лучше не высылать. Но, можетъ быть, есть нужныя, и или сама просмотри и рѣши, что не нужно, или высылай. Цѣлую всѣхъ дѣтей. Ну, прощай. Какое-то письмо будетъ завтра? До сихъ поръ не было ни очень хорошихъ, ни очень дурныхъ. Такъ и надо. Леля тебя хорошо аттестовалъ. Цѣлую тебя, душенька.

212. **26 октября.**

Всталъ рано, здоровъ, поправляю Богословіе. Нынче хорошо работалъ. Пришла Ѳедотова жена объявить, что онъ умеръ. Я въ 3 часа пошелъ къ нему. Старухи спятъ; онъ лежитъ покрытый чистымъ полотномъ, свѣчка въ чашкѣ. Дѣти босикомъ, его и Копыловы, рѣзвятся съ моими собаками. Пошелъ походить по лѣсу. Увидалъ срубленное хорошее дерево, липу, и пень прикрытъ листомъ, а дерево лежитъ. Съ трудомъ удержался ничего не сказать. Но не сказалъ, и мнѣ пріятно, такъ что пишу про это. Съ Митрофаномъ ничего еще не предпринималъ. Думаю, что онъ не нуженъ. И экономіи больше 300 рублей въ годъ. Только бы его не обидѣть. Ты права, что судить нравственные поступки не слѣдъ, и не мнѣ; но я думаю, что будетъ лучше. Только бы дѣла по дому было кому поручить.—Вернулся къ обѣду раньше другихъ дней и почему-то усталъ и заснулъ послѣ обѣда. Потомъ хотѣлъ шить сапоги, но взялся за свои тетради и опять сталъ писать. Не думай, чтобъ это была праздная работа; напротивъ, я вижу, что теперь я окончательно додѣлываю эту работу, такъ что больше не возьмусь за нее.

Получилъ твое письмо, хорошее. Только о здоровьѣ все не рѣшено, и дурно, что ты мало спишь. И ваши именины у Леонида—мнѣ за васъ скучно было. Спасибо Танѣ за письмо. Some more [1]). Уроки ея устрою къ ея удовольствію, только бы она занималась охотно. Не пускала бы энергію, какъ воду въ запрудѣ, на колесо пустяковъ, тогда все будетъ хорошо.

Читаю я «Русскую Старину» съ большимъ удовольствіемъ разыгрывающагося воображенія на разныя темы жизни. Теперь, вечеромъ, пили чай, Агаѳья Михайловна и Дмитрій Ѳедоровичъ. Агаѳья Михайловна тебя очень любитъ и хвалитъ, и искренно, и мнѣ это очень радостно было. Хорошо она сказала: «Я думаю, что же это? здѣсь плохо жить, и за грѣхи нужда и болѣзни. А тамъ, говорятъ, тоже плохо будетъ. Что жъ это?»

Недѣли еще нѣтъ, что я одинъ, и мнѣ хорошо. Но кажется очень давно и скучно (въ мужицкомъ смыслѣ) безъ васъ. Сейчасъ поѣду самъ на Козловку, отдамъ это письмо и возьму твое. Выходилъ на дворъ, туманъ, но свѣтло; на деревнѣ пѣсни: это свадьба у Василія Савостьянова; а у Ѳедота, я знаю, звали читать псалтирь Костюшку (уѣхалъ на свадьбу), Козлова (уѣхалъ судиться съ братомъ), и читаетъ псалтирь Алексѣй Жидковъ. Мать его предлагаетъ въ дворники. Онъ чудесный малый. Для насъ хорошо, а для него дурно. Лучше Александра.—Цѣлую тебя и дѣтей.

213. **27 октября.**

Вчера получилъ твое письмо послѣ посѣщенія доктора, и ужасно мнѣ стало грустно и тяжело, а главное, самъ я себѣ сталъ ужасно гадокъ. Все я,—грубое и эгоистическое животное! А еще я храбрюсь, и осуждаю другихъ, и гримасничаю добродѣтелью. Не могу тебѣ выразить, какъ мнѣ было и есть тяжело! Вчера и во снѣ все видѣлъ себя презирающимъ себя. Долго не спалъ и

[1]) Т-е. „еще“. Эта поговорка, выражающая одобреніе и желаніе получить еще, завелась въ семьѣ послѣ того, какъ маленькій Левъ Львовичъ послѣ причастія сказалъ въ церкви: please some more.

нынче проснулся позднѣе. Дождь. Я сѣлъ за работу и просидѣлъ до темноты. Голова болитъ. Пошелъ ходить въ лѣсъ, хотѣлъ посмотрѣть, увезли ли дерево, но смеркалось, и я не нашелъ. Оттуда зашелъ къ Ѳедоту. Мнѣ сказали, что его еще не похоронили. Подошелъ къ окну и вижу: на столѣ, гдѣ онъ лежалъ, лампа, чашка съ лапшой, сидятъ гости, и прямо противъ меня румяный Ѳедька (сынъ) ѣстъ, облизывается. И всѣ очень оживленно ѣдятъ. Я постоялъ, посмотрѣлъ и не вошелъ. Оттуда, въ темнотѣ, нагнали меня Ольга съ Васькой собашникомъ; она стала мнѣ со слезами разсказывать, что отдала дочь и теперь не знаетъ, что съ собой сдѣлать, какъ скучно. Да утромъ еще были два хорошіе старика, странники изъ Олонецкой губерніи. Они живо осушили мой самоваръ и были очень довольны и хорошо разсказывали.

Пожалуйста, пиши мнѣ подробнѣе о своемъ здоровьѣ. Я разорвалъ и буду разрывать. Какъ ты не устроишь, чтобы спать и отдыхать! Это во всякомъ случаѣ главное условіе для выздоровленія. Скажи Танѣ, что это ея дѣло такъ устроить, чтобы ты не сидѣла долго вечеромъ и чтобъ тебя не будили. Хорошо, что мальчики въ хорошемъ состояніи. Я ничего не предпринимаю, потому что ужъ очень себѣ противенъ. Прощай, душенька, цѣлуй дѣтей. Правда, что тебѣ суетно, но письмо твое очень мало изображаетъ твое душевное состояніе.

Л.

214. **28 октября.**

Вчера цѣлый день, какъ ты видѣла изъ письма, провелъ въ большомъ уныніи. Желудокъ, погода и нравственное недовольство собой. Нынче съ утра былъ въ томъ же уныніи. Теперь унынiе прошло, но недовольство собой, отвращеніе къ себѣ осталось то же. Вчерашнее письмо твое хорошее. Рецептъ я вчера забылъ, а нынче вспомнилъ, и сейчасъ нашелъ и посылаю. Смѣшно сказать, я прошелъ по верху, по всѣмъ комнатамъ, и очень сильное и пріятное чувство испыталъ, глядя на все; смѣшно-то то, что я сѣлъ за фортепіано и игралъ съ величайшимъ удовольствіемъ и даже умиленіемъ.

Нынче всталъ рано и, напившись кофе, пошелъ ходить. Не работалъ, потому что не хотѣлось нарушать своихъ мыслей, и спалъ мало. Погода прекрасная была: тихо, тепло, сѣро, но съ прозрачностью, и нѣтъ-нѣтъ, проглянетъ и напомнитъ о себѣ солнце розовымъ и сизымъ свѣтомъ. Такъ тепло было, что я въ одномъ пальто поѣхалъ въ Ясенки купить бумаги и марокъ. Вернувшись, обѣдалъ и все думалъ въ нерѣшительности, какъ поступить съ Митрофаномъ, т.-е. какъ отказать ему, не обидѣвъ. И вдругъ во время обѣда онъ пришелъ и объявилъ, что проситъ уволить его. Я очень обрадовался. Мы дружелюбно переговорили, и съ завтрашняго дня я вступаю въ должность. Главный человѣкъ тутъ Василій работникъ. Ему все можно поручить; не какъ приказчику, а какъ рабочему. Арину, разумѣется, отпущу. Не знаю только, какъ съ Филиппомъ; какъ наладится дѣло, такъ я пріѣду, и мы обо всемъ переговоримъ.

Напиши мнѣ еще подробнѣе о себѣ: что говоритъ докторъ, что о беременности... Много нынче думалъ, гуляя и на ѣздѣ. Надо писать, непремѣнно надо, а нѣтъ еще страстнаго желанія, безъ котораго нельзя.

Письмо я получилъ вчера очень милое отъ сестеръ Урусовыхъ. Удивляюсь, что онъ не пишетъ, и скучаю по немъ. Вечеромъ Дмитрій Ѳедоровичъ писалъ, а я шилъ сапоги, неторопливо и хорошо. Теперь будемъ пить чай съ Марьей Аѳанасьевной. Спасибо Танѣ за письмо,—some more,—и за хорошія намѣренія. Пожалуйста, Таня, копію кончи и будь измазана красками съ утра до вечера.—Въ «Русской Старинѣ» много хорошаго для меня. Или въ одиночествѣ сильно чувствуется. Что жъ ты не пишешь, что скучаешь безъ меня, и не зовешь меня? Это не такъ, какъ прошлаго года. Не съ рефронтомъ, а правдиво. Что мнѣ недостаетъ тебя для полноты моей,—это несомнѣнно; но можно прожить и неполнымъ. А если тебѣ скучно, то скажи, и я сейчасъ пріѣду. Цѣлую тебя и дѣтей. Ты меня о хозяйствѣ и поняла, и не совсѣмъ поняла. Я затѣваю очень трудное: именно заниматься хозяйствомъ, имѣя въ виду не главное—хозяйство, а

отношеніе съ людьми въ хозяйствѣ. Трудно не увлечься, не пожертвовать отношеніями съ людьми—дѣлу; а надо такъ, чтобы вести дѣло хозяйственно, но всякій разъ, какъ вопросъ: выгода или человѣческія отношенія?—избирать послѣднее. Я такъ плохъ, что чувствую свою неспособность къ этому. Но вышло такъ, что это нужно и сдѣлалось само собой, и потому попробую.

215. **29 октября.**

Твое письмо очень меня огорчило,—очень. Если бы не затѣянная перемѣна управленія, я бы сейчасъ пріѣхалъ, что я и сдѣлаю теперь очень скоро. Мнѣ очень грустно всѣ эти дни. Не знаю, участвуетъ ли здѣсь физическое и какой-то переворотъ, совершающійся во мнѣ, или мое одиночество, но твое состояніе представляется мнѣ главнымъ. Что скажетъ завтрашнее письмо. Нынче я вспомнилъ, что мнѣ 56 лѣтъ, и я слыхалъ и замѣчалъ, что семилѣтній періодъ—перемѣна въ человѣкѣ. Главный переворотъ во мнѣ былъ: $7 \times 7 = 49$, именно, когда я сталъ на тотъ путь, на которомъ теперь стою. Семь лѣтъ эти были страшно полны внутренней жизнью, уясненіемъ, задоромъ и ломкой. Теперь, мнѣ кажется, это прошло,—это вошло въ кровь и плоть, и я ищу дѣятельности на этомъ пути. И или я умру, или буду очень несчастливъ, или найду дѣятельность, которая поглотитъ меня всего на моемъ пути. Разумѣется, писательская, самая мнѣ родственная и тянущая къ себѣ.—Ахъ! только бы ты не была несчастлива, какою ты мнѣ представляешься въ послѣднемъ письмѣ!

Я нынче обошелъ все хозяйство, все узналъ и завтра возьму ключи. Дѣла особеннаго нѣтъ, но нѣтъ человѣка, которому бы поручить, когда уѣдешь. Особенно домъ и все принадлежащее къ нашей жизни. Если я теперь уѣду, то поручу Филиппу[1]) на время. Онъ все-таки не запьетъ, не потеряетъ денегъ, не дастъ

[1]) Филиппъ Родивонычъ Егоровъ. Яснополянскій крестьянинъ; былъ кучеромъ, потомъ временно приказчикомъ.

растащить. Птицу надо уничтожить. Она кормомъ стоитъ рублей 80. И, разумѣется, предлогъ досады. Впрочемъ, не хочется писать,—едва ли получу твой отвѣтъ. Очень ужъ я тоскую. Все рѣшить нынѣшнее и завтрашнее письмо. Ты не думай, что я состояніемъ своимъ душевнымъ недоволенъ. Я собой недоволенъ и о тебѣ безпокоюсь. А то мнѣ это мое состояніе на пользу.—Нынче ходилъ по хозяйству, потомъ поѣхалъ верхомъ, собаки увязались за мной. Агаѳья Мих-на сказала, что безъ своры бросятся на скотину, и послала со мной Ваську. Я хотѣлъ попробовать свое чувство охоты. Ѣздить, искать, по 40-лѣтней привычкѣ,—очень пріятно. Но вскочилъ заяцъ, и я желалъ ему успѣха. А главное—совѣстно.

Пріѣхалъ домой, пообѣдалъ и сидѣлъ съ старухами и Дмитріемъ Ѳедоровичемъ. Твой счетъ меня не пугаетъ. Во-первыхъ, деньги по всему вѣроятію будутъ; а если не будутъ, то кажущіеся неумолимыми расходы окажутся очень умолимыми. Не могу я, душенька, не сердись, приписывать этимъ денежнымъ расчетамъ какую бы то ни было важность. Все это не событіе, какъ, напримѣръ: болѣзнь, бракъ, рожденіе, смерть, знаніе пріобрѣтенное, дурной или хорошій поступокъ, дурныя или хорошія привычки людей намъ близкихъ и дорогихъ; а это—наше устройство, которое мы устроили такъ и можемъ переустроить иначе и на сто разныхъ манеръ. Знаю, что это тебѣ часто, а дѣтямъ всегда, невыносимо скучно (кажется, что все извѣстно), а я не могу не повторять, что счастье и несчастье всѣхъ насъ не можетъ зависѣть отъ того, проживемъ ли мы все, или наживемъ, а только отъ того, что́ мы сами будемъ. Ну, оставь Костенькѣ милліонъ, развѣ онъ будетъ счастливѣе?

Чтобы это не показалось пошлостью, надо пошире, подальше смотрѣть на жизнь. Какова наша съ тобой жизнь съ нашими радостями и горестями, такова будетъ и жизнь настоящая нашихъ дѣтей. И потому важно помочь имъ пріобрѣсти то, что давало намъ счастье, и помочь избавиться намъ отъ того, что намъ принесло несчастье; а ни языки, ни дипломы, ни свѣтъ, ни еще мень-

ше деньги не принимали участія въ нашемъ счастьѣ и несчастьѣ. И потому вопросъ о томъ, сколько мы проживемъ, не можетъ занимать меня. Если приписывать ему важность, онъ заслонитъ то, что точно важно.

216. **30 октября.**

Боюсь, что письмо нынче будетъ короткое. Поздно засидѣлся съ Филиппомъ, давая ему наставленія. Всталъ рано, пошелъ по хозяйству. Потомъ занялся своимъ Богословіемъ—порядочно; потомъ накололъ дровъ, и тутъ пришла ко мнѣ Арина жаловаться на свою судьбу. И подвывала она, и голосила почти, и мало она жалка; но я надѣюсь соединить ее съ ея мужемъ. Она ждетъ только того, чтобъ онъ высказалъ согласіе. Я хотѣлъ нынче заняться этимъ дипломатическимъ дѣломъ, да не успѣлъ; да утромъ были еще двѣ бабы. Одна съ просьбой похлопотать о мужѣ въ острогѣ; я написалъ Бибикову, и, можетъ быть, съ пользой. Другая, старуха, судится съ деверемъ за квитанцію. Эту я уговорилъ бросить судъ. Я вспомнилъ это потому, что здѣсь день кажется такой неблестящій, а вспомнишь,—нѣтъ-нѣтъ, и оказался полезнымъ добрымъ людямъ.

Потомъ поѣхалъ верхомъ въ Лимоновскій лѣсъ посмотрѣть лѣсъ и руду, которую тамъ нашли. Еще Митрофанъ нанялъ искать. Вотъ какъ разъ тотъ хозяйственный вопросъ, котораго рѣшеніе трудно. Тамъ живутъ двѣ недѣли два мужика,—одному 60 лѣтъ,—ночуютъ и ѣдятъ у Александра. Дни проводятъ на работѣ. Работа такая: одинъ копаетъ въ землѣ до 6 саженей глубины, кладетъ землю въ кадушку, а другой воротомъ вытаскиваетъ пудовъ 5 въ кадушкѣ. Кадушка надъ головой того, который внизу; упуститъ верхній, и нижнему смерть или калѣчество. Кромѣ того, песокъ, котораго на пути дудки нѣсколько аршинъ, можетъ тоже обрушиться, и тоже смерть. До обѣда одинъ, а послѣ обѣда другой внизу. Уговоръ работы такой: копаютъ на свое счастье и знанье. Сколько бы ни прошли дудокъ, ничего не получаютъ, пока не найдутъ руды. А если найдутъ, то копа-

ютъ 3 дудки и за каждую получаютъ по 15 рублей. Они прокопали двѣ напрасно; въ одной нашли, другую кончаютъ, въ которой тоже будетъ; а третья спорная. Въ ней есть руда, а по пути къ ней 6 аршинъ песку. И потому опасно копать безъ сруба. И такъ обвалилось съ шапку песку на нижняго копальщика. Копачъ говоритъ, что эта дудка должна идти въ счетъ, а Митрофанъ говоритъ, что нѣтъ. Посмотришь его работу, и ясно станетъ, что ему надо дать все, что онъ проситъ; а посмотришь со стороны только расходовъ и уговора, то ясно, что 15 рублей нельзя бросать. Это очень рѣдкій случай хозяйственныхъ дилеммъ; я потому это описалъ.

Пріѣхалъ поздно; прекрасно пообѣдалъ, почиталъ и пошелъ съ Дмитр. Ѳед. въ баню; потомъ бесѣдовалъ съ Марьей Ѳанасьевной и съ Филиппомъ. Много интереснаго. Я нынче веселъ, потому что отъ тебя хорошее, очень хорошее письмо. Я думаю пріѣхать послѣ 1-го. Такъ все складывается: и моя работа, и хозяйственныя дѣла.

Какъ вѣрно ты говоришь, что есть люди, которымъ дѣваться некуда, и отъ этого ты должна губить свою жизнь. Нынче, завтра,—и такъ всю жизнь! Это ужасно! Будемъ бороться. Какъ это странно, что все важное, имѣющее самое большое вліяніе на жизнь,—все чуть замѣтное, тихое,—и доброе, и дурное.

Early to bed, and early to rise,
To be healthy, wealthy and wise [1]).

Это почти правда. Прощай, душенька. Я тебя люблю точно такъ, какъ ты желаешь. Цѣлую дѣтей; хочется порадоваться на нихъ по твоему письму, но боюсь, тутъ-то что-нибудь и случилось. Но я все-таки радуюсь.

217. **1 ноября.**

Кажется, это то послѣднее письмо, о которомъ ты пишешь. Нынче получилъ твое хорошее письмо. Спалъ дурно,—мыши мѣ-

[1]) Рано ложиться и рано вставать,
Быть здоровымъ, въ достаткѣ и мудрымъ.

шаютъ. Хоть *онъ* и *съдой* мышь, а пренепріятно, когда цѣпляетъ когтями по одѣялу [1]).

Порубилъ дровъ, поработалъ порядочно и пошелъ ходить по шоссе, къ церкви. Тамъ свадьба на трехъ парахъ съ колоколами. Сергѣй Болхинъ въ поддевкѣ и платкѣ, съ глупымъ лицомъ; молодцеватая и веселая Полька въ ковровомъ платкѣ; поѣзжалые не выпившіе, и нѣмой улыбающійся, править парой и сидитъ бочкомъ.—Оттуда пошелъ къ Бибикову узнать про Сережу брата, котораго мнѣ очень хочется видѣть. Посидѣлъ у него и пришелъ домой, съѣлъ прекрасный обѣдъ Марьи Аѳанасьевны. Написалъ нѣсколько писемъ, распорядился съ Филиппомъ, который ѣдетъ завтра въ Тулу, и вотъ пишу тебѣ рано, потому что либо Сережа пріѣдетъ ко мнѣ, либо я поѣду къ нему къ Бибикову. Завтра буду укладываться. Странно я провелъ это время—не весело, не дурно и не безполезно. Впрочемъ, ты лучше знаешь и узнаешь. Можетъ быть, еще припишу; а теперь надо выдумывать. Какъ хорошо, что тебѣ лучше, и какъ дурно, что ты ѣздишь. Цѣлую тебя и всѣхъ дѣтей.

Письма изъ Ясной Поляны въ Москву.

218. **8 декабря.**

Сейчасъ пріѣхалъ благополучно на Козловку. Михайло меня встрѣтилъ и сказалъ, что въ конторѣ топлено съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ Власъ. О постели не знаю; но скорѣе лягу на деревянномъ диванѣ, чѣмъ на холодной постели, такъ что ты не безпокойся. Шубы я не взялъ, потому что обуза, а тутъ есть кафтанъ. И если придется застать холода, возьму тулупъ. Ѣхалъ скучно, да и самъ не веселъ,—не веселъ безъ всякихъ причинъ,—физически ослабъ и въ меланхоліи легкой, а то быть унылымъ не отъ чего, когда думаю о всѣхъ, то радуюсь. Теперь только буду

[1]) Л. Н. не выносилъ мышей. Подчеркнутыя слова повторяютъ очевидно обычныя выраженія старой Агаѳьи Михайловны.

безпокоиться и пока, вѣроятно, недолго пробуду. Но ванна деревенской жизни мнѣ стала необходима. Ну вотъ, цѣлую тебя и всѣхъ дѣтей и особенно Таню. Пишите, коли кому не скучно.

Т.

219. **Декабрь 9.**

Провелъ прекрасный день. Теперь 8 часовъ вечера. Вчера, когда вышелъ и сѣлъ въ сани и поѣхалъ по гладкому, рыхлому въ полъ-аршина (выпалъ въ ночь) снѣгу, въ этой тишинѣ, мягкости и съ прелестнымъ зимнимъ звѣзднымъ небомъ надъ головой, съ симпатичнымъ Мишей, испыталъ чувство, похожее на восторгъ, особенно послѣ вагона съ курящей помѣщицей въ браслетахъ, жидкомъ-докторомъ, перорирующимъ о томъ, что нужно казнить, съ какой-то пьяной ужасной бабой въ разорванномъ салопѣ, безчувственно лежавшей на лавкѣ и тутъ же опустившейся, и съ господиномъ съ бутылкой въ чемоданѣ, и со студентомъ въ pince-nez, и съ кондукторомъ, толкавшимъ меня въ спину, потому что я въ полушубкѣ. Послѣ всего этого Оріонъ, Сиріусъ надъ Засѣкой, пухлый, беззвучный снѣгъ, добрая лошадь, и добрый воздухъ, и добрый Миша, и добрый Богъ.

Въ конторѣ топлено, но мнѣ показалось угарно (воображеніе). Я сначала хотѣлъ еще протопить, а потомъ раздумалъ. Поговорилъ и попилъ чай съ Филиппомъ (у него все хорошо и онъ старается). Потомъ пришла Агаѳья Михайловна. Во 2-мъ часу Миша легъ на печку, какъ онъ былъ, снялъ сапоги, положилъ шубу подъ голова и тотчасъ же заснулъ; а я, бо́ясь угару, просидѣлъ до 3-хъ. Читалъ Будду, и чтеніе было серьезное. Потомъ спалъ однимъ глазомъ, прислушиваясь къ угару, котораго не было. Часу въ 5-мъ,—было совсѣмъ темно,—я свистнулъ, чтобъ перебить полухрапъ Михайлы [1]). Онъ почмокалъ губами, поглядѣлъ въ окно,—ему показалось, что свѣтаетъ,—и тотчасъ слѣзъ, надѣлъ сапоги, шубу и пошелъ убирать лошадей и ѣхать въ Тулу.

---

[1]) Чей-нибудь храпъ ночью дѣлалъ для Л. Н. сонъ невозможнымъ.

Онъ все это передѣлалъ и вернулся въ 2 часа съ покупками изъ Тулы веселый, бодрый и здоровый. Мнѣ пріятно и полезно это видѣть. Я проспалъ до 10. Пришла Марья Аѳанасьевна. Какъ мнѣ ни мало надо, это малое ужасно много. Пошли въ тотъ домъ, забрали вещи разныя; потомъ хватился я яицъ, хотѣлъ посылать, но пошелъ самъ на деревню. Я шелъ и думалъ: мы говоримъ, что намъ мало надо, но намъ—мнѣ такъ много надо, что если только не брать всего этого, не замѣчая и воображая, что это такъ само собой, то станетъ совѣстно. Я прошелъ къ Ѳокановымъ, у нихъ нѣтъ. Прошелъ къ Власу. Мать его все такъ же лежитъ. Я сказалъ ей: «праздникъ тебѣ веселѣй».—«Нѣтъ, хуже. Если хорошій человѣкъ, я рада, а то хуже».

Власъ досталъ мнѣ яицъ, и я насовалъ ихъ въ карманъ и, вмѣсто того, чтобъ дать ихъ Власовой матери, пошелъ ихъ жрать. Послѣ завтрака сѣлъ за статью и немного подвинулся; но пришелъ наниматься въ приказчики солдатъ, бывшій каптенармусъ; я ему, было, холодно отказалъ, но онъ сказалъ мнѣ, что онъ мой бывшій ученикъ первой школы—Семка Богучаровскій. Это одинъ изъ лучшихъ мальчиковъ былъ. И теперь хорошій, кажется, человѣкъ. Я узналъ въ этомъ солдатскомъ лицѣ того бутуза, очень умнаго мальчугана въ веснушкахъ и доброй, доброй улыбкой, и довольно долго поговорилъ съ нимъ. Потомъ, чтобы погрѣться, покололъ дровъ и пошелъ къ Бибикову. Снѣгу пропасть, и дорожки не протоптаны. На деревнѣ Матвѣй Егоровъ окликнулъ меня (уже смеркалось) и подошелъ покалякать о лошадяхъ украденныхъ, о томъ, какъ это грѣхъ у меня украсть,—льстивыя рѣчи. Я спросилъ, какія это двѣ лошади стоятъ у него у двери?—А это, говоритъ, племянница изъ Телятинокъ, у ней лошадь стала, такъ вотъ я свою заложу, ее довезу. Я говорю: «подвези и меня», и пошелъ. На горѣ меня догнала баба, двѣ дѣвочки и два мальчика, и сзади ставшая лошадь. Я сѣлъ къ нимъ въ сани. Баба стала разсказывать про свою несчастную участь,—хлѣба нѣтъ, три дѣвочки, одна грудная (я, чай, накричалась безъ меня, и сама чуть не замерзла); ѣздила къ матери на Бороломку, не дастъ ли денегъ на хлѣбъ;

а у отца (онъ сторожъ въ лѣсу) украли дрова и вычли 3 рубля. «Такъ ни съ чѣмъ и ворочаюсь, да еще лошадь стала, чуть не замерла, падала лошадь три раза». Баба плачется, а дѣвочки и мальчики (это Ясенскіе) сѣли прокатиться, хохочутъ, шумятъ и то и дѣло ломаютъ вѣтки и подгоняютъ лошадь. Она и за санями не идетъ. Дорога ужасно тяжелая, непроѣзженная, подъ кручь Кочака. Лошадь сзади совсѣмъ стала. Мнѣ было пріятно, что я имъ помогъ, и главное—лошади. Она старая, худая, и пройдетъ шаговъ сто и станетъ, и сколько ни бьютъ ее ребята,—не двигается. Я взялся за лошадь и подружился съ ней, и безъ боя довелъ ее до Телятинокъ. Тамъ я вошелъ въ избу, чтобъ посмотрѣть, какъ они живутъ. Живутъ они чисто и лучше, чѣмъ плакалась баба. Ребята играютъ въ карты, дѣвочка крошечная пѣсни поетъ. Мать пришла и тотчасъ хотѣла бѣжать за грудянымъ—Парашкой. Парашка эта была у сосѣдки. А сосѣдка сама пришла. Сосѣдка эта Марѳа, Матвѣя Егорова. У нея свой ребенокъ, и она цѣлый день кормила эту Парашку. Онѣ пошли за Парашкой, а я съ дѣвочками и мальчиками поѣхалъ домой, а то мужикъ хотѣлъ провожать ихъ. Дѣвочки—одна Авдотьи вдовы дочь, другая Зорина; мальчики—одинъ Зоринъ, другой Николая Ермилова. Пошелъ снѣгъ и темнѣть стало, и мои товарищи стали робѣть и храбриться, особенно Грушка, Авдотьина дочь. Лица ея я не видалъ, но голосъ и говоръ пѣвучій, и складный, и бойкій, какъ у матери. Когда она била лошадь, я ей говорю: «сама стара будешь».—«Нѣтъ, я старая не буду никогда. Такъ все маленькой и буду».—«А умрешь?»—«Это я не знаю, а старой никогда не буду». Тутъ, когда мы поѣхали подъ гору, они стали поминать про волковъ и про «пыль»[1]) и все вѣшки на дорогѣ смотрѣли. Я говорю: «Вотъ насъ занесетъ снѣгомъ, мы повернемъ сани, сядемъ подъ нихъ и будемъ сказки сказывать. А студено будетъ, мы руками будемъ хлопать». И всѣ хохочутъ. Черезъ ручей мы переѣхали не безъ хлопотъ; но только что переѣхали, Грушка усѣлась на головашки саней и говоритъ:

[1]) Метель.

«Ну, давай разсказывать сказки, я одну знаю»,—и начала и прелестно разсказала одну очень хорошую сказку. Всѣ со вниманіемъ слушали, и стали такіе добрые, что остальные дѣвочки и мальчики предлагали другъ другу одинъ кафтанъ, который у нихъ былъ въ накидку, чтобъ защищать отъ вѣтра. Когда она кончила сказку, она забыла, что злодѣйку сказки привязали къ жеребцу стоялому, къ которому и мужики боялись подходить.— «Да, да, жеребецъ такой стоял...» Я перебилъ ее: «Ну такой, какого мы вели?» Батюшки! какой поднялся хохотъ! Ужъ мы съѣхали съ горы передъ деревней, когда она кончила. Я сказалъ, что не успѣю разсказать. Мальчики стали просить: хоть немножко. Я началъ имъ китайскую сказку. Зорина предложила остановить лошадь, но Груша, какъ степенная хозяйка лошади, не согласилась. Я досказалъ до половины. Лошадь какъ-то проѣхала немножко поворотъ, Грушка поворотила ее за узду, сама говоритъ: «Иль забыла, аль сказки заслушалась».—Я пошелъ дальше и слышалъ, какъ Грушка кричала подъ окномъ: «Дѣдушка, выходи, лошадь!» Очень хорошо! Очень все это меня трогаетъ.— Цѣлую тебя и всѣхъ дѣтей. Завтра, вѣроятно, узнаю о тебѣ и васъ—какъ здоровье, состояніе духа, и всѣ ли благополучны.

Л. Т.

Открытое письмо.

220. **10 декабря.**

Тепелъ, сытъ, живъ, здоровъ. Все утро работалъ хорошо [1]); потомъ пошелъ къ Бибикову. Пока дошелъ по обходнымъ дорогамъ, пока посидѣлъ, напился чаю, вышелъ въ 8. Тепло, тихо и туманъ. Пошелъ на Воробьевку и кругомъ по шоссе, и вотъ только пришелъ усталый. Спасибо за письмо. Пишите подробнѣе. Урусовъ выѣзжаетъ изъ Крыма 13-го. Очень жалѣю, что не видалъ Мирскаго. Нынче усталъ и головой, и тѣломъ.

Л. Толстой.

---

[1]) Въ это время Л. Н. работалъ надъ сочиненіемъ „Такъ что же намъ дѣлать?“.

221. **Декабрь 11.**

Получилъ нынче твое коротенькое письмо отъ Сережи. Не хорошо твое нервное состояніе съ кали бромати. Я на твоемъ мѣстѣ рѣшительно бы сдѣлалъ одно изъ двухъ: или присталъ бы къ доктору, чтобъ онъ предписалъ мнѣ послѣдовательное лѣченіе, и строго бы слѣдовалъ ему, или бросилъ бы всякое лѣченіе и велъ бы гигіенически правильную жизнь: много бы былъ на воздухѣ, много бы дѣлалъ движенія и не думалъ бы о болѣзни. Право, подумай и сдѣлай одно изъ двухъ; а то это ни то, ни се очень вредно для тебя, для твоего душевнаго состоянія.

Ты написала Филиппу, чтобы кормить птицу, а я, было, велѣлъ ее уничтожить, потому что она не стоитъ корма. Она очень плоха. По-моему оставить однѣхъ куръ. Валухъ, котораго кормятъ, очень великъ, но не совсѣмъ сытъ; его можно продать рублей за сто. Сообрази, будетъ ли онъ стоить тебѣ мясомъ рублей на 90, такъ какъ 10 рублей стоитъ шкура. Скотница—Акулина Ѳоканова и, кажется, очень хороша.

Нынче взяли кухарку, старую, степенную женщину, и старухи говорятъ, что въ черной [1]) благодать. Знаю, что надо бы отпустить Филиппа по его незаконному положенію и замѣнить его, но жалко. Онъ степененъ и очень старается.

Нынче я всталъ въ 9 и съ 10 до 2-хъ писалъ не очень хорошо, но и не безполезно,—подвигаюсь. Въ два пошелъ ходить на шоссе. Дошелъ до кабачка и назадъ. Пообѣдалъ прекрасно. Я купилъ себѣ рыбы и ѣлъ прекрасно—судака и севрюгу. Потомъ почиталъ. Пришла Агаѳья Михайловна и болтала съ Марьей Аѳанасьевной. Сейчасъ поѣду на Козловку получать и отдавать письма. Нынче сильное и пріятное впечатлѣніе—это сочиненіе—стихи того самаго мужика-поэта, который давно еще привозилъ мнѣ свои стихи. Онъ нынче заѣзжалъ. Я былъ занятъ и не поговорилъ съ нимъ, велѣлъ ему заѣхать завтра. Одно его стихотвореніе превосходно. Есть неровности, уродства невѣ-

[1]) Т.-е. въ черной кухнѣ.

жественныя, но все прелестно. Хорошо бы поправить и издать лубочно—Черткову. Я попробую.

Когда я уѣзжалъ изъ Москвы, на Покровкѣ мнѣ встрѣтился Маковскій, Владиміръ, остановилъ меня и сталъ говорить, что ему очень нужно меня видѣть по дѣлу. Дѣло такое, что есть одинъ богачъ, Кузнецовъ, который хочетъ издавать для народа хорошія лубочныя картины, то самое, что Чертковъ. Я торопился и много не могъ говорить съ нимъ. Онъ хотѣлъ пріѣхать въ субботу. Я думалъ вернуться къ субботѣ, и теперь думаю: немножко жалко уѣхать въ тотъ самый день, какъ пріѣдетъ Урусовъ. Если у тебя все будетъ благополучно, то я постараюсь увидать его въ Тулѣ, въ тотъ день, когда онъ пріѣдетъ. Если онъ выѣдетъ 13-го, то пріѣдетъ 16-го, т.-е. въ субботу.

Агаоья Мих-на, не переставая, болтаетъ и мѣшаетъ мнѣ писать, и потому кончаю. Цѣлую тебя и дѣтей. Пишите мнѣ.

Открытое письмо.

222. **Декабрь 12.**

Все утро очень хорошо работалъ. Перевалилъ самое трудное и теперь надѣюсь кончить. Все совершенно благополучно, только немного болитъ печень, такъ, какъ она болитъ, когда я много занимаюсь. Очень мнѣ было обидно, что письмо, которое мнѣ такъ нравилось, тебѣ не понравилось. Нынче вечеръ провелъ съ мужикомъ-поэтомъ. Какъ жаль Илью и Лелю; особенно Илью. Если бы я кончилъ здѣсь свою работу, я былъ бы очень радъ. Но это слишкомъ хорошо. Мнѣ недостаетъ очень Дмитрія Ѳедоровича для переписки. Онъ поступилъ псаломщикомъ. Начинается метель, и потому можетъ случиться, что это письмо нынче не поѣдетъ.

Л. Т.

223. **Декабрь 13.**

Спалъ мало, печень болитъ, но въ хорошемъ, бодромъ и писательскомъ духѣ. Много писалъ, и, какъ всегда, что больше въ

лѣсъ, то больше дровъ. Все разрастается, становится (для меня) болѣе интереснымъ. Пошелъ было гулять, но дождь и вѣтеръ, и вернулся. Хотѣлъ заснуть, но не спалось, и читалъ до вечера. У Бибикова я тогда еще встрѣтилъ молодого доктора на мѣсто Халевинской [1]), и онъ говорилъ мнѣ про книгу «Проституція и сифилисъ въ Россіи», и вотъ прислалъ ее. Книга дѣльная. Страшно, и гадко, и жалко, и досадно. Такъ просто и легко хорошо жить и избѣгнуть всѣхъ тѣхъ ужасовъ, которыми мы губимъ себя (себя бы еще ничего, коли кто этого хочетъ), но и другихъ. Часовъ въ 5 пошелъ на деревню, къ Петру Осипову, къ новому учителю, пригласить его переписывать, и къ Сергѣю Рѣзунову. Среди мужиковъ и въ бесѣдѣ съ ними я чувствую себя одинокимъ, чувствую, что они не могутъ понять меня; но все-таки не до такой степени, какъ съ профессоромъ К...мъ и многими другими. Петръ Осиповъ очень удивилъ меня. Онъ безъ всякаго вызова съ моей стороны сталъ говорить, что не ходитъ къ обѣднѣ, потому что діаконъ все поминаетъ... Такъ что я перемѣнилъ разговоръ.

По письмамъ твоимъ я вижу, что ты въ дурномъ духѣ. Не то, чтобы ты была сердита или грустна, а въ очень легкомъ, поверхностномъ. И ты сама недовольна, и это жалко. Впрочемъ, ты такъ часто мѣняешься, что, можетъ, завтра письмо будетъ ужъ совсѣмъ другое. О возвращеніи своемъ я писалъ тебѣ: если Урусовъ пріѣдетъ 16-го, я пробуду съ нимъ день и пріѣду. Хорошо ли, дурно ли, но положеніе мое тѣмъ отличается отъ другихъ, что общеніе съ нѣкоторыми людьми, единовѣрцами, къ числу которыхъ принадлежитъ Урусовъ, мнѣ особенно дорого. Нѣтъ ли писемъ ко мнѣ, нужныхъ для отвѣта?

Прощай, душенька. Пью чай и ложусь. Цѣлую тебя и дѣтей. Нынче продалъ лошака; надѣюсь, что никто изъ дѣтей на это не обидится. А то корму онъ съѣстъ столько же, сколько корова.

---

[1]) Женщина-врачъ, впослѣдствіи сосланная за то, что имѣла у себя запрещенныя статьи Льва Ник. Дѣвушка идейная, самоотверженная и хорошая.

Сундукъ цѣлъ; мы караулимъ съ Марьей Аоан. и Булькой. Поклонись M-me Seuron. Да, она вредно на тебя дѣйствуетъ, и нынче мнѣ пришла мелькомъ мысль, не нарочно ли она это, не любя тебя, дѣлаетъ. Лесть и лесть о внѣшности страшно портитъ. Я сравниваю это съ лестью о писаньи; когда надѣешься на нее, сейчасъ чувствуешь, что слабѣешь и глупѣешь. Пиши хорошенько. Это не значитъ: пиши неправду, но значитъ, что я очень желаю, чтобъ ты была въ хорошемъ духѣ. Лѣчиться я бы совѣтовалъ тебѣ, строго исполняя все по крайней мѣрѣ мѣсяцъ; потомъ можно рѣшить. А хуже всего—ни то, ни се. Жалко, что Таня не пишетъ. Хоть костюмъ бы описала, я изъ него узналъ бы немножко состояніе ея души. Ахъ, какъ жалко; что это Илюша все спитъ! Еще онъ при мнѣ это дѣлалъ. Это не хорошо. Если письмо это не складно и не весело, то прими въ расчетъ боль печени и прости.

224. **Декабрь 14.**

Сейчасъ написалъ письмо на карточкѣ, но началъ за здравіе, а кончилъ за упокой и не посылаю, и пишу на бумагѣ, чтобы и теперь не случилось этого. Случилось же это по случаю Лелинаго письма, которое мнѣ было очень пріятно. Я такъ и вижу, какъ всѣ нападутъ на него за это, т.-е. за то, что онъ имѣетъ и умѣетъ, что̀ сказать мнѣ, и сказать такъ, что я чувствую, что онъ мнѣ близокъ, что онъ знаетъ, что всѣ его интересы близки мнѣ, и что онъ знаетъ и хочетъ знать мои интересы. Умолкаю, чтобы не разорвать и этого письма.

Всталъ я нынче рано и рано сѣлъ за работу, и работалъ часовъ 5 сряду, и намаралъ бумаги много, но есть ли въ этомъ мараньи толкъ или нѣтъ, не знаю. Т.-е. неправда, знаю, что есть, и потому мнѣ на душѣ легко. Какъ бы совсѣмъ иначе шла жизнь всѣхъ людей, и какъ бы они сами были счастливѣе, если бъ они цѣлью своею ставили *произведеніе* того, чего нѣтъ, и того, что хорошо и нужно, а не удовольствіе. Удовольствія нѣтъ настоящаго другого, какъ то, которое слѣдуетъ за произведеніемъ. Про-

изводить можно и карандаши, и сапоги, и хлѣбъ, и дѣтей, т.-е. людей. Безъ произведенія чего-нибудь не можетъ быть настоящаго удовольствія, т.-е. удовольствія, не смѣшаннаго со страхомъ и страданіемъ, угрызеніемъ совѣсти и стыдомъ; и чѣмъ важнѣе произведеніе, тѣмъ больше удовольствія. Такъ это для насъ, для взрослыхъ и стариковъ; для дѣтей и молодыхъ мѣсто произведенія замѣняетъ большею частью пріобрѣтеніе знаній или искусство. Оно и у старыхъ бываетъ. Но у старыхъ большая доля произведенія, а малая пріобрѣтенія знанія и искусства, а у молодыхъ наоборотъ. Когда же на мѣсто этого станетъ исканіе удовольствій и потеряется вкусъ въ произведеніи вещей и пріобрѣтеніи знаній и искусствъ, то это не шутка, а погибель.

Я вспоминаю свою молодость и помню, что я переживалъ такіе періоды; но это были періоды короткіе, это были исключенія, времена, которыя совсѣмъ вычеркнулись изъ моей памяти и которыя если я вспоминаю, то вспоминаю съ омерзѣніемъ. Мнѣ вспомнились потомъ слова Ер—й, бывшей красавицы съ заплаткой на носу, какъ она, во-первыхъ, увѣряла меня, что я всю молодость свою танцовалъ съ ней (чего я не помню), а главное ея слова: «il faut que jeunesse se passe». Эти слова любятъ повторять тѣ, которые въ своей vieillesse не вышли изъ jeunesse. Эти слова вѣрно говорятъ Грушенька О—я, дядя Сережа и дядя Костя. Jeunesse только тогда se passe благополучно, когда есть vieillesse... не знаю, какъ писать... дѣлающая свое дѣло; а когда старики сами задерутъ хвосты, т.-е. будутъ отдаваться тщеславію, праздности, роскоши, то куда же залетитъ jeunesse? Не хорошо это, а главное—неправда. И тотъ старикъ, который говоритъ молодежи то, что онъ своимъ старымъ умомъ видитъ, и говоритъ серьезно, хотя бы это было непріятно молодежи, тотъ навѣрное гораздо больше любитъ и понимаетъ молодежь, чѣмъ Грушенька, Е—ва, дяди и У., будто изъ сочувствія молодежи рѣзвящіеся съ ними.

Получилъ твое письмо утромъ. Надѣюсь, что ты получишь аккуратно, и что тебѣ такъ же это важно, какъ и мнѣ. Я всякій

разъ (я замѣтилъ это за собой) подержу нѣсколько времени письмо и выбираю время, когда прочесть. Мнѣ важнѣе тебя. Въ твоемъ письмѣ отражается для меня душевное состояніе не только твое, но и дѣтей, дома. Разумѣется, что я ошибаюсь, но по твоему письму я, какъ по термометру, слѣжу за тѣмъ, за чѣмъ я всегда чутко слѣжу—за нравственной температурой семьи—поднялась или упала. Письмо твое нынѣшнее было хорошее, но температура, вижу, нѣсколько упала и продолжаетъ стоять низко.

Послѣ работы съѣздилъ въ Ясенки верхомъ. Погода пріятная: тихо, таетъ, туманъ; вернулся, былъ въ банѣ и теперь читалъ еврейское евангеліе, и хочу раньше лечь спать.

Прощай, милый другъ, цѣлую тебя и дѣтей. Пріѣду въ воскресенье, если ничего не случится. Что тебѣ мой вагонъ такъ не понравился? Вагонъ этотъ есть образчикъ Москвы. Тутъ она была въ сжатомъ видѣ [1]). Я боюсь, что и это письмо нехорошо и непріятно подѣйствуетъ на тебя. Если это такъ, то прости меня. Лелю очень поцѣлуй за меня. Что малыши—четверо?

225. Декабрь 15.

Пишу отъ Урусова. Мнѣ невѣрно сказали. Онъ не выѣхалъ, а пріѣхалъ 13-го. Нынче утромъ Марья Аѳанасьевна мнѣ сказала: «князь пріѣхалъ», и я рѣшилъ поѣхать къ нему, особенно боясь, чтобъ онъ самъ не вздумалъ. Всталъ рано, пошелъ походить, встрѣтилъ мужика, копавшаго руду, и отъ его безтолковости и своего барства и злости кричалъ съ нимъ и махалъ руками. Не сказалъ ему ничего непріятнаго,—можетъ быть, и сказалъ,—я видѣлъ, что онъ огорченъ и сконфуженъ, и Филиппъ удивленъ, и пришелъ домой—стыдно, гадко, ужасно! Одно утѣшенье: Марья Аѳанасьевна сказала, когда я спросилъ вчерашній супъ, и оказалось, что она его вылила Булькѣ, она сказала своей спокойной скороговоркой: «впередъ наука». И мнѣ впередъ наука. Я потомъ помирился съ мужикомъ и даже осчастливилъ

[1]) См. письмо 9-го декабря.

его; но на душѣ стыдно, и «впередъ наука»—не утѣшаетъ. Утѣшаетъ то, что это смиряетъ. А вчера я написалъ такое строгое, скверное письмо. Я похвалился, что не болитъ печень, а она все болитъ, или, скорѣе, чувствуется, и это все отъ того. Утро все много писалъ, кажется, порядочно. Думалъ кончить здѣсь, но вотъ поѣздка къ князю помѣшала. Въ 3 поѣхалъ въ Тулу верхомъ, и не разсчелъ, что по дорогѣ ледъ и ѣхать очень дурно. Ѣхалъ тихо. Пріѣхалъ къ Урусову и засталъ его за евангеліемъ: сличаетъ переводы: старый французскій и нашъ, и дѣлаетъ соображенія и открытія для себя. Я радъ за него, что онъ живетъ въ этомъ мірѣ. Здоровье его, по-моему, хуже, хотя онъ считаетъ, что лучше. Онъ накормилъ меня, и мы хорошо провели вечеръ и теперь ложимся спать, 11-ть. Я не поѣхалъ домой, какъ хотѣлъ, отъ бойкости дороги. Поѣду завтра утромъ и пріѣду ночевать къ нему.—Въ серединѣ нашего разговора пришелъ Михаилъ Ѳомичъ и объявилъ, что пришелъ «признаватель» и желаетъ видѣть князя.—Кто? Что?—Признаватель; онъ угадываетъ все и все знаетъ.—Привели. Еврей чудной. Онъ жилъ въ Тулѣ, и въ печатной афишкѣ объявилъ, что онъ можетъ предсказывать будущее лично и заочно и т. п. По рублю за входъ. Онъ предлагалъ намъ послушать премудрость или предсказать. И мы послушали.

Спасибо за письмо, оно лучше всѣхъ; температура какъ будто въ повышеніи. Это послѣднее письмо, коли Богъ дастъ. Прощай, душенька, до свиданья. Цѣлую тебя и дѣтей.—О Лазаревѣ [1]) просилъ князя узнать, онъ обѣщалъ. Изъ знакомыхъ никого не видалъ. Сережу брата увижу, Богъ дастъ, въ Москвѣ, а остальнымъ я не нуженъ, и они мнѣ.

226. Тогда же.

Сейчасъ отъ князя Урусова написалъ тебѣ довольно длинное письмо, понесъ его въ ящикъ, положилъ, а потомъ спросилъ,

[1]) Сосланный революціонеръ изъ крестьянъ.

когда вынимаютъ, и мнѣ сказали, что въ 8. А Михайло сбилъ меня, говоря, что берутъ въ 6. Оставить же тебя безъ письма не хочется, тѣмъ болѣе потому, что вчерашнее мое письмо было скверное. Я похвастался, что печень не болитъ. А ночью я ее почувствовалъ, и это *она* написала.

Всталъ рано, опять много писалъ. Утромъ Марья Аѳанасьевна сказала, что князь пріѣхалъ. Мнѣ невѣрно сказали, что онъ выѣзжаетъ 13-го. Онъ пріѣзжаетъ 13-го. Въ 4-мъ часу поѣхалъ къ нему верхомъ и долго не доѣхалъ потому, что ледъ по всей дорогѣ, и отъ этого остался у него ночевать. Онъ, по-моему, хуже, чѣмъ былъ: кашляетъ больше. Засталъ его за евангеліемъ. Хорошо провелъ вечеръ, и сейчасъ, 11 часовъ, ложимся. Это послѣднее письмо.

Воскресенье, Богъ дастъ, пріѣду. О Лазаревѣ просилъ Урусова. Онъ обѣщалъ. Цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

Завтра утромъ уѣду и, должно быть, пріѣду ночевать опять къ Урусову.

1885 годъ.

Изъ Ясной Поляны въ Москву.

227. **Конецъ января.**

Съ Тульской станціи пишу тебѣ, чтобъ письмо дошло до тебя поскорѣе. Что мнѣ грустно и безпокойно было уѣзжать отъ тебя, ты сама знаешь по себѣ. Пожалуйста, прости меня, милый другъ, въ чемъ я виноватъ передъ тобою. Это тѣмъ возможнѣе тебѣ, что я навѣрное не хотѣлъ тебѣ сдѣлать ни зло, ни больно, ни сердца не имѣлъ на тебя. Какъ бы хорошо было, если бы это письмо нашло тебя въ кроткомъ духѣ. Цѣлую тебя и дѣтей, тороплюсь кончить, чтобъ застать Урусова.

Л.

228. **Тогда же.**

Пишу отъ князя. Я вчера пріѣхалъ къ нему въ 11-мъ и засталъ его еще въ постели, и гораздо бодрѣе и свѣжѣе, не только, чѣмъ ожидалъ, но и чѣмъ онъ былъ въ Москвѣ. Переночевалъ у него, поговорили тихо, и я у него сѣлъ заниматься надъ переводомъ «Ученія 12-ти апостоловъ». Оно очень заняло меня. Оно очень глубоко, и можетъ выйти большой важности народная книга, что̀ я и намѣренъ изъ нея сдѣлать. Передъ кофеемъ я ходилъ къ моему литератору-калачнику и велѣлъ прислать мнѣ когонибудь Ясенскихъ. Передъ обѣдомъ ходилъ на почту и получилъ много писемъ, лежавшихъ тамъ,—все пріятныя, льстивыя письма. Я говорю князю, и, правда, хорошо, что дома я подвергаюсь критикѣ и осужденію, совершенно заслуженному и любовному, т.-е. отъ людей, которые меня любятъ, а то я бы былъ много хуже.

Сейчасъ пообѣдали очень скверно, но желудокъ, вѣроятно, не испортится. Беру съ собой вино и бѣлый хлѣбъ и сейчасъ ѣду съ Курносенковымъ, который пріѣхалъ за мной по вызову булочника.

Сейчасъ еще пришелъ Давыдовъ. Постараюсь не засидѣться съ нимъ и уѣду раньше. Мое пребываніе здѣсь будетъ зависѣть отъ того, въ какомъ положеніи ты и всѣ дѣти. Ради Бога, пиши какъ можно искреннѣе. Ты, впрочемъ, и не любишь писать и говорить иначе. Пожалуйста, пиши побольше, т.-е. сядь въ свободное время и отдайся своимъ мыслямъ и чувствамъ. Какія бы онѣ ни были, я буду радъ. Да я увѣренъ, что будутъ хорошія. Душенька, пожалуйста, не сердись, а то это такъ тяжело и тебѣ, и мнѣ.

Ну, до завтра. Если погода будетъ такая же прекрасная, я завтра послѣ работы опять пріѣду къ Урусову. Цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

229. **Январь, конецъ.**

Получилъ сейчасъ твое коротенькое и грустно-холодное письмо. Боюсь объясняться, чтобы опять какъ-нибудь не раздражить тебя; но одно скажу еще разъ, и яснѣе, я думаю, чѣмъ въ раз-

говорѣ: я не отстаиваю формъ, въ которыхъ я выражался о личностяхъ [1]), и каюсь въ нихъ, и прошу тебя простить меня, но если я отстаиваю что̀, то отстаиваю самую мысль, выраженную во всей статьѣ и наполняющую меня всего. Эту мысль и это сознаніе я не могу измѣнить, такъ же, какъ не могу измѣнить своихъ глазъ, и я знаю, что ты не любишь эту мысль, а хочешь бороться съ ней, и это мнѣ больно, и оттого я отстаиваю свою мысль. Но и это все вздоръ. Если мысль—истина, то всѣ, и ты въ томъ числѣ, придешь къ ней, и раздражить тебя въ ней могла только моя личная раздражительность и гордость. Если же и мысль несправедлива, то я опять виноватъ, навязывая ее, да еще въ непріятной, навязчивой формѣ.

Какое раздраженіе было за обѣдомъ? Какъ жаль! Я вчера пріѣхалъ съ Курносенковымъ очень благополучно въ 11 часовъ. Было тепло, я боялся угара и до 3-хъ не спалъ. Выѣхалъ я изъ освѣщенной квартиры и освѣщенныхъ улицъ на снѣгъ и вѣтеръ, и стало вдругъ тоскливо, какъ это часто бываетъ послѣ городской, роскошной жизни. Но доѣхалъ я уже въ самомъ счастливомъ, спокойномъ и твердомъ настроеніи, и такое же нынче утромъ и цѣлый день. Это—какъ пьяный съ похмелья: сначала тяжело, а перетерпишь, то чувствуешь, какъ лучше быть трезвому.

Погода прекрасная. Я немного занялся, походилъ и поѣхалъ въ Тулу. Пріѣхалъ въ 6, обѣдалъ блины, пришелъ Давыдовъ, поговорили съ нимъ, и вотъ въ 10 пишу тебѣ. Завтра жду письма въ Козловку. Цѣлую тебя и дѣтей. Что здоровье Лели?

230.

Открытое письмо. 2 февраля.

Везу самъ это письмо на Козловку, не зная еще, получу ли отъ тебя извѣстіе. Ночевалъ у Урусова, рано утромъ вернулся въ

[1]) Непріятности возникли между мной и Львомъ Николаевичемъ вслѣдствіе того, что въ статьѣ своей „Такъ что же намъ дѣлать?“ были вначалѣ нападки на семью и старшихъ дѣтей. Я огорчилась, вступилась за дѣтей и требовала изъятія изъ статьи этихъ нападокъ.

Ясную. Подождалъ Лелю. Завтра поѣду обѣдать къ Урусову. Прекрасно провелъ день.

231.

Пятница, 11 час. веч. Ясная Поляна.

Въ Тулѣ, куда я ѣздилъ нынче, получилъ твои два унылыя письма. И не знаю, что писать и что отвѣчать. Всю дорогу ѣхалъ, думалъ о томъ, что̀ написать, и передумалъ десятки писемъ, и теперь сидѣлъ долго надъ письмомъ,—не знаю, что̀ писать, всего боюсь. Какъ ужасно тяжело жить безъ любви, и еще тяжелѣе умирать. Я, когда одинъ, всегда яснѣе, живѣе представляю себѣ смерть, о которой думаю всегда, и когда я представилъ себѣ, что умру не въ любви, мнѣ стало страшно. А въ любви только можно жить счастливо и не видать, какъ умрешь. Здоровье мое физически очень хорошо. Урусова тоже. Женѣ его я писалъ и телеграфировалъ. Цѣлую тебя и дѣтей. Чтобы они написали.

Л.

Говорю объ отсутствіи любви не съ моей стороны. Я, не переставая, думаю о тебѣ, люблю и жалѣю...

232. **Февраль.**

Получилъ нынче утромъ, пятницу, твое письмо послѣднее. Оно получше; можетъ быть, и я получше; но оно уменьшило мою тоску по тебѣ. Я провелъ весь день дома: писалъ, читалъ и тихо сидѣлъ и думалъ. Вечеромъ прошелъ на деревню къ Николаю Ермилину усовѣщивать его въ долгѣ, отъ котораго онъ отрекается, и къ Костюшкѣ, и Ганѣ воровкѣ. Вотъ несчастное существо, затравленное людьми и потому озлившееся. Одна, съ 3-мя дѣтьми. Много еще было впечатлѣній бѣдности и страданій. Я ихъ вижу всегда и вездѣ, но въ деревнѣ легче видѣть. Здѣсь видишь все, до конца. И видишь и причину, и средство. И я люблю, не то, что люблю, но мнѣ хорошо, когда я ясно вижу свое положеніе среди другихъ людей.

По тому, что ты написала о Гаршинѣ, я не жалѣю, что не видалъ его [1]). И вообще я такъ много принужденъ видѣть людей въ Москвѣ, что чѣмъ меньше, тѣмъ легче. Мнѣ всегда кажется, что я совсѣмъ не нуженъ имъ.

Читаю я Elliot'a «Felix Holt». Превосходное сочиненіе. Я читалъ его, но когда былъ очень глупъ, и совсѣмъ забылъ. Вотъ вещь, которую бы надо перевести, если она не переведена. Танѣ бы работа. Я еще не кончилъ и боюсь, что конецъ испортится. Это мнѣ далъ братъ Сережа. Передай ему, что все правда, что онъ говорилъ мнѣ про эту книгу,—все тамъ есть. Второй разъ я изъ деревни хвалю книги его рекомендаціи.

Лежитъ передо мной записка вдовы, которая нынче была у меня. У нея нѣтъ дома, нѣтъ земли, мужъ ея былъ солдатъ въ Груммонтской казармѣ. Она осталась вдовой 32 лѣтъ съ 8-ю дѣтьми, старшему 11 лѣтъ. Когда я сталъ записывать, то долго не могъ понять. Оказалось, одна двойня. Поручикъ [2]) далъ ей уголъ на зиму. Завтра я поѣду въ Тулу и постараюсь, что можно, сдѣлать для нея.

Везу это письмо на Козловку и съ трепетомъ открою твое. Что твое здоровье? Тебѣ очень не хорошо по письмамъ. Что Миша и весь домъ? Я вчера сожалѣлъ о нелюбовности нашей временной; вслѣдствіе этой нелюбовности неясность взаимныхъ желаній. Я тебѣ говорилъ, что если ты хочешь, чтобъ я вернулся, то напиши мнѣ, и я сейчасъ пріѣду, и не черезъ силу, а съ истинной радостью, что тебѣ могу сдѣлать желаемое. А ты ничего не пишешь или какъ-то неопредѣленно. Прощай, душа моя, цѣлую тебя и дѣтей.

Л.

---

[1]) Вѣроятно, Гаршинъ былъ въ Хамовникахъ, желая видѣть Л. Н., и произвелъ почему-нибудь неблагопріятное впечатлѣніе на меня. Но извѣстно одно,—что Гаршинъ въ февралѣ 1885 г. былъ въ здоровомъ періодѣ. Онъ былъ еще раньше и въ Ясной Полянѣ, о чемъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ гр. И. Л. Толстой.

[2]) Такъ звали въ Ясной Полянѣ казеннаго лѣсничаго.

Урусовъ гораздо лучше, чѣмъ въ Москвѣ. Ему надо беречься, и онъ бережется, но я вижу, какъ, бережась такимъ образомъ, онъ можетъ прожить долго.

Сейчасъ въ Козловкѣ получилъ твое доброе вполнѣ письмо и уѣзжаю спокоенъ и счастливъ домой. Ты зовешь, и потому я пріѣду въ понедѣльникъ.

Письма въ Петербургъ, куда я ѣздила съ дочерью Таней хлопотать о непропущенной цензурою рукописи 12-го тома 5-го изданія сочиненій Льва Николаевича, которыя я тогда издавала.

233. **Февраля 20.**

У насъ все идетъ прекрасно. Большіе смирны и пріятны. Илюша чѣмъ-то разсердилъ своего воспитателя, Янчина, и тотъ мнѣ написалъ письмо; но завтра Илья обѣщалъ это все устроить. Андрюша читалъ и писалъ, и въ хорошемъ духѣ. Алеша льнетъ ко мнѣ и говоритъ: «мы съ папа дружны». Маша озабочена и дѣтьми, и болѣзнью M-me Seuron. У нея опять лихорадка была. Я утро больше читалъ George'a (Henry George), чѣмъ писалъ. Очень гриппъ силенъ. Я не выхожу. Обѣдали одни, даже M-me Seuron не было. Сережа опоздалъ. Вечеромъ, я только легъ отдохнуть, какъ пришелъ переплетчикъ Богословскій, а потомъ Сережа братъ, и потомъ Бибиковъ, и Богоявленскій, и сынъ Сережа. Братъ Сережа ушелъ, а эти господа напились чаю наверху и ушли въ $10^1/_2$. Сережа сынъ теперь играетъ, Маша и Леля легли. А Илюша поѣхалъ на репетицію концерта русскаго пѣнія, который даютъ Лопатинъ и Лавровскій.

Письмо тебѣ было отъ К...й библіотеки для тюремъ и больницъ, благодарность и квитанція. Еще корректуры: «Чѣмъ люди живы» и «Дѣтство». Я не поправлялъ. Только поправилъ въ «Чѣмъ люди живы» одно мѣсто. Какъ велишь? Цѣлую тебя и всѣхъ милыхъ Кузминскихъ.

234. **21 февраля.**

Маша послала письмо прежде, чѣмъ мы свидѣлись. У насъ всѣ здоровы, кромѣ M-me Seuron, и у меня гриппъ усилился. Я не выхожу. Несмотря на то, много работалъ, вчера еще и вечеромъ. Вечеръ сидѣли одни, и въ 12 ч. все потушили. Кланяйся милымъ Кузминскимъ и пиши.

Л. Толстой.

235. **22 февраля.**

Утромъ получилъ твою записочку. Все у насъ вполнѣ благополучно, несмотря на твой сонъ. Малыши прекрасны и физически, и нравственно. И старшіе хороши. Илюша помирился съ своимъ учителемъ. Я спалъ хорошо, но все еще съ гриппомъ. Читаю своего George'a. Скажи Сашѣ (Кузминскому), если у него есть время, чтобы прочелъ. Это важная книга. Это—тотъ же важный шагъ на пути общей жизни, какъ освобожденіе крестьянъ—освобожденіе отъ частной собственности земли. Взглядъ на этотъ предметъ есть провѣрка людей. И надо прочесть George'a, который поставилъ этотъ вопросъ точно и опредѣленно. Нельзя ужъ послѣ него вилять, надо прямо стать на ту или другую сторону. Мои требованья гораздо дальше его; но это шагъ на первую ступень той лѣстницы, по которой я иду.

Вечеромъ я шилъ сапоги—плохо. Дѣти были у меня. Утромъ они ходили гулять, несмотря на желудки, и вернулись веселыя и здоровыя.

Потомъ пришелъ Маракуевъ. Маша отправилась къ дядѣ Сережѣ слушать Лопатина. Я напился чаю, досталъ большую шубу и поѣхалъ съ Маракуевымъ сначала къ Олсуфьевымъ, чтобъ взять у нея рукопись 12 апостоловъ, и отдалъ ее Маракуеву,—онъ надѣется пропустить въ цензурѣ и напечатать,—а потомъ заѣхалъ къ Сережѣ за Машей. Только что началось пѣніе. И привезъ ее съ Лелей домой въ часъ. Я не простудился и, должно быть, завтра совсѣмъ справлюсь. Письмо тебѣ было

отъ Варвары Дмитріевны Урусовой. Цѣлую тебя и Таню, и милыхъ Кузминскихъ. Я въ нихъ теперь больше вѣрю, какъ вы съ ними, а то въ родѣ Новой Зеландіи—они.

236. 23 февраля.

У насъ все вполнѣ благополучно. Даже M-me Seuron лучше. Нынче вечеромъ былъ Чирковъ [1]) прописалъ хину. Дѣти маленькія ѣздили на коньки, которые продолжаютъ быть въ большой модѣ. Алеша ходилъ гулять подъ вуалью. Большіе ѣздили въ циркъ, братъ Сережа ихъ завезъ и Машу, чему я былъ очень радъ, такъ какъ вчера она не ѣздила къ Лобановымъ. Я вчера съ Сережей братомъ пошелъ къ нему и тамъ игралъ съ нимъ въ винтъ, и потомъ онъ меня дразнилъ, но мы, какъ всегда, разстались въ любви. Была больная ему рѣчь о его Гришѣ. Я легъ поздно, очень. Отъ этого или отъ остатка гриппа я слабъ, не пишу ничего. Читаю: нынче нашелъ американскаго писателя религіознаго, Паркера, и очень былъ счастливъ находить прекрасно выраженныя свои мысли 20 лѣтъ тому назадъ. Спроси у Николая Николаевича [2]), знаетъ ли онъ Théodore Parker.

Утромъ были классныя дамы [3]), потомъ незнакомый прекрасный господинъ, потомъ дама, писательница молодая, потомъ пошелъ къ Готье. За обѣдомъ былъ Орловъ. Завтра праздникъ, и Alcide здѣсь. Вечеръ читалъ у Илюши въ комнатѣ и хотѣлъ заснуть. Напились чаю съ Костенькой и Сережей сыномъ и пошли, было, за Машей къ Сережѣ брату, но она уже вернулась, и ложусь спать. Цѣлую тебя, Таню и Кузминскихъ.

237. 25 февраля.

Вчера не было отъ тебя письма, и нынче коротенькое—мнѣ и Машѣ. Тебя, видно, очень засуетили. Я здоровъ и только не

---

[1]) В. В. Чирковъ, докторъ, впослѣдствіи профессоръ Кіевскаго университета.

[2]) Страхова.

[3]) М. А. Шмидтъ и О. С. Баршева.

совсѣмъ въ силѣ—не пишу, и мало энергіи. M-me Seuron плоха. Она не встаетъ. Нынче послали записку Чиркову, и если онъ пріѣдетъ, повидаю его. Дѣти наши всѣ прекрасны. Алеша, какъ всегда, неестественно быстро сообразителенъ и милъ. Миша совсѣмъ поправился. Андрюша крикливъ и назойливъ, но хорошъ. Про Сашу не говорю. Что можно отъ нея ждать—здоровый видъ и улыбки,—то это есть. Про Машу не говорю, щадя ея скромность, такъ какъ она читаетъ мои письма. Леля хорошъ. Вчера опоздалъ на одинъ урокъ, но, кажется, не былъ за то наказанъ. Спалъ нынче долго и уѣхалъ на катокъ, и теперь дома нѣтъ, 7 часовъ вечера. Вѣрно, обѣдаетъ у брата Сережи. Такъ сказалъ Костенька. Илья въ хорошемъ, бодромъ и не зломъ духѣ. Сережа сейчасъ приходилъ попросить 3 рубля денегъ и какъ будто хочетъ приблизиться.

У меня составился планъ о томъ, что, когда ты вернешься, поѣхать съ Урусовымъ, проводить его до Крыма. Планъ этотъ возникъ при чтеніи письма Варвары Дмитріевны, которая отвѣчаетъ тебѣ, что изъ нихъ никто не можетъ ѣхать съ нимъ. Я нынче написалъ ему, какъ проектъ. Если я не застану его въ Тулѣ, я могу взять его въ Дядьковѣ [1]).

Вчера я походилъ вечеромъ, никуда не заходя, и вернулся домой къ чаю. Костенька сидѣлъ за столомъ. На столѣ бутылки всѣ были пусты, а Костенька полонъ и вина, и довольства. О! несчастное существо!

Нынче всталъ рано, повозился много, усталъ, и сидѣлъ и писалъ письма, и читалъ. Потомъ походилъ, и вотъ отобѣдали, и я жду какого-то неизвѣстнаго господина, который просилъ позволенія пріѣхать. Постараюсь быть краткимъ. Корректуры, можетъ быть, поправлю. Цѣлую тебя и Таню.

---

[2]) Одинъ изъ Мальцевскихъ заводовъ въ Брянскомъ уѣздѣ.

238. **26 февраля.**

Получилъ нынче, пятницу, твое письмо о твоемъ свиданіи съ Императрицей [1]). Дѣйствительно, удивительное твое счастье. Ты, вѣдь, этого очень желала. Мнѣ это было тщеславію лестно, но скорѣе непріятно. Хорошаго отъ этого не бываетъ. Я помню, въ Павловскѣ былъ человѣкъ, сидѣвшій всегда въ кустахъ и щелкавшій соловьемъ. Я разъ заговорилъ съ нимъ и тотчасъ же по непріятному тону угадалъ, что съ нимъ кто-то говорилъ изъ царской фамиліи. Какъ бы съ тобой того же не было.

Вчера я былъ плохъ, но нынче много лучше, хотя еще далеко не въ нормальномъ положеніи. Не могу писать. Все читаю George'a и много поумнѣлъ. Дѣти всѣ здоровы и хороши. О нихъ Маша напишетъ.

Вечеромъ пришелъ Орловъ, потомъ Ширковъ, и засидѣлись до 2-хъ часовъ. Костенька былъ утромъ. Только что Леля прочелъ твое письмо, и Леля, встрѣчая его, говоритъ: «Мама съ Императрицей говорила».—Костенька, ни минуты не задумываясь, сказалъ: «Теперь могу умереть. Нынѣ отпущаеши раба твоего».—Цѣлую тебя и милыхъ Кузминскихъ. Отчего же ты сказала [2]) не то, что я пишу, а что не пишу? Заробѣла? Ну, прощай. Начинаю считать дни, когда ты вернешься.

Письма изъ поѣздки Льва Николаевича въ Крымъ, куда онъ провожалъ больного князя Леонида Дмитріевича Урусова, въ началѣ марта.

239.

Доѣхалъ благополучно до Орла. Офицеръ ѣхалъ со мной до Серпухова и не слишкомъ замучилъ меня. Какъ-то у тебя Але-

---

1) Мы были съ дочерью Таней съ визитомъ у начальницы института, двоюродной моей тетки, Е. Н. Шостакъ. Случайно туда пріѣхала Императрица Марія Ѳеодоровна и пожелала, чтобъ мы ей были представлены.

2) Т.-е. Императрицѣ.

ша? Мнѣ бы совсѣмъ было легко, если бъ не онъ. Я ѣду свѣжо. Буду писать часто. Пиши также. Скучно, что меня всѣ знаютъ и надо говорить. Цѣлую тебя и дѣтей. *Л. Т.*

240.

Около 8 марта. Изъ Дядькова.

Пріѣхалъ я нынче ночью въ Дядьково очень усталый отъ безсонной ночи. Урусовъ медленно, но равномѣрно опускается. Очень былъ радъ моему пріѣзду. Онъ собирается ѣхать 11-го. Онъ предложилъ мнѣ ѣхать раньше; но такъ какъ ему, видимо, хотѣлось ѣхать 11-го, я согласился. Тѣмъ болѣе, что здѣсь много новаго для меня и интереснаго, не скажу—пріятнаго. Я нынче уже былъ на стеклянномъ заводѣ и видѣлъ ужасы на мой взглядъ. Дѣвочки 10 лѣтъ въ 12 часовъ ночи становятся на работы и стоятъ до 12 дня, а потомъ въ 4 идутъ въ школу, гдѣ ихъ по командѣ учатъ: усъ, оса, оси и т. п. Здороваго лица женскаго и мужского увидать трудно, а изможденныхъ и жалкихъ—бездна. Изъ Мальцевыхъ здѣсь одинъ Николай, очень гостепріимный и добрый, и хорошо къ народу расположенный человѣкъ. Домъ старинный, огромный, анфилада—комнатъ въ 10, зимній садъ и старая мебель. Здѣсь Рейхель старичокъ и Вышеславцевъ. Мальцевъ приглашаетъ на медвѣдя. У него нѣсколько обложенныхъ. Онъ убилъ уже нѣсколько. То-то бы Ильѣ! Я не поѣду и нѣтъ охоты. Хочется не терять времени и писать или хоть учиться. И такъ два дня почти пропало. Завтра, вѣроятно, поѣду въ Людиново, это чугунный и машинный заводъ за 30 верстъ, и постараюсь заняться.

Не сѣтуй, голубушка, что коротко письмо. Я тебя очень люблю и жалѣю—и за Алешу, если онъ не здоровъ, и за твои заботы. Цѣлую дѣтей. Я сейчасъ иду въ баню, она въ домѣ, и падаю со сна. А завтра письмо пойдетъ въ 11. Еще не успѣю, пожалуй.—Суббота. *Л. Т.*

Моя поѣздка съ Урусовымъ будетъ ему радостна и, надѣюсь, полезна, потому что если бы не я, онъ поѣхалъ бы одинъ.

241.

Открытое письмо. 9 марта.

Можетъ быть, успѣю написать завтра, но пишу и нынче, суббота. Вчера я ошибся. Я провелъ очень хорошій день. Заняться не успѣлъ. Хожу, смотрю, совсѣмъ здоровъ. Жду извѣстій. Сейчасъ ѣду по желѣзной дорогѣ съ вечера въ Людиново,—чугунный заводъ,—съ Вышеславцевымъ и вернусь завтра утромъ. Здѣсь всѣ встаютъ въ 5 и ложатся въ 9. И я съ ними.

Л. Т.

242. **Тогда же.**

Пишу нынче (суббота, вечеромъ) другое письмо, которое, я надѣюсь, ты получишь раньше, чѣмъ первое. Это письмо везетъ человѣкъ, ѣдущій въ Петербургъ, и я прошу доставить въ Москвѣ. Пишу изъ кабинета Вышеславцева, того, у котораго мы купили экипажи. Я у него ночую въ Людиновѣ; тутъ куча разныхъ заводовъ и фабрикъ, и чугунолитейный. Мы только что весь вечеръ ходили по заводу, гдѣ льютъ чугунъ и дѣлаютъ желѣзо. Все это очень поразительно. Страшная работа и необходимѣйшая. Я здоровъ и не успѣваю скучать по васъ. Завтра послѣдній день проведу здѣсь, и въ понедѣльникъ ѣдемъ. Урусовъ очень не хорошъ. Завтра надѣюсь получить письмо. Цѣлую тебя и дѣтей.

243. **11 марта.**

Мы пробыли здѣсь, какъ ты знаешь изъ моихъ писемъ (я пишу каждый день), дольше, чѣмъ думали, и потому я получилъ твое письмо и уѣзжаю спокойнѣе. Хорошо, что Алеша здоровъ; не хорошо, что твой котелъ все кипитъ. Разумѣется, трудно; но все-таки можно сознательно приводить себя въ спокойствіе, 1) тѣмъ, чтобы дѣлать различіе между очень важнымъ, важнымъ, менѣе важнымъ и ничтожнымъ и сообразно съ степенью важности направлять свою дѣятельность, и 2) тѣмъ, чтобы различать между

вещами, отъ меня вполнѣ зависящими, отчасти отъ меня зависящими, и вещами внѣ моей власти, и тоже сообразно съ этимъ направить на первыя самую большую и на послѣднія—самую малую энергію. Я нынче, несмотря на немного разстроившійся желудокъ (безъ боли), выспался хорошо, и выѣзжаемъ мы сейчасъ, въ понедѣльникъ, въ 12 часовъ дня, въ хорошемъ настроеніи.

Вчера я на лошадяхъ вернулся къ вечеру изъ Людинова. Прекрасная поѣздка прелестнымъ лѣсомъ 30 верстъ съ подставой, въ саняхъ изобрѣтенія Мальцева—сидѣть задомъ. Вечеромъ попросилъ Мальцева играть на фортепіанахъ. Онъ мило играетъ. Вообще онъ дикій вполнѣ, но очень деликатный, тонкій по чувству человѣкъ и находится въ страшномъ положеніи. Дѣло громадное, требуются сотни тысячъ. Рабочихъ 100 тысячъ, требующихъ работы, и денегъ нѣтъ. Мнѣ его истинно жалко. Все это такъ сложно, запутано, что разсказать это трудно. Онъ въ страшныхъ сѣтяхъ.

Прощай, душенька. Дай Богъ тебѣ здоровья тѣлеснаго и, главное, душевнаго, и тогда все будетъ хорошо. Что Илья и Сережа? бросили ли они гулянье?—До сихъ поръ писать не пришлось. А совѣстно жить безъ работы. Всѣ работаютъ, только не я. Вчера я провелъ время на площади, въ кабакахъ, на заводѣ, одинъ, безъ чичерони, и много видѣлъ и слышалъ интереснаго, и видѣлъ настоящій трудовой народъ. И когда я его вижу, мнѣ всегда еще сильнѣе, чѣмъ обыкновенно, приходятъ эти слова: всѣ работаютъ, только не я. Нынче опять у Мальцева, въ этой роскоши. Черезъ два дня опять въ роскоши и праздности. Такъ и кажется, что переѣзжаешь изъ одной богадѣльни въ другую. Урусовъ велѣлъ тебѣ сказать, что ты ему должна отвѣтъ на его письмо въ Петербургъ. Онъ ждетъ.—Цѣлую тебя и дѣтей. Не сердись на однообразіе моихъ мыслей. Эти мысли не мѣшаютъ мнѣ любить васъ. Что Маша? Вспомнилъ о Машѣ, потому что она—мнѣ какъ-то представляется—меньше другихъ признаетъ мою любовь къ ней. Не приписываетъ словамъ моимъ значенія. Я пишу, что взбредетъ въ голову. Никогда даже такъ не говоришь.

244.

Открытое письмо. 11 марта.

Написалъ тебѣ длинное письмо и съ мѣшочкомъ твоимъ забылъ на станціи Брянскъ, и потому ты днемъ позже получишь отъ меня вѣсть. Мы ѣдемъ благополучно. Сейчасъ 12 часовъ ночи, садимся на поѣздъ въ Курскъ и Харьковъ. Въ середу, въ ночь, будемъ въ Севастополѣ. Я здоровъ и бодръ. Письмо твое нынче утромъ получилъ.

Л. Т.

245. **12 марта.**

Пишу изъ Харькова, въ 8 часовъ вечера. Мы ѣдемъ черезъ часъ. Въ Харьковѣ стояли 7 часовъ. Я покинулъ князя и поѣхалъ въ городъ по конкѣ, которая подходитъ къ самому вокзалу, купить провизію, минеральныя воды Урусову и исполнить порученіе Дмоховской черезъ Русанова [1]). Былъ въ судѣ, ждалъ долго Русанова и подъ конецъ дождался. Потомъ пошелъ мимо университета, вспомнилъ о Якоби, товарищѣ Митеньки, профессорѣ гигіены, спросилъ его и зашелъ къ нему. Онъ съ семьей, милый, умный и пріятный человѣкъ. Мы не видались съ нимъ 40 лѣтъ. Онъ меня не узналъ. Съ нимъ поговорили, и онъ провелъ меня прямо къ Русанову, у котораго пилъ чай, и вотъ пріѣхалъ. И то, и другое впечатлѣніе очень пріятное. Грустно, что ничего не знаю о васъ. И когда подумаю, то жутко. Обнимаю тебя и цѣлуюсь съ дѣтьми.

Л. Т.

246. **13 марта.**

Пишу со станціи Синельниково, 8 часовъ утра, 13-го марта. Мы ѣдемъ благополучно, спимъ прекрасно, и, если Богъ дастъ, будемъ въ ночь въ Севастополѣ. Я здоровъ и бодръ; и князь относительно хорошъ, т.-е. не хуже.

Л. Т.

---

[1]) Членъ окружнаго суда, большой почитатель Льва Николаевича, переписывавшійся съ нимъ и оставившій о немъ воспоминанія.

247.

14-го, 9 часовъ утра. Выѣзжаемъ изъ Севастополя въ ландо (такъ хотѣлъ князь), на лошадяхъ. Въ 5 часовъ будемъ на мѣстѣ. Я усталъ отъ праздности и скучаю отъ безвѣстности о васъ. Здоровье хорошо.

Л. Т.

248.

Пишу другое письмо нынче, 14-го. Одно изъ Севастополя—карточку—послалъ утромъ, а теперь изъ Байдаръ (это половина дороги до Симеиза). Мы здѣсь кормимъ, и встрѣтили господина, ѣдущаго въ Москву и тоже кормящаго. Это оказался господинъ Абрикосовъ молодой. Онъ меня узналъ и читалъ, и жена его, которую онъ свезъ въ Крымъ; и я пользуюсь тѣмъ, что онъ пріѣдетъ прежде почты. Погода прекрасная, жарко въ горахъ, по которымъ мы ѣхали. Урусовъ взялъ ландо не открывающееся, и хуже кареты, и я залѣзъ на сундукъ, на козлы. Ѣхалъ, и не то, что думалъ, но набѣгали новыя, новаго строя, хорошія мысли. Между прочимъ, одно: каково! я живъ, и еще могу жить! Еще: какъ бы это послѣднее прожить по-Божьи, т.-е. хорошо. Это очень глупо, но мнѣ это радостно.

Цвѣты цвѣтутъ, и въ одной блузѣ жарко. Лѣсъ голый, но на весеннемъ чуткомъ воздухѣ сливаются запахи то листа вялаго, то человѣческаго испаренія, то фіалки, и все перемѣшивается. Проѣхали по тѣмъ мѣстамъ, казавшимся неприступными, гдѣ были непріятельскія батареи, и странно: воспоминаніе войны даже соединяется съ чувствомъ бодрости и молодости. Что, если бы это было воспоминаніе какого-нибудь народнаго торжества, общаго дѣла,—вѣдь могутъ же такія быть! Еще на козлахъ сочинялъ англійскаго милорда [1]). И хорошо. Еще думалъ,—по тому случаю, что Урусовъ, сидя въ каретѣ, все погонялъ

[1]) „Англійскій милордъ Георгъ“, извѣстный лубочный романъ. Левъ Ник. задался тогда мыслями преобразовать народную литературу и планы своихъ народныхъ разсказовъ называлъ своими *англійскими милордами.*

ямщика, а я полюбилъ, сидя на козлахъ, и ямщика, и лошадей,—что какъ несчастны вы, люди богатые, которые не знаютъ ни того, въ чемъ ѣдутъ, ни того, въ чемъ живутъ (т.-е. какъ выстроенъ домъ), ни что носятъ, ни что ѣдятъ. Мужикъ и бѣдный все это знаетъ, цѣнитъ и получаетъ больше радостей. Видишь, что я духомъ бодръ и добръ. Если бы только не неизвѣстность о тебѣ и дѣтяхъ. Цѣлую ихъ всѣхъ. Обнимаю тебя. Подали лошадей Абрикосову, онъ ѣдетъ.

249. **15 марта. Симеизъ.**

Пишу, зная впередъ, что письма мои всѣ будутъ доходить до тебя въ разбивку, а не послѣдовательно. Теперь вечеръ, 15-го, пятницы; я только что перешелъ въ домъ къ Мальцеву[1]). Онъ, оказывается, ожидалъ меня, сдѣлалъ приготовленія и даже ѣздилъ къ намъ навстрѣчу въ Севастополь, но разъѣхался съ нами. Онъ замѣчательно бодрый, живой старикъ, не антипатичный и не глупый, но очень испорченный властью. Вчера, послѣ Байдаръ (станціи), откуда я написалъ тебѣ письмо, я пошелъ пѣшкомъ въ гору, до знаменитыхъ Байдарскихъ воротъ, а Урусовъ поѣхалъ. Со мной былъ проводникъ, мальчикъ русскій, живущій въ татарской деревнѣ. Мать его вдова, и они кормятся коекакъ работой, но удивительны своею заброшенностью. Никогда не былъ въ церкви, знаетъ *Отче*, но все навыворотъ. Ему 17 лѣтъ.

Мѣстность долины, по которой я шелъ, прелестная; птицы поютъ, фіалки пахнутъ, и солнце жжетъ. Князь доѣхалъ до воротъ прежде меня. Въ воротахъ велѣно всѣмъ восхищаться, и затѣмъ построены ворота. Но случилось, что поднялся туманъ, и мы ничего не видали. Холодно, сыро, темно; завалившіяся и торчащія скалы и шоссе извилинами подъ гору. Урусовъ сталъ задыхаться отъ тумана и пришелъ въ безпокойство безтолковое и объясненія съ ямщикомъ. Доѣхали благополучно въ темнотѣ. Я помѣстился въ гостиницѣ прекрасно. Ночь лунная; кипарисы

[1]) Сергѣй Ивановичъ, богатый владѣлецъ извѣстныхъ стекляныхъ заводовъ въ Брянскомъ уѣздѣ.

черными столбами на полугорѣ, фонтаны журчатъ вездѣ, и внизу синее море, и «безъ умолку». Не хорошо было, что за стѣной дѣти: 3-хъ лѣтъ и $1^1/_2$, изъ которыхъ одному давали хининъ, и онъ отчаянно плакалъ, говоря: «горько», а потомъ вдругъ сталъ счастливъ, а подъ домомъ кошки затѣяли романъ. Кошекъ здѣсь бездна.—Проснулся въ 5, напился кофе и пошелъ въ Алупку, 4 версты. Очень хорошо; шоссе въ камняхъ, оливки, виноградники, деревья миндальныя и море синее. Послалъ тебѣ телеграмму, напился чаю у турка въ хаткѣ и пришелъ домой. Пошелъ съ Урусовымъ ходить по его любимымъ мѣстамъ въ скалахъ и по самому берегу. Жарко, что насилу удержался, чтобы не выкупаться. До прогулки завтракъ въ table d'hôte: учитель, два доктора, купецъ богачъ съ умирающей женой. Это—ихъ дѣти. Потомъ хотѣлъ заснуть, но кошки продолжали романъ. Пришелъ Урусовъ, и я съ нимъ пошелъ къ Мальцеву. Пообѣдали въ table d'hôte, потомъ я напился чаю, и вотъ ложусь. Очень я усталъ, загорѣлъ и разбросался мыслями, т.-е. вышелъ изъ колеи работы. «Англійскаго милорда», однако, все обдумываю. Попробую завтра писать. Писемъ отъ тебя еще нѣтъ,—жутко. Здѣсь хорошо тѣмъ, что, кромѣ теплоты и красоты, богато, нѣтъ нищихъ, заработокъ большой. Вотъ гдѣ или вообще на югѣ надо начинать жить тѣмъ, которые захотятъ жить хорошо. Мы долго сидѣли съ Урусовымъ на берегу, подъ скалой. Уединенно, прекрасно, величественно и ничего нѣтъ сдѣланнаго людьми; и я вспомнилъ Москву, и твои хлопоты, и всѣ занятія и увеселенія Москвы. Не вѣрится, чтобъ могли люди губить такъ свою жизнь. До завтра. Обнимаю тебя и цѣлую дѣтей.

250. **16 марта.**

Нынче, 16-го, получилъ твои три письма. Я думалъ, что приносятъ каждый день; оказалось, что нѣтъ. Теперь буду ѣздить—ходить каждый день въ Мисхоръ, это станція, 7 верстъ отъ Симеиза. Письма твои произвели тяжелое впечатлѣніе: С....., Илья не установился, Миша боленъ, а ты тяготишься своей

жизнью и не видишь исхода. Это грустно. Я пишу тебѣ каждый день. Я вчера писалъ о впечатлѣніяхъ этого края. Не могу я любоваться природой. Человѣкъ стоитъ на первомъ планѣ. Здѣсь, какъ я говорилъ, радостно, что не видать бѣдныхъ и пьяныхъ, но дурно то, что много безумныхъ богачей, и народъ, татары ошалѣли и смотрятъ на всѣхъ, какъ бы ихъ эксплоатировать.

Нынче я опять всталъ рано и, напившись кофе, пошелъ съ Урусовымъ въ татарскую деревню. Тамъ встрѣтили старика 65 лѣтъ; онъ идетъ на работу за 2 версты въ гору. Я предложилъ ему наняться работать. Онъ согласился за рубль. Но это оказалась шутка. Онъ призналъ во мнѣ богатаго. И сталъ предлагать землю купить у него. И показывалъ землю и восхвалялъ ее. За 6 десятинъ проситъ 6000. Тутъ и виноградникъ, и табакъ, и каштаны, и инжирь, и грецкіе орѣхи. Я дошелъ съ нимъ до его плантаціи. Лазили по скаламъ, а въ глуши нашли въ лощинкѣ—его 4 сына въ бѣлыхъ рубахахъ копаютъ заступами виноградникъ, а онъ обрѣзаетъ. Я поработалъ съ ними и пошелъ домой. Поспѣлъ въ 12 часовъ къ обѣду. Старикъ М. очень самодоволенъ и безтолковъ. Типъ стараго генерала и стараго помѣщика. И поддакивать ему совѣстно, и противорѣчить невозможно, потому что онъ не въ силахъ понимать. Мнѣ тяжело у него. Съ одной стороны—больной, слабый Урусовъ, съ которымъ всегда насторожѣ, съ другой стороны—онъ. Я думаю уѣхать 20-го. Работать не принимался: слишкомъ жалко потерять возможность увидать. И до сихъ поръ все новое. Въ гости никуда не хожу и не пойду. Хожу я очень много, и здоровъ. И домой хочу пойти цѣлую станцію черезъ горы съ проводникомъ татариномъ въ Бахчисарай. Всѣ твои предписанія о себѣ до сихъ поръ блюду и стараюсь блюсти именно съ тѣмъ, чтобы отъ поѣздки моей осталось хорошее воспоминаніе. Въ этомъ все.

Урусовъ въ духѣ слабомъ, и мнѣ не нравится то, что онъ не видитъ своего положенія, какъ будто боится узнать о немъ.

. . . . . .

Прощай, душенька, обнимаю тебя и цѣлую дѣтей. *Л.*

Я сказалъ, что письма твои произвели на меня тяжелое впечатлѣніе. Это справедливо только объ образѣ жизни, но не о тебѣ лично. Твое сообщеніе, напротивъ, производитъ самое радостное впечатлѣніе.

Это приписываю я нынче утромъ, 17-го. Почта идетъ завтра. Всталъ рано, здоровъ, но усталъ, съ курбатюрами въ ногахъ и солнечнымъ ударомъ на лицѣ.

251. **18 марта.**

Третьяго дня написалъ тебѣ вечеромъ письмо, милый другъ, послѣ полученія твоихъ 3-хъ писемъ въ Крымъ, которыя я всѣ получилъ заразъ. Прочелъ я въ этихъ письмахъ описаніе твое жизни мальчиковъ старшихъ . . . . . и грустно стало, и я написалъ длинное письмо о разныхъ предметахъ и между прочимъ объ этомъ—нѣсколько словъ недобрыхъ относительно мальчиковъ—и послалъ это письмо, а нынче совѣстно стало и беру это письмо назадъ [1]).

Описываю вновь мои два дня. Живу я у Сергѣя Ивановича Мальцева, встаю рано. Третьяго дня пошелъ съ Урусовымъ въ татарскую деревню; тамъ встрѣтился съ старикомъ татариномъ, который шелъ въ гору на свой виноградникъ, и пошелъ съ нимъ. Онъ мнѣ сталъ показывать свою продажную землю, 6 десятинъ за 6000 руб. съ каштанами, виноградникомъ и т. п. Потомъ прошли еще выше, на другую его землю. Тамъ его 4 сына молодцы, отъ 27 до 16 лѣтъ, работаютъ заступами, перекапываютъ виноградникъ, сильные, здоровые, веселые. Оттуда поспѣлъ къ обѣду въ 12 часовъ домой. М. совершенный генералъ, котораго играетъ дурной актеръ, преувеличивая. Все хвастается, немного напоминаетъ Николая Сергѣевича Воейкова.

Урусовъ слабѣетъ, но духомъ хорошъ. Весь занятъ мыслью объ истинѣ жизни человѣка. Послѣ обѣда пошелъ на станцію за 7 верстъ и вернулся очень усталый, но здоровый.—Вчера

[1]) Письмо тѣмъ не менѣе попало въ мои руки (см. выше).

опять въ 7 часовъ всталъ, убралъ свою комнату и, пристыженный тѣмъ, что я ничего не работаю, сѣлъ за работу и написалъ для Черткова разсказецъ, который ему пошлю или привезу. Послѣ обѣда взялъ лошадь верховую и поѣхалъ въ Ялту, за 20 верстъ. Нѣтъ слѣдовъ той Ялты, которую я зналъ; великолѣпіе необыкновенное и развратъ цивилизаціи.

Выѣзжая оттуда, встрѣтилъ старика и ужасно безобразную старушку; вглядѣлся—и что жъ? Это Аксаковъ съ женой [1]) идутъ ко всенощной. Они говѣютъ. Я слѣзъ съ лошади и прошелъ съ ними сотню шаговъ. Пріѣхалъ домой очень усталый, но здоровый. И дорогой получилъ твое 4-е письмо, которому ужасно радъ. Ты пишешь хорошо. Несмотря на всѣ твои хлопоты, я вижу и чувствую тебя, какъ ты есть. Радуюсь, что M-me Seuron поправляется, и тому, что ты озаботилась Василіемъ [2]), и что ему лучше. Про Таню мнѣ не вѣрится; я вѣрю тебѣ, но не сходится съ моими воспоминаніями о ней, что она больна. Радуюсь, что ты Лелю хвалишь. Очень чувствую связи мои съ вами и, несмотря на твое какъ будто разрѣшеніе оставаться дольше, завтра хочу ѣхать въ Бахчисарай, съ тѣмъ чтобы 20-го сѣсть на желѣзную дорогу. Здѣсь хорошо, но хорошо съ людьми своими и съ дѣломъ. Дѣло-то, положимъ, есть мнѣ всегда, но какое-то слишкомъ ужъ легкое. А я привыкъ, особенно послѣдніе годы, къ очень напряженному. И хотя ты и говоришь, что «Дѣтство» лучше, я знаю, что̀ нужнѣе, и послѣ чего моя совѣсть удовлетворена.— Отъ Черткова получилъ здѣсь письмецо и поощреніе къ работѣ. Я радъ, что его письмо тебя расположило къ нему.

Урусовъ сейчасъ говоритъ изъ другой комнаты: «Для того, чтобъ вывести хорошую породу животныхъ, нужно соединить извѣстныя свойства родителей. И безъ ошибки будутъ извѣстныхъ свойствъ потомки». Отчего этого нѣтъ между людьми?

---

[1]) Иванъ Сергѣевичъ, съ женой Дарьей Ѳедоровной, рожденной Тютчевой, дочерью поэта.

[2]) Много лѣтъ жившій дворникомъ при домѣ. Прекрасный старикъ. Тогда я писала о его болѣзни.

Свойства родителей передаются въ животномъ отношеніи, но не передаются нравственныя, разумныя свойства. Свойства эти передаются другимъ путемъ, не матеріальнымъ, и независимо отъ рожденія. Духовное, нравственное, разумное есть, но оно совершенно независимо отъ физическаго. Какъ это справедливо! Обнимаю тебя, душенька, и цѣлую дѣтей.

Письмо изъ Москвы въ Ясную Поляну, куда я ѣздила на два дня за рукописями.

252. **Апрѣль.**

Таня тебѣ описала, вѣроятно, событіе съ miss Lake. Я пытался удержать ее, но потомъ мнѣ сказали, что, можетъ быть, тотъ преувеличенный страхъ передъ войной, который выказываетъ ея отецъ, есть только маска, которой онъ прикрывается; что дѣло въ томъ, что мать ея очень больна, можетъ быть, душевно, какъ она предполагаетъ, и потому я пересталъ удерживать, и сейчасъ пойду на Смоленскую желѣзную дорогу узнать объ ея отъѣздѣ, докуда можно взять билетъ, и т. п.

У насъ все благополучно. Леля болтается, но воскресенье. Я былъ у Олсуфьевыхъ. Всѣ думаютъ, что войны не будетъ. И у всѣхъ ужасъ и негодованіе передъ войной. У меня желчь или что, но я унылъ и слабъ. Нынче не могу заниматься. Какъ ты перенесла этотъ холодъ и переносишь въ Ясной?

Таня говоритъ, что у нея будутъ барышни. Что же дѣлать! Мнѣ все равно, я постараюсь имъ помочь, если буду нуженъ.

Абамелекъ-отецъ, отвѣчая на твое письмо къ его сыну, пишетъ и посылаетъ свѣдѣнія отъ Дурново, что такого Иванова нѣтъ нигдѣ въ тюрьмахъ. Такъ что очень можетъ быть, что обманываютъ эту несчастную.

Прощай, душенька, я тебя люблю и боюсь за тебя. Таня адресовала тебѣ въ Козловку, а мнѣ помнится, что ты велѣла въ Тулу.

Письма въ Москву, куда я ѣздила съ сыновьями Ильей и Левой на ихъ переэкзаменовки. Изъ Ясной Поляны.

253. **Августъ.**

Жалѣю, что вчера не написалъ тебѣ, хотя Таня и сказала, что ты не велѣла. Послѣ тебя я пошелъ съ моими гостями за грибами. Потомъ читалъ имъ статью. Пріѣхала Халевинская. Обѣдали всѣ вмѣстѣ. Послѣ обѣда Сережа собрался-таки ѣхать въ Пирогово съ Трескинымъ. Ему хотѣлось ѣхать, и я его успокоилъ, что корректуры будутъ сдѣланы исправно. И будутъ сдѣланы исправно.—Гости совсѣмъ одолѣли. Къ счастью одного сорта: Оболенскій, Халевинская, Фейнерманъ и др. Сидѣли наверху, читали вслухъ; Халевинская уѣхала прежде, потомъ Оболенскій. Дома все вполнѣ благополучно, т.-е. всѣ дѣти и нравственно, и физически здоровы. Очень усталъ: легъ поздно, всталъ рано. Утромъ, оглядѣвъ весь народъ, который продолжаетъ быть благополучнымъ, пошелъ за грибами съ Чертковымъ и Бирюковымъ. Тебя не бранилъ, и не могу себѣ представить, какъ это бы можно дѣлать. Подходя къ дому, увидалъ генеральскій мундиръ. Это Бестужевы, два брата [1]: нашъ и профессоръ, съ одной Катюшей.

Обѣдали всѣ наши. Послѣ обѣда переливали изъ пустого въ порожнее. Чертковъ смѣшилъ молодежь мнимымъ спиритизмомъ. — Вотъ уѣхали Бестужевы, и я тебѣ пишу. У Алеши насморкъ сталъ къ вечеру. Его не будемъ выпускать завтра.

Нынче дѣвочки ѣздили въ церковь узнать о крещеніи [2], и завтра будутъ крестить. Крестить будетъ наша Таня: Ольга Николаевна—протестантка. M-me Seuron тоже, говорятъ, нельзя.

---

[1]) Одинъ—братъ начальникъ тульскаго оружейнаго завода, другой—основатель высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ.

[2]) Еврея Фейнермана, крестившагося въ православіе для полученія мѣста учителя въ сельской школѣ Ясной Поляны, но вскорѣ уволеннаго.

А большая Таня,—я боюсь, какъ бы отъ Саши не было попрековъ, такъ какъ онъ выразилъ несочувствіе.

Теперь: I hope. I hope, что ты не будешь себя мучить, не будешь приписывать важности ничему, кромѣ того, чтобы тебѣ было нравственно хорошо. Поцѣлуй мальчиковъ и себя. Жду извѣстій о всѣхъ васъ.

254. **На слѣдующій день.**

Пишу только, чтобъ сказать, что твое письмо меня умилило. Таня все хорошо написала. Она очень мила и очень хорошо, спокойно и добро себя держитъ. И все у насъ хорошо, кромѣ насморковъ. Какъ-то у васъ? Завтра хоть отчасти узнаемъ про мальчиковъ и про тебя. Пожалуйста, будь у доктора. А то послѣ будешь сама себя мучить или сама себѣ вредить.

Вечеромъ сошлись въ кабинетѣ: Андрюша, Миша Кузминскій, Фейнерманъ, Бирюковъ, Чертковъ и я; и я предложилъ каждому разсказать исторію, начиная съ младшихъ. И всѣ, начиная съ Андрюши и до меня, разсказали. Все въ темнотѣ—очень хорошо было. Вечеромъ читали вслухъ «Катакомбы». А теперь, послѣ чая, собираемся расходиться. Я усталъ почему-то, въ нервномъ размягченіи. Крестины прошли благополучно. Только Великая Княгиня (M-me Seuron) возмущена [1]). До свиданья. *Л. Т.*

255. **Тоже.**

Вчерашнее письмо, т.-е. полученное нынче, уже разстроенное и озабоченное, чего я боялся. Пожалуйста, душенька, не смущайся тѣмъ, что ты называешь важными дѣлами, а я—пустѣйшими изъ пустѣйшихъ—денежными. Такъ все это устраивается независимо отъ насъ, и такъ мы далеки отъ нужды. Совѣтую тебѣ выпустить отпечатанное по подпискѣ. Если что не додѣлаешь, не заботься, я могу съѣздить.—Чертковъ и Бирюковъ

[1]) Вернувшись домой, и я вознегодовала за то, что Левъ Николаевичъ допустилъ свою дочь Таню участвовать въ этомъ дурномъ дѣлѣ, имѣвшемъ цѣль не религіозную, а чисто практическую.

остались нынче утромъ до ночи. Я съ ними и пишу это письмо. Я его просилъ поговорить съ тобой о подпискѣ и помочь черезъ Сытина, все это знающаго. Они очень милы и, кажется, для всѣхъ не тяжелы, просты. У насъ все благополучно, только гриппъ у Андрюши и Алеши. Они оба веселы и днемъ почти не кашляютъ, а ночью вчера кашляли съ лаемъ, но нынче, мнѣ кажется, лучше. Ихъ не выпускали, очень холодно. Гриппъ—повѣтріе; и я, и Сережа кашляемъ. Бауеръ уѣзжаетъ съ Чертковымъ и Бирюковымъ. Что экзамены? И что твое здоровье? Прощай, душенька, цѣлую тебя и дѣтей.

256. Тоже.

Хоть думаю то, чего мнѣ очень хочется, что ты не получишь уже этого письма, а будешь ѣхать, все-таки пишу. Дѣти здоровы, кашель прошелъ, но мы все-таки не выпускаемъ Андрюшу и Алешу. Они всѣ милы. Гости уѣхали. Чертковъ имѣлъ успѣхъ и вліяніе на дѣвочекъ. Турнюры опять сняты, и разные хорошіе планы. Я сужу по себѣ: мнѣ грустно безъ тебя, и потому кажется, что и всѣмъ тоже. Да оно такъ и есть. Кажется, что ты пріѣдешь, и потому не пишу больше. Да и ничего особеннаго. Все разскажемъ. Корректуры дѣлаемъ исправно.

Нынѣшнее письмо твое прекрасно. Только жаль, что не знаемъ про экзамены, а ты какъ будто не ждешь успѣха.

257. Тоже.

Таня написала письмо, запечатала, какъ будто меня и нѣтъ. А я желаю тебѣ сказать, что я—вотъ онъ. Сережа пріѣхалъ благополучно, но былъ именно въ опасности отъ лошадей,—онѣ 3 раза его носили. Онъ мало что пріѣхалъ, но пріѣхалъ очень милъ. У насъ ровно, тихо и добро. Я ничего не пишу. Маленькіе—даже Алеша—льнутъ ко мнѣ, что очень пріятно. Кланяйся Сашѣ и благодари, что онъ такъ хорошо васъ устроилъ. Жду васъ съ радостью и интересомъ.

Вѣра скучаетъ о Машѣ. *Л. Т.*

Письма въ Москву, куда переѣхала вся семья, а Левъ Ник. остался въ Ясной Полянѣ.

258. **Октябрь.**

Посылаю письмо къ Машѣ и требованья книгъ, привезенныхъ изъ Тулы. Я немного поработалъ, почти ничего, а потомъ пошелъ пилить съ Фреемъ [1]). И славно поработали. Потомъ пообѣдали. Теперь написалъ письмо Черткову и пишу тебѣ. Фейнерманъ споритъ съ Фреемъ, я слушаю однимъ ухомъ и вижу, что Фейнерманъ его побѣждаетъ. Но я молчу. Фрей такъ милъ, такой хорошій человѣкъ, что жалко его смущать. Теперь черезъ часа два я провожу его и перенесусь подъ своды, гдѣ и буду спать. Постараюсь вести себя во всѣхъ отношеніяхъ—пищи, сна, работы—самымъ благоразумнымъ образомъ, съ тѣмъ, чтобы побольше работать, и желаю кончить именно «Ивана Ильича». Но въ этихъ дѣлахъ знаю, что меньше всего можно руководиться своими желаніями. Цѣлую тебя и всѣхъ дѣтей. Танѣ и Машѣ забылъ подтвердить, что жалко будетъ, если онѣ бросятъ, что начали,—уборку комнатъ и вегетаріанство, въ смыслѣ воздержанія. Прощай, душенька, до слѣдующаго письма.

Л. Т.

259. **На слѣдующій день.**

Проводилъ вчера Фрея съ сожалѣніемъ, потому что знаю, что многое могъ бы узнать у него и многому научиться, и потому, что мнѣ по сердцу его жалко.—Спалъ прекрасно, нынче всталъ рано и, убравшись, много писалъ, къ сожалѣнію не «Ивана Ильича», а о томъ, почему мы не видимъ незаконности, неразумности и несчастья нашей жизни. Часа въ три пошелъ пилить и работалъ до вечера. Теперь собираюсь пить чай и спать. Хочу завтра свезти это письмо на Козловку. Хорошо ли вы доѣхали и какъ встрѣтились и живете съ мальчиками?

Л. Т.

---

[1]) Бывшій русскій офицеръ, эмигрировавшій въ Америку. Вегетаріанецъ, не ѣвшій даже соли, аскетъ. Настоящая фамилія его Гейнсъ.

260. **Открытое письмо.**

Это письмо пишу на Козловкѣ, въ 5-мъ часу, куда пришелъ получить письмо. Къ счастью, твоего письма перваго я не получилъ, а получилъ только второе, за которое очень благодаренъ. Я всѣ эти дни очень много работаю, хотя и не то, что хотѣлъ, но и то хорошо опрастываетъ мѣсто. Питаюсь, сплю, и вообще физически такъ же хорошо, какъ и душевно. Цѣлую тебя и дѣтей. Завтра, а можетъ быть, и нынче напишу подробнѣе. *Л. Т.*

261. **Тогда же.**

Какъ хорошо случилось, что письмо, которымъ ты недовольна, не дошло; если бы оно и нашлось, я не прочту его. Но мнѣ все-таки интересно, что было причиной? Впрочемъ, всегда кажется важнымъ то, что послѣ и не вспомнишь. Желаю, чтобъ это было такъ.—У меня внѣшнихъ событій никакихъ. Крыса разбудила ночью; письмо отъ Черткова; Фейнерману починилъ сапоги—больше ничего. Внутренняя жизнь очень полна работой. Много подвинулся въ статьѣ. Я поперхнулся ею, и покуда не выперхну—не освобожусь. Внутреннее и то, что вчерашнее письмо твое мнѣ было очень пріятно. Да, вчера же, на Козловкѣ, получилъ Танино писанье «О волкѣ». Мнѣ кажется, что хорошо. Прочтется легко и съ интересомъ ужаса. Постараюсь поправить. Все вечера у меня, послѣ усиленной утренней работы, не свѣжи. Встаю я рано и очень не хочу перемѣнять этого. Теперь 2-й часъ, и я уже отработалъ давно и хочу обѣдать, а послѣ обѣда съѣзжу на Козловку и въ Ясенки купить бумаги и табаку Алекс. Петровичу. Письмо твое и вчерашнее хотя и дружелюбное, но не спокойное; видно, что ты и устала, и не совсѣмъ здорова, и потому я тебѣ на тѣ пункты его, съ которыми я не согласенъ, отвѣчать не буду. А ты какъ-нибудь выбери время поспокойнѣе и напиши мнѣ, т.-е. я хочу сказать, если можно, то пиши мнѣ въ спокойныя минуты. Завтра постараюсь заняться «Иваномъ

Ильичомъ» [1]), но это лучше не обѣщать, а сдѣлать. Впрочемъ, «Ив-а Ил-а» можно бы въ концѣ всего, какъ самое послѣднее. Цѣлую тебя. Нынче тихо, туманъ и тепло. Теперь прояснилось.

262. **Тогда же.**

Вчера получилъ отъ Тани и Илюши, а нынче принесли твое письмо и телеграмму. Ты, должно быть, получила послѣ этого мое письмо, а то и два,—не помню. По всему вижу, что ты очень тревожна, и это меня очень огорчаетъ, т.-е. я чувствую за тебя, и мнѣ больно. Желалъ бы помочь тебѣ, но ты вѣдь сама знаешь, что я не могу этого сдѣлать, и что то, что я говорю: «не могу», не есть отговорка.

Всѣ тѣ дѣла, или по крайней мѣрѣ большинство ихъ, которыя тебя тревожатъ, какъ-то: ученье дѣтей, ихъ успѣхи, денежныя дѣла, книжныя даже,—всѣ эти дѣла мнѣ представляются ненужными и излишними. Ты, пожалуйста, не отдавайся чувству досады и желанію упрека—вѣдь ты знаешь, что это происходитъ не отъ хитрости моей и лѣни, чтобъ избавиться отъ труда, но отъ другихъ причинъ, которыя я не считаю дурными, и потому въ этомъ отношеніи какъ я ни люблю пытаться исправиться, не могу желать исправиться. Если, какъ ты иногда высказывала, ты думаешь, что я впадаю въ крайности, то если ты вникнешь въ мои мотивы, то ты увидишь, что въ томъ, что руководитъ мной, не можетъ быть крайности, потому что если допустить, что на добромъ пути надо гдѣ-то остановиться, то лучше ужъ вовсе не ходить по немъ. Чѣмъ ближе къ цѣли, тѣмъ меньше возможна остановка и съ тѣмъ большимъ напряженіемъ бѣжишь. Вѣдь я смотрю на жизнь свою и семью такъ, а не иначе не по капризу, а потому, что я жизнью выстрадалъ этотъ взглядъ на жизнь, и я не только не скрываю, почему я смотрю такъ, а не иначе, а высказываю, насколько умѣю, въ своихъ писаньяхъ. Все это я пишу только затѣмъ, чтобы ты не имѣла ко мнѣ не-

[1]) Эту повѣсть Левъ Николаевичъ обѣщалъ мнѣ для новаго изданія.

доброжелательнаго чувства, которое, я боюсь, таится въ тебѣ. Если я ошибаюсь, то, пожалуйста, прости меня; если же нѣтъ, то искорени свою досаду на меня за то, что я остался здѣсь и не пріѣзжаю въ Москву. Присутствіе мое въ Москвѣ, въ семьѣ, почти что безполезно; условность тамошней жизни парализуетъ меня, а жизнь тамошняя очень мнѣ противна, опять по тѣмъ же общимъ причинамъ моего взгляда на жизнь, который я измѣнить не могу, и менѣе тамъ я могу работать.

Мы какъ будто не договорились о томъ, какъ, почему и на сколько времени я остался здѣсь; и мнѣ хочется, чтобы не было ничего не договореннаго. Я остался потому, что мнѣ здѣсь пока лучше; тамъ я не нуженъ исключительно. А на сколько,—ты знаешь, что я плановъ никакихъ не дѣлаю. Пока живется, работается—живу. Знаю одно, что для моего душевнаго спокойствія, и потому счастья, нужно, чтобъ съ тобой были любовныя отношенія, и потому это условіе прежде всего. Если увижу, что тебѣ не хорошо безъ меня, или мнѣ станетъ тяжела разлука со всѣми, и работа станетъ, то пріѣду. А тамъ все видно будетъ, только бы въ любви и согласіи.

«Два старика» печатай, только выпусти въ послѣднемъ періодѣ слова: «не въ Іерусалимѣ и не у угодниковъ». Портретъ непремѣнно сдѣлаю [1]). Я совершенно здоровъ и бодръ. Никуда не хожу, никого не вижу, много работаю и руками, и «головой какъ чортъ» [2]). Встаю рано, темно еще, и ложусь рано. До свиданья. Цѣлую тебя и дѣтей. Пиши, какъ пишешь, о всѣхъ дѣтяхъ,—и маленькихъ.

263. **Тогда же.**

Вчера написалъ тебѣ длинное письмо и Танѣ, но боюсь, что оно опоздаетъ, и ты опять встревожишься, и потому пишу и нынче нѣсколько словъ. Нынче получилъ только отъ Тани. Жаль

[1]) Я хотѣла приложить къ новому изданію портретъ Л. Н., а онъ отказывался и лишь теперь уступилъ просьбамъ.

[2]) Изъ сказки Льва Николаевича.

5 рублей за палецъ [1]). Я живу все попрежнему; очень хорошо тѣмъ, что очень много физически и умственно работаю, ничѣмъ не развлекаюсь, умѣренно и хорошо ѣмъ и сплю во-время. Нынче вышла вода, и я пошелъ рано утромъ въ конюшню (кучеръ былъ на свадьбѣ), запрягъ Крысу въ бочку и поѣхалъ за водой. Чудное утро: съ одной стороны лошади разсыпаются по лугу, съ другой—стадо идетъ мимо посадки, съ третьей—бабы съ пѣснями идутъ на работу. Вода чистая, лошадь милая, добрая, работа пріятная—ну, рѣдко я испытывалъ такое удовольствіе. Это единственное событіе внѣшней жизни. Приходилъ Фейерманъ еще, разстроенный тѣмъ, что ребята расшалились и онъ добромъ не могъ покорить ихъ. Но это произошло отъ новаго элемента Казначеевскихъ, и онъ не унываетъ. Внутренняя моя жизнь та, что пишу о наукѣ и думаю о васъ безпрестанно, и особенно послѣ вчерашнихъ писемъ.—Теперь 9-й часъ, и я усталъ и ложусь спать. Какъ—хоть ты и не любишь этого признавать—какъ ты? въ какомъ состояніи ты душевномъ? а не какъ твои дѣла? Я все-таки всегда думаю и буду думать, что какъ только ты въ хорошемъ душевномъ состояніи, то и дѣла всегда всѣ идутъ прекрасно. Жду съ нетерпѣніемъ завтрашняго письма—вѣроятно, будетъ отъ тебя. Прощай, душа моя, до свиданья.

Л. Т.

На Козловкѣ мнѣ помощникъ начальника станціи сказалъ, что есть положеніе, по которому слѣдуетъ 3 копейки за письмо; а въ нынѣшнемъ году передано до 500 писемъ, такъ что надо имъ 15 рублей. Я отдамъ.

264. **Октябрь.**

Получилъ нынче утромъ твое письмо со вложеніемъ Грибовскаго. Ахъ, какъ это мнѣ больно, милый другъ, что ты такъ тяжело, трудно живешь. Развѣ можетъ кто-нибудь въ мірѣ,

[1]) 5 рублей доктору. Таня вывихнула палецъ.

самый праздный даже человѣкъ, въ самой несложной жизни сдѣлать всѣ дѣла, которыя ему нужно сдѣлать? Имъ нѣтъ ни конца, ни предѣла. И, очевидно, дѣло въ томъ, чтобы сдѣлать, что мнѣ по силамъ,—по силамъ значитъ то, что я могу сдѣлать, не нарушая своего душевнаго равновѣсія,—а на то, что не додѣлано или не такъ сдѣлано, какъ мнѣ хочется, смотрѣть спокойно, потому что не въ моей власти. Ты вѣчно перерабатываешь. А это хуже даже для дѣла, а главное—для тебя и для тѣхъ, которые тебя любятъ. Нынче привезъ самъ твое письмо. Очень пріятно съѣздить рано утромъ. Я встаю и ложусь рано. Нынче работалъ хуже. Получилъ письмо отъ Бирюкова. Сказку съ нѣкоторыми пропусками берется редакторъ напечатать. Я подумалъ, не лучше ли, въ самомъ дѣлѣ, въ полное изданіе, какъ ты хотѣла. Такъ что я отложилъ до твоей поѣздки въ Петербургъ; тамъ съ Страховымъ разсудите.

Нынче былъ Бибиковъ и разсказывалъ, что Фейнермана не утвердилъ попечитель, Капнистъ. Нельзя ли при случаѣ попросить его. Это не важно. Фейнерманъ не знаетъ, но если можно, то за что его обижать.

Порученіе твое пошелъ исполнять, но дверь заперта, и ключъ у Филиппа. Завтра сдѣлаю. Дѣтей цѣлую. Я жалѣю, что не послалъ Ильѣ первое письмо. Но если живы будемъ, еще все переговорится. Разумѣется, я пріѣду, когда ты поѣдешь въ Петербургъ; и, разумѣется, раньше, чтобъ тебя видѣть дольше и переговорить о многомъ. Танѣ хотѣлъ писать, да поздно, спать пора. Цѣлую тебя.

Л. Т.

265. **Тогда же.**

Цѣлую недѣлю я былъ въ напряженномъ, рабочемъ состояніи и нынче чувствую, что ослабѣлъ. Хочется нынче вечеромъ, послѣ продолжительной работы утромъ, не думать и не писать. И немного нездоровится,—желчное легкое состояніе. Нынче получилъ письмо отъ Маши, завтра жду отъ тебя не безъ волненія. Нынче не выходилъ. Внѣшнія событія: Фейнерманъ сидѣлъ съ

Константиномъ, и изъ Тулы Филиппъ привезъ письма отъ 3-хъ незнакомыхъ; одно отъ ссыльнаго, очень хорошее, а тебѣ отъ Ханны, посылаю. Жду тоже твоего письма, чтобы по немъ сообразить время своего пріѣзда.

Л. Т.

Цѣлую тебя и дѣтей и очень благодарю Машу. Ильѣ *очень хорошо* вегетаріанство. Порученіе твое *не могъ* исполнить. Въ ящичкѣ красномъ *ничего нѣтъ*, а во всемъ ящикѣ—tiroir—только выкройки изъ бѣлой бумаги и двѣ твои карточки.

266. **Тогда же.**

Жду съ большимъ волненіемъ твоего письма и иду за нимъ въ 5 часовъ вечера на Козловку. Боюсь, что ты нападешь на меня за мои письма. Ну, увижу. Я живу все хорошо. Очень много работаю, пишу, но подвигаюсь медленно, недостаточно скоро по желанію. Болѣлъ у меня эти дни бокъ, но теперь прошло. Я продолжалъ выходить и работать руками.—Событіе то, что овецъ порвали собаки, Филиппъ какъ-то раздѣлался. А другое, что Фейнермана выгнали и назначили другого учителя.

Нынче я писалъ много, но не хорошо. Очень хочется кончить и нужно эту статью, чтобъ ужъ никогда не возвращаться къ этимъ вопросамъ.

Танины калоши тутъ, я ихъ привезу. Какъ жалко, что Илюша все болѣе и болѣе шалѣетъ. Я начинаю чувствовать желаніе васъ всѣхъ видѣть и радъ такому опредѣленному поводу твоей поѣздки въ Петербургъ, но жалко одиночества и успѣшности (мнѣ кажется) работы. Цѣлую тебя и дѣтей.

На Козловкѣ.

Получилъ твое коротенькое письмо и былъ очень радъ. Поѣду домой и обдумаю, когда ѣхать къ вамъ.

267. **Октябрь.**

Въ обоихъ твоихъ послѣднихъ письмахъ, милый другъ, проскальзываетъ раздраженіе на то, что я писалъ въ письмѣ къ Танѣ.

Зачѣмъ раздражаться и обвинять, и говорить, что непоправимо. Все поправимо, особенно взглядъ на жизнь. Пока живемъ, все измѣняемся, и можемъ измѣняться, слава Богу, и больше, и больше приближаться къ истинѣ. Я только одного этого ищу и желаю для себя и для близкихъ мнѣ, для тебя и дѣтей, и не только не отчаиваюсь въ этомъ, но вѣрю, что мы сойдемся, если не при жизни моей, то послѣ. Если я написалъ, что мы живемъ вмѣстѣ—врозь, то это хотя и правда, но преувеличено, и не надо было писать этого, потому что это какъ будто упрекъ. А я пуще всего считаю неправильнымъ—упрекъ и потому каюсь въ этомъ.

Я одинъ день пропустилъ, не писалъ тебѣ, и тоже каюсь въ этомъ. Мнѣ самому непріятно, когда я не пишу,—что-то не исполнилъ. Вчера писалъ нѣсколько словъ и говорилъ, что у меня бокъ болитъ. Онъ болѣлъ, но теперь совсѣмъ прошелъ, и я очень бодръ и здоровъ и работаю опять очень много. Нынче почти увидалъ конецъ статьи и рѣшилъ, что если не возьметъ безпокойство о васъ, то окончу ее здѣсь, что можетъ быть черезъ три дня.—Когда ты пишешь мнѣ про свою жизнь, я обсуживаю ее; не одобряю всегда твою горячность; но когда, какъ нынче, ничего не пишешь, то мнѣ обидно и больно. Пиши, пожалуйста.

Фейнермана отставили, и пріѣхалъ уже новый учитель. Не знаю, что онъ будетъ дѣлать, но хочетъ оставаться жить въ деревнѣ, у Константина, и переписывать. Если найдутся охотники на «Что же намъ дѣлать?», то предложи.

Спасибо Сережѣ за письмо. Напрасно онъ осуждаетъ его за нескладность. Леля извѣстный *криспондентъ*. Цѣлую ихъ всѣхъ.—Событія моего дня такія. Убравшись, поѣхалъ за водой. Это большое удовольствіе. Но, сидя на бочкѣ, задумался о раздѣленіи труда, и очень хорошо; но когда подъѣхалъ наливать, хватился, что нѣтъ ведра, и поѣхалъ за ведромъ, и опять. Вернувшись, получилъ пудъ пшеничной муки цѣльной, отъ Филиппа, и сталъ мѣсить по методѣ Фрея, и вышелъ хлѣбъ лепешкообразный и очень вкусный. Потомъ, напившись кофею съ Фейнерманомъ и Александромъ Петровичемъ, сѣлъ за работу и

просидѣлъ отъ 9 до 2-хъ. Потомъ обѣдъ: борщъ и овсяный кисель прелестный. Потомъ поѣхалъ къ Бибикову верхомъ узнать о жалованьи Фейнерману и на Козловку за письмами и получилъ твое и отъ Черткова. Завтра свезу самъ.

Крамского жалѣю, что не видалъ. Прощай, милый другъ. Во всякомъ случаѣ, если буду живъ, скоро пріѣду. Я не отчаиваюсь, и ужасно желаю написать «Ивана Ильича», и сейчасъ ѣздилъ и думалъ о немъ. Но не могу тебѣ выразить, до какой степени я весь поглощенъ теперь этой работой, уже тянущейся нѣсколько лѣтъ и теперь приближающейся къ концу. Нужно самому себѣ выяснить то, что было не ясно, и отложить въ сторону цѣлый рядъ вопросовъ, какъ это случилось со мной съ вопросами богословскими.

Ты не сердись, душа моя, а будь добрая и дружная, какимъ я себя къ тебѣ чувствую.

268. **Октябрь.**

Былъ вечеромъ на Козловкѣ и получилъ твое доброе письмо, которому былъ очень радъ. Вчера не писалъ; надѣюсь, что ты не безпокоилась. Я совсѣмъ здоровъ и бодръ. Вчера работалъ много всячески и ходилъ въ Ясенки, и усталъ. Нынче очень много писалъ, и написалъ заключеніе. Все это очень начерно, и еще много придется передѣлывать. Но все-таки радъ. Я воспользуюсь еще своимъ расположеніемъ, чтобы кончить такъ, чтобы можно было отъ нужды оставить такъ и не трогать больше. Завтра у меня будетъ свободный день, если Александръ Петровичъ не перепишетъ.

Что ты мнѣ не отвѣчаешь на то, что я писалъ о сказкѣ [1])? Хотѣлъ писать Танѣ, чтобъ она не думала, что я о ней не думаю, и только разъ расхрабрился, написалъ, но разговорился съ Фейнерманомъ. Онъ очень удивителенъ. Теперь живетъ у Константина и ничего не ищетъ. Досталъ я себѣ пудъ муки пшеничной, цѣльной, и нынче опять смѣшилъ Марью Аоанасьевну, какъ я мѣсилъ. Она покатывалась со смѣху, когда я хотѣлъ

[1]) См. письмо № 262.

налить воды на столъ, и вообще на мои пріемы.—Холодно на дворѣ, но зато сухо ходить. Въ комнатахъ тепло.

Цѣлую всѣхъ дѣтей, и большихъ, и малыхъ. Какъ успокоительно знать, что у васъ все благополучно, и напиши побольше про нихъ и про Алешу. Я что-то нынче все о немъ думалъ. Цѣлую тебя.

Хлѣбъ безъ дрожжей выходитъ вкусный по мнѣ, хотя М. А. смѣется надъ нимъ. Въ Москвѣ угощу вегетаріанокъ.

269. **Октябрь.**

Нынче не былъ на Козловкѣ и не получилъ твоего письма, и мнѣ отъ того ли, или вообще—уныло. Тѣмъ болѣе, что по вчерашнему твоему письму ты ждешь моего пріѣзда, а я еще не пріѣхалъ. Живу я все по-старому, совсѣмъ одинъ день какъ другой, и все такъ же много работаю. Александръ Петровичъ еще не дописалъ, а я привожу въ порядокъ то, что переписано. И все еще тянетъ и не опротивѣло; а теперь жалко бросать.

Письмо, не запечатывая, свезу завтра на Козловку и тамъ, судя по твоему письму, рѣшу, когда пріѣду, и припишу.

Изъ событій главное то, что пріѣхала Фейнермана жена. Она телеграфировала ему, и онъ съ Константиномъ, у котораго живетъ, выѣзжалъ ей навстрѣчу и нынче вечеромъ приходилъ съ ней ко мнѣ. Она чистенькая, недурная еврейка, готовилась держать экзаменъ на домашнюю учительницу, а теперь пріѣхала совсѣмъ къ нему. Ребенка оставила у свекрови. Они живутъ въ Константиновой семьѣ, всѣ 6 душъ въ крошечной черной избѣ. Она, какъ кажется, раздѣляетъ его убѣжденія. На вопросъ, что они будутъ дѣлать, они говорятъ: будутъ жить, работать и стараться быть полезными. Я предложилъ имъ переписку, и очень радъ, что они взялись. Очень странно и ни на что не похоже, но я его считаю искреннимъ человѣкомъ (ему только 20 лѣтъ) и увѣренъ, что въ немъ нѣтъ ничего скрытаго. А она, очевидно, любитъ его.

Я нынче послѣ обѣда рубилъ лѣсъ, 3 осины Павлу, на починку избы, и пріятно усталъ. Ѣмъ и сплю хорошо. Только Алекс.

Петр. очень хлюпаетъ. Никогда не видалъ человѣка болѣе похожаго на птицу—воробей.—Все, что пишутъ [1]) про себя, и ты про дѣтей, все относительно хорошо. Но что Илья? Съ нимъ примирились? Чертковъ спрашиваетъ сказку и изъ Золя статью. Я хотѣлъ найти ее въ шкапу въ гостиной, но не могъ отпереть.

Очень хочется увидать васъ и очень хочется получить завтра такое письмо, которое бы побудило меня пріѣхать. Цѣлую тебя и дѣтей.

Опоздалъ на 5 минутъ къ поѣзду и телеграфировалъ. Получилъ твое письмо открытое, грустное. Ты нездорова и скучна. Это еще болѣе поощряетъ меня поскорѣе пріѣхать, но хочется докончить, запечатать работу. Дома обдумаю. Получилъ Танино письмо и былъ очень радъ. Цѣлую тебя и всѣхъ. Не понимаю, что же смотрѣлъ докторъ, если ея палецъ не на мѣстѣ. И это меня немного призываетъ въ Москву. Хочется самому видѣть.

270. **Октября 30.**

Получилъ нынче твое отрѣзанное письмо, милый другъ, и чувствую, и вижу, что ты держишься, чтобы не высказать мнѣ больного, и я тебя люблю и жалѣю за это, и мнѣ хочется увидать тебя поскорѣе. Я рѣшилъ вотъ какъ: письмо это придетъ къ тебѣ въ среду вечеромъ, и въ пятницу, если буду живъ, пріѣду съ почтовымъ. Завтра и въ четвергъ кончу все или брошу на время. Кромѣ того, въ четвергъ поѣдутъ въ Тулу, привезутъ письма, посылки, какія есть. Ѣздилъ нынче за водой, и въ Козловку, и въ Ясенки, а въ серединѣ писалъ. Теперь вечеръ, 6 часовъ. Агаѳья Михайловна сидитъ. Разсказывала мнѣ, что Татьяна дѣвушка находитъ перемѣну въ характерѣ Тани. Не могу выразить радость, которую я испыталъ при этомъ.

Вчера читалъ Танинъ разсказъ Аксиньѣ [2]), Константину и

---

[1]) Т.-е. дѣти.

[2]) Татьяны Андреевны Кузминской „Бабья доля“, написанный со словъ Аксиньи-однодворки и исправленный Львомъ Николаевичемъ.

Фейнерманамъ. Мнѣ хотѣлось освѣжить и провѣрить свое впечатлѣніе. Для народа это не годится,—слишкомъ фотографично и почти безъидеально, но для нашего брата очень хорошо. Я такъ и рѣшилъ и на этомъ основаніи буду поправлять.

Если Сережа пріѣдетъ 31-го, то онъ меня застанетъ. Хорошо бы ему пріѣхать ночевать. Я его покормлю и напою. А главное, буду очень радъ.—Какъ бы я былъ счастливъ получить отъ тебя еще хорошее письмо. Прощай, душенька, люблю и жалѣю, и боюсь тебя. Цѣлую тебя и дѣтей.

Въ предпослѣднемъ письмѣ ты писала, что у тебя лихорадка и ты не спала двѣ ночи, а въ этомъ отчего же не пишешь о себѣ?

Письма изъ Москвы въ Петербургъ, куда я ѣздила по дѣламъ новаго изданія сочиненій Льва Николаевича и по поводу запрещенія цензурой 12-го тома.

271.

3 ноября. Открытое письмо.

Провалялся отъ флюса и лихорадки $1^1/_2$ сутокъ. Нынче всталъ ослабѣвшій, но здоровый. Деньги отъ Стаховича получили, векселъ отдали нынче [1]). Сережа везетъ. Стаховичъ не взялъ $8^0/_0$, а только то, что онъ получалъ на бумагахъ, что выходитъ на 240 рублей меньше $8^0/_0$. Я отдалъ рукописи Волчанинову [2]). Жду отъ тебя извѣстій, не столько объ успѣхѣ или неуспѣхѣ, сколько о тебѣ. Дѣти здоровы.

Л. Т.

272. **Въ тотъ же день.**

Написалъ тебѣ, милый другъ, нынче на карточкѣ, которая дойдетъ, вѣроятно, днемъ раньше этого. Вчера я сидѣлъ цѣлый день въ Таниной комнатѣ въ жару, и цѣлый день были посѣти-

---

[1]) Александръ Александровичъ Стаховичъ далъ мнѣ взаймы денегъ на печатаніе полнаго собранія сочиненій.

[2]) Въ типографіи Волчанинова печатались сочиненія Л. Н. Это было

тели: Стаховичъ, нотаріусъ, факторъ; потомъ Колечка Ге съ Мясоѣдовымъ; потомъ Вѣрочка и Эленъ; потомъ и Сережа (братъ); но Сережу я къ сожалѣнію не видалъ, я ушелъ въ 10-мъ часу спать, и спалъ лучше. Нынче совсѣмъ поправляюсь и не буду выходить. Будь спокойна. Сережа (сынъ) свезъ деньги и положилъ. Теперь 2-й часъ дня. Вчера получилъ письмо, которое очень меня взволновало [1]); посылаю тебѣ съ него копію и прошу тебя очень, очень что-нибудь сдѣлать для облегченія участи этого человѣка, весьма замѣчательнаго. Попроси у Саши Кузминскаго совѣта, что сдѣлать. Что, собственно, сдѣлать? Просить военнаго министра и начальника штаба, чтобы съ Залюбовскимъ поступили по закону—у нихъ есть законъ для такъ называемыхъ сектантовъ,—менонитовъ и другихъ, которые отказываются отъ военной службы. Я думаю попросить Толстую [2]). Нужно непремѣнно попросить за него; главное затѣмъ, чтобы начальствующіе знали, что положеніе этого человѣка и поступки съ нимъ извѣстны въ обществѣ.

Боюсь, что у тебя много дѣла, и что ты задосадуешь на меня за то, что я тебѣ наваливаю это дѣло. Здѣсь я не знаю, къ кому обратиться; попробую къ Шуваловой. Почему-то я надѣюсь на Сашу, что онъ тебя научитъ и поможетъ.

Приписываю еще вечеромъ. Я написалъ Стасову [3]), чтобъ онъ

5-е изданіе сочиненій и первое, предоставленное въ мое распоряженіе. Предшествующее (въ XI томахъ) было въ 1880 г. Прибавленный теперь XII томъ съ народными разсказами, „Смертью Ивана Ильича“, съ статьей о переписи и статьей „Въ чемъ счастье“, въ связи съ интересомъ къ новому міровоззрѣнію Толстого („Исповѣдь“ и „Евангеліе“ были широко извѣстны въ обществѣ) сдѣлали это изданіе показателемъ сразу сильно выросшей популярности Толстого. На протяженіи 4—5 лѣтъ (1886—90) я должна была выпустить четыре изданія; послѣднія два были дешевыя и печатались въ количествѣ 10—15.000 экз.

[1]) Письмо Залюбовскаго, о которомъ ниже.

[2]) Александру Андреевну.

[3]) Владиміръ Васильевичъ, извѣстный художественный критикъ, библіотекарь Имп. публичной библіотеки.

дѣйствовалъ, написалъ Шуваловой, написалъ Бирюкову. Бирюковъ и Стасовъ, можетъ быть, придутъ къ тебѣ, ты имъ покажи письмо. Если бы знать, гдѣ Мирскій, я бы написалъ ему. Не можетъ ли Саша сдѣлать что-нибудь черезъ Лорисъ-Меликова? Главное то, что имъ нужно, чтобы это дѣло не получило извѣстности. Если бы они послали его служителемъ больницы, никто бы и не зналъ; а теперь, если, избави Богъ, его замучаютъ или разстрѣляютъ, они достигнутъ обратной цѣли [1]).

Приписываю поздно вечеромъ—все возился съ письмами и перепиской письма Залюбовскаго. Заставилъ писать Лелю и Теплова, который пришелъ къ нему прыгать. У насъ все очень хорошо. Былъ вечеромъ братъ Сережа; мнѣ лучше, но есть еще malaise. Это мое обычное нездоровье. Получилъ твою карточку, спасибо. Ну прощай, душа моя, не волнуйся. Если ты въ чемъ не успѣешь, то ничего не убавится отъ счастья твоей жизни. Цѣлуй милыхъ Кузминскихъ и у Тани проси за меня прощенія, что я не исполнилъ ея порученія—поправить,—трудно!

273. 21 ноября.

Нынче праздникъ, прекрасная погода. Я всталъ рано, утро провелъ съ маленькими. Сашу водили гулять, она радовалась, ужасно мила была. Потомъ ушелъ заниматься и зналъ, что наши всѣ поѣхали на Патріаршіе пруды на коньки, гдѣ очень веселились. Алеша гулялъ отдѣльно съ няней, и офицеръ Левашовъ возилъ его въ кондитерскую и купилъ ему конфетъ [2]). Илью, какъ всегда, и не видать: спитъ или внѣ дома. Теперь знаю, что онъ въ Чернявскомъ [3]) слушаетъ Зилоти. И Таня, Маша и Сережа тамъ. Таню я посылалъ съ письмомъ къ Шуваловой о Залюбовскомъ. Шувалова была очень мила съ ней и обѣщала напи-

---

[1]) О Залюбовскомъ я хлопотала лично у начальника главнаго штаба генерала Обручева. Онъ обѣщалъ сдѣлать все, что возможно. Опасенія смертной казни были устранены опредѣленно.

[2]) Левашовъ нанималъ въ нашемъ флигелѣ квартиру.

[3]) Училище для дѣвицъ.

сать. Мнѣ помѣшала учительница (не совсѣмъ помѣшала, я былъ слабъ писать) съ сочиненіемъ, написаннымъ духомъ Филарета о религіи (спиритизмъ). Сочиненіе странное, но много въ немъ хорошаго. Потомъ я пошелъ попилить и поколоть дрова (утромъ не выходилъ), и то напрасно; нездоровье еще не совсѣмъ прошло. Корректуры только одного листа 4-й книги присылали. Я имъ выговорилъ, что долго. Получилъ твое письмо; плохо, что у тебя голова болитъ. Тебѣ же надо головой работать, только не какъ нѣмецъ. О Танѣ фразу, что все кончено, я не понялъ. Теперь вечеромъ, 9 часовъ, сидятъ Леля, Альсидъ, M-me Seuron и дядя Костя, а я сейчасъ иду спать. Андрюша ведетъ себя не очень хорошо, но и не дурно. Миша какъ всегда—прекрасенъ. Оставлю это письмо незапечатаннымъ, чтобъ Таня приписала.

Къ Г....ю, пожалуйста, не разлетайся. Даже и къ Толстому [1]) лучше не ѣздить. Если по ихъ соображеніямъ можно, то можно; а если нѣтъ, то только кровь себѣ будешь портить.

Общее мое впечатлѣніе о дѣтяхъ: всѣ теперь мнѣ, кромѣ Илюши и немного Сережи, очень милы. До слѣдующаго письма. Цѣлую милыхъ Кузминскихъ. Пускай Таня напишетъ отдѣльно. Посылаю письмо въ ящикъ съ Костенькой.

274. **Тогда же.**

Мнѣ очень жаль, что ты не получала нашихъ писемъ, изъ которыхъ, считая съ карточкой, моихъ три, это четвертое. Я нынче лучше, но все болятъ зубы и не выхожу. По письму твоему вижу, что дѣло твое [2]) не устроится, и стараюсь быть равнодушнымъ, но за тебя очень досадно; за дѣло—чуть-чуть. Не знаю, что выйдетъ о Залюбовскомъ, но это дѣло очень трогаетъ меня. Выдержитъ ли онъ, и какъ распутается этотъ узелъ,—узелъ, который рано или поздно придется людямъ распутывать. Прощай, душенька, завтра напишу, Богъ дастъ, лучше.

---

[1]) Министръ внутреннихъ дѣлъ.

[2]) Хлопоты по цензурнымъ дѣламъ.

275. **Открытое письмо.**

Я нынче совсѣмъ здоровъ. Такъ же и всѣ дѣти, кромѣ Лели. Онъ послѣ завтрака не пошелъ въ гимназію, и теперь у него жаръ и горло болитъ. Онъ заснулъ, а я засидѣлся, пока онъ заснетъ. Съ нимъ спитъ Альсидъ. Не знаю, напишетъ ли Таня, но я напишу еще завтра. Это письмо, чтобъ ты во всякомъ случаѣ имѣла отъ насъ извѣстія.

Приписываю утромъ: Леля спалъ прекрасно и совсѣмъ здоровъ. А я—comme le Pont Neuf.

Письма въ Москву отъ граф. Олсуфьевыхъ изъ ихъ подмосковнаго имѣнія Никольскаго-Обольяново, куда дочь Таня увезла Льва Николаевича по случаю его крайне нервнаго состоянія. Я въ то время, по совѣту Льва Николаевича, открыла подписку на новое изданіе и была страшно занята и утомлена.

276. **Около 20 декабря.**

Два дня не писалъ тебѣ, милый другъ, потому что Таня писала и оттого что самъ не пришелъ еще въ нормальное состояніе. Нынче получилъ отъ тебя письмо съ копіей съ письма Побѣдоносцева, которое всѣхъ заинтересовало и оскорбило. Меня же оно нисколько не заняло, а заняло твое письмо, то настроеніе озабоченности, торопливости, въ которыхъ ты продолжаешь находиться и въ которыхъ тебѣ очень тяжело.

Моя рукопись, я думаю, ничего не задержитъ [1]), потому что теперь, до Рождества, никакъ не станутъ работать въ типографіи, а къ 3-му дню праздниковъ я доставлю рукопись съ Таней или самъ привезу. Ахъ, душа моя, какъ жалко, что ты такъ себя

---

[1]) Рукопись статьи „Такъ что же намъ дѣлать“?, которая нужна была для XII тома взамѣнъ не пропущенной „Въ чемъ моя вѣра“.

мучаешь, или дѣла, которыя ты затѣяла, такъ мучаютъ тебя. Утѣшаюсь тѣмъ, что физическія причины помогутъ твоему успокоенію, и радуюсь тому, что я теперь пришелъ въ такое нормальное положеніе, что не буду тревожить и мучить тебя, какъ мучилъ все это послѣднее время.

По сихъ поръ написалъ, когда пріѣхали Леля съ Вѣрочкой. И сейчасъ прочелъ письмо твое, и сейчасъ въ сердцѣ защемило, и чувствую то же отчаяніе и тоску, которыя чувствовалъ въ Москвѣ и которыя совершенно прошли здѣсь. Опять то же: «задача не по силамъ», «онъ никогда не помогаетъ», «я все дѣлаю», «жизнь не ждетъ»... Слова все мнѣ знакомыя и, главное, не имѣющія никакого отношенія къ тому, что я пишу и говорю. Я говорилъ и говорю одно: что нужно разобраться и рѣшить, что хорошо и что дурно, и въ какую сторону идти; а если не разбираться, то не удивляться, что будешь страдать сама, и другіе будутъ страдать. О необходимости же сейчасъ дѣлать—говорить нельзя, потому что необходимаго для людей, у которыхъ есть деньги на квартиру и пищу, ничего нѣтъ, кромѣ того, чтобы обдуматься и жить такъ, какъ лучше. Но, впрочемъ, ради Бога, никогда больше не будемъ говорить про это. Я не буду. Надѣюсь окрѣпнуть нервами и молчать. То, что все, что я испытывалъ въ Москвѣ, происходило не отъ физическихъ причинъ, то, что я послѣ 3-хъ дней такой же жизни, какъ въ Москвѣ, безъ мяса, съ работой физически тяжелой,—я здѣсь пилю и колю дрова,—я чувствую себя совсѣмъ бодрымъ и сплю прекрасно [1]).—Но что дѣлать? Мнѣ, по крайней мѣрѣ, ничего нельзя измѣнить, ты сама знаешь. Одно можно: выработать спокойствіе и доброту, которой у меня мало, что я и постараюсь сдѣлать. Прощай, душа моя, цѣлую тебя, и люблю, и жалѣю. Цѣлую дѣтей. Какъ тебѣ должно быть одиноко! Надо поскорѣе пріѣхать къ тебѣ.

---

[1]) Конструкція фразы спутана, но смыслъ ясенъ: То, что я испытывалъ въ Москвѣ, происходило не отъ физическихъ причинъ, такъ какъ я послѣ трехъ дней и т. д.

277.

Въ 20-хъ числахъ декабря.

Какъ-то ты живешь, милый другъ? Давно нѣтъ отъ тебя извѣстій, и послѣднія оставили впечатлѣніе невеселаго и неспокойнаго состоянія. Да и мое послѣднее письмо было дурно. Жду очень отъ тебя извѣстій, и съ надеждой, что будутъ хорошія. Таня все описываетъ о здѣшней жизни; я могу только подтвердить ея слова, что очень, очень милое, честное все семейство. Мнѣ кажется еще милѣе безъ А. В., въ которомъ есть, или кажется мнѣ, что-то ненатуральное, скрытое.—Роскошь жизни ихъ очень большая и, очевидно, тяготитъ, давитъ ихъ, и имъ скучно, и у нихъ скорѣе скучно. Выкупается все нравственной чистотой и честностью, которыя чувствуются во всѣхъ.

Представь себѣ, что Александръ Петровичъ явился сюда; я поступилъ съ нимъ жестоко, сказалъ, что не могу ему помочь, и далъ ему 1 р. на проѣздъ. Но здѣсь сердобольные люди взяли его подъ свое покровительство.—Здѣсь въ больницѣ мужикъ, у котораго было защемленіе грыжи. Наканунѣ нашего пріѣзда ему сдѣлали трудную операцію, отъ которой, говорятъ, рѣдко выживаютъ. Теперь онъ между жизнью и смертью, и меня очень интересуетъ его положеніе—хожу къ нему. Для Анны Михайловны [1]) же это главный интересъ жизни теперь.

Таня, какъ мнѣ кажется, держитъ себя очень хорошо. Очень просто и спокойно. Да и Лиза [2])—это такое милое, простое, доброе, умное существо, что съ ней хорошо быть Танѣ. Леля тоже ничего. Да мальчики такъ внимательны и добры, что и ему хорошо. Что Илья? въ какомъ духѣ уѣхалъ? Мнѣ кажется, что съ нимъ начинается поворотъ къ лучшему. Что Сережа? Что Андрюша? Какъ встаетъ и ведетъ ли себя хорошо? Тѣ до сихъ поръ еще не бываютъ виноваты, т.-е. мы еще не позволяемъ себѣ считать ихъ виноватыми.—Я ничего не писалъ все это время. Одинъ разъ

---

[1]) Графиня Олсуфьева.

[2]) Дочь графини Олсуфьевой.

немного «Ивана Ильича», и то скоро остановился. Я сплю всѣ эти дни совсѣмъ хорошо и нахожусь въ упадкѣ нервовъ. Сердце немного сжимается иногда, но рѣже; и даже я думаю, что я замѣчаю это только потому, что привыкъ обращать на себя вниманіе. Ахъ, какъ мнѣ хочется получить отъ тебя хорошія извѣстія, т.-е. что ты спишь хорошо, что дѣло [1]) наладилось и меньше требуетъ твоихъ хлопотъ, что не безпокоишься ни о комъ особенно и не сердишься на меня, не безпокоишься обо мнѣ. Вотъ программа, чего я желаю отъ тебя. Я пріѣду, вѣроятно, съ Таней. Такъ я это хочу. Помѣшать или измѣнить можетъ только то, чтобы я почувствовалъ неполное нервное успокоеніе. А то я опять встревожу тебя. Прощай, душенька, до свиданья, коли Богъ дастъ.

Л.

278. **Раньше 25 декабря.**

Живемъ мы очень хорошо. Если я сплю дурно и желудокъ не въ порядкѣ, то это—желчное состояніе, начинавшееся еще въ Москвѣ, и теперь проходитъ. Семейство одно дома [2]); какъ всегда, всѣ пріятны и добродушны. Я нашелъ много книгъ въ библіотекѣ, изъ которой собираю то, что годится для изданія. Книги особенно хороши нравоучительныя, масонскія. Сегодня ходилъ на коньки смотрѣть, какъ они катаются. Таня ведетъ себя хорошо, чего желаю ея сестрамъ и братьямъ. Цѣлую всѣхъ и малышей особенно. О тебѣ ничего не знаю. Надѣюсь, что тебѣ хорошо.

Л. Т.

279. **Декабрь, послѣдніе дни.**

Пишу, милый другъ, на всякій случай, т.-е. если бъ меня задержало что-нибудь, такъ какъ я завтра, въ субботу, хотѣлъ ѣхать въ Москву. Могу я не поѣхать отъ погоды, отъ дурной ночи, а еще причина та, чтобы не разъѣхались Лелины книжки

[1]) Дѣло печатанья новаго изданія сочиненій Льва Николаевича.

[2]) Т.-е. нѣтъ пріѣзжихъ.

съ нимъ и я бы получилъ отъ тебя извѣстія. Давно, со времени отъѣзда Тани и послѣ твоего больного послѣдняго письма, ничего о тебѣ не знаю. Я же со дня Рождества, могу сказать, что чувствую себя лучше и лучше; главное, нравственно. Они ѣздили кататься, а я ходилъ по дорогамъ, гулялъ и думалъ, и каялся, и молился Богу. Не для успокоенія тебя я говорю, а искренно я понялъ, какъ я много виноватъ, и какъ только я понялъ это и особенно выдернулъ изъ души всякія выдуманныя укоризны и возстановилъ любовь и къ тебѣ и къ Сережѣ, такъ мнѣ стало хорошо, и будетъ хорошо независимо отъ всѣхъ внѣшнихъ условій. Писать я такъ и не писалъ. Жизнь здѣсь все та же—тихая, чистая и добрая. Нынче, сейчасъ, были ряженые, и всѣ—и Сережа, и Трескинъ, и Лиза—наряженные ходили къ священнику. То-то Таня бы *потащила*. Я о ней жалѣлъ. Цѣлую, любя, тебя и дѣтей.

1886 годъ.

Письма въ Москву съ дороги. Левъ Ник. ушелъ пѣшкомъ изъ Москвы въ Ясную Поляну съ молодыми спутниками, Михаиломъ Александровичемъ Стаховичемъ и Николаемъ Николаевичемъ Ге.

280.

Апрѣля 6, 10 час. утра, въ Подольскѣ.

Ночевали, идемъ здорово и весело. Стаховичъ разбился ногами и подъѣзжаетъ. Жду письма въ Серпуховъ. Цѣлую всѣхъ. У насъ одинъ уже постоянный товарищъ—мужикъ. *Л. Т.*

Письмо, присланное съ дороги съ странникомъ.

281.

Пишу тебѣ изъ деревни, за 25 верстъ отъ Серпухова; 1 ч. дня, воскресенье. Мы веселы, здоровы. Мужикъ этотъ, нашъ това-

рищъ Макей, 60 лѣтъ,—моложе насъ всѣхъ,—шелъ съ нами верстъ 50, обувалъ, и вообще былъ мужикъ 3-хъ генераловъ [1]). Мы забыли Колечкину ложечку; онъ хотѣлъ ее взять на обратномъ. Онъ 8-й разъ ходилъ въ Москву. Какъ вы живете? Дай Богъ хорошо. Спутники всѣмъ кланяются. Намъ очень хорошо.

282.

8 апрѣля. Открытое письмо.

Вчера, воскресенье, въ 10-мъ часу добрались не безъ усталости до Серпухова. Стаховичъ поѣхалъ впередъ, и мы застали его у Трескина. Насъ пріютили, уложили, и накормили, и напоили. Мы очень перезябли, когда сѣли за 7 верстъ подъѣхать. Но никто не простудился. Получилъ твое письмо, былъ очень радъ. Стаховичъ ѣхалъ въ томъ самомъ поѣздѣ, гдѣ Леля и Альсидъ, и не видалъ ихъ. А Трескинъ ихъ встрѣтилъ. Напишу еще до Тулы. Спутники кланяются.

Л. Т.

283.

Изъ Ясной. 11-й часъ вечера. **Апрѣль.**

Получилъ всѣ твои письма. Очень былъ радъ и благодаренъ. Одно жалко, что ты безпокоишься, и все напрасно. Мы шли прекрасно. Осталось, какъ я и ожидалъ, одно изъ лучшихъ воспоминаній въ жизни. Здоровье съ начала и до конца было лучше, чѣмъ въ Москвѣ, и превосходно. Трудностей никакихъ нѣтъ. Это точно какъ человѣкъ, который на сушѣ бы вообразилъ, что онъ на островѣ, а кругомъ море. Такъ мы, сидя въ городахъ, въ нашихъ условіяхъ. А только пойдешь по этому морю—это суша и прекрасная. Мы съ Колечкой—онъ былъ первый ходокъ, я—второй, близкій къ нему, Стаховичъ ослабѣлъ; съ Колечкой говорили, что это одно изъ поучительнѣйшихъ и радостнѣйшихъ временъ—кромѣ ласки и добродушія, мы ничего не видали и сами никому не оказывали. Питались чаемъ, хлѣбомъ и два раза

[1]) Сказка Щедрина: „Какъ мужикъ двухъ генераловъ прокормилъ“.

щами и чувствовали себя бодрыми и здоровыми. Ночевали по 12-ти человѣкъ въ избѣ и спали прекрасно. Я засыпалъ поздно, но зато мы и выходили не такъ рано. По дорогѣ подъѣхали два раза; всего 25 верстъ.—Очень радуюсь за тебя, за 12-ую часть, и для себя радуюсь преимущественно за Ивана-дурака [1]).

Пришли мы въ Ясную въ 8 часовъ. Леля съ Альсидомъ были на тягѣ. Потомъ пришли они и съ Фейнерманомъ пили чай. Леля и Альсидъ веселы и здоровы, ходятъ съ Ѳомичомъ на охоту. Благодарю M-me Seuron за книжечку и карандашъ. Я воспользовался ими по случаю разсказовъ стараго, 95-лѣтняго солдата, у котораго мы ночевали. Мнѣ пришли разныя мысли, которыя я записалъ. Цѣлуй Сережу,— онъ вѣрно помогаетъ тебѣ; Таню,—она вѣрно успокаиваетъ тебя, когда ты волнуешься; Машу,—она вѣрно тоже помогаетъ, и малышей,—они вѣрно радуютъ, особенно Андрюша. Онъ былъ хорошъ послѣднее время. Тебя я очень люблю и безпрестанно о тебѣ думаю.— Съ Ильей вѣрно ты уже сговорилась. Онъ бываетъ хорошъ, когда не фыркаетъ. Кузминскихъ поцѣлуй. Уже вотъ кто успокоитъ: и отецъ и дочь.—Не взыщи, что безтолково письмо. Пишу и засыпаю. До свиданья, душенька, коли Богъ дастъ.

284.

Апрѣль, 8 час. веч., четвергъ.

Прекрасно провелъ ночь и день. Леля съ Альсидомъ стрѣляютъ, убили 6 вальдшнеповъ. Мы ходили къ Фейнерману и въ баню и проводили послѣ обѣда великолѣпнаго Михаила Александровича въ 6 часовъ въ Ясенки, курьерскимъ. Ему такъ нравятся лапти, что онъ въ нихъ и поѣхалъ. Теперь провожаю Колечку. Онъ ѣдетъ въ Тулу за Парасей и прямо, не заѣзжая къ намъ, ѣдетъ въ Кіевъ. Утро я все провелъ въ

---

[1]) XII томъ сочиненій послѣ разныхъ мытарствъ и сомнѣній наконецъ выпущенъ былъ цензурой какъ разъ къ Пасхѣ (13 апрѣля); въ немъ была и сказка объ Иванѣ-дуракѣ, за которую боялись.

чтеніи писемъ. Ихъ цѣлая куча, и очень, очень хорошія, радостныя.—Сейчасъ уговорилъ Колечку остаться еще день и привезти Парасю сюда. Ему, кажется, это пріятнѣе. Онъ написалъ тебѣ записочку о подписчикахъ, его очень озабочиваютъ твои, т.-е. его, дѣла [1]). Завтра думаю позаняться. Нынче отдыхалъ, хотя не чувствовалъ надобности. Мы всѣ живемъ въ мальчиковыхъ дѣтскихъ. А другія комнаты холодны. И отворять еще холодно. Но окна выставлены.—Какъ ты? и вы? Колечка торопитъ ѣхать. Все такъ же о тебѣ думаю, какъ и въ томъ письмѣ. Ну, прощай. Я пріѣду скоро. Пахать тутъ нечего. А въ Москвѣ есть и дѣла.

285. **Ясная Поляна. Апрѣль.**

Колечка вернулся съ дѣвочкой; напоилъ ихъ чаемъ, отогрѣлъ и положилъ спать въ 1 часъ ночи. Нынче цѣлое утро сидѣлъ одинъ, писалъ письма—отвѣты на интересныя, полученныя мною. Колечка пошелъ съ Парасей гулять. Мальчики—на охоту, добивать до 10. Леля охрипъ, но ничего не болитъ. И слушается, бережется относительно. Получилъ вчера отъ Дуняши твое позднѣйшее письмо, а нынче съ Козловки. Жаль, что о билетѣ забыли. А все тебѣ хлопоты. Будь только такъ же здорова, какъ я. Дѣтей и большихъ, и малыхъ, и Кузминскихъ [2]) цѣлуй. M-me Seuron поклонъ. Леля ѣдетъ завтра.

Письма въ Москву изъ Ясной Поляны, куда опять уѣхалъ Левъ Николаевичъ раньше семьи.

286. **1 мая.**

Пріѣхалъ вчера благополучно и скучно, т.-е. безъ разговоровъ. Трескинъ подсѣлъ въ Подольскѣ до Серпухова. Дождь

---

[1]) Николай Николаевичъ Ге жилъ тогда у насъ и помогалъ мнѣ съ продажей книгъ по подпискѣ. Парасю, свою дочь, везъ къ родителямъ.

[2]) Александръ Михайловичъ Кузминскій въ то время гостилъ у меня съ дочерью Машей.

лилъ дорогой, но отъ Козловки ѣхать было хорошо. Дома все благополучно. Напился чаю съ Фейнерманомъ и Филиппомъ и прочелъ письма, полученныя здѣсь. Легъ въ 1 часъ въ маленькой комнатѣ. Въ домѣ еще сыро, но было топлено и тепло. Нынче лягу въ большой комнатѣ у стѣны къ приспѣшной, которая топится. Пишу это для твоего успокоенія. Самъ же знаю, что нездоровья отъ стѣнъ быть не можетъ, если не сидѣть въ нихъ безъ движенія. А я хочу поменьше сидѣть. Нынче всталъ въ 8, разобрался вещами, сходилъ къ Агаѳьѣ Михайловнѣ, къ Катеринѣ Копыловой и послѣ обѣда поѣду пахать. Я вспомнилъ одно дѣло: этотъ Клонскій, который писалъ это трогательное письмо, говорилъ мнѣ, что у него есть стихи. Я сказалъ ему, что меня не интересуютъ стихи. Это можетъ огорчить его, и стихи могутъ быть хороши. Я думаю, Сережа помнитъ его адресъ. Пошли къ нему эту записку. Цѣлую тебя и всѣхъ дѣтей отъ малыхъ до большихъ.

Приписываю вечеромъ, 10 часовъ. Отъ 1 до 7 пахалъ и усталъ, и наѣлся, и здоровъ физически и духовно, какъ лучше не желаю и всѣмъ.

287. 2 мая.

Вчера поѣхалъ пахать. Вернулся въ 7-мъ часу и очень усталъ. Хотѣлъ послать письмо, самъ свезти, да проспалъ. Вчера же пришла вечеромъ съ Фейнерманомъ одесская одна дѣвица. Она пріѣхала сюда назадъ тому недѣля и живетъ у Прокофія Власова на деревнѣ. Я хорошенько не могъ понять ее и не буду стараться; а буду стараться выпроводить ее отсюда, такъ какъ всѣ эти лишнія чужія лица есть великая тягость. Узналъ я про нее слѣдующее: она дочь крымскихъ помѣщиковъ (В.....), воспитывалась въ астраханской гимназіи, потомъ жила съ сестрой въ Одессѣ, въ библіотекѣ. Она, какъ говоритъ, съ молодыхъ лѣтъ имѣла страсть къ деревенской жизни и физическому труду. Родители ей въ этомъ препятствовали. Въ Одессѣ она прочла «Въ чемъ счастье» и рѣшила пойти въ деревню работать. Сначала

хотѣла ѣхать на Кавказъ, но потомъ выдумала ѣхать въ Ясную Поляну. Здѣсь она ходила разъ на поденную. Здѣсь же она отъ Фейнермана взяла «Въ чемъ моя вѣра» и прочла въ первый разъ, и говоритъ, что ея всѣ взгляды теперь измѣнились, и не рѣшила еще, что ей дѣлать. Революціонеркой она не была. Она знаетъ по-англійски, по-французски, ей 24 года, худая и скорѣй болѣзненная. Вотъ все, что я о ней узналъ. Надѣюсь, что она скоро уѣдетъ. Я же, пока она не уѣдетъ, постараюсь игнорировать ее. Если бы ты была тутъ, то ты бы поняла ее лучше и могла бы посовѣтовать.—Несмотря на усталость, я отлично спалъ и прекрасно себя чувствую. Теперь 1-й часъ. Я немного занялся—больше обдумываніемъ и конспектомъ будущаго, чѣмъ работой, и теперь 1-й часъ, иду пахать. Погода свѣжая, но сухая. По вечерамъ жуки и соловьи, трава такъ и лѣзетъ, и зелена, и свѣжа, и радостна,—удивительно. Нынче, вѣрно, получу письмо. Я не столько проспалъ тебѣ послать письмо, сколько хотѣлось тебѣ обстоятельно описать эту странную дѣвицу. Въ пользу ея говоритъ то, что она очень скромная, и вчера вовсе не хотѣла приходить ко мнѣ, но я просилъ Фейнермана пригласить ее, съ тѣмъ чтобы понять, что такое, и зачѣмъ она пріѣхала. Цѣлую тебя, милый другъ, и дѣтей отъ мала до велика, и особенно Андрюшу и Мишу.

288. **Май 3.**

Меня одолѣли дѣвицы. Нынче пріѣхалъ Павелъ Ивановичъ [1]) съ двумя: Анна Константиновна Дидерихсъ [2]) и Озмидова дочь. Онѣ ѣдутъ къ Кившенко, въ Воронежскую губ., въ имѣніе Черткова. Онѣ пріѣхали въ часъ. Я съ ними побылъ и поѣхалъ пахать, какъ и былъ намѣренъ. Пахалъ до 8-ми, очень пріятно усталъ, окончивъ начатое. Вернулся, поужиналъ, попилъ чай и уложилъ ихъ почевать въ мальчиковой комнатѣ, а

[1]) Бирюковъ.

[2]) Впослѣдствіи жена Черткова.

мы съ Павломъ Ивановичемъ въ большой, со сводами. Вчера я не работалъ, а ѣздилъ въ Ясенки и дома былъ. Бѣдность ужасная; хлѣба нѣтъ и заработать нечего. Главное, нѣтъ овса. Я рѣшилъ, что поручусь лавочнику въ Ясенкахъ за 15 четвертей овса, которыя необходимы самымъ нуждающимся.

Они отдадутъ; а если нѣтъ, то 75 рублей, я думаю, что можно дать. Ты вѣрно будешь этому сочувствовать.

Весна очень красива, но холодно все. Я топлю. Дѣвицы эти довольно тяжелы для меня, но дѣлать нечего. Онѣ очень хорошія. Жалко, что внѣ обычныхъ условій. Завтра въ 1 часъ онѣ уѣдутъ. Что ты? Пріѣхалъ ли Колечка? Что дѣти? Цѣлую тебя и ихъ. Богъ дастъ, до скораго свиданья. Домъ я высушу, какъ возможно.

Л. Т.

289. **Май 5.**

Пишу утромъ, съ тѣмъ чтобы не торопиться вечеромъ. Гостей своихъ вчера спровадилъ и остался съ большимъ удовольствіемъ одинъ. Цѣлый день шелъ дождь. Я походилъ по лѣсу, сморчковъ не нашелъ, но набралъ фіалокъ. Дома было много приходившихъ мужиковъ. Всегда была бѣдность, но всѣ эти года она шла, усиливаясь, и нынѣшній годъ она дошла до ужасающаго и волей-неволей тревожащаго богатыхъ людей. Невозможно ѣсть спокойно даже кашу и калачъ съ чаемъ, когда знаешь, что тутъ рядомъ знакомые мнѣ люди—дѣти (какъ дѣти Чиликиныхъ въ Телятинкахъ, кормилица Матрена Танинаго Сани)—ложатся спать безъ хлѣба, котораго они просятъ и котораго нѣтъ. И такихъ много. Не говоря уже объ овсѣ на сѣмена, отсутствіе которыхъ мучаетъ этихъ людей за будущее, т.-е. ясно показываетъ имъ, что и въ будущемъ, если поле не посѣется и отдастся другому, то ждать нечего, кромѣ продажи послѣдняго и сумы. Закрывать глаза можно, какъ можно закрывать глаза тому, кто катится въ пропасть; но положеніе отъ этого не перемѣняется. Прежде жаловались на бѣдность, но изрѣдка, нѣкоторые; а теперь это общій одинъ стонъ. На дорогѣ, въ кабакѣ, въ церкви, по

домамъ,—всѣ говорятъ объ одномъ: о нуждѣ. Ты спросишь: что дѣлать? какъ помочь? Помочь сѣменами, хлѣбомъ тѣмъ, кто проситъ, можно; но это не помощь, это капля въ морѣ, и кромѣ того сама по себѣ эта помощь себя отрицаетъ: далъ одному, тремъ... почему же не 20-ти, не 1000, милліону. Что же дѣлать? Чѣмъ помочь? Только однимъ: доброй жизнью. Все зло не отъ того, что богатые забрали у бѣдныхъ; это маленькая часть причины. Причина та, что люди—и богатые, и средніе, и бѣдные—живутъ по-звѣрски, каждый для себя, каждый наступая на другого. Отъ этого горе и бѣдность. Спасенье отъ этого только въ томъ, чтобы вносить въ жизнь свою и потому другихъ людей другое—уваженіе ко всѣмъ людямъ, любовь къ нимъ, заботу о другихъ и наибольшее возможное отреченіе отъ себя, отъ своихъ эгоистическихъ радостей.—Я не тебѣ внушаю или проповѣдую, я только пишу то, что думаю—вслухъ съ тобой думаю. Я знаю, и ты знаешь, и всякій знаетъ, что зло человѣческое уничтожится людьми, что въ этомъ одномъ задача людей, смыслъ жизни. Люди будутъ работать и работаютъ для этого, почему же мы не будемъ для этого самаго работать?—Расписался бы я съ тобой объ этомъ, да почему-то мнѣ кажется, что ты, читая это, скажешь какое-нибудь жесткое слово, и рука не идетъ писать дальше.

Погода нынче прелестная, жаркая. Нынче хочу на ночь истопить домъ. А завтра, въ самое солнце—открыть. Уже и нынче вверху воздухъ ходитъ теплый, и сырость не очень слышна. Я помню, ты передъ отъѣздомъ говорила что-то о ключѣ отъ ключей. Дала ты мнѣ его или нѣтъ? Если не дала, то пришли; если же дала, то напиши. Его нѣтъ, а я закажу ключъ новый. Домъ вымытъ, и если постоитъ такъ, то можно дня черезъ 4 переѣзжать. Только какъ у васъ дѣла? Что кашель малышей? Пріѣхалъ ли Колечка? Прощай, милая. Видѣлъ тебя нынче во снѣ, что ты меня обижаешь. Это значитъ обратное. Да будетъ такъ. Цѣлую тебя и дѣтей. Какъ хорошо, что Илья съ Лелей съ тобой сидятъ. Такъ и надо. Больше въ кучкѣ.

Маша перестала ли плакать? Перестала ли Таня нанимать за 5 рублей лошадь на часъ? 5 рублей—хлѣбъ на мѣсяцъ дѣтямъ вмѣсто корокъ. Боюсь, что въ Москвѣ это непонятно. И жду, жду поскорѣе васъ всѣхъ сюда. Благодарствуй за яблоки и апельсины (лишніе). Вообще ты очень мною озабочена. А я здоровъ совершенно. Чего ни хвачусь, все есть.—Получилъ твое письмо. На дѣвицъ ты напрасно такъ напала. Онѣ запутанныя, но очень добрыя и чистыя. Объ Орловѣ я нынѣшній годъ тоже слышалъ. Это очень жалко.

290.

Въ тотъ же день. Открытое письмо.

Я писалъ нынче утромъ черезъ Ясенки. Пишу теперь, чтобъ сказать, что домъ готовъ. Нынче еще вытопили, а на дворѣ жарко. Въ случаѣ сомнѣнія въ сырости, можно дѣтей на первое время помѣстить внизу, гдѣ теперь я. Везу это письмо на Козловку и жду отъ тебя извѣстій. Я совершенно здоровъ и тѣломъ, и духомъ.

Л. Т.

291. **7 мая.**

Оба дня очень много (относительно, 6 часовъ) работалъ и здорово усталъ. Получилъ письма: Илюшино и твое, оба хорошія. Нынче разговорился съ Филиппомъ о собакахъ. Онѣ проѣдаютъ 4 четверти овса въ мѣсяцъ—это въ годъ 40 четвертей, вдвое болѣе того, что осчастливило бы десятки семей. Это ужасно! Скажи это мальчикамъ. Не овса жалко, а ихъ жалко. Если тратить на свои прихоти (да какія прихоти—самыя нелѣпыя, 8 лягавыхъ собакъ), то нельзя правильно думать. Человѣкъ, который это будетъ дѣлать, никогда не согласится съ тѣмъ, что нельзя пользоваться трудами другихъ. Онъ будетъ всегда пріискивать резоны, почему это именно такъ и должно быть. И онъ лишится разсудка. Не овса жалко, а разсудка добрыхъ, хорошихъ, милыхъ юношей—моихъ дѣтей. Нынче жидовка пришла и говорила, что сынъ ея поѣхалъ пахать не ѣвши. Таня (воровка) боль-

на, и я засталъ дѣтей ея, крошекъ, доѣдающихъ изъ лукошка собранныя Христа ради корки. Вы пріѣдете, Богъ дастъ, скоро, и вамъ это будетъ не страшно. И не можетъ быть страшно, потому что можно помогать этому, и себѣ...

Съ нынѣшняго дня я взялся за Будду. Онъ очень занимаетъ меня. Соскучился я по васъ и за васъ, что вы въ Москвѣ. Выдержанію экзаменовъ я все-таки буду радъ. Цѣлую тебя, милый другъ, и всѣхъ отъ мала до велика. Илью видѣлъ во снѣ, что онъ меня обидѣлъ, а онъ написалъ мнѣ хорошее письмо.

292. **8 мая.**

Два прекрасные майскіе дня. Все расцвѣло, одѣлось, черемуха, незабудки. Я оба дня—половину малую читалъ о Буддѣ, а большую половину работалъ до большой, пріятной, оживляющей усталости. Что-то многое нужно и хотѣлось тебѣ сказать, а теперь не помню. 1) Ключъ нашелся въ коробочкѣ. 2) Пожалуйста, если тебѣ не трудно, увидь Сытина и попроси его отъ меня передать Николаю Иванову (юношѣ-сочинителю) (онъ живетъ въ тюремномъ замкѣ Бутырскомъ, на квартирѣ его отца, фельдшера) передать 30 рублей за его разсказъ «Пасху». Сытинъ мнѣ обѣщалъ это сдѣлать. Если же онъ не можетъ, то передай пожалуйста ты 30 руб. Иванову. Онъ написалъ мнѣ такое трогательное письмо. Онъ чудесный мальчикъ.

Домъ совсѣмъ сухъ. Вчера еще топили дѣтскія. Вамъ всѣмъ вѣрно хочется пріѣхать, но я этого желаю вѣрно больше васъ— и для себя, и для васъ.

Нынче канунъ праздника [1]), и всѣ моются въ печкахъ и надѣваютъ чистое, и завтра, несмотря на нужду общую, будетъ гульба и, боюсь, пьянство. Что дѣти? Надѣюсь, что здоровы.

---

[1]) 9 мая, Николинъ день, храмовой праздникъ въ Ясной Полянѣ.

Миша и Саша самые мягкіе и не должны бы болѣть. Пишу и жутко. Нынче получилъ я кучу писемъ изъ Тулы, нѣсколько очень хорошихъ, и изъ Америки. Утро нынче гулялъ по лѣсу, нельзя было не радоваться; только вечеромъ попахалъ и наѣлся чудесной простокваши и оглупѣлъ отъ нея.

Завтра узнаю, когда вы рѣшительно ѣдете. Ты пиши, что, какъ вамъ приготовить,—мы съ Марьей Аѳанасьевной устроимъ. Илюша и Леля какъ тянутся? Растягивайтесь, ребята, не долго. Что Колечка? Ты ничего не пишешь про него. Цѣлую тебя и дѣтей. Кланяюсь M-me Seuron и Колечкѣ. Пріѣзжайте поскорѣй.

Письмо въ Ялту, куда я ѣздила къ умирающей матери, скончавшейся 11 ноября 1886 года. Левъ Николаевичъ тогда только что опасно болѣлъ отъ ушибленной о тяжку ноги и началъ писать «Власть тьмы».

293. **Ноябрь, начало.**

У насъ, милый другъ, такъ хорошо, какъ только можетъ быть безъ тебя. Дѣла всѣ по корректурамъ дѣлаются, и дѣти, и въ домѣ все исправно. Мнѣ безъ тебя скучно, и чувствую твое отсутствіе. Кромѣ того, нездоровится, ревматизмъ все не проходитъ, да и вялость физическая. Затѣялъ я календарь съ пословицами русскими, и дѣвочекъ это занимаетъ. Еще «Бабью долю» всю поправилъ и много занимался. Драму не кончилъ поправлять. Пускай уляжется, тогда лучше. Грустно писать тебѣ о пустякахъ. Въ какомъ положеніи ты застанешь милую больную? Иногда вѣрится, что ей не такъ худо, какъ мы думали. Хорошенько передай ей мою любовь.

Писемъ къ тебѣ никакихъ не было, кромѣ отъ Черткова,—очень добрый и благодарный отвѣтъ на твое письмо. Гостей тоже, слава Богу, никого не было. Мы всѣ живемъ очень дружно. Прощай, голубушка, братьевъ своихъ за меня поцѣлуй.

Л. Т.

294. **Тогда же.**

Все у насъ по-старому, по-хорошему. Нынче пріѣхалъ Стаховичъ, Александръ Александровичъ. Все съ нимъ кончимъ. Дѣвочки затѣяли переписать драму [1]) и дать ему прочесть. Едва ли удастся, потому что поздно, и, несмотря на помощь писарей—учителя и Алекс. Петр-а, не кончатъ. Я ее нынче утромъ поправилъ еще. Утро работалъ, но и то Стаховичъ уморилъ меня. Дурного въ немъ ничего, а отчего-то устаешь отъ него ужасно. Вчера писалъ тебѣ съ Таней. Дай-то Богъ, чтобъ мама было лучше. Если такъ, то ты, навѣрное, хоть немного проѣдешься по Южному берегу. У M-me Seuron мигрень. Марта вовсе не не въ духѣ. Извѣстій и писемъ нѣтъ. Дѣти все такъ же радостны. Да, вотъ забылъ. Отъ Ильи было письмо; пишетъ, что Софья Алексѣевна ничего не имѣетъ противъ выхода изъ гимназіи, и молодая Софья [2]) и вовсе одобряетъ. Хочетъ помогать Колечкѣ. Вообще письмо хорошее. Отъ Лели нѣтъ, но очевидно все хорошо. Нынче написалъ имъ. Цѣлую тебя и мама, и братьевъ.

1887 годъ.

Письма въ Москву изъ Никольскаго (Олсуфьевскаго), куда уѣзжалъ Левъ Никол. съ дочерью Таней отдохнуть отъ города.

295. **Январь 7.**

Нынче утромъ, 7-го, получилъ твое письмо, въ которомъ ты пишешь о чтеніи [3]), о томъ же, что ты собирала его, т.-е. предшествующаго письма, еще нѣтъ. Радуюсь, что у васъ дома, судя по твоимъ двумъ письмамъ, хорошо. Вѣроятно, нынче ночью

---

[1]) „Власть тьмы“.

[2]) Будущая жена Ильи, С. Н. Философова.

[3]) „Власти тьмы“, въ то время арестованной цензурою.

пріѣдетъ человѣкъ, который привезетъ твои письма и тѣ, которыя ты посылаешь. Здѣсь хорошо такъ, какъ ты знаешь. Изъ гостей была Сизова (она поздно получила письмо и не могла зайти къ тебѣ) и Ковалевскій [1]). Нынче пріѣхали Татариновы. Таня тиха, и сдержанна, и не скучна, и не весела. Всѣ съ ней очень aux petits soins. Нынче она начала писать няню. Я пишу, когда въ духѣ, ту повѣсть начатую, о которой я говорилъ тебѣ. Я все время здѣсь не совсѣмъ здоровъ, и въ уныломъ духѣ, и безъ энергіи духовной, но—*отлично*. То болѣлъ животъ, зябъ и былъ запоръ, а съ нынѣшняго утра стало было хорошо, но я погулялъ по морозу, и опять немного не по себѣ. Къ Всеволожскимъ мнѣ ѣхать не хочется, а хочется домой. Но и Танѣ я не хочу прекословить. Постараюсь сдѣлать, какъ она хочетъ. Нынче получилъ и твое письмо, и письмо Стаховича о драмѣ; посылаю его тебѣ и статью въ «Новомъ Времени». Со всѣхъ сторонъ шумятъ. А ты не слишкомъ ли разлетѣлась на Ѳеоктистова [2])? Главное, не надо сердиться; а еще лучше—вовсе не заботиться. Очень неопредѣленна здѣсь переписка, и я мало знаю о васъ, и мнѣ это скучно. Была тутъ елка въ манежѣ. Все здѣсь какъ-то вяло, натянуто. Всѣ добрые люди, но мальчики [3]) лучше всѣхъ. Ну, прощай, душенька; завтра, получивъ твое письмо, напишу еще. Письма твои оба были такія пріятныя, хорошія, спокойныя и обстоятельныя. Цѣлую тебя и всѣхъ дѣтей. M-me Seuron и miss M. поклоны.

296. **10 января.**

Я точно неохотно отпускаю Таню [4]), но ея слова: «flirtation нѣтъ», немножко измѣнили мой взглядъ. Flirtation скверно.

Очень мнѣ грустно стало послѣ твоего нынѣшняго письма. Мнѣ такъ становилось одиноко безъ васъ, а тутъ еще ты пишешь

---

[1]) Максимъ Максимовичъ, профессоръ.

[2]) Начальникъ по дѣламъ печати.

[3]) Графы Михаилъ и Дмитрій Адамовичи Олсуфьевы.

[4]) Къ Всеволожскимъ въ деревню.

и ждешь. Не знаю, уживу ли я здѣсь безъ Тани, а впрочемъ видно будетъ. Все это время у меня здоровье было не хорошо—желудокъ. Нынче совсѣмъ хорошо, но что-то грустно. По утрамъ я пишу свою повѣсть. По числу страницъ написалъ много, но не знаю, будетъ ли на пользу людямъ, т.-е. хорошо. Завтра думаю кончить начерно—подмалевку. Это одно изъ обстоятельствъ, по которому я не уѣхалъ. Но хотѣлось бы уѣхать, получить отъ тебя телеграмму такую, которая бы вызвала. Въ духѣ мы, кажется, хорошемъ,—тихомъ и спокойномъ. Очень жаль мнѣ тебя, что ты разсердилась на миссъ М. Это всегда тяжело, а теперь еще, что ты одинока.

Какъ хочется получить отъ тебя хорошее письмо, а то то настроеніе, въ которомъ написано твое послѣднее, меня тревожитъ. Пожалуйста, ты не сердись, особенно на меня. Мнѣ здѣсь для нервовъ очень успокоительно, и я радъ, что нездоровье пережилъ здѣсь, но и въ Москву очень хочется. А живу потому, что заѣхалъ, и Таня тутъ, и мнѣ насчетъ ея неловко и жутко. Я сейчасъ поговорилъ съ нею. Она говоритъ, что ничего нѣтъ. Я ей говорилъ, что если бы она не хотѣла, не имѣла въ виду, то не слѣдовало бы ѣхать. Она говоритъ, что ничего нѣтъ; нѣтъ, тѣмъ лучше, но знаешь, что все такъ деликатно, если есть, и не слѣдуетъ трогать.—Ну, прощай, душенька, цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

297. **13 января, вечеромъ.**

Я совсѣмъ спутался съ письмами къ тебѣ, милый другъ. То ожидалъ отъ тебя письма, то самъ хотѣлъ пріѣхать, и кончилось тѣмъ, что всѣ эти послѣдніе дни ни ты обо мнѣ, ни я о тебѣ подробно ничего не знаемъ. Вчера ты получила мою телеграмму, а я твое письмо. Всѣ первые дни моего пребыванія здѣсь мнѣ очень нездоровилось—болѣлъ животъ, были безсонницы и я былъ не въ духѣ; потомъ Таня уѣхала, и мнѣ сдѣлалось скучно и жалко за то, что мы врозь, и я хотѣлъ сейчасъ же ѣхать, но выпала метель, и въ первый день нельзя было ѣхать, такъ что

и Матильду Павловну не повезли, а тутъ оставался день до возвращенія Тани. Анна Михайловна ужасно сватаетъ, говоритъ, что она не сватаетъ, но содѣйствуетъ, чтобъ молодые люди узнали другъ друга, и расхваливаетъ свой товаръ; я отмалчиваюсь особенно потому, что не имѣю никакого мнѣнія о томъ, чего нѣтъ. Когда будетъ вопросъ, тогда понадобится и отвѣтъ.

Я дописалъ начерно свою повѣсть [1]). Бумаги измаралъ много, но очень пока еще не хорошо, но непремѣнно поправлю и кончу, коли буду живъ. Соскучился я очень по тебѣ и васъ, но и просто соскучился отъ хозяевъ, добрыхъ самихъ по себѣ порознь, ... , и отъ тяжелой, давящей и непривлекательной роскоши жизни.

Нынче много ходилъ гулять, а въ караулкѣ, въ лѣсу, нашелъ солдата—Митрича живого. Завтра, если Таня не пріѣдетъ, какъ обѣщала, утромъ, то я пріѣду, а если пріѣдетъ и будетъ не устала, то мы пріѣдемъ. Такъ до скораго свиданья, коли Богъ велитъ.

Л. Т.

Отъ Тани была телеграмма, что доѣхали благополучно. Нынче они ѣдутъ сюда, и письмо это везутъ лошади, которыя ихъ привезутъ завтра утромъ.

Письма изъ Ясной Поляны въ Москву.

298.

2 апрѣля. Открытое письмо.

Ѣхалъ очень дурно тѣмъ, что жара ужасная, но очень хорошо тѣмъ, что интересные и не безполезные разговоры шли съ раскольниками-старообрядцами. Сережа [2]) былъ въ Ясной и

---

[1]) Повѣсть „Ходите въ свѣтѣ, пока есть свѣтъ“, которую потомъ Л. Н. не желалъ включать въ собраніе своихъ сочиненій, такъ какъ былъ недоволенъ ею, и въ которой есть мѣста, писанныя не имъ, а лишь имъ редактированныя. См. примѣчаніе къ XII т. сочиненій изданія 1913 г.

[2]) Сынъ Сережа служилъ въ то время въ Тулѣ, въ Крестьянскомъ банкѣ.

хотѣлъ вернуться ночью, и я остался ночевать у милаго Давыдова. Утромъ перешелъ къ Сережѣ, сижу съ нимъ, напьюсь чаю и поѣду сейчасъ, въ 3-мъ часу, въ Ясную.

299. **3 апрѣля.**

Хоть и совѣстно посылать на Козловку, но очень хочется писать тебѣ. Я совсѣмъ здоровъ, нынче чувствую нѣкоторую унылость, но здоровье со всѣхъ сторонъ прекрасно. Вчера выѣхалъ изъ Тулы въ 3. И показалось такъ хорошо въ полѣ, на свѣтѣ Божіемъ, который я давно не видалъ, что съ половины дороги послалъ Михайлу одного, а самъ пошелъ пѣшкомъ, засталъ мальчиковъ за обѣдомъ. Былъ бульонъ и пирожное трудовъ Николая Михайловича. Здоровье душевное такъ хорошо, что и у Сережи, пока онъ не пришелъ, немного пописалъ, и дорогой все шелъ, думалъ и, сидя на кучѣ камней, записывалъ. Спалъ прекрасно. Титъ [1]) вслухъ читалъ мальчикамъ въ другой комнатѣ «Раздѣлъ», и очень хорошо.

Нынче въ изобиліи всего, напился кофе и проработалъ до самаго обѣда, и потому головой усталъ. Мальчики ходили на тягу на пчельникъ, я ходилъ къ нимъ навстрѣчу. Грязь страшная. Леля убилъ вальдшнепа 1. Домой пришелъ въ 10-мъ часу, все думалъ и смотрѣлъ на звѣзды. Очень хороша ночь. А тутъ телеграмма отъ Дэна [2]), что онъ пріѣзжаетъ. Напились чаю и ждутъ его, а я вотъ пишу. Какъ-то ты поживаешь? Гдѣ спишь? Нервы успокоила ли? Я пріѣду непремѣнно повидаться съ вами. Что Илья? Продолжаетъ ли быть въ томъ хорошемъ настроеніи, въ которомъ былъ? Подкрѣпи его Богъ. Таня такъ же ли спокойна по-Митричевски? Не пренебрегаетъ тифлисскими барышнями [3])? Маша благополучна ли и малыши? Ну, прощай пока.

Л. Т.

---

[1]) Молодой крестьянинъ Ясной Поляны.

[2]) Молодой товарищъ дѣтей, впослѣдствіи проф. Лѣсного института.

[3]) Кружокъ дѣвушекъ въ Тифлисѣ работалъ по указаніямъ Л. Н. надъ передѣлкой и улучшеніемъ лубочной литературы.

Сережу, Колечку цѣлую. На большомъ листѣ письмо Бирюкова, сыщи его и пришли.

300. **4 апрѣля.**

Здоровъ совершенно; сплю, ѣмъ и работаю, и проч. какъ нельзя лучше, такъ что лѣчиться и пить воды не зачѣмъ. Все это истинная, точная правда; притомъ же, помня тебя, не дѣлаю ничего неблагоразумнаго. Время все утро проходитъ въ усидчивой и подвигающейся работѣ. Началъ «Жизнь» [1]; вечеромъ хожу навстрѣчу ребятамъ на тягу, а потомъ пьемъ чай и болтаемъ. Вчера былъ Буткевичъ и Фейнерманъ, кромѣ 3-хъ мальчиковъ. Сейчасъ хочу поѣхать верхомъ въ Ясенки, такъ какъ утромъ почти не ходилъ. Получилъ твои два письма, жду еще, вѣроятно съ Колечкой. Пиши о себѣ и дѣтяхъ всѣхъ. Я нынче видѣлъ во снѣ, что ты умерла, и осталось точно тяжелое воспоминаніе,—такъ ясно видѣлъ. M-me Seuron, которой кланяюсь, объяснитъ, что это значитъ. Николай Михайловичъ готовитъ, мальчики собираются къ заутренѣ.

Л. Т.

301. **5 апрѣля.**

Вчера писалъ тебѣ и нынче уже не хотѣлъ, да заѣхалъ на Козловку и пишу. Вчера мальчики ходили къ заутренѣ, я спокойно спалъ. Продолжаю быть такъ же здоровъ. Нынче пришли мужики христосоваться. Какъ здоровье Тани и всѣхъ дѣтей, и твое? Пришли, пожалуйста, ключи отъ моего стола. Лева съ Дэномъ пошли на тягу.

302. **Апрѣль.**

Пишу опять на Козловкѣ, но письма на этотъ разъ не нашелъ. Объясняю себѣ это тѣмъ, что ты напишешь и пришлешь письмо съ Колечкой, котораго мы всѣ ждемъ. Вчера были кое-кто му-

[1]) „О жизни“.

жики вечеромъ. Лева привелъ ребятъ: Петра, Никиту и Андрея. Они наверху съ фортепіанами пѣли и плясали, а потомъ пили чай, шутили, а подъ конецъ и серьезно говорили и читали.

Утро я опять все, часовъ 5 подъ рядъ, работалъ надъ своей «Жизнью». Все хорошо подвигается. Но вчера очень усталъ и почти не выходилъ, и оттого вчера былъ въ уныломъ духѣ, и изъ другой комнаты слушалъ ребятъ. Но здоровъ, и спалъ хорошо, и опять все утро работалъ. Ребята ѣздили въ Ясенки, привезли письма. Одно есть тифлисское,—я его отошлю съ Лёвой,—и еще другое. Пускай Таня пишетъ имъ то, что я писалъ послѣднимъ, а именно, что книги всѣ разобраны, а что не могутъ ли онѣ сократить и передѣлать изъ романовъ хорошихъ, особенно англійскихъ.

Кавушка [1]) здорова, скажи малышамъ, цѣлуя ихъ. Цѣлую тебя и всѣхъ васъ. Корректора хоть публикуй, ихъ наберется полкъ, но сама не ставь себя въ состояніе суеты—это хуже спячки, меньше жизни. Очень жаль англичанку [2]). Ну, прощай пока. Очень холодно, но я одѣтъ по-зимнему.

Л. Т.

303. **Открытое письмо.**

Получилъ сегодня на Козловкѣ твои два мало-содержательныя, но хорошія письма. Но радъ былъ узнать, что все благополучно. Я живу попрежнему; послѣдніе два дня похуже здоровье, т.-е. тяжесть послѣ обѣда и вялость, но вообще хорошо.

Милый Дэнъ все живетъ у насъ, читаетъ, занимается, толкуетъ съ ребятами, ходитъ на тягу, мнѣ переписываетъ съ Фейнерманомъ и очень мило играетъ на фортепіано. Очень милый мальчикъ. Сейчасъ посылаемъ за Колечкой, чему онъ будетъ огорченъ, но нечего дѣлать. Все работаю, и все еще не запутался, а подвигаюсь къ лучшему. Ну, цѣлую всѣхъ, пока прощайте.

Л. Т.

[1]) Маленькая лошадка, на которой ѣздили Андрюша и Миша.

[2]) Во время пожара сгорѣла ея сестра.

Ключи не забудь. Что Илья по службѣ?

304. Апрѣль.

Пріѣхалъ Колечка, привезъ письма и себя. Темнота и дождикъ были страшные. А вчера же получилъ твои два письма. Спасибо, что ты мнѣ все посылаешь, заботишься. Мнѣ хорошо. Только нынче подъ ложечкой стало болѣть, хотя причинъ разстройства въ пищѣ я никакихъ не знаю. Николай Михайловичъ готовитъ, и ѣмъ самыя діэтныя кушанья—бульонъ—и всего мало. Если искать причину, то дурная погода и слишкомъ напряженная умственная работа. Воздержусь невольно, потому что и голова не свѣжа, плохо спалъ въ первый разъ. Письма все хорошія, и прежде всего—твои. Письмо это привезетъ тебѣ Дэнъ, и объявленія, и одно письмо тифлисское, и другое съ просьбой о сочиненіяхъ. Сдѣлаешь по своему усмотрѣнію.—Если поправится погода и буду совсѣмъ здоровъ, то провожу Колечку до Хилкова. Что ты объ этомъ думаешь? Потомъ, если Богъ велитъ, и къ вамъ пріѣду. Что письмо къ П. въ острогъ? Передала ли ты? Колечка съ Фейнерманомъ переписываютъ. Я немного пописалъ, а теперь вотъ собралъ, что нужно, послать съ Дэномъ. А онъ играетъ наверху на фортепіанахъ. Цѣлую тебя и дѣтей. Скажи Левѣ, что я былъ къ нему не такъ дружелюбенъ, какъ желалъ этого, и жалѣю. Мнѣ непріятно было его барство: «Титъ, Титъ, то и се», а теперь жалко. У насъ все такая же жизнь. И Николай Михайловичъ, и Титъ помогаютъ, только разъ Дэнъ поучился ставить самоваръ. *Л. Т.*

305. Апрѣль.

Пишу опять съ Козловки—письма отъ тебя нѣтъ, вѣрно, завтра будетъ. Пишу особенно для того, чтобы отмѣнить вчерашнее свѣдѣніе, что у меня брюхо болитъ. Нынче прекрасно себя чувствовалъ и работалъ, подвигаясь впередъ.

Фейнерманъ нынче нанялся въ пастухи къ Ясенскимъ мужикамъ за 80 рублей. Я ему совѣтовалъ это, и всѣ очень

довольны, и я завидую ему. Нынче получилъ радостное извѣстіе для меня: Джунковскій женится на Винеръ. Онъ былъ у нихъ и сдѣлалъ предложеніе.

Съ Колечкой живемъ прекрасно. Я все въ твое воспоминаніе живу по-барски и ѣмъ мясо. Читаю для отдыха прекрасный романъ Stendhal'a—«Chartreuse de Parme», и хочется скорѣе перемѣнить работу. Хочется художественной.—Надѣюсь, что ты освободилась отъ корректуръ. И какъ здоровье твое и Тани и Ильи нравственное состояніе? Цѣлую тебя и дѣтей. Пока прощай, душенька.

Л. Т.

306. **Апрѣль.**

Получилъ нынче твое послѣднее письмо, милый другъ, и очень пожалѣлъ о томъ, что ты неспокойна и нерадостна. Я знаю, что это временно, и почти увѣренъ, что завтра получу отъ тебя хорошее письмо, которое совсѣмъ будетъ другого духа. Вчера первый день, что я не писалъ тебѣ и не былъ на Козловкѣ. Третьяго дня вечеромъ ходилъ на Козловку съ Колечкой, и оттуда шли мы въ такой темнотѣ по грязи, что передъ носомъ не видно было; очень хорошо. На перекресткѣ шоссе и старой дороги видимъ свѣтъ мелькающій и голоса женскіе, веселые. Думали—цыгане. Подходимъ ближе: дѣти съ палками, дѣвушки, мужчина, и во главѣ Пелагея Ѳедоровна [1]) съ фонаремъ; это они провожаютъ жениха Сони на Козловку. Придя домой, нашелъ пріѣхавшаго Алехина,—помнишь, въ очкахъ малый? Онъ ѣдетъ покупать землю, и заѣхалъ. Легли спать. Утро вчера очень много занимался; писалъ совсѣмъ новую главу: «О страданіи»,—боли. Походили гулять, обѣдали. Да утромъ еще пріѣхалъ братъ Сытина, пріѣхавшій изъ Москвы съ тѣмъ, чтобы гдѣ-нибудь въ деревнѣ жить, работая. Уѣхалъ къ Марьѣ Александровнѣ [2]). И Алехинъ уѣхалъ. Въ продолженіе вечера были посѣтители:

---

[1]) Наша прачка.

[2]) Марья Александровна Шмидтъ, послѣдовательница ученія Льва Ник-а. Бывшая классная дама въ Москвѣ, въ Николаевскомъ институтѣ.

Данила, Константинъ [1]). Читали «Хворую» Потѣхина. Фейнермана не было. Онъ въ Тулѣ былъ—хлопотать о разводѣ съ женой, для котораго куча трудностей. Нынче мы одни съ Колечкой пили чай и кофе; потомъ я писалъ, онъ переписывалъ и топилъ баню. Обѣдали; пришелъ немного выпившій Цыганокъ и очень много хорошаго говорилъ.

Сейчасъ былъ въ банѣ и хотѣлъ пить чай. Весна второй день: медунчики, орѣшникъ въ цвѣту, и муха, пчела, божьи коровки—ожили и жужжатъ, и копошатся. Ночь еще лучше: тихо, тепло, звѣздно,—не хотѣлось домой идти. Занимался нынче тоже хорошо. Пересматривалъ, поправлялъ сначала. Какъ бы хотѣлось перевести все на русскій языкъ, такъ, чтобы Титъ понялъ. И какъ тогда все сокращается и уясняется. Отъ общенія съ профессорами—многословіе, трудословіе и неясность. Отъ общенія съ мужиками—сжатость, красота языка и ясность.

Получилъ письма отъ Черткова, Бирюкова, Симона,—все хорошія, радостныя письма. Здоровье хорошо. Теперь I hope. Да, еще то, что я къ Хилкову не поѣду. I hope, что ты не затягиваешься корректурами, и что будни успокоили всѣхъ, и тревожитъ и радуетъ только зелень въ саду. I hope, что Илья въ струнѣ, малыши здоровы, и Таня, и Маша въ хорошемъ настроеніи, и что Лева не играетъ въ винтъ. Сережу нынче Фейнерманъ видѣлъ въ Тулѣ; онъ былъ въ нерѣшительности—пріѣхать или не пріѣхать въ Ясную? Я думаю, завтра пріѣдетъ, и, пожалуй, съ охотниками. Самая тяга. Ну, прощай, милый другъ. Цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

307. **Апрѣль.**

Получилъ нынче твое доброе письмо, какъ и ожидалъ. Одно очень не хорошо: это твое нерасположеніе къ Ф. Что тебѣ можетъ мѣшать человѣкъ? И какъ поставить себя въ такое поло-

---

[1]) Крестьяне Ясной Поляны.

женіе, чтобы не умѣть обойтись съ человѣкомъ—обойтись какъ съ человѣкомъ, такъ, какъ ты найдешь наилучшимъ? Это что-то обидное и жалкое мнѣ для тебя, что ты имѣешь врага. Это ужасно мучительно. А главное, за что ты такъ обвиняешь его? Зная его близко, его никакъ нельзя ненавидѣть, а можно только жалѣть. Жену свою онъ ужасно любитъ. И теперь, когда она требуетъ у него развода, и онъ посылаетъ ей его, и она вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщается пріѣхать къ нему и не оставлять его, я вижу, какъ онъ страдаетъ. Ненавидѣть же его нельзя, потому что нельзя же его не назвать добрымъ человѣкомъ? Вообще думаю, что если ты примешь какія-нибудь внѣшнія мѣры для его изгнанія, то сдѣлаешь дурно, главное—дурно для себя.

Ну вотъ, милый другъ, я сказалъ, а ты подумай и сдѣлай, какъ лучше... Таё, получше какъ, значитъ...

Нынче по обыкновенію занимался, а Колечка съ Фейнерманомъ переписывали. Выставили окна. Сейчасъ поѣду въ Ясенки. Была больная отъ лихорадки. Колечка нашелъ хининъ, и мы дали. Да Ольгушка Ершова проситъ рецептъ отъ глазъ для своей дѣвочки.—Работалъ нынче хуже всѣхъ дней, но не запутался. Больше новостей у меня нѣтъ. Твои новости хорошія, за исключеніемъ двухъ черныхъ: одна съ нарывами и физической распущенностью, а другая—Лева, котораго безъ Колечки некому поддержать. Хоть бы онъ въ себѣ поискалъ, нѣтъ ли въ немъ гдѣ Колечки маленькаго? Пріѣду я, когда Колечка уѣдетъ. А когда,—не знаю. Ну, пока прощай. Только что пообѣдали, и мысли заснули. Обѣдали щи зеленыя и каша на сковородѣ, и ничего больше ѣсть не хочется; а вечеромъ чай съ хлѣбомъ. Цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

Былъ у меня вчера одинъ мужикъ изъ Щекина. Помнишь, онъ былъ посаженъ невинно въ острогъ за сопротивленіе якобы властямъ и просидѣлъ два года. Жена его ходила ко мнѣ, да еще погорѣла безъ мужа. Онъ жилъ у насъ зиму въ работникахъ. Всѣ говорятъ, что примѣрный мужикъ. Теперь у него ни

лошади, ни сѣмянъ, ни права идти на работу, потому что за нимъ 13 рублей недоимки и не даютъ паспорта. Надо помочь ему, у кого есть деньги.

308.

16 апрѣля, 6 час. вечера.

Пишу нынче изъ Ясенковъ, куда пріѣхалъ, чтобы взять посылку Тани. Ф., узнавъ, что тебѣ непріятно его присутствіе, рѣшилъ уѣхать къ себѣ. Кстати, это ускоритъ разводъ для его жены, да и въ пастушествѣ ему отказали. Интриги другого пастуха. Колечка рѣшилъ вернуться еще въ Москву по дѣламъ своихъ друзей, и, должно быть, завтра мы съ нимъ пріѣдемъ съ поѣздомъ, выходящимъ изъ Тулы въ 12 часовъ (не курьерскимъ). Вчера былъ день нехорошій для писанья, не выспался, но нынче прекрасно работалъ, хотя все еще не кончилъ. Получилъ рисунки, они очень хороши. Не получилъ писемъ, которыя ты хотѣла прислать, и боюсь съ ними разъѣхаться. Какъ бы не было нужнаго. Здоровье и духовное, и тѣлесное очень хорошо. Все растетъ, сохнетъ, зеленѣетъ. Всѣ пашутъ, и мнѣ очень хотѣлось, но не желалось оторваться отъ работы. Все, что можетъ задержать меня, это особенно хорошее расположеніе для работы. Осталось на разъ, а перебивать пріѣздомъ не хочется. Тогда до послѣзавтра. Цѣлую тебя и дѣтей. Если есть отъ тебя письмо, то его еще не получилъ. Колечка пошелъ за нимъ въ Козловку. Послѣднее письмо было про Бобр...

Л. Т.

Письма изъ Ясной Поляны въ Москву послѣ того, какъ Левъ Никол., побывавъ у насъ въ Москвѣ, снова вернулся въ Ясную Поляну.

309. **25 апрѣля.**

Исполняя обѣщаніе, пишу нынче. Ѣхалъ спокойно; бесѣдовалъ съ однимъ старичкомъ 87 лѣтъ; этотъ очень интересенъ.

Потомъ съ старушкой 65 лѣтъ. Эта мало интересна. Узнала меня еще одна барыня изъ 1-го класса и пришла мнѣ говорить глупости, т.-е. восхваленія. Но я скоро отдѣлался, почти грубо. Дома истопили. Спалъ не дурно. Свѣжо было все-таки. Нынче утромъ убирался, ходилъ за молокомъ, яйцами, кипятилъ молоко, ставилъ самоваръ; и такъ скучно стало все это дѣлать для себя, что рѣшилъ обѣдать людской обѣдъ, а самъ не готовить. Но пришелъ Николай Михайловичъ и сказалъ, что онъ приготовитъ и сдѣлаетъ все, что нужно. «А то», говоритъ, «вы цѣлый день все будете себѣ готовить, ничего не успѣете свои дѣла сдѣлать». Это правда. Все это пишу тебѣ, потому что ты хотѣла, чтобы я писалъ о себѣ, своихъ мысляхъ. Это старинныя мысли мои, но всегда особенно ясно понимаются мною, когда я одинъ. Привычки мои не очень хитрыя, и то, чтобы удовлетворять имъ, надо, какъ Николай Михайловичъ говоритъ, цѣлый день хлопотать. Зачѣмъ же у меня даже такія привычки? Ихъ можно удовлетворять, не хлопоча цѣлый день, когда это привычки многихъ, общія. Чтобы не хлопотать самому цѣлый день и не заставлять другихъ на себя хлопотать, одно средство, чтобы привычки были общія, чтобы всѣ ѣли одинаково. А когда одинъ, и привычки отличаются отъ привычекъ окружающихъ, то стыдно, какъ мнѣ всегда стыдно. Здѣсь только особенно ясно почему-то.

Съ 12 до 4-хъ очень усердно работалъ, все съ начала и все къ улучшенію, навѣрное. Въ 5-мъ часу пошелъ ходить. Ходилъ очень много, за рѣкой, по Засѣкѣ. Сережа сынъ пріѣхалъ. Я пообѣдалъ, потомъ истопили съ нимъ печку, поставили самоваръ и пьемъ чай. Я получилъ кучу писемъ изъ Тулы. Мало интересны. Пьютъ чай Титъ и Агаоья Михайловна. Какъ-то ты? Ты меня какъ-то особенно провожала. Мнѣ было жалко. Ну, вы поскорѣе кончайте дѣла да пріѣзжайте. Холодно, но соловьи, и кукушки, и фіалки, но что-то не весело. Такъ и Сережа говоритъ. Прощай пока, цѣлую тебя и дѣтей. Если письмо холодно, то не таково мое настроеніе.

Л. Т.

310. **Открытое письмо.**

Я послѣ обѣда, 7 часовъ, заѣхалъ въ Ясенки, вотъ и пишу два слова. Я здоровъ, Сережа тоже. Нынче становится потеплѣе. Провелъ день обычно. Работалось плохо. Жду нынче отъ тебя извѣстій.

Л. Т.

311. **30 апрѣля.**

Два дня у меня гоститъ Масарикъ [1]). Мнѣ очень съ нимъ пріятно было. Онъ сейчасъ уѣзжаетъ, и съ нимъ пишу это письмо. Третьяго дня, вернувшись изъ Ясенковъ, засталъ двѣ коляски. Это Давыдовъ пріѣхалъ съ компаніей, съ дочерью и еще другими дамами и мужчинами: Мясновъ съ женой, Поповъ, директоръ гимназіи, Фирсовъ и еще кто-то, Лопухинъ,—всѣхъ 10 человѣкъ. Они хотѣли уѣзжать, зашелъ одинъ Давыдовъ, я позвалъ ихъ чай пить. Вернулся Сережа съ тяги, и всѣхъ напоили чаемъ и шампанскимъ полуннымъ, и Сережа уѣхалъ съ ними въ Тулу до четверга. Тутъ пріѣхалъ Масарикъ.

Вчера нездоровилось и ничего не работалъ. Но нынче дождикъ теплый, и я здоровъ и работалъ. Ходилъ съ Масарикомъ на Козловку. Получилъ твои два хорошія письма. Такъ радостно, когда чувствую, что у тебя на душѣ хорошо и что все было весело. Масарикъ ставитъ самоваръ, и раздуваетъ очень хорошо, и думаетъ, и понимаетъ также.

Что Таня съ своимъ отъѣздомъ? Моя матеріальная жизнь очень хороша. Николай Михайловичъ готовитъ отличные обѣды, и я совсѣмъ здоровъ, и заниматься мнѣ ничто не мѣшаетъ. Нынче весь лугъ покрылся фіалками, и трава совсѣмъ большая. Напишу, Богъ дастъ, завтра получше. Цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

312. **2 мая.**

Ты, вѣрно, недовольна мной, милый другъ, за мои письма. Они вѣроятно вышли пасмурны, какъ у меня было пасмурно на душѣ

---

[1]) Профессоръ философіи Пражскаго университета.

эти 2, $1^1/_2$ дня. Пасмурно не значитъ, что не хорошо, а физически вяло. Что-то, вѣрно, въ печени. Но теперь, со вчерашняго вечера, опять прекрасно. И нынче я много работалъ, и еще больше хочется. Темъ для писанья напрашивается столько, что скоро пальцевъ недостанетъ считать, и такъ и кажется, сейчасъ сѣлъ бы и написалъ. Что Богъ дастъ послѣ окончанія «О жизни и смерти» [1]). Вѣдь будетъ же конецъ? А до сихъ поръ нѣтъ. Предметъ-то важенъ, и потому хочется изложить какъ можно лучше. Ты думаешь, что хуже, а мнѣ кажется, что нѣтъ.

Вчера пріѣхалъ Сережа и перешелъ жить къ Филиппу, т.-е. внизу, во флигель, больше оттого, что онъ переѣхалъ съ мебелью, и ему тамъ, онъ говоритъ, такъ хорошо, что онъ желалъ бы тамъ и быть все лѣто. Сейчасъ мы пообѣдали, 6-й часъ, и я понесу письмо въ Козловку, и вѣрно получу твое. Жаль будетъ, если не увижу Черткова. Ты говоришь: зачѣмъ уѣхалъ? Разумѣется, со многихъ сторонъ лучше и радостнѣе быть вмѣстѣ. А со стороны работы—а мнѣ не долго осталось—много лучше здѣсь. И одиночество плодотворно. Ты это имѣй въ виду. Да ты и имѣешь. Вчера набралъ фіалокъ, и онѣ теперь передо мной, на столѣ. Какъ странно! Третьяго дня вечеромъ, послѣ отъѣзда Масарика, на меня нашло такое физическое состояніе тоски, какъ бывала Арзамасская [2]). И, бывало, тогда самое страшное въ этомъ состояніи была мысль о смерти. Теперь же я, напротивъ, какъ только почувствовалъ тоску, такъ сталъ думать: чего мнѣ нужно? чего я боюсь? какъ сдѣлать, чтобы этого не было? И стоило мнѣ только подумать о смерти, какъ я ее понимаю, чтобъ тотчасъ уничтожилась всякая тоска и стало очень спокойное, даже пріятное состояніе.

Нынче прекрасный, теплый день; окна отворены и у Кузминскихъ моютъ. Въ пристройкѣ протопятъ завтра. Какъ вы рѣ-

---

[1]) Слово „смерти“ Левъ Никол. потомъ выкинулъ, говоря, что онъ, окончивъ работу, понялъ, что смерти нѣтъ.

[2]) См. выше письмо 1869 г. изъ поѣздки въ Пензенскую губ.

шаете отъѣздомъ и какъ живете? Одному хорошо, но, разумѣется, радѣе, когда вы всѣ пріѣдете. Понесу письмо открытымъ, можетъ быть, въ Козловкѣ что припишу.

На Козловкѣ. Получилъ твои два письма о Мишѣ. Вѣроятно, теперь уже прошло, иначе ты бы извѣстила. Цѣлую всѣхъ. Удивительный вечеръ! Я сижу на Козловкѣ.

313. **3 мая.**

Спасибо, милый другъ, что часто и хорошо пишешь. Нынче получилъ твои два письма: одно, гдѣ Миша еще боленъ, другое, гдѣ здоровъ. Хоть мы скоро и будемъ вмѣстѣ, но прошу тебя такъ же me tenir au courant твоихъ состояній.

Сейчасъ Сережа перебилъ это письмо разговоромъ. Разговоръ былъ дружелюбенъ.—Погода нынче изъ всѣхъ дней: гроза, жара, соловьи, фіалки, наполовину зеленый лѣсъ—такъ весело, хорошо въ Божьемъ мірѣ! Вчера я половину дня пахалъ. Усталъ порядочно; но самое хорошее состояніе, и было очень хорошо. Пашу я не одинъ, а съ Константиномъ. Онъ работаетъ на моей лошади Копыловымъ, а вчера мы вдвоемъ. Нынче работалъ надъ своимъ писаньемъ. Не думай, чтобы мнѣ было неудобно и дурно,—превосходно. Только васъ недостаетъ. Окна отворены, и мнѣ кажется, что сырости мало. На Козловкѣ жандармы, ждутъ проѣзда [1]), и куча рабочихъ дѣлаютъ насыпь. Я сейчасъ оттуда и ѣду въ Ясенки съ этимъ письмомъ. Жалѣю очень, что не увижу Чертковыхъ, скажи имъ это отъ меня. Я не пишу, потому что не успѣю написать толкомъ. Писемъ у меня пропасть, на которыя надо отвѣтить, и все не успѣваю—отъ лѣни.—Къ Танѣ Кузминской пришла наниматься бывшая у нея кухарка. Я сказалъ, что скажу.

Сейчасъ получилъ отъ Рафаила Писарева письмо съ просьбой написать рекомендательное письмо Захарьину для его знакомой. Передай черезъ кого-нибудь общихъ знакомыхъ, что я очень

---

[1]) Государя.

жалѣю, что не могу этого сдѣлать. Спасибо, что пишешь про дѣтей. Жаль, что объ Илюшѣ ничего опредѣленнаго. Цѣлую ихъ и тебя, и радующагося жизни—Мишу, и боящагося пропустить—Андрюшу. Бѣдняга! *Л. Т.*

314. **4 мая.**

Вчера получилъ самъ на Козловкѣ твое письмо ко мнѣ и Филиппу и порадовался, что все у васъ хорошо. О Гришѣ [1]) я догадывался. Какъ жаль его бѣднаго. И Сережу брата; воображаю, какъ ему тяжело. Хотѣлось бы его повидать. Вчера у меня былъ дурной день. Ничего почти не писалъ, потому что нашла безсонница безъ всякой видимой причины. Лежу и думаю, но глаза не закрываются, а таращатся. Зато эту ночь выспался, и только что отпилъ чай, какъ пришелъ Поша [2]). Мы поговорили; потомъ я пошелъ въ поле скородить. Тамъ вымочилъ меня чудный грозовой дождь; вернулся въ половинѣ 6-го, обѣдали, говорили, напились чаю и ложимся.—Сережа уѣхалъ вчера, чтобъ видѣться съ Сѣверцевой и остаться тамъ для своей службы. Павелъ Ивановичъ подтвердилъ мнѣ впечатлѣніе отъ твоихъ писемъ, что у васъ все хорошо, и обрадовалъ меня извѣстіемъ, что вы всѣ ѣдете въ понедѣльникъ. Прекрасно. Скажи Андрюшѣ и Мишѣ, что у Кавушки чудесный жеребеночекъ, маленькій конекъ, веселенькій, гнѣденькій, ржетъ и бѣгаетъ, поднявъ кверху хвостикъ.—Филиппъ не знаетъ, гдѣ что бѣлить. Теперь же ужъ поздно, тѣмъ болѣе, что въ субботу праздникъ. Ну, прощай пока, душенька, цѣлую тебя и дѣтей.

315. **5 мая.**

Нынче не было отъ тебя писемъ, мой другъ. Сережа ѣздилъ по найму дачи и былъ на Козловкѣ [3]). Захавы домъ занятъ; на Козловкѣ дачи непріятны—рядомъ съ чужими. А отдается Ваны-

[1]) Сынъ графа Сергѣя Николаевича Толстого.

[2]) Павелъ Ивановичъ Бирюковъ.

[3]) Дачу нанимали моей теткѣ, В. А. Шидловской.

кина бывшій домъ, гдѣ Крамской [1]) жилъ,—должно быть, дорого; хозяевъ нѣтъ, завтра узнаемъ. Еще Кобякова домъ, прелестная мѣстность, за 200 рублей. Сережѣ очень понравилось. А еще есть Бабурино. Тоже хозяевъ не было. Сережа говоритъ, что домъ—облуплены стѣны и т. п., но, по моему мнѣнію, Бабуринскій самый лучшій. Нанять дешевле, но положить рублей 50 на подчистку.

Я продолжаю быть здоровъ и доволенъ всѣмъ, за исключеніемъ вашего отсутствія. Но и его переношу мужественно. Вчера послѣ обѣда пахалъ очень усердно и вернулся усталый, но бодрый и здоровый. Нынче утромъ прекрасно работалъ. Самая сердцевина статьи, которая мнѣ недоставала, нынче для меня уяснилась. И мнѣ очень весело отъ этого. Кромѣ того, погода—и вчера была хороша, а нынче еще лучше. Я только походилъ по Заказу и набралъ фіалокъ, которыхъ очень много, или я ихъ замѣчаю больше. Посѣтители у меня за это время, кромѣ мужиковъ, кн. Блохинъ [2]), да еще вчера молодого человѣка, очень жалкаго революціонера, высланнаго изъ Петербурга; нѣтъ ли ему переписки?

Посылаю конвертъ съ письмами и разными статьями. Прошу Таню, чтобъ тебя не утруждать, а чтобы утруждать Таню, что мнѣ доставляетъ удовольствіе, *по двумъ письмамъ* тифлисскихъ барышень отвѣтить, предложивъ имъ замѣнить лубочныя повѣсти (въ листъ) и романы (въ 4 листа и болѣе) сочиненіями и передѣлками изъ иностранныхъ. По одному письму—Макушину послать полное собраніе сочиненій. Статью № 1-й, присланную вмѣсто *Портупей-прапорщика*, передать Петрову съ моимъ мнѣніемъ, что это не очень плохо и можетъ замѣнить, если понадобится, что-нибудь очень плохое. Статью № 2-й о Еруслапѣ Лазаревичѣ передать Петрову съ моимъ мнѣніемъ, что это недурно и съ успѣхомъ можетъ подмѣнить стараго Еруслана. Статью № 3 передать Петрову съ моимъ мнѣніемъ,

---

[1]) Иванъ Николаевичъ Крамской, знаменитый художникъ, написавшій въ 1873 г. два портрета Льва Николаевича.

[2]) Сумасшедшій мужикъ, называвшій себя „всѣхъ чиновъ окончившимъ—княземъ Блохинымъ“.

что это тоже недурно. И могло бы быть и то, и другое еще менѣе дурно, если бъ онъ ихъ поправилъ.

Статью № 4-й передать Губкиной съ моимъ мнѣніемъ, что это хорошо, и я прошу ее меня извинить, что не отвѣчаю, а ея знакомой совѣтую продолжать такъ же. Одно меня смущаетъ, пусть Таня передастъ Губкиной, что я до сихъ поръ не могъ добиться—Миташа [1]) обѣщалъ мнѣ—разрѣшатъ ли наслѣдники печатаніе этого. Если бы можно было узнать (это я обращаюсь и къ тебѣ, и ко всѣмъ), какую часть цѣлаго имѣютъ право дѣлать извлеченья безъ спроса у собственника.

Сейчасъ зашиваю посылку и ѣду въ Ясенки купить конвертовъ, съ тѣмъ, чтобы отвѣчать на кучу писемъ, запущенныхъ мною и на которыя нельзя не отвѣтить. Чертковымъ передай, что я имъ напишу въ Лизиновку.

Мнѣ очень пріятно, что Вѣра Александровна [2]) будетъ жить около насъ. Я совершенно съ тобой согласенъ, что она добрая старушка, и такое на меня всегда производитъ впечатлѣніе. Для дѣвочекъ это все равно. Я уже теперь ничего не жду отъ нихъ, кромѣ самыхъ разныхъ фасоновъ шляпокъ и: «Ахъ, ma chère»...

У васъ скоро время идетъ, а здѣсь радостно, но тихо, и мнѣ кажется, что до сбора всѣхъ еще очень долго. Пожалуйста, не безпокойся обо мнѣ, я себя очень берегу, ѣмъ прекрасно, и отъ работы или отъ погоды, но чувствую, что всѣ признаки желудочнаго нездоровья прошли. Желаю только, чтобы ты была бы такъ же здорова, какъ я.

Прощай, душенька, цѣлуй дѣтей, пиши про нихъ. Почему Левѣ уединеннѣе у Шидловскихъ? И что же это Илья? Пусть дѣти: Таня, Маша, Лева, напишутъ мнѣ про него. А то ты не знаешь его и не можешь вѣрно описать. По твоимъ описаніямъ плохо, а все не хочется вѣрить.

---

[1]) Оболенскій, кн., Дмитрій Дмитріевичъ.

[2]) Моя тетка, Шидловская.

316. **8 мая.**

Моютъ полы въ домѣ и чистятъ, и я радуюсь вашему скорому пріѣзду. Погода необыкновенно хороша, и я увѣренъ, что сырости въ домѣ ужъ не будетъ. Я два дня дурно сплю, и потому вялъ и не работается; а не работается, и на душѣ не бодро. Павелъ Ивановичъ усердно переписываетъ. Мы съ нимъ говоримъ и гуляемъ. Сейчасъ понесемъ это письмо на Козловку. Сережи нѣтъ; онъ хотѣлъ остаться въ Тулѣ посмотрѣть проѣздъ Государя—не пропустить,—который будетъ завтра, 9-го. О дачахъ еще ничего не могу сказать, потому что мнѣ Сережа не далъ и не давалъ отвѣта о цѣнахъ Бабурина и Ваныкина. Завтра, если буду живъ и здоровъ, съѣзжу самъ посмотрѣть и узнать. Вчера я писалъ тебѣ и нынче пользуюсь случаемъ. Если бы вы вздумали перемѣнить время отъѣзда, то напиши. Экипажи и лошади устроимъ. Больше писать нечего. Да, пристройка на террасѣ кончена тѣмъ, что въ ней можно жить. Есть полы, потолки, рамы, двери и оклеено бумагой подъ обои. По-моему не стоитъ лучше и отдѣлывать. Нечто обои и двери покрасить клеевой краской. Впрочемъ, сама увидишь. Цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

317. **10 мая.**

Сейчасъ ходилъ съ Павломъ Ивановичемъ въ Ваныкино смотрѣть домъ. Мнѣ не понравилось. Комнатъ болѣе 15, и низъ очень сыръ. Цѣна, вѣроятно, около 200 рублей. По-моему лучше всего Бабурино; завтра схожу туда и уже, Богъ дастъ, на словахъ скажу тебѣ.—Нынче мы тихо работали съ Павломъ Ивановичемъ (онъ усердно переписываетъ), а потомъ вотъ обошли кругъ Ваныкина и Козловки. Получилъ твое письмецо суетливое. Жаль, что укладка не ладится. Ну, до свиданья.

Л. Т.

Письмо изъ Ясной Поляны въ Москву; Левъ Никол. оставался еще въ деревнѣ недѣлю съ Таней и Машей Кузминской.

318. **23 октября.**

Живемъ мы хорошо, всѣ здоровы и физически, и нравственно. Получили отъ Саши и Левы письма очень волнительныя, о томъ, что ты знаешь.

Сейчасъ пріѣхалъ Сережа отъ Стаховичей, гдѣ онъ оставилъ Степу, намѣревающагося уѣхать въ тотъ же день черезъ Орелъ въ Дорогобужъ. Сережа находитъ, что онъ получше—меньше говоритъ о небесномъ созданіи, но какъ бы упорствуетъ на томъ, чтобы бросить свою жалкую жену.

У насъ посѣтители были: Буткевичъ въ первый день, и 3-го дня дама изъ Ясенковъ, свояченица Х..., довольно комическая и безтолковая, старая вдова, бывшая въ Іерусалимѣ и на Синаѣ и вышивающая воздухи.—Я немного пишу по утрамъ; то идетъ хорошо, то останавливается, какъ нынче. Таня начала переписывать, но главное не минуетъ «твоихъ прекрасныхъ рукъ» [1]. Только здорова ли ты, милый другъ? Боимся мы, какъ бы у тебя не сдѣлалась опять невралгія отъ переѣзда. Дѣвочки и тихи, и веселы, и заняты, и спокойны. Весело смотрѣть на нихъ. Я шью сапоги, но Павелъ спуталъ мои колодки, и сапоги коротки Танѣ, стало быть, и Машѣ не будутъ годиться. Дошью—пойдутъ Андрюшѣ, котораго цѣлую, а Машѣ, которую цѣлую, коли буду живъ, сошью другіе.

Не закрывая письма, несу на Козловку, чтобы приписать въ отвѣтъ. До сихъ поръ не было отъ тебя писемъ. Жду, главное, извѣстій отъ Ильи.

---

[1] Л. Н. шутилъ, вспоминая поговорку Фета.

1888 годъ.

31 марта родился у насъ сынъ Ванечка, а 18 апрѣля Левъ Никол. ушелъ пѣшкомъ изъ Москвы въ Ясную Поляну съ А. Н. Дунаевымъ [1]) и молодымъ Ге.

319. **18 апрѣля.**

Пишу изъ Подольска, куда мы дошли въ 8 часовъ. Очень было хорошо идти и питаться чаемъ и парнымъ молокомъ, что мы дѣлали два раза.

Немножко было лишнихъ 3 или 4 версты, на которыхъ я почувствовалъ усталость, но зато мы въ номерѣ съ постелью, которую обсыпаемъ ромашкой. Цѣлую тебя и всѣхъ. Таня бы очень одолжила меня, если бы написала Pagès [2]). Благодарю за письмо очень интересное и съ содержаніемъ котораго совсѣмъ согласенъ. Не пишу потому, что некогда,—послѣ.

320.

20 апрѣля. Открытое письмо.

Въ Серпуховѣ, въ 6 вечера. Идемъ дальше. Несмотря на дождь, не промокли. Послѣ первой, не совсѣмъ хорошей ночи въ Подольскѣ вчера спалъ прекрасно. Очень весело и бодро шли. Горе, что не нашли писемъ въ Серпуховѣ. Пишу со станціи. Можетъ быть, письмо въ 7. Ну, что дѣлать! Цѣлую всѣхъ.

Л. Т.

321. **21 апрѣля.**

Пишу нынче, четвергъ, вечеромъ, отъ Раевскихъ, очень милыхъ и любезныхъ, у которыхъ ночуемъ. Дошли мы превосходно, и дошли бы нынче, въ четвергъ, до Ясной, но съ нами слу-

[1]) Александръ Никифоровичъ, директоръ моск. Торговаго банка, увлекавшійся идеями Льва Николаевича.

[2]) Emile Pagès, одинъ изъ французскихъ переводчиковъ Толстого.

чилась досада: вели мы съ собой больного, жалкаго мальчика, и все было хорошо. Но послали его впередъ съ попутной бабой на телѣгѣ къ Ивановымъ, съ письмомъ къ Кперцеру, думая, что она подождетъ насъ; а она увезла куда-то мальчика, и мы ее потеряли, и весь вечеръ искали, и въ поискахъ заѣхали къ Раевскимъ, которые оставили насъ ночевать. Тѣмъ болѣе неудобно было нынче ѣхать до Ясной, что всѣ Философовы и молодые Раевскіе были тамъ и при насъ пріѣхали.

Путешествіе очень удалось. Какъ я ни старъ и какъ ни знаю нашу жизнь, всякій разъ узнаешь во всѣхъ отношеніяхъ—и нравственномъ, и умственномъ. Ну, прощайте, цѣлую всѣхъ. Мѣшаютъ писать. Изъ Ясной напишу больше.

Л. Толстой.

322. **23 апрѣля.**

Лева тебѣ разсказалъ уже, милый другъ, про вчерашній день и то, какъ мы пришли, и то, какъ я, падая отъ сна, заснулъ чуть не въ 10 часовъ. Мнѣ грустно было, и очень, твое письмо. Я тебѣ обѣщалъ, что буду писать тебѣ о себѣ всю правду, не скрывая, о томъ же прошу тебя и надѣюсь, что ты такъ и сдѣлаешь. Мнѣ грустно было узнать по твоему письму, что тебѣ не хорошо на душѣ, да не хорошо и тѣлу [1]). Но радостно было узнать и чувствовать, что я знаю о тебѣ всю самую настоящую правду. Надѣюсь, что это прошло; ежели же нѣтъ, то напиши, какъ думается и чувствуется, и я сейчасъ пріѣду, если увижу, что это нужно. Ты изъ моихъ словъ, что я буду уставать на пахотѣ, такъ же, какъ и въ путешествіи, выводишь въ связи съ письмомъ Бирюкова, что я хочу, во что бы то ни стало, мучить и убивать себя. Это совершенно несправедливо, потому что я всегда настаиваю на томъ, что человѣкъ долженъ дѣлать все только для своего блага. Дѣло

---

[1]) Я страдала отъ болѣзненнаго кормленія и слабости послѣ тяжелыхъ родовъ.

только въ томъ, что уставать, и даже очень сильно, на воздухѣ, весной, въ путешествіи или на пахотѣ есть положительное благо во всѣхъ отношеніяхъ, а остальное, т.-е. отсутствіе усталости, труда, есть зло. Я себя чувствую прекрасно. Молодые [1]) наши очень милы, и сотоварищи мои пріятнѣе, деликатнѣе, чѣмъ я ожидалъ.

Нынче цѣлое утро я провозился въ кабинетѣ, очищая все отъ пыли и разставляя все по мѣстамъ, съ тѣмъ, что если завтра придется сѣсть за столъ и писать, что весьма возможно и пріятно. Нынче утромъ прошелъ на деревню, къ Титу Борисову. Но уже не засталъ его. Онъ умеръ. Сейчасъ ѣду въ Ясенки получить письма и свезти это на почту. Нынче выставилъ и открылъ вездѣ окна. О балконѣ Таниномъ распоряжусь. Пожалуйста, что нужно, пиши мнѣ; мнѣ очень весело будетъ все исполнять. Цѣлую тебя и дочерей, которыя тебѣ помогаютъ и навѣрное только того и желаютъ, и тому радуются; и мальчиковъ, и Сашу. Ивана въ числѣ мальчиковъ.

Л. Т.

323.

26 апрѣля. Открытое письмо.

Вчера ходили на Козловку за письмами, но не было. Мы прожили и этотъ день очень хорошо. Молодые собираются нынче въ ночь ѣхать, и все укладывались, и все такъ же милы. Дунаевъ оба дня готовилъ обѣдъ и очень хорошо. Я же, противно своимъ ожиданіямъ, ничего не писалъ, а только читаю, гуляю, бесѣдую съ приходящими и своими и больше лежу и читаю. Здоровье очень хорошо. Вчера была гроза и сильный дождь, и нынче тоже, и свѣжо. Но съѣзжу сейчасъ на Козловку на Таниномъ караковомъ жеребчикѣ. Онъ прекрасно ходитъ. Я третьяго дня ѣздилъ на немъ въ Ясенки. Ну, пока прощай, цѣлую всѣхъ.

Л. Т.

---

[1]) Сынъ Илья женился 28 февраля на Сонѣ Философовой, и они жили тогда въ Ясной Полянѣ.

324. Апрѣль.

Письма твои я всѣ получилъ, милый другъ, и на васъ за молчаніе не пеняю, надѣясь, что также и вы, и что вы такъ же продолжать будете. Нынче, четвергъ утро, пишу съ Козловки, куда я пришелъ, гуляя, и гдѣ получилъ твое открытое, отъ вторника, письмо. Не скучай, голубушка, объ Иванѣ и не тревожь себя мыслями. Далъ Богъ ребеночка, дастъ ему и пищу [1]).

Нынче утромъ пришелъ твоя антипатія—Константинъ, и представь, у него вчера жена родила двойню мальчиковъ, и, какъ и надо ожидать при ея болѣзненномъ состояніи (лихорадка), они къ вечеру же умерли.—Колечка и Дунаевъ со мною. Мы живемъ очень хорошо. Дунаевъ поварничаетъ очень успѣшно, а я ничего не дѣлаю,—берегу себя по твоему приказанію. Боль не повторялась, и нынче я чувствую себя совсѣмъ ожившимъ. Вчера только получилъ письмо и посылку Маши. Очень ее благодарю за аккуратность; пусть такъ же продолжаетъ. Прошу ее прислать мнѣ по два номера «Русскаго Дѣла» 12 и 13-й въ бандероли на Козловку.

Вчера пришелъ вечеромъ Власъ и еще Константинъ, бывшій староста, чтобы записаться въ общество трезвости. Общество, надѣюсь, будетъ имѣть успѣхъ. Еще Петръ Осиповъ, Раевскій молодой и его учитель. Я ихъ всѣхъ сообщу, когда съѣдемся.—Что концертъ? Таня можетъ это устроить.

Пожалуйста подумай и напиши мнѣ все, что нужно для приготовленія къ вашему пріѣзду, не жалѣя подробностей. Мнѣ доставитъ большое удовольствіе—устраивать. Окна отворяю, и сырости не будетъ. Колодезь не опасенъ, потому что заваленъ землею, но поправить надо, и я распоряжусь равно и въ томъ домѣ, и о балконѣ. (Напиши, что именно о балконѣ.) Я пишу, что сдѣлаю, а теперь еще не дѣлаю, потому что А. Я. третьяго дня отправился къ себѣ на 2 дня и его нѣтъ.

[1]) Меня тревожило все время то, что ребенокъ голодаетъ отъ недостатка питанія. Кормила я его сама, а мнѣ было уже 44 года.

Какъ пріѣдетъ, вѣроятно, нынче, такъ мы возьмемся за все— и за бѣленье, и за установку, и что еще напишешь.

Насчетъ меня же ты, нимало не стѣсняясь, напиши, что тебѣ съ Иваномъ веселѣе, лучше будетъ, если я пріѣду, то мнѣ будетъ очень радостно и здорово пріѣхать, и дѣло найдется. Такъ и сдѣлай. Мнѣ такъ хорошо, легко и просто, и любовно съ тобой, такъ и тебѣ, надѣюсь.

Погода была скверная, а нынче, кажется, хочетъ поправиться, уже совсѣмъ сухо. Цѣлую всѣхъ васъ. Вы, дѣвочки милыя, пишите; а если бы мальчики, подъ руководствомъ Левы, тоже написали, еще бы лучше.

Л. Т.

325. **Май 1.**

Получилъ вмѣстѣ твое открытое и закрытое письмо, милый другъ. Михайло свободенъ и охотно ѣдетъ, онъ и передастъ тебѣ это письмо. Ты все грустишь, голубушка. Это мнѣ очень грустно, потому что я вижу, какъ тебѣ тяжело и какъ ты не можешь иначе съ кормленіемъ и безпокойствомъ о немъ, и какъ бы желалъ помочь тебѣ, и не знаю, какъ. О моемъ здоровьѣ не безпокойся, потому что нѣтъ никакого основанія. Я чувствую себя прекрасно и такъ же питаюсь и буду питаться. Когда вы думаете пріѣхать? Если скоро, то я напишу о вещахъ и попрошу выслать; если же нѣтъ, то я, какъ писалъ, съ радостью и пользою пріѣду. Гдѣ ключъ отъ Кузминскаго дома? Нынче ѣдутъ Дунаевъ и Рахмановъ. Они оба у тебя будутъ и разскажутъ про насъ. N. очень былъ пріятенъ. Онъ, кромѣ того, что умный и образованный, еще и очень добрый человѣкъ; недостатокъ его—недостатокъ тонкости, не деликатности, а художественной тонкости.

Я съ нынѣшняго дня чувствую себя совсѣмъ бодро и хорошо и чуть было не началъ писать. Всегда страшно начинать, когда дорожишь мыслью, какъ бы ее не испортить, не захватать дурнымъ началомъ. У насъ еще одинъ художникъ, Бокшинъ изъ Академіи. Онъ пришелъ пѣшкомъ. Онъ ѣдетъ завтра, кажется. Спасибо дѣвочкамъ, что онѣ помогаютъ. Цѣлую всѣхъ. *Л. Т.*

326. **Май 3.**

Боюсь, что сдѣлалъ большой перерывъ въ письмахъ, и что ты безпокоилась. Вышло потому, что Бокшинъ хотѣлъ ѣхать и не уѣхалъ. Письмо твое пріятное получилъ 3-го дня, и мнѣ стало веселѣй. Вчера получилъ отъ малышей. Врагъ я медицинскихъ усовершенствованій, но для тебя, при твоемъ безпокойномъ характерѣ, совѣтовалъ бы свѣсить Ивана, и вѣсить съ тѣмъ, чтобы вѣрно знать, хорошо ли твое кормленіе или нѣтъ. Мнѣ по всему кажется, что твое молоко хорошо и достаточно, и что съ помощью прикорма ты выкормишь лучше всего, но что тебѣ мѣшаетъ безпокойство, и вѣроятно, неосновательное.

Про себя скажу, что я живу ни то, ни се—нѣтъ бодрости-ни тѣлесной, ни умственной—все желчь и животъ. Боли были только одинъ разъ и скоро прошли, но что-то разладилось въ животѣ. Ты скажешь, что это отъ неѣденія мяса, и пожалуйста, не говори и не думай этого. Я охотно бы его ѣлъ, если бъ меня манило на него и чувствовалъ бы отъ него лучше, но нѣтъ ни того, ни другого. Теперь я ѣмъ простоквашу, и очень много, и мнѣ она и пріятна, и отлично дѣйствуетъ.

Вчера, въ понедѣльникъ, первый день я послѣ обѣда попахалъ, и такъ какъ по-перемѣнкамъ съ Колечкой, то безъ усилія.—Нынче только пришли штукатуры и маляры, 85 коп. въ сутки, 4 человѣка. Надо ихъ подгонять. Алекс. Яковл., кажется, дѣловитый человѣкъ. Сережа еще не пріѣзжалъ, вѣрно сегодня вечеромъ.

Тутъ, какъ всегда, нищета большая, и еще на Святой сгорѣла Шевыревка, 21 дворъ,—ходятъ просить погорѣлые.—Андрюшѣ и Мишѣ скажи, что Кавушку я нынче видѣлъ съ желтенькимъ жеребеночкомъ. Цѣлую ихъ и благодарю. Вотъ незабудки [1]), я нынче нашелъ. Нынче похоже на лѣто, первый хорошій теплый день. Цѣлую тебя и дѣвочекъ, и Леву, и Сашу, и Ивана.

[1]) Присланныя незабудки засушены и приложены къ оригиналу письма.

327. **Май 4.**

Нынче пахали огородъ, и все время бѣгалъ Кавушкинъ жеребенокъ и сосалъ мать, и Васька Анисьинъ безъ портокъ, и оба такіе милые; и я думалъ о Ванѣ и о своихъ. Какіе два чудные лѣтніе дня. Прилагаемое письмо, писанное Орлову, пусть Маша перешлетъ Орлову: Ваганьковскій пер., домъ Горшанова.

328. **5 мая.**

Вчера получилъ твое письмо, милый другъ, о твоей боли. Это ужасно грустно и жалко. Рѣшить вопросъ о томъ, до какой степени ты можешь и должна терпѣть, можешь только ты. Надо надѣяться, какъ и въ тѣ разы, это будетъ продолжаться не очень долго и можетъ зажить при помощи отъ кормилицы. Но все рѣшишь ты, и совѣтовать нельзя. Мой совѣтъ одинъ: не отчаиваться и во всемъ, и въ этихъ страданіяхъ находить хорошее и нужное.—Я чувствую себя очень хорошо. Погода невеселая, дожди и холодно. Нынче ѣдемъ съ Колечкой сѣять, больше онъ. Я только показываю. Вчера ѣздилъ въ Ясенки, получилъ тамъ посылку отъ Маши. Сережи все еще нѣтъ. Бѣленіе дома—дѣло очень трудное, чтобы не переломать и не перепортить мебель. Вчера, напримѣръ, мы застали маляровъ, спящихъ на нашихъ постеляхъ. Ихъ изгнали. Постараюсь, чтобы не перепортить всего и кончить скорѣе. Я думаю, въ недѣлю кончатъ. Но воняетъ очень. Да гдѣ ключъ отъ Кузминскихъ и ключъ отъ пристройки на балконѣ?

329. **7 мая.**

Дня два или три былъ совсѣмъ безъ извѣстій о тебѣ, милый другъ, и очень безпокоился и хотѣлъ ѣхать въ Москву, чтобы быть съ тобой. Но нынче, субботу, получилъ твоихъ два письма отъ 4-го и 5-го, и оба утѣшительныя,—вижу, чувствую, что ты духомъ бодра, и что боль сосцовъ сдается. Дай Богъ тебѣ терпѣнья только, а пройти-то пройдетъ.—Сережа пріѣхалъ 3-го дня; хотя и не щедръ онъ на разсказы, но изъ всего я понялъ, что ты не въ дурномъ духѣ, не раздражена, не огорчена, а это главное.

С....ъ, твоя правда, былъ мнѣ тяжелъ. Но что же дѣлать, надо стараться и съ С...мъ вести себя разумно и добро. Нынче онъ хотѣлъ уходить, но я далъ ему денегъ взаймы, 2 р. на билетъ, а 1 р. онъ отдастъ Баксину.

Обо мнѣ уже теперь нѣтъ никакого повода безпокоиться. Я чувствую себя очень хорошо. Въ простоквашѣ нахожу большое *средствіе*[1]) и поглощаю пропасть, и все на пользу. Цѣлую недѣлю мы съ Колечкой пахали и сѣяли по полдню, и то по-перемѣнкамъ, такъ что усталости большой не было.

Домъ, верхъ, нынче кончили подштукатуривать и бѣлить. Завтра буду уставлять по мѣстамъ хаосъ мебели и вещей. Алекс. Яковл. предлагалъ бѣлить подоконники; я, было, согласился, но потомъ рѣшилъ, что они будутъ вонять и липнуть долго. Какъ ты думаешь? Отвѣть скорѣе. Кузминскихъ домъ отперли, а пристройки ключъ затѣмъ хотѣли, что тамъ видно черезъ окно, что протекло.

Отъ Илюши и Сони получилъ нынче письмо. Они живутъ на Александровкѣ. Оклеили избу, а главное, Соню тошнитъ. Письмо милое, какъ они всѣ. Посылаю его. У меня здѣсь куча писемъ, и безъ моихъ милыхъ помощницъ—плохо. Мнѣ жаль, что малыши отъ нихъ отходятъ. Леву цѣлуй, и себя, и малышей, и дѣвочекъ.

Л. Т.

330. **9 мая.**

Сегодня, 9-го, поѣвъ простокваши, пошелъ на Козловку и получилъ твое письмо, которое ты называешь нескладнымъ, но которое мнѣ было очень пріятно, потому что изъ него увидалъ, что ты добра и боли или уменьшаются, или ты привыкла ихъ переносить. Марья Александровна была вчера и дѣйствительно разсказала про тебя и васъ, такъ что мой пріѣздъ облегчилъ бы тебѣ отъѣздъ, если бы я взялъ малышей. Это очень поощрило меня ѣхать, но по письму увидалъ, что это не нужно, и

[1]) Знакомый самарскій крестьянинъ говорилъ, что онъ въ чаю находитъ большое средствіе, и Л. Н. любилъ повторять это слово.

что дѣвочки замѣнять меня. Да и теперь ужъ такъ коротко; только бы ничего не задержало и не помѣшало.

Второй день праздникъ и работы нѣтъ въ домѣ. Завтра начнемъ. Верхъ конченъ совсѣмъ, только развѣсить и разставить, и не перепутать, и не сломать. Низъ кончать, я думаю, дня въ три, такъ что къ субботѣ будетъ готово.

Очень сочувствую Левѣ [1]) и его экзаменамъ, чтобы они его выпустили скорѣе и совсѣмъ безъ заботъ лѣтнихъ занятій. Да не повѣритъ онъ тому, что многіе говорятъ, что безъ папиросъ хуже готовиться. Это грубое суевѣріе.

Мы живемъ очень хорошо: въ изобиліи и чистотѣ. Только холодно нынче и все дожди. Мое здоровье хорошо. Если есть апатія къ работѣ, то это все-таки отъ непривычныхъ условій, отъ непривычной, но очень полезной молочной пищи.

Кони я спрашивалъ, написалъ ли онъ разсказъ и передаетъ ли мнѣ сюжетъ? Прелестный сюжетъ [2]), и хорошо, и хочется написать.

Ключъ отъ ключей у меня и пока не нуженъ. До свиданья, цѣлую тебя и всѣхъ.

1889 годъ.

Письма изъ имѣнія князя Сергѣя Семеновича Урусова (знакомство и дружба съ которымъ были еще во время Севастопольской войны), недалеко отъ Троице-Сергіевскаго посада, куда Левъ Никол. уѣхалъ отдохнуть отъ городской жизни и писать.

331. **26 марта. Открытое письмо.**

Вчера написалъ закрытое письмо, но на почту не ѣздили. Ѣздятъ здѣсь въ четвергъ и воскресенье. Живу очень хорошо;

---

[1]) Сынъ Левъ держалъ экзаменъ зрѣлости въ гимназіи Л. И. Поливанова.

[2]) Сюжетомъ Кони, съ его разрѣшенія, воспользовался Левъ Николаевичъ для романа „Воскресеніе“.

немного сталъ заниматься. Пришли, пожалуйста, Stead'a книгу, въ «Недѣлѣ» «Письмо къ французу» и статью «Татьянинъ день». Танѣ все это поручи. Еще книжечки и статьи «О пьянствѣ» и другія хорошенькія книжечки «Посредника», которыя найдутся въ шкапу. Да у Машеньки сестры попросить книгу Арсенія (кажется) схимонаха, и пришли.

Л. Т.

332. **27 марта.**

Живу я здѣсь пока превосходно. Вчера ходилъ много по окрестнымъ деревнямъ, но ничего не писалъ, читалъ и бесѣдовалъ съ Урусовымъ и Пошей. Поша уѣхалъ вчера вечеромъ. Урусовъ очень милъ дома съ своимъ старымъ, богобоязненнымъ и такимъ же, какъ онъ, барственнымъ Герасимомъ и его сестрой. Встаетъ онъ въ 4 часа и пьетъ чай и пишетъ свое какое-то, непонятное мнѣ, математическое сочиненіе. Мнѣ готовили чай къ моему вставанью, въ 9, но я отказался впредь. Онъ обѣдаетъ въ 12-ть и чай, такъ что это сходится съ моимъ завтракомъ, а ужинаетъ съ чаемъ въ 6. Ѣстъ онъ постное съ рыбой и очень озабоченъ о здоровой для меня пищѣ—яблоки мнѣ каждый день пекутъ.—Нынче пятница, завтра пошлютъ письмо, а я пишу тебѣ нынче. Я нынче утромъ немного занялся, потомъ слушалъ сочиненіе Урусова; какъ и всѣ его сочиненія,—есть новыя мысли, но не доказанно, странно. Но онъ трогателенъ. Живетъ, никакихъ раздоровъ ни съ кѣмъ кругомъ себя, помогаетъ многимъ и молится Богу. Напримѣръ, передъ обѣдомъ онъ ходитъ взадъ и впередъ гулять по тропинкѣ передъ домомъ. Я подошелъ, было, къ нему, но видѣлъ, что я ему мѣшаю, и онъ признался мнѣ, что онъ, гуляя, читаетъ часы и псалмы. Онъ очень постарѣлъ на мой взглядъ.

Деревенская жизнь вокругъ, какъ и вездѣ въ Россіи, плачевная. Мнимая школа у священника съ 4-мя мальчиками; а мальчики, болѣе 30-ти, сосѣднихъ въ $^1/_2$-верстѣ деревень—безграмотны. И не ходятъ, потому что попъ не учитъ, а заставляетъ работать.—Мужики идутъ, 11 человѣкъ, откуда-то. «Откуда?»—

Гоняли къ старшинѣ объ оброкѣ, гонятъ къ становому.—Разговорился съ одной старухой; она разсказала, что всѣ, и изъ ея дома, дѣвки на фабрикѣ, въ 8 верстахъ—какъ Урусовъ говоритъ, повальный развратъ.—Въ церкви сторожъ безъ носа. Кабакъ и трактиръ, великолѣпный домъ съ толстымъ мужикомъ. Вездѣ и все одно и то же. Грустная заброшенность людей самимъ себѣ, безъ малѣйшей помощи отъ сильныхъ, богатыхъ и образованныхъ. Напротивъ, какая-то безнадежность въ этомъ, какъ будто предполагается, что все устроено прекрасно, и вмѣшиваться во все это нельзя, не должно, и оскорбительно для кого-то, и донкихотство. Все устроено: и церковь, и школа, и государственное устройство, и промышленность, и увеселенья, и намъ, высшимъ классамъ, только о себѣ надо заботиться. А оглянешься назадъ, наши классы въ еще болѣе плачевномъ состояніи, коснѣемъ.

Хотѣлъ князю дать «О жизни». Если есть, пришли русскую, а нѣтъ, то французскую. Цѣлую тебя и всѣхъ дѣтей.

Письма присылай. *Л. Т.*

333. 28 марта.

Нынче вторникъ, оказія, т.-е. завтра въ Троицу, и вотъ пишу. Князь меня выдалъ. Я не скрывалъ, но не считалъ нужнымъ писать, тебя тревожить, такъ какъ боль, хотя и сильная, продолжалась не долго. Урусовъ такъ старательно ухаживаетъ за мной, и мы такъ хорошо живемъ, что лучше не надо. Получилъ твое письмо и радъ былъ узнать, что все у насъ здорово и благополучно; только грустно было слышать ноту раздраженія въ тебѣ на темныхъ [1]) людей и на Машу. Если я ошибаюсь, то виноватъ.—Я хожу по окрестностямъ. Очень интересный край. Вездѣ заводы, и въ народѣ рядомъ и изобиліе, и роскошь, и нищета отъ пьянства. Завтра пойду во Владимірскую губернію, это за три версты отсюда, Урусова имѣнье на границѣ. У Урусова

---

[1]) „Темными“ въ противоположность „свѣтскимъ“ названы были разнородные люди, приходившіе къ Льву Николаевичу за исканіемъ истины.

вчера было непріятное для него событіе: работникъ, даже два—отказались. Я вздумалъ ему предложить выписать изъ Ясной. Я не знаю, какъ зовутъ, т.-е. фамилія Александра Яковлева; попроси Таню написать ему, что я предлагаю желающимъ порядочнымъ молодымъ мужикамъ въ Ясной поступить сюда въ работу дворника при домѣ за 60 рублей въ годъ и поѣздка на счетъ князя—одному, а то и двумъ. Да еще, чтобы она прислала мнѣ листковъ, какъ печатныхъ, такъ и литографированныхъ, о пьянствѣ. Я здѣсь пропагандирую, но до сихъ поръ мало успѣшно.

Вчера я позанялся хорошо, но нынче былъ не въ томъ духѣ, и день прошелъ даромъ. Теперь вечеръ, 10-й часъ, и мы послѣ разговоровъ и пасьянса разошлись. Я встаю въ 9 и засыпаю не рано. Читаю и много пишу. Но вчера писалъ вечеромъ и оттого долго не могъ заснуть. Нынче не хочу этого дѣлать.—Здѣсь еще полная зима, хотя скворцы прилетѣли. То, что у васъ тихо, очень хорошо для Левы и его экзаменовъ. Пользуется ли онъ этой тишиной? I hope, точно, что всѣ здоровы и ничто тебя не мучаетъ. Цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

Урусовъ говоритъ, что, если Лева пріѣдетъ (хотя я не думаю этого), то слѣзалъ бы въ Хотьковѣ. Да, Таня, пришли мнѣ Math. Arnold'a, въ шкапу, въ бумагу обернутую. Леночку [1]) цѣлую. Таня! твоя дѣятельность какъ? Держись вообще. Что Сережа пишетъ о Нибелунгахъ? Андрюшу, Мишу, Сашу и Ваню поцѣлуй. Miss Kate и Mr. Lambert—поклоны.

334. **29 марта, вечеръ.**

Вчера получилъ, милый другъ, еще болѣе грустное отъ тебя письмо. Вижу, что ты физически и нравственно страдаешь, и

[1]) Меньшая дочь сестры Льва Ник., Маріи Николаевны, которую я пригласила тогда къ себѣ полѣчить ее въ Москвѣ.

болѣю за тебя: не могу быть радостенъ и спокоенъ, когда знаю, что тебѣ нехорошо. Какъ ни стараюсь подняться, а все дѣлается уныло и мрачно послѣ такого письма. Ты перечисляешь все, чему я не сочувствую, но забываешь одно, включающее все остальное, чему не только не перестаю сочувствовать, но что составляетъ одинъ изъ главныхъ интересовъ моей жизни—это вся твоя жизнь, то, чему ты сочувствуешь, т.-е. то, чѣмъ ты живешь. И такъ какъ не могу смотрѣть иначе, какъ такъ, что главное есть духовная жизнь, то и не перестаю сочувствовать твоей духовной жизни, радуясь ея проявленію, огорчаясь ея упадку, и всегда не только надѣюсь, но я увѣренъ, что она все сильнѣе и сильнѣе проявится въ тебѣ, и избавитъ тебя отъ твоихъ страданій, и дастъ то счастье, которому ты какъ будто иногда не вѣришь, но которое я постоянно испытываю, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе подвигаюсь къ плотскому концу.

Если бы не мысль, что тебѣ дурно, мнѣ было бы превосходно здѣсь. Урусовъ милѣйшій hôte; я чувствую, что я ему не въ тягость, и мнѣ прекрасно. Встаю въ восемь, пишу, кажется, очень плохо, но все-таки пишу до 12-ти. Обѣдаемъ; потомъ я иду гулять. Вчера ходилъ за 10 верстъ на огромный, бывшій Лепешкинскій, заводъ, гдѣ—помнишь?—былъ бунтъ, который усмиряли Петя и Перфильевъ. Тамъ 3000 женщинъ уродуются и гибнутъ для того, чтобы были дешевые ситцы и барыши Кнопу. А нынче ходилъ за 3 версты въ деревню Владимірской губерніи. Дорога старымъ боромъ. Очень хорошо. Жаворонки прилетѣли, но снѣгу еще очень много. Скворцы передъ самой моей форточкой въ скворечницѣ показываютъ все свое искусство: и по-иволгиному, и по-перепелиному, и коростелиному, и даже по-лягушечьему, а по-своему не могутъ. Я говорю: профессора, но милѣй профессоровъ. Цѣлую очень тебя и также очень всѣхъ дѣтей. Спасибо Танѣ за открытое письмо. Я не откажусь и отъ закрытаго. Не унывай, Таня! Князь велитъ кланяться. Пожалуйста, пиши чаще, бываютъ оказіи и сверхъ положенныхъ дней.

335. **2 апрѣля.**

Съ тѣхъ поръ, какъ не писалъ тебѣ, получилъ твое письмо и много писемъ съ почты, и отъ американцевъ. Живу я попрежнему очень хорошо. Нынче чуть-чуть поболѣлъ животъ. Приписываю это тому, что вчера поѣлъ осетрины, а можетъ быть, и тому, что сдѣлалъ слишкомъ большое усиліе вчера же, рубя и пиля, и таская лѣсъ.

Здѣсь тоже таетъ и становится похоже на весну. Вчера поправлялъ корректуру «Объ искусствѣ» и всю перемаралъ (Урусовъ досталъ сына дьякона, который сейчасъ переписываетъ), и въ лѣсу рубилъ и пилилъ съ мужиками, работающими тамъ. Очень пріятно было валить большія ели и пилить пахучія, смолистыя бревна. И славный попался отецъ съ сыномъ. (Не все мрачныя картины.)

Всѣ предшествующіе дни я хотѣлъ кончить комедію [1]) и нынче дописалъ послѣдній, 4-й актъ, но до такой степени плохо, что даже тебѣ совѣстно дать переписывать. По крайней мѣрѣ съ рукъ долой. И если захочется другой разъ заняться этимъ, то буду поправлять.

Завтра ѣду въ Троицу; какія-то будутъ извѣстія отъ васъ. По этому письму рѣшу, и когда собираться домой. И къ вамъ хочется, и здѣсь хорошо. Очень интересно мнѣ знать, какъ ты приняла мое послѣднее письмо. Я его не перечитывалъ, но знаю, что писалъ то, что не только тогда или иногда думаю, но что всегда чувствую. И странно, твое послѣднее письмо, хотя ты и выражаешь тамъ какое-то странное и незаконное отвращеніе ко всему, какъ ты выражаешься, русскому,—послѣднее письмо твое мнѣ было особенно радостно, потому что было какъ бы отвѣтомъ на то мое письмо, которое ты не получила. Что-то будетъ завтра; главное бы, физическая боль не мучила бы.

Я вчера хотѣлъ было пройти къ Троицѣ, но не могъ отъ разлившагося ручья, и зашелъ въ лѣсъ. Князь очень милъ. Встаетъ

---

[1]) Комедія „Исхитрилась“, передѣланная въ „Плоды просвѣщенія“.

въ 3, 4 часа, ставитъ самоваръ, пьетъ чай, куритъ и дѣлаетъ свои вычисленія. Послѣ обѣда и весь день то же, за исключеніемъ отдыховъ, пасьянсовъ и гулянья. Боюсь, что всѣ вычисленія эти не нужны. У него есть эта неясность мысли, самообманыванье, при которомъ ему кажется, что онъ рѣшилъ то, что ему хочется рѣшить. Папироски, водка изрѣдка, въ малыхъ порціяхъ, и чай—боюсь—еще болѣе затуманиваютъ. Но простота и стремленіе къ добродѣтели—истинныя, и потому съ нимъ очень хорошо. У него цвѣтутъ розаны—много, и онъ совѣтовалъ положить листки въ письмо. Ну, пока прощай, цѣлую тебя, и Таню, и Леву (что онъ и его дѣла по гимназіи?), и Андрюшу (неужели все горло?), и Мишу, и Сашу, и Ваню. Kate и Lambert мое почтеніе.

Л. Т.

Письма съ дороги изъ Москвы въ Ясную Поляну. Левъ Никол. опять ушелъ пѣшкомъ съ Евгеніемъ Ивановичемъ Поповымъ въ Ясную Поляну. За ними послѣдовалъ Дунаевъ.

336. **4 мая. Открытое письмо.**

Сейчасъ, 7 часовъ вечера, 4-го, получилъ твое письмо въ Серпуховѣ. Спасибо. Я ни разу не намокъ. Иду прекрасно. Сейчасъ меня узнала по портрету и довезла въ тарантасѣ добродушная сестра доктора Алексѣева. Я рѣдко бывалъ такъ здоровъ. Правда. Цѣлую тебя. Иду...

Л. Т.

337. **7 мая. Открытое письмо.**

Пришелъ въ Тулу 5-го, въ субботу, очень легко, именно благодаря холоду. Зашелъ къ Свербееву и у него ночевалъ. Пріѣзжалъ Давыдовъ и Юрій Оболенскій. Съ первымъ прекрасно бесѣдовалъ. Зашелъ къ Раевской. На почтѣ не было твоего письма, и я потому не написалъ тебѣ. Тутъ встрѣтилъ Долнера и его товарища, и они со мной прошли до Ясной, гдѣ все, сколько я могъ узнать, очень хорошо. Василій Яковлевъ очень старается. Домъ протопленъ. Я еще не опомнился отъ дороги и по-

тому не рѣшилъ еще, какъ къ Машѣ: пѣшкомъ или по желѣзной дорогѣ. Видно будетъ, и напишу тебѣ. Ты опять въ волненіи, мнѣ очень больно это. Прощай пока. Цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

338. **9 мая.**

Вчера пропустилъ день, не писалъ, надѣясь, что ты и не ждешь этого. Отъ тебя, однако, получилъ, за что очень благодарю. Съ радостью вижу, что ты спокойнѣе, и надѣюсь, что такъ и продолжится до твоего, уже скораго теперь, пріѣзда. Нынче 9-е и погода совсѣмъ теплая. Ты спрашиваешь, какъ я переносилъ холодъ дорогой? Очень хорошо: надѣлъ фланель, жилетъ, фуфайку и даже шалью накрылъ голову и шелъ гораздо легче и пріятнѣе, чѣмъ въ жару. Дома скорѣе было неудобно. Дорогой избы, въ которыхъ насъ ночевало человѣкъ по 15, теплыя, а домъ холоденъ былъ. И несмотря на то, что Василій Яковл. топилъ внизу, мы опять протопили, и топимъ каждый день, и только при топкѣ хорошо.

Въ первый же день явился Дунаевъ съ хлѣбомъ и громкимъ говоромъ. Я попытался заняться, но не шло дѣло. Такого житья, какъ у Урусова, нигдѣ нѣтъ. Скажи ему, и благодари за то житье и за письмо, на которое постараюсь отвѣтить. Дай Богъ ему поскорѣе уѣхать въ деревню и продолжать прежнее или начать другое дѣло.

Булыгинъ [1]) встрѣтилъ меня на дорогѣ и нынче былъ здѣсь. И съ утра еще несчастная Софья Ѳоминична [2]), совсѣмъ сошедшая съ ума. Она принесла мнѣ 2 рубля, которые я ей 2 года тому назадъ далъ, и пила кофе, и говорила рядомъ—высоко религіозныя вещи и невообразимую чепуху, которую нельзя слушать безъ смѣха. Я, должно быть, послѣдую твоему совѣту ѣхать за Машей, а не идти, но не рѣшилъ еще. Очень хочется кончить начатое писать. Здоровье хорошо.

---

[1]) Сосѣдъ, единомышленникъ и другъ Льва Николаевича.

[2]) С. Ѳ. Брантъ, сумасшедшая сосѣдка изъ Бабурина.

Прошу Таню взять мнѣ у Сытина книжекъ новыхъ, житіе Макарія и другихъ, и главное пьянственныхъ, и листковъ и привезть.

Поповъ сидитъ и переписываетъ такъ называемую «Крейцерову сонату», а я хочу написать набравшіяся письма, начиная съ твоего. Пока прощай, цѣлую тебя и дѣтей. *Л. Т.*

Очень жаль, что не увижу милую Александру Андреевну [1]). Передай ей мою любовь и неисполненное намѣреніе отвѣчать на ея письма. Жаль, что я не видалъ, какъ Ванечка ходитъ. Нынче во снѣ видѣлъ, что я кому-то показываю, какъ онъ ходитъ. Цѣлую малышей: А. и М. и С., и Kate и Lambert поклонъ. Радуюсь тому, что одна часть заботъ Левы миновала. Авось онъ сталъ милостивѣе, а то онъ былъ очень строгъ.

А ты, милая Таня, сдѣлай, пожалуйста, слѣдующее: Чертковъ пишетъ, что они пока кормятъ мукой Нестле и грудью, тѣмъ малымъ, что есть въ нихъ, но желали бы имѣть увѣренность въ томъ, что въ случаѣ нужды могутъ имѣть кормилицу (у нихъ, пишутъ, нѣтъ). Повидай Хабарова, Александра Николаевича, и попроси его отъ меня не отказать помочь Черткову въ нахожденіи и осмотрѣ кормилицы, а я напишу Черткову адресъ Хабарова съ обнадеживаніемъ въ томъ, что Хабаровъ исполнитъ его просьбу. *Л. Т.*

339. **11 мая.**

Петръ Филипповъ пришелъ ко мнѣ. Сначала онъ думалъ, что опоздалъ, и потому нанялся въ Тулѣ. Въ Тулѣ же ему отказали, потому что тотъ, къ кому онъ нанялся, продалъ лошадей. Теперь онъ свободенъ и предлагаетъ свои услуги. Если мѣсто не занято, я совѣтую князю [2]) его взять. Я живъ, здоровъ, занимаюсь письменной работой. Если князь согласенъ, пусть отвѣтитъ тотчасъ же открытымъ письмомъ. *Л. Т.*

---

1) Графиню Толстую, намѣревавшуюся ѣхать въ Москву.

2) Кн. С. С. Урусову.

Письма въ Москву, куда я ѣздила ежемѣсячно по дѣламъ книжнымъ и навѣщать сына Льва, поступившаго въ университетъ и жившаго во флигелѣ дома въ Хамовническомъ переулкѣ. Таня и Сережа уѣхали за границу, остальная семья осталась жить въ Ясной Полянѣ двѣ зимы. Разставались мы съ Львомъ Николаевичемъ мало и на короткій срокъ.

340. **Октябрь.**

Почти въ одно и то же время, какъ уѣзжала Дуняша, принесли письмо съ Козловки и въ томъ числѣ письмо отъ Тани. И не успѣли послать съ ней. Ей, видно, очень хорошо. M-me Helbig съ ней очень хороша, а Римъ съ своей красотой, и въ особенности Campagna, гдѣ ея вилла, видно, что приводитъ Таню въ восторгъ. И не можетъ быть иначе. Какая-то тамъ великая княгиня Екатерина и красавица римская принцесса, роскошь жизни, и это все еще поддаетъ прелести жизни. И письма ея къ Машѣ и Kate такія добрыя.

У насъ все продолжаетъ быть очень хорошо. Посѣтители мои уѣхали, остались незамѣтные: Поповъ и Рахмановъ. Я нынче цѣлое утро до 5-го часа пристально работалъ, поправляя все то же. Дѣти очень милы, и мальчики. Алексѣй Митрофановичъ [1]) очень хорошій не только учитель, но и педагогъ. Очень жаль, что ты не находишь иностранцевъ. Если не найдешь, не огорчайся. Мы сами можемъ раздѣлить между собой языки. Я возьму какой-нибудь. Ванечка больше льнетъ ко мнѣ. Ласково хватаетъ меня за ноги и даже головой прячется мнѣ въ колѣни, что меня очень трогаетъ.—Погода очень унылая.

Цѣлуй Леву и скажи, чтобъ онъ на меня не обижался за возраженіе на его разсужденіе. Цѣлую тебя, милый другъ, до свиданья, скораго.

Л. Т.

Да, главное, не написалъ того, для чего началъ писать, а именно: Таня, стыдясь и конфузясь, проситъ денегъ, говоря,

[1]) Новиковъ, впослѣдствіи докторъ, прив.-доц. при профессорѣ Снегиревѣ.

что если не посланы, то можно послать на имя M-me Helbig денежнымъ пакетомъ, телеграфируй ей. M-me же Helbig даетъ Танѣ, сколько она хочетъ. Вотъ и все. Но такъ какъ, насколько я помню, деньги посланы, то это ни къ чему.

341. **23 ноября.**

Кашляютъ Маша и Kate и началъ Mr. Holzapfel [1]), такъ что я его не пустилъ гулять и ходилъ съ мальчиками на пруды,—исключая большого по твоему распоряженію, хотя крѣпко такъ, что лошадь пройдетъ,—и потомъ пилили съ ними.—Ванечка только чешется и чуть-чуть покашливаетъ, но веселъ и милъ чрезвычайно. Сейчасъ ложится спать, 9-й часъ.

Ты вѣрно очень устала, опоздавъ съ поѣздомъ.

Таня! очень поцѣлуй отъ меня Элень и скажи, чтобъ она серьезно не вѣрила тому, что она больна.

1890 годъ.

Письмо въ Ясную Поляну изъ Пирогова, куда Левъ Никол. поѣхалъ погостить съ дочерью Машей къ брату Сергью Ник-чу и гдѣ заболѣлъ воспаленіемъ печени. На другой же день я уѣхала къ нему, выписавъ доктора Руднева изъ Тулы.

342. **Начало мая.**

Хотѣлъ тебѣ не писать о моемъ нездоровьѣ, такъ какъ оно не важно, но боюсь, что тебя огорчитъ знать, что я какъ будто скрылъ. У меня опять желтуха, не такая сильная, какъ тотъ разъ, и начавшаяся безъ колики, но настоящая желтуха, со всѣми тѣми же признаками и слабостью. Началось это, мнѣ кажется, еще 1-го мая вечеромъ или еще 30-го апрѣля (не

[1]) Гувернеръ при мальчикахъ.

помню). Я почувствовалъ чрезвычайную слабость и въ родѣ лихорадки. Помнишь, я говорилъ. Потомъ я поѣхалъ и проѣхалъ хорошо, хотя усталъ больше, чѣмъ слѣдовало. На другой день тоже чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, но прошелъ вечеромъ верстъ 10. На другой день еще слабѣе, и показалась желтизна, и въ животѣ нытье, и теперь все то же. Здѣсь за мной ухаживаютъ превосходно. Ѣмъ я бульонъ и спаржу, которую они достали для меня, ставлю клистиры и принялъ по совѣту Флоринскаго [1]) и ревень, и соду. Сейчасъ хочу надѣть компрессъ. Письмо это ты получишь завтра, когда, я надѣюсь, дѣло пойдетъ на поправку. Если я и Маша не писали тебѣ, то это произошло отъ того, что нездоровье это такъ незамѣтно овладѣвало мною, что не стоило сначала и говорить про него.

Сегодня Сережа уѣхалъ въ Тулу, съ тѣмъ чтобы вернуться нынче же. Дѣвочки же поѣдутъ кататься ему навстрѣчу и свезутъ ему это письмо. Такъ вотъ, ты не безпокойся, если мы не пріѣдемъ 8-го. Мы будемъ тебя извѣщать правдиво всякій день. Цѣлую тебя и дѣтей. Надѣюсь, что у тебя все благополучно.

Л. Т.

343. **5 мая.**

Какъ жаль, что ты милаго Дьякова не уговорила проѣхать сюда. Сережа очень желалъ, хотѣлъ послать ему телеграмму. А можетъ, вы съ нимъ завтра пріѣдете. Мнѣ здѣсь очень хорошо, хотя и не исполняется то, на что я надѣялся,—не работается. Сережа, разумѣется, очень желаетъ твоего съ малышами пріѣзда. И мы завтра будемъ поджидать.—Ну, во всякомъ случаѣ до свиданья, цѣлую тебя и дѣтей. Дѣвочки вчера пріѣхали. Если отъ Черткова будетъ письмо о «Послѣсловіи» [2]), то пришли.

Л. Т.

---

[1]) Лѣчебникъ.

[2]) Къ „Крейцеровой сонатѣ“.

Письмо въ имѣнья сыновей, въ Чернскомъ уѣздѣ, куда я поѣхала ихъ навѣстить.

344. **Конецъ мая.**

Всѣ мы совершенно здоровы, здоровы тѣ съ крайнихъ концовъ, которые болѣе всего тебя безпокоятъ, т.-е. Ванечка и я, и всѣ остальные. На мнѣ совсѣмъ подтвердилось то, что выздоравливаютъ послѣ 2-хъ недѣль. И дѣвочки, и мальчики—одни лучше другихъ. Сейчасъ писалъ свой дневникъ и избранилъ себя въ немъ за то, что не сумѣлъ поговорить съ Ильей по душѣ, чего мнѣ очень хотѣлось. Цѣлую Соню, его и Анночку [1]). Гостей никого не было.

Письма въ Москву изъ Ясной.

345. **4 іюня.**

Нынче свѣжо, и я Ваню не выпускалъ вечеромъ. Онъ веселъ и милъ. Я здоровъ, голоденъ, но слабъ. Не изнуряй себя, пожалуйста. Сейчасъ съ Левой говорилъ о его поѣздкѣ, которую я не одобряю.

Л. Т.

346.

Пишу тебѣ, милый другъ, безъ увѣренности, что ты получишь. Теперь 6-й часъ, четвергъ. А ты хотѣла быть въ пятницу. У насъ все вполнѣ благополучно. Ваня здоровъ и Миша тоже, хотя его не выпускаютъ по этому холоду. Вѣра Толстая, два раза опаздывавшая, нынче рано утромъ уѣхала. Алексѣй Митрофановичъ доволенъ ими [2]). Маша поднялась и нынче обѣдаетъ у Тани вмѣсто Саньки, который у насъ. Я безплодно стараюсь писать и рублю лѣсъ. Прощай, до свиданья. Сейчасъ иду снести это письмо.

Л. Т.

---

[1]) Первая внучка, дочь сына Ильи.

[2]) Мальчиками.

Письмо изъ Ясной въ Москву, куда я ѣздила по книжнымъ и другимъ дѣламъ.

347. **Ноябрь.**

Новостей, слава Богу, у насъ никакихъ. Всѣ вполнѣ здоровы. Ванечкина оспа подсыхаетъ, на глазу гораздо лучше. Нынче утромъ пріѣхалъ Петя Раевскій. У нихъ актъ, и онъ свободенъ. Я посылалъ дѣвочекъ въ Ясенки, онѣ ѣздили за мукой, главное—погодой пользоваться чудной.—Я—какъ заведенные часы: такъ же встаю, гуляю, пишу, опять гуляю, читаю про себя и вслухъ «Иліаду». Разница только въ томъ, что пишу много и охотно. Подвигаюсь. Сейчасъ 9 часовъ, я ходилъ погулять,—тихо, тепло, и снѣгъ,—и зашелъ къ Агаѳьѣ Михайловнѣ. Завтра поѣду въ Тулу, и если не вернусь засвѣтло, то пріѣду съ поѣздомъ, а лошадь оставлю у Раевскихъ. Мальчики хорошо учатся и катаются на конькахъ. Цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

1891 годъ.

Два письма въ Москву, куда я ѣздила по дѣламъ и навѣстить сына Льва, изъ Ясной Поляны.

348. **29 января.**

Ты все узнала о насъ отъ Куз. Все совершенно благополучно. Ваня ходилъ гулять, и Маша водила гулять и Сашу. Ивану Александровичу [1]) получше. Онъ ходитъ. Вчера получилъ отъ Левы письмо, и очень, очень ему благодаренъ: онъ такъ обстоятельно и точно сдѣлалъ то, что мнѣ нужно. Тутъ же получилъ письмо и отъ Грота [2]) съ тѣмъ же опредѣленіемъ, которое мнѣ нужно. Писемъ много получилъ и надо отвѣчать, и все—

[1]) Ив. Ал. Бергеръ, управляющій.

[2]) Ник. Яковл., профессоръ.

не то что не успѣваю, а не хватаетъ заряда: выпустишь, что есть, на работу, а дальше и нѣтъ. Но когда буду писать, можетъ быть, нынче вечеромъ, напишу и Левѣ. Сейчасъ ѣду за Таней, хотя мы никто не помнимъ, когда она хотѣла (пріѣхать); ѣду въ Ясенки, а вечеромъ поѣдемъ на Козловку. Дѣла твои, вѣроятно, главныя, уже сдѣланы. Цѣлую тебя.

Л. Т.

349. **16 марта.**

Хотя мы и ничего не уговорились о письмахъ, я ѣду въ Ясенки и свезу это письмецо. Всѣ благополучны. Теперь 4-й часъ. У Андрюши болѣла голова утромъ, но теперь онъ совсѣмъ здоровъ. Алексѣй Митрофановичъ вернулся, Саша ходила гулять; няня уѣхала, Ваня веселъ и милъ. Хорошо ли ты доѣхала?

Л. Т.

Письма изъ Ясной Поляны въ Петербургъ, куда я ѣздила на свиданіе съ Императоромъ Александромъ III, хлопотать о снятіи ареста съ XIII части сочиненій Л. Н. Толстого, включавшей «Крейцерову сонату».

350. **30 марта.**

Ванечка спалъ дурно, просился на руки, но не плакалъ. Нельзя разобрать, что у него болитъ. Утромъ онъ сказалъ, что зубы; но, можетъ быть, онъ это *такъ* сказалъ. Утромъ, въ 8-мъ часу, былъ веселъ, въ постели. Я пощупалъ, и мнѣ показалось, что маленькій жаръ. Мы его не выпускали. Онъ былъ веселъ. Таня мѣрила температуру, и оказалось, что 37. Теперь 2 часа, онъ спитъ хорошо. Вотъ тебѣ подробный отчетъ. Если бы ты была дома, то, пожалуй, и не замѣтила бы и навѣрное не обратила бы вниманія. Все дома хорошо. Маша встала и пошла гулять немного. Саша съ Лидой гуляютъ въ Козловкѣ, и Таня ѣдетъ за ними на Козловку въ телѣжкѣ. Я иду въ Тулу и тамъ брошу это письмо. Хочу вернуться къ обѣду. Цѣлую Кузмин-

скихъ и особенно Машу, за которую очень радъ. Ивану Егоровичу [1]) привѣтъ. Вези ее къ намъ. Завтра будетъ телеграмма раньше этого письма. Сейчасъ раскрылъ письмо, чтобъ написать результатъ градусника у Ванечки. Оказалось, что есть маленькій жаръ, 37 и 8. Онъ проснулся, и мы его не выпустимъ.

351. **31 марта.**

(Приписка къ письму дочери Тани.)

Приписать къ этому могу слѣдующее: Рудневъ прямо опредѣлилъ: вѣтряная оспа, и такъ и велѣлъ тебѣ написать. Сейчасъ 10 часовъ. Ванечка спитъ тихо. Пожалуйста, не безпокойся и вѣрь, что мы пишемъ самую строгую истину и заботимся о томъ, чтобы дѣлать и все, что нужно, и все, что ты могла бы найти нужнымъ. Цѣлую тебя.

Л. Т.

352. **1 апрѣля.**

У насъ все бы очень хорошо, если бъ не эта Ванечкина вѣтряная оспа. Андрюша написалъ тебѣ правильно съ моихъ словъ, что новыхъ оспинокъ не образуется, а прежнія подсыхаютъ. На лбу одна больше всѣхъ, вотъ такая, а остальныя такія *(данъ размѣръ)* и меньше. Питается онъ преимущественно молокомъ, что очень хорошо; спитъ на рукахъ больше, и няня не спитъ ночи, но очень бодра и нѣжна съ нимъ. Иногда его носимъ—онъ проситъ—въ одѣялѣ, но все время онъ въ постели. Теперь 10 часовъ, и онъ уже легъ и спитъ.—Письмо это свезетъ Сережа. Буду очень внушать, чтобы онъ не забылъ. Онъ очень добродушенъ.

Изъ Сергіевскаго я нынче получилъ отвѣтъ о мужикѣ больномъ, условный, что принять, если не хроническій, и потому я рѣшилъ везти его въ Тулу. Рудневъ обѣщалъ принять и обратить на него вниманіе. Мальчики очень милы, особенно Андрюша. Мы читаемъ по вечерамъ «Семейную хронику». Писемъ осо-

[1]) Эрдели, въ то время женихъ, впослѣдствіи мужъ Маши Кузминской.

бенно интересныхъ не было. Работа моя идетъ успѣшнѣе, чему я очень радъ. Я совсѣмъ, очень здоровъ. Про дѣвочекъ не пишу, щадя ихъ скромность, такъ какъ обѣ будутъ читать это письмо. Стаховичъ вѣрно не успѣлъ еще получить письма. Письмо о томъ, что Лосинскій подалъ прошеніе Государю объ усыновленіи, такъ чтобы попросить кого-нибудь дать ходу этому дѣлу.

Воспользуйся какъ можно лучше Петербургомъ, чтобы тебѣ и тѣмъ, съ которыми ты будешь, было какъ можно пріятнѣе. А дѣло не важно. Поцѣлуй отъ меня дорогую Александру Андреевну, если увидишь ее еще, и, само собой разумѣется, Таню и Кузминскихъ.—У Саши былъ разстроенъ желудокъ, теперь хорошо. Она здорова и мила. Цѣлую тебя.

Л. Т.

353. **2 апрѣля.**

(Приписка къ письму дочери Тани.)

А я ходилъ на деревню къ бабѣ, приглашавшей меня, какъ костоправа, къ вывихнутой въ локтѣ рукѣ. Застарѣлый вывихъ (при которомъ, вѣроятно, возвратится владѣніе рукой). И все думалъ съ раскаяніемъ о томъ, что я промолчалъ на ихъ (дочерей) выраженіе желанія ѣхать въ концертъ (въ Тулу), и онѣ приняли это за неодобреніе, и было жалко, что я такимъ trouble fête, и шелъ скорѣе назадъ, чтобы ихъ поощрить, а онѣ остались.—Я нынче по разнымъ своимъ ходамъ мыслей вспомнилъ о королѣ Лирѣ и предложилъ имъ прочесть его, и сейчасъ станемъ читать.

Ванечкѣ мѣрили температуру, теперь 9 часовъ вечера, и, продержавъ 5 минутъ, не дошло 37. Такъ и вынули, рѣшивъ, что жару нѣтъ, что̀ очевидно и на ощупь. Мы, остальные, всѣ веселы, здоровы и хорошо ведемъ себя. Получили отъ тебя два письма и надѣемся сейчасъ еще получить съ Козловки. Ну, пока прощай, цѣлую тебя и всѣхъ Кузминскихъ. *Л. Т.*

Отъ Левы давно не было писемъ, и мы не писали. Напишу, если успѣю, нынче, а то завтра.

354. **3 апрѣля.**

(Приписано къ письму дочерей.)

Я вернулся въ 9—такъ поздно потому, что, проголодавшись, изъ больницы зашелъ къ Раевскимъ, тамъ пообѣдалъ и засталъ Зиновьевыхъ супруговъ [1]) и С. Дм. Свербееву, которую Елена Павловна выписала на меня. И потому я долженъ былъ посидѣть. Потомъ пошелъ на почту и вотъ вернулся при лунномъ свѣтѣ, и прелестный воздухъ. Посылаю на Козловку, чтобы получить отъ тебя письмо. Цѣлую тебя.

Разсказывали мнѣ про смерть Ольги Ѳедоровны [2]), и мнѣ жалко очень стало во всемъ этомъ Государя. Ему, должно быть, очень больно.

355. **4 апрѣля.**

Хотѣлъ тебѣ написать и, отыскивая конвертъ, нашелъ этотъ съ вложенной въ него этой бумажкой, вѣроятно, изготовленный Лидой, Ванечкой и Сашей [3]). Нынче пріѣхала одна С. Д. Свербеева съ маленькой Любой и, кажется, получила отъ насъ столь же пріятное впечатлѣніе, какъ и мы отъ нея. Всѣ, включая и Ванечку, вполнѣ здоровы.—Вчера получилъ статью Страхова [4]). Согласенъ съ тобой, что она до неприличія преувеличиваетъ мое значеніе, но, кажется, что, независимо отъ того, что онъ такъ льститъ мнѣ, я не ошибусь, сказавъ, что она замѣчательно хороша, не только хорошо написана, но умна, задушевна, сердечна. Такъ понимать сущность христіанства можетъ только христіанинъ, или лучше—ученикъ Христа. Скажи

---

[1]) Николай Алексѣевичъ Зиновьевъ былъ въ то время губернаторомъ въ Тулѣ.

[2]) Великой княгини, супруги вел. кн. Михаила Николаевича.

[3]) Бумажка вся исписана каракулками рукой 3-хлѣтняго Ванечки; рукой его водили при подписи: „Ваня“.

[4]) „Толки о Толстомъ“.

это Николаю Николаевичу. Я буду писать ему.—Извѣстія твои мнѣ непріятны. Писать къ Государю не надо было и просить его ни о чемъ не надо. Это можетъ только повредить всему и подать лишній поводъ къ раздраженію. Мы очень рады были видѣть Леву. Онъ все жалуется на здоровье, но видъ хорошій. Цѣлую тебя.

Л. Т.

356. **5 апрѣля.**

(Приписки къ письмамъ дочерей.)

Подписываюсь подъ всѣмъ, что написала Таня. Боюсь, что вчера посланное письмо въ Козловку не поспѣло во́-время, и потому это спѣшу послать. У насъ очень хорошо. Нынче прекрасный день, всѣ здоровы и дружны. Я понемногу подвигаюсь въ своей работѣ. Я ѣду въ Ясенки, чтобы занять овса для погорѣлыхъ. Цѣлую тебя и всѣхъ друзей.

357. **6 апрѣля.**

Продолжаемъ жить попрежнему—хорошо, ожидая тебя и извѣстій отъ тебя, которыя доходятъ хорошо и за которыя благодарю. Мы вполнѣ всѣ здоровы. Цѣлую тебя!

Л. Т.

358. **Апрѣль 7.**

Опять только подписываю подъ ихъ свѣдѣнія. Ѣду на Козловку и радуюсь мысли получить опять твое письмо. Цѣлую тебя. Лева пріѣхалъ съ хандрой, а уѣхалъ бодрый и веселый. Мнѣ всегда съ нимъ радостно.

359. **8 апрѣля.**

Вчера ѣздилъ на Козловку и долго ждалъ поѣзда, онъ опоздалъ, но зато привезъ твои письма, за которыя спасибо. Гости нынѣшніе пріѣхали послѣ того, какъ я кончилъ урокъ работы. Вчера получилъ письмо отъ Страхова, за которое благодари его,

если увидишь; и вчера же, до полученія письма отъ него, писалъ ему. Какія условія тебѣ предлагаютъ отъ театральной дирекціи о пьесѣ? Вѣдь ты знаешь, что я никакихъ условій не желаю и предоставляю всѣмъ играть, гдѣ и какъ хотятъ. Поэтому ты очень хорошо сдѣлала, что не приняла никакихъ условій.— Дѣти продолжаютъ быть милы и радостны. У Ванечки и слѣдовъ не найдешь оспы. Днемъ у насъ очень тепло, а ночи холодныя. Письмо твое Левѣ Сережа прислалъ сюда, проѣзжая. Онъ очевидно разъѣхался съ Левой. Я пошлю ему. Какъ глупа «Редакція», не принявъ Танинъ [1]) прекрасный разсказъ. Ну, пока до свиданья, милая, цѣлую тебя.

Л. Т.

360. **9 апрѣля.**

Я всякій разъ только приписываю тебѣ, милый другъ, и это мнѣ непріятно; нынче хочу хорошенько написать. А то я выдумалъ новую методу: вечеромъ съ дѣтьми пью чай, заряжаюсь имъ, иду писать или письма дѣловыя, или два дня писалъ новую работу, вечернюю. И это мѣшало писать тебѣ толкомъ. Двухдневное писанье это до сихъ поръ, несмотря на то, что бумаги исписалъ я немало, не привело ни къ какимъ результатамъ, если не считать результатомъ того, что, написавъ не такъ, какъ нужно и какъ хочешь, знаешь, что такъ писать не надо, а надо писать иначе. Но зато утренняя работа моя идетъ понемногу, лучше, чѣмъ прежде.

Третьяго дня послѣ гостей: Мит. и Исак., у меня къ вечеру заболѣлъ животъ немного, и вчера цѣлый день было не по себѣ. Но я почти ничего не ѣлъ, пилъ только жидкое и нынче совсѣмъ здоровъ. Вчера получилъ отъ Левы коротенькое письмецо. Онъ бодръ, хотя опять жалуется на желудокъ. Мы съ нимъ говорили про его университетъ. Онъ поговаривалъ, что броситъ, и я очень внушалъ ему, что это будетъ вредно ему, дурной antécédent, ко-

[1]) Сестры Татьяны Андреевны: „Бабья доля".

торый ослабитъ его, что это гигіенически нравственно не хорошо. И съ радостью увидалъ въ письмѣ, что онъ занимается и находитъ удовольствіе въ переводѣ Цицерона, про котораго онъ прежде говорилъ съ тоской. Вспомнилъ о тебѣ, что ты права, когда говоришь, что онъ очень легко поддается вліянію и что ему надо говорить, что я и дѣлаю. Вообще очень хорошъ. Помогай ему Богъ.—Мы всѣ здравствуемъ и благоденствуемъ; но ты напрасно обижаешь насъ: начиная съ себя, знаю, что всѣмъ безъ тебя жизнь кажется неполною.

Я вчера писалъ тебѣ и нынче подтверждаю, что твое положеніе, непріятность и тяжесть его я очень понимаю, сочувствую и очень желаю, чтобъ поскорѣе ты отъ него избавилась.

Нынче день потеплѣе другихъ, но все свѣжесть въ воздухѣ, и нѣтъ ни малѣйшаго веселья, блеска, сіянья въ веснѣ, а тихая, подкрадывающаяся, сѣрая. Нынче, возвращаясь къ дому по шоссе, встрѣчаю двухъ полицейскихъ верхомъ.—Дѣдушка, не видалъ ли человѣка въ сѣромъ и въ бѣлыхъ портках?—Нѣтъ, а что?—Изъ острога бѣжалъ. Потомъ опять полицейскіе, тотъ же вопросъ. Съ работы убѣжалъ и сидитъ гдѣ-нибудь въ лѣсу, въ оврагѣ, голодный.—А нынче же были двѣ бабы, идутъ къ мужьямъ въ острогъ. Одинъ сосланъ обществомъ за то, что побилъ отца; а побилъ отца за то, что отецъ развратникъ приставалъ къ его женѣ. Я написалъ о немъ Давыдову. Если правда, нельзя ли помочь. Про Сергѣя Телятинскаго знаемъ, что Рудневъ выражаетъ всѣ состоянія осторожно, а Алексѣй Митрофанычъ заинтересовалъ въ немъ Елену Павловну, и она будетъ у него и кое-что снесла ему.

Надѣюсь, что у насъ все будетъ такъ же хорошо и радостно, когда ты пріѣдешь, и тебѣ будетъ послѣ петербургскихъ треволненій хорошо отдохнуть дома, гдѣ, несмотря на твое ложное представленіе и пики намъ, тебя всѣ любятъ, что ты знаешь. Цѣлую тебя и всѣхъ Кузминскихъ, и Ивана Егоровича. Что же Стаховичъ? Сдѣлали ли по моему письму? Что же это Вѣра скучна? Это не надо.

Двѣ приписки къ письмамъ: сына Миши и дочери Маши.

361. **10 апрѣля.**

Таня пишетъ Машѣ и хотѣла тебѣ приписать. Я же приписываю здѣсь, чтобы сказать, что мы живемъ попрежнему, похорошему, ждемъ тебя. Я тоже высказалъ, что было на душѣ, и, разумѣется, напрасно. Богъ дастъ, все кончится благополучно. Да и нечему кончаться. Тебя мнѣ жаль за твой невольный арестъ [1]). Цѣлую тебя.

Л. Т.

362. **11 апрѣля.**

Дочери увѣряютъ, что это письмо тебя не застанетъ. Но я очень сомнѣваюсь въ этомъ и пишу, хотя писать нечего. Всѣ новости и интересное на твоей сторонѣ. А я дурно спалъ ночь и теперь, 10-й часъ, вернувшись съ прогулки съ Поповымъ, чувствую себя усталымъ. Ну, помогай тебѣ Богъ, пріѣзжай къ намъ поскорѣе. Я ничего нынче не писалъ, только читалъ прекрасную книгу, исторію сужденій древнихъ о вегетаріанствѣ. Цѣлую тебя и Кузминскихъ.

Л. Т.

363. **12 апрѣля.**

(Приписка къ письму дочери Тани.)

Вчера ты пишешь, что я только пишу приписочки, и я какъ разъ написалъ тебѣ длинное и о себѣ и своей работѣ. Нынче у меня было столкновеніе съ Ванечкой [2]). Онъ взялъ баранки и понесъ Снобу. Я говорю: «не надо», онъ не слушаетъ. Прихожу въ гостиную, онъ кидаетъ Снобу. Я говорю: «отдай», онъ не даетъ. Я отнялъ у него, онъ заплакалъ, но очень коротко, и сейчасъ же примирился, и я обѣщалъ дать для Снобы того, чего не жалко, и онъ былъ радъ. Жалко баловать его.

---

[1]) По случаю смерти вел. кн. Ольги Ѳедоровны Государь не могъ принять меня раньше 9-ти дней, и я жила у сестры, ожидая аудіенціи.

[2]) Маленькій 3-хлѣтній сынъ.

Не знаю, писали ли мы тебѣ, что Телятинскій больной вчера умеръ въ больницѣ. Я въ Ясенкахъ видѣлъ Софью Алексѣевну, она опять больна и задыхается. Ну, пока прощай, надѣюсь, до скораго свиданья. Цѣлую тебя.

Л. Т.

Письма изъ Ясной Поляны въ Москву, куда я ѣздила съ Андрюшей и Мишей для ихъ экзаменовъ въ Поливановской частной классической гимназіи.

364.

(Приписка къ письму дочери Маши.) **8 мая.**

О Ванечкѣ-то ничего и не написала. Разстройство желудка его совсѣмъ прошло, и онъ рано и спокойно заснулъ. Я нынче хорошо работалъ, писалъ, и потому чувствую себя бодро и хорошо. Какъ ты себя чувствуешь? Ты уѣзжала, мнѣ показалось, грустная и нездоровая: сѣдые волосы твои трогательно трепались по вѣтру. Надѣюсь, что ты вернешься спокойная и здоровая. Кажется, волнительныхъ дѣлъ не предстоитъ тебѣ, да и половина семьи съ тобой, что должно дѣйствовать успокоительно.—Маляръ сказалъ, что въ Кузминскомъ домѣ осталось на день. А въ павильонѣ—это Таня пусть вникаетъ—будутъ оклеивать бумагой подъ обои, и красить, и шпатлевать снаружи. Я одобрилъ это, хотя шпатлеваніе мнѣ показалось излишне.

Урусовъ уѣхалъ хорошо: ласково и натурально. Маша переводитъ вегетаріанскую книгу недурно. Ну прощай, цѣлую всѣхъ васъ. Андрюша, надѣюсь, такъ же добродѣтеленъ, какъ и здѣсь.

Л. Т.

365.

(Приписка къ письму дочери.) **9 мая.**

Гриппъ, какъ у тебя былъ, и скучно, что даже голова тяжела, и ничего не могъ работать, даже письма не могъ дописать. Постараемся не дать одичать Сашѣ, къ чему она, какъ и всѣ дѣти лѣтомъ, стремится. Все у насъ незамѣтно. Счастливые народы не имѣютъ исторіи, такъ и мы. Цѣлую васъ. *Л. Т.*

366. **10 мая.**

Грипп мой такъ усилился, что я цѣлый день сижу дома и даже по совѣту М(аши) положилъ компрессъ. Совершенно то же, что было у тебя. Всѣ у насъ благополучны и здоровы и пока не пьяны [1]). Ваня надъ моей головой утромъ отчаянно и долго пѣлъ громко пѣсни. М-ѣ, кажется, лучше. Вчерашнее твое письмо доставило большую радость Мг. Борелю [2]). Нынче пріѣхалъ Петя Раевскій и ко мнѣ неизвѣстный учитель изъ Калужской губ. Вотъ и все, что могу написать о насъ. Я лежу на диванѣ и читаю. Женщина Анисья, Савостьяна дочь, умерла. Я вчера видѣлъ ее утромъ и даже упрекнулъ Машу, что она невѣрно опредѣлила горловой чахоткой, такъ она была свѣжа, а къ вечеру она умерла. Все время желала смерти.

Лева очень веселъ, учится по-англійски, ловитъ рыбу сакомъ въ пруду, при чемъ присутствовали Ваня, Саша, няня, и что-то пишетъ. Боюсь за разочарованіе.

Л. Т.

367. **11 мая.**

Получили вчера твое самое первое письмо и послѣднее: первое проскочило дальше, на югъ. Вчера же ночью принесли телеграмму, въ которой сказано: «Крейцерова соната и Послѣсловіе разрѣшены. Масарьянцъ» [3]), кажется, такъ, я справлюсь, и если не такъ, то поправлю. Вчера же получили два письма отъ Т. К. [4]). Одно къ тебѣ, въ которомъ она хочетъ пріѣхать 11-го, а другое Машѣ, въ которомъ она, послѣ полученія твоего письма, пишетъ, что пріѣдетъ 16-го.

---

[1]) 9 мая храмовой праздникъ, празднуютъ три дня.

[2]) Новый гувернеръ при Андрюшѣ и Мишѣ.

[3]) Это разрѣшеніе было дано вслѣдствіе моихъ хлопотъ въ Петербургѣ и свиданія съ Государемъ Александромъ III.—(Подпись слѣдуетъ читать: Мсеріанцъ. Онъ былъ тогда инспекторомъ типографіи въ Москвѣ.)

[4]) Тани Кузминской.

Всѣ у насъ благополучны и здоровы, исключая меня, хотя нынче и кашель, и насморкъ, и головная боль лучше. Что въ тебѣ нашелъ Флеровъ [1])? День нынче прелестный. Лева съ Борелемъ ѣздили верхомъ. Маша поѣхала въ Телятинки за Матреной для Тани. Ванечка только что вернулся веселый, здоровый, искусанный весь комарами и загорѣлый. Это послѣднее письмо. За тобой будетъ выслано воскресенье въ Тулу, какъ ты писала. Цѣлую всѣхъ.

Л. Т.

Письмо въ Москву, куда я ѣздила по книжнымъ и другимъ дѣламъ.

368. **12 іюля.**

Вчера я не успѣлъ написать тебѣ, милый другъ, но надѣюсь, что дѣвочки тебя обо всемъ обстоятельно извѣстили. Какъ я и предполагалъ, моя боль въ боку не имѣетъ никакой связи съ желудкомъ и почти прошла, такъ что я второй день купаюсь безъ вреда. Какъ-то устроишь ты свои дѣла? Я все это время думалъ составить и напечатать объявленіе объ отказѣ въ правѣ собственности отъ моихъ послѣднихъ писаній, да все не думалось объ этомъ; теперь же думаю, что, можетъ быть, это будетъ даже хорошо въ отношеніи упрека тебѣ со стороны публики въ эксплоатаціи,—какъ пишетъ артельщикъ,—если ты напечатаешь отъ себя въ газетахъ такое объявленіе, можно въ формѣ письма къ редактору:

«Мужъ мой, Левъ Николаевичъ Толстой, отказывается отъ авторскаго права на послѣднія сочиненія свои, предоставляя желающимъ безвозмездно печатать и издавать ихъ. Сочиненія эти слѣдующія: Чѣмъ люди живы, Упустишь огонь—не потушишь, Свѣчка, Два старика, Гдѣ любовь, тамъ и Богъ (съ французскаго), тексты къ лубочнымъ кар-

[1]) Докторъ, лѣчившій нашу семью.

тинамъ, Сказка объ Иванѣ дуракѣ, Какъ чертенокъ краюшку выкупалъ, Много ли человѣку земли нужно?, Зерно съ куриное яйцо, Крестникъ, Три старца, Кающійся грѣшникъ, Власть тьмы, Въ чемъ счастье?, О переписи въ Москвѣ, Такъ что же намъ дѣлать?, О томъ, въ чемъ правда въ искусствѣ, Послѣднія главы изъ книги О жизни, Праздникъ просвѣщенія 12-го января, Трудолюбіе или торжество земледѣльца, Плоды просвѣщенія, Для чего люди одурманиваются, Крейцерова соната, Послѣсловіе.

«Дѣлая это извѣстнымъ, прошу тѣхъ, которые захотятъ печатать эти сочиненія, держаться того текста, который напечатанъ въ моемъ изданіи. Примите увѣреніе...»

Гр. Софья Толстая.

Я думаю, что это было бы хорошо. Но если это не нравится тебѣ, то не дѣлай, не печатай отъ себя, а пусть будетъ отъ меня. Тогда такъ:

«М. Г. Отказываясь отъ авторскаго права на послѣднія сочиненія мои, я предоставляю всѣмъ желающимъ печатать и издавать ихъ... Сочиненія эти слѣдующія:... Примите увѣреніе и т. д.».

Л. Толстой.

Если же и это тебѣ не нравится, не дѣлай и этого. Мнѣ не особенно это желательно: есть и хорошія и дурныя стороны такого объявленія [1]).

Ванечка здоровъ совсѣмъ и очень милъ. Всѣ тоже здоровы и пріятны. Одна Леночка не совсѣмъ. Ты знаешь, что Варя и Вѣра пріѣхали. А нынче Мама наша уѣхала съ Борисомъ въ

[1]) На предложенія эти я тогда не согласилась, считая несправедливымъ обездоливать многочисленную и такъ не богатую семью нашу. На рукахъ же моихъ оставалось много уже напечатанныхъ книгъ. Намѣреніе свое Левъ Ник. исполнилъ уже безъ моего участія, отъ себя лично, въ сентябрѣ 1891 г., см. ниже.

Пирогово, съ тѣмъ чтобы привезти завтра Варю. Вчера я получилъ письмо отъ Дунаева, которое очень поразило насъ. Если ты его увидишь, онъ вѣрно разскажетъ тебѣ о той дѣвушкѣ Бооль, о которой мы говорили. До свиданья, цѣлую тебя.

Л. Т.

Письмо изъ с. Пирогово, отъ брата Сергѣя Николаевича, къ которому уѣхалъ Левъ Николаевичъ.

369. **15 августа.**

Я прекрасно доѣхалъ и прекрасно живу. Вчера и нынче прекрасно работалъ, а теперь 4-й часъ, ѣду на станцію верхомъ за письмами. Дѣвочки, меньшія двѣ, у Лизаньки. Онѣ всѣ ѣздили на-дняхъ въ Тулу для свиданья съ проѣзжающимъ мимо Гришей. Напишите мнѣ. Если я не нуженъ, то проживу еще здѣсь нѣсколько дней. Скажите Ивану Александровичу, чтобъ мужикамъ подтвердилъ объ овсѣ, чтобъ отдать Юдину. Если Горбуновъ [1]) пріѣхалъ, то пришлите его сюда, и съ статьей предисловія.

Въ Москву, куда я повезла сыновей Андрюшу и Мишу учиться въ гимназіи Поливанова.

370. **5 сентября.**

Милая [2]) жена. Начала Маша, я продолжаю, вернувшись съ длинной прогулки, которую мы: я, Батерсби и Горбуновъ, сдѣлали. Батерсби очень милъ, очень, и намъ очень пріятно, хотя и тяжело говорить по-англійски. Ванечка здоровъ, бодръ и веселъ. Событіе главное безъ тебя, что Маша очень огорчена. Такъ жалка. Я вчера пришелъ къ ней, у нея носъ распухъ отъ слезъ, сидитъ одна и плачетъ. Жалко, что даромъ пропало ея горе, не подѣйствовало на виновника его.

[1]) Иванъ Иван. Горбуновъ-Посадовъ, завѣдующій книгоиздательствомъ подъ фирмой „Посредникъ“.

[2]) Слово „милая“ написано дочерью Машей.

Таня велѣла тебѣ сказать, что она отправила Родивоныча и дала ему 50 рублей лишнихъ противъ Сережиныхъ денегъ. Что мальчики? Андрюша и Миша! главное, Андрюша, помните, что гимназія не вся хорошая; что въ гимназіи можно жить и хорошо, и дурно; можно сойтись съ хорошими товарищами и дурными; хорошо поставить себя съ учителями и дурно; стать на ногу бодраго или лѣниваго ученья, и что очень важно— какъ станешь сначала.

У меня все не совсѣмъ въ порядкѣ желудокъ, но я такъ остороженъ, что не ѣмъ даже хлѣба и пью воду Эмсъ. Нынче лучше, нѣтъ изжоги. Цѣлую тебя и дѣтей. *Л. Т.*

371. **5 сентября.**

(Приписано въ письмѣ дочери Тани.)

Собрался писать письмо, и вотъ Таня принесла свое, чтобы приписать. Въ числѣ писемъ, которыя хотѣлъ написать, было и письмо въ редакцію о правѣ печатанья; но, просмотрѣвъ оглавленіе, рѣшилъ, что не стоитъ того, особенно безъ «Ивана Ильича» [1]). И сейчасъ съ тульской почтой получилъ опять письмо съ просьбой отъ редакціи журнала «Колосья», издающей русскихъ писателей, разрѣшенія печатать мои вещи, и самъ не знаю, какъ быть. Еще подумаю. Ты, пожалуйста, не огорчайся, знай, что мнѣ важнѣе всего наше съ тобой согласіе и любовь.—У насъ очень хорошо. Мы всѣ очень дружны— самые согласные изъ взрослыхъ дѣтей. А мнѣ стало Илюшу жалко, мы какъ-то говорили про него. Если буду живъ, когда ты вернешься, съѣзжу къ нему пожить.

372. **8 сентября.**

Два дня эти, несмотря на гостей, очень помногу писалъ и поэтому доволенъ и веселъ, несмотря на гостей, очень милыхъ,

[1]) Когда я издавала полн. собр. сочин., Левъ Ник. принесъ мнѣ въ день моихъ именинъ эту повѣсть и сказалъ: это мой подарокъ для новаго изданія; потомъ онъ включилъ ее въ отданныя на общее пользованіе сочиненія.

но всегда стѣснительныхъ, какъ гостей. Лева уѣхалъ, намъ жалко, но тебѣ будетъ, я думаю, пріятнѣе и легче съ нимъ, и для мальчиковъ хорошо. Я на него совсѣмъ полагаюсь о дѣтяхъ. Мы всѣ здоровы. Цѣлую тебя; бьетъ 10, пора ѣхать.

Л. Т.

373. **Сентябрь, около 15-го.**

Посылаю тебѣ письмо въ редакцію безъ исключенія «Ивана Ильича». Сколько я ни думалъ и ни старался, безъ «Ивана Ильича», т.-е. съ этимъ исключеніемъ, заявленіе это теряетъ всякій смыслъ. А не посылать заявленія очень мнѣ тяжело, особенно теперь, когда 13-й томъ разошелся и печатается или готовится къ печати новый.

Пожалуйста, голубушка, подумай хорошенько «съ Богомъ» (я называю «съ Богомъ» такъ, какъ думаетъ человѣкъ передъ смертью, въ виду Бога) и сдѣлай это съ добрымъ чувствомъ, съ сознаніемъ того, что тебѣ самой это радостно, потому что ты этимъ избавляешь человѣка, котораго ты любишь, отъ тяжелаго состоянія. Потерь тутъ никакихъ, я думаю, тебѣ не будетъ, но если бы и было, то тѣмъ это должно быть тебѣ радостнѣе, потому что только тогда дѣло доброе—доброе, когда сдѣлана хоть какая-нибудь жертва. А то что же? «На тебѣ, Боже, что мнѣ не гоже».

Ну вотъ, помоги тебѣ Богъ сдѣлать, какъ тебѣ лучше для себя. Но только не дѣлай ничего съ дурнымъ чувствомъ. Во мнѣ же къ тебѣ ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, кромѣ добраго чувства къ тебѣ—никакихъ нѣтъ и не будетъ (*sic!*).

Ждемъ телеграммы и твоего пріѣзда. Письмо это, вѣрно, только-только застанетъ тебя. Цѣлую тебя.

Л. Т.

374. **25 октября.**

Очень разочаровало насъ, въ особенности меня, то, что вчера не было отъ тебя письма, милый другъ. Утѣшаюсь тѣмъ, что ты хотѣла писать съ Левой, а онъ не поѣхалъ, или что почта какъ-

нибудь спутала. Главное, мнѣ хочется знать про твое здоровье—не раздѣляю физическое и духовное, хотя и считаю, что основой физическаго—духовное. А твое духовное состояніе при отъѣздѣ было такое хорошее, что я былъ спокоенъ. Надѣюсь, что сейчасъ привезутъ хорошія извѣстія. Телеграмму отъ Левы получили и ждемъ его.

Нынче было письмо отъ Ив. Ив. Раевскаго, который приглашаетъ насъ ѣхать въ воскресенье, что мы и исполнимъ. Я всѣ эти дни пишу по утрамъ передъ обѣдомъ, гуляю. Всѣ мы здоровы. Цыгане все живутъ у березника, и нынче поручикъ [1]) посылалъ за мужиками выгонять ихъ, но они продолжаютъ жить, несмотря на поручика и на метель при 9°. Прощай, цѣлую тебя и дѣтей.

Изъ-подъ сундука подъ лѣстницей достали желтый башмачокъ Ванечкинъ, и онъ стоитъ на сундукѣ, и я, проходя, вспоминаю его, что не разъ дѣлалъ и безъ башмачка.

Письма изъ Ясной Поляны, гдѣ остались на время Левъ Николаевичъ съ дочерями, прежде чѣмъ ѣхать открывать столовыя для голодающихъ.

375. **26 октября.**

(Приписка къ письму Маши.)

Всегда, когда принесутъ, какъ теперь, бумагу и говорятъ: припиши,—не знаешь, что. Спасибо за деньги. Начнемъ съ чего-нибудь. Но меня теперь неотвязно тяготитъ вопросъ: есть ли въ Россіи достаточно хлѣба? Я, кажется, напишу объ этомъ въ газету, тѣмъ болѣе, что ту статью, вѣроятно, не пропустятъ, и тѣмъ и лучше. Очень меня порадовало, что прекратилось лихорадочное состояніе и поты. Теперь, навѣрное, и нравственное состояніе поправится. То, что ты пишешь о психическомъ разстройствѣ,—ужасный вздоръ [2]). Доказательство, что причина органическая,

---

[1]) Такъ называютъ лѣсничаго въ нашей мѣстности.

[2]) Я писала, что такъ себя дурно чувствую, что боюсь сойти съ ума.

т.-е. болѣзнь тѣла,—лихорадочное состояніе и поты. Тебѣ не слѣдуетъ скучать, т.-е. грустить. Съ тобой дѣти: самъ Ванечка, аккуратный и въ добромъ настроеніи находящійся Андрюша (и Миша поправится). И мы скоро пріѣдемъ. Цѣлую тебя нѣжно.

376. Октябрь.

Гротъ, вѣроятно, разсказалъ тебѣ, какъ мы усердно работали, не знаю только, съ успѣхомъ ли. Какой онъ энергическій, и милый, и пріятный для жизни человѣкъ. У меня осталось такое хорошее, радостное впечатлѣніе отъ послѣдняго нашего разговора съ тобой, что, какъ вспомню, весело станетъ.— Надѣюсь, что ты хорошо доѣхала. Наши дѣвочки ѣздили въ Тулу, вернулись и интереснаго ничего не почерпнули. Если живы и здоровы будемъ, то поѣдемъ, вѣроятно, въ концѣ недѣли.

У меня со вчерашняго дня насморкъ и тяжесть головы; исполняя твое предписаніе, не двинусь съ мѣста, пока не буду совсѣмъ здоровъ. Нынче былъ Оболенскій [1]) и провелъ цѣлый день, и кое-что дѣльнаго сказалъ. Жалѣю, что онъ не былъ при Гротѣ. Нужно бы включить въ его статью то, что людямъ, которые будутъ въ распоряженіи комитета, прежде всего будетъ поручено объѣздить или списаться, изслѣдовать всю Россію, урожайныя мѣстности, чтобы узнать, есть ли въ Россіи и сколько хлѣба. Никто этого не знаетъ, а въ этомъ все. Узнать же это очень легко. Я берусь въ двѣ недѣли, одной перепиской, узнать это. Всякій мѣстный человѣкъ, какъ я, напримѣръ, въ Крапивенскомъ уѣздѣ, можетъ очень легко узнать это. Ну, пока прощай. Цѣлую тебя и дѣтей. Надѣюсь и желаю очень, чтобъ ты съ Левой хорошо сговорилась. Чтобъ все было похорошему.

---

[1]) Кн. Д. Д. Оболенскій задумывалъ сборникъ въ пользу голодающихъ и желалъ имѣть статьи Льва Николаевича.

Письма изъ Бышевки, имѣнія Раевскихъ, куда уѣхалъ Левъ Николаевичъ съ дочерями открывать столовыя для голодающихъ, въ Москву.

377. **29 октября.**

Ахъ, какъ хочется, чтобы письмо это застало тебя въ хорошемъ духовномъ состояніи, милый другъ. Буду надѣяться, что это такъ, и завтра—день прихода почты—буду съ волненіемъ ждать и открывать твое письмо. Ты пишешь, что ты остаешься одна, несчастная, и мнѣ грустно за тебя. Но будетъ объ этомъ. Напишу о насъ. Выѣхали по хорошей погодѣ въ каткахъ большихъ всѣ: Лева, Поповъ и мы пятеро съ М. К. [1]). На станціи встрѣтили Ивана Иваныча [2]), который ѣхалъ съ нами. На станціи, какъ и вездѣ, народа чернаго, ѣдущаго на заработки и возвращающагося послѣ тщетныхъ поисковъ, бездна. Насъ съ билетами 3-го класса посадили во 2-й. Тутъ нашелся Кернъ [3]) и потомъ Богоявленскій [4]). Жара страшная, и мы всѣ осовѣли отъ нея. На Клекоткахъ простились съ Левой и Поповымъ и нашли двѣ тройки въ саняхъ за нами. Ѣхать рѣшили что нельзя, потому что шелъ снѣгъ съ вѣтромъ, и ночевали недурно въ бѣдненькой, но не очень грязной гостиницѣ. Дѣвочки такъ ухаживаютъ за мной, такъ укладывали все, такъ старательны, что только можно желать уменьшенія, а не увеличенія заботъ. Все это твоя черезъ нихъ дѣйствуетъ забота, и я цѣню ее, хотя и не нуждаюсь въ ней, или такъ мнѣ кажется.

Рано утромъ поднялись, но выѣхали въ 10. Ѣхали хорошо, тепло. Я надѣлъ разъ тулупъ, и пріѣхали въ два. Домъ теплый, топленный,—все прекрасно приготовлено. Мнѣ Иванъ Иванычъ уступилъ свой великолѣпный кабинетъ. У дѣвочекъ двѣ комнаты съ особымъ ходомъ. Общая большая комната для гераз. Самъ онъ помѣстился въ маленькой комнаткѣ Алек-я Митр-а, ря-

[1]) Портниха Марья Кирилловна.

[2]) Раевскій.

[3]) Лѣсничій нашей казенной мѣстности.

[4]) Врачъ, раньше гимназистомъ обучавшій нашихъ сыновей.

домъ съ своимъ Ѳедотомъ. Нынче я настоялъ, чтобъ онъ пошелъ въ кабинетъ, а я на его мѣсто. И сейчасъ перешелъ, и мнѣ прекрасно, и тепло, и уютно, и за перегородкой спитъ Ѳедотъ. Обѣдъ простой, чистый, сытный; молока вволю.

Послѣ обѣда заснулъ. Пріѣхали вещи, дѣвочки разобрались; вечеромъ пріѣхалъ Мордвиновъ, зять Ивана Иваныча, земскій начальникъ, весь поглощенный заботами о народѣ. Когда онъ уѣхалъ, въ 9 часовъ разошлись; я сѣлъ писать статью о томъ, что страшно не знать, достанетъ или не достанетъ хлѣба въ Россіи на прокормленіе, и до 11 часовъ пописалъ [1]). Потомъ спалъ прекрасно. Утромъ продолжалъ статью. Между прочимъ побесѣдовалъ съ Ив. Ив-мъ, и больше опредѣлилась дѣятельность дѣвочекъ. Танѣ я очень совѣтую взяться за дѣло пряжи и тканья, т.-е. устройства этого заработка. Маша будетъ при столовыхъ и пекарнѣ. Я сейчасъ былъ въ 3-хъ деревняхъ, изъ которыхъ въ двухъ пріискалъ мѣсто для столовыхъ, въ обѣихъ человѣкъ на 50.—Описывать слегка нищету и забытость этихъ людей—нельзя. Но хорошо, здорово ихъ видѣть, если можно только, хоть сколько-нибудь служить имъ, и я думаю, что можно.

Отъ Грота ты, вѣроятно, знаешь, что статью мою въ числѣ другихъ повезли въ Петербургъ, въ цензуру, и, вѣроятно, запретятъ. И я радъ. Я напишу другую и эту передѣлаю. Надо добрѣе. То и трудно, чтобы быть правдивымъ и добрымъ. Если эту напишу, пришлю тебѣ. Ты съ Гротомъ пересмотри и пошли въ «Русскія Вѣдомости». Ну, пока прощай, цѣлую тебя и дѣтей, маленькихъ и миленькихъ, какъ говорилъ *(имя залито чернилами)*, и тебя, не маленькую, но милую. Иванъ Ивановичъ уѣхалъ къ Писареву и вѣроятно привезетъ его съ собой.

Л. Т.

378. **2 ноября.**

Мы до сихъ поръ еще не получили писемъ, милый другъ, и я не спокоенъ о тебѣ. Надѣюсь, что мы получимъ, и хорошія, отъ

[1]) Статья „Страшный вопросъ“.

тебя вѣсти. Дѣятельность здѣсь самая радостная, если можно назвать радостной дѣятельность, вызванную бѣдствіемъ людей. Три столовыя открыты и дѣйствуютъ. Трогательно видѣть, какъ мало нужно для того, чтобы помочь и, главное, вызвать добрыя чувства. Нынче я былъ въ двухъ во время сбора и обѣда. Въ каждой около 30 человѣкъ. Въ числѣ ихъ одна попадья вдова и дьячиха. Нынче я сдѣлалъ наблюденіе, что очень приглядываешься къ страданіямъ, и не поражаетъ и большое лишеніе и страданіе, потому что видишь вокругъ худшія. И самъ страдающій видитъ тоже. Дѣвочки наши всѣ очень заняты, полезны и чувствуютъ это. Мы не распространяемъ своей дѣятельности, чтобъ не превзойти свои средства, но если бы кто хотѣлъ быть полезнымъ людямъ, то здѣсь поприще широкое. И такъ легко и просто. Устройство столовыхъ, которымъ мы обязаны Ивану Ивановичу, есть удивительная вещь. Народъ берется за это, какъ за что-то родное, знакомое, и смотрятъ всѣ, какъ на что-то, что́ такъ и должно быть, и не можетъ быть инымъ. Я въ другой разъ опишу тебѣ подробнѣе. Ив. Ив. очень всѣмъ намъ милъ. Сердеченъ, уменъ и серьезенъ. Мы всѣ его больше и больше любимъ. Жить намъ прекрасно. Слишкомъ роскошно и удобно. Писаревъ былъ вчера; нынче должна была быть она. Завтра Таня хотѣла къ ней съѣздить. Наташа [1]) очень милая, энергичная, серьезная. Богоявленскій былъ два раза.

Написалъ я эту статью. Прочелъ ее Писареву и Раевскому, они одобрили, и мнѣ кажется, что она можетъ быть полезна. Краснорѣчія тамъ нѣтъ, и мѣста для него нѣтъ, а есть нѣчто, точно нужное и мучающее всѣхъ. Пошли ее поскорѣе въ «Русскія Вѣдомости», и если будутъ предлагать, то возьми съ нихъ, чѣмъ больше, тѣмъ лучше, денегъ для нашихъ столовыхъ. Если пришлютъ, хорошо; если не пришлютъ, тоже хорошо. Денегъ не нужно, но если пришлютъ, то здѣсь найдется имъ употребленіе. Я пишу это, и самъ боюсь. Боюсь, чтобы деньги эти и

[1]) Наталья Николаевна Философова.

всякія, если бы прислали ихъ, не спутали насъ и не увлекли бы въ дѣятельность сверхъ силъ. Нужнѣе всего люди.

Пиши подробнѣе о себѣ, своемъ здоровьѣ и дѣтяхъ. Цѣлую тебя, милый другъ, и дѣтей. Вѣрно дѣвочки припишутъ. Попроси Алексѣя Митрофаныча [1]), котораго благодарю за его хорошее письмо, просмотрѣть статью и поставить знаки, и даже выраженія, гдѣ могутъ быть неправильны, подъ твоимъ наблюденіемъ; корректуру, вѣрно, ты просмотришь. Поклонъ Mr. Borel. Ну, пока прощай.

379. **4 ноября.**

(Приписка къ письму Тани.)

Хочется приписать тебѣ хоть нѣсколько словъ, милый другъ. Жить здѣсь очень хорошо; чувствуется, что приносишь пользу, и было бы мнѣ и всѣмъ намъ вполнѣ хорошо, если бъ не мысль о тебѣ, о томъ, что тебѣ тяжело и грустно. Жаль, что не пришлось видѣться съ Дьяковымъ передъ смертью. Ничто такъ не напоминаетъ о своей близости къ смерти, какъ смерть такихъ близкихъ, какъ онъ былъ мнѣ. И напоминаніе это на меня всегда дѣйствуетъ ободряюще. Я совсѣмъ здоровъ. Нынче писалъ разсказъ для Оболенскаго [2]). Очень бы хотѣлось, чтобъ вышло. Цѣлую тебя и дѣтей.—Въ статьѣ «Страшный вопросъ», тамъ, гдѣ говорится о банѣ и театрѣ, замѣни, пожалуйста, театръ—фабрикой, т.-е. такъ, чтобы сказать: «но если крыша опасна для фабрики, гдѣ постоянно работаютъ тысячи человѣкъ» и т. д., или вовсе выкинь все сравненіе,—какъ найдешь лучше.

380. **6 ноября.**

Дня два не писалъ тебѣ, милый другъ. Кажется, Наташа посылаетъ на почту, и я пользуюсь этимъ случаемъ. Вчера полу-

---

[1]) Новиковъ, учитель дѣтей Раевскихъ и позднѣе нашихъ.

[2]) Неоконченный разсказъ „Кто правъ“.

чили твои два письма: одно унылое, другое болѣе бодрое, въ которомъ ты пишешь о Клейнерѣ и его совѣтахъ тебѣ, и о твоемъ письмѣ въ газету [1]). Я вчера еще самъ себя спрашивалъ: что мнѣ сосетъ и грустно? И отвѣчалъ себѣ: ты, твое здоровье и душевное состояніе. Слава Богу, что теперь лучше. Только бы получить подтверждающее тоже извѣстіе. Событій у насъ за это время никакихъ. Маша ѣздитъ каждый день въ три столовыя за 4 версты. Тамъ много дѣла—и въ томъ, чтобы слѣдить за хозяйками (тѣ, у которыхъ столовыя), и допускать просящихся, и отклонять попытки злоупотребленій. И тутъ есть. И, разумѣется, не важно, что поѣстъ тотъ, кто желаетъ; но, во-первыхъ, недостанетъ тѣмъ, кому нужно, и хожденіе не нуждающихся возбуждаетъ дурныя чувства въ другихъ. Кромѣ того, со вчерашняго дня тамъ началась выдача муки отъ земства, и потому надо было отчислить тѣхъ, которымъ при этой выдачѣ уже не нужно. Таня же облюбовала ближнюю большую деревню, гдѣ ужъ получаютъ отъ земства муку, но, несмотря на то, остается много бѣдняковъ, которыхъ она и хочетъ кормить. Нынче она хотѣла начать. Вѣра [2]) взялась за школу и съ увлеченіемъ занимается ею; иногда ѣздитъ и ходитъ съ дочерями. Я хожу и ѣзжу въ Рыхатскую волость, гдѣ три столовыя, и по утрамъ пишу. Пишу я статью художественную для Оболенскаго. Половина сдѣлана; кончаю свою большую работу и третьяго дня поправилъ корректуры Гротовской статьи и послалъ ихъ. Если онъ будетъ печатать, то ты, вѣрно, просмотришь въ корректурахъ новыя поправки. Нынче хочу написать статью описанія столовыхъ. Это очень важно, какъ онѣ устраиваются и какъ идутъ, съ тѣмъ чтобы каждый зналъ, какъ пользоваться этимъ чудеснымъ, простымъ, практическимъ, народнымъ и лучше другихъ достигающимъ цѣли средствомъ. Это тѣмъ болѣе нужно,

[1]) 3-го ноября 1891 г. было мной напечатано въ „Русск. Вѣдом." письмо-призывъ къ пожертвованіямъ въ пользу голодающихъ, послѣ котораго обильно стали поступать всякія пожертвованія.

[2]) Кузминская.

что ты въ своемъ письмѣ упомянула о нихъ. Твое письмо очень хорошо. Только одно жалко, что говоришь, какъ бы восхваляя, о своихъ. Но все очень хорошо. Милый Страховъ. Я писалъ ему маленькое письмо въ Петербургъ.

Какъ я радъ, что Сережа въ Москвѣ, и радъ про него узнать. А то ничего не зналъ. И радъ, что онъ съ тобой. Радуюсь на Андрюшу, что онъ понимаетъ тебя и хочетъ тебѣ быть утѣшеніемъ. Одно это желаніе уже есть огромное утѣшеніе.

Вчера мы послѣ обѣда получили почту съ твоими письмами, но не получили газетъ. Я цѣлое утро былъ дома и рѣшилъ идти пѣшкомъ къ Мордвиновымъ, по Дону версты 4. Это прелестная прогулка. Таня собралась со мной, потомъ Иванъ Ивановичъ, потомъ Маша; только Вѣра осталась, потому что у нея школа вечеромъ. Мы пошли, надѣясь вернуться вечеромъ же. Шелъ снѣгъ съ вѣтромъ; но когда мы пришли и посидѣли, то оказалось, что ѣхать нельзя—такая метель. И вотъ мы засѣли и ночевали. Здѣсь очень милая семья: подростки-дѣти, учительницы, бабушка. Наташа оказалась тоже тутъ и не могла уѣхать. Теперь утро, и я отъ Мордвиновыхъ пишу тебѣ, особенно въ виду того, что, узнавъ о метели, ты будешь безпокоиться. Чтобы ты не безпокоилась въ этомъ отношеніи, я тебѣ скажу, что я самъ страшно боюсь этого, и какъ только мы пріѣхали, я сдѣлалъ уговоръ со всѣми, къ которому я самъ первый подписался, что, въ случаѣ малѣйшей опасности метели, не ѣздить, а ждать. Такъ вотъ, милый другъ, всѣ наши новости, цѣлую тебя и дѣтей, и жду хорошихъ вѣстей, и надѣюсь тебѣ давать все хорошія.

Л. Т.

381. **9 ноября.**

Получилъ твое письмо съ Раевскимъ [1]), милый другъ, и все бы хорошо, если бъ не инфлуэнца дѣтей. Вотъ ужъ именно: I hope, что имъ теперь лучше, и все прошло, и ты не очень

[1]) Сыномъ.

измучилась. Впрочемъ, самое тяжелое твое ухаживаніе за больными не подкоситъ тебя такъ, какъ твое неопредѣленное нервное состояніе, которое мучило тебя послѣднее время. Ты глухо пишешь, что *тебѣ лучше*. Но какъ? до какой степени? Напиши подробно. Эта твоя болѣзнь—моя заноза.

Вчера я съ Машей ѣздилъ на одной лошадкѣ въ наши столовыя въ Татищево, за 5 верстъ, а Таня ходила въ свою ближайшую столовую. У насъ теперь идетъ пертурбація съ тѣхъ поръ, какъ деревни стали получать муку отъ земства. Прежде были опредѣленно и несомнѣнно нуждающіеся, а теперь съ выдачей является сомнѣніе, и, казалось, должно бы уменьшиться количество посѣщающихъ столовыя, а оно еще увеличилось. Время идетъ, запасы истощаются. Тѣ, которые не были нуждающимися, становятся ими, и кромѣ того мнѣ кажется, что начинается волненіе, недовольство, требовательность въ народѣ. Здѣсь одинъ мужикъ, Епифанскаго уѣзда, изъ деревни Курицы, ходилъ, какъ говорятъ, ходокомъ къ Сергію Александровичу въ Москву жаловаться на Писарева, что имъ не выдаютъ хлѣба достаточно, и будто Сергій Александровичъ сказалъ ему, что дадутъ всѣмъ, и онъ, вернувшись, мутитъ народъ.

На деньги твои, почти на всѣ 1100 рублей, мы рѣшили купить дровъ, которыя нашлись въ околоткѣ. Это было самое нужное и трудное достать. Хлѣба въ нашей мѣстности, судя по тому, что закуплено теперь земствомъ, должно достать хотя на половину; но топлива совсѣмъ нѣтъ. Эти же дрова близко и дешево, по 18 рублей за сажень. Они пойдутъ по столовымъ и прямо въ помощь нуждающимся. Если же бы и остались, то всегда могутъ быть промѣняны на хлѣбъ. Я въ практическомъ дѣлѣ вполнѣ довѣряю Раевскому, а это его мнѣніе.

Вчера, возвращаясь съ Машей домой, уже подъ домомъ мы встрѣтили сани съ факеломъ, которыя ѣхали намъ навстрѣчу,—такъ Иванъ Ив. безпокоится и заботится о насъ. И дома застали двухъ Раевскихъ и Ивана Александровича, который, встрѣтившись съ ними въ Тулѣ, пріѣхалъ съ ними. Нынче Таня

и Маша были опять по своимъ столовымъ, Вѣра въ школѣ, а я писалъ. Теперь же 3 часа. Они всѣ на двухъ парахъ уѣхали къ Наташѣ и вернуться хотѣли засвѣтло къ Мордвиновымъ, на половинѣ дороги, гдѣ я ихъ встрѣчу. Мнѣ очень многое хочется писать, но послѣдніе два дня, несмотря на то, что совершенно здоровъ, ничего не пишется. А хочется писать заключеніе къ моей большой статьѣ, статью Оболенскому, которую началъ и много написалъ, и статью о столовыхъ, о наилучшемъ по-моему способѣ помощи, которую нынче писалъ. Это нужнѣе всего: хочется сообщить другимъ самый простой и практическій способъ помощи. Еще хочется написать короткое письмецо въ газеты, съ включеніемъ письма, полученнаго отъ Попова. Постараюсь успѣть написать это на отдѣльной бумажкѣ и тогда вложу въ это письмо. Спасибо тебѣ за хлопоты о моей статьѣ. Перемѣны такъ незначительны, что ничего непріятнаго нѣтъ. Получилъ я еще письмо отъ одной госпожи Вагнеръ, изъ Курской губ., которая спрашиваетъ совѣта, гдѣ бы она могла въ продолженіе 10 мѣсяцевъ прокормить отъ 60 до 80 человѣкъ. Я ее направилъ на Оренбургъ, но предложилъ заѣхать къ намъ.

О Левѣ я бы безпокоился, если бы не зналъ, какъ тамъ [1]) трудно и медленно сообщеніе. Прощай, душенька, цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

Перечтя внимательно письмо Попова, я нашелъ въ немъ подробности, внушившія мнѣ сомнѣнія въ подлинности свѣдѣній,— именно то, что священникъ отъисповѣдывалъ 50 человѣкъ.— Это было въ газетахъ, въ извѣстіяхъ изъ Казани,—и рѣшилъ не печатать. Твоя мысль напечатать въ газетахъ о томъ, что деньги, полученныя за представленія «Плодовъ просвѣщенія», пожертвованы театральной дирекціей, очень хороша.

---

[1]) Сынъ Левъ, оставивъ университетъ, уѣхалъ на помощь голодающимъ въ глухія степи Самарской губерніи.

382. 11 ноября.

(Приписка къ письму Тани.)

Ѣздили мы съ Машей цѣлый день, и день былъ удачный. И погода была хорошая, и все спорилось. Мы теперь открываемъ столовыя около другого центра запасовъ. Прежнія столовыя около склада Раевскаго, теперь около склада Ершова, вашего московскаго предводителя. Тамъ его управляющій будетъ отпускать провизію на открывающіяся вокругъ него столовыя. И тамъ очень нужно. Много нужды. Маша застала человѣка, дѣйствительно не ѣвшаго два дня и ослабѣвшаго. Я вчера устраивалъ двѣ столовыя для Вѣры, для ея денегъ, на новомъ основаніи, именно на томъ, чтобы намъ не отбирать тѣхъ, которые имѣютъ и не имѣютъ права ходить, а на совѣсть людей предоставить ходить всѣмъ безъ разбора, ограничивая только количествомъ заготовленнаго обѣда. Это интересно очень, какъ пойдетъ.

Не помню, писалъ ли я тебѣ или нѣтъ, что вчера явился къ намъ студентъ Дубровинъ, 4-го курса юристъ, желая помогать и ѣхать въ Самару. Теперь хлопочетъ здѣсь. Нынче онъ ѣздилъ за дровами. Узнай, что про него знаютъ.

Я уморился, надышался воздухомъ, и кругомъ болтаютъ, и потому кончаю. Но, несмотря на болтовню кругомъ и усталость, помню одно то, что хотѣлось бы получить отъ тебя добрыя вѣсти.

Сейчасъ пріѣхала Наташа и говоритъ, что ея мать пишетъ, что ты встала, и дѣти, кромѣ Саши и Ванечки, но что и имъ лучше. Что это значитъ, что ты встала? Прощай пока, цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

383.

15 ноября. Открытое письмо.

Сейчасъ ѣдетъ назадъ ямщикъ, привозившій Ивана Ивановича съ Еленой Павловной, и вотъ пишу хоть немного. Мы всѣ здоровы вполнѣ. Дѣло идетъ хорошо. Открыто нашихъ 17 столовыхъ. И все нужно еще и еще. Со всѣхъ сторонъ прибываютъ и

сотрудники, и средства. Съ вчерашней почтой получено болѣе тысячи. Твоихъ писемъ получили три. Одно унылое; но зато послѣднее, отъ 9-го, кажется, болѣе, даже совсѣмъ, бодрое. Отъ Дунаева же лучшее письмо. Онъ пишетъ о тебѣ хорошо. Онъ понимаетъ тебя и любитъ; понимаетъ хорошее въ тебѣ. Попрекнулъ я тебя за то, что ты себя упрекаешь въ томъ, что переѣхала въ Москву. Ты сама себя мучаешь и, главное, невѣрно оцѣниваешь чувства другихъ къ тебѣ. Je suis sûr, que tu ne t'imagines pas avec quel amour nous pensons et parlons de toi.—Вчера получили извѣстіе, очень насъ поразившее грустно. Аничка, т.-е. Анна Петровна [1]), скончалась. Поболѣла недѣлю и умерла. Николай Николаевичъ пишетъ, и видно, очень огорченъ.—Здѣсь пріѣхалъ Матвѣй Николаевичъ Чистяковъ [2]) отъ Черткова и еще Тулиновъ студентъ, помнишь?—Отъ Левы было письмо коротенькое вчера. Онъ здоровъ.

384. **Того же ноября.**

Не пишется, потому что нынче ждалъ почты и извѣстій о тебѣ, милый другъ. Письмо это свезетъ тебѣ Н. Т. Владиміровъ. Онъ—очень замѣчательный типъ новаго русскаго дѣятеля изъ крестьянъ: дѣятельный, умный, практичный и общественный. Хотѣлъ я съ нимъ послать нѣсколько словъ о нашей дѣятельности и списокъ полученныхъ пожертвованій и цѣлое утро писалъ, но не кончилъ и рѣшилъ подождать. Главное, у меня есть написанная, не поправленная, большая статья о столовыхъ, потомъ у Грота статья и эта. Надо подождать, выйдетъ ли Гротовская, чтобы не было повторенія и недосказаннаго. Да и нынче голова тяжела, оттепель. Не торопясь, соображу завтра. Лева тебѣ все про насъ разскажетъ. И кромѣ хорошаго, ничего и разсказывать нельзя. Всѣ здоровы, бодры, заняты, дружны. Нынче видѣлъ во снѣ Сашу. Что она? Поцѣлуй ее особенно отъ меня. Я какъ

---

[1]) Анна Петровна Ге, жена художника Ник. Ник. Ге.

[2]) Дѣятельный сотрудникъ въ дѣлѣ помощи голодающимъ.

будто забывалъ о ней. И теперь, насколько забывалъ, настолько живо помню и люблю ее.

Послѣднее время, съ пріѣздомъ Елены Павловны [1]) и мальчиковъ, было очень суетно. Да и кромѣ того, постоянно пріѣзжаютъ то тотъ, то другой. Матвѣя Николаевича я задержалъ здѣсь въ надеждѣ кончить послѣднюю главу большой статьи. Это очень бы развязало меня.

Ты спрашиваешь меня, куда и какъ употребить деньги? Я думаю, что намъ надо теперь, сейчасъ—хлѣбъ подешевѣлъ—купить нѣсколько вагоновъ ржи, по крайней мѣрѣ, такое количество, которое обезпечило бы намъ около 20 столовыхъ, на которыя нуженъ хлѣбъ до новины тысячъ на 8. Впрочемъ, ничего загадывать нельзя и не надо, а жить и дѣйствовать по мѣрѣ требованія обстоятельствъ. Владиміровъ много хорошаго придумалъ и обѣщалъ. Посмотримъ, что будетъ.

Посылаю тебѣ мои черновыя двухъ статей, которыя я готовилъ. Ты все разберешь. Прочти ихъ и скажи свое мнѣніе. Списокъ пожертвованій надо начать съ тѣхъ, которыя присланы тебѣ. Ну, прощай, голубушка. Не пишется, во-1-хъ, потому, что нынче получу отъ тебя извѣстіе, а во-2-хъ, потому, что Лева разскажетъ. Только бы далъ Богъ, чтобы ты была здорова и добра, какъ ты послѣднее время; но чтобы здорова была, какъ была лѣтомъ. Зима вѣрно тебя поправитъ. Постоянно думаю о тебѣ и люблю.

Л. Толстой.

385. **19 ноября.**

Извѣстій о насъ тебѣ теперь много съ разныхъ сторонъ, но хочется тебѣ написать, милый другъ. Получили 3-го дня твои два письма намъ и одно Ивану Ивановичу. Во всѣхъ трехъ мнѣ слышна была горькая нота, и мнѣ это было очень больно. Но дѣло въ томъ, что тебѣ больнѣе, и я тотчасъ же хотѣлъ ѣхать къ тебѣ. Но дѣвочки совѣтовали ѣхать всѣмъ вмѣстѣ. И послѣ

[1]) Жена Раевскаго.

совѣщаній рѣшили подождать еще извѣстій, но во всякомъ случаѣ ѣхать къ тебѣ всѣмъ, не откладывая, поручивъ здѣсь продолженіе дѣла, кому можно. Дѣвочки всѣ три кашляютъ и въ насморкѣ, но въ общемъ здоровы. Я совершенно здоровъ. Не сглазить, давно не было даже изжоги.—Вчера я съ вечера усердно писалъ статью, описывающую нашу дѣятельность; сегодня проснулся въ 7-мъ и писалъ, не выходя изъ комнаты. Пустая статья, но нужная тѣмъ, что сообщаетъ другимъ пріемы заведенія и веденія столовыхъ. Она еще не переписана, и едва ли къ завтраму кончу. Съ Владиміровымъ я ошибся и послалъ какую-то другую рукопись. Потомъ въ 10 часовъ поѣхалъ верхомъ по всѣмъ дальнимъ столовымъ и проѣздилъ по прекрасной погодѣ до 5 часовъ. Положеніе становится все напряженнѣе и напряженнѣе: проѣдаютъ послѣднія средства, и количество неимущихъ все увеличивается. Главное—топливо и праздность и мужчинъ, и женщинъ. Нынче пишу Владимірову о высылкѣ намъ лыкъ для работы лаптей. Ленъ на-дняхъ получится. Знаменательный признакъ нужды, что по 3-мъ небольшимъ деревнямъ въ одинъ день набралось охотниковъ отдать на прокормъ 80 лошадей, и приходятъ еще и еще просить взять лошадей. Отдать незнакомому человѣку, неизвѣстно куда своихъ лошадей, и все хорошихъ, молодыхъ. Очевидно, считаютъ этотъ рискъ выгоднѣе вѣрной погибели, если оставить у себя лошадь.

Въ послѣднюю почту получено нами повѣстокъ на 3300 рублей. Твои, т.-е. тобой собранныя, пожертвованія очень хороши. Поразительны 1500 аршинъ матеріи и количество вермишели. Ее надо будетъ раздавать въ праздники. Матерія же тоже поразительно нужна. Нынче я видѣлъ вдову съ дѣтьми, положительно голую. Только одинъ мальчикъ можетъ выходить. Я еще не видалъ такой бѣдности.

Таня написала нынче маленькое письмо въ газеты, не знаю, пошлетъ ли, въ которомъ она пишетъ, какъ устройство столовыхъ, присутствіе людей извнѣ, посѣщенія—ободряютъ людей. Это совершенно справедливо и очень замѣтно.

Нынче Иванъ Ив. уѣхалъ въ Данковъ, и мы одни. Теперь у дѣвочекъ сидитъ Маргарита Ивановна и пьютъ чай, а я пишу. Матвѣй Николаевичъ все у насъ. Я его не пускаю, и онъ ждетъ, и намъ полезенъ и пріятенъ. Ну, пока прощай, цѣлую тебя и дѣтей отъ Вани, черезъ Сашу, Мишу, Андрюшу до Левы. Надѣюсь скоро увидѣться. Дай только Богъ тебя найти здоровой. Надѣюсь на морозъ. Что-то дастъ завтрашняя почта, т.-е. какія извѣстія о тебѣ?

Л. Т.

386. **23 ноября.**

Каждый день вижу тебя во снѣ, милый другъ. Дай Богъ, чтобы ты была здорова и спокойна. Мы всѣ совершенно здоровы и изо всѣхъ силъ бережемъ другъ друга. Таня пишетъ страшный вздоръ; предвидѣть ничего нельзя, а предвидѣть дурное—даже дурно. Наташа обѣщала пріѣхать въ воскресенье, и мы было рѣшили, получивъ отъ нея самыя свѣжія извѣстія, ѣхать въ Москву. Теперь болѣзнь Ивана Ивановича невольно задерживаетъ насъ. И дѣло нельзя бросить, и его, милаго человѣка, котораго я, чѣмъ больше съ нимъ живу, тѣмъ больше люблю. Занятъ я очень. Статья моя о столовыхъ, кажется, готова, но еще не переписана. Надѣюсь завтра выслать ее тебѣ. Ты просмотришь и пошлешь къ Гайдебурову [1]). Онъ всегда такъ желателенъ, а я его обхожу для «Русск. Вѣд-й», совсѣмъ мнѣ чуждыхъ. Кромѣ того, онъ скорѣе другихъ напечатаетъ. Впрочемъ, дѣлай, какъ знаешь. Я вижу, что ты живешь этимъ дѣломъ не меньше нашего. То писанье, то разговоры съ народомъ, приходящимъ съ разными требованіями и просьбами, то поѣздки—весь день полонъ. Нынче былъ исправникъ, льстивый человѣкъ, который будто представлялся. Завтра, говорятъ, пріѣдетъ губернаторъ рязанскій. Очевидно, ихъ безпокоитъ наше присутствіе. Столовыхъ открыто теперь 28, и все просятъ открывать новыя. Помощниковъ никого

[1]) Редакторъ журнала „Недѣля", гдѣ и была напечатана статья Льва Николаевича.

еще нѣтъ. Матвѣй Николаевичъ остается у насъ, видя, что дѣла много, и хорошо, и много помогаетъ. Денегъ у насъ тысячъ 6, кажется, и мы на всѣ покупаемъ хлѣба. На-днях былъ премилый человѣкъ, Протопоповъ, бывшій морякъ, стоявшій со мною вмѣстѣ на 4-мъ бастіонѣ въ Севастополѣ, а теперь предсѣдатель Епифанской земской управы. Мы ему поручили купить намъ ржи. Завтра буду писать еще. Теперь ждетъ посланный съ телеграммой въ Клекотки. Прощай, до свиданья. Цѣлую тебя и дѣтей. Что Лева?—Утѣшительно то, что братъ и сестра тутъ у Ивана Ивановича.

Л. Т.

Сейчасъ пріѣхала Маргарита Ивановна и будетъ ночевать у брата.

387. **24 ноября.**

Сейчасъ 6 часовъ утра 24-го. Пишу еще. Вчера отослалъ письмо съ вечера. Ив. Ив. все въ жару и очень безпокоенъ. Все заботится объ общихъ дѣлахъ, а сидѣть едва можетъ. Написалъ одно письмо Еленѣ Павловнѣ. Сейчасъ отправляется человѣкъ вѣрный въ Тулу съ письмами и съ нашими деньгами, 6000 р., которыя мы посылаемъ Писареву, чтобы положить въ Тульскій банкъ и выдавать за купленный хлѣбъ, который будетъ пріобрѣтать вмѣстѣ съ земскимъ Протопоповъ, предсѣдатель земской управы въ Епифани.

Меня немножко мучаетъ совѣсть передъ Еленой Павловной, что я не извѣстилъ ее тотчасъ же. Но вышло такъ, что, когда онъ вернулся 20-го изъ Данкова, не стоило посылать; казалось, что ничтожный гриппъ, который пройдетъ, тѣмъ болѣе, что на другой день онъ былъ совсѣмъ свѣжъ и здоровъ утромъ, и свалился опять къ вечеру 21-го. 22-го мы ждали перерыва, чтобъ онъ самъ написалъ. И вотъ послали только 23-го. Онъ самъ написалъ письмо Еленѣ Павловнѣ. Съ большимъ трудомъ. Вѣроятно, ея уже не будетъ, когда ты получишь это письмо. Намъ будетъ легче, когда она будетъ здѣсь. Богоявленскій каждый день

бываетъ и не находитъ ничего опаснаго. Матвѣй Ник. очень намъ помогаетъ, самъ больной къ нему привязался.

Мы всѣ совершенно здоровы, и были бы бодры, если бъ эта болѣзнь и хозяина, и дѣльца главнаго, и милаго и дорогого человѣка не подавляла насъ. Цѣлую тебя и дѣтей. *Л. Т.*

388. **25 ноября.**

Вчера, 24-го, получили твои два письма, милый другъ. Ты напрасно меня упрекаешь въ дипломатіи: не дипломатія, а дѣло такое, что я, зная тебя, знаю, что ты будешь скрывать всю тяжесть своего состоянія, а намъ нужно знать. И, разумѣется, все брошу и пріѣду къ тебѣ, и буду жить съ тобой не съ упреками, а съ радостью. Я совсѣмъ собрался ѣхать къ тебѣ на той недѣлѣ, послѣ полученія тѣхъ писемъ; но дѣвочки не пустили, просили подождать, а тутъ заболѣлъ Иванъ Иванычъ. Вчера вечеромъ, въ 10 часовъ, пріѣхала Елена Павловна. Она и не уѣзжала въ Москву. Говоритъ: «тоска была и не хотѣлось уѣзжать». Ему не лучше. Называютъ это инфлуэнцой, а это горячка по-старинному. Лежитъ въ жару, 39 градусовъ, почти бредитъ, тяжело дышитъ. Богоявленскій тутъ постоянно, и говоритъ, что опаснаго нѣтъ. Но намъ все время страшно и жалко его и Елену Павловну. Не потѣетъ, кашель. Въ легкихъ ничего нѣтъ. Пишу все это и для сыновей, чтобъ они знали всю правду.—Вчера получили пожертвованій тысячи на двѣ слишкомъ и письма.

Столовыя расползаются, какъ сыпь. Теперь уже 30, и идутъ хорошо. Я вчера вечеромъ посѣтилъ двѣ: трогательно видѣть, какъ ребята съ ложками бѣгутъ толпою. Попался нищенка-мальчикъ изъ чужой деревни. Его пригласили, и накормили, и спать положили въ столовой.

Послалъ я тебѣ нечаянно начало повѣсти. Ты не угадала, хотя всегда угадываешь, къ чему клонитъ[1]). Спиши и пришли мнѣ,

[1]) Рѣчь о неоконченной вещи „Кто правъ?“. Я писала: „Разумѣется, ясно, къ чему клонитъ разсказъ; ты видно хочешь, чтобы *виноватыхъ не было*. Но чувство проскочитъ невольно настоящее, *кто* именно правъ“.

если я прежде не пріѣду. Пріѣду же я, какъ только поправится Ив. Ив.—Вчера, прочтя твои письма, страшно захотѣлось, тѣмъ сердцемъ, которое ты во мнѣ отрицаешь, не только видѣть тебя, но быть съ тобой.

Статью мою, Гротовскую, пожалуйста возьми въ послѣдней редакціи безъ смягченія, но съ тѣми прибавками, которыя я просилъ Грота внести, и вели переписать, и пошли въ Петербургъ Ганзену и Диллону и въ Парижъ Гальперину [1]). Пускай тамъ напечатаютъ; оттуда перейдетъ и сюда; газеты перепечатаютъ. Адресы Ганзена, Диллона и Гальперина сейчасъ впишу, если они найдутся у Тани; а если нѣтъ, то пошли къ Лѣскову (его адресъ въ «Русской Мысли»), онъ отдастъ и Ганзену, и Диллону, а Гальперина можно узнать черезъ Рише. А Рише знаетъ Гротъ.

Мы всѣ здоровы; къ намъ пріѣхала Бибикова, дочь Василія Николаевича, на лошадяхъ. Мы ее выписывали, чтобъ ей передать деньги и научить ее, какъ вести столовыя. У насъ еще (у Дмитрія Ивановича) [2]) гоститъ корреспондентъ Майковъ, недурной молодой человѣкъ. Планъ Левы—взять Цингера и Ивана Алекс. (Бергера)—прекрасный. Цѣлуй его, и Андрюшу, и Мишу, Сашу, Ваню. Алексѣю Митрофанычу душевный привѣтъ.

Мальчикамъ Раевскимъ скажи, что теперь—9 часовъ утра 25-го—температура 38 и 8. Пульсъ хорошъ. Это слова Богоявленскаго. Елена Павловна говоритъ, что если имъ очень хочется пріѣхать, то она имъ не запрещаетъ этого, но и никакъ не вызываетъ.

Л. Т.

389. **27 ноября.**

Ты ужъ знаешь страшное событіе [3]). Теперь 12 часовъ ночи 27-го. Полонъ домъ наѣхавшими родными: Писаревъ, Долгорукова, Давыдова, Давыдовъ Ник. Вас., и еще разные знакомые.

---

[1]) Переводчики: Ганзенъ—датчанинъ, Диллонъ—англичанинъ и Гальперинъ—французскій еврей.

[2]) Братъ Ивана Ивановича Раевскаго.

[3]) Иванъ Ивановичъ Раевскій скончался 26 ноября, въ 3 часа дня.

Теперь $1^1/_2$ сутокъ, что онъ умеръ. Умеръ онъ легко, безъ страданій: инфлуэнца, перешедшая на легкія. Ваня засталъ его, но уже безъ памяти. Елена Павловна страшно жалка, также и дѣти. — Сейчасъ получилъ и твое письмо, и свѣдѣнія отъ Алексѣя Митрофаныча.

Мы всѣ совершенно здоровы и желали бы пробыть нѣсколько дней послѣ похоронъ, чтобы не было того впечатлѣнія людямъ, что все дѣло оборвалось и кончилось со смертью Ивана Ив-ча. Я говорю: «желали бы», но все будетъ зависѣть отъ твоего мужества. Я понимаю, что тебѣ страшно жутко, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могу не видѣть, что нѣтъ никакихъ основаній для безпокойства. Все рѣшится само собою. Одно знаю, что люблю тебя всей душой и стремлюсь тебя увидать и успокоить.

Нынче Таня сестра пишетъ Вѣрѣ, что въ Петербургѣ слухъ прошелъ, что мы уѣзжаемъ, и что ропщутъ, говоря, что нельзя оставлять дѣла, на которое сдѣланы такія пожертвованія. И дѣйствительно нельзя. Теперь на время здѣсь остается Матвѣй Николаевичъ; но онъ не можетъ одинъ вести дѣло. Но впрочемъ все обсудимъ вмѣстѣ спокойно и любовно.

Посылаю тебѣ статью о столовыхъ. Мнѣ хотѣлось не обидѣть Гайдебурова, который прислалъ тоже пожертвованія изъ своей газеты и скромно писалъ Танѣ: «За что вашъ батюшка меня забылъ?» Но я готовъ согласиться и съ тобой и отдать въ «Русскія Вѣдомости». Ты прочти ее, исправь, перепиши (можно и не переписывать), впиши пожертвованія твои, Танины и приложи. Если что-нибудь не ладно или задержка выйдетъ въ чемъ-нибудь, то мы подъѣдемъ, и я поправлю.

Тороплюсь писать, чтобъ отправить письмо съ Писаревымъ. Мнѣ ужасно жалко его [1]). Я очень, очень его полюбилъ. И не могу простить себѣ, что я такъ не понималъ его прежде. Но зато какъ намъ радостно, молодо, восторженно было часто послѣднее время вмѣстѣ быть и работать. Я началъ, было, нынче

[1]) Ивана Ивановича Раевскаго.

нѣсколько словъ о немъ написать и хотѣлъ напечатать, и потомъ раздумалъ. Впрочемъ, не знаю.

Ну, до свиданья. Цѣлую тебя и дѣтей. Спасибо Левѣ, что пишетъ. Надѣюсь, зубы его прошли. Нынче Илюша вернулся изъ Гродно. Его Давыдовъ видѣлъ на поѣздѣ. Они уѣзжали, а онъ пріѣхалъ.

Л. Т.

Побывавъ въ Москвѣ на короткое время, Левъ Никол., Таня и Маша снова уѣхали на помощь голодающимъ. Письма изъ Бѣгичевки.

390. **Декабрь.**

Пишу изъ Молоденокъ [1]), куда мы прекрасно (чудная дорога и ночь, такъ что ѣзда была удовольствіемъ) доѣхали. Не успѣлъ написать тебѣ, и тоскливо все о тебѣ. Тѣмъ болѣе, что Таня сказала, что у тебя шла кровь носомъ. Неужели опять было дурно? Безъ ужаса не могу подумать, какъ тебѣ одиноко одной. Надѣюсь, что не будетъ припадковъ [2]), и если будутъ, ты съ мужествомъ перенесешь ихъ. Насколько тебѣ нужно для мужества сознаніе моей любви, то ея, любви, столько, сколько только можетъ быть. Безпрестанно думаю о тебѣ и всегда съ умиленіемъ. Надѣюсь, что письмо это придетъ раньше обычной почты. Цѣлую тебя, дѣтей. Поклонъ всѣмъ.

Л. Толстой.

391. **Декабрь. Безъ числа.**

Пишу буквально нѣсколько словъ, только чтобъ ты видѣла мой почеркъ. Николай Яковлевичъ [3]), милый человѣкъ, тебѣ все разскажетъ про насъ. Все хорошо: и матеріальное, и смѣю думать, и духовное. Топчемся, какъ бѣлки въ колесѣ, а результаты—дѣло Божье. Коншинъ [4]) тоже оказался премилый чело-

[1]) Имѣнье Самариныхъ по дорогѣ въ Бѣгичевку.

[2]) Удушья отъ сердечной спазмы.

[3]) Гротъ.

[4]) Впослѣдствіи директоръ фабрики въ Серпуховѣ.

вѣкъ. Ѣду сейчасъ въ столовыя около Писарева и везу ему деньги, и хочу окончательно устроить Новоселова [1]) съ товарищами въ этой сторонѣ подъ его покровительствомъ.

Не могу сказать тебѣ, какъ твое послѣднее письмо обрадовало меня. Только, душенька, пожалуйста, пиши всю правду. Раньше срока пріѣхать къ тебѣ ничего не значитъ. Илюша тутъ очень милъ. При случаѣ онъ можетъ замѣнить меня. Цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

392. **12 декабря.**

(Приписка къ письму Тани.)

Очень я занятъ практическими дѣлами. Нынче была отправка лошадей и приготовленіе къ прокормленію лошадей на мѣстахъ, на бардѣ, при винокуренныхъ заводахъ. Не знаю, какъ удастся. Кромѣ того, много дѣла—которое дѣлаешь дурно—прямой помощи страдающимъ. Нынче, напримѣръ, былъ въ домѣ, гдѣ мать, внукъ 10 лѣтъ и мужикъ, всѣ среди дня лежатъ на печи, а въ комнатѣ духъ виденъ, и топить нечѣмъ. И боишься забыть про такихъ, потому что такъ много подобныхъ. Мнѣ хорошо, повторяю, если бы не безпокойство о тебѣ. Вчера была телеграмма Гроту. У меня сердце оборвалось. Береги себя. Пожалуйста, ходи гулять и помни про мою любовь. Твой.

Л. Т.

393. **14 декабря.**

Давно нѣтъ отъ тебя извѣстій, милый другъ, и скучно, и жутко. Да что дѣлать! Вѣрно, завтра, воскресенье, будетъ. Одного не люблю, когда въ твоихъ письмахъ есть сдержанность, невысказанность. Это я сейчасъ чувствую и очень больно. Правда лучше всего. Мы всѣ здоровы и очень заняты. И теперь еще больше будемъ заняты съ отъѣздомъ милаго Чистя-

---

[1]) Новоселовъ впослѣдствіи сдѣлался крайне православнымъ и писалъ книги духовнаго содержанія.

кова. Мы всѣ его полюбили очень. Да и нельзя. И кроткій, и умный, и дѣловитый человѣкъ. Всѣ мы бережемъ другъ друга и сами себя, и потому, по пословицѣ, и Богъ долженъ беречь насъ. Главный характеръ теперешняго періода столовыхъ тотъ, что онѣ стали популярны, и народъ видитъ въ нихъ не одно средство покрытія нужды, но и средство поживиться. Много просьбъ отъ богатыхъ принять членовъ ихъ семей въ столовыя. И какъ сдѣлана ошибка по одному, такъ ихъ набирается куча. Борьба съ этимъ возможна. И были случаи ужъ уменьшенія числа и откидыванья излишнихъ. Этимъ мы и заняты съ одной стороны, а съ другой—увеличиваніемъ, т.-е. распространеніемъ, столовыхъ. Нынче я былъ съ тѣмъ молодымъ человѣкомъ, который былъ у тебя, Келеромъ (который оказался милымъ, и твое сужденіе о немъ вѣрно), въ деревнѣ, гдѣ мы еще не были, для открытія, по ихъ просьбѣ, столовой. Староста оказался пьянымъ; пьянъ тоже сосѣдъ мужикъ, у котораго умерло отъ тифа три человѣка и нынче жена, и кромѣ того оказалось, что указывали, какъ на бѣдныхъ, на семьи, у которыхъ три лошади, 2 коровы, 10 овецъ и пьютъ чай, и которыхъ я засталъ выпивши въ будни. Такое соединеніе дурного съ жалкимъ, что ужасно трудно разобраться. Я уѣхалъ, не открывъ столовой, а между тѣмъ зная, что тамъ есть много истинно бѣдныхъ. Надо поѣхать послѣ. Третьяго дня былъ въ деревнѣ: лежатъ средь дня на печи въ чуть топленной избѣ: мать, внукъ и сынъ, и лежатъ такъ цѣлый день. Дровъ нѣтъ и купить не на что. Самое утѣшительное въ нашемъ дѣлѣ—это не общее дѣло расширенія столовыхъ, количества кормящихся людей, а отношеніе къ этимъ отдѣльнымъ лицамъ, какъ нынче къ нѣкоторымъ голымъ дѣтямъ, которымъ можно дать одежду. Тюки, привезенные Наташей, оказались полны прекраснымъ платьемъ. Кто это прислалъ? Надо поблагодарить того, кто прислалъ. Наташа у насъ съ Вакой и сейчасъ ѣдетъ домой и везетъ это письмо. Цѣлую тебя, милый мой другъ. И люблю тебя очень, очень.

Отъ Левы было коротенькое письмо. Онъ здоровъ и очень дѣятеленъ. Цѣлую дѣтей. Вели намъ прислать газеты и Сборникъ.

394. **20 декабря.**

Время такъ скоро идетъ въ здѣшнихъ хлопотахъ, что мнѣ кажется, я вчера писалъ тебѣ, а прошло, кажется, уже дня три (ровно три). У насъ все то же, стало быть, все хорошо. Вчера былъ Писаревъ, и мы съ нимъ уладили большія дѣла. Все хорошо; и онъ, и мы довольны другъ другомъ. Не хорошо то, что картофеля нѣтъ; нельзя его сохранить безъ подваловъ, и онъ весь—десятки тысячъ пудовъ—пойдетъ на винокуренные заводы, а не на пищу людей. Ахъ, это винокуреніе! Пьянство не ослабѣваетъ. Въ деревнѣ Ив. Ив-а, даже въ двухъ, открываются кабаки, и нѣтъ возможности ихъ запретить.

Вчера наши сожители рѣшили переѣхать отъ насъ за 18 верстъ, въ центръ самыхъ дальнихъ столовыхъ, въ Ефремовскомъ же уѣздѣ, и намъ недоставало человѣка, чтобъ помѣстить его въ другомъ дальнемъ концѣ. И вотъ нынче явился, пришелъ пѣшкомъ, одинъ изъ *темныхъ*, изъ Полтавы, Леонтьевъ [1]). Леонтьевъ этотъ, несмотря на фамилію,—самый еврейскій типъ. Но человѣкъ, кажется, тихій, и трудолюбивый, и толковый. Онъ привезъ изъ Полтавы собранныя тамъ средства на содержаніе двухъ столовыхъ. Изъ помощниковъ нашихъ самый полезный Гастевъ. Все дѣлаетъ весьма скоро, умно. Про Новоселова нельзя судить, потому что у него нѣсколько дней страшно болятъ зубы. Нынче я былъ дома, а Коншинъ съ Черняевой поѣхали въ одну сторону за 7 верстъ, Гастевъ—въ другую за 7 верстъ, Маша одна—въ третью, верстъ за пять. Утро было хорошее, но къ вечеру, 4-мъ часамъ, поднялась сильная метель, и я очень тревожился. Послалъ за Машей, а она пріѣхала. Потомъ вернулся Гастевъ, и позднѣе всѣхъ—тѣ. Я

[1]) Леонтьевъ этотъ кончилъ жизнь самоубійствомъ.

очень безпокоился. Пишу это, чтобъ ты знала, какъ мы благоразумны и бережемъ другъ друга.—Коншинъ завтра ѣдетъ, скажи милому Гроту. Что такое Колечка ничего не пишетъ про горохъ? Что моя статья? Твое письмо вчерашнее опять хорошее, успокоительное, но что-то ты ужъ слишкомъ хвалишься своимъ здоровьемъ. Во мнѣ запало сомнѣніе—правда ли? Вижу тебя часто во снѣ. И теперь тороплю время поскорѣе быть съ вами. Цѣлую тебя и дѣтей. Видѣлъ очень живо во снѣ Агаѳью Михайловну. Жива ли она? Отъ Левы бодрыя и дѣловыя письма. Мы тоже пишемъ ему. Ну, до свиданья, милый другъ.

Л. Т.

395. **25 декабря.**

Получилъ вчера еще твое письмо, милый другъ, черезъ Протопопова. Протопоповъ пріѣхалъ еще съ однимъ господиномъ—Обольяниновымъ. Оба они петербургскіе и плохо понимающіе условія жизни, а между тѣмъ возбуждены отчасти фальшивымъ представленіемъ о голодѣ, и раздраженно осуждающіе правительство. При томъ занятіи дѣломъ, въ которомъ мы находимся, это производитъ непріятное впечатлѣніе. Но они не дурные люди. Въ особенности Протопоповъ.

...Непріятное впечатлѣніе на меня произвели письма Левы...

Онъ свелъ дѣло къ тому, чтобы покупать и раздавать муку, т.-е. дѣлать то самое, что дѣлаетъ земство или администрація. Купить же рожь и раздать—сдѣлаетъ земство или чиновники не хуже его, такъ что ему не зачѣмъ и быть тамъ, проще передать деньги земству. Очень мнѣ это жалко: и то, что деньги тратятся даромъ, и то, что онъ такъ легкомысленъ... Я писалъ ему объ этомъ и по почтѣ, и съ Протопоповымъ [1]).

---

[1]) Обвиненія были несправедливы. Лева открывалъ, сколько могъ, столовыя, но на огромныхъ пространствахъ степей не было пунктовъ для складовъ топлива и провизіи и не было людей, слѣдовательно приходилось ограничиваться, мѣстами, выдачей муки.

Посѣтителей у насъ бездна. Наканунѣ Протопопова былъ Леонтьевъ, темный, пріѣхавшій изъ Полтавы, съ деньгами на столовую. Нынче я его устроилъ въ 15 верстахъ отъ насъ,—самый дальній пунктъ въ одну сторону; Новоселовъ, Черняева и Гастевъ, которыхъ мнѣ очень жаль, что ты осудила,—они очень и очень хорошіе и самоотверженные люди и работники,—уѣхали въ другую сторону, тоже на самый дальній пунктъ отъ насъ, за 15 же верстъ, и поселились тамъ въ избѣ, безъ чая и молока; пища не иная, которая въ столовыхъ; безъ постелей и т. под.

Если будетъ хорошая погода, я завтра провѣдаю ихъ; потомъ 3-го дня пріѣхала и уѣхала одна Вагнеръ, сестра милосердія, выдержавшая курсъ сестеръ Краснаго Креста, мать 17-тилѣтняго сына, готовая ѣхать повсюду съ небольшими деньгами. Я ее направилъ въ Казань, къ Соловьевой. Нынче пріѣхала Елена Павловна [1]). Очень она жалка и мила.

Я нынче верхомъ ѣздилъ далеко по столовымъ. Надо всѣ объѣздить передъ отъѣздомъ. Все идетъ хорошо; все независимо отъ нашей воли расширяется. Третьяго дня былъ въ деревнѣ, гдѣ на 9 дворовъ одна корова; нынче былъ въ деревнѣ, гдѣ почти всѣ нищіе. Я говорю нищіе въ томъ смыслѣ, что это все люди, не могущіе уже жить своими средствами и требующіе помощи—не держащіеся уже сами на водѣ, а хватающіеся за другихъ. Такихъ все больше и больше.—Мы всѣ здоровы и, кажется, не дурны. Я пріятно и легко занятъ. Маша не совсѣмъ хороша, но плохого нѣтъ. Цѣлую тебя и дѣтей. Пишу лѣниво, но это не значитъ, чтобы таково было чувство къ тебѣ. Радуюсь его силѣ.

---

[1]) Вдова И. И. Раевскаго.

1892 годъ.

Письма послѣ посѣщенія мною Бѣлчевки, откуда я уѣхала въ метель и сильный морозъ.

396. **5 февраля.**

Мучился о тебѣ, милый другъ, въ родѣ какъ въ тотъ вечеръ о нашихъ дѣвушкахъ. Нынче получилъ отъ Ермолаева выписку и сводилъ всѣ счеты, и писалъ дѣловыя письма, и считался съ конторщикомъ. Все вполнѣ уяснилъ и могъ бы тебѣ похвастать. Отъ Писарева получилъ весь первый заказъ—12 вагоновъ; отъ Колечки Ге—1 вагонъ ржи и 4—гороха, изъ которыхъ одинъ посланъ Наташѣ. Знаю, и гдѣ они, и сколько осталось. Утомляютъ и мучаютъ попрошайки. А нынче я рѣшилъ насчетъ дровъ, и съ завтрашняго дня будемъ выдавать записаннымъ, болѣе чѣмъ 200, семействамъ записки на дрова. Если успѣешь, то похлопочи у казны и у Хомякова о дровахъ. Нынче я убѣдился, что это нужда ужасная, и что попрошайничество очень путаетъ представленіе о дѣйствительной нуждѣ. Сейчасъ писалъ письмо Тулинову о горохѣ, который онъ просилъ у насъ, и между прочимъ, желая подбодрить ихъ, высказалъ то, что самъ чувствую. Много есть тяжелаго, и самое тяжелое—попрошайничество, недовольство, требовательность, зависть и т. п. И мы на это досадуемъ. Намъ кажется, что все должно идти гладко, ровно, безъ тяжести, борьбы и напряженія труда (его немного нужно, и онъ легокъ), а напряженія доброты, насколько ея есть; и какъ же это можетъ быть, когда находишься въ исключительномъ положеніи и дѣлаешь исключительное дѣло. Все кажется, и намъ такъ казалось сначала, что это что-то въ родѣ partie de plaisir; но чѣмъ дальше входишь въ дѣло, тѣмъ тяжелѣе, и попрошайничество есть показатель исключительнаго положенія.

Охъ! какъ ты доѣхала? Не было ли у тебя мрачныхъ мыслей? У меня нѣтъ. И если вспомню о тебѣ, то проходятъ, и чувствую только грусть, что тебя нѣтъ. Прощай, голубушка, цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

Узнай о льнѣ Мартынова, но не обидь его. Если бы можно послать телеграмму, узнавъ его адресъ, извѣстивъ, что Цезаревъ пишетъ, что послали, а что ничего нѣтъ.

397. **5 февраля.**

(Приписка къ письму Маши.)

Какъ порадовало меня твое письмо, не могу выразить. Мы очень осторожны и тихи. Я нынче утромъ хорошо писалъ. Цѣлую тебя и дѣтей.

398. **7 февраля.**

Сейчасъ 8 часовъ утра, четвергъ. Яковъ Петровъ ѣдетъ въ Москву и пришелъ спросить, не будетъ ли письма. Вчера мы писали тебѣ, и съ тѣхъ поръ ничего новаго. Мы здоровы, бодры; нынче хотѣли ѣхать въ Куркино (Ефремовскаго уѣзда), много тамъ дѣлъ, и провѣдать Гастева, который одинъ; а Маша въ Осиновую Гору (онѣ вчера кидали жребій съ Вѣрой Михайловной [1]), кому ѣхать, и вышло Машѣ), но опять метель, и придется дожидаться.—Вчера стали выдавать записки на дрова. Вчера получили Танино письмо и твое и объявленія на посылки. Вѣроятно, Танина тамъ. Былъ вчера у Наташи, у нея все жаръ. Теперь покойно, что С. А. тамъ. Новоселовъ тоже боленъ. Теперь зубами. Маша еще спитъ. Цѣлую тебя, Таню, Вѣру и дѣтей. Вѣроятно, теперь будетъ оттепель. Это бы хорошо для Таниной поѣздки.

---

[1]) Вѣра Мих. Величкина, одна изъ лучшихъ помощницъ.

Въ промежутокъ отъ 5-го до 20-го февраля всѣ побывали у меня въ Москвѣ. Письма изъ Бѣличевки.

399. **20 февраля.**

Получилъ нынче утромъ твое письмо съ Пошей и очень радъ былъ и тому, и другому. Особенно радъ, что ты успокоилась. Я не могъ безпокоиться, потому что зналъ, что не сдѣлалъ ничего особенно дурного и ни въ чемъ не каюсь, и потому и безпокоиться не могъ [1]). Вчера мы были очень дѣятельны: всѣ вечеромъ писали письма, такъ что всѣхъ было готово къ отправкѣ 32 письма, изъ коихъ моихъ—20, да еще большинство иностранныхъ. Нынче утромъ была выдача, а потомъ Таня съ Вѣрой поѣхали открывать столовую на своемъ хлѣбѣ въ Полевыхъ Озеркахъ, а Маша ѣздила въ Орловку и принадлежащія ей столовыя, чтобы привести все въ порядокъ послѣ Кузнецова, которому я, какъ ни тяжело было, отказалъ.

Столовыя на своемъ хлѣбѣ приходятъ въ порядокъ. Ихъ желаютъ и просятся въ нихъ. И хотя и жалко видѣть, какъ дѣти идутъ туда съ маленькимъ ломтикомъ хлѣба, да еще съ лебедой, нельзя давать хлѣбъ тогда, когда они получаютъ по пуду на душу, а рядомъ въ Скопинскомъ уѣздѣ по 15 фунтовъ, изъ которыхъ половина скверныя отруби.—Третьяго дня Страховъ [2]) открылъ тамъ 5 столовыхъ въ Новомъ Селѣ. Нужда тамъ большая, и вчера Таня въ сторону Александровой осмотрѣла деревню, гдѣ надо открыть столовую, и куда я поѣду завтра съ Пошей.

Поѣздка наша удалась очень хорошо. Лева разскажетъ,

---

[1]) Безпокойство было по поводу разной клеветы въ „Моск. Вѣд.“ и невѣрнаго перевода Диллономъ статьи Льва Никол. и еще разъ невѣрнаго перевода изъ Диллона въ „Моск. Вѣд.“. Составилось нелѣпое обвиненіе, что Л. Н. поднимаетъ народъ къ революціи, и мнѣ это стóило не мало хлопотъ и тревоги.—(Тогда именно Д. А. Толстымъ, министромъ внутр. дѣлъ, былъ представленъ Государю и отвергнутъ имъ докладъ о мѣрахъ противъ личности Л. Н.)

[2]) Нѣкто Ѳедоръ Алексѣевичъ Страховъ.

какъ ѣхали туда; назадъ ѣхали тоже прекрасно и пріѣхали всѣ здоровые.

Результатъ поѣздки тотъ, что туда направлять силы не нужно.—Алехинъ—Аркадій здѣсь—поѣхалъ въ Вязьму и въ четвергъ вернется и сядетъ на мѣсто съ Страховымъ въ Муравлянкѣ и замѣнитъ его, когда тотъ уѣдетъ. Кажется, онъ будетъ хорошій помощникъ. Страховъ прекрасный, и жаль, что онъ не можетъ оставаться.—Теперь отвѣты на твои вопросы:

1) Посылка на твое имя и переводы тотчасъ же были отправлены и, вѣроятно, тобою уже получены.

2) Равно и письма Левы.

3) Насчетъ Маши ты хотя и не ошиблась, но я къ удовольствію своему вижу, что это проходитъ, и пройдетъ, не оставивъ слѣда.

4) Лева самъ отвѣтитъ. Онъ имѣлъ намѣреніе оставаться.

5) Поша, вѣроятно, поѣдетъ въ Самару.

6) Колечкѣ я просилъ выслать деньги за горохъ, который меня просилъ купить Тулиновъ, всего на два вагона, да и то мы писали ему, что лучше бы, если можно, купить только одинъ.

7) Ты спрашиваешь, переводить ли Колечкѣ еще 5000? а я не знаю, почему ты послала ему переводъ въ 10.000? Я думалъ, что мы кончили покупку у него ржи. Если же выписала еще на 10.000, то не бѣда, понадобится и эта рожь. У него все-таки дешевле другихъ мѣстъ.

8) Лукъ и капусту еще не получали.

9) Софья Алексѣевна очень смѣшна; дѣйствительно хочетъ запутать насъ счетами. Но я постараюсь не даться ей. То, что пожертвованныя намъ miss Macdonald 50 фунтовъ она считаетъ уплатой въ счетъ тысячи,—только забавно. Должны же мы имъ дѣйствительно за забранную у нихъ рожь на наши столовыя болѣе, чѣмъ на 1000 рублей. Я въ послѣднее время привелъ все въ ясность. То, что она не заплатитъ 500 руб., которые пойдутъ на то же дѣло, но черезъ руки Наташи, не представляетъ никакой важности. Окончательный счетъ съ ней сдѣлаемъ, когда получится все заказанное отъ Колечки.

10) Изъ провизіи ничего не нужно.

12) [1]) У Богоявленскаго сыпной тифъ. Все 40 и 5. Его лѣчатъ врачъ Матвѣева и его сестра-врачъ, и нынче привезутъ доктора изъ Данкова.

Счеты наши хлѣбные теперь приведены всѣ въ ясность, и я съ Пошей намѣренъ все это бухгалтерски изложить. Съ Софьей Алексѣевной я сочтусь черезъ Писарева. А то она очень безтолкова. Писаревъ же на-дняхъ совсѣмъ переѣзжаетъ сюда.

Еще, не можешь ли ты черезъ кого-нибудь,—не можетъ ли это Петровъ, протекцію котораго обѣщалъ Гротъ,—(похлопотать) въ томъ, что у насъ до 50 вагоновъ съ дровами разной клажи на платформѣ станціи *Клекотки* и по дорогѣ,—вдругъ, и въ самую масленицу, когда нельзя найти подводъ, сдѣлано распоряженіе взыскивать за полежалое все въ увеличивающейся прогрессіи.

Дѣвочки уморились и спятъ. Я ходилъ днемъ по деревнямъ и, уставъ, выспался, и теперь, ночью, пишу тебѣ. Ну вотъ, прощай пока, милый другъ. Цѣлую Леву, Андрюшу, Мишу, Сашу, Ваню. Не безпокойся о заразительности тифа Богоявленскаго; мы бережемся и не ходимъ. Хотя, кажется, что это не прилипчиво. Таня хотѣла тебѣ писать, да разоспалась и не успѣла.

Ванечка! Напиши мнѣ письмо. Я тебя такъ люблю!

Папа.

400. **20 февраля.**

Сейчасъ получилъ твое письмо изъ Чернавы, милый другъ, и всѣ счеты. Я писалъ тебѣ, что не понималъ, зачѣмъ ты послала еще 10.000 и хочешь послать еще 5000. Теперь же я понялъ. Я писалъ Алехину, что по общей смѣтѣ намъ понадобятся еще 22 вагона, предоставляя ему заказать, гдѣ найдетъ болѣе удобнымъ; Колечка же это принялъ за заказъ ему, и это вышло очень хорошо, потому что какъ разъ въ это время Писаревъ от-

[1]) Число 11 пропущено, вѣрно, случайно.

казалъ въ этихъ 15 вагонахъ, которые должны были придти черезъ него. Не думаю, чтобы это было лишнее. Вѣрно нельзя счесть, потому что постоянно дѣло измѣняется. Это количество, съ тѣмъ, что есть, нужно на 5000 человѣкъ на остальные 5 мѣсяцевъ. Но такъ какъ многія столовыя теперь измѣняются—безъ хлѣба, то было бы меньше. Но приходится теперь очень много открывать новыхъ столовыхъ въ Скопинскомъ уѣздѣ. Нынче опять Таня была тамъ съ Пошей, и нужда тамъ страшная.

Софья Алексѣевна пишетъ, что ленъ посланъ Цезаревымъ, и что онъ представилъ ей всѣ документы, и что ленъ зачѣмъ-то попалъ къ Сурову. Понять все это очень трудно. Если Цезаревъ или Мартыновъ послали ленъ мнѣ, то мнѣ же должны были послать дубликатъ. Если же они послали даже Сурову (съ которымъ я никакихъ дѣлъ не имѣю) для доставки мнѣ, то должны были мнѣ написать объ этомъ. Если же ленъ пропалъ, то мнѣ-то ужъ ни въ какомъ случаѣ нельзя, да и нѣтъ резона искать его, такъ какъ, гдѣ онъ пропалъ, можетъ знать тотъ, кто его послалъ, а не тотъ, кто его не получалъ.

Сейчасъ немножко волновался по случаю отсутствія Тани, но вотъ она пріѣхала, и мы сидимъ всѣ вмѣстѣ бодрые и здоровые, и дѣятельные.

Богоявленскому все не лучше. Цѣлую тебя, милый другъ, и Леву, и всѣхъ. Если Левѣ нужно будетъ хлѣба, то пусть онъ самъ выписываетъ или покупаетъ тамъ, пока можно купить. У насъ денегъ теперь около 6000. *Л. Толстой.*

401. **Около 22 февраля.**

Наташа ѣдетъ въ Москву, и я случайно попалъ къ ней, и вотъ пишу тебѣ. Мы здоровы и благополучны. Бирюковъ намъ очень помогаетъ хорошо. Нынче утромъ Танѣ немного нездоровилось, животъ болѣлъ, и она сидитъ дома. Я же поѣхалъ съ Рѣпинымъ [1]) верстъ за 20 въ Рожны, но погода и дорога такъ дурны,

[1]) И. Е. Рѣпинъ, посѣтившій въ это время Льва Николаевича въ Бѣгичевкѣ.

что мы рѣшили вернуться и заѣхали къ Наташѣ. Богоявленскому немного лучше. Меньше жаръ, и ванны ему помогаютъ.— Нынче получилъ твое письмо въ Клекотки и очень тебѣ благодаренъ. Деньги посылай Колечкѣ 5000, а остальныя отдавай Левѣ. Мы приблизительно должны удовлетвориться тѣмъ, что есть и подойдетъ. Помощниковъ извѣстныхъ и хорошихъ посылай; чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Наташа все разскажетъ подробнѣе о насъ и Богоявленскомъ.

У насъ столовыя безъ хлѣба очень хорошо идутъ. Стоятъ дешево и питаютъ прекрасно, такъ что въ нихъ безъ хлѣба можно быть сытымъ, и стоятъ онѣ 50 коп. въ мѣсяцъ на человѣка. Теперь всѣ просятся. Еще хорошо идетъ помощь дровами. Мы много роздали и раздаемъ, надѣясь на пожертвованныя. Передъ этимъ я былъ не въ духѣ, а теперь, напротивъ, въ очень хорошемъ настроеніи. Кормъ лошадей тоже налаживается. Только метели задержали.

І Ьоре, что Лева, поправляется? Онъ былъ плохъ на видъ у насъ. Цѣлую васъ всѣхъ. *Л. Т.*

402. **25 февраля.**

Погода превосходная, и мы хотимъ воспользоваться ею, чтобы съѣздить въ Богородицкій уѣздъ: я, Таня, Наташа и Лева. Проѣздимъ, вѣроятно, дня четыре. Къ Бобринскимъ 50 верстъ, оттуда 20 въ Успенское. Если будетъ дурная погода, то не поѣдемъ санями, а вернемся желѣзной дорогой. Будемъ очень осторожны.

Какъ мнѣ жаль, милый другъ, что тебя такъ тревожатъ глупые толки о статьяхъ въ «Московск. Вѣдомостяхъ», и что ты ѣздила къ Сергію Александровичу [1]). Ничего вѣдь не случилось новаго. То, что мною написано въ статьѣ о голодѣ, много разъ, въ гораздо болѣе сильныхъ выраженіяхъ было сказано раньше. Что жъ тутъ новаго? Это все дѣло толпы, гипнотизаціи толпы, нарастающаго кома снѣга. Опроверженіе я написалъ. Но, пожалуйста, мой другъ, *ни одного слова не измѣняй и не при-*

[1]) Покойный великій князь.

бавляй, и даже не позволяй измѣнять. Всякое слово я обдумалъ внимательно и сказалъ всю правду, и вполнѣ отвергъ ложное обвиненіе.

Студенты мнѣ очень помогли. Цѣлую тебя и дѣтей. *Л. Т.*

403.

Вотъ черновое, съ котораго бѣловое я прямо послалъ въ редакцію «Правительственнаго Вѣстника» изъ Богородицка. Кажется, очень хорошо. И если напечатаютъ, то разъяснитъ для тѣхъ, которые хотятъ разъясненія.

Софья Алексѣевна тебѣ разскажетъ про насъ, милый другъ, до середы. Дальнѣйшія же наши похожденія такія. Доѣхали мы прекрасно до Богородицка. Застали Бобринскаго [1]) и поѣхали съ Димеромъ до Бибиковыхъ. Тамъ поѣздили по деревнямъ, и я нашелъ, что при той большой выдачѣ, которая дается, помощь столовыхъ не нужна. Вѣрочка пріѣхала къ намъ одна. Сережа братъ какъ будто былъ недоволенъ, что мы къ нему не пріѣхали, и я поѣхалъ въ тотъ же вечеръ къ нему. Съ нимъ было очень хорошо. Переночевалъ и утромъ вернулся къ Бибиковымъ съ Вѣрой. И, поѣвъ блиновъ, поѣхали въ Богородицкъ съ Бобринскимъ. Съ Левой простились, онъ поѣхалъ къ Сережѣ брату. Мы доѣхали прекрасно, ночуемъ и завтра, Богъ дастъ, будемъ въ Бѣгичевкѣ. Цѣлую тебя и дѣтей.

Письмо, присланное мнѣ Львомъ Николаевичемъ для напечатанія въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, съ моимъ краткимъ вступленіемъ.

404.

«Получивъ изъ Бѣгичевки Данковскаго уѣзда нижеслѣдующее письмо моего мужа, предназначенное для напечатанья, покорнѣйше прошу помѣстить его въ вашемъ изданіи».

Граф. *С. Толстая.*

[1]) Гр. Вл. Ал. Бобринскій, нынѣ членъ Думы; Димеръ—его сокращенное имя.

Г-ну Редактору «Правительственнаго Вѣстника»:

«Милостивый Государь,

«Въ отвѣтъ на получаемыя мною отъ разныхъ лицъ письма съ вопросами о томъ, дѣйствительно ли написаны и посланы мною въ англійскія газеты письма, изъ которыхъ сдѣланы выписки въ № 22-мъ «Московскихъ Вѣдомостей», покорно прошу помѣстить слѣдующее мое заявленіе. Писемъ никакихъ въ англійскія газеты не писалъ. Выписка же, напечатанная мелкимъ шрифтомъ и приписываемая мнѣ, есть очень измѣненное (вслѣдствіе двукратнаго— сначала на англійскій, потомъ на *русскій языкъ*—слишкомъ вольнаго перевода) мѣсто моей статьи, еще въ октябрѣ отданной и не напечатанной [1]), и послѣ того отданной по обыкновенію моему въ полное распоряженіе иностранныхъ переводчиковъ.

«Мѣсто же въ статьѣ «Моск. Вѣд-й», напечатанное вслѣдъ за выпиской изъ перевода моей статьи крупнымъ шрифтомъ и выдаваемое за выраженную будто бы мною мысль во второмъ письмѣ о томъ, какъ долженъ поступать народъ для избавленія себя отъ голода, есть сплошной вымыселъ. Въ этомъ мѣстѣ составитель статьи пользуется моими словами, употребленными совершенно въ другомъ смыслѣ, для выраженія совершенно чуждой и противной моимъ убѣжденіямъ мысли».

Съ совершеннымъ уваженіемъ

12 февраля 1892 года [2]). *Левъ Толстой.*

---

[1]) Вмѣсто „напечатанной“ лучше поставить: „не пропущенной цензурой“.—*Примѣчаніе Л. Н.*

[2]) Письмо это „Прав. Вѣстн.“ отказался печатать на томъ основаніи, что полемика не допускалась въ этой газетѣ. Посовѣтовавшись съ Н. Я. Гротомъ, я дала отгектографировать 100 экз. письма Льва Никол. и разослала въ 30 періодическихъ изданій, изъ которыхъ многія его напечатали.

405. **26 февраля.**

Пишу опять въ Клекотки, милый другъ. У насъ туда теперь безпрестанные случаи, и надѣюсь отъ тебя получить оттуда болѣе свѣжія извѣстія, чѣмъ черезъ Чернаву. Что Таня? Какъ доѣхала? и поправляется ли? и поправилась ли? Безъ нея намъ скучно, но ведемъ себя, какъ и при ней, примѣрно. Все та же метель, и мы никуда въ даль не ѣздимъ. Я даже никуда не ходилъ, кромѣ какъ около дома. Читаю, немного пишу, но главное—соображаю, распоряжаюсь. Помощники, особенно Поша, чудесные. Всѣ тѣ, которые были тутъ воскресенье, разъѣхались. Нѣтъ даже Елены Михайловны [1]), и Вѣра Михайловна [2]) пріѣзжала только на понедѣльникъ и опять уѣхала. Хотѣла пріѣхать нынче, да видно что-нибудь ее задержало. Теперь 10-й часъ и ея нѣтъ. Главное занятіе теперь, кромѣ обычной выдачи на столовыя и упорядоченія ходящихъ,—выдача дровъ, въ которыхъ нужда все больше и больше. И радостно, что мы можемъ раздавать много. И раздаемъ очень пока хорошо, разумно: кому даромъ, кому исполу, кому за деньги. Разумѣется, не безъ ошибокъ, но кажется, что дѣлаемъ нужное.

Другое дѣло—это устройство пріютовъ для маленькихъ дѣтей отъ 1 до 3-хъ лѣтъ, съ раздачей, или скорѣе разливкой, молочной каши на крупѣ или пшенѣ, которые устраиваются и принимаютъ опредѣленную форму. Я напишу подробнѣе, когда это совсѣмъ пойдетъ. Вообще нужно опять написать отчетъ о пожертвованіяхъ и о томъ, что сдѣлано. А сдѣлано, какъ оглянешься назадъ, съ того времени, какъ писалъ послѣдній отчетъ, не мало. Столовыхъ болѣе 120 разныхъ типовъ; устраиваются дѣтскія; съ завтрашняго дня вступаютъ на кормъ лошади, и многое сдѣлано разными способами въ помощи дровами. Часто странное испытываешь чувство: люди вокругъ не бѣдствуютъ, и спрашиваешь себя: зачѣмъ же я здѣсь, если они не бѣдствуютъ? Да они

---

[1]) Персидская.

[2]) Величкина.

не бѣдствуютъ-то оттого, что мы здѣсь, и черезъ насъ прошло—какъ мы умѣли пропустить!—тысячъ 50.—Нынче пришелъ лукъ. Хотя онъ и померзъ, онъ не пропадетъ и весь пойдетъ въ дѣло. Сначала мнѣ показалось его слишкомъ много; но потомъ мы рѣшили, что весь понадобится. По чемъ онъ ровно? Нынче мы не могли ужъ выдать на выдачѣ картофеля, потому что весь вышелъ; мы скупаемъ по 2 руб. за четверть, и начинаютъ просить больше. Нынче же читаю газету «Русскія Вѣдомости» о грибномъ торгѣ, что картофель продавали за мѣшокъ въ три мѣры отъ 20 до 30 коп. Если это такъ, если бы мѣра стóила и вдвое дороже, до 15 коп., то выгодно бы было прислать намъ. Если это такъ, то попроси кого-нибудь купить, пришли намъ вагона два. Теперь мороза уже не можетъ быть выше 5 градусовъ, и картофель можетъ дойти безвредно.

Нынче пріѣхалъ Михайло съ двумя лошадями: Миронихой и Мухортымъ. Михайло уѣдетъ назадъ, а лошади намъ пригодятся очень. А то стѣсняло насъ неимѣніе ихъ.

Рожь постоянно приходитъ. Нынче Ермолаевъ пишетъ, что на Клекоткахъ 13 вагоновъ. Мы возимъ старательно по складамъ, и счетъ теперь ведется, и мы знаемъ, сколько и гдѣ у насъ чего. О цѣнности мѣшковъ я знаю. Ихъ всѣхъ почти на 1000 рублей. И мы постараемся, чтобы они не пропали.

Докторъ Богоявленскій очень слабъ. Жаръ спалъ, но у него разстройство желудка и большая слабость. Если Екатерина Ивановна Баратынская не выѣзжала, то не лучше ли ее отговорить ѣхать къ намъ и направить въ иное мѣсто.

Леву я вполнѣ понимаю. Какъ ни кажется иногда ничтожной и нескладной дѣятельность здѣсь, московская жизнь какъ-то особенно тяжело переносится послѣ этой. Это я говорю совсѣмъ не потому, что мнѣ не хочется ѣхать къ вамъ, въ Москву; напротивъ, очень хочется, и съ радостью объ этомъ думаю. Но я—другое дѣло. Я, во-1-хъ, старъ; во-2-хъ, у меня есть письменная работа, которая иногда представляется тоже нужной и которую удобнѣе вести въ Москвѣ.

Отъ тебя то было часто, а теперь давно, т.-е. дня три, нѣтъ извѣстій, и я только не говорю, но я о тебѣ безпокоюсь не меньше, чѣмъ ты обо мнѣ. И имѣю основаніе, потому что все такъ тебя тревожитъ. Дай Богъ, чтобъ всѣ были здоровы и чтобъ ты не слушала разговоровъ С...ча и т. п. обо мнѣ и объ отношеніяхъ ко мнѣ *общества*. Вѣдь это все должно быть давно рѣшено, и мы должны знать, каково должно быть отношеніе общества ко мнѣ, и не заботиться о томъ, что говорятъ. Меня иногда мучаетъ мысль, что я не отвѣтилъ Гроту на его милыя, сердечныя письма. Теперь уже поздно. Но скажи ему, что я его люблю и благодарю за его любовь ко мнѣ. Напиши поподробнѣе о себѣ, Танѣ, Левѣ. Цѣлую тебя и дѣтей. Мы всѣ совершенно здоровы и только скучаемъ о дурной погодѣ и дорогѣ.—Если что забылъ отвѣтить—прости. Вспомню—напишу.

Л. Т.

406. **28 февраля.**

Жили мы въ продолженіе этихъ метелей въ совершенномъ уединеніи и тишинѣ. Вчера, 27-го, поѣхалъ я опять въ Рожны (Таня знаетъ) верхомъ, но опять не доѣхалъ. Намело снѣгу горы, и дорогъ нѣтъ нигдѣ. Былъ въ «Колодезяхъ» и другой деревнѣ о дровахъ и пріютахъ для дѣтей, потомъ ковалъ съ мужикомъ и пріѣхалъ домой въ 5. Дома нашелъ Екат. Ив. Баратынскую съ письмомъ шведа. Тотчасъ же послѣ пріѣхалъ Высотскій, пріятель Владимірова; потомъ къ вечеру два брата Алехины; изъ Полтавы—Скороходовъ и Сукачевъ, ихъ товарищъ. Всѣмъ порознь я очень радъ, но всѣ вдругъ—очень много. Нынче Высотскій уѣзжаетъ и везетъ это письмо. Скороходовъ съ Сукачевымъ поѣдутъ въ Куркино къ лошадямъ. Митрофанъ Алехинъ поѣдетъ съ Пошей въ Орловку на выдачу и съ тѣмъ, чтобы завѣдывать Орловскими столовыми и вести у насъ всю бухгалтерію, чего онъ мастеръ. Онъ очень симпатиченъ, не похожъ на Аркадія.

Теперь о хлѣбѣ. Въ послѣднемъ письмѣ я, помнится, объяснилъ тебѣ, что значитъ то, что Колечка принялъ заказъ

на 22 вагона, а я не понималъ, что это значитъ. Такъ все прекрасно. Пускай онъ закупаетъ. Только не знаю, есть ли у него свидѣтельства. Онъ пишетъ: «нынче посылаю подробный отчетъ», и что ему нужны 24 свидѣтельства. Выслала ли ты ихъ ему? Если нѣтъ, то вышли, если можешь, или добудь (ты, Таня) и вышли. Вамъ изъ Москвы удобнѣе и скорѣе списаться съ губернаторами. И Колечкѣ подтверди, чтобы онъ закупалъ, если есть время.

О Гротѣ я писалъ, а онъ еще пишетъ письмо и присылаетъ гектографическое заявленіе для отправки въ газеты и журналы. Я всѣ подписалъ и отправляю.

Ради Бога, милый другъ, не безпокойся ты объ этомъ. Я по письму милой Александры Андреевны вижу, что у нихъ тонъ такой, что я въ чемъ-то провинился и мнѣ надо передъ кѣмъ-то оправдываться. Этотъ тонъ надо не допускать. Я пишу то, что думаю, и то, что не можетъ нравиться ни правительствамъ, ни богатымъ классамъ, ужъ 12 лѣтъ, и пишу не нечаянно, а сознательно, и не только оправдываться въ этомъ не намѣренъ, но надѣюсь, что тѣ, которые желаютъ, чтобы я оправдался, постараются хоть не оправдаться, а очиститься отъ того, въ чемъ не я, а вся жизнь ихъ обвиняетъ. Въ частномъ же этомъ случаѣ происходитъ слѣдующее: правительство устраиваетъ цензуру, нелѣпую и беззаконную, мѣшающую появляться мыслямъ людей въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. Невольно происходитъ то, что вещи эти въ искаженномъ видѣ являются за границей. Правительство приходитъ въ волненіе и вмѣсто того, чтобы открыто, честно разобрать дѣло, опять прячется за цензуру, и вмѣстѣ чѣмъ-то обижается, позволяетъ себѣ обвинять еще другихъ, а не себя. То же, что я писалъ въ статьѣ о голодѣ, есть часть того, что я 12 лѣтъ на всѣ лады пишу и говорю, и буду говорить до самой смерти, и что говоритъ со мной все, что есть просвѣщеннаго и честнаго во всемъ мірѣ, что говоритъ сердце каждаго неиспорченнаго человѣка, и что говоритъ Христіанство, которое исповѣдуютъ тѣ, которые ужасаются.

Пожалуйста, не принимай тона обвиненной. Это совершенная перестановка ролей. Можно молчать. Если же не молчать, то можно только обвинять—не «Моск. Вѣдом.», которыя вовсе не интересны, и не людей, а тѣ условія жизни, при которыхъ возможно то, что возможно у насъ. Я давно хотѣлъ тебѣ написать это. И нынче рано утромъ, съ свѣжей головой, высказываю то, что думалъ объ этомъ. Замѣть при этомъ, что есть мои писанья въ десяткахъ тысячъ экземплярахъ на разныхъ языкахъ, въ которыхъ изложены мои взгляды. И вдругъ, по какимъ-то таинственнымъ письмамъ, появившимся въ англійскихъ газетахъ, всѣ вдругъ поняли, что́ я за птица. Вѣдь это смѣшно. Только тѣ невѣжественные люди, изъ которыхъ самые невѣжественные тѣ, что составляютъ ....., могутъ не знать того, что я писалъ, и думать, что такіе взгляды, какъ мои, могутъ въ одинъ день вдругъ перемѣниться и сдѣлаться революціонными. Все это смѣшно, и разсуждать съ такими людьми для меня и унизительно, и оскорбительно.

Боюсь, что ты будешь бранить меня за эти рѣчи, милый другъ, и обвинять въ гордости. Но это будетъ несправедливо. Не гордость, а тѣ основы христіанства, которыми я живу, не могутъ подгибаться подъ требованья не-христіанскихъ людей, и я отстаиваю не себя, и оскорбляюсь не за себя, а за тѣ основы, которыми живу. Пишу же заявленіе и подписалъ потому, что, какъ справедливо пишетъ милый Гротъ, истину всегда надо возстанавливать, если это нужно. Тѣ же, которые рвутъ портреты, совершенно напрасно ихъ имѣли [1]). Вотъ какъ я разболтался натощакъ. И боюсь, что не отвѣчу на что-нибудь существенное и не скажу, что нужно. Если такъ, то напишу послѣзавтра въ Чернаву. Получилъ Ив. Ал-а письмо Левѣ и прочелъ его. Изъ него понялъ отчасти ихъ тамъ работу. Пошу буду направлять къ нему. Цѣлую его, Таню. Нынче надѣюсь получить о ней извѣ-

[1]) Я передавала Л. Н. толки, будто многіе, имѣвшіе у себя его портреты, теперь ихъ рвутъ.

стіе. Богоявленскій ужасно слабъ, но не хуже. Спасибо милому Ванечкѣ. Надѣюсь, что его болѣзнь прошла. Иначе бы ты написала.

Екат. Иван. отправилъ къ Стебуту. Цѣлую тебя крѣпко.

Л. Т.

407. **1 марта.**

Пишу черезъ Чернаву, милый другъ, и не охотно, потому что увѣренъ, что придется написать черезъ Клекотки письмо, которое придетъ раньше. Мы всѣ здоровы и благополучны, несмотря на ужасную погоду. Метели не кончаются и дорогъ нѣтъ, и это мѣшаетъ дѣлу. Но теперь помощниковъ слишкомъ много, и они, молодые и сильные, ѣздятъ, куда нужно. У насъ теперь Екат. Иван-а, которая очень покойна и добра и ѣдетъ въ понедѣльникъ въ свое мѣсто на лошадяхъ, которыхъ ей даетъ Дмитрій Ивановичъ. У насъ же шведъ Стадлингъ, очень пріятный. Онъ ѣздилъ вчера въ Пеньки съ Машей, а нынче въ Полевыя Озерки съ Вѣрой. И еще Алехинъ, химикъ, и его братъ, художникъ, Митрофанъ. Митрофанъ нынче ѣздилъ съ Пошей въ Орловку и помѣстится тамъ на мѣстѣ Кузнецова, а химикъ поѣдетъ къ брату Аркадію на мѣсто Страхова въ Муравленку, Борщевое и т. д. У насъ же Вѣра Михайловна, которая, бѣдняжка, захворала: у нея болитъ горло и жаръ. Надѣемся, что ничего серьезнаго, но мы ее не выпускаемъ, и Кат. Ив. ее опекаетъ.

Злоба дня у насъ—дрова и кормильни для дѣтей. Раздача дровъ, несмотря на нѣкоторыя хитрости, идетъ хорошо, но кормленіе дѣтей еще не наладилось. Лошадиное кормленіе тоже началось. Лошадей уже собралось на мѣстѣ болѣе 50 и набирается еще.—Что Таня? Что Лева? Шведъ говорилъ, что онъ съ нимъ хотѣлъ ѣхать. Что же такое у дѣтей, что жаръ къ вечеру? Цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

408. **3 марта.**

Пишу только, чтобы отвѣтить на вопросы твоего письма, сейчасъ полученнаго изъ Чернавы. О томъ, что Бибиковъ все при-

везъ, ты, я думаю, знаешь. Главное же, хочу отвѣтить на твой вопросъ о томъ, платить ли Усову за дрова? Пожалуйста, плати, и поскорѣе, и если будешь писать, пиши поласковѣе. Онъ сдѣлалъ намъ большое благодѣяніе, доставивъ намъ эти дрова, которыя въ Москвѣ стóятъ около 30 рублей за сажень,—за 4 и 5 рублей, т.-е., очевидно, только за работу рубки, колки и подвоза. Благодаря ему, мы могли сдѣлать много помощи дровами.

Лева у насъ. Очень милъ. Поша съ Тулиновымъ поѣхалъ открывать столовыя въ Рожны, а я ходилъ нынче въ Горки и Никитское по дѣтскимъ пріютамъ. И мнѣ кажется, что это хорошо. Завтра ѣдетъ Кат. Ив-а съ Вѣрой Михайловной въ Ефремовскій уѣздъ. Вѣра Мих. будетъ тамъ ее шапронировать и вернется. И я ѣду съ ними до Куркина, имъ черезъ него ѣхать. Посмотрю тамъ лошадей на кормахъ и вернусь, если погода будетъ хороша, а то переночую. Я берегу себя, какъ больше нельзя. Цѣлую Танечку милую, и дѣтей, и тебя—last, but not least. Маша желаетъ только все кончить и освободиться. Надѣюсь, что осуществитъ свои добрыя желанія.

Поша и шведъ ѣдутъ послѣзавтра съ Левой. Очень хорошая компанія [1]).

409. **3 марта.**

Опять пишу нѣсколько словъ, милый другъ, чтобы только не забыть, что нужно. Если будетъ время, напишу завтра еще. Вотъ что: мы должны Писареву 1700 съ чѣмъ-то рублей. Онъ уѣзжаетъ изъ Тулы 6-го и желаетъ ихъ тамъ получить. Если ты получишь это письмо такъ, что Писаревъ можетъ успѣть получить, то пошли ему переводомъ по телеграфу. Я не посылаю отъ себя, потому что намъ нужно здѣсь имѣть около 4000 для уплаты за кукурузу съ наложеннымъ платежомъ. Это одно.

Другое то, что Софья Алексѣевна желаетъ получить два или

[1]) На голодъ въ Самарскую губернію ѣхали Пав. Ив. Бирюковъ, шведъ Стадлингъ и нашъ сынъ Лева.

три вагона кукурузы. Пожалуйста, передай ей, чтобы она прислала намъ сюда денегъ по 400 руб. на вагонъ. Въ противномъ же случаѣ я могу не имѣть денегъ въ Клекоткахъ. Если же ей не нужно, то мы оставимъ всю кукурузу за собой. Рожь, которая взята у ней, возмѣщается рожью же, такъ что мы ничего не должны имъ.

Сейчасъ получилъ съ Петей замѣчательно умное письмо Страхова [1]).

Цѣлую тебя и дѣтей. Ѣздилъ сегодня въ Куркино и остался очень доволенъ кормленіемъ лошадей.

Л. Т.

410. **Мартъ (начало).**

Какъ и пишетъ Маша, все у насъ хорошо. Мы оба въ очень сдержанномъ, напряженно аккуратномъ духѣ. Я вчера написалъ отчетъ,—отчетъ о томъ, что и что сдѣлано. И, кажется, просто, коротко и ясно. Надо только переписать и вписать цифры. Другой отчетъ—денежный—составимъ, Богъ дастъ, нынче.—Пожары отъ столовыхъ пугаютъ, и потому приходится измѣнить дѣло: надо будетъ выдавать муку, т.-е. не печь хлѣба, и всѣ столовыя передѣлать въ безхлѣбныя.

Сейчасъ всѣ сотрудники разъѣзжаются. Всѣ они очень млады, но хорошіе. Я здоровъ и бодръ. Буду что-нибудь хорошенькое писать. Тебя видѣлъ во снѣ, и наяву тебя помню и думаю съ любовью. Таня,—да чтобъ она была здорова, скверность какая!—пусть не торопится пріѣзжать, а какъ ей пріятнѣе. Кутелева пріѣхала. Отчего *темные* Кутелеву меньше обращаютъ, чѣмъ Наташу [2])? Цѣлую васъ и дѣтей. Достаньте, пожалуйста, номера газеты «Русск. Вѣдом.», гдѣ отчеты, и я свой новый опять пришлю. Цѣлую тебя, милый другъ, и Таню—чтобъ она была здорова, и дѣтей—*вобче*.

Л. Т.

---

[1]) Страховъ, Николай Николаевичъ.

[2]) Въ толстовство.

411. **Безъ числа. Мартъ.**

Получилъ вчера твое письмо съ Лизаветой Прохоровной (забылъ фамилію) [1]). Слава Богу, что у васъ все хорошо. Таню ждемъ и не ждемъ. У насъ все хорошо. Всѣ здоровы. Только очень хлопотно: и дрова, и кормленіе лошадей, и пріюты, и новыя столовыя, и новые люди, и, главное, пришедшій хлѣбъ, и распредѣленіе его по складамъ. Ну, какъ всегда бываетъ, идетъ все волнами—приливъ и отливъ. Когда наберется слишкомъ много вдругъ дѣла, то начинаетъ уменьшаться. Такъ и теперь. Все хорошо, приходитъ въ порядокъ, и я надѣюсь, что къ моему отъѣзду все будетъ въ порядкѣ и оставить будетъ не трудно, т.-е. не вредно для дѣла, главное потому, что тутъ будетъ Писаревъ, который вѣрно не откажется имѣть высшій, главный надзоръ надъ всѣмъ. Алехины—особенно два меньшіе—Митрофанъ и химикъ, кажется, очень полезны будутъ. Да и тотъ дѣятеленъ, но слишкомъ смѣлъ. Его надо сдерживать. Скороходовъ [2]) драгоцѣненъ.

Теперь, въ отношеніи средствъ, мы, кажется, уже въ 4-й разъ переживаемъ періодъ, когда я чувствую, что мы зарываемся и надо сдерживаться. Я теперь боюсь, что недостанетъ денегъ на все, что начато, и только прошу всѣхъ сдерживаться. Тревожитъ еще меня заказанная кукуруза съ наложеннымъ платежомъ. Денегъ у насъ теперь не хватитъ. Остается около 3000, и постоянно расходуются, а нужно на всѣ 9 вагоновъ—3600. Пожалуйста, пришли съ первымъ случаемъ 3000 р. Если съ Таней, то съ Таней, а если нѣтъ, то можно и съ тѣмъ, кто поѣдетъ.

Письмо это везетъ въ Клекотки Петя Раевскій, который пробылъ здѣсь два дня. Маша, сколько я видѣлъ и понялъ, старалась развязать завязанное, т.-е. говорила, что не надо до 4-хъ лѣтъ и говорить объ этомъ, но не разорвала совсѣмъ. Такъ я думаю

---

[1]) Это—Е. П. Кутелева.

[2]) Сотрудникъ въ дѣлѣ кормленія голодающихъ, основатель Толстовской общины на Кавказѣ.

по словамъ Вѣры, но не успѣлъ съ Машей самой переговорить, что сдѣлаю нынче. Вообще же, какъ я замѣтилъ, она вела себя хорошо и болѣе спокойно, чѣмъ бывала прежде. Она прекрасно работаетъ, и отъ нея мнѣ, кромѣ радости, ничего нѣтъ.—Еще попроси Таню написать и какъ-нибудь кончить съ Стаховичевской пожертвованной мукой. Я не знаю, гдѣ, какъ. А дорога кончается. Не могутъ ли они нанять, а приказчикъ ихъ, а мы бы заплатили.—Прощай пока, милый другъ, теперь не надолго, если будемъ живы. Дѣтей цѣлую. Лева на всѣхъ насъ произвелъ самое хорошее впечатлѣніе нравственно и нехорошее физически. Компанія ихъ поѣхала прекрасная: Поша неоцѣненный и милый шведъ. Такъ до свиданья, крѣпко цѣлую тебя. *Л. Т.*

Вкладываю подписанный и посланный черезъ Епифань чекъ.

412. **Мартъ.**

Третьяго дня ѣздилъ въ Ефремовскій уѣздъ, въ Куркино. Погода была очень дурна. Дождь. Я доѣхалъ до купца Сычева и, помня твои наказы, остался ночевать. Прекрасно спалъ, купилъ соломы, устроилъ, что нужно было для корма тамъ лошадей, и вернулся вчера благополучно, повидавъ Гастева и столовыя тамошнія, въ которыхъ многое неправильно было. Дома у насъ англичанинъ Стевени, возвращающійся изъ Самары отъ Левы съ хорошими извѣстіями о немъ. Онъ здоровъ и хлопочетъ. Дѣло все видоизмѣняется и растетъ. Но труда особеннаго нѣтъ. Помощники много и хорошо работаютъ.—Вчера я купилъ 1000 пудовъ проса для передѣлки въ пшено и для корма лошадей отходомъ. Все это поручилъ Григорію Ѳедоровичу Кузнецову, и тотъ прекрасно дѣйствуетъ. Свелъ счеты на мельницѣ и осмотрѣлъ и исправилъ столовыя. Еще хорошій, кажется, помощникъ будетъ Страховъ.

Вчера получилъ твое письмо обо всѣхъ толкахъ по случаю статьи въ «Моск. Вѣдомостяхъ». Все это пройдетъ и забу-

дется, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Мы же давай содѣйствовать тому, чтобы это скорѣе забыли, т.-е. молчать объ этомъ.

Отъ Грота очень хорошее письмо. Скажи ему, что благодарю его за добрыя рѣчи. Разумѣется, чѣмъ добрѣе, тѣмъ лучше.— Но Мандаринъ не золъ, а—прямо въ глазъ, оттого возбуждаетъ [1]). А о Петровѣ очень благодарю. Я воспользовался, и Писаревъ телеграфировалъ. Что, онъ не думаетъ пріѣхать къ намъ? Таню сейчасъ ждемъ. Она пріѣзжаетъ, а англичанинъ уѣзжаетъ. Маша ѣдетъ въ Чернаву за почтой и по дорогѣ открываетъ столовыя въ двухъ деревняхъ. Съ ней ѣдетъ Страховъ, котораго мы помѣщаемъ въ Скопинскомъ уѣздѣ. Я очень хорошо думаю послѣднее время, и на душѣ хорошо. Цѣлую тебя и дѣтей. Пишу, торопясь. Постоянно тебя теперь вспоминаю.

Л. Толстой.

413. **7 марта, вечеромъ.**

Доживаемъ послѣднее время, и дѣла все дѣлается больше и больше; но вмѣстѣ съ тѣмъ видится—хотя не конецъ ему, но то, что оно придетъ въ большую правильность. Нынче я для опыта затѣялъ записывать всѣхъ приходящихъ съ просьбами, и оказалось въ обыкновенный день—*не* выдачи—125 человѣкъ, не считая мелкихъ просителей лаптей, одежи и т. п. Нынче принимала ихъ Таня и я отчасти, когда хотѣлъ и нужно было. Они всѣ меня берегутъ. Маша ѣздила въ Колодези за Наташиными владѣніями, а Вѣра—въ Бороновку и Софьинку. Я же утромъ немного писалъ, а послѣ завтрака ѣздилъ къ Лебедеву свести счеты по складу. Чудесная погода и верхомъ очень хорошо. Если погода не перемѣнится, то дорога простоитъ до 15-го. Это намъ и нужно для развоза провіанта по складамъ. Дѣлаемъ учеты и главное смѣты, сколько въ какой складъ нужно провіанта до новины. Надѣюсь до отъѣзда привести все въ совершенную ясность. Митрофанъ

---

[1]) Слова эти повидимому объясняются въ связи съ какой-нибудь фразой письма Грота о непріятностяхъ по поводу статьи „Моск. Вѣд.“.

Алехинъ, который одинъ изъ помощниковъ живетъ съ нами, большой знатокъ бухгалтеріи и очень аккуратно все высчитываетъ и записываетъ. Писаревъ пріѣхалъ. Завтра увижу его и попрошу замѣнить отчасти меня, и если онъ согласится, уѣду спокойно. Мы всѣ здоровы вполнѣ, если не считать... Тани и горловую боль Вѣры.—Прощай, голубушка, цѣлую тебя и дѣтей. Не очень хочется писать, потому что пишу черезъ Чернаву и увѣренъ, что будетъ случай черезъ Клекотки, и ты получишь это письмо послѣ.

Послѣ этого письма Левъ Николаевичъ съ дочерями побывалъ въ Москвѣ и вернулся въ Бѣлевку уже въ апрѣлѣ.

414. **Безъ числа.**

Пишу хоть нѣсколько словъ, милый другъ, изъ Тулы, передъ отъѣздомъ—скоро часъ. Доѣхали, спали хорошо. Я очень нервами упалъ, вѣроятно послѣ усиленной работы послѣдняго времени. Ѣдемъ съ бодростью и самыми добрыми намѣреніями спокойнаго и добросовѣстнаго, но только, исполненія долга. Погода прекрасная; беру шубу все-таки на всякій случай у Раевскихъ. Все утро писалъ. Сейчасъ былъ Давыдовъ. Очень добръ. Маша пошла къ Зиновьевымъ. Цѣлую тебя, Таню. Чтобъ была она здорова. Не для меня, а для себя. Цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

415. **15 апрѣля.**

Въ Клекотки доѣхали благополучно и такъ заторопились уѣхать поскорѣе, что не успѣли написать тебѣ. Ѣхали хорошо, но въ темнотѣ долго, сбились съ дороги и попали на Мясновку, и Петръ Васильевичъ [1]), котораго мы взяли въ Тулѣ, ѣхавшій впереди на телѣгѣ, свалился съ возомъ. Хорошо, что не ушибся. И тутъ же Самаринская лошадь, коренная, стала хрипѣть, упала

[1]) Жившій у насъ старый поваръ.

и издохла. Мы дошли до перевоза пѣшкомъ. Всѣ уже спали, но услыхали насъ и перевезли.

Здѣсь только Высотскій и Митрофанъ. Спать легли въ 2. Но выспался я до 10-ти отлично и нынче вхожу въ дѣло. Нужда въ помощи лошадей и на посѣвъ, который идетъ и надо дѣлать скорѣе, ко времени. Послалъ Высотскаго къ Писареву и самъ ѣду къ Мордвинову узнать, что они, земство, дѣлаютъ по посѣву и лошадямъ, чтобъ намъ дѣлать, что они не додѣлаютъ.

Цѣлую тебя, Таню больную, чтобъ она была здорова, и дѣтей.

416. **16 апрѣля.**

Писалъ утромъ и пишу сейчасъ, 11-й часъ вечера, съ Ермолаевымъ, который пріѣхалъ считаться. Я нынче занимался выдачей сѣмянъ, и вечеромъ мы подготовляли съ Митрофаномъ Васильевичемъ отчетъ. Считали приходъ и расходъ, и все ясно и сходится. Недостаетъ послѣднихъ пожертвованій тебѣ въ приходѣ и Танинаго списка пожертвованій поименно; книжки ея тутъ нѣтъ. Я пришлю вамъ отчетъ, оставивъ en blanc то, что вы впишете. Живемъ хорошо. Маша спокойно-дѣятельна. Погода прекрасная. Зеленя положительно плохи. Цѣлую Таню (чт. он. б. зд.) [1]). Kipling плохъ [2]). Была Кутелева. Дѣйствуетъ очень спокойно и энергично. Присылайте больше народу, если будутъ проситься, особенно хорошихъ, а то многіе уходятъ. Цѣлую тебя, милый другъ, и дѣтей.

Л. Т.

417. **19 апрѣля.**

Опять пользуюсь случаемъ. Вчера, послѣ моего французскаго письма [3]), я, вернувшись домой, легъ отдохнуть. Меня разбудили Писаревъ и Балашезъ. Балашевъ ѣдетъ нынче, и вотъ я посылаю письмо съ нимъ. Писаревъ очень милъ, очень

---

[1]) Чтобы она была здорова.

[2]) Въ слѣдующемъ письмѣ еще отзывъ о сочиненіяхъ Киплинга.

[3]) Л. Н. написалъ мнѣ одно письмо по-французски, чѣмъ немало удивилъ меня.

дорожитъ столовыми, которыя такъ не нравились нашимъ помощникамъ, и помогаетъ во всемъ.

Теперь забота наша—посѣвъ, и народъ одолѣваетъ, но я не робѣю и разбираюсь понемногу. Мы съ Машей не поѣхали нынче, 19-го, во-1-хъ, потому, что тутъ дѣлъ было много неоконченныхъ, отчетъ надо докончить. Немного осталось и у Маши дѣла, и она лежитъ, страдаетъ, но не очень. Даже не грѣли овесъ [1]).—Я нынче писалъ письма, всѣ отвѣтилъ. А въ Чернаву мы посылаемъ завтра. Скучно, нѣтъ отъ васъ писемъ. Интересовъ у насъ мало, потому пишу о чтеніи: Kipling совсѣмъ слабъ, растрепанъ, ищетъ оригинальности; но зато Flaubert «M-me Bovary» имѣетъ большія достоинства и не даромъ славится у французовъ.—У насъ Митрофанъ и Скороходовъ. Митрофанъ замѣчательно милъ и пріятенъ, Скороходовъ неспокоенъ и несчастливъ, и потому съ нимъ грустно.

Сейчасъ ѣздилъ верхомъ къ Лебедеву и въ тѣ столовыя. Все очень хорошо. Особенно дѣтскія, которыя совсѣмъ утвердились. Погода чудная, жарко. Мы покупаемъ горохъ, просо на столовыя, и овесъ, и картофель на сѣмена. Я выписалъ еще вагонъ сѣмени изъ Калуги, черезъ Усова. Теперь 7-й часъ, Маша ѣстъ супъ въ постели, а я сейчасъ пойду обѣдать. Петръ Васил., какъ всегда, спокоенъ и милъ.

Цѣлую тебя, милый другъ, и Таню, которая должна быть уже здорова, и дѣтей.

Л. Т.

Сейчасъ пріѣхала Наташа и привезла твое письмо. Слава Богу, что всѣ здоровы и все хорошо. Жалко, что не.... (*неразборчивое слово*).

418. **20 апрѣля.**

Кажется, вчера писалъ тебѣ. Нынче опять пишу, милый другъ, съ посланнымъ, привезшимъ телеграмму отъ Усова о томъ, что

[1]) Для припарокъ.

коноплянаго сѣмени у нихъ нѣтъ. Я нынче посылаю телеграмму въ Орелъ Сашѣ брату, прося его о томъ же. Вчера опять писалъ отчетъ, считалъ, путался и распутывался, и, кажется, добрался толка. Меня спутало главное то, что я не умѣю считать и вести бухгалтерію, а у насъ она не только двойная, но тройная, и не въ смыслѣ порядка, а безпорядка. Рѣшилъ я подъ конецъ сдѣлать такъ: счесть, сколько у насъ въ остаткѣ въ дѣйствительности, потомъ сколько у насъ въ расходѣ, и по этому опредѣлить, сколько мы получили. Вышло это почти согласно съ тѣми записями полученія, которыя у насъ тутъ есть. На сколько не вѣрно, на столько должно быть или два раза записано въ приходъ, или не записано въ расходъ. Главное, я не знаю, куда израсходованы тѣ 16 т., которыя значатся на запискѣ А. Н. въ расходѣ. Я объ этомъ пишу ему и Танѣ. Но это не мѣшаетъ моему отчету, и я его перепишу и пришлю на-дняхъ. Всего прихода до 12 апрѣля 141 тысяча, расхода 108 тысячъ и въ остаткѣ 33 тысячи.

Одолѣваютъ насъ теперь съ сѣменами и лошадьми; но роздали мы еще очень мало и не спѣшимъ. А то какъ ошибешься и дашь кому не слѣдуетъ—бѣда!

Вчера я ѣздилъ верхомъ въ Софьинку и Барановку и опять получилъ самое хорошее впечатлѣніе отъ столовыхъ и главное отъ дѣтскихъ пріютовъ. Всѣ довольны; въ избу къ хозяйкѣ забрались бабы съ дѣтьми, и дѣти здоровенькія и сытенькія, и бабы всѣмъ—и хозяйкой—довольны.

Третьяго дня вечеромъ была у насъ Наташа, разсказывала про васъ. Вчера изъ Чернавы было письмо Хилкова [1]) съ Кавказа. Онъ живетъ въ прекрасной мѣстности и, кажется, хорошо устраивается. Еще очень интересное письмо отъ англичанина—сочувствующаго и считающаго невозможностью продолженіе той жизни, которой мы живемъ.

---

[1]) Кн. Дм. Ал. Хилковъ, богатый помѣщикъ, измѣнившій свою жизнь въ смыслѣ упрощенія и отреченія отъ прежней обстановки. Убитъ на послѣдней войнѣ.

Купилъ я нынче пшено, горохъ, крупы у управляющаго Бутурлина. Сейчасъ получилъ письмо отъ Елены Павловны; она жалостно умоляетъ, чтобы мы не уѣзжали. Здѣсь хорошо въ своемъ родѣ весною: Донъ, крутой берегъ, дальній видъ. Погода чудная. Маша здорова. Нынче хотимъ ѣхать, едва ли успѣемъ. Какъ ты съѣздила? Жаль, что не было письма въ Клекоткахъ. Грустно тебѣ въ городѣ. Да ты ѣзди съ дѣтьми маленькими за городъ отдыхать, и думать, и радоваться. Цѣлую тебя, милый другъ, и Таню, которая, какъ здоровая, едва ли теперь ужъ съ тобой,—и дѣтей.—Всѣмъ друзьямъ нашъ привѣтъ.

Л. Т.

419. **22 апрѣля.**

Милый другъ, посылаю отчетъ, который можно напечатать, какъ онъ есть, безъ тѣхъ подробностей, которыя можно бы еще прибавить. Онъ составленъ такъ, что даетъ дѣйствительный и точный отчетъ о нашемъ дѣлѣ и употребленіи денегъ, хотя и не имѣетъ полной бухгалтерской точности. Ошибка, могущая быть въ немъ, состоитъ въ тѣхъ 23.755 р., которые мы показываемъ полученными нами отъ русскихъ жертвователей. Этихъ свѣдѣній я не имѣлъ и вывелъ эту сумму по остатку. Я думаю, что оно такъ и есть въ дѣйствительности. Если же нѣтъ, то все равно всѣ деньги пошли на то же, и ошибка только въ цифрахъ, а не въ дѣлѣ. Отчетъ же даетъ понятіе жертвователямъ о томъ, какъ употреблены и употребляются ихъ деньги. Это главное. Если Таня еще съ тобой, просмотрите съ ней вмѣстѣ, и если можете что прибавить—прибавьте, особенно въ жертвованіи вещами, но не измѣняйте стоившаго намъ большого труда отчета. Лучше же всего, если что можно написать подробнѣе, то написать прибавленіе подробностей въ другіе отчеты. Цѣлую тебя и дѣтей. Не знаю, когда дойдетъ тебѣ это письмо, во всякомъ случаѣ сообщаю о себѣ: сегодня, 22-е, мы здоровы, и я ѣду одинъ въ Андреевку.

Л. Толстой.

За этимъ письмомъ слѣдуетъ длинный отчетъ, наполовину написанный рукой Льва Николаевича и напечатанный въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ».

420.

Конецъ апрѣля. Бѣгичевка.

Получилъ твои письма и посылаю съ Вѣрой Михайловной, милый другъ. Все бы прекрасно, если бы не Танино нездоровье. Но непріятно только нездоровье, а не то, что она не помогаетъ. Теперь самое хлопотливое прошло или проходитъ, именно раздача сѣмянъ, картофеля. И народъ подъѣзжаетъ. Вѣра Михайловна пріѣхала, и нынче телеграмма отъ Матв. Никол-ча, что онъ будетъ 2-го мая. Высотскій же можетъ пріѣхать всякій день. Нынче суббота, но уже съѣхались сотрудники: Алехины три брата, Леонтьевъ, Дудченко. А вчера еще пріѣхала Пинская съ своимъ помощникомъ. У нихъ идетъ дѣло хорошо, и тамъ особенно нужна помощь, такъ что мы имъ дали тысячу четыреста рублей. Мы купили кое-что, но много не закупаемъ, потому что надѣемся, что послѣ посѣва все подешевѣетъ.

Погода ужасная, сушитъ, какъ въ іюлѣ. Саша братъ телеграфируетъ изъ Орла, что высылаетъ вагонъ сѣмянъ конопляныхъ. Я ему телеграфирую, чтобы онъ тебѣ прислалъ счетъ, а ты ему тотчасъ же переведи деньги.

Письмо это привезетъ тебѣ человѣкъ Мордвиновыхъ. Онъ можетъ разсказать про зеленя и народъ. Интересныя письма изъ Германіи и пріятныя.—Посылаю обратно два чека подписанные. Таня напрасно пишетъ, чтобъ я написалъ: receipt. Я бы могъ, но послано ей. Впрочемъ, напишу. Да скажи ей, чтобъ она послала Hapgood [1]) расписки въ полученіи всѣхъ полученныхъ денегъ. Таня, голубушка, отвѣчать надо только Hapgood и американцу, который chargé d'affaires. Hapgood ты сама получше отвѣчай, да и chargé d'affaires тоже. Посылаю для

[1]) Представительница американскихъ жертвователей на голодающихъ, пріѣзжавшая еще раньше въ Ясную Поляну.

этой цѣли листокъ съ моей подписью. Пожалуйста, не думай, милая, что ты намъ нужна. Ты намъ пріятна и дорога такъ, а для дѣла, какъ ты ни полезна для него, мы въ тебѣ не нуждаемся. Цѣлую васъ и дѣтей.

Л. Т.

421. 27 апрѣля.

Вотъ полученное вчера письмо Рубцова. Какъ это случилось, чтобъ не получили денегъ, когда уже давно въ нашихъ счетахъ значатся эти 844 руб. Пожалуйста, голубушка, разъясни и исправь это. Это ужасно обидно, такъ какъ онъ жертвовалъ и трудился для насъ. Я пишу ему. Сегодня понедѣльникъ, 27-е, 12 часовъ дня. Пріѣзжалъ одинъ помѣщикъ въ Раменскомъ уѣздѣ, ведущій столовыя, и сейчасъ возвращается. Я съ нимъ посылаю это. Мы живы, здоровы, очень заняты, все хорошо и пріятно. И видится, что особенно дѣла весеннія скоро придутъ къ концу. Лошадей роздали и больше не покупаемъ; овесъ тоже. Теперь раздаемъ картофель. И когда кончится, то отдохнемъ. Деньги у насъ всѣ вышли, и потому, пожалуйста, пришли съ первымъ случаемъ тысячи три. Вчера, воскресенье, не получили ничего изъ Чернавы, главное, не было отъ тебя письма. Вѣрно опоздало или ѣдетъ съ кѣмъ-нибудь въ Клекотки. Жара чрезвычайная, и дождей нѣтъ. Что Таня? Чистяковъ пишетъ, что пріѣдетъ 2-го мая. Теперь остается 5 дней. Кромѣ того, каждый день можетъ пріѣхать Высотскій. Вчера былъ у Писарева, видѣлъ тамъ кое-кого: Корсакова изъ Богородицка, и общій голосъ, что ржи дурны и отъ засухи все хужѣютъ. Писаревъ очень энергично работаетъ и уже начинаетъ думать о будущемъ годѣ. Я думаю, что это преждевременно, и загадывать не надо хорошаго, а еще менѣе дурного.

Что это у тебя за гувернеръ съ финиками [1])? Я не успѣлъ и поговорить съ В. М. Я перешелъ въ комнату Е. М. Маша меня туда перевела, потому что въ спальнѣ ужасно жарко. Маша очень заботится обо мнѣ—и для себя, и для тебя, и

[1]) Гувернеръ вегетаріанецъ, оказавшійся совершенно негоднымъ.

для меня. Очень благодарю тебя за фуражки и блузы [1]). Цѣлую тебя, милый другъ, и дѣтей. *Л. Т.*

Надѣюсь, что Андрюша не унываетъ и будетъ лѣтомъ работать, чтобъ выдержать. Ему надо учиться, чтобъ имѣть все то, что онъ любитъ. А то онъ ошибается.

422. **28 апрѣля.**

Нынче заѣдетъ купецъ, возвращаясь въ Клекотки, и вотъ я готовлю письма, и первое пишу тебѣ, милый другъ, а то, пожалуй, не успѣю или успѣю дурно. Не знаю, какъ вы съ Таней рѣшили съ моимъ отчетомъ: не нашли ли такихъ неправильностей и пропусковъ, что рѣшили прежде исправить. Если такъ, дѣлайте. Я одно измѣненіе имѣю сдѣлать, это то, что въ концѣ отчета сказано: 1200 съ чѣмъ-то рублей, полученныхъ за проданные предметы, вошли въ число остатка 32 тысячъ съ чѣмъ-то рублей, а надо сказать: сверхъ 32 тысячъ (съ чѣмъ-то) получено еще 1200 рубл. (съ чѣмъ-то) за разные проданные предметы. У насъ идетъ напряженная работа съ раздачей сѣмянъ и теперь лошадей. Это очень трудно раздать такъ, чтобы не было обиды.

Вчера я цѣлый день ѣздилъ верхомъ (самая покойная ѣзда на Мухортомъ), отчасти по этому дѣлу, и для открытія столовой въ Екатериновкѣ, и для пріютовъ въ Екатериновку, Софійку и Барановку, и мнѣ было очень хорошо нравственно, и все сдѣлалъ, какъ умѣлъ и могъ; физически тоже хорошо, я совершенно здоровъ, но погода ужасная. По полямъ ярового вѣтромъ несетъ, не переставая, цѣлыя тучи пыли, какъ это бываетъ по дорогамъ въ іюлѣ. Я никогда не видывалъ ничего подобнаго. Эта сушь не обѣщаетъ ничего хорошаго. Помощниковъ намъ нужно, и чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Лошадей мы купили теперь 19 и всѣхъ роздали. Роздали одну на трехъ, такъ что одинъ хозяинъ, получающій лошадь, обязуется обработать еще два надѣла. Я не ошибся, написавъ въ отчетѣ, что для удовлетворенія крайней нужды въ

[1]) Все, по обыкновенію, сшитое мной, лѣтнее платье Льва Никол.

лошадяхъ нужно бы 100 лошадей. Нужно бы и больше въ нашемъ округѣ. Думаю, что послѣ раздачи картофеля въ концѣ апрѣля и началѣ мая будетъ перерывъ напряженныхъ занятій.

Елена Павловна пишетъ письмо жалостное и упрашиваетъ насъ не уѣзжать отъ нея. Я отвѣчаю ей, что мы только благодарны и боимся только ее стѣснить.

Уѣхала ли Таня къ Олсуфьевымъ? и какъ поправляется? Лѣто и купанье ей будутъ полезны. Чертковъ пишетъ о положеніи народа у нихъ и о цынгѣ. Это страшно. Проситъ тебя прислать ему какъ можно больше капусты. Я думаю, онъ писалъ тебѣ. Если же нѣтъ, то пошли ему 300 пудовъ капусты. Ужасно особенно то, что всѣ эти страшныя страданья цынги: слѣпота и всякія уродства, предупреждаются хорошей, стоящей 50 к. въ мѣсяцъ на человѣка, пищей. Послѣднее, что я знаю, это то только, что ты пріѣхала въ Москву. Мы теперь съ Машей одни. Вчера Митрофанъ Алехинъ уѣхалъ къ Александровой и въ ту сторону за разными дѣлами и не возвращался. Скороходовъ занятъ лошадьми, и вообще онъ въ обычномъ, ежедневномъ дѣлѣ плохой помощникъ. Очень хорошій, чистый и сердечный человѣкъ, но безпокойный, мятежный.

Видѣлъ Андрюшу сегодня во снѣ. Какъ онъ живетъ? Какъ всѣ твои дѣла? Не дѣла денежныя, а съ дѣтьми.

Прощай, милый другъ, цѣлую тебя, Таню, если она съ тобой, и дѣтей.

Пожалуйста купи «Ученіе 12 апостоловъ» и пошли: «Бѣлый Ключъ, Тифлисской губ., Борчалинскій уѣздъ, Тріонетск. приставство, село Башкитетъ, Дмитрію Александровичу Хилкову». Прилагаемое письмо Hapgood перешли, на ея письмѣ нѣтъ адреса. При этомъ же два подписанныхъ чека.

423.

30 апрѣля. Открытое письмо.

Скороходовъ ѣдетъ въ Орелъ за конопляным сѣменемъ. Пишу, чтобы просить тебя выслать Р. А. Писареву, куда онъ

напишетъ, тѣ деньги, которыя я для этой покупки беру у него, такъ какъ у насъ нѣтъ. Получилъ сегодня твое письмо изъ Клекотокъ. Спасибо. Напрасно ты думаешь, что мы съ М. унывали. Напротивъ, до сихъ поръ дѣло спорится и не трудно. Нынче пріѣхалъ оригинальный старикъ: шведъ изъ Индіи.

Л. Т.

424. **2 мая.**

Что-то давно не писалъ тебѣ, милый другъ, т.-е. давно значитъ два дня. У насъ новаго ничего особеннаго. Все продолжается раздача картофеля и проса и приходитъ къ концу. Много попрошайничества и разныхъ хитростей, чтобы захватить побольше и безъ нужды. И это тяжело. Впрочемъ, мнѣ все не нравится эти послѣдніе два дня, потому что я не въ духѣ; вѣроятно, отъ физическихъ причинъ; но здоровъ, также и Маша. Еще новость: пріѣхалъ отъ Черткова дня два тому назадъ его секретарь, пріятель, Евдокимъ, съ моею рукописью, и я ее перечитывалъ и перечитываю, и исправляю, и опять путаюсь, мараю и не доволенъ [1]). Еще новость: былъ у насъ нѣкто Беръ отъ Комитета Наслѣдника, посланный въ Рязанскую губ. Я взялъ у него 840 руб. на конопляное сѣмя. Онъ добрый, разумный человѣкъ. Еще былъ вчера Зиновьевъ у Писарева, осматривалъ поля и пришелъ къ заключенію, что $^1/_3$ озимыхъ пропала. Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ. Это мнѣ разсказывала Евгенія Павловна Писарева, заѣзжавшая вчера. Еще три дня тому назадъ явился къ намъ старикъ, 70-тилѣтній шведъ, жившій 30 лѣтъ въ Америкѣ, побывавшій въ Китаѣ, въ Индіи, въ Японіи. Длинные волосы, желтосѣдые, такая же борода, маленькій ростомъ, огромная шляпа; оборванный, немного на меня похожъ; проповѣдникъ жизни по закону природы. Прекрасно говоритъ по-англійски, очень уменъ, оригиналенъ и интересенъ. Хочетъ жить гдѣ-нибудь (онъ былъ

---

[1]) И здѣсь, и въ слѣдующемъ письмѣ (упоминаніе о 8-й главѣ) дѣло идетъ, вѣроятно, о статьѣ „Царство Божіе“.

въ Ясной), научить людей, какъ можно прокормить 10 человѣкъ одному съ 400 саж. земли, безъ рабочаго скота, одной лопатой.

Я писалъ Черткову о немъ и хочу его направить къ нему. А пока онъ тутъ копаетъ подъ картофель и проповѣдуетъ намъ. Онъ вегетаріанецъ безъ молока и яицъ, предпочитаетъ все сырое. Ходитъ босой, спитъ на полу, подкладываетъ подъ голову бутылку и т. п. Нынче 1 мая; завтра пріѣдетъ Матвѣй Николаевичъ и уѣдутъ Митрофанъ и Скороходовъ. Одного Митрофана Алехина мнѣ жалко, а другого нѣтъ. Онъ очень хорошъ, но противоположное «Копки», слишкомъ рѣшителенъ, суетливъ. Но и съ ними хорошо, и безъ нихъ будетъ такъ же.—Второй день холодно, а дождя такъ и не было. Вѣра Михайловна очень усердно работаетъ.

Надѣюсь, что ты разъяснила недоразумѣніе съ Рубцовымъ. Пришли намъ 3000 р. Я уже писалъ объ этомъ. Повторяю на всякій случай. Я пишу: «пришли», но разумѣю Таню. Я думаю, ея нѣтъ. Пускай она не торопится. Какая глупая исторія съ Кронштадтскимъ Иваномъ. Зачѣмъ Гроту было его спрашивать.

Это хорошо, что ты здорова и бодра. Ты и потратила уже много силъ, и еще придется потратить, какъ и всякому человѣку, который какъ ты—не бѣгаешь работы, а ищешь ея. Я всегда—j'admire твое трудолюбіе, только иногда не одобряю то, на что оно направлено. Ну, пока прощай, цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

425. **2 мая.**

Вчера писалъ черезъ Клекотки, а нынче получилъ письмо отъ 28-го, гдѣ ты пишешь, что Таня уѣзжаетъ къ Олсуфьевымъ, и о деньгахъ, и о капустѣ. О деньгахъ—1000 рублей мы получили, но давно уже все истратили и теперь находимся въ нуждѣ. Пожалуйста, если будетъ случай скоро, то пришли и не три, а пять тысячъ; если же не будетъ случая, то пришли по почтѣ. Случай, я думаю, будетъ: или Екат. Иван. Баратынская, или Таня, смотря по тому, кто прежде поѣдетъ. Еще, если уви-

дишь Екат. Иван., а если не увидишь, то пошли къ ней Таню сказать, что Вальцева мнѣ пишетъ длинное письмо съ разными вопросами о столовыхъ, и я не отвѣчалъ ей, потому что она въ письмѣ пишетъ, что уѣзжаетъ въ Москву. На вопросы же ея нужно отвѣчать, и вотъ мои отвѣты: 1) Продукты на выдачи въ столовыхъ надо покупать, и деньги на этотъ предметъ взять у насъ. Взять пока 500 рублей, которые Екат. Иван. взяла бы съ собой. 2) Хлѣбъ лучше всего бы было брать печеный изъ пекаренъ Краснаго Креста и платить за это мукой и кукурузой въ пекарни. 3) Выдавать муку на посыпку лошадямъ считаю неудобнымъ: не разберешься—кто нуждающійся, кто нѣтъ. 4) На приварокъ выдается и у насъ теперь только пшено и горохъ. Соли надо купить. Если Екат. Иван. еще въ Москвѣ, передай ей это, прося передать Вальцевой мое извиненіе, что не отвѣтилъ ей.

Капуста пришла очень хороша, и я думаю, что Черткову можно послать. Вотъ все о дѣлахъ, милый другъ. У насъ со вчерашняго дня ничего новаго. Деньги Писареву не нужно посылать. Сѣмя все мы не получали, и очень жалѣю, что не выписалъ раньше и больше.

Опять заколодила моя 8-я глава, но все надѣюсь кончить. Погода гадкая. Читаю Grieve [1]). Прегадко. Нынче срокъ пріѣзда Чистякова, но его еще нѣтъ. Теперь 9 часовъ вечера, суббота. За столомъ, на которомъ стоитъ самоваръ, который шведъ называетъ идоломъ, сидятъ Маша, Саша Философова, Вѣра Мих. Величкина, Митрофанъ Алехинъ, Скороходовъ и шведъ, съѣвшій яблоко и больше ничего не желающій. Про него говорятъ, что онъ самый антихристъ; онъ обѣщаетъ прокормить 20 человѣкъ на осьминникѣ и копаетъ уже, но съ уговоромъ, чтобъ ему душу продать.

Маша говоритъ: мы просимъ помощниковъ, а имъ нечего дѣлать будетъ. А я говорю ей, что кажется, что нечего дѣлать, по-

[1]) The history of David Grieve by Mrs. Humphrey Ward

тому что мы, заваленные дѣломъ раздачи сѣмянъ, ничего не дѣлаемъ по столовымъ, т.-е. предоставили ихъ себѣ. А потребность въ нихъ при длинныхъ дняхъ и работѣ—больше, чѣмъ когда-нибудь. Цѣлую тебя и дѣтей. Не скучай, скоро увидимся.

Л. Т.

426. **4 мая.**

Вчера писалъ тебѣ, милый другъ, и былъ немного въ затрудненіи, написать ли тебѣ о томъ, что у меня 3-го дня, слѣдовательно, 2-го мая, были довольно сильныя боли въ животѣ, похожія на тѣ, которыя бывали у меня при камняхъ. Я тотчасъ поставилъ нѣсколько клистировъ, горячее на животъ, потомъ компрессы. Черезъ три часа боли прошли, и вотъ теперь, 4-е, 2-й часъ дня, и я совсѣмъ здоровъ, только напуганъ этимъ приступомъ, и остороженъ, какъ только можно быть. Еще не ѣмъ ничего твердаго, и не хожу, и не ѣзжу, хотя ничего не болитъ. Маша удивительно хорошо, точно какъ ты, ходила за мной и хотѣла писать тебѣ тотчасъ же, но я удержалъ ее и, какъ видишь, сдѣлалъ очень хорошо, потому что все прошло, и я только больше, чѣмъ прежде, обезпеченъ отъ болѣзни, вслѣдствіе осторожности, которую вызвалъ этотъ припадокъ. Маша предложила пить воду, и хотя я не очень вѣрю въ нее, я буду пить понемногу, зная, что ты бы это совѣтовала. Это навѣрное были камни, потому что очень было рѣзко больно, хотя и не долго. Ни желтухи, ни окраски м..., ни жару не было.

Сейчасъ только мы проводили отъ себя заѣзжавшаго къ намъ Анненкова съ своей свитой—человѣкъ 20: Глѣбовъ, Кристи, Трубецкой и Костычевъ (другъ Ге), и разные профессора, инженеры... не хочется осуждать, но нельзя не сказать, что странно.

Твое письмо вчера получили изъ Чернавы отъ 30-го съ извѣстіемъ о пропускѣ статьи у Грота и съ отчетомъ. Все это интересно и пріятно. Одно непріятно, что непремѣнно будутъ ругательства. Ты, пожалуйста, не сердись на это. Это такъ должно быть; только жалко тѣхъ, кто бранятся и сердятся.

Вчера еще важное событіе было то, что пріѣхалъ Матвѣй Николаевичъ. А потомъ почему-то мнѣ прислали изъ Комитета Наслѣдника вагонъ ржи [1]). Писареву нужно послать деньги, куда онъ напишетъ. Если онъ не напишетъ, то сверхъ 5000 р. пришли еще 900 р.—Странно сказать, но я истинно люблю эти боли. Бога вспомнишь. А главное, я до этого два дня былъ въ страшно дурномъ расположеніи духа, ничего не могъ работать. А теперь такъ свѣжъ и бодръ и второе утро работаю.

Прощай, душенька, пожалуйста, не безпокойся и знай, что я всю тебѣ написалъ правду. Цѣлую Таню и дѣтей. *Л. Т.*

Послѣ этихъ писемъ, испугавшись нездоровья Льва Ник., я съѣздила въ Бѣличевку и по возвращеніи получала слѣдующія письма:

427.

Удивительное дѣло: до твоего пріѣзда я былъ такъ старателенъ, чтобы не пропустить случая писать тебѣ, а послѣ—распустился, точно какъ будто мы уже не врозь и тебѣ не нужно знать; а тебѣ еще нужнѣе знать съ твоей заботой о моемъ здоровьѣ. Здоровье хорошо: третьяго дня и вчера я далеко ѣздилъ—верстъ по 20 по разнымъ деревнямъ—и не усталъ. Нынче только, вторникъ, сижу дома,—дождикъ и не хотѣлось, да и прямой нужды не было. Тѣмъ болѣе, что помощницы двѣ явились: Елена Мих-а и Антипова. Онѣ уже ѣздятъ и хлопочутъ. Все это время раздаемъ сѣмена, и большая отъ этого суета. Но при поѣздкахъ хорошо. Третьяго дня, напримѣръ, я нашелъ совершенно случайно деревеньку около Осиновой Горы въ десять дворовъ, и на 10 дворовъ 5 лошадей, 3 коровы, и всѣ огороды не засажены, и поля ржаныя всѣ пропащія и не пересѣянныя. И вотъ радостно, что можно помочь. Дождь прекрасный, и большая доля опасности на будущій годъ устранена имъ.

---

[1]) Ошибкой. Вагонъ ржи былъ назначенъ графу Глѣбу Толстому, сыну бывшаго министра, Дм. Толстого.

Маша дома хлопочетъ въ свободное отъ народа время (надъ) освѣженіемъ и очисткой дома. Очень бодра и заботлива обо мнѣ. Сейчасъ были Наташа и Саша, и Софья Алексѣевна [1]), говорятъ, пріѣзжаетъ. Шведъ грустенъ, сидитъ въ уголкѣ и зябнетъ, но говоритъ все такъ же радикально и умно.

Я писалъ два дня, но не хорошо. Сейчасъ 10-й часъ, иду пить кофе. Хорошо, что экзамены до сихъ поръ выдерживали мальчики. Надѣюсь, что тебя ничто не задержитъ.

Прощай пока, цѣлую тебя, Таню, дѣтей. Я право не вѣрю, что Таня больна. Она, какъ ты—вдругъ свернется и вдругъ опять расцвѣтетъ, и бодра, свѣжа. Главное, поменьше лѣченья и искусственности во всемъ. Къ намъ чтобъ отнюдь до нашего пріѣзда не ѣздила... Ну вотъ, слышу пѣвучій голосъ Матвѣя Николаевича и женскіе голоса; тамъ еще Кутелева пріѣхала нынче отдохнуть.

Вчера написалъ тебѣ еще письмо въ Чернаву, которое не поѣхало, опоздало. Это пріѣдетъ раньше. Очень тебѣ благодаренъ за все, цѣлую тебя. Я совсѣмъ здоровъ. Очень занятъ, пишу, а Матвѣя Николаевича ждемъ.

428.

15 мая, 12 час. Открытое письмо.

Пишу, чтобы сказать, что мы здоровы и благополучны съ американцемъ, который былъ у насъ съ Конамо [2]). Завтра напишу больше.

Л. Т.

429. **16 мая.**

Послалъ тебѣ сейчасъ телеграмму, милый другъ, прося переслать 3500 рублей Колечкѣ Ге. Онъ пишетъ, что закупаетъ хлѣбъ, и проситъ прислать свидѣтельства на 6 вагоновъ и деньги. Свидѣтельства Краснаго ┼, какъ говорятъ, переста-

[1]) Наташа, Саша и Софья Алексѣевна—Философовы.

[2]) Неясно; повидимому, мѣстность, откуда былъ американецъ.

нутъ даваться на безплатный провозъ съ 28 мая, и потому надо поспѣшить воспользоваться ими. Писаревъ далъ мнѣ 18-ть, и я всѣ ихъ уже размѣстилъ.

У насъ, какъ ты знаешь, былъ прекрасный дождь, и все повеселѣло; но хорошаго, даже посредственнаго, урожая уже быть не можетъ. У насъ дѣло съ раздачей сѣмянъ кончается; теперь идетъ пересмотръ записанныхъ въ столовыя. Завтра выдача. Теперь суббота, 11 часовъ вечера, и дѣвицы—Маша, Антипова, очень милая и дѣятельная дѣвица, и Вѣра Мих-а, превратившаяся въ пережженный сухарь,—сидятъ и подготовляютъ книжки къ завтрашней выдачѣ; а мы съ Матвѣемъ Николаевичемъ писали письма и телеграммы и отправляли почту и въ Клекотки, и въ Чернаву. Я нынче и вчера ходилъ пѣшкомъ по ближнимъ деревнямъ, въ подробностяхъ вновь описывая ихъ. Всякая такая работа внѣ дома, среди нихъ, только радуетъ.

Нынче была телеграмма отъ Левы изъ Самары; онъ, очевидно, узналъ изъ газетъ о моемъ нездоровьѣ,—спрашиваетъ, гдѣ я и о здоровьѣ. Ермолаевъ умно отвѣчалъ ему, что я въ Бѣгичевкѣ и здоровъ. Онъ телеграфируетъ отъ 14-го и потому, вѣроятно, завтра будетъ здѣсь.

Третьяго дня у насъ былъ Стебутъ [1]), и мы отправили съ нимъ Елену Михайловну на мѣсто Екат. Иван. Что она? Боюсь, что прививка [2]) разстроитъ ее, какъ Лелю Берсъ [3]).

Здоровье мое вполнѣ хорошо, и работалось хорошо, и мнѣ кажется, что я раздѣлался или завтра раздѣлаюсь окончательно съ концомъ моей статьи.

Шведъ все такъ же похожъ на пророка Іеремію и интересенъ. Какъ я радъ буду познакомиться съ нашимъ новымъ педагогомъ. Вегетаріанство, если оно только не имѣетъ цѣлью здоровье, всегда связывается съ высоко-нравственными взгля-

---

[1]) Помѣщикъ-агрономъ.

[2]) Вслѣдствіе укуса бѣшеной кошкой.

[3]) Моя двоюродная сестра, укушенная бѣшеной кошкой.

дами на жизнь. Это не скромно, но я пишу это не для тебя или себя, а для него.

Американецъ съ Конамо мало интересенъ; обѣщалъ прислать мнѣ два вагона муки. Денегъ у насъ едва ли останется—приходится вездѣ прибавлять сверхъ смѣты, и число столовыхъ все растетъ,—уже 212. Цѣлую тебя и дѣтей. *Л. Т.*

430. **22 мая. Открытое письмо.**

Пошли, пожалуйста, въ Полтаву, Александру Александровичу Волькенштейну шестьсотъ (600) рублей за выписываемое нами пшено.

Л. Толстой.

Письма лѣтомъ того же года, когда Левъ Никол. то уѣзжалъ въ Бѣличевку, то посѣщалъ насъ въ Москвѣ и Ясной Полянѣ.

431. **3 іюня. Открытое письмо.**

Доѣхали благополучно до Клекотокъ. Лошади Раевскихъ везутъ. Напиши поскорѣе. У Елены Павловны умеръ братъ, орловскій губернаторъ. Цѣлую тебя и всѣхъ. *Л. Т.*

432. **8 іюня, 2 часа дня.**

Посылаю объявленія. Мы продолжаемъ быть благополучны и здоровы. Народу здѣсь много, но это не мѣшаетъ намъ заниматься и дѣлами продовольствія, и мнѣ моимъ писаньемъ. Я нынче доволенъ, потому что много и хорошо писалъ.

Матв. Никол. оставилъ дѣла въ большомъ порядкѣ, и его преемникъ, Высотскій, чудесный работникъ. Не могу достаточно нарадоваться на такого помощника. Сейчасъ ожидаютъ Писарева, Философова и тутъ Давыдовы, и я спѣшу уйти. Вчера я ѣздилъ, нынче пойду ходить по ближнимъ [1]). Въ свою поѣздку я, глядя на поля, рѣшилъ, что урожай не такъ плохъ,

[1]) Т.-е. столовымъ.

какъ казалось, и, несмотря на то, что приходятъ депутаціи о томъ, чтобы продолжать, можно будетъ спокойно уѣхать, хотя и многихъ жалко. Цѣлую тебя и дѣтей, и всѣмъ сожителямъ, Александру Михайловичу и другимъ,—привѣтъ.

Л. Т.

433. **9 іюня. Открытое письмо.**

Сейчасъ пріѣхали Таня, Илюша, Ваня и Давыдовы. Мы всѣ здоровы и бережемся и разъѣзжаемъ. Спѣшу написать тебѣ хоть нѣсколько словъ. Я въ нынѣшній разъ виноватъ передъ тобой—не писалъ. А тебѣ очень благодаренъ за извѣстія. Надѣюсь, что твои недуги прошли, не оставивъ слѣдовъ. Теперь 12 часовъ, и я только вернулся изъ Осиновой Горы, здорово усталый. Цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Толстой.

434.

Безъ числа. Въ самомъ началѣ іюля.

Маша тебѣ, вѣроятно, описывала все наше путешествіе, которое было не только безопасно и безвредно, но очень мнѣ пріятно. Здѣсь всѣ приготовились и приготовляются давать отчеты послѣдніе. Провизію остальную—всю свозили въ Бѣгичевку. Дѣлали перерывъ всѣхъ столовыхъ—думаю, до конца сентября. Что дальше будетъ, покажутъ обстоятельства. Но одно, что я и прежде думалъ и въ чемъ теперь еще болѣе утвердился, это то, что самыхъ слабыхъ людей, старыхъ, больныхъ—небольшое количество—всегда безпріютныхъ и безпомощныхъ, нынѣшній годъ при неурожаѣ и потому неподаваньи милостыни, при дорогомъ хлѣбѣ и при привычкѣ, взятой ими и тѣми, кто о нихъ заботился, что ихъ кормятъ,—что нельзя ихъ бросить. И это то самое дѣло, которымъ займемся мы теперь. Ихъ надо какъ-нибудь устроить. Нынче приходила такая команда изъ Татищева. Вчера приходила Бѣгичевская вся деревня. Но цѣлыя деревни мы не можемъ кормить, а бездомныхъ нельзя бросить. Въ этомъ было и главное дѣло прошлаго года.

И теперь какъ это устроится, я не знаю. Вчера я цѣлый день былъ дома, всѣ съѣхались. А нынче поѣду въ сторону Орловки и по деревнямъ, попробую, испытаю, какъ это устроить... Торопятъ меня, ѣдетъ Гриша къ Давыдовымъ и свезетъ письмо въ Клекотки. Я здоровъ, хотя слабъ, и не пишется.

Получено два вагона, а нѣтъ дубликатовъ, и потому, пожалуйста, всѣ объявленія посылай. Цѣлую тебя, Леву и дѣтей. Тани, вѣрно, еще нѣтъ.—Здѣсь всѣ благодушны и дружны.

435. **Безъ числа. Іюль.**

Напишу хоть нѣсколько словъ съ Вѣрой. Вчера ходилъ пѣшкомъ далеко, за мной посылали и разъѣхались, такъ что я прошелъ пѣшкомъ верстъ 30-ть и усталъ, но совершенно здоровъ. Занятъ отчетомъ, для котораго жду матеріаловъ и отъ Тани, и отъ Высотскаго, который очень милъ, но медлителенъ. Дѣло все обозначилось, и надо поскорѣе написать. Отъ Левы вчера получилъ письмо и очень благодаренъ ему за него. Цѣлую тебя и дѣтей. Я въ нынѣшній разъ мало и рѣдко знаю о тебѣ.

Л. Т.

436.

Безъ числа. Вѣроятно, тоже іюль.

Очень давно, т.-е. два дня, не писалъ тебѣ, милый другъ. Нынче видѣлъ газету, въ которой твой отчетъ. Все очень хорошо. Мнѣ надо писать свой, и я завтра принимаюсь за него, но боюсь, что много свѣдѣній недостанетъ. Скажи Танѣ, чтобы она прислала все, что у нея есть, и тебя прошу прислать, что у тебя есть. Понадобится мнѣ, навѣрное, слѣдующее: 1) Списокъ пожертвованій, сколько отъ кого получено. Это должно быть у Тани. (Конверты денежные у нея; на послѣднія же полученія посылаю списокъ.) 2) Счеты Колечки, капустника, и—если есть—Штильмана, чтобы знать, сколько получено за продукты. 3) Счетъ Пинской и Баратынской. Это ужъ навѣрное мнѣ нужно, но можетъ понадобиться и многое другое, и потому прошу прислать все, касаю-

щееся этихъ дѣлъ. Дѣла наши понемногу уясняются, т.-е. опредѣляется то, что нужно, и какъ сложится дѣло. Нужно необходимо кормить населеніе мѣстности втрое или вчетверо меньше прошлогодняго, но нужда въ этой мѣстности хуже прошлогодней. Кромѣ того, такъ какъ осталось около 10-ти вагоновъ разнаго хлѣба и денегъ (не знаю сколько, кажется, около 12-ти тысячъ), то надо продолжать дѣтскіе пріюты, какъ я и обѣщалъ въ послѣднемъ отчетѣ. Къ пріютамъ же этимъ мы хотѣли пристроить теперь, сейчасъ, самыхъ нуждающихся и слабыхъ. Столовыхъ же—придется открыть ихъ позднѣе—въ сентябрѣ. Завѣдывать этимъ дѣломъ будемъ просить покамѣстъ Ивана Ивановича [1]), чтобы отпустить Высотскаго, который и такъ измучился, и выпишемъ Пошу. На время, на недѣлю, осталась Елена Михайловна, и къ 28-му вернется одна изъ Винеровъ, и еще остаются Антипова и Корибутъ. Леонтьевъ ушелъ, но тоже обѣщалъ вернуться, если понадобится.

Мы здоровы. Машу и Вѣру сбиваетъ, т.-е. мѣшаетъ имъ, отнимаетъ у нихъ время общительность и гости. И у меня тоже. Вчера цѣлый день—послѣ обѣда—Самарины; 3-го дня Писаревъ, Философовы. Нынче были Нечаевы, но я не выходилъ. Я очень много занимался эти послѣдніе дни и усталъ, но, кажется, кончилъ, и такъ написалъ Черткову, и завтра начну отчетъ и то дѣло, что имѣю сказать про это. Постараюсь сказать цензурнѣе, отдѣльно, чтобъ напечатали.

Хорошо, что вы всѣ здоровы. Цѣлую тебя и дѣтей. Привѣтъ всѣмъ домочадцамъ. У насъ все это время были сотрудники, сдавали отчеты и всѣ разъѣхались. Остались только два брата Алехины, уѣзжающіе завтра. Я, слава Богу, самымъ любовнымъ образомъ разстался со всѣми, такъ же и съ Алехиными. Не перестаю радоваться тому, что знаю и любимъ такими хорошими людьми.

Л. Т.

---

[1]) Ив. Ив. Раевскаго, сына.

437. **17 іюля.**

Не понимаю, что надѣлалъ Колечка. За горохъ требуютъ 154 рубля и за полежалое 6.—Получили всѣ твои письма и благодарю за нихъ. Мы всѣ благополучны и здоровы. Но положеніе народа, особенно въ нашей мѣстности, очень дурно. Положительно хуже прошлаго года. Такъ что искать худшаго негдѣ.—Напишу послѣ толкомъ, а теперь только при отправкѣ чековъ. Цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Толстой.

438. **26 іюля.**

Сейчасъ уѣзжаетъ Капитонъ Алексѣевичъ и сдаетъ намъ всѣ счеты. Все удивительно хорошо и аккуратно. Чудесный человѣкъ, я ему очень благодаренъ. Сейчасъ же получилъ и твое письмо, въ которомъ ты пишешь о болѣзни Андрюши и Ванечки. Андрюшѣ лучше, надѣюсь, что и Ванечкѣ тоже. Ты пишешь, боясь, что я хочу вернуться и опять жить въ Бѣгичевкѣ. Пожалуйста, не думай этого. Все устроится безъ моего личнаго присутствія, особенно, если Пошу выпишемъ. Остаюсь здѣсь только на нѣсколько дней, дня на 4, на 5,—можетъ быть, и меньше, пока начну и хоть начерно напишу отчетъ, для котораго можетъ понадобиться справиться на мѣстѣ. Кромѣ того, надо получить счеты. Посылаемъ завтра получить по объявленіямъ.

Къ этому же времени можетъ пріѣхать Поповъ отъ Черткова за рукописью, которую думаю, что кончилъ. Остаются здѣсь двѣ дѣвицы Антиповы, складъ же поручилъ Раевскимъ, пока дѣла еще мало.—Мы здоровы, губа моя совсѣмъ прошла, и я бодръ. А то былъ не въ духѣ. Нынче былъ у Философовой и Мордвинова по дѣлу. По послѣднему письму твоему рѣшу, когда именно поѣду, и тотчасъ же телеграфирую. Нынче же уѣзжаетъ Елена Михайловна. Прощай пока, милый другъ, цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

439. **27 іюля.**

Сейчасъ очистилъ всю свою запущенную корреспонденцію, и послѣднее, кажется, 12-е письмо пишу тебѣ, милый другъ. Дѣло наше совсѣмъ ясно, не только обозначилось, но и устроилось. Теперь намъ здѣсь больше нечего дѣлать и во вторникъ, если будемъ живы и здоровы, какъ теперь, пріѣдемъ домой. Поповъ пріѣхалъ вчера, и статью, я думаю, что кончилъ. Онъ и Алексѣй Митрофановичъ переписываютъ ее.

Пріюты, которые нужны были, и при нихъ кормленіе стариковъ и сиротъ, мы устроили вездѣ, гдѣ нужно. (Осталась Андреевка, и туда поѣхалъ Ваня.) Всѣхъ сотрудниковъ отпустили и всѣ счеты ихъ получили. Пошѣ я нынче написалъ, прося его пріѣзжать. Денежное же дѣло будутъ вести Раевскіе. Главная надежда на Елену Павловну.

Два дня, которые мы остаемся еще (теперь 1-й часъ ночи съ субботы на воскресенье), я посвящу на составленіе отчета вчернѣ. (Таня не прислала мнѣ имена пожертвованій русскихъ, да это сдѣлаемъ дома.) Кромѣ того, Маша нездорова обычнымъ нездоровьемъ, и получу завтра отъ васъ письма, и можетъ, и даже должна, пріѣхать Пинская, отъ которой одной нѣтъ окончательнаго расчета.

Ѣздила ли ты, или ѣдешь въ Москву? Здоровы ли вы? Посылаю письмо Бобринскаго объ утонувшемъ матросѣ. Я думаю, что надо бы пожертвовать отъ насъ 200 руб. Какъ ты думаешь? Если да, то пошли по адресу. Цѣлую тебя и дѣтей. До свиданья.

Л. Т.

Письмо это не пошло нынче, воскресенье, и потому едва ли мы пріѣдемъ во вторникъ. Когда поѣдемъ вѣрно,—телеграфируемъ.

Письма изъ Ясной Поляны въ Москву.

440. **21 октября.**

Сейчасъ получили извѣстіе, телеграмму, что Марья Петровна [1]) скончалась, въ 9 часовъ утра, 20-го. У насъ всѣ здоровы.

Л. Т.

441. **22 октября.**

Вѣрочка не велѣла мнѣ читать ея письма, и я знаю, что она написала все, только не обо мнѣ. А обо мнѣ писать нечего. Я здоровъ и все такъ же мало разнообразенъ. Утромъ весь ухожу въ свою работу, а потомъ прозябаю, но не непріятно. Ни на чемъ такъ не чувствую старость, какъ на этой умственной усталости.

Илюша хочетъ баллотироваться въ члены Управы. Это со всѣхъ сторонъ не хорошо: и не хорошо деньги брать, и не хорошо новый предлогъ отлучекъ изъ дома. Я сказалъ ему это, и жалко, что огорчилъ его.—Снѣгъ теперь, очевидно, что станетъ, и осень еще будетъ длинная и мокрая. Думалъ вчера о томъ, что не хорошо печатать мои портреты въ разныхъ видахъ въ новомъ изданіи. Это совѣстно и непріятно при жизни. Какъ ты думаешь? Что статья въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»? Что Лева, пріѣдетъ ли сюда до отъѣзда? Цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

Смерть Марьи Петровны очень трогательна. Древніе говорили, что кого Богъ любитъ, тѣ умираютъ молодыми. И смерть ея хороша. У всѣхъ останется самое хорошее чувство къ ней, а со всѣхъ сторонъ, кромѣ горя, ее ничего не ожидало.

442. **23 октября.**

Со вчерашняго дня новостей у насъ совсѣмъ никакихъ. Всѣ вполнѣ здоровы. Маша ѣздила въ Крыльцово къ больнымъ. Таня

---

[1]) М. П. Берсъ, первая жена моего брата Степана, умерла отъ тифа, заразившись въ голодающихъ мѣстахъ, гдѣ она самоотверженно работала.

и Вѣра ходили гулять. Я хожу гулять, пишу утромъ. Вечеромъ писалъ письмо и читалъ съ дѣвочками. Нынче начали «Фауста» Гёте, переводъ Фета. Поклонись ему хорошенько отъ меня. Скажи ему, чтобъ онъ не думалъ, какъ онъ иногда думаетъ, что мы разошлись. Я часто испытываю это, и съ нимъ особенно, что люди составятъ себѣ представленіе о томъ, что я долженъ отчуждаться отъ нихъ, а сами отчуждаются отъ меня.

Изъ Бѣгичевки не имѣю еще извѣстій. Я боюсь за Пошу.

Березки теперь можно сажать будетъ. Ужъ много стаяло. Ѣду самъ на почту, везу это письмо. Цѣлую тебя и дѣтей. Надѣюсь, что ты теперь спишь хорошо въ Москвѣ. *Л. Т.*

Дрова отъ Карпова такъ дурны, что я писалъ ему, чтобы онъ больше не присылалъ; поэтому и тебѣ не совѣтую выписывать черезъ него.

443. **26 октября.**

У насъ все по-старому. Дѣвочки ѣздили въ Тулу. Онѣ не наладятся жить и, кажется, скучаютъ, особенно Маша и Вѣра. Отъ Поши было письмо, и Маша видѣла сидѣлку, которая была при смерти Машеньки Берсъ. Она вдругъ ослабѣла и почувствовала, что умираетъ; кое-какія распоряженія дѣлала— маленькіе долги заплатить, и сказала: «Господи! прости мнѣ мои грѣхи!» И скоро потеряла сознаніе. И въ такомъ положеніи была около сутокъ. Похоронили ее въ Никитскомъ.

Таня была у Зиновьевыхъ,—онъ въ Москвѣ,—и у Давыдовыхъ. Онъ дома и очень ласковъ по ея словамъ. Но назначенія еще нѣтъ.

Снѣгъ, кажется, ляжетъ. Цѣлую тебя и дѣтей.

444. **Безъ числа.**

Посылаю нынче корректуру отчета. Я измѣнилъ тамъ все то, что нужно и можно, и больше измѣнять не могу. Я пишу Чуп-

рову [1]), который замѣняетъ Соболевскаго [2]), чтобы они прислали корректуру тебѣ. Ты посмотри, пожалуйста, съ твоей—нѣтъ ли какихъ грубыхъ ошибокъ. Получилъ вчера твои письма. Очень жалѣю, что мое желаніе [3]) огорчило тебя. Я же не огорчаюсь. Такъ мнѣ какъ-то ridicule показалось при жизни себя предлагать во всѣхъ видахъ. Но ты права, что это будетъ такъ мало замѣтно. Вообще, чѣмъ меньше, тѣмъ лучше.

445. **29 октября.**

Мы всѣ живы, здоровы. Очень жаль, что не видалъ Леву. Помогай ему Богъ. Я заговорился съ писаремъ, а дѣвочки вдругъ собрались, и потому пишу хоть два слова. Вчера не было письма отъ тебя. Цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

446. **2 ноября.**

Вчера получилъ твое письмо и писалъ тебѣ съ Олсуфьевымъ. Мы живемъ по-старому. У Тани мигрень, но она съ нами обѣдала и даже не лежитъ. Читаемъ вслухъ Карамазовыхъ, и очень мнѣ нравится. Скажи Сашѣ, что ея щенокъ боленъ. Мы его будемъ лѣчить. Нынче никто никуда не ѣздилъ. Посылали за Иваномъ Александровичемъ и Пошей, которыхъ ждали сегодня; но теперь 10 часовъ и ихъ нѣтъ. Мы бы съѣздили въ Пирогово, а Таня къ Мамоновой, а мы все его ждали. Цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

447. **Ноябрь 3.**

Хотя ты и не велѣла ждать ничего нынче, мы все-таки посылаемъ на Козловку, во-первыхъ, чтобы перетелеграфировать тебѣ отъ Вѣры, такъ какъ она ѣдетъ съ курьерскимъ, а во-вторыхъ, чтобы написать тебѣ. У насъ зима совершенная. Уже дней 5 гра-

---

[1]) Профессоръ Моск. университета.

[2]) Василій Мих. редакторъ, „Русскихъ Вѣдомостей“.

[3]) Не печатать портреты въ новомъ изданіи 1893 года.

дуса 3, тишина и такой иней, какъ я, кажется, никогда не видалъ: иглы чуть ли не въ вершокъ, и усыпаны поля ими, и гнутся чудно разукрашенныя деревья. Прудъ копаютъ, плотину онъ [1]) не прудилъ. Боится оттепелей. И правъ. Березки закопаны въ землю. Иванъ Алекс. второй день какъ уѣхалъ на Донъ на саняхъ и лошади для Поши [2]). Жизнь паша идетъ все одинаково хорошо. Дѣвочки затѣяли читать и подучивать ребятъ и дѣвушекъ деревенскихъ; они приходятъ по вечерамъ и черезъ день. Маша кромѣ того ѣздитъ по больнымъ. Вчера она ѣздила въ Тулу съ Аннушкиной Вѣркой, у которой глаза болятъ. Я вчера тоже былъ въ Тулѣ. Особенной нужды мнѣ не было, но было нѣсколько просьбъ до Давыдова и Зиновьевой и хотѣлось воспользоваться чудной погодой, проѣхаться. И я поѣхалъ верхомъ въ часъ и въ шесть вернулся. Пришелъ къ Давыдову,—онъ въ судѣ. Пошелъ въ судъ и тамъ засталъ большое дѣло о шайкѣ воровъ. Обвинялъ Лопухинъ. Я посидѣлъ тамъ съ часъ. И мнѣ это было нужно. А потомъ пошелъ къ Давыдову; къ нему по дорогѣ встрѣтилъ Зиновьева. Онъ вернулся съ нами. И я имъ передалъ, что было нужно.—Вчера получилъ письмо отъ Черткова, одно изъ Тулы, вотъ съ этимъ обращеніемъ въ газеты, которое онъ хочетъ помѣстить въ «Русск. Вѣдом.»; а второе съ Козловки, въ которомъ онъ обѣщается самъ пріѣхать. Но нынче получилась отъ него телеграмма, что онъ пріѣхать не можетъ. Сообщеніе его пошли, пожалуйста, въ «Русск. Вѣд.», прося ихъ напечатать.

Сопоцько въ тотъ же день пишетъ изъ Бѣгичевки, что нужда тамъ страшная и все увеличивается, и что онъ все больше и больше допускаетъ народа въ столовыя. Все это очень тяжело.

По разговорамъ съ Зиновьевымъ вижу, что нужда дѣйствительно нынѣшній годъ хуже прошлогодней; но мы какъ будто выпустили весь зарядъ своей энергіи и теперь только хотимъ какъ-нибудь отдѣлаться.

---

[1]) Управляющій, И. А. Бергеръ.

[2]) Т.-е. уѣхали за П. И. Бирюковымъ.

Зиновьевъ сказалъ мнѣ, что Илюша выбранъ въ члены Управы. У васъ ли еще братъ Сережа? Ему бы не грѣхъ отдать намъ наши многочисленные визиты. Мы и то къ нему ѣхали. Напрасно ты не чувствуешь насъ; мы—я—тебя чувствуемъ. Ну, прощай пока, цѣлую тебя и дѣтей.

448. **5 ноября.**

Вчера не писалъ тебѣ, милый другъ, но зато видѣлъ тебя все во снѣ, и писалъ Левѣ. Дѣвочки тоже ему написали. Я постоянно за него боюсь; боюсь за то, чтобы не заболтался въ этомъ сквернѣйшемъ въ нравственномъ отношеніи городѣ [1]). Тамъ всѣ соблазны роскошной столицы, moins тѣхъ добрыхъ сторонъ передового движенія общественной мысли, которое слышится въ другихъ свободныхъ столицахъ. Я помню, какъ я въ молодости ошалѣлъ особеннымъ, безнравственнымъ ошалѣніемъ въ этомъ роскошномъ и безъ всякихъ принциповъ, кромѣ подлости и лакейства, городѣ. То же ошалѣніе я видѣлъ на Сережѣ и боюсь теперь за Леву. Особенно вспоминалъ, какъ онъ нравственно хорошъ, т.-е. лучше сталъ, послѣднее время, главное, въ смыслѣ доброты.

Нынче вечеромъ наконецъ пріѣхали Павелъ Иван. и Иванъ Александровичъ [2]). Павелъ Ив. разсказываетъ про тамошнее дѣло, и все у него идетъ хорошо. Онъ не выходитъ изъ рамокъ нашихъ средствъ, но нужда растетъ, и по тому, что онъ говоритъ, и изъ другихъ свѣдѣній я вижу, что очень плохо.

Намъ угрожали, было, пріѣхать Зиновьевы и Леонтьевы. Но не пріѣхали вчера. Мы здоровы. Таня теперь хочетъ ѣхать къ Мамоновой завтра. Поша будетъ у тебя, вѣроятно, завтра, послѣ этого письма, и все разскажетъ. Я совсѣмъ здоровъ; немножко работаю физически и, когда могу, какъ нынче, много надъ своей работой.

---

[1]) Петербургѣ, гдѣ сынъ Левъ отбывалъ воинскую повинность и, не кончивъ службу, опасно и надолго заболѣлъ.

[2]) Изъ Бѣгичевки, съ голода.

У насъ снѣгъ и зимній путь, а въ Бѣгичевкѣ нѣтъ, и Иванъ Алекс. на саняхъ насилу доѣхалъ.—При случаѣ возьми у Готье или вели прислать Диккенса «Martin Chuzzlewit». Мы читаемъ Достоевскаго. Что Фетъ? Цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

449. **Ноябрь 6.**

Вчера дѣвочки поѣхали въ Тулу провожать Вѣру и взять свидѣтельства у Зиновьева, а я, по обыкновенію, въ 4-мъ часу пошелъ гулять имъ навстрѣчу и дошелъ до самой Тулы. Такъ что меня встрѣтили уже въ городѣ и, одѣвъ въ теплую одежду свою и Дмитрія Олсуфьева, ѣхавшаго съ ними, привезли меня домой въ 7 часовъ. Такъ хороша была и погода, и дорога для ходьбы. Дома засталъ пріѣхавшаго Булыгина и Раева, такъ что гостей было много. Вечеромъ Таня и Маша съ Дмитріемъ Адамовичемъ ѣздили на Козловку и привезли твое письмо, которое ихъ очень огорчило тѣмъ, что ты такъ огорчилась такимъ неважнымъ и никому невреднымъ дѣломъ [1]). Онѣ все снесли съ верху и у Маши дѣвочки теперь въ ея комнатѣ. И сейчасъ учатся. Дмитрій Адамовичъ очень милъ былъ. Онъ тебѣ вѣрно и передастъ это письмо. Еще были письма вчера отъ Дунаева и отъ Страхова. Страховъ пишетъ очень интересно о чтеніи поэта Мережковскаго о литературѣ [2]). Признаки совершеннаго распаденія нравственности людей fin de siècle'а и у насъ. И письмо отъ Левы, хорошее, доброе; но не хорошо тѣмъ, что очень осудительное.

Нынче я пошелъ съ Евг. Ив-мъ и Олсуфьевымъ, потомъ былъ у Игната, онъ очень боленъ, и послалъ его къ Рудневу.—Думалъ о тебѣ: тебѣ должно быть одиноко теперь,—не съ кѣмъ

---

[1]) Тѣмъ, что крестьянскихъ ребятъ Марья Львовна собирала въ дѣтскихъ комнатахъ дома; я боялась какой-нибудь заразы.

[2]) Эта лекція предшествовала его книгѣ „О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ въ соврем. русской литер.“, вышедшей въ самомъ началѣ 1893 г.

поговорить изъ своихъ взрослыхъ. Погода у насъ все чудная. Прощай, душенька, цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

Евгеній Ивановичъ проситъ свою мать прислать ему его полушубокъ въ нашъ домъ, съ тѣмъ чтобы прислать его сюда съ Таниными вещами.

Степа мнѣ писалъ письмо, упрекая меня въ томъ, что я не далъ знать. Я отвѣтилъ ему. Что Елена Павловна? Видаешь ли ты ее? Поша говоритъ, что она ему написала грустное письмо. Такое же она писала Машѣ. Она все лежитъ. Передай ей мое большое уваженіе и любовь. Мнѣ такъ жалко ее!

450. **7 ноября.**

Пишу тебѣ и для тебя, и для себя. У меня ужъ сдѣлалась привычка вечеромъ общаться съ тобой и писать тебѣ, и получать. Поша все разскажетъ тебѣ про вчерашнее. Довольно тяжело было съ гостями, но мы, кажется, ничѣмъ не обидѣли ихъ. Одно только, что заморили ихъ прогулкой.

Вчера получили твое огорченное письмо Танѣ. Она, было, написала одно письмо не въ духѣ, но удержалась; а другое не удержалась. Все это такъ глупо, когда видишь, какъ я вижу со стороны, какъ вы любите другъ друга. Я видѣлъ, какъ Танѣ больно было вчера узнать, что она тебѣ сдѣлала больно, и какъ вамъ нельзя поэтому—да и никому намъ нельзя—сердиться, обижаться другъ на друга, а главное, доказывать свою правоту. Всѣ мы такіе слабые, жалкіе, что если понимать другъ друга, то только можно жалѣть и любить, а никакъ не сердиться. Мнѣ вотъ тебя ужасно жалко за твою осеннюю тоску, да еще въ Москвѣ и нездоровой. Утѣшаюсь только тѣмъ, что на тебя какъ это скоро находитъ, такъ же скоро и проходитъ.

Вчера вечеромъ пришелъ еще черный Анатолій Буткевичъ, котораго ты боишься, а онъ добрый, кроткій и жалкій. Онъ вчера разсказывалъ мнѣ, какъ онъ 9-ти лѣтъ бѣгалъ съ палкой

отъ гардинъ, въ видѣ ружья, за братомъ, прицѣливаясь, и не попалъ въ дверь, а въ притолоку, и проткнулъ себѣ глазъ. Глазъ вытекъ, и онъ былъ на волосокъ отъ сумасшествія или смерти. А теперь у него другой глазъ болитъ. Ну вотъ и сердись, и осуждай такого 9-тилѣтняго, а отчего не 32-хлѣтняго?

Вчера получилъ письмо Левы. Дай Богъ, чтобъ онъ поскорѣе прошелъ это испытаніе такъ, чтобъ ему радостно, а не стыдно было вспомнить. Нынче утромъ Поповъ, тоже жалкій, робкій, кроткій, желающій быть какъ можно лучше, и Буткевичъ пошли къ Булыгину. А Таня въ 1-мъ часу поѣхала въ Тулу, съ тѣмъ чтобы сдѣлать тамъ кое-какія дѣла—о дѣвочкѣ слѣпой отъ Мордвиновыхъ и о дровахъ—и потомъ ѣхать къ Мамоновой. Она вернется во вторникъ. Всегда страшно отпускать. Она и уѣхала. Соня Мамонова всегда ѣздитъ одна и указала ей, какъ кого спроситъ. Такъ что мы съ Машей обѣдали вдвоемъ. Какъ ты думаешь о Машиной поѣздкѣ на Донъ? Мнѣ тоже страшно отпускать, но поѣздка теперь полезна для дѣла, въ отсутствіе Поши. Цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

Письмо это везетъ Маша сейчасъ, 10 часовъ, на Козловку. Что-то будетъ отъ тебя?

451. **11 ноября.**

Вчера получилась большая почта изъ Тулы: и тобой присланныя письма и брошюры, и «Вопросы Философіи» съ статьей Грота и Соловьева, и, главное, письмо Трегубова съ статьями Антонія и Ключевскаго, которыми онъ меня задираетъ и проситъ высказать мнѣніе. Все это мнѣ живо напоминаетъ всю эту праздную, умственную суету московскую. Разумѣется, можно держаться въ сторонѣ отъ нея, но трудно. Ты какъ бы спрашиваешь, когда мы пріѣдемъ И ты пишешь, что М.[1]) Олсуфьевъ сказалъ тебѣ, что я высказалъ, какъ мнѣ тяжело въ Москвѣ. Это несправед-

[1]) Гр. Дмитрій Адамовичъ (М.—Митя).

ливо. Я сказалъ ему, что я всегда говорю: что мнѣ очень трудно покидать мѣсто, на которомъ я сижу и на которомъ мнѣ естественно сидѣть, и нужно усиліе, чтобы уѣхать, и важныя причины. Вотъ Таня пріѣдетъ, и мы подержимъ совѣтъ, т.-е. я предоставлю имъ рѣшать за меня. Я никакъ не могу самъ рѣшить: дай я поѣду туда или сюда, если только нѣтъ для того особой нужды, т.-е. если я кому-нибудь не нуженъ. И напрасно ты говоришь, что я или мы своимъ видомъ упрекаемъ кого-то. Я никогда не тоскую въ Москвѣ. Мнѣ совершенно такъ же чувствуется, какъ и здѣсь. Но только, разсуждая, я знаю, что здѣсь лучше. Не знаю, пошлю ли этотъ листокъ. А то, пожалуй, вызоветъ пререканія, а мнѣ только хочется какъ можно тѣснѣе и любовнѣе жить съ тобой, а не пререкаться. Два дня не получалъ отъ тебя писемъ, если не считать нынѣшняго къ Танѣ. Ея нѣтъ, какъ ты знаешь, и нынче отъ нея письмецо открытое; она пишетъ, что дорогой встрѣтила Георгія Львова и съ нимъ поѣхала къ нимъ, Львовымъ, что она давно обѣщала, съ тѣмъ, чтобы отъ нихъ уѣхать въ 9 утра и въ тотъ же срокъ, т.-е. завтра, во вторникъ, вернуться. Мы и пошлемъ за ней. Я радъ, а то я безпокоился, какъ она ночью доѣдетъ. Еще было письмо отъ Левы, уже отвѣтъ на наше. Онъ все въ бодромъ, хорошемъ духѣ и радуется возможности освободиться черезъ два мѣсяца [1]). Спрашиваетъ мое мнѣніе объ этомъ. Я сейчасъ напишу ему, что, разумѣется, чѣмъ скорѣе онъ освободится, тѣмъ лучше. Я все боюсь за него. Вчера и я не писалъ тебѣ; погода была дурная, метель, и мы не ѣздили и не посылали, но также, какъ всегда, думалъ о тебѣ. Очень пріятна мнѣ здѣсь послѣ усталости утренней работы—я сталъ больше уставать—тишина вечеровъ. Никто не развлекаетъ, не тревожитъ. Книга, пасьянсъ, чай, письма, мысли свои о хорошемъ, серьезномъ, о предстоящемъ большомъ путешествіи туда, откуда никто сюда не возвращается. И хорошо. Только

---

[1]) Лева отбывалъ тогда воинскую повинность въ Императ. стрѣлковомъ баталіонѣ и надѣялся освободиться по нездоровью.

ужасно грустно по твоимъ письмамъ, по нынѣшнему къ Танѣ, что ты все тоскуешь. Какъ бы тебѣ дать спокойствія, радостнаго, довольнаго, благодарнаго спокойствія, которое я иногда испытываю. Цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

452. **13 ноября.**

Пишу тебѣ, милый другъ, изъ нашей столовой (устроенной въ передней). Мы съ Таней только что пили чай, Филипокъ пошелъ закладывать. А мы только что прочли вслухъ Потапенки очень милый разсказъ: «Поздно». У Тани болятъ немного зубы, (въ родѣ флюса), я здоровъ, но очень старъ. Безпокоюсь о Машѣ, хотя надѣюсь по всему, что она доѣхала до метелей. Нынче морозно и много снѣга. Мы вчера еще собрались въ Пирогово, но въ 12 пошелъ снѣгъ, мы отложили. А нынче было тоже снѣжно, да и у Тани заболѣли зубы, такъ что мы совсѣмъ отложили.

Два дня не писалъ тебѣ, и мнѣ скучно. Но зато получали два дня письма твои, и хорошія. Письмо о дѣвочкахъ пришло послѣ того, въ которомъ ты о нихъ пишешь.

Ваня! Мы скоро пріѣдемъ и будемъ тебя носить въ корзинкѣ. И туда принесемъ, что ты не догадаешься. А когда откроемъ крышку, ты увидишь то, что ты никогда не видалъ.

Цѣлую тебя, и мама, и братьевъ.

Если мой башлыкъ въ Москвѣ, пришлите его мнѣ.

Л. Т.

453. **15 ноября.**

Вчера не получили отъ тебя письма, но только оттого, что не были на Козловкѣ. Сейчасъ 10-й часъ, ѣдетъ Таня и получитъ за два дня. Дай Богъ, чтобъ хорошія. И отъ Маши должно бы быть извѣстіе. Погода прекрасная, бодрящая. Вчера я опять былъ въ Тулѣ у Давыдова. Тянетъ меня туда наборъ, который мнѣ нужно было видѣть, и прогулка. Нынче хорошо занимался и ходилъ только гулять, зашелъ къ Константину. Дѣвочка жива, но жалкая, жалкая; головка съ кулачокъ. Удивительные тѣ законы, по которымъ одни дѣти и люди живутъ, а другіе мрутъ.

Но есть законы.

Baudelaire получилъ. Не стоило того. Это только, чтобъ имѣть понятіе о степени развращенія fin de siècle. Я люблю это слово и понятіе. У насъ тепло въ домѣ, и мы здоровы. Вечеромъ у Тани были дѣвочки крестьянскія, и я ей помогалъ учить. У насъ возили въ солдаты Курносенкова и Жарова, и пьяные, какъ и должно быть, они подрались, и одинъ рекрутъ пырнулъ ножомъ Ефима Жарова, кажется, не опасно. А Курносенкова приняли, несмотря на то, что онъ ѣздилъ къ женщинѣ, которая умѣетъ отчитывать отъ солдатства, и онъ заплатилъ ей деньги.

Сопоцько пишетъ частыя письма о положеніи тамъ. Должно быть, очень тяжело. Я теперь часто вспоминаю свои распоряженія объ уменьшеніи порціи хлѣба и т. п. и ужасаюсь на свою жестокость. Такъ притерпишься. А удивительно, какъ нынѣшній годъ всѣ равнодушны къ голоду, а онъ есть, и сильный. Прощай, милый другъ, до скораго свиданья. Цѣлую тебя и дѣтей.

454. **17 ноября.**

Сейчасъ ѣдемъ за Поповымъ и надѣемся получить отъ тебя и письмо, и вѣсти. Пишу, чтобы сказать, что у насъ все хорошо. Мы здоровы. Отъ Маши письма. Она хорошо доѣхала и тамъ хорошо работаетъ. Прощай, цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

455. **18 ноября.**

Какъ то случилось, что вчера я зачитался вечеромъ и записался обязательными письмами и не успѣлъ написать тебѣ. Погода была чудная, и я ѣздилъ верхомъ на Козловку, и отъ тебя не было. Нынче пріѣхала Маша, веселая, здоровая и, кажется, съ пользой съѣздившая. Положеніе тамъ очень тяжелое, и нужны и люди, и средства, и руководства. Но какая-то апатія на всѣхъ. Таня нынче ѣздила въ Тулу достать денегъ и передать ихъ и свидѣтельства Львову, который взялся выписать намъ 50 вагоновъ дровъ.—Я нынче хорошо занимался и

все приближаюсь къ концу. Очень многое хочется писать. Но часто это бываетъ обманчивый позывъ.

Мы рѣшаемъ ѣхать въ Москву 25-го, и съ большимъ удовольствіемъ думаю, что увижу не только тебя, но и дѣтей. Что Андрюша? Отчего ты такъ отчаиваешься въ немъ? Мнѣ, напротивъ, онъ всегда кажется какъ-то лучше, чѣмъ онъ бы могъ почему-то быть.—Послѣзавтра хотѣли пріѣхать Давыдовы. Я читаю очень хорошую книгу автора «Robert Elsmere». Задача автора—показать обманчивость подкупанья людей женской красотой. Очень тонко и умно.

Ну, пока прощай. Нынче никто изъ насъ не ѣдетъ. Сильный вѣтеръ. Цѣлую тебя и дѣтей. Mr. Mocquand [1]) (кажется, такъ) и Лидѣ кланяюсь. *Л. Т.*

456. **21 ноября.**

Какъ то случилось, что послѣ послѣдняго глупаго (такое у меня осталось впечатлѣніе) письма къ тебѣ я два дня не писалъ тебѣ, милый другъ. Не знаю, что Таня писала. Теперь же пишу днемъ, 1-й часъ, передъ нашимъ отъѣздомъ въ Пирогово. Таня нынче утромъ, въ 5, уѣхала къ Сережѣ съ Ив-мъ Алекс-мъ (что я всегда не одобряю), а мы, пользуясь чудесной погодой, съ Машей ѣдемъ сейчасъ на два дня въ Пирогово, или, можетъ быть, доѣдемъ и до сыновей. Пожалуйста, не безпокойся. Погода прекрасная, и мы всѣ предосторожности гигіеническія соблюдаемъ и совершенно здоровы.

Вчера у насъ былъ Давыдовъ съ дочерью, обѣдали и пріятно провели вечеръ. Вчера получили твое письмо отъ 18-го,—твои письма уже который разъ запаздываютъ на день,—и узнали про Машу Оболенскую. Какъ жаль и какъ неразумно боятся заразы. Никогда раньше не боялись и не больше было болѣзней. И я жду, что доктора рѣшатъ наконецъ, что заразы нѣтъ, какъ они рѣшили теперь для холеры.

---

[1]) Новый гувернеръ, жившій прежде у Раевскихъ.

Я думаю, что кончилъ свое писанье. Евгеній Ивановичъ остается дома переписывать, и, вернувшись 23-го вмѣстѣ съ Таней, если будемъ живы, я пересмотрю, и Евгеній Ивановичъ уѣдетъ къ Черткову 25-го, а мы къ тебѣ. Что Саша? Ты, пожалуйста, намъ пиши точно такъ же, потому что написанное 21-го письмо придетъ къ намъ 23-го.

До свиданья, цѣлую тебя и дѣтей. *Л. Т.*

1893 годъ.

Письма изъ Ясной Поляны и Бѣличевки въ Москву.

457. **Ясная Поляна. 31 января.**

Здравствуй, милая Соня. Надѣюсь, что ты идешь на поправку. Пожалуйста, напиши правдиво и обстоятельно. Мы доѣхали хорошо. Дорогой немного развлекалъ насъ жалкій Глѣбъ Т... Ужасно жалко видѣть этотъ безнадежный идіотизмъ, закрѣпляемый умомъ,—съ добрымъ сердцемъ. Могъ бы быть человѣкъ. Въ домѣ тепло, хорошо, уютно и тихо. И въ домѣ, и на дворѣ. И тишина эта очень радостна и успокоительна. Утромъ занимался до часу; потомъ поѣхалъ съ Пошей въ санкахъ въ Городну. Тамъ нищета и суровость жизни въ занесенныхъ избахъ—такъ что входишь въ дома тоннелями (и тоннели противъ оконъ)—ужасны на нашъ взглядъ, но они какъ будто не чувствуютъ ея.—Въ домѣ моей молочной сестры умерла она и двое ея внуковъ въ послѣдній мѣсяцъ, и, вѣроятно, смерть ускорена или вовсе произошла отъ нужды, но они не видятъ этого. И у меня, и у Поши, который обходилъ деревню съ другой стороны,—одно чувство: жалко развращать ихъ. Впрочемъ, завтра поговоримъ съ писаремъ. Погода прекрасная. Вечеромъ читали вслухъ, и я насилу держался, чтобы не заснуть, несмотря на интересъ записокъ Григоровича. «Русская Мысль» здѣсь. Цѣлую всѣхъ васъ. *Л. Т.*

458. **1 февраля.**

Вчера пріѣхалъ Евгеній Ивановичъ, который къ сожалѣнію не былъ у васъ и не привезъ никакихъ писемъ. Напоивъ его чаемъ, легли спать около 12. Нынче отправили утромъ Пошу. Я по обыкновенію писалъ, Маша ѣздила въ Мостовую. Работалось мнѣ дурно, и я поѣхалъ въ Ясенки къ писарю и старшинѣ поторопить ихъ къ отправкѣ приговоровъ крестьянъ о продовольствіи и узнать еще подробности о нуждающихся, и мы раздадимъ муки. Общей нужды нѣтъ такой, какъ было въ Бѣгичевкѣ, но нѣкоторые также въ страшномъ положеніи. Такое же впечатлѣніе и Маши. Такъ что поѣдемъ въ Бѣгичевку, какъ только пріѣдетъ Таня, если она хочетъ пріѣхать. Нужно ли тебѣ, Таня голубушка?—Нужда въ нѣкоторыхъ случаяхъ ужасная. Тоже дровъ нѣтъ отъ снѣга. Въ Ясенкахъ умеръ мужикъ отъ холода и голода. Недѣлю не топилъ.—Погода чудесная, тепло, я ѣздилъ верхомъ. Живемъ въ Таниной многосложной и пріятной комнатѣ. Сейчасъ ѣдутъ на Козловку за Марьей Кирилловной и привезутъ вѣрно извѣстія о васъ. Дай Богъ, чтобъ хорошія. Цѣлую васъ. Маша здорова, бодра. Я думаю, что ей во всѣхъ отношеніяхъ здорово уѣхать изъ Москвы.

459. **3 февраля.**

Получилъ отъ тебя два письмеца, но вчера не было. И за то спасибо. Но чѣмъ чаще и подробнѣе будете писать, тѣмъ намъ веселѣе. Хорошо, что Лева пріѣхалъ и бодръ.—Ты пишешь, что были: Ге, Соловьевъ [1]), Столыпинъ [2]), Сухотинъ, Серг., Касаткинъ [3]),—все милые люди, но слишкомъ много вдругъ не ассимилируется. Въ этомъ неудобства города. Two is company, three is none. Мнѣ по именамъ хотѣлось бы всѣхъ ихъ видѣть,

---

[1]) Владиміръ Сергѣевичъ, философъ.

[2]) Александръ Аркадьевичъ, сотрудникъ газетъ.

[3]) Художникъ.

но вмѣстѣ навѣрное не вышло связаннаго и интереснаго разговора. А ты опять вся въ корректурахъ! Боюсь я, что ты совсѣмъ разстроишь себѣ нервы, и я совѣтовалъ бы тебѣ сдать эту работу корректору.

Мы поѣдемъ, когда пріѣдетъ Таня. Завтра увижусь съ новымъ земскимъ начальникомъ, Тулубьевымъ, и сговорюсь о томъ, что сдѣлать здѣсь. Вчера ѣздилъ въ Ясенки, сегодня ѣздилъ въ Тулу, видѣлъ у Давыдова Львова. Свидѣтельствъ больше нѣтъ, а Поша пишетъ, что дровъ мало и очень нужны. Нельзя ли достать изъ Петербурга, изъ Комитета Наслѣдника, черезъ Александру Андреевну или кого еще. Посовѣтуйся съ кѣмъ-нибудь, и если да, то пусть Таня напишетъ. Работается хорошо. Послѣ обѣда поправлялъ съ Машей Аміеля [1]). Очень хорошъ. У меня на столѣ есть письмо Герцога. Пусть Таня привезетъ. Мы вполнѣ здоровы. Только бы вы были такіе же. Цѣлую всѣхъ.—Ѣдимъ чудесно и такъ же спимъ. На дворѣ прекрасно, въ домѣ тепло.

460. **4 февраля.**

Не знаю, написала ли тебѣ сегодня Маша, а она уже ушла на конюшню, чтобы ѣхать за Т., и потому пишу, чтобы сказать, что мы здоровы, что у насъ все хорошо. Нынче былъ земскій начальникъ Тулубьевъ, и мы съ нимъ сговорились о помощи, кажется, благоразумно. Если ничто не измѣнитъ нашихъ плановъ, то поѣдемъ въ субботу. Пожалуйста, пиши почаще, хоть по нѣсколько словъ.

Л.-Т.

461. **5 февраля.**

Теперь вечеръ 5-го числа. Мы собираемся ѣхать завтра, дѣвочки укладываются, а я пишу письма. Пожалуйста, ты о насъ не безпокойся. Мы въ путешествіи будемъ осторожны,

---

[1]) „Fragments d'un journal intime“ par Amiel перевела на русскій языкъ дочь Маша, съ предисловіемъ Льва Николаевича.

какъ только ты бы могла желать. Если будетъ метель, мы не поѣдемъ. Я потому говорю это, что мнѣ ломитъ сломанная рука, и, кажется, идетъ на вѣтеръ и на оттепель. Я вчера написалъ тебѣ мелкомъ о томъ, что здѣсь дѣлается. Дѣло стоитъ такъ: нужда большая въ Мостовой, Городнѣ, Подъиваньковѣ и Щекинѣ. Маша ѣздила туда нынче; но до сихъ поръ, благодаря заработкамъ, которые здѣсь есть, все еще кое-какъ кормятся. Кромѣ того, неизвѣстно, сколько и кому выдадутъ отъ земства. А выдавать начнутъ на-дняхъ. И потому мы рѣшили съ новымъ земскимъ начальникомъ Тулубьевымъ (онъ былъ у насъ, какъ говорилъ, 5-ти лѣтъ; хорошій, кажется, малый, бывшій лейбъ-гусаръ), что подождемъ до выдачи и тогда, вернувшись изъ Бѣгичевки, устроимъ здѣсь, въ чемъ поможетъ Тулубьевъ. У него же я купилъ для этого рожь.

Таня пріѣхала благополучно, но мнѣ жалко ее отрывать отъ увлекшаго ее занятія живописью. Можетъ быть, мы отправимъ ее одну къ тебѣ, тѣмъ болѣе, что Лева уѣдетъ и ты останешься одна. Хотя Лева тебя, какъ видно, теперь болѣе всего мучаетъ. Мнѣ думается, что его нездоровье одно изъ тѣхъ ослабленій жизненной энергіи, которое часто бываетъ въ этомъ возрастѣ. Я помню, въ такомъ положеніи былъ Владиміръ Александровичъ [1]), въ такомъ положеніи былъ братъ Сергѣй. Онъ лѣчился, пилъ рыбій жиръ.—Мы здоровы, погода стояла тутъ прекрасная, и я все ѣздилъ верхомъ.

Я писалъ тебѣ о выхлопатываньѣ свидѣтельствъ безплатныхъ изъ Комитета Наслѣдника. Подумавъ хорошенько, я рѣшилъ, что этого не надо, поэтому ты оставь это. Въ тотъ день, какъ я былъ въ Тулѣ, я видѣлъ Давыдова и Львова и узналъ, что Писаревъ тутъ. Онъ, кажется, поѣхалъ къ себѣ, но не надолго, и вернется въ Тулу. Я постараюсь увидать его и достать отъ него свидѣтельства. Если будетъ что для чтенія, то пришли намъ, напримѣръ, «Сѣверный Вѣстникъ» и еще, что попадется. Ни-

[1]) Мой дядя, Вл. Ал. Ислависнъ.

кифоровъ [1]) хотѣлъ переслать мнѣ нѣкоторые, не просмотрѣнные мною томы Мопассана. Если они вернулись къ Готье по абонементу Маракуева [2]), то Лева пусть возьметъ ихъ и пришлетъ мнѣ. Они у Готье знаютъ. Цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

462. **7 февраля.**

Пишемъ изъ Клекотокъ, куда благополучно пріѣхали, но безъ Маши. Она по случаю нездоровья осталась на день съ Марьей Кирилловной въ Ясной. Мы, т.-е. Таня, Евг. Иван., я и Петръ Васил., сейчасъ ѣдемъ далѣе. Погода тихая, прекрасная, 14 град. Отъ тебя, къ огорченію нашему, письма нѣтъ. Цѣлую тебя крѣпко и пеняю за то, что не пишешь. Оттуда еще напишемъ. Если озябнемъ или устанемъ, остановимся въ Молоденкахъ.

Л. Т.

463. **Бѣгичевка. 9 февраля.**

Таня тебѣ, вѣроятно, все опишетъ, милая Соня, а я только подтвержу и скажу о себѣ. Доѣхали мы хорошо, боялись за Машу, но и она благополучно пріѣхала. Въ домѣ было свѣжо, но теперь мы такъ натопили, что жарко. Погода все не хороша: дороги дурны, метель небольшая, но сообщенія есть. Нынче пріѣхала Заболоцкая, вчера уѣхалъ Сопоцько. Вчера я ходилъ въ ближнія деревни. Нынче ѣздилъ въ Софьинку. Впечатлѣніе мое, что нужда большая, но къ ней еще больше привыкли, чѣмъ въ прошломъ году, и дѣло нашей помощи идетъ хорошо тамъ, гдѣ я былъ. Но мы намѣрены объѣхать всѣ 90 столовыхъ, а видѣли теперь 5. Пріѣздъ нашъ, по моему мнѣнію, былъ нуженъ въ особенности потому, что Линденбергъ ссорится съ Семеновымъ [3]); и тотъ, и другой хочетъ уѣзжать—Линденбергъ теперь, а Семеновъ къ веснѣ. Главное, самъ Павелъ Ивановичъ замотался и едва ли доживетъ до весны. Надо все устроить по-

---

[1]) Левъ Павловичъ, переводчикъ Мопассана.

[2]) Маракуевъ, издатель.

[3]) Семеновъ, С. Т., народный писатель.

прочнѣе. Можно Сопоцько поручить дѣло П. И. и на мѣсто Сопоцько помѣстить изъ двухъ вновь пріѣхавшихъ. Все это, вѣроятно, устроится и объяснится скоро.—Мы здоровы и веселы. По крайней мѣрѣ дѣвочки font bonne mine à mauvais jeu. А я чувствую, что надо было пріѣхать; занятъ своей работой по утрамъ, и былъ бы доволенъ, если бъ не тревожился о тебѣ, особенно не получивъ ни одного хорошаго письма отъ тебя.

Отчетъ напишу здѣсь и, если успѣю, разсказъ, который я обѣщалъ въ сборникъ для переселенцевъ. Вчера написалъ много писемъ. Читалъ хорошую и мнѣ интересную, русскую, о Руссо. Теперь читаю скверную повѣсть Потапенки.—Очень хочется хорошей погоды и дороги. Тогда скоро все объѣздимъ и вернемся. Что дѣти? Андрюша? Онъ меня интересуетъ и самъ по себѣ и потому, что онъ тебя тревожитъ.

Петръ Васил. ночуетъ около меня и ночью храпитъ. А я, чтобъ прекратить его храпъ, свищу. Нынче Марья Кирилловна слышала свистъ и вѣрно думала, что домовой. Живемъ мы все такъ же: обѣдаемъ въ часъ, ужинаемъ въ 8. Пища прекрасная. Прощай пока. Цѣлую тебя.

Л. Т.

464. **10 февраля.**

Пользуемся случаемъ на Клекотки. Дѣвочки написали тебѣ, я приписываю. Очень поспѣшаемъ, чтобы поскорѣе вернуться. Письма, если нужныя, то посылай сейчасъ. Не могу еще сказать вѣрно, когда вернемся, но очень хочется поскорѣй. Я писалъ тебѣ, почему нельзя сейчасъ же. Мы здоровы и всѣ другъ друга бережемъ, поэтому ты за насъ не бойся. Дѣвочки, равно и я, только здоровѣемъ.

Л. Т.

465. **13 февраля.**

Сейчасъ суббота вечеръ. Пишу тебѣ, милый другъ, чтобъ завтра отправить въ Чернаву. Я дома одинъ, только что вернулся изъ деревень по Дону: Никитское, Мясновка, и до Пашкова,

куда ходилъ пѣшкомъ. Чудная погода и дорога. Много обошелъ, и ощущеніе, что сдѣлалъ кое-что полезнаго. Сопоцько, который пріѣхалъ нынче утромъ, выѣзжалъ мнѣ навстрѣчу, и мы съ нимъ вернулись. Дѣвочекъ нѣтъ еще; онѣ утромъ поѣхали къ Мордвиновымъ на блины. Пріѣзжали звать, и онѣ не могли отказаться. Оттуда хотѣли ѣхать по дальнимъ деревнямъ. Ладыженскій, котораго я встрѣтилъ дорогой и который тоже будетъ у Мордвиновыхъ, сказалъ мнѣ, что онѣ рѣшили ѣхать только въ ближнія деревни. Погода прекрасная, онѣ съ кучеромъ и обѣ здоровы, поэтому жду ихъ безъ безпокойства.

Очень досадно, что нельзя помогать дровами, которыя ужасно нужны. Нынче пишу къ Писареву, прося его уступить намъ изъ его излишнихъ запасовъ. Къ Сопоцько пріѣхали два помощника. Къ Философовымъ пріѣхала ихъ помощница, кажется, дѣловитая дѣвица. Вчера пріѣхалъ Цингеръ, Иванъ, и предлагаетъ свои услуги. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобъ онъ остался на весну, намѣсто Поши, главное потому, что онъ Раевскимъ свой человѣкъ, но боюсь, что онъ слишкомъ молодъ.

Вчера читалъ Прощеніе—«Pater» Corrée, и Таня стала подбивать всѣхъ сыграть это для крестьянъ, и они читали это вслухъ, разобравъ роли: Шарапова, ея пріятельница, Таня, Поша, Цингеръ. Но, кажется, ничего изъ этого не выйдетъ.

Я встаю рано, въ 7, въ 8 пью кофе и съ $^1/_2$ 9-го до 1 и болѣе усердно работаю, потомъ обѣдаю, потомъ ѣду, куда нужно, возвращаюсь къ 6. Въ 8 ужинаемъ, часто дѣвочки затѣваютъ экстренный чай. Таня рисуетъ, читаемъ, пишемъ письма, бесѣдуемъ. Я чувствую себя очень хорошо. О тебѣ ужасно мало знаемъ. Это тяжело. Пожалуйста, пиши чаще. Вчера было извѣстіе черезъ Елену Павловну, и въ среду получилъ твое единственное длинное письмо. Дороги теперь хорошія и погода, и потому мы очень скоро все объѣздимъ. Надѣюсь, что устроимъ, т.-е. все рѣшимъ, какъ и кому замѣстить Пошу. Цингеру мы предложили, но онъ робѣетъ и проситъ подумать. Скажи Катер. Ив., передавъ ей мой привѣтъ, что я все совѣтовалъ ей ѣхать

сюда, а теперь не совѣтую. Съ ея здоровьемъ заѣхать сюда и на мельницу въ холода или ростепель—неблагоразумно.

Съ большимъ волненіемъ буду ждать завтрашнюю почту, письмо отъ тебя. Цѣлую тебя, милый другъ. *Л. Т.*

466. **14 февраля.**

Сейчасъ 11 часовъ вечера, воскресенье. Были всѣ сотрудники, пили чай, читали и только что ушли. А вечеромъ присылалъ Яковъ Петровичъ сказать, что ѣдутъ въ Москву, и вотъ я пишу тебѣ хоть нѣсколько словъ. Мы благополучны и здоровы. Дѣвочки ѣздили обѣ въ разныя стороны довольно далеко, а я оставался дома. Дѣло объѣзда приходитъ къ концу. Морозъ сильный, но тихо, и дороги хороши. Сегодня получилъ твои три письма, изъ которыхъ послѣднее болѣе спокойное и хорошее. На Ваню Раевскаго мы и такъ возлагаемъ надежды. Я писалъ тебѣ, что ссорились Линденбергъ и Семеновъ. Это было чуть-чуть и ни въ комъ не оставило непріятнаго чувства, а напротивъ, они всѣ премилые люди. Нынче была опять Заболоцкая, и простилась уже. Она уѣзжаетъ на этой недѣлѣ. Она удивительно самоотверженная дѣвица. Совсѣмъ разстроила свое здоровье здѣсь.—То, что ты хлопотала о свидѣтельствахъ, очень хорошо; только если ихъ дадутъ, то надо скорѣе.

Нынче получилъ письмо отъ американскаго консула и Бобринскаго о томъ, что если намъ нужно денегъ, то они пришлютъ. Должно быть, это не мнѣ. Я отвѣтилъ. Письмо отъ Эленъ, счастливое. Она пишетъ, что тебя просила. Ты подожди. Таня все сдѣлаетъ. А ты все мучаешь себя корректурами? Зачѣмъ ты такъ ночи не спишь? Какъ жаль Аничку! Это ужасно!

Ну, пока прощай, до скораго свиданья. Цѣлую тебя и дѣтей. «Анну Каренину» Мишѣ читать, разумѣется, рано.

467. **15 февраля.**

Каждый день приходится писать тебѣ, милый другъ Соня. Вчера писалъ съ Яков. Петр., а нынче ужъ вторникъ, завтра

почта. Наши дѣла почти приходятъ къ концу, остаются одни Ефремовскія, Сопоцько столовыя, на которыя достаточно 2—3-хъ дней, самое большее. Но у него побывать необходимо; это говоритъ и Поша, да и я знаю. Онъ усерденъ, дѣятеленъ, но юнъ.—У меня второй день насморкъ и кашель, и я по приказанію дочерей, а главное, помня тебя, не выѣзжаю, и не выѣду, пока не пройдетъ совсѣмъ. А только гуляю потихоньку. Если бы не дочери и память о тебѣ, я бы даже не обратилъ вниманія и ѣздилъ бы. Такъ что мы время своего отъѣзда намѣчаемъ въ субботу. Такъ это Танѣ удобно для ея школы. Мы же на самое короткое время проѣдемъ въ Ясную и поскорѣе къ тебѣ, чтобы ты перестала тревожиться и не спать до 3-хъ часовъ. Къ субботѣ мы надѣемся получить отвѣтъ о дровахъ отъ Писарева, которому я писалъ, и рѣшимъ дровяной вопросъ, т.-е. можно ли теперь—теперь только и нужно—раздать дровъ.

Бобринскому и американскому консулу я тоже отвѣтилъ, что деньги будутъ приняты съ благодарностью; къ этому же времени напишемъ отчетъ, который Поша нынче, кажется, кончаетъ и который надо будетъ чѣмъ-нибудь закончить. Ну, пока прощай; теперь не упрекаю тебя больше за молчаніе. Вчера еще получили письмецо твое изъ Клекотокъ, старое. Я очень радъ, что сошлись съ Матильдой для Саши. Я думаю, она хорошая учительница и тебя освободитъ.—Дѣвочки здоровы и бодры. Таня сейчасъ пріѣхала, ѣздила за 20 верстъ. Маша еще не пріѣзжала; тоже поѣхала за 20 верстъ. Еще не пріѣзжала. Она хороша. Онѣ, вѣрно, припишутъ.

Изъ Ясной Поляны, гдѣ Левъ Никол. былъ съ дочерью Машей, Таня же уѣхала въ Москву.

468.

21 февраля. Ясная Поляна.

Таня, живая грамота, надѣюсь, пріѣхала благополучно и все тебѣ про насъ разскажетъ, милый другъ. А я вотъ въ тотъ же

вечеръ пишу съ Иваномъ Цингеромъ, который нынче пріѣхалъ и нынче же въ ночь ѣдетъ. Онъ броситъ это письмо въ ящикъ. Мой кашель прошелъ, и я совсѣмъ здоровъ, а Маша все кашляетъ, и я ее никуда не пущу, пока не пройдетъ. Всѣ кашляли и Марья Кирил. Нынче я очень много занимался утромъ и усталъ, а вечеромъ еще исправлялъ и добавлялъ Павла Ивановича отчетъ, и кончили, прибавивъ немного. Но боюсь, не пропустятъ. Кромѣ того, побывавъ тамъ и пиша отчетъ, я почувствовалъ, что здѣсь далеко не такъ нужна помощь, какъ тамъ. Здѣсь первый годъ и есть заработки. И потому, поговоривъ съ Тулубьевымъ, которому я далъ знать, я постараюсь здѣсь, если нѣтъ вопіющей надобности, о чемъ я еще узнаю здѣсь, ничего не дѣлать или ограничиться самой ничтожной помощью. Если расширять помощь, то тамъ; поэтому мы очень скоро пріѣдемъ. Хочется всѣхъ васъ видѣть и Леву, который съ вами.

Л. Т.

469. **23 февраля.**

Сейчасъ пріѣхалъ изъ Тулы, куда ѣздилъ нынче утромъ послѣ обычныхъ занятій. Теперь 10-й часъ вечера, ѣдутъ на Козловку за Марьей Кирил-ой, и надѣемся получить письмо отъ тебя. Вчера былъ земскій начальникъ, Тулубьевъ, и мы рѣшили ничего здѣсь не предпринимать. Только съѣзжу для очищенія совѣсти въ Щекино послѣзавтра; а завтра, если буду живъ и здоровъ и погода хорошая, съѣзжу къ Булыгину. Въ Тулѣ все очень хорошо и удачно и скоро сдѣлалъ: добылъ 40 свидѣтельствъ, и Львовъ обѣщалъ выписать дрова. Поэтому пошлите ему 700 рублей. Исполнилъ и разныя дѣла у Давыдова и Зиновьева. Зиновьева, Писарева, Давыдова—всѣхъ видѣлъ съ пріятностью. Пріѣдемъ въ субботу, если все будетъ благополучно. Не ѣдемъ раньше, потому что только одинъ день свободный, и Ивана Алекс. надѣемся дождаться. Цѣлую тебя и дѣтей. До свиданья. Погода чудная, и мы здоровы.

Л. Т.

470. **25 февраля.**

Вчера пріѣхалъ Лева, и мы заговорились, да и метель была, и не послали на Козловку, и не писали. Мы всѣ здоровы. Лева не поправился, и мнѣ жалко смотрѣть на него. Какъ изъ такого жизнерадостнаго, красиваго мальчика сдѣлался такой болѣзненный! Хотя я надѣюсь, что это пройдетъ. Духомъ онъ бодръ и веселъ. Ходили гулять, ѣздили въ Ясенки. Иванъ Александровичъ пріѣхалъ. Львову не посылай деньги. Мы ему передадимъ тѣ, которыя ты выслала въ Ясенки. Онѣ получены, и завтра получу. Если ничего не помѣшаетъ, пріѣдемъ въ субботу съ курьерскимъ. Будь здорова и бодра и не думай о... [1]). Цѣлую тебя, Таню и дѣтей.

Л. Т.

Письма изъ Бѣгичевки, куда Левъ Николаевичъ и дочь Таня поѣхали провѣдать положеніе дѣлъ помощи голодающимъ.

471. **Бѣгичевка. 11 іюля.**

Мы доѣхали очень хорошо, не слишкомъ жарко. Ровно ничего не случилось. Ѣдемъ во-время, въ 9-ть. Въ 1 часъ, вѣроятно, будемъ на мѣстѣ. За нами два экипажа.

Л. Т.

472. **13 іюля.**

Таня вѣрно писала про нашъ пріѣздъ. Вчера, 12-го, я ѣздилъ въ Андреевку къ Сопоцько, свезъ ему деньги, 300 рублей, и распорядился о дровахъ, которыя у насъ всѣ вышли. Юсуповы желаютъ пожертвовать 500 рублей на наши столовыя; управляющій ихъ долженъ привезти мнѣ деньги. Нынче, 13-го, я собирался пойти къ Шарапову въ Татищево, котораго я видѣлъ вмѣстѣ съ его старшей сестрой, которая здѣсь, пріѣхавъ изъ Женевы; но вечеромъ пошелъ страшный ливень. У Мордвиновыхъ былъ градъ, который выбилъ хлѣбъ, который продолжался до самой ночи.

[1]) Неразборчивое слово.

Пріѣхала Павла Николаевна за деньгами. Все дошло и все нужно скорѣе закупать. По утрамъ я переправилъ свою русскую и французскую статью. Хозяева очень милы. Здоровье наше хорошо. Цѣлую тебя и дѣтей. Кузминскихъ также. Завтра пойду въ Татищево и окольныя деревни. Есть письмо отъ Страхова, который пишетъ, что въ августѣ заѣдетъ. Я напишу ему, приглашая.

473. **15 іюля.**

Сейчасъ пріѣхалъ Павелъ Ивановичъ и получилъ ваши письма. Сейчасъ 4 часа, четвергъ. Таня ѣздила и ходила въ Софьинку, я сидѣлъ дома, переправляя свою французскую статью; сейчасъ поѣду въ Прудки, Пеньки и оттуда заѣду къ Философовымъ, къ которымъ всѣ собираются и которые вчера были у насъ. Поразительно письмо Черткова и Попова о Дрожжинѣ [1]). Не будетъ такихъ людей, никогда узелъ не развяжется, а когда есть эти люди, становится страшно, особенно за мучителей. Вчера въ Татищевѣ получилъ мучительное впечатлѣніе. Нѣтъ хуже деревни. Обступили заморыши, старые и молодые, и главное, дѣти въ чепчикахъ, изможденныя, улыбающіяся. Особенно одна двойнишка.—Мы устроили съ старшей Шараповой доставать имъ молока, кромѣ дѣтскихъ. Это необходимо при повальныхъ теперь дѣтскихъ поносахъ. Еще пристроилъ на годъ бездомныхъ. И такъ изведу всѣ деньги. Еще недостанетъ. Спасибо за письма Машѣ. Цѣлую. Марьѣ Александровнѣ и всѣмъ поклонъ.

Л. Т.

474. **17 іюля.**

Вотъ и прошли наши десять дней. Остается 2 дня; и я не видалъ, какъ прошли: утромъ пишу, поправляю по-русски и по-французски статью о З. и Д. [2]), а вечеромъ ѣзжу. Вчера только не успѣлъ,—помѣшали гости. Самаринъ снималъ фотографіи, а я

[1]) Отказавшійся отъ воинской повинности и умершій въ тюрьмѣ.

[2]) Зола и Дюма. (Ст. „Недѣланіе“.)

ему прочелъ статью. Потомъ пріѣхали: Писарева, Долгорукова Лидія и Бобринская. Я поѣхалъ, было, на Осиновую Гору, это 13 верстъ, но не доѣхалъ, вернулся. Нынче тоже. Очень жарко; я даже не купаюсь, а то приливъ къ головѣ. Вечеромъ ѣздилъ верхомъ въ Осиновую Гору и Прудки Осин. Вездѣ нужно—и для народа, насилу доживающаго до нови, и для жалкихъ заморышей-дѣтей. Денегъ казалось много, а не только всѣ размѣстятся—чуть достанетъ. Хозяева очень милы. Нынче вечеромъ барышни, двѣ наши и двѣ Философовы, были въ гостяхъ въ Никитскомъ у Ив. Ив-а Цингера и Алексѣя Митрофановича.

Радуюсь вернуться, хотя и здѣсь было хорошо. Цѣлую тебя и всѣхъ нашихъ. Привѣтъ нашимъ гостямъ и сожителямъ.

Письмо въ Москву, куда я уѣхала съ учащимися мальчиками, а Левъ Николаевичъ съ дочерями и маленькими дѣтьми оставался по обыкновенію въ Ясной Полянѣ.

475. **9 сентября.**

Нынче съ утра Ванечка [1]) опять кашлялъ тѣмъ же непріятнымъ кашлемъ, но только утромъ. Послѣ завтрака мы его пустили гулять. Погода у насъ совершенно лѣтняя. Они ходили къ поручику. Таня поручила имъ снести деньги. Шли лѣсомъ и принесли бѣлыхъ грибовъ и рыжиковъ. Онъ очень веселъ и милъ. И надо надѣяться, что кашель его пройдетъ безъ лѣченія. Саша тоже въ насморкѣ. Послѣ обѣда мы ихъ не пускали.

Лева жалуется, но наслаждается погодой, много ходилъ, и если ему не лучше, то навѣрное не хуже. Таня писала въ мастерской Зинаиду Михайловну, и Лева съ нею. Маша ѣздила—отвезла Марью Александровну въ Овсянниково и пробыла тамъ весь день. Писала, въ лѣсу работала и, вернувшись въ сумеркахъ, тоже

---

[1]) Меньшой нашъ сынъ, умершій отъ скарлатины въ 1895 году, семи лѣтъ.

очень довольна своимъ днемъ. Я писалъ, такъ же какъ и вчера, отвѣтъ нѣмцу о томъ, что́ я полагаю подъ словомъ «религія». Потомъ немного заснулъ и пошелъ за рыжиками въ дальнія елочки. Набралъ полну корзину. Вечеромъ не рубилъ, не пилилъ, а писалъ письма, и теперь вотъ свезу ихъ самъ на Козловку.

Вчера вернулась съ почтовымъ Таня Андреевна, здоровая и очень довольная впечатлѣніемъ, которое на нее произвели Херадиновы и Миша у нихъ. Болѣзнь его, какъ кажется, была сильное разстройство желудка отъ объѣденія. Я не видалъ ее нынче, но Таня дочь была у нея и говоритъ, что она здорова, только слаба. Тяжелѣе всего ей была ночью дорога изъ Тулы, хотя она взяла коляску Лабазова. Ходя за грибами, думалъ объ Андрюшѣ, объ его отношеніяхъ съ тобой и о томъ, какъ тебѣ тяжело главное отъ принятаго имъ недобраго тона съ тобой, когда ты обращаешься къ нему. Прощай, цѣлую тебя, Андрюшу, Мишу. Дружескій привѣтъ Павлу Петровичу [1]).

476. **11 сентября.**

Нынче пишу второпяхъ, сейчасъ ѣдутъ, а мы съ Таней зачитались Мопассаномъ. Погода удивительная. Постоянно поминаю и жалѣю тебя. Что это отъ тебя нѣтъ писемъ? Мы всѣ здоровы. Ванечка все меньше и меньше кашляетъ. Цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

477. **12 сентября.**

Саша съ Ванечкой принесли мнѣ это письмо, и я радъ, что не пропущу нынѣшняго дня, не написавъ тебѣ. Я ходилъ нынче за грибами по Чертѣ и на пчельникъ—нашелъ нѣсколько бѣлыхъ—и все думалъ о тебѣ. Вѣрно ты ѣздила нынче, воскресенье, за городъ. Красота и теплота необычайная. Что твое здоровье? Будь, пожалуйста, осторожна при перемѣнѣ образа

[1]) П. П. Кандидовъ, учитель сыновей.

жизни, воды. И одна,—некому о тебѣ позаботиться. Я знаю, что ты воздержна, но ты необдуманно ѣшь, что попало.

У насъ дама, Минкевичъ, про которую вѣрно Таня писала тебѣ. Дама умная, но лишняя. Она нынче уѣзжаетъ. Вѣра нынче рано утромъ уѣхала къ Херадиновымъ. По письму Херадиновыхъ Мишѣ лучше, но еще есть жаръ маленькій, вечеромъ 38. Вѣра рѣшитъ, ѣхать ли ему. Маша ѣздила вчера, а нынче пріѣхала и привезла Марью Александровну и Катерину Ивановну, и ѣдутъ нынче съ дамой и заодно привезутъ Вѣру.—Ванечка поутру еще кашляетъ, но только поутру. Сейчасъ лежалъ со мной на диванѣ внизу. Я разсказывалъ ему сказки. Онъ очень милъ. Цѣлую мальчиковъ. Скажи имъ, что я прошу ихъ заботиться о тебѣ. Лева нынче ѣздилъ на охоту и сейчасъ пришелъ ко мнѣ и жалуется, что объѣлся и изжога. Онъ дурно сдѣлалъ, что ѣздилъ. Я сказалъ ему, и онъ согласенъ.—Мы, большіе, здоровы и тебя любимъ, и ждемъ ужъ скоро. Богъ дастъ, погода постоитъ до тебя. Цѣлую тебя, прощай.

Л. Т.

478. **14 сентября.**

Хоть два слова приписать, что мы здоровы и были бы вполнѣ благополучны, коли бы ты была съ нами.

Л. Т.

479. **15 сентября.**

Вчера не успѣлъ написать тебѣ хорошенько. Нынче Ванечка пришелъ за чай, и я ему разсказалъ, что ты нездорова. Я видѣлъ, какъ это огорчило его. Онъ сказалъ: «а что, какъ она очень заболѣетъ?» Я говорю: «мы тогда поѣдемъ къ ней». Онъ говоритъ: «и Руднева [1]) повеземъ съ собой». Потомъ пришелъ Лева и послалъ его къ Танѣ спросить письма вчерашнія. Надо видѣть, какъ онъ все понялъ, съ какой радостью побѣ-

[1]) Докторъ Рудневъ въ Тулѣ, лѣчившій всю нашу семью.

жалъ исполнить, какъ огорчился, что Лева думалъ, что онъ не такъ передалъ. Очень милъ, больше чѣмъ милъ—хорошъ.

Вчера была прекрасная, свѣжая погода, и я пошелъ пѣшкомъ въ Тулу. Тамъ мнѣ хотѣлось видѣть Булыгину, Давыдова и на почту. Я шелъ очень пріятно и легко и встрѣтилъ Давыдова, но мы не узнали другъ друга. Но, узнавъ на его квартирѣ, что онъ поѣхалъ къ намъ, я поспѣшилъ и взялъ извозчика до Рудаковой горы, а тутъ встрѣтилъ Казначеевскаго извозчика, который предложилъ меня довезти. Въ Засѣкѣ же я встрѣтилъ Давыдова и вернулъ его въ Ясную. Онъ очень милъ, разсказывалъ, что въ «Figaro» напечатана выдержка изъ моей послѣдней книги «Царство Божіе» о рекрутскомъ наборѣ. Это немножко непріятно. Еще мнѣ непріятно то, что Маша опять завязала отношенія съ З. Она отказала ему рѣзко, слишкомъ, кажется, рѣзко. Онъ отвѣчалъ ей письмомъ, которое и меня тронуло. Я написалъ ему письмо, жалѣя его, и думалъ, что на этомъ кончится. Но она на это письмо написала ему другое, въ которомъ говоритъ, что не отказываетъ, и что все остается на томъ, что было, когда онъ уѣхалъ, т.-е. ждать до новаго года. Она мнѣ очень жалка. Я надѣюсь, что она опомнится. Но надо, чтобы это сдѣлалось въ ней самой и въ ея отношеніяхъ съ нимъ. Внѣшнее воздѣйствіе можетъ только помѣшать хорошему и разумному исходу. Она не говорила этого ни Танѣ, ни Вѣрѣ, но говорила мнѣ подъ условіемъ, чтобъ я не говорилъ имъ. Я говорилъ ей нынче, чтобъ она тебѣ написала. А она сказала, что уже написала во вчерашнемъ письмѣ, и нынче опять пишетъ. Не брюскируй ее. Это очень жалко, но если она такъ болѣзненно настроена, то помочь ей можно только лаской и добротой. То, что ты пишешь про Раевскихъ, тоже очень тяжело. Послѣ П. Р. и П. Б. выбрать З.! Когда увидимся, переговоримъ. Главное, надо какъ ей, такъ и намъ ничего не предпринимать. Я ей это говорю, а она написала другое письмо. Она точно больная. Воображаю, какъ это огорчитъ тебя! Дай Богъ, чтобъ меньше, чѣмъ меня. Цѣлую тебя и дѣтей. *Л. Т.*

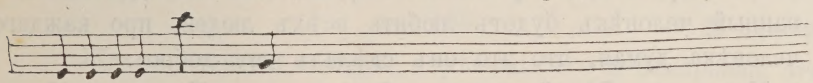
Приписано карандашомъ къ письму дочери Тани.

480. **18 сентября.**

У насъ, какъ видишь, все хорошо, кромѣ Маши, состояніе которой огорчаетъ меня. Я не говорю съ ней, и не знаю, что̀ съ ней. Хотя она довольно спокойна и весела. Все то некогда, то я не въ духѣ, и не соберусь поговорить съ ней. Завтра поговорю.

У насъ сидятъ 3 доктора: два холерныхъ и Буткевичъ. Я пишу все отвѣтъ нѣмцу о религіи и понемножку, по вечерамъ, работаю. Очень Ванечку люблю! Вчера пришелъ утромъ и говоритъ: «а я все сидѣлъ въ залѣ и думалъ: скоро ли мама пріѣдетъ!»—Какъ онъ тебя любитъ!

Письма были отъ Страхова и отъ Левенфельда [1]). Лева умница, что раздумалъ ѣхать за границу. Я думаю, что ему лучше всего будетъ жить тихо въ Москвѣ подъ наблюденіемъ доктора, въ хорошо топленныхъ комнатахъ, а не переѣзжать изъ мѣста въ мѣсто за границей и слушать въ каждомъ городѣ новые и плохіе докторскіе совѣты. Поблагодари Павла Петровича за письмо. Я радъ былъ узнать о немъ и его душевномъ состояніи.—Мишѣ и Андрюшѣ скажи, что я ихъ прошу помнить о тебѣ и дѣлать такъ, чтобъ тебѣ не страдать отъ нихъ.



Je m'amuse tout seul [2]).

Прощай, до свиданья, радуемся скоро увидать тебя. Погода дурная, все дожди. Цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

481. **21 сентября.**

Вчера отвезли Пошу и привезли твои два добрыя письма. Я еще не спалъ и прочелъ ихъ. А всѣ ужъ разошлись. Поша

---

[1]) Левенфельдъ написалъ біографію Льва Ник. по-нѣмецки.

[2]) Это постоянно напѣвалъ жившій при мальчикахъ французъ.

тебѣ разскажетъ про насъ. Все очень хорошо. И меня радуетъ, что погода къ твоему пріѣзду, кажется, устоится. Таня очень занята письмами и приготовленьями къ отъѣзду, даже не рисуетъ. Дѣти маленькія ходятъ собирать яблоки по убраннымъ садамъ. И няня съ восторгомъ натаскала кучу.—Лева какъ будто подобрѣе. Евгеній Иван. мнѣ переписываетъ. И мы съ нимъ перечитываемъ и исправляемъ переводъ глубокомысленнаго писателя—Лао-Дзи, и я всякій разъ съ наслажденіемъ и напряженіемъ вникаю и стараюсь передать, соображая по французскому и, особенно хорошему, нѣмецкому переводу. Не говорю о самыхъ отвлеченныхъ, но прелестныхъ мѣстахъ. Вчера, напримѣръ, мы переводили слѣдующее: «Добрый человѣкъ есть воспитатель недобраго; недобрый человѣкъ есть сокровище (Schatz) для добраго. Если недобрый человѣкъ не уважаетъ своего воспитателя, а добрый человѣкъ не любитъ свое сокровище, то, какъ бы эти люди ни были учены, они въ великомъ заблужденіи» и т. п. Не правда ли, прекрасно? Или: «Дѣлай добро въ темнотѣ ночи, какъ воръ, чтобы никто не видалъ тебя. Когда тотъ, кому ты сдѣлаешь добро, не будетъ знать, кто его сдѣлалъ, тебѣ будетъ та выгода, что ты не испытаешь неблагодарности, а ему и всѣмъ людямъ—что облагодѣтельствованный человѣкъ будетъ любить всѣхъ людей, про каждаго человѣка думая, что это онъ сдѣлалъ ему добро».

Маша съ Вѣрой пошли пѣшкомъ въ Тулу,— хотѣлось пройтись,—вернулись съ поѣздомъ почтовымъ и тутъ же свезутъ Лиду. Какая она не полная—зачатокъ, $^1/_8$ человѣка, добраго человѣка.—Я пишу все свои отвѣты нѣмцу о религіи. Но нынче мало писалъ, голова болѣла, и я пошелъ гулять на Козловку, Ваныкино и домой. Такъ тепло было, что я всю дорогу шелъ босикомъ. Сейчасъ пришелъ Лева, зоветъ наверхъ. Лида уѣзжаетъ, и Саша плачетъ, и няня тоже. Ванечка очень радъ былъ твоимъ письмамъ. Его бѣдствіе, что онъ съ Митей хочетъ непремѣнно, чтобы все, что Митечка, то и онъ. Что наши мальчики? Ils s'amusent tous seuls!

Пусть они насчетъ ученья помнятъ очень умное изреченіе ихъ старшаго брата, Сережи, который говоритъ, что не стоитъ того дурно учиться, такъ мало нужно труда для того, чтобы избавиться отъ всѣхъ непріятностей и униженій, связанныхъ съ дурнымъ ученіемъ. Цѣлую васъ.

Л. Т.

Письма въ Москву послѣ того, какъ я побывала въ Ясной Полянѣ. Въ Москвѣ при учащихся мальчикахъ смѣнила меня дочь Таня.

482. **18 октября.**

Вчера не писалъ, да и нечего было. Нынче Поша уѣхалъ, онъ остался вчера на день. Мы вечеромъ читали вслухъ повѣсть Гуревичъ и очень огорчились. Ужъ очень, очень плоха. Потомъ я немножко съ Пошей перевелъ Лао-Дзи. Утромъ нынче хорошо писалъ и возьмусь теперь за другое. Нынче хорошія письма: отъ Левы, отъ Ге старшаго и отъ Лѣскова. Ждемъ нынче Халевинскую [1]). Марья Александровна уѣзжаетъ нынче къ себѣ. Вѣрно, будутъ отъ васъ извѣстія. Пока прощайте, цѣлую всѣхъ.

Л. Т.

483. **21 октября.**

Ждалъ извѣстій о Левѣ, о рѣшеніи его и Захарьина. Вчера хотѣлъ ему написать, да былъ такъ вялъ и такъ зачитался вечеромъ, что пропустилъ время. Зачитался я—«Сѣверный Вѣстникъ», повѣсть Потапенки, удивительно! Мальчикъ 14 лѣтъ узнаетъ, что у отца любовница, а у матери любовникъ, возмущается этимъ и выражаетъ свое чувство. И оказывается, что этимъ онъ нарушилъ счастье всей семьи и поступилъ дурно. Ужасно! Я давно не читалъ ничего такого возмутительнаго. Ужасно то, что всѣ эти пишущіе: и Потапенки, и Чеховы, и Зола, и Мопассанъ

[1]) Женщина-врачъ, потомъ сосланная въ Астрахань за то, что имѣла нѣсколько запрещенныхъ книгъ Льва Николаевича.

даже, не знаютъ, что̀ хорошо, что̀ дурно; большею частью, что дурно, то считаютъ хорошимъ и этимъ, подъ видомъ искусства, угощаютъ публику, развращая ее. Мнѣ эта повѣсть была coup de grâce, уяснившая то, что давно смутно чувствуется. Еще тамъ о сумасшествіи и преступности интересно было.

Вчера я много писалъ, все о религіи, и потомъ объѣлся за завтракомъ и цѣлый вечеръ былъ вялъ. Нынче Маша съ Вѣрой поѣхали въ Тулу, Маша повезла больныхъ. Я утромъ много писалъ—все то же, и пошелъ имъ навстрѣчу; дошелъ до Басова [1]) и вернулся; онѣ меня нагнали въ Засѣкѣ. И теперь пишу, и очень хорошо.—О Ванечкѣ поминаю часто; скажи ему, что въ корзинкѣ мнѣ тутъ некого носить. Какъ жаль, что Таня ковыряетъ себѣ зубы, пускай бы сами портились, а не дантистами.

Тулонскія бѣснованья, кажется, кончились, это утѣшительно. Я перехожу завтра наверхъ, чтобы не топить совсѣмъ низа. Больше писать нечего. Письмо это тебѣ не нужно, но все-таки посылаю. Цѣлую Таню, Леву, Андрюшу, Мишу, Сашу, Ваню и тебя. Привѣтъ С. Э. и К...

Л. Т.

484. **20 октября.**

Вчера уѣзжала отъ насъ Марья Михайловна Халевинская, и поздно привезли письма. Мы съ Машей еще не спали и прочли, и оба долго не спали. Нынче она лежитъ. Онѣ всѣ три вмѣстѣ почти нездоровы. Она хотѣла крѣпиться и не слечь, но не выдержала и теперь лежитъ, хотя самое больное уже прошло. Мнѣ за тебя завидно себѣ, что я пользуюсь такой тишиной и досугомъ, тогда какъ ты въ большой суетѣ и тяготишься ею, какъ нельзя не тяготиться ею, особенно пустою, холостою суетою. Но меня радуетъ твое стремленіе *къ сосредоточенности*, и я знаю, какъ по твоей быстро перемѣняющей свои настроенія натурѣ эти стремленія искренни. Ты, мнѣ всегда кажется, можешь удивить не только меня, но и самоё себя.

---

[1]) Деревня на шоссе по дорогѣ въ Тулу.

Вчера мы читали Мимочку, 2-ю часть. Хорошо, но есть преувеличенія и подражанія самой себѣ. Чтеніе это отравляла для меня Марья Александровна. Она въ гриппѣ и такъ слаба и жалка, но все сидѣла, не хотѣла уйти. Нынче ей, кажется, лучше, хотя она все время утверждаетъ, что ея здоровье превосходно.

Леонтьевъ кончаетъ свою переписку, и мнѣ жалко его. Онъ такой тихій, спокойный и серьезный, мнѣ очень симпатичный человѣкъ. Вчера мы—онъ, Поша и я—такъ хорошо говорили по случаю занимающаго меня вопроса о религіи, философіи и наукѣ. A propos de философія: былъ ли у тебя Гротъ, или онъ все продолжаетъ свою querelle d'Allemand?

Мнѣ очень жаль Чайковскаго [1]), жаль, что какъ-то между нами, мнѣ казалось, что-то было. Я у него былъ, звалъ его къ себѣ, а онъ, кажется, былъ обиженъ, что я не былъ на «Евгеніи Онѣгинѣ». Жаль, какъ человѣка, съ которымъ что-то было чуть-чуть неясно,—больше еще, чѣмъ музыканта. Какъ это скоро, и какъ просто, и натурально, и не натурально, и какъ мнѣ близко.

Все хотѣлъ досадить твои жёлуди. Но то была грязь и дождь, то морозъ. Я думаю, выберется время, и я сдѣлаю это.

Если Таня соскучилась по мнѣ, то и я по ней. Это хорошо, что Лева чувствуетъ себя лучше. Пожалуйста напиши, застало ли это письмо его въ улучшеніи. Одному ему не слѣдуетъ ѣхать ни въ какомъ случаѣ, хотя не для него, но для насъ.

Статья о новой книгѣ очень плохая, но интересная тѣмъ, что пишущій республиканецъ считаетъ своимъ долгомъ противодѣйствовать ей. А нынче я получилъ письмо отъ датчанина, который тоже по случаю книги пишетъ, что у нихъ въ Даніи много молодыхъ людей отказываются отъ военной службы, и ихъ са-

---

[1]) Рѣчь идетъ очевидно о смерти Чайковскаго, происшедшей въ ночь съ 24 на 25-е октября.

жаютъ въ тюрьмы на время, которое они должны бы служить... [1]). Что-то еще хотѣлъ написать, да въ эту минуту забылъ. Цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

485. **Октябрь.**

О насъ писать нечего, милая Соня. Всѣ здоровы, все по-старому. А вотъ ваши дѣла меня постоянно занимаютъ, и изъ нихъ твое здоровье занимаетъ не послѣднее мѣсто. Ты и поѣхала нездоровая, и Флеровъ нашелъ, что ты не хороша. Напиши о себѣ и получше. Москва съ своими гостями, въ которыхъ ты не виновата, я знаю, должна суетить тебя и разстраивать нервы. Извѣстія о Левѣ хороши, т.-е. не хуже, чѣмъ я ждалъ. Только жалко съ нимъ разстаться и безпокойно.

Дунаевъ торопитъ и все разскажетъ, хотя и нечего. Цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

486. **Октябрь.**

Таня пріѣхала благополучная и здоровая и насъ застала таковыми же. Не радостны только вѣсти о Левѣ. Должно быть, ужасная погода нынѣшней осени дурно дѣйствуетъ на него. Я очень радъ, что онъ остается въ домѣ. И такъ, какъ вы устроили, кажется, хорошо будетъ. Мы все не рѣшаемъ, какія комнаты закабалить [2]). Предоставляю это дѣвочкамъ. Дровъ будетъ довольно заготовлено изъ бурелома и сухостоя. Я указалъ, что̀ рубить. Канавы Андрей сдѣлалъ саженъ 6-ть и не исправилъ во многихъ мѣстахъ. Я скажу ему сдѣлать, если будетъ погода. Прудъ мой промыло, но починить его будетъ сто̀ить недорого. Жалко такъ бросать.

Вчера писалъ безчисленное количество писемъ, работа же моя дѣлается больше въ головѣ, чѣмъ на бумагѣ. А нынче и совсѣмъ дурной день, нѣтъ умственной энергіи.

---

[1]) Рѣчь идетъ, очевидно, объ иностранныхъ статьяхъ, встрѣтившихъ появленіе за границей перевода книги „Царство Божіе внутри насъ“.

[2]) Т.-е. оставить нежилыми и запереть на зиму.

Съ Вѣрой Сѣверцевой мы читали Шекспира. Прочли «Юлія Цезаря»—удивительно скверно. Вотъ, если бы былъ молодъ и задоренъ, написалъ бы статью объ этомъ. Избавить людей отъ необходимости притворяться, что они это любятъ.

Прощай, милый другъ, пиши почаще. Всегда радостно и получать, и знать, какъ все идетъ и какъ ты на все смотришь. Надѣюсь, что Ванечка здоровъ, а то ты ужъ испугалась за него. Поцѣлуй его и вели писать, также и Сашу. Ну, прощай пока, цѣлую тебя и мальчиковъ.

Л. Т.

487. **Конецъ октября.**

Лишаемся Вѣрочки, о чемъ очень жалѣемъ. Она вамъ разскажетъ подробности о нашемъ житьѣ. Событія изъ нашей жизни, неизвѣстныя вамъ,—слѣдующія: третьяго дня былъ Булыгинъ, и я любовался на двухъ на «ты» товарищей пажескаго корпуса, теперь товарищей по жизни. Въ этотъ же день пришелъ, какъ онъ говорилъ, «изъ-за нарочно» крестьянинъ калужскій, старообрядецъ, считающій теперешнее правительство царствомъ антихриста, начавшимся со времени Петра, который былъ самъ сатана. Онъ сидѣлъ за свои рѣчи въ острогѣ, но продолжаетъ говорить то же съ дикимъ упорствомъ убѣжденія. Всѣ его разсужденія дики, но выраженія иногда поразительны. «Антихристъ всѣхъ царей примоталъ къ табачной державѣ, всѣмъ людямъ велѣлъ клясться, что они, не щадя отца и матери, будутъ защищать табачную державу». Все основано на вычисленіяхъ 666 и т. п. Я читалъ и слыхалъ про такихъ, но въ первый разъ видѣлъ такого.

Вчера я пошелъ въ Тулу, были дѣла къ Давыдову, и на почту съ тѣмъ, чтобы вернуться съ поѣздомъ. Въ Тулѣ у Давыдова встрѣтилъ Сережу. Онъ пріѣзжалъ занимать денегъ, чтобы не продавать хлѣбъ, для устройства картофельнаго завода и для того, чтобъ развязаться съ машинистомъ, обманувшимъ его. У Давыдова театръ, играютъ Островскаго «Послѣднюю жертву». Пріѣзжаютъ,—вчера пріѣхали: Алексѣевъ, Ое-

дотовъ съ женой, и я съ ними обѣдалъ, а вечеромъ по поѣзду благополучно пріѣхалъ домой и привезъ бугоръ писемъ, изъ которыхъ интересно письмо «Дѣдушки» [1]). Онъ всю картину опять передѣлалъ. И крестовъ уже нѣтъ. А есть тотъ моментъ, когда троихъ привели на распятіе. Еще интересенъ № «Die Waffen nieder» [2]), который посылаю. Это преинтересный, прекрасно ведомый журналъ, который надо выписать и которымъ надо пользоваться.

Письма твои, Таня, я подписалъ и посылаю. Еще скажи Евг. Ив-у, что очень и мнѣ было интересно, что Стасовъ мнѣ пишетъ длиннѣйшее письмо съ выписками критическихъ статей о Штраусѣ и увѣдомляетъ о существованіи новаго перевода 1890 года, который я надѣюсь получить отъ Стасова же.

Дѣвочки выздоровѣли, и М. А. тоже. Я здоровъ, только рука такъ сильно болитъ, что писать больно. Вѣрно будетъ или метель, или дождь.

О религіи совсѣмъ кончилъ, завтра займусь Тулономъ.

Свѣдѣнія о тебѣ, милый другъ Соня, дошедшія до меня,—не утѣшительны о здоровьѣ. Одно утѣшенье, что ты вдругъ опускаешься и вдругъ справляешься. О Левѣ все время хорошо. Спасибо ему за письмецо. Напишу какъ-нибудь ему отдѣльно, а нынче всѣмъ вообще. Одобреніе Тани m-lle D. мнѣ очень пріятно. Я согласенъ.

Л. Т.

488. **2 ноября.**

«Ѣздили на Козловку за письмами» *(начато Марьей Львовной, Л. Н. продолжаетъ)*: ...но никакихъ не получили, а зато получилъ изъ Тулы два пріятныхъ письма: отъ Стасова о юбилеѣ Григоровича, на которомъ написанное мною ему письмо было, кажется, ему пріятно, и отъ Страхова, который пишетъ объ отзывѣ обо мнѣ философа Куно Фишера. Онъ пишетъ между

---

[1]) Художникъ Н. Н. Ге.

[2]) Баронессы Сутнеръ.

прочимъ слова Куно Фишера, что желаніе славы есть послѣдняя одежда, которую снимаетъ съ себя человѣкъ. Онъ говоритъ это про Шопенгауера, который будто бы не снялъ этой одежды до конца. Я чувствую постоянно всю силу этого соблазна. И постоянно борюсь съ нимъ.

Гости насъ не покидаютъ. Одна Марья Александровна замѣнила другую Марью Александровну [1]), уѣхала нынче. Но гости не непріятные.—Вчера я перешелъ наверхъ, и у насъ очень хорошо и тепло, и воздуха много, а печей меньше. И безъ Васи, кажется, управляемся легко. Цѣлую васъ всѣхъ.

Буланже списалъ «О религіи» и свезетъ въ Москву, а я жду переводчика и отвѣтъ отъ переводчицы. Гротъ проситъ, но по цензурнымъ условіямъ не годится, а вымарывать—потеряетъ весь смыслъ. Ждемъ нынче извѣстій.

Л. Т.

489. **7 ноября.**

Сейчасъ написалъ кучу писемъ и получилъ телеграмму отъ Стевени и посылаю за нимъ, и тороплюсь, а написать нѣсколько словъ хочется. Мы здоровы и благополучны все въ томъ же составѣ—одна кадриль. Извѣстіе, полученное мною сегодня отъ Хилкова, страшно удивило меня,—его мать пріѣхала къ нему съ приставомъ и отобрала у него дѣтей, увезла ихъ. Трудно даже понять, на чемъ основываются такіе поступки.

Мы живемъ безъ прислуги очень пріятно. Забота о служеніи себѣ развлекаетъ и просто весело. Видѣлъ нынче Ванечку во снѣ. Что его свинка? А у меня вчера нашелся во рту зубъ и началъ болѣть до тѣхъ поръ, пока я не открутилъ его. Нынче получилъ твое письмо къ М. А. Когда ѣдетъ Лева? Вы вѣрно извѣстите меня нынче. Какъ твое здоровье, Соня? Цѣлую тебя. Хотѣлъ написать Гроту въ отвѣтъ на его письмо, но не успѣлъ. Поблагодарите его за письмо. Я очень радъ ему. Цѣлую всѣхъ цѣлуемыхъ и кланяюсь нецѣлуемымъ.

---

[1]) Марью Александровну Шмидтъ замѣнила пріѣхавшая Мар. Ал. Дубенская.

1894 годъ.

Письма въ Москву изъ Гриневки (имѣнія сына Ильи) и Никольскаго, куда Левъ Николаевичъ ѣздилъ къ сыновьямъ съ дочерью Таней.

490. **25 января. Гриневка.**

Мы доѣхали очень хорошо. Шелъ снѣгъ, но теплый и было свѣтло, такъ что безъ малѣйшихъ затрудненій скоро доѣхали. Здѣсь тепло въ домѣ, просторно, тихо. Мы съ Таней чувствуемъ одинаково упадокъ пріятный нервовъ. Я оба дня немного и недурно работалъ. Выходилъ мало,—не хотѣлось. Машу бросили въ Тулѣ. Иванъ Алекс. встрѣтилъ насъ и повезъ ее къ Марьѣ Александровнѣ. Здѣсь никого не видалъ, кромѣ Сони [1]), и милыхъ дѣтей, особенно Миши. Нынче посылаютъ на почту. Ждемъ отъ васъ писемъ. Какъ вы? Соня ѣздила сейчасъ съ Анночкой въ Никольское [2]). Нашла тамъ все прекраснымъ. Теперь 2 часа, мы пообѣдали, и я пойду походить. Кашляю все такъ же—не больше, но и не проходитъ. Я берегусь. Цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

491. **28 января.**

Живемъ мы здѣсь очень тихо и хорошо. Только нынче были гости Ивановы, сестра Трескина съ дѣтьми и мужемъ. Они простые, обыкновенные люди. Я по утрамъ пишу, остальное время читаю или гуляю. Вчера ходилъ въ Никольское, любовался на Сережинъ домъ и intérieur. Домой меня привезъ его помощникъ кучера на вороной кобылѣ; Алекс. Аѳан. [3]) былъ во Мценскѣ. Кашляю мало, гораздо меньше, чѣмъ въ Москвѣ; но есть какая-то боль или скорѣе неловкость въ груди, а главное—слабость,

---

[1]) Софья Николаевна, жена Ильи Львовича.

[2]) Имѣніе сына Сережи.

[3]) Александръ Аѳанасьевичъ, приказчикъ въ Никольскомъ.

упадокъ энергіи и физической и умственной, проявившійся съ этимъ нездоровьемъ. Можетъ быть, это новая ступень старости, къ которой я еще не привыкъ. Надо привыкать. Нынче получили Левино письмо и твое. Поѣздка его въ Парижъ ничего не представляетъ непріятнаго. Очень онъ только жаденъ къ новымъ впечатлѣніямъ. То, что онъ разстался съ докторомъ (я не вижу изъ письма, что ихъ отношенія разстроились), очень хорошо. Мнѣ это присутствіе доктора не нравилось—не для меня, а для Левы. Надо каждому идти своимъ особеннымъ и всегда новымъ путемъ. И путь Левы меня интересуетъ. А что выйдетъ изъ всего, никто не можетъ знать. Здоровье его меня мало безпокоитъ, я какъ-то увѣренъ,—дай Богъ не ошибиться,—что оно въ свое опредѣленное время возстановится совершенно независимо отъ докторовъ и климата, разумѣется, если не случится что-нибудь особенное. Меня интересуетъ его душевная жизнь и внутренняя работа. Сейчасъ хочу написать и ему.

Отъ Ильи было два письма изъ Берлина. Соня пишетъ ему, и мы увѣрены, что и безъ письма и телеграммъ они не разминуются въ Парижѣ, такъ какъ у нихъ точки соприкосновенія Димеръ Бобринскій [1]) и Саломонъ [2]). Таня не совсѣмъ бодра, то желудокъ, а то зябнетъ. Впрочемъ, нынче она лучше. По утрамъ она рисуетъ, гуляетъ, по вечерамъ мнѣ усердно переписываетъ. Я читаю Michel Tissier. Какъ бездарно, какъ все выдумано. Не видно той страсти, изъ-за которой онъ погубилъ все, и еще менѣе видна его, Тиссье, талантливость. Рядомъ съ этимъ читаемъ старый романъ Dumas-отца «Silvandère». Какая разница! бодро, весело, умно и талантливо, и sobre, и безъ претензій. А тотъ съ важностью мажетъ и воображаетъ, что онъ психологъ... Цѣлую дѣтей. Объ Андрюшѣ не могу вспомнить безъ непріятнаго чувства за его смѣло-глупыя рѣчи о томъ, какъ нѣмца убить штыкомъ. Стараюсь забыть и забуду, но непріятно.

---

[1]) Графъ Владиміръ Алексѣевичъ Бобринскій.

[2]) Charles Salomon—французъ, близкій знакомый нашей семьѣ.

Прощай, цѣлую тебя. Что Поша, пріѣхалъ ли? Письма ко мнѣ пересылай. Иногда бываютъ нужныя. А кромѣ того, если не пересылать, слишкомъ много наберется.

492. **30 января.**

Безпокоимся, что отъ тебя три дня нѣтъ писемъ. Я хотѣлъ уже телеграфировать, чтобы узнать, не случилось ли что, но нынче получилъ отъ Вѣры Т—й, которая пишетъ о тебѣ. Я въ послѣднемъ письмѣ жаловался еще на нездоровье, теперь чувствую себя совсѣмъ здоровымъ, такъ же и Таня, и здѣшняя семья.

Л. Толстой.

493. **1 февраля.**

(Приписка къ письму Тани.)

Приписываю только, чтобъ самому сказать, что мы совсѣмъ здоровы, и я успокоился, получивъ твое письмо. Только очень дурно, что ты не спишь.

Л. Т.

Письма изъ Ясной Поляны въ Москву.

494. **3 февраля.**

Милый другъ Соня, нынче въ 2 часа я поѣхалъ верхомъ въ Ясенки, чтобы взять тамъ посылки, и взялъ письмо къ тебѣ отъ Тани, въ которомъ самъ приписалъ нѣсколько словъ; но въ Ясенкахъ заспѣшилъ и забылъ отдать письмо; вспомнилъ только, ѣхавши назадъ, противъ лавки; не хотѣлось ворочаться, и я отдалъ письмо дворнику, прося его отдать на почту. Онъ обѣщался, но онъ не внушаетъ мнѣ довѣрія, а такъ какъ Иванъ Алекс. ѣдетъ сейчасъ на Козловку, я рѣшилъ еще разъ написать тебѣ. Мы пріѣхали благополучно. Очень жаль было покидать Соню и ея дѣтей, которыхъ я всѣхъ трехъ, главное Соню, больше узналъ и полюбилъ.—Я совсѣмъ больше не кашляю и чув-

ствую себя опять бодро. Здѣсь мы помѣстились прекрасно: я въ Таниной комнатѣ, Таня въ Машиной, а Маша съ Марьей Александровной въ дѣвичьей. Подъ сводами топятъ, но еще 12 градусовъ, и мы только тамъ ѣдимъ.

Письмо твое вчера же получилъ. Все у васъ хорошо: и Сережина забота о тебѣ, и внушеніе, которое онъ дѣлаетъ Андрюшѣ. Ничто такъ не подѣйствуетъ, какъ внушеніе брата. Не хорошее только твои безсонницы. Побольше будь на воздухѣ. Особенно такіе прекрасные дни, какъ нынче.

Кромѣ присланныхъ тобой писемъ, я получилъ въ Ясенкахъ два интересныхъ письма: одно отъ Battersby съ статьями, написанными разными Reverend'ами по случаю выдержекъ изъ «Царства Божія», которыя печатались въ одномъ журналѣ; а другое отъ издателя, который проситъ прислать ему русскій текстъ для того, чтобы сдѣлать 3-й переводъ и изданіе.

Ты спрашиваешь, что я пишу? Все тотъ же такъ называемый Тулонъ [1]), въ которомъ я былъ вовлеченъ въ разъясненія вопроса патріотизма, и это очень интересно и, мнѣ думается, ново и нужно, т.-е. доказательство лжи и вреда этого патріотизма.

Ты пишешь о томъ, что можно въ Москвѣ устроить уединеніе. Я страшно желаю этого и попытаюсь устроить это и быть какъ можно строже въ этомъ. Дѣвочки объ вполнѣ здоровы. Здѣсь Хохловъ, который еще до насъ пришелъ къ Марьѣ Александровнѣ пѣшкомъ изъ Москвы. Это было непріятно. Онъ завтра уйдетъ къ Булыгину. Самое мнѣ и тебѣ интересное о Левѣ: письмо его огорчительно. Здоровье все еще не поправляется. То, что онъ въ Парижѣ, а не въ Каннѣ,—все равно. Страшно, что далеко очень отъ насъ. Будемъ ждать и надѣяться всего лучшаго. Я ему писалъ разъ длинное письмо изъ Гриневки.—Прощай, цѣлую тебя и дѣтей, Сережу особенно. П. П. и М-lle Д. поклонъ. Петръ Васильевичъ пріѣхалъ, хотѣлъ самъ непремѣнно, говоря, что скучно. И нынче пьянъ.

---

[1]) „Христіанство и патріотизмъ".

495. **6 февраля.**

У насъ все вполнѣ благополучно, мы всѣ здоровы, если не считать бывшій у Тани нарывчикъ на деснѣ, который прошелъ, но ее безпокоитъ, и я ей совѣтую съѣздить завтра къ Рудневу. Въ комнатахъ такъ тепло, что мы отворяемъ форточки. Я очень радъ, что былъ у Сони и здѣсь пожилъ, но очень радъ тоже и тому, что время скоро идетъ, и мы черезъ три дня, если будемъ живы, пріѣдемъ въ Москву.

Л. Т.

Письмо въ Ясную Поляну, куда я ѣздила на короткое время по хозяйственнымъ дѣламъ.

496. **Изъ Москвы 7 марта.**

Ванечка съ утра все собирался писать тебѣ, но дѣвочки Горбуновы и Коля Колокольцовъ такъ завлекли его, что онъ не успѣлъ. Теперь онъ и Саша здоровы и спятъ. Маша пишетъ въ Парижъ, мальчики у Дьяковыхъ и должны пріѣхать къ 11-ти (теперь $^1/_2$). Утромъ были: Мартынова, Дьяковы, Капнистъ, катались, ѣли и даже плясали. Подошедшій Мамоновъ игралъ. Я нынче мало ходилъ утромъ и пошелъ вечеромъ къ Буланже. Не засталъ его дома, но прекрасно прошелся. Отъ нашихъ письмо утѣшительное. Маленькое улучшеніе и то же довѣріе.

Письма въ Москву отъ Чертковыхъ, изъ Воронежской губ., куда поѣхалъ Левъ Николаевичъ съ дочерью Машей.

497. **30 марта.**

Пишу съ Ольгинской, до которой доѣхали прекрасно. И спали, и ѣли хорошо. Въ Воронежѣ видѣлъ Русанова. Снѣгу здѣсь нѣтъ. Что Лева? Лучше ли ему, чѣмъ въ тотъ день, когда мы уѣзжали? Скажи ему, чтобъ онъ тебя не обижалъ, а слушался.

Цѣлую нѣжно Таню, съ которой не успѣлъ проститься въ Москвѣ, гдѣ я такъ навѣки уронилъ себя [1]). И мальчиковъ, которыхъ не было. Пишу въ вагонѣ, подъѣзжаемъ. На станціи припишу, что узнаю о Галѣ [2]).

Л. Т.

Пріѣхали. Поша встрѣтилъ. Галѣ лучше. Мы вполнѣ благополучны во всѣхъ отношеніяхъ. Цѣлую васъ всѣхъ. Пишите.

498. **Тогда же.**

Маша все описала, милый другъ Соня, такъ что мнѣ остается только подтвердить ея слова и сказать про себя, что я очень радъ, что пріѣхалъ; и онъ, и главное они такъ искренно рады, и такъ мы съ ними душевно близки, столько у насъ общихъ интересовъ, и такъ рѣдко мы видимся, что обоимъ намъ хорошо. Она очень жалка и мила, и тверда духомъ. Я сейчасъ съ ней поговорилъ съ полчаса и вижу, что она уже устала. Приподняться на постели она даже не можетъ сама. Сейчасъ пріѣхала Лизавета Ивановна [3]), я еще не видалъ ее. Я смущался сначала мыслью, что насъ слишкомъ много вдругъ наѣхало, но тутъ столько домиковъ, что всѣ размѣстились, и всѣмъ, кажется, удобно, а намъ слишкомъ хорошо. Мѣсто здѣсь очень красивое, постройка на полугорѣ, внизъ идетъ крутой оврагъ и поднимается на другой сторонѣ, поросшій крупнымъ лѣсомъ. Я сейчасъ ходилъ одинъ гулять и набралъ подснѣжниковъ. Цѣлую всѣхъ по порядку отъ тебя до Ванечки. Страшная вещь—болѣзнь и больная, но нельзя не видѣть, какъ она просвѣтляетъ людей. Это видно и на Галѣ, и на Русановѣ, и на Левѣ. А все-таки желаешь здоровья.

Завтра напишу еще и Танѣ.

Л. Т.

---

[1]) Заговорившись съ кѣмъ-то, вскочилъ на поѣздъ уже на ходу.

[2]) А. К. Черткова.

[3]) Ел. Ив. Черткова, мать Влад-а Григ-а.

499. **Мартъ.**

(Приписка къ письму Маши.)

Можетъ быть, это письмо дойдетъ раньше того, и потому писалъ опять. Мы совершенно здоровы. Намъ очень хорошо, главное хорошо нравственно среди людей, которые насъ любятъ. Галино здоровье, кажется, улучшается. Цѣлую ночь видѣлъ тебя, Лева, во снѣ и сердился на тебя. Всегда толкуютъ навыворотъ. Это оттого, что мы много говорили о тебѣ. О тебѣ, Таня, наяву думаю часто и жалѣю, что тебя нѣтъ. Ну, пока прощай, милый другъ Соня. Цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

Письма изъ Ясной Поляны, куда уѣхалъ по обыкновенію Левъ Николаевичъ съ дочерью Машей.

500. **29 апрѣля.**

Пріѣхали благополучны, здоровы. Сейчасъ ѣду въ Ясенки свезти письмо и посылки. Какъ бы хорошо, если бъ отъ тебя узнать нынче. Держись Рудневскаго правила: ничего твердаго, пока не пройдетъ совсѣмъ. О кирпичѣ сказалъ и похлопочу. Я цѣлое утро писалъ корректуры Мопассана [1]), которыя и посылаю Павлу Ивановичу. Пока прощай, цѣлую тебя и всѣхъ.

Л. Т.

501. **1 мая.**

Вчера, въ пятницу, какъ я и писалъ тебѣ, у насъ было все очень хорошо: я ѣздилъ въ Ясенки и оттуда въ Бабурино и Деменку, гдѣ отдается хорошенькій, новенькій домикъ. Маша была дома, ходила за фіалками, хозяйничала. Вечеромъ пріѣхалъ поѣздомъ въ Тулу Булыгинъ; разсказывалъ, смѣялся и ночевалъ. Нынче утромъ я всталъ въ 8, хотѣлъ поднимать Машу,—она спитъ въ Левиной комнатѣ, а я подъ сводами,—но она объяснила мнѣ,

---

[1]) Левъ Николаевичъ исправлялъ переводы Никифорова и написалъ къ нимъ предисловіе.

что она всю ночь зябла, и что у ней болитъ горло и жаръ. Пощупалъ,—точно жаръ, средній. Это она вчера простудилась, ходила за молокомъ на ледникъ. Нынче цѣлый день то знобъ, то жаръ. Ничего не ѣстъ, пьетъ. Я считалъ ей сейчасъ пульсъ, 88. Жаръ не сильный; утѣшительно то, что у нея бываютъ эти ангины. Но жутко. Въ комнатѣ тепло, истопили нынче. Въ обѣдъ я послалъ за Марьей Александровной. Она пріѣхала и будетъ спать съ Машей. Сейчасъ разотремъ уксусомъ и напоимъ малиной. Желудокъ въ порядкѣ. Я сейчасъ, послѣ обѣда, въ 5 часовъ, поѣхалъ въ Судаково и оттуда Засѣкой на пчельникъ, купальню и черезъ Заказъ домой. Больше шелъ пѣшкомъ, радуясь на красоту Божьяго міра. Трава уже съ четверть, фіалки отцвѣтаютъ, баранчики сплошные, рожь идетъ въ трубку, овсы зеленые коегдѣ; на черемухѣ готовъ цвѣтъ и побѣги въ два вершка; осина и ранній дубъ одѣваются. Тепло, влажно, соловьи, кукушки. Вернулся въ 8 и вотъ пишу. Маша все то же: пила чай и пьетъ лимонадъ. Завтра извѣщу, что будетъ. Тоска въ ногахъ, и голова болитъ, и горло. Горло не очень болитъ. Надѣюсь, что завтра будетъ лучше. Что будетъ, напишу всю правду.

Кирпичники завтра придутъ рядиться (*зачеркнута строка*). Это замарано то, что я хотѣлъ выписать одну вещь, а потомъ рѣшилъ, что не надо. Жду съ нетерпѣніемъ Таню съ Николаемъ Николаевичемъ (Ге) въ понедѣльникъ. Про тебя я не понялъ, когда ты хотѣла пріѣхать. Поскорѣе бы Лева переѣзжалъ. Цѣлительный воздухъ и тишина. Правда, что теперь немного рано для каменнаго дома, да и должны завернуть холода. А вотъ какъ пройдутъ, тогда хорошо бы ему пріѣхать. Цѣлую тебя и дѣтей. Съ Мишей я такъ и не простился.

502. **2 мая.**

Какъ обѣщано, пишу, милый другъ, съ тѣмъ, чтобы ты знала о Машѣ. Съ утра ей было получше, меньше жара, но оказалась сильная боль въ горлѣ, такъ что ей трудно и больно глотать. Сейчасъ смотрѣлъ ей горло: съ обѣихъ сторонъ одинаково крас-

но и одинаково больно. Лучше ей немного уже потому, что она немного поѣла, сама захотѣла овсянки и чаю съ молокомъ. Но теперь къ вечеру — теперь 9 часовъ — опять тоска и жаръ сильнѣе, но какъ будто собирается потѣть. Сейчасъ напоимъ ее малиной и натремъ уксусомъ. Мы нынче перешли наверхъ. Она въ Сашиной комнатѣ, я въ спальнѣ. Хотя тепло наверху— 16 град.,—мы еще истопили, такъ какъ вчера мыли верхъ. Очень жаль ее, бѣдную, она тиха и покорна, и Марья Алекс. изъ всѣхъ силъ хлопочетъ за ней ходить, и хорошо, не тревожа ее. Жалко особенно по этой погодѣ. Сегодня сухой, южный вѣтеръ и жара. Я ходилъ между часомъ и четырьмя по Засѣкѣ, собиралъ фіалки и было жарко, какъ въ іюлѣ. Изъ письма Вѣры знаю, что тебѣ лучше, и что наши ѣдутъ завтра. И то хорошо. Прощай пока, цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

Да скажи, пожалуйста, Павлу Ивановичу, что если можно, то чтобъ онъ прислалъ бы мнѣ еще разъ Мопассана въ сверстанномъ видѣ. Если можно. Да «Bel Ami», скажи Танѣ, чтобъ она привезла, если сама прочла.

503. **3 мая.**

Машѣ нынче гораздо лучше: нѣтъ ни жара, ни боли горла (еще немного болитъ), только слабость и боль во всемъ тѣлѣ. Очевидно, болѣзнь прошла, и я болѣе не безпокоюсь. А сейчасъ, 8 часовъ, посмотрѣлъ ее,—хуже, чѣмъ днемъ, слабѣе, но гораздо лучше. За Петр. Вас-мъ не посылали, Аннушка прекрасно готовитъ. Жду нашихъ, везу это письмо и ѣду къ нимъ навстрѣчу; цѣлую тебя и дѣтей. Я давно такъ праздно не проводилъ время, какъ эти два дня.

504. **Начало мая.**

Павелъ Ивановичъ разскажетъ тебѣ все про насъ, но все-таки пишу, чтобъ сказать, что всѣ благополучны и здоровы.

Лева пріѣхалъ въ 6-мъ часу усталый, но очень довольный всѣмъ, что нашелъ здѣсь. Ванечка очень милъ и ласковъ. Удивляемся, что два дня не было отъ тебя писемъ. Цѣлуемъ васъ.

Л. Т.

505. **9 мая.**

Дѣти никто про меня не пишутъ, предоставляя это мнѣ. Я нынче совсѣмъ здоровъ. Вѣроятно, и ты бы была довольна погодой. Чудный, ясный и немного прохладный и необыкновенно красивый день. Хотѣлъ Левѣ писать длинное письмо, да не успѣлъ и предпочелъ все сказать ему здѣсь. Надѣюсь, что у тебя не осталось никакого дурного осадка отъ бывшаго непріятнаго разговора, такъ же, какъ и у меня. И ты, вѣроятно, это поняла еще вчера. Цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

506. **12 мая.**

Хотѣлъ тебѣ написать получше и подлиннѣе письмо, милый другъ Соня, но кончилось тѣмъ, что не успѣлъ: Crosby [1]),— я съ нимъ гулялъ и промокъ, и что-то усталъ и слабъ. Вчера получилъ твое письмо. У меня-то навѣрное ничего не осталось въ тотъ же вечеръ, какъ ты уѣзжала, только бы у тебя не было недобрыхъ и мрачныхъ мыслей, которыя, впрочемъ, очень естественны въ теперешнемъ твоемъ положеніи одиночества и въ городѣ, и съ тревожащимъ тебя Андрюшей и безпокойствомъ за него и за Ванечку. Утѣшаемся тѣмъ, что это не надолго, и не успѣемъ оглянуться, какъ соединимся и будемъ жить дружно и потому весело.

Нынче привезли лѣсъ и положили его на лугу предъ балкономъ. Сначала мы всѣ возмутились и обвинили В. П. Но, разобравъ дѣло, я увидалъ, что больше его класть некуда, и здѣсь онъ займетъ не много мѣста. Crosby, какъ всѣ американ-

---

[1]) Ernest Crosby, американецъ-писатель.

цы, приличный, не глупый, но внѣшній [1]). Главное, усталъ говорить по-англійски. Прощай, цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

507. **13 мая.**

Яблони въ молодомъ саду цвѣтутъ не дурно. Здоровье мое, или скорѣе нездоровье, не опасно. Должно быть, простудилъ желудокъ. Crosby они напрасно осуждаютъ: онъ довольно наивенъ, но чуждъ намъ, какъ американецъ, по воспитанію и нраву.

У меня въ шкапу есть Евангелія Матвѣя не переплетенныя, привези ихъ. Если нѣтъ, то купи 50 штукъ. Они по 2 коп. въ будкѣ у Ильинскихъ воротъ. Книги изъ моего шкапа слѣдующія привези: (*слѣдуетъ списокъ*).

Письма въ Москву.

508. **18 августа.**

Съ перваго же вечера, какъ ты уѣхала, дорогой другъ Соня, мнѣ сдѣлалось и скучно безъ тебя и жалко тебя за то, что покидаешь и деревню, и дѣтей—Ванечку—и ѣдешь на тяжелую жизнь. И все хотѣлъ тебѣ писать и все не успѣвалъ. Даже и это письмо не пойдетъ нынче, такъ какъ мы не посылаемъ на Козловку. Таня вѣрно описала тебѣ тѣ скромныя событія нашей жизни, какія есть; я могу прибавить только то, что съ Колечкой мнѣ очень тяжело, потому что онъ не откровененъ. Мы собрались съ нимъ ѣхать нынче, 18-го, къ Булыгину, а онъ съ утра ушелъ къ Марьѣ Алек-нѣ, такъ что мы его не видали. Я думалъ, что онъ пошелъ къ Булыгину, и пошелъ туда. Его тамъ не было, и онъ, вернувшись отъ Марьи Алек-ы, пришелъ туда, такъ что мы съ нимъ не видались почти. Хотѣлъ Булыгинъ его привезти нынче вечеромъ, а теперь 11-й часъ и ихъ нѣтъ. Завтра же онъ хотѣлъ ѣхать. Вчера я еще получилъ отъ его бра-

---

[1]) Л. Н. потомъ призналъ, что ошибся въ Кросби. См. „Письма Л. Н. Толстого“. Изд. „Окто“. Письма №№ 91 и 171.

та Петруши письмо, въ которомъ онъ жалуется на брата, и по-моему совершенно правъ. Колечка просто нравственно неузнаваемъ. Стараюсь сдѣлать, что могу—получше, а что выйдетъ, это ужъ дѣло его и Божье.

Миша все бѣгаетъ на дворню къ ребятамъ; я постоянно помню о немъ и посылаю за нимъ. И по моимъ наблюденіямъ дурного ничего нѣтъ, а есть тотъ періодъ, черезъ который и я проходилъ,—особенно живого интереса къ жизни народа и, разумѣется, сверстниковъ. Хотѣли его на скрипкѣ заставить играть, говоритъ, что мизинецъ свихнулъ, болитъ. По вечерамъ онъ читаетъ. Ѣздилъ нынче въ Овсянниково. Саша, какъ всегда, проста и усердна. Ванечка кажется особенно милъ, потому что больше обращаешь на него вниманія. Здоровье его превосходно. Въ вопросахъ о томъ, дать ли ему огурца, яблокъ, грибовъ, я всегда стою за большую осторожность. Дочери очень усердно заняты различными письменными работами и въ бодромъ, трудолюбивомъ, осеннемъ настроеніи.

Нынче я видѣлъ, что кирпичъ возили, но вечеромъ помѣшалъ дождикъ. Я два дня писалъ письма и нынче только очистилъ одну большую порцію. Лева велитъ мнѣ писать ему. Я непремѣнно сдѣлаю это, и получше, и главное поискреннѣе, но не нынче. Цѣлую тебя и Леву, и Андрюшу.

Л. Т.

509. **19 августа.**

У насъ все благополучно, кромѣ Левы, который все такъ же унылъ. Ты знаешь, что утромъ пріѣхали К. И. и И. И. Къ завтраку пріѣхали Маша съ Машей Толстой на лошадяхъ. Всѣ здоровы. Таня хочетъ завтра на одинъ день съѣздить въ Пирогово; поѣдетъ рано утромъ на лошадяхъ и вернется въ 10 ч. 10 мин. на Козловку. Хочетъ взять Сашу. Она ушла гулять съ К. И., а я пишу, потому что самъ ѣду къ Черткову, а оттуда на Козловку. Цѣлуй отъ всѣхъ насъ Кузминскихъ.

510. **Августъ.**

Я написалъ тебѣ опоздавшее письмо вчера, а теперь очень жалѣю, что послалъ его на почту. Съ Митей ты бы получила раньше. Мы всѣ здоровы, скучаемъ по тебѣ и жалѣемъ тебя, хотя погода не веселитъ. У насъ Колечка. Сейчасъ уѣзжаетъ. Связь, которую приписываютъ ему,—выдумка. Положеніе его очень трудное. Но онъ такой же хорошій. Цѣлую тебя, Леву, Андрея.

511. **Августъ (?).**

У насъ все благополучно, милый другъ. Ваня ходилъ одинъ разъ, веселъ и здоровъ. Бисмутъ давали одинъ разъ, больше не будутъ. У насъ былъ Сухотинъ [1]) и Катерина Ивановна Баратынская. И было пріятно. Сухотинъ очень милъ. Остальное все по-старому. Я вполнѣ здоровъ. Какъ ты? И мальчики? Цѣлую ихъ и тебя. Катер. Иван. разскажетъ, а я пишу только потому, что хочется.

Письма послѣ моего посѣщенія Ясной Поляны въ Москву, гдѣ находились три сына: больной Левъ и учащіеся Андрюша и Миша.

512. **7 сентября.**

Я очень радъ, что ты поѣхала въ 1-мъ классѣ, хотя и на даровой билетъ. У насъ въ одиночествѣ жизнь тѣснѣе. Вчера я сталъ, было, записывать свой разсказъ, пока вы уѣхали, думалъ нынче вечеромъ продолжать, но нынче не въ томъ духѣ.

Очень бы желалъ, чтобы Лева попробовалъ примѣнить мой совѣтъ о гимнастикѣ. Самыя легкія движенія, но все-таки движенія съ нѣкоторыми усиліями. Что скажетъ на это докторъ Флеровъ? Цѣлую всѣхъ своихъ и привѣтствую Марью Константиновну [2]) и Павла Петровича.

Л. Т.

---

[1]) Михаилъ Сергѣевичъ, впослѣдствіи мужъ Татьяны Львовны.

[2]) М. К. Рачинская, впослѣдствіи первая жена сына Сергѣя.

Два раза спрашивалъ Ванечку, злился ли онъ на Сашу, и оба раза miss Walsh отвѣчала, что, напротивъ, они были очень дружны. Я обѣщался ему написать это тебѣ.

513. **9 сентября.**

Хорошо, что получили отъ тебя письмо. Бѣлоголовый [1]) хорошъ своей безплатностью, но боюсь, что Захарьинъ обидится. У насъ ничего новаго послѣ поѣздки 3-го дня въ Овсянниково верхами. Дѣтей общимъ совѣтомъ не выпускаютъ. Я былъ за прогулку, но остался въ меньшинствѣ. Сейчасъ ѣду въ Тулу повидать одного писавшаго мнѣ очень интереснаго оружейника и еще кое-зачѣмъ у Давыдова. Таня вчера лежала, Маша—нѣтъ-нѣтъ, и зубы болятъ. О кирпичѣ ничего не спрашивалъ. Я спрошу сейчасъ приказчика. Молотятъ очень усердно. Погода упорно дурная. Дѣти маленькія веселы и здоровы. Я тоже. И не дурно думается и пишется. Цѣлую васъ. О гимнастикѣ я боюсь и спрашивать, хотя я очень склоненъ думать, что она была бы полезна. А въ самой слабой степени всегда возможна.

514. **11 сентября.**

(Приписка къ письму дочери Тани.)

Кафли привезли, а о кирпичѣ я не знаю, сколько нужно. Узнаю отъ архитектора или печника и тогда пошлю къ Гилю. У насъ, какъ видишь, все очень хорошо: гости добрые и не стѣснительные. Какъ у васъ?

515. **12 сентября.**

(Приписка.)

Событія всѣ описаны, а во внутренней жизни моей мало интереснаго. Не работается послѣдніе два дня. Съ Иван. Иван. [2]) хорошо придумалъ, т.-е. придумалъ онъ,—собирать всѣ тѣ пре-

---

[1]) Докторъ Бѣлоголовый, къ которому обращался сынъ Лева.

[2]) Горбуновъ-Посадовъ.

красныя статьи, книги и даже письма, которыя я и мы получаемъ, переводить и составлять какъ бы журналъ рукописный, исключая все задорное, осудительное. Не знаю, удастся ли, но мнѣ всегда жалко, что пропадаютъ неизвѣстныя многимъ, прекрасныя, интересныя и поучительныя, и для души полезныя вещи, которыя я получаю.

День былъ нынче недурной, но былъ дождикъ утромъ, и барометръ не поднимается. Какъ дѣти? Хочется написать: «больше не знаю, что писать». И не оттого, что нечего, а оттого, что надѣешься все сказать, когда увидимся, и теперь скоро. Думаю обо всѣхъ дѣтяхъ и больше всего о Левѣ; все хотѣлось бы влѣзть въ его душу и понять, чѣмъ онъ живетъ. Дочери здоровы и, не сглазить, въ бодромъ и дѣятельномъ настроеніи.

Л. Т.

516. **15 сентября.**

Маша хочетъ ѣхать на Козловку, и вотъ я пишу тебѣ, чтобъ сказать тебѣ, что у насъ, несмотря на холодъ и дожди, все вполнѣ благополучно, и большія и малыя дѣти совершенно здоровы; сейчасъ идутъ, послѣ завтрака, за грибами. Маша увѣряетъ, что у поручика въ елочкахъ она видѣла много грибовъ, а няня отрицаетъ. Но они все-таки идутъ и очень веселы.

Сейчасъ Саша съ Ванечкой разсматривали на полу карту міра и узнавали, гдѣ Патагонія, куда поѣхали дѣти капитана Гранта, и гдѣ Корея, въ которой я имъ разсказалъ, что война.

Вчера мнѣ вечеромъ нездоровилось, и я зябъ, прошелъ наверхъ и для согрѣванья сталъ играть съ миссъ Вельшъ—Гайдна. Я согрѣлся, но слушать, я думаю, было непріятно. Нынче чувствую себя очень здоровымъ и писалось очень хорошо.

Маша не спала вчера до 2-хъ часовъ отъ страха передъ крысой, которая лазила подъ постелью. А у миссъ Вельшъ—подъ простынею. А у меня посреди комнаты оказалась мертвая мышка.

Вчера j'ai passé un mauvais quart d'heure. Явился вечеромъ студентъ харьковскій въ мундирѣ, пришелъ пѣшкомъ подъ до-

ждемъ изъ Тулы, гдѣ онъ, по его словамъ, остался безъ возможности ѣхать далѣе до Харькова,—онъ ѣдетъ изъ Петербурга,—и проситъ дать ему 10 рублей. Я измучился, навѣрное, въ 10 разъ больше, чѣмъ онъ, колеблясь—дать или не дать, и кончилъ тѣмъ, что все-таки далъ, и досадно, и совѣстно.

Нынче цѣлую ночь видѣлъ во снѣ мой обычный сонъ, что я служу юнкеромъ въ военной службѣ, нынче въ уланахъ, и мундиръ на мнѣ грязный, и все не такъ, какъ надо, и всѣ надо мной смѣются. Видѣлъ и Андрюшу на велосипедѣ. Думалъ о немъ и о Мишѣ. Очень ужъ, очень у нихъ много всякихъ земныхъ благъ: отъ этого нѣтъ ни охоты, ни времени заняться духовными.

Приходилъ крестьянинъ попросить похлопотать за брата солдата, котораго въ субботу будутъ судить въ Тулѣ за то, что онъ упустилъ арестанта. Съѣзжу въ Тулу, можетъ быть, завтра, а послѣзавтра мы хотимъ съ Таней съѣздить въ Пирогово. Не знаю, какъ она, а я нынче уѣду, завтра пріѣду. Она тоже говоритъ, что на одинъ день, много на два. Въ домѣ топили кое-гдѣ и тепло. О кирпичѣ не узналъ еще, но нынче поѣду въ Тулу, и велѣно узнать у архитектора. Вотъ и все. Цѣлую всѣхъ васъ.

Л. Т.

517. **17 сентября.**

Пишу тебѣ нѣсколько словъ изъ Ясенковъ, куда мы, гуляючи, пришли съ Сашей и Ваней. Погода чудная, и мы взяли всѣ предосторожности. Миссъ Вельшъ привезла имъ теплыя платья, и они ѣдутъ съ ней домой, а я верхомъ на Вятчикѣ заѣду къ старшинѣ. Всѣ эти дни очень напряженно работаю, хотя результатовъ замѣтныхъ нѣтъ. Благодарю Леву за его письмо. Онъ пишетъ про свое душевное состояніе то самое, что я желаю ему, только бы онъ персеверировалъ бы. Цѣлую тебя и дѣтей.

518. **18 сентября.**

Я нисколько не нашелъ непріятнымъ то, что ты писала о твоемъ отношеніи къ моему писанью и отношеніи къ нему теперь

дѣвочекъ; напротивъ, нахожу это справедливымъ и съ очень пріятнымъ чувствомъ вспоминаю о томъ времени художественной работы. Теперь я написалъ начерно очень малоинтересный разсказъ, но меня онъ на время занялъ. Поправлять же его, теперь по крайней мѣрѣ, нѣтъ охоты. А надъ своей работой все копаюсь.

Что ты не пишешь ничего объ Урусовѣ? Мнѣ очень жаль, что я не увижу его. Поклонись ему хорошенько отъ меня. Мы вѣдь очень давно не видались. Перемѣнился ли онъ? Пироговскую поѣздку мы на время отложили. Но тоже очень хочется видѣть Сережу брата, предоставить ему себя поругать. Ужъ не много разъ намъ остается это дѣлать. Левиному письму былъ очень радъ. Цѣлую его.

Л. Толстой.

Рукой Льва Николаевича написано отъ лица и подъ диктовку маленькаго сына Ванечки, а дальше отъ самого Льва Николаевича.

519. **19 сентября.**

Милая мама, Саша была больна и теперь здорова. Мы сегодня съ Таней хотѣли идти на Козловку, но было холодно, и насъ папа съ няней не пустили. Саша все спѣшитъ для тебя дѣлать какой-то подарокъ, и она думаетъ, что она не успѣетъ. Робинзона мы дочли и ждемъ тебя, чтобы читать съ начала, а то, помнишь, мы начали читать съ самаго интереснаго. Мы дочли Робинзона и маленькую книжечку и начали Капитана Гранта. И очень была одна страница, очень интересная, про красныхъ волковъ. Я очень боялся. Сейчасъ папа ѣдетъ на Козловку, и вотъ я пишу тебѣ письмо. Пришелъ будить Таню, чтобъ идти на Козловку, и я только что намочилъ палецъ, чтобъ ее брызгать— она проснулась. Прощай, милая мама. Жду скорѣй пріѣхать въ Москву. Поцѣлуй Андрюшу, Мишу, Леву и всѣхъ, кто тамъ есть, а тебя даже обнимаю.

Ваня. (Рукой Ванечки.)

Дальше Левъ Николаевичъ пишетъ отъ себя.

Я все занятъ тѣмъ же, и очень занятъ. Писемъ никакихъ особенныхъ не получали. Получилъ я книгу о буддизмѣ L. Rosny, очень для меня интересную. Пріятно мнѣ очень видѣть и чувствовать, какъ всѣ здѣсь живущія наши дѣти дружны между собой. И особенно взрослыя: Маша съ Таней. «Дѣти капитана Гранта» продолжаютъ имѣть большой успѣхъ; участвуютъ и няня, и я иногда. Ваня принесъ свою бумажку, но когда я взялся писать, онъ задумался, и вотъ, я пока исписалъ все, а онъ все сидитъ и думаетъ. У Саши болѣло ухо и немного красно было горло, жара не было, и нынче хотя она и лежитъ въ постели, но жалуется только на головную боль.—Погода нынче ясная, но очень свѣжая, такъ что Таня собралась, было, вчера идти съ Ваней на Козловку, но нынче раздумала и его ведетъ на купальную дорогу.—Таня ѣздила въ Бабурино за моделью для своей картины, а Маша съ ней на Деменку къ больному. Вчера я ѣздилъ на Козловку за письмами, но не было отъ васъ, что насъ огорчило. Что Душанъ [1]) и его палецъ?

Письма въ Москву изъ Ясной Поляны послѣ моей поѣздки туда для свиданія съ мужемъ и дочерями.

520. **20 сентября.**

(Приписка къ письму Тани.)

Таня говоритъ, что написала это очень глупое письмо. Я не пытаюсь написать умнѣе, потому что вотъ уже 3-й день физически здоровъ, но въ знакомомъ мнѣ состояніи апатіи. Погода бодрящая, ѣду въ Овсянниково; Лева, видно, пободрѣе. Это хорошо. Жалко, что онъ не хочетъ взять мою комнату, впрочемъ мало воздуху. Гротъ какъ мало философъ. Пишетъ, что слы-

[1]) Докторъ-словакъ Душанъ Петровичъ Маковицкій.

шалъ, что мнѣ царя очень жалко [1]), и поэтому заключаетъ, что онъ былъ очень прекрасный царь, и что царствованіе было очень прекрасное, полезное и т. п. . . . . .

521. **Безъ числа. Осень.**

(Приписка къ письму Тани.)

Подтверждаю эти послѣднія слова Тани о Левѣ, что и ему, и намъ лучше будетъ, если онъ будетъ въ домѣ. Мнѣ очень хочется вамъ вмѣстѣ писать, но нынче не успѣю этого сдѣлать, до завтра. Илюша мнѣ былъ, къ большой моей радости, очень милъ, добръ очень, умиленно добръ. Цѣлую всѣхъ.

Л. Толстой.

522. **25 октября.**

Вчера возилъ письмо на Козловку и оттуда проѣхалъ въ Овсянниково по дѣламъ Тани. Марья Алекс-а все такъ же здорова; и благодушно, чисто, тепло у нея, и она радостна. Отсюда проѣхалъ навстрѣчу Михайлѣ, котораго не было дома, до Басова. Встрѣтилъ его и вернулся домой къ 6-му часу. Маша все еще лежала, но ей легче стало. Я посидѣлъ у себя внизу, пописалъ, а потомъ мы цѣлый вечеръ—я читалъ—читали Поланецкихъ [2]) съ большимъ удовольствіемъ. Прекрасный писатель, благородный, умный и описывающій жизнь—правда, однихъ образованныхъ классовъ—во всей широтѣ ея, а не однихъ нигилистовъ, фельдшерицъ и студентовъ, какъ наши.

По дорогѣ въ Козловку засталъ толпу мужиковъ, которые присягали священнику, который стоялъ на крыльцѣ. . . . . .

Тутъ же ужъ стояли казаки для охраны, которые выѣхали для проѣзда . . . . . .

Нынче утромъ пріѣхала Надя Иванова изъ Тулы, Маша звала ее, и привезли письма, и твое, Соня, къ Танѣ. Спасибо, что пи-

---

[1]) Въ это время умиралъ Императоръ Александръ III.

[2]) „Семья Поланецкихъ“, романъ Г. Сенкевича.

шешь, пиши почаще.—Хохловъ пробылъ здѣсь день. Я уговорилъ его ѣхать назадъ къ отцу и взять у меня 3 рубля на дорогу. Это стóило большихъ нравственныхъ усилій. Вообще вчера говорилъ съ нимъ. Онъ рѣшительно душевно-больной [1]) и очень жалокъ. Онъ очевидно хотѣлъ видѣть Таню. Все время онъ сидѣлъ внизу въ библіотекѣ и Таню не видалъ, но передъ отъѣздомъ, вечеромъ, онъ взошелъ наверхъ безъ меня, и когда Маша вышла, Таня сказала ему:—Вы получили мои письма?—Онъ:—Нѣтъ.—Ну, такъ вы слышали, что говорила вамъ Маша; все, что она говорила,—правда. Надѣюсь, что вы берете назадъ ваши слова?—Онъ:—Приходится.

Онъ былъ очень сконфуженъ, но по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи успокоился. Я всячески убѣждалъ его поселиться у отца и тамъ, отдохнувъ отъ той аскетической жизни, которую онъ ведетъ,—онъ въ лаптяхъ, во вшахъ,—избрать себѣ какое-нибудь дѣло, а главное сдѣлать такъ, чтобы люди не боялись его, какъ теперь, а любили бы его, постараться быть полезнымъ и пріятнымъ людямъ. Онъ слушается меня, когда я говорю, но потомъ опять забываетъ. У него нѣтъ воли, иниціативы никакой.

Я эти дни писалъ одно письмо въ англійскія газеты о томъ, что христіанство не имѣетъ цѣлью разрушать существующаго порядка и замѣнять его другими, а только личное спасеніе людей,—и письмо баронессѣ Розенъ о томъ, нужно ли приводить въ ясное сознаніе и выражать словами свои религіозныя убѣжденія, или не нужно. Оба кончилъ. Свое же изложеніе вѣрно отложу еще. Все хочется начать съ начала и иначе. Писемъ никакихъ три дня не получалъ, вѣроятно, читаютъ. Я очень хорошо себя чувствую—и физически, и нравственно. Дѣвочки, мнѣ кажется, тоже. Тебя, Соня, какъ и все это послѣднее время, очень люблю. Пишу это письмо къ тебѣ и къ Левѣ вмѣстѣ. Цѣлую Леву и надѣюсь скоро увидать.

---

[1]) Хохловъ считался послѣдователемъ Толстого. Умеръ въ больницѣ для умалишенныхъ.

523. **30 октября.**

Нашихъ никого дома нѣтъ; не знаю, писали ли онѣ къ тебѣ, и поэтому пишу. Вчера пріѣхалъ Миша Стаховичъ [1]), который провожалъ отъ Орла тѣло Государя. Онъ теперь у насъ, и пошелъ съ Таней въ мастерскую. Маша пошла съ Надей Ивановой къ Комарову,—у него больные,—а я ѣду на Козловку. Вчера получилъ твое письмо. Я ничего никуда не пишу и весь поглощенъ своей работой. Марья Алекс-а вчера пріѣзжала къ намъ на саняхъ. Нынче туманъ, и согналъ весь снѣгъ. I hope, что твоя головная боль прошла, и что Андрюша поправился. Левѣ я вчера писалъ.

524. **1 ноября.**

Таня написала мало *Сашѣ* и *Ванѣ*, такъ припишу имъ. *Сашѣ* припишу, что письмо ея длинное очень мнѣ понравилось, и я бы желалъ написать ей такое же, да не сумѣю. Миша Стаховичъ былъ очень удивленъ вышкой въ саду. Онъ думалъ, что это катанье съ горъ. Аннушка все время била Вѣрку; такъ что у нея нѣтъ *принциповъ*; она и прежде била и теперь бьетъ. Маша ей говоритъ: «за что ты ее бьешь?» А она говоритъ: «Я не за то бью, что она этого стоитъ, а самой станетъ скучно, и прибьешь». Это я шучу; она не часто и не больно бьетъ. Мальчики деревенскіе катались по пруду и учитель съ ними, а теперь прудъ растаялъ, и катаются однѣ утки безъ коньковъ.

Ванѣ. Я поймалъ 3-хъ крысъ внизу, и одна защемила себѣ хвостъ, и хвостъ то[ще твоего пальца. И Маша съ Надей Ивановой носили выпускать ее. И такъ боялись, что взлѣзли на скамейку у Кузминскаго дома и тамъ выпустили, а сами визжали. А я выпускалъ своихъ на прешпектѣ, и онѣ прыгали такъ что на аршинъ и забивались подъ дерево. Марья Алекс-а тоже

---

[1]) Мих. Алекс. Стаховичъ, въ то время губ. предводитель дворянства, нынѣ членъ госуд. совѣта.

выпускала крысъ на Кавказѣ, и одинъ нѣмецъ ей сказалъ, что, какъ только ихъ выпустятъ, онѣ прежде Марьи Александровны дома будутъ. Но это неправда; я смотрѣлъ по слѣду, онѣ въ саду остались. А Таня вчера сказала, чтобъ привезли барана изъ Овсянникова, потому что всѣ люди хотѣли мяса, и Стаховичу, и Надѣ Ивановой, и привезли барана и убили его. Вотъ это *принципы*.—А еще я очень радъ, что у васъ всѣ поправляются, и мама не такъ безпокоится, и Лева не хуже. А еще у Стаховича такіе духи, что весь домъ пахнетъ. А еще то, что я буду очень радъ увидѣть всѣхъ васъ, а пока цѣлую васъ всѣхъ—и большихъ, и маленькихъ.

Мишѣ. Вятчикъ выздоровѣлъ.

Андрюшѣ. Ему надо промѣнять лошадей съ приказчикомъ и взять Тарпана. Онъ лучше всѣхъ лошадей.

Мама. Дрова все возятъ изъ лѣса—буреломникъ, и будетъ много. Сушилку я смотрѣлъ, и мнѣ понравилась.

525. **5 ноября.**

У насъ Сережа. Передалъ намъ планъ поѣздки Маши съ Лизой. Мнѣ кажется, что это хорошо. Получилъ вчера твое успокоительное письмо, да и Сережа передалъ, что у васъ теперь все благополучно. Таня ѣздила въ Тулу нынче, но не кончила своего дѣла. Завтра поѣдетъ и кончитъ. Въ понедѣльникъ же думаемъ всѣ ѣхать. Если вы найдете, что Машѣ нужно ѣхать прежде, то телеграфирую.

Очень радуюсь увидѣть всѣхъ васъ. *Л. Т.*

По этому письму, пожалуйста, пошли полное собраніе сочиненій профессору Данилевскому, знакомый мнѣ и очень симпатичный.

1895 годъ.

Письма отъ гр. Олсуфьевыхъ изъ Никольскаго, гдѣ гостилъ Левъ Николаевичъ съ дочерью Таней.

526. **Безъ числа. Январь.**

Вотъ уже мы вторыя сутки здѣсь, милый другъ Соня. Доѣхали мы такъ хорошо, что жалко было пріѣхать. Здѣсь были Адама Васильевича именины и были гости: Олсуфьевы—Васильевны, Левицкіе, Маклаковъ дядя, Апраксины и учителя, священникъ и оба сына. Насъ приняли очень радостно. Анна Мих-а [1]) лежитъ отъ разстройства желудка, но бодра и разговорчива и очень сокрушается о томъ, что Митя не раздѣляетъ ея убѣжденій и предпочитаетъ Александра III Александру II. Я нынче чувствовалъ себя вялымъ и ничего не работалъ, а только читалъ, разговаривалъ и походилъ. Таня здѣсь что-то, мнѣ показалось, очень худа. Можетъ быть, это отъ контраста съ Лизой [2]). Теперь 12-й часъ, они еще сидятъ, а я ушелъ наверхъ, куда меня перевели. То я былъ внизу, и тамъ холодно. Готовятъ намъ точно такъ же, какъ дома, и овсянка есть.

Что дѣлается у васъ? Пиши намъ, что Лева? продолжаетъ ли быть болѣе бодрымъ, какъ онъ мнѣ казался послѣдніе дни? Ты и всѣ остальные? Машѣ я хочу написать, чтобъ она была такая же, какъ была послѣднее время.

Мнѣ очень хочется здѣсь написать нѣчто давно задуманное, но, видно, это не въ нашей власти, и нынче я былъ дальше отъ возможности писать, чѣмъ когда-нибудь. Если будутъ письма интересныя и важныя, или и газеты, и книги, то пересылайте сюда. Прощай пока, цѣлую всѣхъ васъ. *Л. Т.*

---

[1]) Хозяйка дома.

[2]) Е. А. Олсуфьева.

527. **12 января.**

Я просилъ Таню написать вамъ съ Михаиломъ Адамовичемъ, но и самому хочется, хотя особенно писать нечего. Здѣсь много гостей-сосѣдей, которыхъ видишь только за *repas*, а наверху сидишь въ одиночествѣ и утромъ, и вечеромъ.

Погода превосходная три дня, и я много хожу. Нынче ходилъ за 6 верстъ къ Левицкимъ съ Нерадовскимъ; хотѣлъ и назадъ идти, но за нами пріѣхали сани. Таня перестала быть такъ худа и спитъ хорошо; я совершенно здоровъ, но пишется мало.—Здѣсь двѣ Мейндорфъ дѣвицы, одна, которая нравилась тебѣ, Лева, слабая, малокровная, и другая, старшая, добродушная и простая.

Читалъ твою Paix du coeur и мнѣ не понравилось,—слишкомъ искусственно [1]).

Какъ хорошо, что страхъ твой за Ванечку былъ напрасенъ, но какъ не хорошо, что ты предаешься такимъ страхамъ. Видно хорошо, что у *старыхъ* родителей-матерей нѣтъ дѣтей, а то онѣ, матери, умирали бы отъ страховъ до старости.—Мнѣ все здѣсь хорошо, исключая того, что я долженъ воздерживаться отъ высказыванья всѣхъ своихъ мыслей.

Третьяго дня былъ въ больницѣ на операціи: палецъ отрѣзали на ногѣ отмороженный. Мнѣ очень жаль, что я не видалъ Илью. Зачѣмъ онъ пріѣзжалъ? Мы здѣсь какъ будто ближе отъ Москвы, чѣмъ въ Ясной, а письма получаемъ гораздо рѣже. Давно не знаемъ о васъ. Напиши подробнѣе о всемъ важномъ: здоровьѣ Левы, твоемъ душевномъ состояніи и поведеніи мальчиковъ. Хотя и скоро вернемся теперь, а все хочется знать. И недостаетъ этого.

Я все это время вялъ и не идетъ работа, и я начинаю огорчаться этимъ и потомъ себя стыжу за это. Если нѣтъ силъ и охоты писать, то значитъ и не нужно. Только бы жить получше, т.-е. не дѣлать худого, а это важнѣе всѣхъ писаній. Ну, пока прощайте, цѣлую васъ. Машѣ отдѣльно не пишется, потому что очень хочется поговорить съ ней, а въ письмѣ не выйдетъ. Мнѣ только очень жалко тебя, и часто о тебѣ думаю, что ты не весела и не

[1]) Т.-е. французскій романъ, взятый у меня.

бодра. Грѣхъ это. Дѣлай изъ всего радость, а если не можешь, то по крайней мѣрѣ будь открыта ко всякой радости, когда она придетъ, и пользуйся ею, сколько можно. Толстыхъ цѣлуй.

Л. Т.

Больнъ продолжаетъ быть болваномъ. И мнѣ это жалко [1]).

528. **Январь.**

(Приписка къ письму дочери Тани.)

Хотя Таня все написала, хочется приписать. Очень жаль, что ты ложишься поздно спать и не перестала говорить объ исторіи съ фотографіей. Видѣлъ тебя, Соня, нынче во снѣ, мы что-то вмѣстѣ писали очень важное.

Я послѣдніе дня три чувствую себя очень бодро и пишется, и хочется писать, хотя не то, что нужно [2]). Маша все жалуется, что ея письма дурныя, а мнѣ они очень, очень нравятся, переносятъ меня въ міръ, въ которомъ я люблю жить,—міръ мыслей и чувствъ. Таня правда что поправилась, и ей, кажется, пріятно съ Мейндорфъ и Лизой, которую я въ первый разъ понялъ и полюбилъ. Добрая, простая и очень благородная дѣвушка. Насъ интересуетъ очень, что будетъ въ университетѣ.

Книжка, которую прислалъ Саломонъ черезъ Бобринскаго, очень хорошая и непремѣнно пойдетъ въ Архивъ. Прощай, до скораго свиданья.

Л. Т.

Письмо въ Кіевъ, куда увезла меня къ себѣ сестра Татьяна Андреевна, чтобъ отвлечь отъ отчаянія и горя послѣ смерти меньшого, 7-мильтняго сына Ванечки, умершаго отъ скарлатины 23 февраля 1895 г.

529. **Москва. Апрѣль.**

Получилъ нынче письмо отъ Ильи, изъ Орла, о томъ, что вы благополучно доѣхали до Орла. Считаемъ часы, когда ты въ

[1]) Шутка объ одномъ изъ знакомыхъ, который не выказывалъ склонности къ семейной жизни, а Левъ Никол. этого не одобрялъ.

[2]) Въ это время написанъ былъ разсказъ „Хозяинъ и работникъ“ и посланъ въ „Сѣверный Вѣстникъ“ и „Посредникъ“.

Кіевѣ. Я надѣюсь, Соня голубушка, что эта поѣздка тебѣ будетъ полезна. Жить надо, милый другъ, если Богъ велитъ, а ужъ если жить, то какъ можно лучше, такъ, какъ Онъ хочетъ. Ты просила Его, и я знаю, искренно, горячо, чтобъ Онъ указалъ какъ, и Онъ навѣрное укажетъ. Перемѣна мѣста и путешествіе на меня всегда дѣйствовали, вызывая новые взгляды на вещи и новый рядъ мыслей и намѣреній, и прибавляли бодрости. Увѣренъ, что и на тебя такъ же подѣйствуетъ.

У насъ вчера, въ день вашего отъѣзда, было слѣдующее—кажущееся незначительнымъ—событіе, но меня очень тронувшее, такъ же, какъ зубы Андрюши [1]), который продолжаетъ умилять меня. Я послѣ завтрака вошелъ въ Танину комнату. Тамъ была Маня. Я думалъ, что она одѣвается, и хотѣлъ затворить дверь.—Нѣтъ, вы не мѣшаете,—сказала она, и тутъ же выступилъ отъ стѣны Сережа сконфуженный, тоже заявляя, что я не мѣшаю. Они оба были такъ сконфужены, что я былъ увѣренъ, что свершилось, но къ сожалѣнію, когда я вернулся послѣ велосипеда, Сережа сказалъ, что она ѣдетъ нынче, и когда я спросилъ о томъ, что у нихъ было съ Маней, онъ сказалъ: «щекотливый разговоръ» [2]). Она нынче уѣхала въ Англію, Таня ѣздила къ ней обѣдать и провожала ее.—Андрюшѣ Знаменскій сказалъ, что два зуба ввинтитъ, а теперь надо беречь корни. Подробно не помню, что онъ намѣренъ дѣлать, кажется, теперь ѣдетъ къ Илюшѣ.

Обѣдали мы одни, съ Колей [3]) и Дунаевымъ, который пришелъ въ манежъ. Послѣ обѣда ходили съ Сашей къ Сергѣю Николаевичу и къ Выгодчикову за медомъ. Серг. Ник. все очень не въ духѣ и никуда не ѣдетъ. Очень бы хотѣлось помочь имъ, да не знаю какъ. Все-таки постараюсь. Таня съ Мишей пошла

---

[1]) Играя и бѣгая съ товарищемъ вечеромъ, Андрюша выбилъ себѣ два зуба о желѣзную изгородь двора.

[2]) М. К. Рачинская, вскорѣ первая жена С. Л. Толстого.

[3]) Оболенскій, жившій въ то время у насъ и посѣщавшій университетъ; впослѣдствіи женился на дочери нашей Маріи Львовнѣ.

къ нимъ. Саша спитъ. Я одинъ дома. Мое душевное состояніе мало дѣятельное, но не дурное. О тебѣ думаю съ любовью и жалостью.—Маша должна вернуться розовой и толстой. Цѣлую ее, Вѣру и всѣхъ Кузминскихъ. Таню я очень благодарю за то, что она пріѣхала и увезла тебя. Я это забылъ ей сказать.—Таня сейчасъ пришла отъ Толстыхъ и говоритъ, что дядя Сережа очень раздраженъ. Какъ мнѣ его жаль!

Л. Т.

Письмо отъ Олсуфьевыхъ, гдѣ Левъ Никол. заболѣлъ и скоро вернулся въ Москву.

530. **Май.**

Милая Соня, поѣздка наша оказалась неудачной. Погода все такая же холодная и непріятная, а главное, какое-то небольшое, но все-таки мѣшающее пользоваться жизнью нездоровье. Лихорадочное состояніе было вчера, и сонливость, и слабость. Нынче жара нѣтъ, но все еще не совсѣмъ себя чувствую бодрымъ и не выхожу. Ничего не болитъ, кромѣ головы, и то немного. Желудокъ дѣйствуетъ. Насморка, кашля нѣтъ. Не тифъ, навѣрное, потому что нынче утромъ температура была ниже нормы. Анна Михайловна, докторъ и весь домъ ухаживаетъ за мной. Я бы нынче вышелъ, но они не пустили. Лиза все разскажетъ тебѣ, если я что еще не написалъ. Получили ваше открытое письмо и ждемъ очень закрытаго съ бо̀льшими подробностями о трогательной парѣ [1]). Какъ изъ всѣхъ мірскихъ жизненныхъ событій рѣзко выдѣляются по своей важности: рожденіе, смерть, бракъ. Всѣ одного характера и всѣ одинаково вызываютъ особенное чувство и напоминаютъ о нашихъ обязанностяхъ передъ Богомъ.

Здѣсь, какъ всегда, много народа, и, какъ всегда, всѣ очень просты и добродушны. Нынче долго бесѣдовалъ съ Мишей [2]) о

---

[1]) Бракъ С. Л. Толстого и М. К. Рачинской.

[2]) М. А. Олсуфьевъ.

его земскихъ дѣлахъ и искренно сочувствовалъ его дѣятельности. Онъ хорошій человѣкъ вполнѣ.

Третьяго дня началъ было писать по свойственному мнѣ суевѣрію, какъ въ новый годъ, и пошло было хорошо [1]). Ну, до свиданья. Цѣлую тебя. Ты не пишешь о себѣ. Напиши. Цѣлую Таню, Мишу, Сережу. Рѣшено ли? объявлено ли? Мнѣ жутко. Каково же имъ?

Письмо въ Тверь, куда я ѣздила навѣстить отбывавшаго воинскую повинность сына Андрюшу.

531. **4 октября. Ясная Поляна.**

Третьяго дня Таня писала тебѣ, а вчера я хотѣлъ написать, да пропустилъ время; нынче же непремѣнно хочется поговорить съ тобой, милый другъ. Надѣюсь, что оно застанетъ тебя въ твоемъ тяжеломъ одиночествѣ въ Твери. У насъ всѣ здоровы. У меня была какая-то лихорадка, оттого и на губѣ высыпало, и послѣ тебя дня два было не по себѣ, но нынче совсѣмъ здоровъ. Вѣра съ Сашей поѣхали въ Тулу, и мы ихъ ждемъ сейчасъ (3 часа). Нынче пріѣхалъ Илья. Соня безпокоится объ Андреѣ и везетъ его къ Рудневу. Завтра она будетъ въ Тулѣ. Султанъ [2]) лежитъ безъ ногъ въ яблочномъ шалашѣ и умираетъ своей смертью. Вотъ все про насъ. Думаю же я все о тебѣ. Какъ тебѣ одиноко, тяжело и тревожно будетъ въ Твери. Могу тебѣ совѣтовать только то, что самъ себѣ совѣтую въ тяжелыя и трудныя минуты. Fais ce que doit, advienne que pourra. Если сдѣлалъ то, что считаешь должнымъ и что можешь, и дѣлалъ все не для себя, то больше ничего большаго отъ себя не должно тре-

---

[1]) Значеніе этой фразы трудно возстановить. Извѣстно, что особую роль въ своей жизни Л. Н. приписывалъ числу 28 (годъ и число рожденія, число выхода на войну, рожденія старшаго сына и т. д. вплоть до дня ухода изъ Ясной Поляны передъ смертью); но къ данному мѣсту опредѣленно это не прикладывается.

[2]) Лошадь.

бовать, а надо успокоиться, отдыхать и молиться. Есть такое состояніе, въ которомъ чувствуешь, что дальше ничего дѣлать путнаго не можешь, что всякая попытка продолжать дѣлать въ такомъ состояніи усталости, суеты или раздраженія только повредитъ дѣлу, а не подвинетъ его. И тогда надо остановиться, не волноваться и отдыхать. Для того же, чтобы не волноваться, надо молиться. Ты знаешь это, потому что сама теперь молишься. Только молиться я предпочитаю не по книжкѣ, не чужими словами, а своими. Молиться я называю обдумывать положеніе не въ виду какихъ-нибудь мірскихъ событій, а въ виду Бога и смерти, т.-е. перехода къ Нему или въ другую обитель Его. Меня это очень успокаиваетъ и утверждаетъ, когда я живо пойму и сознаю то, что я здѣсь только на время и для исполненія какого-то нужнаго для меня дѣла. Если я здѣсь дѣлаю по силамъ своимъ это дѣло, то что же можетъ со мной случиться непріятнаго? Ни здѣсь, ни тамъ. Знаю я, что для тебя главное горе—разлука съ Ванечкой. Но и тутъ все то же спасеніе и утѣшеніе: сближеніе съ Богомъ, а черезъ Бога—съ нимъ. Оттого-то и обращаемся мы въ горѣ потерь, смертей къ Богу, что чувствуемъ, что соединеніе съ ними—только черезъ Него. Пишу, что думаю о тебѣ. Боюсь за твою тревогу въ одиночествѣ и говорю, что̀, думаю, можетъ утишить. Андрюшу цѣлую. Помоги ему Богъ найти путь, приближающій его къ Нему. Пусть, главное, жалѣетъ и блюдетъ свою душу безсмертную, Божескую, а не туманитъ ее. Цѣлую тебя нѣжно.

Л. Т.

Саша съ Вѣрой сейчасъ пріѣхали.

Письмо въ Москву послѣ моего посѣщенія Ясной Поляны.

532. **16 октября.**

Какъ мнѣ жаль, что Андрюша тебя опять будетъ мучить. У меня соединяется въ одно и перевѣшиваетъ одно другое: горе и тоска объ Андрюшѣ, хотя все надѣюсь воскресенія, и радости,

и умиленія нашихъ отношеній съ тобой. Нынче много хорошо думалъ. Сейчасъ садимся ужинать. На дворѣ буря, дождь, и въ домѣ и въ душѣ хорошо. І Іоре, что твое нездоровье прошло и что тебѣ будетъ хорошо, и главное—бодрая и такая же, какъ поѣхала, пріѣдешь къ намъ. Началъ писать Мишѣ письмо. Не знаю, удастся ли кончить. Цѣлую тебя и его.

Л. Т.

533. **25 октября.**

Хотѣлъ тебѣ написать, милый другъ, въ самый день твоего отъѣзда, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ того чувства, которое испыталъ, а вотъ прошло полтора дня, и только сегодня, 25-го, пишу. Чувство, которое я испыталъ, было странное умиленіе, жалость и совершенно новая любовь къ тебѣ, любовь такая, при которой я совершенно перенесся въ тебя и испытывалъ то самое, что ты испытывала. Это такое святое, хорошее чувство, что не надо бы говорить про него, да знаю, что ты будешь рада слышать это, и знаю, что отъ того, что я выскажу его, оно не измѣнится. Напротивъ, начавши писать тебѣ, испытываю то же. Странно это чувство наше, какъ вечерняя заря. Только изрѣдка тучки твоего несогласія со мной и моего съ тобой уменьшаютъ этотъ свѣтъ. Я все надѣюсь, что онѣ разойдутся передъ ночью, и что закатъ будетъ совсѣмъ свѣтлый и ясный.—Не писалъ же тебѣ потому, что все продолжаю быть не бодръ мыслью. И не то, что глупъ, а нѣтъ энергіи, охоты писать. И знаю, что пересиливать себя не надо. Такъ нынче прекрасный, тихій, теплый день, и я поѣхалъ верхомъ въ Тулу, только чтобы прокатиться. Сегодня же пріѣхалъ Колаша и Илюша, который забросилъ въ Козловкѣ записку, чтобы за нимъ выѣхали. Я засталъ его еще въ Тулѣ, были на почтѣ и вмѣстѣ съ нимъ вернулись. Онъ бѣдствуетъ, переводитъ свой залогъ въ Дворянскій банкъ и хочетъ просить у тебя 1000 рублей.

Мы живемъ хорошо. Я завтра перейду наверхъ, чтобъ не топить нижнюю комнату. Отъ Тани письмо было вчера вечеромъ съ

лошадьми, возившими людей. Она пишетъ, что будетъ здѣсь въ понедѣльникъ, а въ Москвѣ днемъ раньше. Задержалась она затѣмъ, чтобы увидаться съ Таней сестрой, которая пріѣзжаетъ въ пятницу. Пишетъ, что она ведетъ себя не легкомысленно, отказалась отъ двухъ литературныхъ вечеровъ, Икскуль и Гуревичъ, но что ей хорошо, особенно у Эрдели.—Какъ твое здоровье и отношенія съ мальчиками? И то, и другое важно очень. Если бы они хоть въ сотую долю жалѣли, а главное, понимали тебя, входили въ твое душевное состояніе, какъ я. Только бы они не одуряли себя всякими дурманами, не спѣшили никуда, они никогда не сдѣлали бы тебѣ больно, потому что оба любятъ тебя. Цѣлую ихъ и милую Сашу. Безъ нея пусто и безъ ея смѣха не такъ весело. Прощай пока.

Л. Т.

534. **28 октября.**

Вчера получилъ твое письмо, радостное очень. Дай Богъ только, чтобъ все такъ продолжалось, включая мальчиковъ. Мы по-старому. Нынче пріѣхала Марья Мих-а, завтра ждемъ Давыдовыхъ. Я вчера былъ у нихъ, ѣздилъ верхомъ. Нынче, 28-е, я хорошо думалъ, и кое-что писалъ, и окончательно бросилъ начатую повѣсть. Совсѣмъ скверно. Отъ Черткова получилъ дневники [1]) и займусь ими. Чертковы ѣдутъ въ Петербургъ жить.

Мы совсѣмъ, было, услали посланнаго за Бухманомъ, и я остановилъ его, чтобъ написать тебѣ хоть это. У меня на душѣ очень хорошо. Цѣлую всѣхъ. Мишѣ письмо напишу послѣзавтра.

Л. Т.

Таня ужъ съ тобой. Я не забываю ее, какъ она думаетъ.

535. **3 ноября.**

Послалъ телеграмму. Очень бы желалъ, чтобъ миновала эта суета, но нельзя отказать. Важно твое здоровье. Отчего ты оставила лѣченье, ванны и другое? Ради Бога не оставляй. Ничто

[1]) По моему настоянію.

не важно, если ты тѣлесно и душевно страдаешь. Не пріѣхать ли мнѣ къ тебѣ? Все такъ ничтожно въ сравненіи съ твоимъ состояніемъ. Разумѣется, не принимай никого. И ради Бога телеграфируй, и я тотчасъ же пріѣду къ тебѣ. То, что пишешь о мальчикахъ, грустно, но я и не жду другого. И то хорошо.

Ради Бога, голубушка, не скрывай, не думай о другихъ, а только о себѣ. Я бы радъ пожертвовать тебѣ многимъ, но къ сожалѣнію тутъ и жертвовать ничѣмъ не придется, потому что пріѣхать къ тебѣ будетъ радость.—Всѣ два дня перечитываю дневники, съ тѣмъ чтобы уничтожить, что тамъ неправда, и нашелъ только одно мѣсто, и то далеко не такое гадкое, какъ то, которое огорчило тебя. Цѣлую тебя, голубушка, и жду письма.

536. **7 ноября.**

Поѣхалъ на Козловку съ этимъ письмомъ, пустымъ, съ тѣмъ чтобы, получивъ твое, на него отвѣтить. И получилъ отъ тебя хорошее письмо, порадовавшее меня о твоемъ душевномъ состояніи, а физически не хорошо. Не хорошо, что такія средства употребляешь. Только могутъ они, доктора, портить, а пройдетъ болѣзнь только отъ того, что пройдетъ ей время и организмъ преодолѣетъ ее.

Вчера Маша съ Вѣрочкой ѣздили въ Тулу и у Давыдовыхъ весело танцовали вчетверомъ съ Бухманомъ. Пишу это письмо отъ Марьи Александровны; мы безпокоились о ней. Она уѣхала отъ насъ такая слабая, больная; но нынче опять здорова и бодра, и искренно радостна. Я вчера хорошо обдумалъ свое писанье, нашелъ точку зрѣнія настоящую, и мнѣ весело. Цѣлую тебя и дѣтей. Очень хорошо все, главное—ты.

Л. Т.

537. **Ноябрь.**

По послѣднимъ твоимъ письмамъ чувствую, что тебѣ грустно и тяжело, и мнѣ стало также грустно и хочется быть съ тобой.

Когда мы пріѣдемъ, я не могу сказать сейчасъ, потому что не совѣщался еще объ этомъ съ дѣвочками. А вотъ вечеромъ поговорю. Во всякомъ случаѣ очень скоро. Я постараюсь, чтобы онѣ ничего не забыли и уложились съ аккуратностью. Ты права, что чужіе люди мѣшаютъ, а у насъ ихъ много. Нынче воскресенье, и еще Бухманъ, Марья Мих-а и Хирьяковъ, пріѣхавшій изъ Петербурга. Про тѣхъ я не говорю. Поша—другъ, Дунаевъ такой же, да еще и дрова колетъ, и печи топитъ. А Марья Васильевна все дѣлаетъ. Но все-таки было бы лучше, спокойнѣе, если бы мы были одни. Хорошее бы вошло на умъ. Но такъ это мнѣ и тебѣ, но имъ хочется визжать и хохотать. И когда это такъ невинно, то пускай ихъ. Вчера они съ Бухманомъ съ восторгомъ плясали мазурку, я игралъ имъ. Радуюсь, что мальчики теперь хороши и помнятъ, и жалѣютъ тебя (какъ бы не сглазить). Очень благодарю ихъ за это.

Ты совершенно права, что имъ нужно самимъ разсуждать, а мы имъ мѣшаемъ. Только бы разсуждали, употребляли бы въ дѣло данный имъ отъ Бога разумъ и доброе сердце.

Смотрѣлъ фотографію семьи: какъ Андрюша похожъ былъ на Ванечку. Вчера мы съ Дунаевымъ и Пошей ѣздили къ Булыгину верхами—очень было хорошо. Но не застали ни Булыгина, ни его жены.

Я совершенно одобряю то, что ты хочешь бросить лѣченье, но не одобряю, что ты хочешь двигаться и вообще нарушать гигіеническія предписанія. Я бы бросилъ только лѣкарства.

Очень совѣтую, прошу тебя, милый другъ, беречься. Теперь я надѣюсь, что скоро пріѣдемъ. Своимъ здоровьемъ тоже не могу похвалиться. То болѣла голова, а теперь тяжела и запоры, и общая чрезвычайная вялость, и слабость, хотя веду себя самымъ благоразумнымъ образомъ. Ничего не пишу уже съ недѣлю, кромѣ писемъ, которыя и то пишу съ неохотой. Такъ до свиданья, голубушка, цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

Письмо въ Гриневку, куда я поѣхала съ Сашей дѣлать внукамъ елку.

538. **Изъ Москвы. 28 декабря.**

Со вчерашняго вечера новостей у насъ никакихъ. Я здоровъ, но осталась еще слабость желудка, и я очень берегусь. Много нынче писалъ. За обѣдомъ были темные: Леонилла Ѳоминична [1]), Марья Ѳедор. [2]), Чертковъ съ женой, Kennworthy [3]), Поша, и потомъ пришелъ сѣдунъ, Василій [4]), и теперь 10 часовъ, тѣ всѣ ушли, не было восьми, кажется, а онъ все сидитъ, и одинъ съ Таней. Маша пишетъ мнѣ. Она здорова. Какъ-то вы доѣхали? Нынче цѣлый день метель, и очень сильная. Вѣроятно, вслѣдствіе моего состоянія желудка мнѣ уныло, и потому очень пріятно сидѣть одному. Мишу пригласили на вечеръ къ Лугининымъ, и онъ поѣхалъ очень довольный и веселый. Это хорошо. Письма были интересныя: отъ японца знакомаго Кониси, христіанина и писателя,—онъ присылаетъ свою статью англійскую, и отъ Страхова. Жалуется на мертвенность Петербурга и на рабскую подлость людей. На него даже не похоже. Думаю, что вамъ хорошо, если только всѣ здоровы. Цѣлую тебя и по старшинству Илью, Соню, Сашу, Анночку, Мишу, Андрюшу и особенно большого Андрюшу, если онъ съ вами.

Сейчасъ хочу надѣть большую шубу и самъ снести это письмо въ ящикъ.

Л. Т.

1896 годъ.

Письма изъ Москвы въ Тверь, куда я ѣздила навѣстить сына Андрюшу, отбывавшаго воинскую повинность.

539. **24 января.**

Нынче получилъ твое письмо, милый другъ. Надѣюсь, что Андрюша уже здоровъ и ты не тревожишься больше о немъ. По-

[1]) Анненкова. [2]) Кудрявцева. [3]) Англійскій писатель. [4]) В. А. Маклаковъ.

цѣлуй его за насъ. По твоему письму заключаю, что ты имъ довольна, и радуюсь этому. Офицеръ, о которомъ онъ писалъ, родственникъ Маклаковыхъ, по разсказамъ Маклаковыхъ, нежелательный сожитель: и любитъ выпить, и бросилъ жену, во всѣхъ влюбляется; а главное, нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ жить независимо одному. И совѣтую тебѣ, Андрюша, держаться этого.

У насъ большое горе: Николай Михайловичъ Нагорный [1]) умеръ. Маша, которая была при его смерти, вѣроятно, опишетъ тебѣ подробно все. Докторъ Остроумовъ опредѣлилъ, что камнемъ прободеніе кишки и отъ того—перитонитъ. Очень жаль и Вареньку и дѣтей; въ особенности Варю. У насъ все хорошо, хотя и грустно. Таня осталась ночевать съ Варей, а мы: Маша, Миша и Коля, сейчасъ отправивъ Сашу спать, сидѣли за чаемъ и задушевно и грустно говорили. Миша, кажется, хорошо учится, сидитъ смирно дома.

Вчера у насъ вечеромъ былъ Сухотинъ, Миша Олсуфьевъ, Чичеринъ [2]) и Дунаевъ и складно говорили. У меня насморкъ, и я второй день не выхожу. И отъ этого даже не пошелъ къ Нагорнымъ. Дѣвочки просили не ходить. Какъ всегда, смерть настраиваетъ серьезно и добро, и жалѣешь, что не всегда въ этомъ настроеніи, хотя въ слабой степени.

Сережи все нѣтъ и Маню не видали. Это очень жалко. Какъ только Сережа пріѣдетъ, я попытаюсь поговорить съ нимъ, т.-е. разспросить его.

Ни Сергѣя Ивановича, ни Вѣры С. не было. Имъ, кажется, дали знать. Хоронить хотятъ въ пятницу. Я думаю, ты будешь. А если не будешь, то все равно. Ты дорога для Вареньки была бы теперь и будешь послѣ. Прощай, цѣлую тебя и Андрюшу.

Л. Т.

---

[1]) Женатый на дочери гр. Маріи Николаевны Толстой—Варварѣ Валерьяновнѣ.

[2]) Борисъ Николаевичъ, профессоръ, философъ.

Письма въ Москву отъ гр. Олсуфьевыхъ изъ Никольскаго, куда Левъ Николаевичъ поѣхалъ съ дочерью Таней.

540. **22 февраля.**

Сажусь писать письма и прежде всего хочу написать тебѣ, милый другъ, а то послѣ другихъ еще не знаю, останется ли порохъ. Я чувствую себя очень хорошо, совсѣмъ здоровъ, но,— не знаю отчего: реакція ли московскаго нервнаго возбужденія или просто старость,—слабъ, вялъ, не хочется работать ни умственно, ни физически двигаться. Правда, нынче, 22-го, я утро провелъ если не пиша, то съ интересомъ обдумывалъ и записывалъ... Не хочется признать, что состарѣлся и кончилъ, а должно быть надо. Стараюсь пріучить себя къ этому и не пересиливать себя, и не портить.—Ну, довольно о себѣ. Мнѣ все-таки очень хорошо. Наслаждаюсь тишиной и добротою хозяевъ. Какъ ты? Провѣдываютъ ли тебя Сережа съ Маней? Уѣхала ли Маша? Что твой глазъ? Хорошо ли спишь? Здѣсь, когда мы пріѣхали, никого не было, кромѣ стариковъ и Матильды Павловны. Милая Лиза даже была въ Дмитровѣ въ тамошней гимназіи, которой она попечительница. Вчера она пріѣхала. Что Машенька сестра? Когда уѣдетъ? Про нее вспомнилъ потому, что сейчасъ испытываю ту холодность религіознаго чувства, о которой съ ней говорилъ. А намъ, старикамъ, близкимъ къ смерти, очень непріятно испытывать эту холодность, особенно, когда знаешь это чувство расширенія жизни, переступающей границы рожденія и смерти; я недавно его испытывалъ.

Гроту я просилъ сказать то, что въ двухъ мѣстахъ печатаемаго письма, гдѣ сказано *быть правдивымъ въ словахъ и дѣлахъ*. Статью Левшина и фотографическіе снимки я забылъ, пришли, пожалуйста. Пришли и письма, и что еще найдешь нужнымъ изъ полученныхъ брошюръ и книгъ. Да пришли романъ Aicard— «Notre dame d'amour» и еще какіе-то англійскіе романы были съ ними вмѣстѣ. Все это совсѣмъ не нужно, и потому, если не попадетъ тебѣ подъ руку, то не трудись.

Прощай пока, цѣлую тебя и молодыхъ; Мишу и Сашу. Что Андрюша? Надѣюсь, что не мучаетъ тебя.

Л. Т.

541. **Безъ числа. Февраль.**

Мнѣ очень грустно, милый другъ Соня, что прошла недѣля и я не получилъ отъ тебя ни одного письма, не считая тѣхъ открытыхъ двухъ по двѣ строчки, которыя мы получили. Мнѣ бы очень было хорошо, если бъ не безпокойство о тебѣ. Напиши, пожалуйста. Я все такъ же наслаждаюсь тишиной. Танѣ тоже очень хорошо. Вчера ходилъ до Милютиной, откуда меня привезла Лизавета Адамовна. Нынче никуда не выходилъ, только былъ въ банѣ. Чувствую все ту же слабость и все не рѣшу: старость ли это или послѣдствіе инфлуэнцы? Чувствую, главное, слабость въ колѣнкахъ, и боль даже, когда засижусь, и самое главное, нѣтъ энергіи къ умственной работѣ. Здѣсь никого нѣтъ, кромѣ доктора и Михаила Адамовича. Оба пріятны. Я вчера и нынче читалъ Corneille'a и Racine'a, и очень интересныя это чтеніе вызвало мысли.

Здѣсь они составляютъ септетъ на духовыхъ инструментахъ, учатъ и мальчиковъ, докторъ дирижируетъ и устраиваетъ, и очень этимъ занятъ. Завтра, вѣроятно, пріѣдетъ дѣвушка, возившая кружева, и вѣрно привезетъ отъ тебя письмо. I hope, что меньшіе мальчики не мучаютъ тебя, а что дѣвочка и Сережа съ женой радуютъ. Мнѣ очень жаль, что не увижу Сергѣя Александровича Рачинскаго, хотя, можетъ быть, это и лучше[1]). Цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

542. **Безъ числа. Февраль.**

Письмо твое не утѣшительно. Главное—сдержанность, и какъ будто не то что недовольство, а грусть. Ты пожалуйста пиши

[1]) С. А. Рачинскій, дядя М. К. Толстой, извѣстный дѣятель по народному образованію, промѣнявшій профессорскую каѳедру на учительство въ своей Татевской школѣ.

хорошенько, въ свѣтломъ расположеніи духа. Хотя я и врозь съ тобою, но мнѣ хорошо только тогда, когда я знаю, что тебѣ такъ хорошо, какъ можетъ быть, и что мы вмѣстѣ духомъ и не скрываемъ ничего другъ отъ друга. Одно мнѣ за тебя больно, милый другъ, это то, что ты предоставлена на . . . . . и хотѣлось бы тебя спасти. . . . . Вѣроятно, получу отъ тебя хорошее письмо съ посланнымъ Анны Михайловны, а нѣтъ, то напиши. Мы здѣсь наслаждаемся, главное, тишиной. Я написалъ всѣ письма, и пишу усердно, насколько свойственно мнѣ при моей старости. Танѣ, какъ я вижу, тоже хорошо, главное— спокойствіе. Я совсѣмъ здоровъ. Надѣюсь, что ты не одинока, а Сережа, Маня и Машенька посѣщаютъ тебя. Глаза твои, какъ мнѣ сказали здѣсь доктора,—какъ-то особенно называется и не опасно. Бываетъ простуда, а то повѣтріе, и проходитъ въ недѣлю. Тяжела тебѣ только бездѣятельность. Зато можешь успѣть въ гаммахъ. Къ твоей музыкѣ я изъ всѣхъ семейныхъ отношусь болѣе сочувственно. Во-первыхъ, я самъ прошелъ черезъ это въ твои годы [1]) и знаю, какъ это отдохновляетъ.

Погода прекрасная, но я какъ-то мало пользуюсь ею. Сейчасъ пойду пройтись подальше. Прощай пока, цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

543. **3 марта.**

Сейчасъ вечеромъ, 3-го марта, воскресенье, получили еще твое письмо, милая Соня. Я зналъ, когда я писалъ тебѣ съ упрекомъ, что упрекъ будетъ несправедливъ, и что ты пишешь. У тебя все хорошо, какъ я вижу, и внѣшне, и внутренне. Хотѣлъ бы тебѣ сказать, что твое желаніе забыться хотя и очень естественно,—не прочно; что если забываешься, то только отдаляешь рѣшеніе вопроса, а вопросъ остается тотъ же, и все такъ же необходимо рѣшить его, не на этомъ свѣтѣ, такъ въ будущемъ, т.-е. послѣ плотской смерти. Какъ говорятъ спириты, что если

---

[1]) Мнѣ было 52 года, и музыка отвлекала меня отъ отчаянія послѣ смерти сына Ванечки.

убьешь себя, то придется опять жить такою же жизнью. Такъ и въ этомъ: рѣшить вопросъ жизни и смерти своей и близкихъ надо неизбѣжно, и отъ этого не уйдешь. Хотѣлъ все это сказать тебѣ, да не говорю потому, что надо все это самой пережить и придти къ этому. Одно скажу, что удивительно хорошо бываетъ, когда ясно не то что поймешь, а почувствуешь, что жизнь не ограничивается этой, а безконечна. Такъ сейчасъ измѣняется оцѣнка всѣхъ вещей и чувствъ, точно изъ тѣсной тюрьмы выйдешь на свѣтъ Божій, на настоящій.

Я бодрѣе, нынче поработалъ, хожу гулять и все упиваюсь тишиной и свободой отъ требованій людскихъ. Танѣ, кажется, тоже хорошо. Лева очень трогателенъ, хочу написать ему еще. Цѣлую тебя, милая, и Сашу, и Мишу.

Л. Т.

Изъ Ясной Поляны въ Москву, гдѣ я переводила сына Мишу изъ гимназіи Поливанова въ лицей Николая II.

544. **Сентябрь, начало.**

Милый другъ, пишу нѣсколько словъ съ Сергѣемъ Ивановичемъ [1]), чтобъ сказать отъ себя, что мы всѣ благополучны, кромѣ Андрюши, котораго видишь въ два дня разъ. Гдѣ онъ бываетъ—не могу понять. Стасовъ, вѣрно, былъ у тебя и отдалъ тебѣ мое письмо. Кажется, ему было настолько хорошо, насколько возможно. Онъ тронулъ меня своимъ ребяческимъ и искреннимъ отношеніемъ къ смерти, которой онъ боится, не понимаетъ и не хочетъ понимать.

Сергѣй Ивановичъ игралъ сейчасъ сонату Бетховена, которая не доставила удовольствія, хотя онъ отъ искренняго добродушія желалъ сдѣлать мнѣ удовольствіе.—Работа моя два дня шла хорошо, и я отъ этого доволенъ. Пріѣхалъ учитель нѣмецъ-колонистъ, умный малый.

---

[1]) Сергѣй Ивановичъ Танѣевъ, композиторъ, гостившій два лѣта въ Ясной Полянѣ.

Какъ-то ты? Какъ бы хорошо было и тебѣ и всѣмъ тебя любящимъ, кабы ты была все такая же, какъ послѣдніе дни.—Погода дня два стоитъ чудная. Вспоминаю о тебѣ и жалѣю, что ты лишена осенней красоты деревни. Вчера ѣздилъ на Мишиной лошади. Опять стала ходить проѣздомъ. Нѣжно цѣлую тебя.

Л. Т.

545. **Безъ числа. Сентябрь.**

Хотя письмо это и не попадетъ къ тебѣ раньше понедѣльника вечера, а теперь суббота вечеръ, я все-таки пишу тебѣ, милая Соня, потому что очень думаю о тебѣ, чувствую тебя. Какъ провела ты эти дни? Что главная твоя забота—Миша? Надѣюсь, хорошо. Отъ тебя было одно маленькое письмецо съ грустнымъ извѣстіемъ о М. Какъ очевидно онъ самъ погубилъ себя, и уже былъ не вполнѣ нормаленъ, когда не переставая, черезъ силу работалъ свою глупую работу.—Какъ мнѣ хочется знать все про тебя: очень ли ты волнуешься? Какъ? Что огорчаетъ тебя и что радуетъ? Дай Богъ, чтобъ было болѣе радостнаго и, главное, чтобы ты ни на что не сердилась. Ты спорила со мной, а я все-таки говорю, что все житейское такъ не важно, и все духовное, т.-е. твоя доброта такъ важна, что нельзя позволять неважному разстроивать важное.

Дѣвочки попрежнему хороши, Таня дурно спитъ; молодые [1]) все милы (нынче она лежитъ). Но многаго отъ нихъ нельзя и не должно ждать. Они оба очень дѣти. Андрюша все мало дома, хотя худого не знаю. Нынче онъ ѣздилъ въ Тулу и вернулся рано, и хорошъ. Саша учится, и Таня занимается ею. Стасовъ кричитъ [2]). Хотѣлъ завтра ѣхать, но рѣшился остаться еще на день. Въ немъ много доброты и настоящая любовь къ искусству и пониманіе его. Я здоровъ, хотя не позволяю еще себѣ распуститься. Вчера ѣздилъ верхомъ въ Житовку къ погорѣлымъ, нынче къ Володѣ [3]) и Рису, чтобъ помѣстить у нихъ стар-

[1]) Сынъ Лева, только что женившійся на Дорѣ Вестерлундъ.

[2]) В. В. Стасовъ гостилъ тогда въ Ясной Полянѣ.

[3]) Шеншинъ въ Судаковѣ.

шину. Володю не засталъ, онъ былъ въ Тулѣ. Погода не хороша, дождь и грязь, но не холодно, и вечера оба послѣдніе были безъ дождя.

Я очень занятъ своей работой, все бьюсь надъ однимъ мѣстомъ о грѣхахъ: вчера какъ будто уяснилъ, нынче опять все искромсалъ и спуталъ. Хочется писать другое, но чувствую, что долженъ работать надъ этимъ, и думаю, что не ошибаюсь по спокойствію совѣсти, когда этимъ занятъ, и неспокойствію, когда позволяю себѣ другое. Это большое благо имѣть дѣло, въ которомъ не сомнѣваешься. И у меня есть это счастье. Если кончу, то въ награду займусь тѣмъ, что начато и хочется.

Какъ твоя музыка? Я думаю, что теперь въ Москвѣ, послѣ трудовъ и въ одиночествѣ, она еще больше тебя успокаиваетъ. Письмо къ тебѣ было только отъ Е. П. Раевской. Да вели выслать собраніе сочиненій мнѣ для Зиссермана [1]) или при случаѣ перешли. Прощай, душенька, цѣлую тебя и Мишу. *Л. Т.*

Ты была такая кроткая, любящая, милая послѣдніе дни, и я тебя все такой вспоминаю.

546. **5 сентября. Открытое.**

Маша писала утромъ. Сейчасъ ѣдетъ на Козловку Лопухинъ мальчикъ, пріѣхавшій съ Бухманомъ. У насъ все хорошо; я здоровъ, у Саши насморкъ. Утромъ работалъ, игралъ въ теннисъ, училъ Долланъ [2]) по-русски. Молодые такъ же милы. Жду отъ тебя писемъ и жалѣю тебя.

Маша одна, безъ Тани, ѣздила въ Тулу. *Л. Т.*

547. **Сентябрь, приблиз. 14.**

Хотѣлъ написать тебѣ съ Андрюшей, милый другъ, да не успѣлъ. Сначала, вчера и третьяго дня, когда я узналъ, что ты

[1]) Сосѣдъ-помѣщикъ, военный историкъ.

[2]) Жена Льва Львовича, Дора Ѳедоровна.

не пріѣдешь, я такъ этому огорчился, что хотѣлъ не писать изъ недобраго чувства къ тебѣ; но потомъ опомнился и подумалъ, что справедливо или не справедливо ты разсудила, что тебѣ не должно пріѣзжать, тебѣ очень должно быть тяжело, и потому надо пожалѣть тебя и постараться облегчить тебѣ твое положеніе. У насъ было очень пріятно, если бъ не твое отсутствіе, которое всѣ чувствовали, хотя, разумѣется, и въ сотую долю не такъ, какъ я. И сыновья, и ихъ жены были очень милы. Ближе всѣхъ мнѣ Соня. Съ ней мнѣ легко. Долланъ чужда и молода, а Маня жалка. Ужасно жаль мнѣ и ее, и Сережу, что она выкинула. Я говорилъ и съ ней, и съ Сережей, уговаривая ихъ прощать больше другъ другу. Мнѣ Сережа становится все ближе, и я очень радъ этому. Илюшѣ 13 лѣтъ все. И я вижу, что ему дозарѣза нужно денегъ, и онъ ждетъ тебя. Что дѣлать! И Дунаевъ, и Иванъ Ивановичъ были очень пріятны. Je n'en reviens pas, какъ могъ Стасовъ забыть передать тебѣ мое письмо. Мнѣ это жалко, потому что я писалъ въ самомъ хорошемъ расположеніи (можетъ быть, оно не вышло) и хотѣлъ, чтобы тебѣ было пріятно.

Сейчасъ я ѣздилъ послѣ обѣда въ Тулу на Мишиной лошади къ ветеринару и вернулся уже при всходѣ луны; опять чудный вечеръ! Я ѣхалъ и думалъ: какъ хорошо! И бывало, когда подумаешь: какъ хорошо, сдѣлается грустно отъ мысли, что скоро кончится. А теперь, когда думаю: какъ хорошо, то только еще начинается, и будетъ еще лучше, и въ этой жизни, и главное—внѣ этой жизни. Тебя мнѣ жалко въ особенности потому, что жертвы твои, боюсь, безполезны. Можно Сонинаго Андрюшу заставлять, но Мишу уже нельзя—съ пользой. Хочетъ онъ избрать путь бѣднаго нашего Андрюши, котораго, когда вспомню о немъ, до слезъ жалко,—ничего не сдѣлаешь. Хочетъ избрать путь добрый, нравственный, путь усилія, труда—пойдетъ по этому пути, а заставить его нельзя. Это только себя обманывать. Если онъ и подчинится на время, потомъ наверстаетъ. Хотѣлъ написать не отдавать въ лицей, но подумалъ, что въ этой области можно со-

вѣтовать только ему, а не тебѣ. А ему совѣтъ одинъ: какъ можно меньше требовать трудовъ другихъ, т.-е. расходовать денегъ (а лицей—это опять большой расходъ), потому что это безнравственно, и какъ можно больше самому трудиться (чего онъ совсѣмъ не дѣлаетъ), безъ чего невозможна ни нравственная, ни истинно радостная жизнь. Прощай, милая Соня, цѣлую тебя.

548. **16 сентября.**

Какъ мнѣ тебя жалко, не могу сказать. Погода точно такая, какая была, когда праздновали твои именины съ музыкой отъ полковника Юноши и танцовали на террасѣ [1]). Особенно жалко, что ты именно именины не проводишь вмѣстѣ съ нами. Хорошо ли ты съѣздила къ Петѣ [2])? Почти не переставая думаю о тебѣ.

Л. Т.

Праздновали тогда твои именины въ тотъ годъ, какъ привезена была Дагмара; это лѣтъ 20 [3]) тому назадъ. Очень хорошо было мое чувство къ тебѣ. Я его очень помню.

Мы ходили гулять черезъ Засѣку, на заводъ, и было пріятно; но въ Д. мало энергіи, устаетъ... Мнѣ было бы очень хорошо, если бъ тебя не недоставало. Утромъ прекрасно работалъ свое «Изложеніе вѣры» и очень былъ оттого доволенъ [4]).

По разсказамъ Маши, братъ Сережа опять испортился, опять ворчитъ и несчастливъ. Мнѣ это очень жаль. Вотъ Марья Александровна, та, не переставая, лучами пускаетъ истинную радость чистой души. Ну, прощай пока. Жаль, что тебя завтра не будетъ. А погода будетъ такая же, праздничная. Цѣлую Мишу. Неужели онъ не встряхнется и не повезетъ когда-нибудь самъ, а все будетъ дожидаться, чтобъ его подъ колѣнки била накатываемая на него повозка.

---

[1]) Въ 1866 году.

[2]) Мой братъ, жившій на своей дачѣ возлѣ Клина.

[3]) Ровно 30.

[4]) Эта работа (о ней же упомянуто въ 545-мъ письмѣ) теперь носитъ названіе „Христіанское ученіе“.

549. 26 сентября [1]).

Получилъ нынче утромъ твое письмецо, милый другъ Соня, и немного огорчился на твою слабость, но потомъ порадовался на то, что ты ее преодолѣла. Въ тебѣ много силы, не только физической, но и нравственной; только недостаетъ чего-то небольшого и самаго важнаго, которое все-таки придетъ, я увѣренъ. Мнѣ только грустно будетъ на томъ свѣтѣ, когда это придетъ послѣ моей смерти. Многіе огорчаются, что слава имъ приходитъ послѣ смерти; мнѣ этого нечего желать; я бы уступилъ не только много, но всю славу за то, чтобы ты при моей жизни совпала со мною душой такъ, какъ ты совпадешь послѣ моей смерти. На другой день послѣ твоего отъѣзда думалъ о тебѣ и хотѣлъ писать тебѣ на тѣ твои слова, что тебѣ нечѣмъ жить [2]). Можетъ быть, когда-нибудь напишу или скажу, что думаю объ этомъ. Писать лучше, потому что все лучше обдумаешь. Ну, объ этомъ довольно.

Я совсѣмъ здоровъ; не только здоровъ, но духъ очень бодръ, какъ давно не былъ; прекрасно работалъ и, кажется, кончаю начерно свое «Изложеніе вѣры», по крайней мѣрѣ такъ, что если умру, не исправивъ, то все-таки поймутъ, что я хотѣлъ сказать. Теперь хочу писать другое, и началъ. Мало того, что я здоровъ тѣломъ, и духомъ совершенно спокоенъ, не такъ, какъ я былъ въ то твое отсутствіе.

Таня пріѣхала нынче рано утромъ весела и бодра, и довольна своей поѣздкой. Пріѣхали тоже Колаша [3]) и Андрюша. Съ утра же пріѣхали японцы. Очень интересны, образованы вполнѣ, оригинальны и умны и свободомыслящи. Одинъ—редакторъ журнала, очевидно очень богатый и аристократъ тамошній, уже не молодой; другой, маленькій, молодой,—его помощникъ, тоже литераторъ. Много говорили, и нынче они ѣдутъ. Жаль, что ты

---

[1]) Въ этотъ промежутокъ я ѣздила въ Ясную Поляну повидаться.

[2]) Я все тосковала объ умершемъ Ванечкѣ и ничѣмъ не могла заполнить оставленную въ моей жизни его смертью пустоту.

[3]) Н. Л. Оболенскій, мужъ Марьи Львовны.

ихъ не видала. Погода все хорошая; играютъ въ теннисъ, ѣздятъ верхомъ. Я вчера ѣздилъ въ Тулу, но Давыдова нѣтъ, и я тотчасъ вернулся. Цѣлую тебя и Мишу. Очень радъ за него, если переходъ въ лицей приведетъ его въ аккуратность.

Хотя я и не одобряю того, чтобы для своей перемѣны внутренней полагаться на перемѣну внѣшнюю, но признаю, что иногда это бываетъ полезно. Дай Богъ! О, какъ хорошо бы было, если бъ онъ много, много перемѣнился, главное въ томъ, чтобы понять то, что люди предназначены не на то, чтобы имъ всѣ служили, а чтобы они служили; и что радость жизни не отъ того, что берешь отъ людей, а отъ того, что имъ даешь. Такъ несомнѣнно устроена наша жизнь, и тотъ очень тупъ, кто не видитъ этого. Только до возраста внука Миши позволительно не видѣть этого. Цѣлую васъ обоихъ.

26 сентября 1896 г. Вечеръ съ японцами. *Л. Т.*

550. **27 сентября.**

Хотя можетъ и не поспѣетъ письмо, все-таки пишу съ просьбами: 1) привези денегъ для погорѣлыхъ 300 руб.; 2) моихъ портретовъ штукъ 5 надо послать кое-кому, а которые были, послѣдніе отдалъ японцамъ. У насъ все хорошо. Маша лежитъ отъ обычной, легко переносимой въ этотъ разъ болѣзни. Изъ чужихъ— Поша, Колаша и Рахмановъ, который сейчасъ уѣзжаетъ.

Теперь вечеръ, и Андрюша, который пріѣхалъ и очень пріятенъ, ѣдетъ на Козловку. Надѣемся отъ тебя получить письмо. Я немножко ослабѣлъ въ своей дѣятельности писательской. Разбросался и нынче утромъ плохо работалъ. Погода нынче чудная, только купаться нельзя,—очень холодно по ночамъ. Прощай, милая, цѣлую тебя и Мишу. *Л. Т.*

551. **13 окт., 9 час. веч.**

Работа моя шла одинъ день прекрасно, другой день плохо. Нынче въ Пироговѣ писалъ письма. Каково твое настроеніе? Дай Богъ, чтобъ было спокойное.

552. **14 октября.**

Очень мнѣ на себя досадно, милый другъ Соня, что до сихъ поръ не написалъ тебѣ. На другой день послѣ тебя, т.-е. вчера, я, пользуясь хорошей погодой, предложилъ Машѣ ѣхать въ Пирогово, и мы, послѣ моихъ утреннихъ занятій и обѣда, поѣхали верхами—она на Миронихѣ, я на Мальчикѣ, и препріятно провели вечеръ и сегодняшнее утро, и пообѣдали, и вотъ сейчасъ вернулись, тоже очень пріятно. У насъ же безъ васъ были гости: Черкасская съ братомъ, гвардейскимъ офицеромъ, и Болдыревъ,—этихъ я не видалъ, и Тулубьевъ съ Ершовымъ, ея братомъ, женатымъ на Штевенъ. Этихъ мы съ Машей встрѣтили у церкви. Хотя они милые люди, я радъ, что миновалъ ихъ.—Сережа братъ все такъ же разуменъ, серьезенъ и добръ. Мнѣ было очень пріятно порадовать его, и самому порадоваться, увидавъ его.

Лева ѣздилъ вчера въ Тулу, въ концертъ, съ Дорой. Андрюша въ день твоего отъѣзда былъ все дома, и я, и Лева, и Маша, всѣ много говорили съ нимъ. Со мной онъ говорилъ и хорошо, и дурно: соглашался, что надо воздерживаться отъ вина, и не соглашался въ томъ, что..... Но все-таки радъ, что поговорилъ. Онъ ближе, и что-нибудь западетъ. О тебѣ вспоминаю радостно, опять такъ же, какъ въ тотъ твой отъѣздъ. Да, Таня разсказывала, что Андрюша игралъ въ теннисъ съ Черкасской, но потомъ кто-то пріѣхалъ къ нему съ запиской. Таня думаетъ, что отъ Бибикова, и его нѣтъ дома. Мишу и Сашу цѣлую. Прощай пока. Надѣюсь получить отъ тебя письмо съ этимъ посланнымъ, и хорошее.

Л. Т.

553. **Октябрь, послѣ 14.**

Сейчасъ получилъ твое письмо, милый другъ; хотя оно и грустное, ты тревожна и не весела, но и за то спасибо. На другой день послѣ Пирогова я ѣздилъ въ Тулу и просидѣлъ часа два у Давыдовыхъ. Они одни: мужъ съ женой, отпустили дочь одну въ Крымъ. Они очень милы. Мнѣ нужно было Николая Васильевича

по дѣламъ. Отъ нихъ узналъ, что Елена Павловна пріѣзжаетъ къ нимъ въ субботу, и это сдѣлало то, что Маша, рѣшившаяся было ѣхать съ Машей Толстой въ монастырь 16-го, отложила, и вчера ѣздила въ Тулу и привезла оттуда М. Т., которую отправила нынче обратно въ Пирогово. Таня обычно нездорова, но занята, копируетъ и переписываетъ, и письма пишетъ. Молодые ѣздили въ концертъ Фигнера, но никого не видали знакомыхъ, и, кажется, самое пріятное было поѣздка туда и назадъ при лунномъ свѣтѣ. Погода все удивительная, и ея прелесть отравляется мнѣ тѣмъ, что ты, которая такъ цѣнишь теперь природу, не пользуешься ею. Всѣ эти дни было удивительно хорошо. Нынче только густой туманъ, но и это хорошо, тихо и не холодно, и я это люблю. Андрюша былъ хорошъ, но вчера вдругъ явился наряженный въ бабью одежду, похохоталъ и скрылся, и гдѣ-то пропадалъ. Рано утромъ нынче уѣхалъ къ Звегинцевой на охоту, куда его звали, кажется, на два дня. Я съ нимъ какъ-то помирился, какой онъ есть; пересталъ остро страдать за него и радуюсь, когда нахожу въ немъ человѣческое. И оно есть. Есть доброта. И я радъ этому для него. Ему хорошо со мной.

Я два дня хотя и здоровъ физически, умственно плохъ, запутался въ своей работѣ, и ничего не идетъ, а недавно еще я былъ такъ доволенъ. Читаю ново-открытаго философа Шпира [1]) и радуюсь. Читаю по-русски, въ переводѣ, который мнѣ прислала дама и который очень хотѣлось бы напечатать, но навѣрное не пропуститъ цензура именно потому, что это философія настоящая и вслѣдствіе этого касающаяся вопросовъ религіи и жизни. Я бы напечаталъ у Грота и написалъ бы предисловіе, если бы онъ сумѣлъ провести черезъ цензуру. Очень полезная книга, разрушающая много суевѣрій и въ особенности суевѣріе матеріализма.

Нынче рубилъ деревья на канавѣ, и было хорошо. Я радъ, что Миша хорошъ, даже радъ тому, что его не тянетъ сюда,

---

[1]) A. Spir, нѣмецкій метафизикъ, русскій по рожденію. На русскій языкъ переведены его „Очерки критической философіи“.

хоть очень будетъ жаль, коли ты не пріѣдешь. Ну, прощай пока, цѣлую тебя, Мишу, Сашу.

Л. Т.

554. **Октября 22.**

Это не письмо, а только напоминаніе того, что я забылъ. Пожалуйста, пожалуйста,—это не порученіе, а просьба, при встрѣчѣ съ каждымъ человѣкомъ спрашивать: 1) нѣтъ ли знакомыхъ въ Иркутскѣ такихъ, которые могли бы принять участіе въ заключенныхъ и навѣстить ихъ; 2) не нужно ли кому хорошаго, трезваго, презентабельнаго человѣка въ швейцары, писаря (тоже спросить у Буланже) на жалованье отъ 8 до 30 рублей.

Л. Т.

Вчера доѣхалъ прекрасно; какъ ты, моя милая?

555. **25 октября.**

Пишу нѣсколько словъ съ Андрюшей, который все такъ же огорчителенъ и жалокъ. Хотѣлъ уѣхать вчера, не простившись почему-то,...теперь уѣзжаетъ съ скорымъ. Какъ ты перенесла свое положеніе и дурную погоду? Не переставая думаю о тебѣ. Писемъ еще не получалъ вчера, нынче получилъ.

Вотъ просьба, только чтобъ изъ-за нея ты ничего не предпринимала. Въ прилагаемой книжкѣ вторая статья «Modern Science» очень хороша, и мнѣ бы хотѣлось перевести ее [1]). Маня, въ особенности съ помощью ея отца, могла бы прекрасно перевести [2]). Статья небольшая, и если ей это улыбается, я очень прошу ее это сдѣлать. Но именно, если ей это пріятно. Цѣлую тебя, Мишу и Сашу.

Л. Т.

556. **26 октября.**

Отъ тебя еще не было ни одного письма, милый другъ Соня, а я пишу уже третье. Я знаю, что ты не виновата, но мнѣ пріятно

[1]) Рѣчь идетъ, очевидно, о статьѣ Карпентера, предисловіе къ которой см. Соч. Л. Толстого, изд. XII, ч. 17.

[2]) Рѣчь о М. К. Толстой; ея отецъ—К. А. Рачинскій.

самому себѣ похвастаться своимъ чувствомъ къ тебѣ. Не переставая думаю о тебѣ, и такъ хочется влить въ тебя спокойствіе и увѣренность, которыя самъ чувствую въ жизни и которыхъ, я знаю, тебѣ недостаетъ, и безъ которыхъ жить и страшно, и стыдно, точно мнѣ дали хорошее приличное платье, а я все надѣлъ навыворотъ и хожу, неприлично оголившись. Знаю и утѣшаюсь тѣмъ, что это временно. Та сила жизни, энергія жизни, которая есть въ тебѣ, запутавшись сначала, послѣ потери привычнаго русла, и попадая, куда не надо, найдетъ тотъ путь, который предназначенъ,—одинъ и тотъ же всѣмъ намъ. Я надѣюсь и вѣрю, потому что я люблю тебя. Самыми странными и непредвидѣнными путями, но сила жизни найдетъ предназначенное ей русло. Ну, довольно объ этомъ.

У насъ новаго только то, что пошелъ было снѣгъ и напалъ порядочно, при 4-хъ градусахъ, такъ что Марья Александровна пріѣзжала на саняхъ, а теперь таетъ, и дурная, самая осенняя погода. Вчера вечеромъ,—нынче 26-е,—пріѣхалъ Сережа. Намъ всѣмъ онъ очень пріятенъ. Если не давала Манѣ переводить, оставь книгу и пришли сюда, я лучше дамъ перевести ее Сережѣ.

Только елочки не успѣли посадить. А тѣ хорошо посадили. Еще будетъ тепло.—Я очень плохъ, не доволенъ собою, ничего не работается и въ не бодромъ настроеніи, слабъ, старъ, главное желудокъ не дѣйствуетъ. Стараюсь привыкать и переставлять буквы д и б: не бодръ, такъ добръ стараюсь быть, и отчасти удается, насколько это возможно въ нашей роскошной, недоброй жизни.

Практическій совѣтъ тебѣ хочется дать: вставать раньше для того, чтобы ложиться раньше и не сидѣть по ночамъ. Это не помогаетъ уяснять мысли, а напротивъ. Мнѣ всегда жалко слышать, когда ты разсказываешь, что не спишь до 2-хъ, до 3-хъ. Что Миша? Очень жалѣю, если письмо мое его обидѣло. Я написалъ это подъ впечатлѣніемъ его таинственнаго исчезновенія вечеромъ и потомъ ворчанья на тормозѣ, да и многихъ прежнихъ

впечатлѣній. Правда, что въ эгоизмѣ и отсутствіи чутья о жизни другихъ нельзя упрекать; но можно только помогать развивать это чутье. Вотъ это-то я желалъ бы сдѣлать, но не умѣлъ. Нынче написалъ Андрюшѣ, послалъ въ Тверь.—Ну, прощай, цѣлую тебя, Мишу, Сашу. Теперь 1-й часъ дня. Я и не садился за свою работу, а хочу свезти это письмо на Козловку.

Л. Т.

Раздумалъ посылать письмо Андрюшѣ отдѣльно. Не знаю хорошенько адреса, даже имени полка. Пошли ты.

Андрюшѣ послалъ письмо отдѣльно.

557. **29 октября.**

Вотъ похвастался и два—даже, кажется, три—дня не писалъ тебѣ. Вчера хотѣлъ самъ свезти это письмо Маши въ Ясенки, но выѣхалъ верхомъ на Мальчикѣ и нашелъ, что такъ бойко и скользко, что былъ благоразуменъ и вернулся. Спасибо за письмо. Ты, кажется, строго исполняешь обѣщанное и пишешь черезъ день. Мы такъ и получаемъ. Нынче должно быть. Я схожу за нимъ на Козловку. Погода прекрасная, снѣжокъ прикрылъ все, морозъ и солнце. Дай Богъ, чтобы письмо было хорошее, т.-е. чтобы тебѣ за это время было хорошо и чтобы съ тобой ни внутренне, ни внѣшне ничего не случилось дурного. Впрочемъ, внутренняя жизнь тѣмъ хороша, и потому она настоящая, что въ ней всегда все идетъ—иногда и незамѣтно, и разными обходами, а всегда къ лучшему. И все, что не хорошее мучаетъ въ матеріальной жизни,—во внутренней все вырабатывается въ хорошее.

Я здоровъ, но желалъ бы больше свѣжести головы. Цѣлую Мишу, Сашу. О тебѣ все такъ же съ любовью хорошей думаю.

Андрюшино настроеніе, какъ бы оно ни было мимолетно, все-таки хорошо.

558. **31 октября.**

Хотѣлъ нынче писать тебѣ, милый другъ, да сначала запнулся, потомъ пошелъ вечеромъ гулять по снѣгу и такъ черезъ

силу усталъ, что не успѣлъ. Теперь же поѣхалъ встрѣчать Таню на Козловку (такъ славно парочкой въ саняхъ, по глубокому, мягкому снѣгу), и вотъ, дожидаясь ее, взялъ у начальника станціи бумагу и пишу тебѣ. Сейчасъ получилъ твою телеграмму о пріѣздѣ Маклакова, и стало быть, если съ московскимъ поѣздомъ, который опаздываетъ и тоже не приходилъ, не будетъ отъ тебя письма, то будетъ съ Маклаковымъ [1]), и узнаю о тебѣ. Не переставая, мыслью живу съ тобой. Вчера получилъ твое письмо къ Танѣ. Я все это время не хорошъ здоровьемъ—слабый желудокъ и унылость, и тупость мысли, нѣтъ работы.

Вчера получилъ отъ Черткова и Трегубова письма съ описаніемъ бѣдствій, претерпѣваемыхъ духоборами. Одного, они пишутъ, засѣкли до смерти въ дисциплинарномъ батальонѣ, а семьи ихъ, разоренныя, вымираютъ, какъ они пишутъ, отъ бездомности, холода и голода. Они написали воззваніе за помощью къ обществу, и я рѣшилъ послать имъ изъ нашихъ благотворительныхъ денегъ 1000 рублей. Лучшаго употребленія не найдутъ эти деньги, и они тебя поблагодарятъ за то, что ты противъ моего желанія выхлопотала эти деньги [2]). Поэтому, когда пріѣдешь, привези эти деньги, или погоди, я спишусь съ Чертковымъ, куда ихъ послать. Передаются же деньги вѣрно, черезъ одну всѣмъ знакомую княжну Накашидзе, которая уже имъ передавала деньги отъ квакеровъ.

Это извѣстіе было для меня главнымъ событіемъ за это время. Я написалъ еще письмо къ кавказскому начальнику батальона. Поѣздъ подходитъ. Цѣлую тебя, милый другъ, и жду отъ тебя всего радостнаго и хорошаго. Наши здоровы. Дора скучаетъ, что еще нѣтъ надежды на дѣтей.

---

[1]) Василій Алексѣевичъ, присяжный повѣренный, нынѣ членъ Госуд. Думы.

[2]) Гонораръ изъ театра автору за „Плоды Просвѣщенія“ и „Власть Тьмы“, сначала поступавшій голодающимъ, потомъ погорѣвшимъ крестьянамъ; и изъ нихъ Левъ Ник. взялъ и духоборамъ.

Письма въ Москву послѣ моего посѣщенія Ясной Поляны.

559. **9 ноября.**

Очень жалѣю, что не написалъ тебѣ вчера, милая Соня, хотя это былъ только второй день послѣ твоего отъѣзда. Тебѣ, ты говорила, и пріятны, и полезны мои письма. А ужъ я какъ желаю, не переставая желаю, сдѣлать тебѣ хорошо, лучше, облегчить то, что тебѣ трудно; сдѣлать, чтобъ тебѣ было спокойно, твердо, хорошо Не переставая думаю о тебѣ. Какъ-то жутко за тебя: ты кажешься такъ не тверда и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ дорога мнѣ. Лева уѣхалъ съ Дорой, какъ хотѣлъ, и не пріѣхалъ нынче. Видно, имъ тамъ хорошо. Завтра за нимъ выѣдутъ опять. Вчера пріѣхала Марья Александровна Дубенская и Коля Оболенскій. Дѣвочки, кажется, очень рады имъ обоимъ. Они не стѣсняютъ и пріятные собесѣдники. Вчера же была Шеншина вечеромъ. Я ѣздилъ въ Тулу, какъ и сказалъ тебѣ, въ тотъ день, какъ ты уѣхала, а вчера на почту и нынче безъ цѣли катался верхомъ. Погода хорошая. По утрамъ пишу и не жалуюсь, хотя, разумѣется, недоволенъ собой. Сейчасъ дѣвочки съ Колей и Марьей Александровной ѣдутъ на Козловку, можетъ быть, привезутъ отъ тебя письмо, и хорошее.

Какъ ты нашла Мишу? Цѣлую Сашу. Отъ Андрюши письмо въ Ясную Поляну для передачи А. М.... Удивительно это постоянство или упорство. Это непріятно, и для него, кромѣ дурного, ничего изъ этого выйти не можетъ; но въ этомъ постоянствѣ есть что-то хорошее. И я и за это радъ. По секрету скажу тебѣ, что мое столкновеніе съ Л. оставило во мнѣ тяжелый, очень тяжелый осадокъ. И мнѣ нужно уничтожить его, и я буду очень стараться. Ну, пока прощай.

Л. Т.

560. **12 ноября, утро.**

День не писалъ тебѣ, милый другъ, и мнѣ ужъ скучно. Писать лучше, чѣмъ думать, только больше сближаетъ. Получилъ твое маленькое письмецо, въ которомъ ты пишешь, что измучи-

лась и нездоровилось, и не спала до 4-хъ часовъ. Это все очень дурно. И то самое, что меня мучаетъ въ разлукѣ съ тобой. У насъ все хорошо и мирно. Не скажу, чтобы особенно весело, но и не дурно. Коля и Мар. Алекс. Дубенская изъ чужихъ. Помоему, хоть и не мѣшающіе, а все-таки лишніе, и безъ нихъ лучше. Дѣвочки были заняты, и имъ же веселѣе отъ этого. Но онѣ работаютъ много, и на нихъ я всегда радуюсь.

Отъ Ив. Мих. Трегубова и отъ Черткова получилъ отвѣтъ о томъ, куда послать деньги духоборамъ, и еще подробности объ ихъ бѣдственномъ положеніи. Письмо это прилагаю. Я думаю, что скоро возбудится сочувствіе къ нимъ и помощь, и хорошо начать. Деньги послать вотъ какъ: Тифлисъ, Мало-Каргановская, № 11, князю Ильѣ Петровичу Накашидзе, а внутри конверта, на бумагѣ, въ которой будутъ завернуты деньги, надписать: для Е. П. Н.—Е. П. Н.—это Елена Петровна Накашидзе, и она дала этотъ адресъ. Пожалуйста, пошли эти деньги, это нужно.—Я тебѣ говорилъ, кажется, про чернильницу какую-то дорогую, которую въ подарокъ мнѣ хотѣли прислать изъ какого-то клуба въ Барцелонѣ. Я написалъ имъ черезъ Таню, что предпочиталъ бы предназначенныя на это деньги употребить на доброе дѣло. И вотъ они отвѣчаютъ, что, получивъ мое письмо, они открыли въ своемъ клубѣ подписку и собрали 22.500 франковъ, которые предлагаютъ мнѣ употребить по усмотрѣнію [1]). Я пишу имъ, что очень благодаренъ, и какъ разъ имѣю случай употребить ихъ на помощь духоборамъ. Что изъ этого выйдетъ,—не знаю. Очень это странно. А чернильница, говорятъ, заказана, и мы ее все-таки пришлемъ, вы можете продать ее и употребить деньги, какъ хотите.

Я совершенно здоровъ и бодръ. Ѣзжу верхомъ послѣ обѣда. Вчера былъ у Гиля [2]), хлопоталъ за мать умершаго въ шахтѣ и за тѣхъ, съ которыхъ взыскиваютъ судебныя издержки—съ

---

[1]) Ни чернильница, ни деньги никогда не были получены.

[2]) Шахты недалеко отъ Ясной Поляны.

одного 270, съ другого 250 рублей—за то, что одинъ сломалъ спину, а другой ногу. И кажется, хлопоты мои не безуспѣшны.

Работы—пишу во множественномъ числѣ—идутъ не слишкомъ успѣшно, но и не дурно. Начерно кончилъ статью объ искусствѣ, и вотъ, когда Маша кончитъ переписку, постараюсь привести ее въ окончательный видъ.

Что ты про таинственнаго Мишу мало пишешь? Нынче думалъ все о немъ. Какъ все перемѣнилось. Для меня въ моей юности казалась чѣмъ-то ужаснымъ жизнь внѣ дома, въ казенномъ заведеніи, а ему это пріятно [1]). Какъ онъ? Цѣлую васъ всѣхъ троихъ.

Л. Т.

561. **13 ноября.**

Ужасно грустно мнѣ было, милая голубушка Соня, получить вчера твое письмо къ Танѣ, въ которомъ ты жалуешься на то, что мы тебѣ не пишемъ. Я пишу теперь третье письмо. И онѣ писали. Меня только огорчаетъ, что я послѣ твоего отъѣзда пропустилъ день. Надо было разсчитывать на промедленіе. Ты спрашиваешь: люблю ли я все тебя? Мои чувства къ тебѣ такія, что мнѣ думается, что они никакъ не могутъ измѣниться, потому что въ нихъ есть все, что только можетъ связывать людей... Нѣтъ, не все. Недостаетъ внѣшняго согласія въ вѣрованіяхъ; я говорю внѣшняго, потому что думаю, что разногласіе только внѣшнее, и всегда увѣренъ, что оно уничтожится. Связываетъ же и прошедшее, и дѣти, и сознаніе своихъ винъ, и жалость, и влеченіе непреодолимое. Однимъ словомъ, завязано, зашнуровано плотно. И я радъ.

У насъ все хорошо. Дружно, здорово. Мнѣ очень хочется скорѣй соединиться съ тобой. Работается плохо, а нынче рѣшилъ, что не нужно себя насиловать, а отдыхать, и нынче чудный день, солнечный; поѣхалъ верхомъ къ Булыгину утромъ, такъ что обѣдалъ одинъ въ 4. А Лева съ Дорой ѣздили въ Тулу кастрюли

[1]) Поступилъ Миша на время въ лицей живущимъ, чтобъ успѣшнѣе учиться, не имѣя развлеченій и соблазновъ.

покупать. Марья Алекс. Дубенская нынче уѣхала. Зовутъ ужинать. Что ты все не бодра и письма твои не хорошія по духу? Очень, очень хочется поскорѣе съ тобой быть, и безъ хвастовства, не столько для себя, сколько для тебя, но такъ какъ ты—я, то и для себя. Не понравилось мнѣ то, что тебѣ статья Соловьева понравилась. Ну, прощай пока. *Л. Т.*

1897 годъ.

Письма отъ Олсуфьевыхъ, куда вернулся Левъ Никол., съѣздивъ со мной въ Петербургъ проводить ссылаемаго въ Англію Черткова и въ Баускъ—Бирюкова. Я вернулась въ Москву.

562. **16 февраля.**

Какъ только ты уѣхала, да еще и до того, какъ ты уѣхала, мнѣ сдѣлалось ужасно грустно, грустно за то, что мы такъ огорчаемъ другъ друга, такъ не умѣемъ говорить. Главное, потому, что у меня къ тебѣ и вообще не было послѣ Петербурга, а особенно въ нынѣшнее утро, никакого другого, кромѣ самаго хорошаго, любовнаго, чувства и никакихъ другихъ соображеній, *меня* огорчающихъ. Ихъ и теперь нѣтъ. Пишу это затѣмъ, чтобы сказать тебѣ, что это чувство осталось и еще усилилось во мнѣ послѣ твоего отъѣзда, и я виню себя за то, что не могу выучиться обращаться съ тобой не логикой, а другимъ—чувствомъ. Еще пишу тебѣ затѣмъ, чтобъ подтвердить то, что мы рѣшили, чтобы ты вызвала меня, какъ скоро тебѣ это будетъ нравственно нужно. Я пріѣду съ радостью. И только при этомъ условіи могу здѣсь жить спокойно. Цѣлую тебя нѣжно и просто.

Л. Т.

563. **17 февраля.**

Письмо мое вчера уѣхало. Посылаю то, что думалъ, а главное—чувствовалъ. Нынче вторникъ, всталъ вялымъ, не бодрымъ,

но здоровый и надѣюсь работать. Вообще, какъ бы вернулся къ моему состоянію, въ которомъ былъ до Петербурга. Ради Бога, не вини себя ни въ чемъ, потому что я и не думаю винить тебя. Ну, такъ прощай пока, цѣлую тебя очень и прошу, главное, беречь себя, не мучить себя корректурами и выписать меня, если тебѣ нехорошо. Напиши поподробнѣе о дѣтяхъ, я ничего не знаю, кромѣ вчерашнихъ старыхъ, открытыхъ писемъ. Ну вотъ...

Л. Т.

Хочется еще писать тебѣ, послѣ того какъ ты поговорила въ телефонъ. Грустно, грустно, ужасно грустно. Хочется плакать. Вѣроятно, тутъ большая доля физической слабости, но все-таки грустно, и ничего не хочется и не можется дѣлать. Но не думай, чтобъ ты была чѣмъ-нибудь причиной. Я потому и пишу тебѣ, что въ этомъ чувствѣ нѣтъ ни малѣйшей доли упрека или осужденія тебя, да и не за что. Напротивъ, многое въ тебѣ—твое отношеніе къ Черткову и Бирюкову—радуетъ меня. Я пишу, что логикой нельзя дѣйствовать на тебя, да и вообще на женщинъ, и логика раздражаетъ васъ, какъ какое-то незаконное насиліе. Но несправедливо сказать, что нельзя ставить логику впереди чувства, (что) надо, напротивъ, впереди ставить чувство. Впрочемъ, ничего не знаю; знаю, что мнѣ больно, что я тебѣ сдѣлалъ больно, и хотѣлъ бы, чтобъ этого не было, и мнѣ кромѣ физическихъ причинъ или вмѣстѣ съ физическими причинами отъ этого очень грустно. Это у меня пройдетъ. А если у тебя будетъ, напиши, милая, и мнѣ будетъ большая радость чувствовать, что я тебѣ нуженъ. Ну и все. Зовутъ обѣдать.

Л. Т.

564. **22 февраля.**

Сейчасъ, говорятъ, есть случай послать письмо. Пишу нѣсколько словъ, хотя Таня тоже написала. Что ты? Какъ здоровье? Какъ духомъ? Спокойна ли, добра ли? Будь, пожалуйста, и то, и другое. Не мучай себя работой. Вѣрь намъ, близкимъ, когда мы говоримъ тебѣ: перестань работать, передай

работу другимъ,—найми. Главное, не мучай себя. Важнѣе ничего нѣтъ жизни той, которой сейчасъ живешь, и портить ее и грѣхъ, и глупо. Что Сережа? Что Миша? Маша, Саша? Вѣра? Хочется мнѣ послать тебѣ письмо Маши ко мнѣ о своихъ отношеніяхъ къ тебѣ. Если пошлю, не показывай ей и не говори. Послать же мнѣ хочется потому, что ты изъ него увидишь, какая она хорошая.

Здѣсь полонъ, биткомъ набитъ домъ, но для меня полное одиночество и спокойствіе. Нынче прекрасная погода, и я подъ предлогомъ взять отъ портнихи платье для Над. Мих., куда посылали человѣка, поѣхалъ одинъ на санкахъ за 10 верстъ. Было очень хорошо. Я духомъ совершенно спокоенъ и хорошъ, но желудокъ плохъ, запоръ и изжога; съ завтрашняго дня начинаю по твоему совѣту пить Эмсъ.

Прощай, мой милый другъ; дай Богъ, чтобъ тебѣ такъ же было хорошо и спокойно на душѣ, какъ и мнѣ. Знать, что мнѣ хорошо, тебѣ поможетъ быть покойнѣе. Цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

565. **28 февраля.**

Ты пишешь, что получила отъ меня только два письма, а я писалъ третье. Въ тотъ вечеръ, какъ писалъ открытое письмо, пріѣхалъ Сережа и привезъ письма. Немножко мнѣ непріятно было, что ты почему-то, по разсказу А. С. Губкиной, рѣшила, что я какъ-то при тебѣ притворяюсь, а безъ тебя бываю особенно веселъ, что уже вовсе не подходило къ моему настроенію во время ихъ бала и музыки, которая меня всегда физически трогаетъ (какъ Аксинью Анны Михайловны) до слезъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тяготитъ.—Письма были нужныя и интересныя, и надо было на нихъ отвѣтить, что я и сдѣлалъ.

Надѣюсь, что Лева поправится до нашего пріѣзда (мы хотимъ ѣхать въ воскресенье) и вмѣстѣ съ тѣмъ доживетъ до насъ. Мнѣ понемножку работается, менѣе энергично, чѣмъ бы я этого желалъ, но дѣло подвигается, и все очень интересуетъ

меня. Что Маша не напишетъ? Мы съ ней скоро забудемъ другъ друга, такъ давно не видались. Я здоровъ совершенно. Хозяева, какъ всегда, милы до безконечности. Прощай, милый другъ, плохо очень, что ты не спишь. Цѣлую всѣхъ.

566.

Безъ числа. Изъ Ясной Поляны въ Москву.

Маша, вѣроятно, все написала тебѣ и о себѣ, и о нашихъ посѣтителяхъ, милая Соня, я же только пишу, чтобы о себѣ сказать: посѣтители вмѣстѣ съ чирьемъ, который не могу забыть, немного портятъ мнѣ жизнь, т.-е. не портятъ, а дѣлаютъ менѣе пріятными досуги. St. John—очень милый и хорошій человѣкъ. Lodian—совсѣмъ грубое существо и вовсе ненужное и чуждое мнѣ; чирей же и вовсе ненужный и непріятный посѣтитель. Работаю все попрежнему надъ тѣмъ же и не скучаю этимъ, потому что подвигаюсь. Погода чудная.

Теперь I hope. I hope, что твои ноги, ломота только случайная, въ связи съ твоимъ состояніемъ недомоганія, а главное, что въ Москвѣ тишина и ничто тебя не тревожитъ,—хотя должно бы быть обратное,—что Миша хорошъ и зубы благополучны. Таня все разскажетъ. Погодой я мало пользуюсь отъ чирья и гостей. Ну, прощай, цѣлую тебя и Мишу.

Л. Т.

Сейчасъ вечеръ, засѣлъ писать письма.

Письма въ Москву изъ Ясной Поляны, куда Левъ Никол. уѣхалъ по обыкновенію раньше меня, а я осталась въ городѣ съ учащимися дѣтьми.

567. **4 мая.**

Очень я себя чувствовалъ вялымъ и слабымъ въ день отъѣзда и дорогой. Но необыкновенная красота весны нынѣшняго года въ деревнѣ разбудитъ мертваго. Жаркій вѣтеръ ночью колышетъ молодой листъ на деревьяхъ, и лунный свѣтъ и тѣни, соловьи

пониже, повыше, подальше, поближе, сразу и синкопами, и вдали лягушки, и тишина, и душистый, жаркій воздухъ—и все это вдругъ, не во́-время, очень странно и хорошо. Утромъ опять игра свѣта и тѣней отъ большихъ, густо одѣвшихся березъ прешпекта по высокой уже, темно-зеленой травѣ, и незабудки, и глухая крапивка, и все; главное, маханье березъ прешпекта такое же, какъ было, когда я, 60 лѣтъ тому назадъ, въ первый разъ замѣтилъ и полюбилъ красоту эту. Очень хорошо и не грустно, потому что ничего позади этого не воображаю, а хорошо, какъ должно быть въ душѣ и бываетъ хоть изрѣдка.

Спалъ дурно, убирался, почти ничего не дѣлалъ. Проѣхался верхомъ на Горѣлую Поляну и кругомъ на пчельникъ. Пообѣдалъ въ 2 и пишу. Должно быть, займусь своей статьей теперь. Съ Левой и Дорой пріятно. Хозяйство, какъ кажется, Лева ведетъ хорошо. Онъ огорчился, что ты не дослала ему 80 рублей. Онъ говоритъ, что сдѣлаетъ, что можетъ, для экономіи, и просилъ то, меньше чего нельзя. Пришли ему съ Машей, если можно. Пожалуйста, пожалуйста, не увлекайся ты работой, т.-е. не засиживайся ночами. Это ужасно нехорошо тебѣ. А ѣзди за городъ, ходи по саду. И не говори, что нужно, принесли 8 листовъ. Нельзя подчинять свое здоровье и потому жизнь—типографіи. Она можетъ подождать. Прощай, цѣлую тебя, Мишу и Машу, и Сашу, а особенно сестру Машеньку. Очень жаль, что мало видѣлъ ее.

568. **5 мая.**

Продолжается безумная іюльская погода: ландыши, желтые розаны, сирень; въ лѣсу, какъ въ іюлѣ, выѣдешь то въ свѣжій, то въ жаркій, стоячій воздухъ. Я пишу это съ Козловки, куда пріѣхалъ къ почтовому поѣзду. Утромъ пришелъ Иванъ Цингеръ, желая идти къ Булыгину. Онъ, Цингеръ, очень жалокъ: ребенокъ ихъ умеръ, и онъ безъ слезъ не можетъ говорить о немъ. Они пошли съ Суллержицкимъ, а я поѣхалъ послѣ обѣда верхомъ. Тамъ рѣшили Суллеру ѣхать на Ясенки, а я обѣщалъ доставить ему билетъ и вещи и для этого пріѣхалъ на Мальчикѣ.

Утромъ Таню разбудила съ Груммонта баба, прося помочь Дарьѣ, сестрѣ Пелагеи Морозовой, которая 3-й день не можетъ разродиться. Таня послала за Рудневымъ. Я былъ тамъ. Положеніе правильное и опаснаго нѣтъ. Я всѣ эти дни былъ слабъ, и не работалось, а нынче хорошо, и подвинулся въ работѣ, и въ головѣ свѣжо, и въ сердцѣ добро. Что ты? Не получалъ еще ничего отъ тебя. Ты, кажется, пишешь въ Ясенки. Завтра побываю тамъ. Таня хороша, и Лева съ женой—не дурно. Яблони цвѣтутъ, точно хотятъ улетѣть на воздухъ. Сестру Машеньку цѣлую и дѣтей. Прощай, голубушка, будь здорова и душой, и тѣломъ, и не мучай и то, и другое.

Л. Толстой.

Слѣдующее письмо опять въ Москву, послѣ того какъ я на два дня съѣздила въ Ясную Поляну повидаться съ мужемъ, сыномъ Львомъ и его женой Дорой и дочерью Таней.

569. **13 май. Читай одна.**

Какъ ты доѣхала и какъ теперь живешь, милый другъ? Оставила ты своимъ пріѣздомъ такое сильное, бодрое, хорошее впечатлѣніе, слишкомъ даже хорошее для меня, потому что тебя сильнѣе недостаетъ мнѣ. Пробужденіе мое и твое появленіе[1])—одно изъ самыхъ сильныхъ, испытанныхъ мною, радостныхъ впечатлѣній, и это въ 69 лѣтъ отъ 53-лѣтней женщины!

Вчера отправилъ молоканъ съ письмомъ и письмами. Кажется, что письмо не должно оскорбить Г..... То, что я тебѣ читалъ и что ты нашла рискованнымъ, я выкинулъ. Нынче два раза была чудная гроза съ молніями. Лѣто спѣшитъ жить—сирень уже блѣднѣетъ, липа заготавливаетъ цвѣтъ, въ глуби сада въ густой листвѣ горлинки и иволга, соловей подъ окнами удивительно музыкальный. И сейчасъ ночь, яркія, какъ обмытыя, звѣзды, и послѣ дождя запахъ сирени и березоваго листа.

---

[1]) Раннимъ утромъ чуднаго майскаго дня.

Сережа пріѣхалъ въ тотъ вечеръ, какъ ты уѣхала; онъ постучалъ въ мое окно, и я съ радостью вскрикнулъ: «Соня!»—«Нѣтъ, Сережа». Всѣ мы дружны, и всѣмъ пріятно. Работается не дурно. Нынче вечеромъ чувствую себя какъ будто бодрѣе и почти не чувствую головы. Можетъ быть, болѣзнь моя только старость. Нынче была Марья Александровна. Маша съ Таней ѣдутъ завтра въ Тулу. Если будетъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» статья Буланже о духоборахъ, пришли, пожалуйста. Прощай, цѣлую тебя, Машу, Мишу,—что Миша? успокоился ли? Если онъ такъ влюбленъ и его любятъ, то ему надо бы особенно хорошо заниматься, потому что спокойно и радостно. Ну вотъ и все. Теперь 1-й часъ 13-го.

Л. Т.

Въ то время мной не полученное письмо, а отданное на храненіе князю Николаю Леонидовичу Оболенскому съ тѣмъ, чтобы письмо это было передано мнѣ послѣ смерти Льва Николаевича, что и было исполнено въ точности.

570. **8 іюля.**

Дорогая Соня.

Уже давно меня мучаетъ несоотвѣтствіе моей жизни съ моими вѣрованіями. Заставить васъ измѣнить вашу жизнь, ваши привычки, къ которымъ я же пріучилъ васъ, я не могъ; уйти отъ васъ до сихъ поръ я тоже не могъ, думая, что я лишу дѣтей, пока они были малы, хотя того малаго вліянія, которое я могъ имѣть на нихъ, и огорчу васъ; продолжать же жить такъ, какъ я жилъ эти 16 лѣтъ, то борясь и раздражая васъ, то самъ подпадая подъ тѣ соблазны, къ которымъ я привыкъ и которыми окруженъ, я тоже не могу больше, и я рѣшилъ теперь сдѣлать то, что я давно хотѣлъ сдѣлать,—уйти; во-первыхъ, мнѣ, съ моими все увеличивающимися годами все тяжелѣе и тяжелѣе становится эта жизнь, и все больше и больше хочется

уединенія, а во-вторыхъ, потому, что дѣти выросли, вліяніе мое уже въ домѣ не нужно, и у всѣхъ васъ есть болѣе живые для васъ интересы, которые сдѣлаютъ вамъ мало замѣтнымъ мое отсутствіе.

Главное же то, что какъ индусы подъ 60 лѣтъ уходятъ въ лѣсъ, какъ всякому старому, религіозному человѣку хочется послѣдніе годы своей жизни посвятить Богу, а не шуткамъ, каламбурамъ, сплетнямъ, теннису, такъ и мнѣ, вступая въ свой 70-й годъ, всѣми силами души хочется этого спокойствія, уединенія, и хоть не полнаго согласія, но не кричащаго разногласія своей жизни съ своими вѣрованіями, съ своей совѣстью.

Если бы открыто сдѣлать это, были бы просьбы, осужденія, споры, жалобы, и я бы остался, можетъ быть, и не исполнилъ бы своего рѣшенія, а оно должно быть исполнено. И потому, пожалуйста, простите меня, если мой поступокъ сдѣлаетъ вамъ больно, и въ душѣ своей, главное ты, Соня, отпусти меня добровольно и не ищи меня, и не сѣтуй на меня, не осуждай меня.

То, что я ушелъ отъ тебя, не доказываетъ того, чтобы я былъ недоволенъ тобой. Я знаю, что ты *не могла*, буквально не могла и не можешь видѣть и чувствовать, какъ я, и потому не могла и не можешь измѣнить свою жизнь и приносить жертвы ради того, чего не сознаешь. И потому я не осуждаю тебя, а напротивъ, съ любовью и благодарностью вспоминаю длинныя 35 лѣтъ нашей жизни, въ особенности первую половину этого времени, когда ты, со свойственнымъ твоей натурѣ материнскимъ самоотверженіемъ, такъ энергически и твердо несла то, къ чему считала себя призванной. Ты дала мнѣ и міру то, что могла дать, и дала много материнской любви и самоотверженія, и пельзя не цѣнить тебя за это. Но въ послѣднемъ періодѣ нашей жизни, послѣднія 15 лѣтъ мы разошлись. Я не могу думать, что я виноватъ, потому что знаю, что измѣнился я не для себя, не для людей, а потому, что не могъ иначе.

Не могу и тебя обвинять, что ты не пошла за мной, а благодарю и съ любовью вспоминаю и буду вспоминать за то, что ты дала мнѣ. Прощай, дорогая Соня. Любящій тебя

Левъ Толстой [1]).

Изъ Ясной въ Москву, куда я ѣздила по дѣламъ на короткое время.

571 **Августъ.**

Какъ Коля писалъ тебѣ, съ Машей хорошо [2]). Только бы такъ шло равномѣрно и не испортилось. Остальные всѣ благополучны, въ томъ числѣ и я. Доволенъ своей работой. Какъ ты доѣхала и провела 1-й день? Сейчасъ сидятъ всѣ за чаемъ; пришелъ Лева съ Дорой и Сухотинъ, который сейчасъ уѣзжаетъ.

Писать больше нечего. Жду отъ тебя вѣстей, и хорошихъ въ смыслѣ твоего здоровья: сна и спокойствія нервовъ. Цѣлую тебя и Мишу.

Л. Т.

572.

Въ половинѣ сентября. Изъ Ясной Поляны [3]).

Милая Соня, я въ этотъ твой отъѣздъ не писалъ тебѣ—написалъ только разъ, и то не отъ души, потому что у меня было по отношенію къ тебѣ непріятное чувство за письмо въ шведскія газеты. Я думалъ, что послѣ того, что я согласился подождать

---

[1]) И Левъ Николаевичъ тогда не ушелъ, и письма этого мнѣ не передали.

[2]) У дочери Маши вскорѣ послѣ ея замужества былъ тифъ.

[3]) О какомъ письмѣ въ шведскія газеты идетъ рѣчь, трудно рѣшить, Опасенія мои, что Л. Н. рѣзкими статьями можетъ навлечь на себя правительственныя кары, повторялись не разъ; въ началѣ сентября 1896 г. я, узнавъ отъ возвращавшагося изъ Ясной Поляны В. В. Стасова о готовящихся двухъ статьяхъ („Письмо либераламъ“ и „Приближеніе конца“, по поводу письма голландца Ванъ-дэръ-Вэра), убѣждала Л. Н. быть осторожнѣе. Дата настоящаго письма (половина сентября 1897 г.) опредѣлена на основаніи упоминанія о молоканахъ, при чемъ видно, что письма разнымъ

и смягчить, и Буланже говорилъ съ тобой, что ты сама пошлешь его, хотя и сомнѣвался. Я думалъ это тѣмъ болѣе, что нигдѣ не нашелъ этого письма. Но когда ты написала мнѣ, что ты считаешь, что это дѣло покончено, мнѣ стало очень непріятно. Ради Бога, Соня, пойми и прими это разъ навсегда, что, опасно ли это *по твоему мнѣнію* или не опасно, я руководиться тѣмъ, что и какъ, кому писать, не могу твоими желаніями и совѣтами, могу принимать ихъ въ соображеніе и стараться менѣе огорчать тебя, что я и дѣлаю. Такъ вотъ и теперь. Безъ тебя пріѣхали молокане, прося помочь имъ выручить дѣтей. Я написалъ было очень рѣзкую статью въ заграничныя изданія, потомъ рѣшилъ, что это еще не слѣдуетъ дѣлать, и написалъ довольно мягкое, мягче прежняго, письмо Государю и опять Олсуфьеву, Heath'у и Лизаветѣ Ивановнѣ Чертковой. Письмо посылаю тебѣ. Статью же въ шведскія газеты я долженъ написать, и вновь написалъ ее, и съ тѣмъ шведомъ, который былъ весной и который заѣхалъ опять и разсказалъ мнѣ подробности про деньги Нобеля, перевожу ее по-шведски. Ради Бога, милая Соня, будь благоразумна, отгони неосновательный страхъ, а если не можешь, то перенеси его спокойно, не нарушая нашихъ хорошихъ отношеній, которыми мы оба такъ дорожимъ, потому что дорожимъ другъ другомъ, потому что измѣнить этого нельзя, и я буду писать всегда то, что по своей совѣсти и внутреннему убѣжденію считаю и буду считать нужнымъ и должнымъ, не соображаясь ни съ какими внѣшними соображеніями, въ томъ числѣ и съ тѣмъ, что тебѣ это непріятно. Хотя дѣлать тебѣ непріятное—мнѣ ужасно мучительно. Такъ вотъ, Соня, обдумай все хорошенько, съ Богомъ, и пріѣзжай здоровая, веселая и добрая. Съ любовью ожидаю тебя.

лицамъ объ этомъ дѣлѣ писались теперь второй разъ. Въ письмѣ же своемъ редактору „Петербургскихъ Вѣдомостей“ („Письма Л. Н. Толстого“, изд. „Окто“, 1911 г., № 95) Л. Н. какъ разъ указываетъ, что самарскіе молокане обращались къ нему дважды: въ концѣ апрѣля и въ половинѣ сентября 1897 г.

Изъ Ясной Поляны, гдѣ жили въ то время сынъ Лева съ женой, въ Москву.

573. **8 октября.**

Живу я, милая Соня, какъ Марья Александровна говоритъ: такъ хорошо, какъ можно только желать. М. А. не была все это время, и я нынче, послѣ послѣобѣденнаго сна, поѣхалъ ее провѣдать, а она сюда пришла и пила чай у Левы. Здоровье мое совсѣмъ хорошо, и шишка, и палецъ, и носъ приходятъ въ хорошее состояніе. Какъ ты и твои зубы? И здорово смотришь ли? Я еще ни одного письма не получилъ. Не привезетъ ли нынче отвѣтъ М. А. Нынче получилъ письмо отъ Буланже изъ Эссекса. Онъ еще у Моода [1]), который очень добръ къ нему, но уже нашелъ себѣ домъ и сдѣлалъ смѣту, что жизнь обойдется ему 1500 р. въ годъ. Теперь у него есть эти деньги, но что будетъ дальше? Онъ не унываетъ, и письмо его дышитъ кроткой бодростью. Я работаю не дурно; сегодня окончилъ поправлять 17-ю главу [2]). Такъ что осталось три главы, кромѣ Заключенія,—на два дня, если будетъ такъ работаться, какъ эти дни.

3-го дня ночью мальчикъ изъ Ясенковъ привезъ телеграмму отъ Грота, требующаго немедленно присылки статьи, о чемъ пишетъ заказнымъ письмомъ на Козловку. За телеграмму рубль заплатили, а письмо, разумѣется, не получили. Сейчасъ 8-й часъ, хочу еще немножко заняться до ужина. Погода чудная, все теплѣетъ. Нынче было жарко, какъ лѣтомъ. Въ комнатахъ не топимъ, потому что, несмотря на открытыя форточки, 14°. Цѣлую тебя и дѣтей двухъ. *Л. Т.*

574. **10 октября.**

Дора хочетъ написать тебѣ о моемъ здоровьѣ, и я боюсь, что ты не поймешь, какъ слѣдуетъ, изъ ея письма. У меня нѣсколько дней не освобождается какъ слѣдуетъ желудокъ, и нынче не-

---

[1]) А. Моодъ, англійскій переводчикъ и біографъ гр. Л. Н. Толстого.

[2]) Книги „Объ искусствѣ“.

множко заныло во время работы подъ ложечкой, и я такъ испугался, что безъ тебя заболѣю, и очень недоволенъ, что тебя испугали, что тотчасъ же принялъ рѣшительныя мѣры: компрессъ, Эмсъ, и даже принялъ ревень, такъ что теперь вечеръ и не болитъ больше, и ѣмъ, и еще хочу ѣсть. Бодлера и Верлена лучше взять у Стороженка. Все, что есть, взять.—Такъ, пожалуйста, не тревожься. Я навѣрное не заболѣю теперь животомъ.

575.

Того же времени, безъ числа.

Новаго ничего нѣтъ у насъ, милая Соня; погода еще лучше была нынче, но стало пасмурно и темно. Дора мнѣ принесла фонарь, чтобы ходить, и очень озабочена мною. Скажи Дунаеву, что ничего не нужно. Я сказалъ глупость: нельзя то письмо послать Ухтомскому [1]). Я написалъ нынче и отвѣчаю. Ѣздилъ въ Ясенки, потому что было три объявленія. Все насморкъ и не такъ бодръ, какъ прежде, но здоровъ и поправилъ утромъ двѣ главы. Филиппъ вступилъ въ отправленіе своей обязанности и ставитъ со мной самоваръ. А отъ дѣвочекъ все нѣтъ извѣстій. Не привезутъ ли сейчасъ съ почты. Ну вотъ я и весь вышелъ. Цѣлую тебя и милую Сашу.

Л. Т.

Тебя вспоминаю при всѣхъ удобствахъ, которыя ты устроила. Ключъ мнѣ дала Дора, чтобъ отворять ихъ парадную. И этимъ ключомъ я заперъ дверь на лѣстницу.

Побывавъ въ Ясной Полянѣ, я снова вернулась въ Москву, куда мнѣ и писалъ Левъ Николаевичъ слѣдующія письма.

576. **20 октября.**

Первое дѣло, что̀ твой насморкъ и всѣ твои недуги, которые показывались въ Ясной Полянѣ? Надѣюсь, что прошло, и что

[1]) Кн. Эсперъ Эсперовичъ Ухтомскій, редакторъ „Петерб. Вѣдомостей“.

платье и зубы—все устроилось, что не разстроило твои планы. Я совершенно здоровъ, и такъ хорошо, какъ только бываетъ хорошо въ уединеніи, хотя это совсѣмъ не означаетъ того, что съ тобой не было хорошо. Съ тобой тоже было очень хорошо, но по-другому.

На другой день послѣ тебя получилъ трогательное письмо отъ Сережи брата, который такъ трогательно огорченъ, что я не пріѣхалъ. Хотѣлъ самъ ѣхать, но боится заболѣть. Еще трогательнѣе озабоченъ о моемъ здоровьѣ и присылаетъ розовый пластырь.

Я поправилъ самъ 10-ю главу и очень легко—конецъ уже былъ тобой поправленъ. Въ этотъ разъ ты меня сглазила не въ физическомъ, а въ умственномъ отношеніи: ты говорила, что я все работаю. А вотъ какъ разъ никакой нѣтъ охоты къ работѣ; только поправляю давнишнія главы, а больше ничего не хочется. Вячеславъ ночевалъ у меня, и онъ мнѣ не мѣшаетъ. Хочу попробовать дать ему работу переписки и внесенія поправокъ. Сегодня получилъ письмо отъ Буланже: оказывается, что въ англійскихъ газетахъ было извѣстіе, что мнѣ дѣлали операцію въ желудкѣ. Прощай, милая Соня, цѣлую тебя и дѣтей.

Изобиліе у меня всѣхъ устроенныхъ тобою благъ земныхъ—огромное.

Л. Т.

577. **21 октября.**

Пишу тебѣ, милая Соня, о дѣлѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ радъ писать. Дѣло въ томъ, что два общества погорѣлыхъ пришло ко мнѣ; одному, Долговскому, я давно обѣщалъ, а другихъ 3 двора. Я отдалъ свои деньги, оставивъ себѣ 10 рублей, а тебя прошу, если есть деньги на этотъ предметъ [1]), то пришли мнѣ 100 рублей.

Нынче лежу на диванѣ, читаю, во 2-мъ часу, слышу голосъ:

---

[1]) Гонораръ изъ театра за „Плоды Просвѣщенія“ и „Власть Тьмы“, который я выхлопотала, шелъ въ 1891—92 гг. на голодающихъ, а впослѣдствіи на помощь погорѣлымъ.

«папа, можно къ вамъ?» Оказывается, Соня [1]) пріѣхала, говоритъ, провѣдать, вѣрно надѣясь васъ застать. Я и всѣ ей были очень рады. Она сейчасъ уѣзжаетъ съ почтовымъ, и я тороплюсь написать съ нею. Я совершенно здоровъ, наслаждаюсь уединеніемъ. Вячеславъ [2]), кажется, наладитъ переписывать. Отъ М. А. Дубенской получилъ письмо: она родила мальчика въ началѣ октября, и сама кормитъ, и здорова. Прощай пока, милая Соня, цѣлую тебя и дѣтей. Ѣздилъ въ Ясенки, получилъ письмо отъ Буланже и Чертковыхъ.

578. **24 октября.**

Получилъ твою посылку и твое письмо нынче, милая Соня. Я совершенно здоровъ и доволенъ своею судьбою, понемногу работаю, все надъ тѣмъ же. Вячеславъ хотя медленно и немного неправильно, но умно переписываетъ. Погода и дорога прекрасныя, и я хотѣлъ ѣхать въ Пирогово, но ты просишь не ѣхать безъ тебя,—подожду. М-me Гротъ была у тебя вѣроятно тоже о статьѣ объ искусствѣ. Гротъ пишетъ, что онъ согласенъ печатать все сразу, и если я согласенъ, то прислать его женѣ; а онъ самъ все въ Петербургѣ при больномъ дядѣ. Я почти рѣшилъ отдать въ ихъ журналъ, и отдалъ бы сейчасъ, если бъ онъ былъ въ Москвѣ. Подожду, пока онъ вернется.

Вчера вечеромъ, часовъ въ 7, пріѣхалъ Сережа сынъ изъ Тулы, ѣздилъ по дѣламъ и завезъ корректуру переведенной имъ статьи [3]), которая мнѣ была прислана изъ «Сѣв. Вѣстн.» и которую я посылалъ ему съ Соней. Я написалъ маленькое предисловіе къ этой статьѣ, но еще не кончилъ. Съ Сережей было очень пріятно. Онъ хотѣлъ въ субботу быть въ Москвѣ, такъ что ты увидишь его, пожалуй, раньше этого письма. Пожалуйста, не торопись сюда ѣздить; поѣзжай только тогда, когда

[1]) С. Н. Толстая, жена Ильи Львовича.

[2]) В. Ляпуновъ, поэтъ изъ народа, былъ приказчикомъ въ Ясной Полянѣ.

[3]) Карпентера: „О наукѣ“.

будешь совершенно свободна и зубами, и всѣмъ другимъ. Какъ ни пріятно тебя видѣть, непріятно знать, что ты изъ-за поѣздки не додѣлаешь чего-нибудь или лишаешься чего.

У меня въ комнатѣ очень тепло; мышей стало гораздо меньше: ловятъ уже не больше двухъ. Благодарю за карандаши. Апельсины и томаты были такъ дурно уложены, что испортились немного.—Сейчасъ, собираясь писать тебѣ, перебралъ полученныя письма и такія, на которыя надо отвѣтить, и насчиталъ ихъ 13-ть.—Сережа вчера мнѣ сказалъ, что Генри Джорджъ умеръ; какъ ни странно это сказать, смерть эта поразила меня, какъ смерть очень близкаго друга. Такое впечатлѣніе произвела на меня смерть Алекс. Дюма. Чувствуешь потерю настоящаго товарища и друга. Нынче въ «Петерб. Вѣд.» пишутъ о его смерти и даже не упоминаютъ объ его главныхъ и замѣчательныхъ сочиненіяхъ. Онъ умеръ отъ нервнаго переутомленія спичей. Вотъ чего надо бояться хуже велосипеда.

Сейчасъ пришли звать ужинать. На дворѣ свѣтло какъ днемъ, и я хочу самъ свезти это письмо на Козловку и надѣюсь получить отъ тебя и отъ дочерей; главное, отъ Маши ни слова, мнѣ это грустно. Цѣлую тебя и дѣтей. Ты не пишешь мнѣ, стало быть, все хорошо.

24-го, 9 часовъ.

579. **27 октября. Открытое.**

Съ полушубкомъ пришли, пожалуйста, валенки тонкія—толстыя не влѣзаютъ въ стремя. Мы попрежнему живы и здоровы.

Деньги получилъ, благодарю. *Л. Т.*

580. **Октябрь, около 25.**

Нынче многое новое открылось по отношенію искусства, и съ удовольствіемъ передѣлалъ главу 15-ю, но не кончилъ, потому что надо это высказать, когда будешь въ полной силѣ, а нынче не вполнѣ. Пришли или привези мнѣ, пожалуйста, полушубокъ и толстую фуфайку; рукамъ холодно, а тамъ длинные рукава.

581. **28 октября.**

Получилъ сейчасъ съ деньгами, милая Соня, твое не въ духѣ писанное письмо, въ которомъ ты почему-то находишь, что тебѣ надо находить какія-то свои радости. Мнѣ очень жалко тебя, что тебѣ такъ отъ чего-то непріятно, и радъ бы былъ устранить эту непріятность, если бы зналъ какъ. Мы продолжаемъ быть живы и здоровы. Написалъ тебѣ сегодня письмецо, прося прислать тонкія валенки, да потерялъ.

Утѣшаюсь тѣмъ, что твое дурное расположеніе духа и причина его—невралгія—прошли и что ты спокойна и счастлива. Ты пишешь: главное, ты здоровъ. Совсѣмъ это не главное. Главное быть спокойнымъ.

Письма въ Москву послѣ того, какъ я съѣздила въ Ясную Поляну и съ Львомъ Николаевичемъ въ Пирогово, къ его брату.

582. **8 ноября.**

Вотъ пишу тебѣ, милая Соня, совершенно здоровымъ. И даже самъ везу письмо это въ Ясенки. Вчера весь день поглощенъ былъ письмами, только немного поработалъ. Заснулъ въ 11 и проснулся въ 7, и нынче, кажется, кончилъ самую существенную работу надъ «Искусствомъ», такъ что могу приняться за новое. Еще самъ не знаю что́. Вчера получилъ отъ Моода умное, обстоятельное письмо съ вопросами—болѣе 20-ти—о переводѣ. Алекс. Петр. прекрасно взялся переписывать. Это не потому, чтобы ты дурно переписывала, чтобы мнѣ не была пріятна твоя переписка и чтобы я не былъ тебѣ благодаренъ за нее, но только, чтобы его похвалить.

Какъ ты доѣхала? Хорошо ли тебѣ? Дай Богъ, чтобы было хорошо. Вчера подумалъ о тебѣ, и такъ тебя понялъ, и такъ мнѣ тебя стало жалко. И я очень радъ этому чувству.

Нынче пришелъ ко мнѣ писарь бывшій, военный, Новиковъ. Пріятный. А вчерашній мужикъ, поэтъ, тоже очень интересный и хорошій. Что будетъ черезъ 30 лѣтъ, когда всѣ эти искры свѣта сольются въ одинъ свѣтъ. Цѣлую Сашу и Мишу. Жду дѣвочекъ.

Л. Т.

583. **12 ноября.**

Пишу тебѣ, милая Соня, второе письмо. Отъ тебя еще не получалъ. No news, good news. Вѣроятно, ты въ Твери[1]) ужъ побывала. Про себя сказать нечего. Простудиться я не простудился, чего ты боялась, а всѣ эти дни былъ не совсѣмъ бодръ. Спина болитъ между лопатками и чувствовалъ себя вялымъ, но все-таки не такъ, чтобы не выходить и не работать. Нынче же гораздо бодрѣе. Погода тяжелая, и Лева и Дора жалуются. Только Марья Алекс-а, которая нынче пріѣхала, бодра и оживлена за всѣхъ. Я все поправляю «Искусство» по присылаемымъ Моодомъ замѣчаніямъ; кое-что новое началъ и написалъ вчера 10 необходимыхъ писемъ. Алекс. Петр. очень хорошъ. Вчера онъ исправилъ главу съ примѣрами французскихъ стиховъ. «Такіе стихи,—говоритъ,—писать легко. Я самъ напишу: «Très malade mon coeur, voulez vous du beurre; je suis triste, j'ai perdu mon Montecriste».—Это больше для Миши.

Третьяго дня получилъ письмо отъ Тани, что она выѣзжаетъ 8-го и 10-го будетъ проѣзжать съ Вѣрой прямо въ Москву. Такъ не выѣду ли я въ Тулу? Я вчера и поѣхалъ въ Ясенки къ курьерскому, но ея не было. Вернувшись, хотѣлъ уже ѣхать въ Тулу къ скорому, когда получилъ отъ нея телеграмму: «Лихорадка Андрея задержала и остались дома», и дальше ничего не знаю. Про Машу ни слова. Письмо съ хорошими, съ самыми добрыми намѣреніями, но съ сознаніемъ своей слабости. Да будетъ воля Божья.

---

[1]) Ѣздила навѣстить въ Твери сына Андрея, служившаго вольноопредѣляющимся.

У меня тепло, хорошо и во всемъ, благодаря твоимъ заботамъ, преизобильно.

Если что узнаешь про Урусова, сообщи. Прощай пока, цѣлую тебя.

Л. Т.

Такая отвратительная погода: вѣтеръ, дождь, такъ что Марья Александровна осталась ночевать, и потому письмо это не пойдетъ. Открываю его, чтобы приписать, что я совершенно здоровъ и очень доволенъ своей работой. Надѣюсь, что ты не огорчилась тѣмъ, что я писалъ о чувствѣ жалости, которую испыталъ къ тебѣ; это не унизительное, а самое любовное чувство, которое чувствуешь только къ тому, кого любишь.

584. **19 ноября.**

Давно нѣтъ отъ тебя писемъ, милая Соня. Послѣднее извѣстіе было твое письмо къ Дорѣ. Боюсь, что ты досадуешь на меня за то, что я не пріѣзжаю, и надѣюсь, что ты понимаешь, какъ мнѣ, несмотря на разлуку съ тобой, хорошо и прямо нужно жить въ тихомъ уединеніи, какъ теперь, чтобы сдѣлать все то, что я могу и долженъ сдѣлать въ послѣдніе, а можетъ, и послѣдній годъ, а можетъ быть, и не годъ, а мѣсяцы моей жизни. Здѣсь я какъ будто и скучаю, и часто ничего не дѣлаю, дѣлаю пасьянсъ, читаю газету, а результатъ тотъ, что и въ головѣ уясняется, и на бумагѣ пишется то, что, думается, нужно. Написалъ я предисловіе къ статьѣ Карпентера «О наукѣ», которая мнѣ кажется очень важной, такъ что, можетъ быть, я выкину ее изъ статьи объ искусствѣ. Кончилъ объ искусствѣ поправлять, только придется исправить кое-что по корректурамъ, и началъ новое—художественное, кавказскій разсказъ, который me hante уже давно [1]).

Нынче или завтра пошлю Гроту объ «Искусствѣ» 10 главъ. Я бы послалъ все, но хочу равномѣрно выпускать съ переводчи-

---

[1]) „Хаджи-Муратъ“.

комъ. Пріятно, что кончилъ. Пока писалъ, казалось важно, а теперь кажется, что нужнѣе болѣе важныя вещи.

Вчера видѣлъ Степанъ Илюшу въ Тулѣ, и онъ велѣлъ за собой прислать въ понедѣльникъ. Видно, какія-нибудь у бѣднаго денежныя дѣла. Погода у насъ гадкая, точно такая же, какъ тѣ дни, какъ мы были въ Пироговѣ, съ прибавкой такой гололедки, что невозможно ѣхать. Я здоровъ, но желалъ бы побольше энергіи, а то вялъ. Да, вѣроятно, такъ надо. Что ты? Напиши же мнѣ про себя хорошенько, чтобъ я чувствовалъ тебя. Хочу Андрюшѣ написать нынче. Жалко стало его. Надѣюсь, именно надѣюсь, что тотъ дурной духъ Миши прошелъ, и онъ больше не огорчаетъ тебя. Прощай пока, милая Соня. Цѣлую тебя. Отъ Тани было письмецо отъ 13-го, что жаръ Андрюши затянулся уже 7 дней и не знаю что. Вѣрно она тебѣ тоже напишетъ. Про Машу, къ сожалѣнію, ничего не знаю. Вѣрно, она уже уѣхала.

585. **21 ноября.**

Нынче получилъ твое хорошее письмо, милая Соня, и былъ очень радъ ему. Ты пишешь, что надѣялась получить отъ меня письмо и не получила. А я быстро читалъ (когда прочелъ первый разъ) и понялъ, что ты уже получила, потому что я дня 4 какъ написалъ тебѣ 3-е письмо, а это 4-е. Какъ жаль, что ты такъ поздно сидишь. Именно, это тебѣ не хорошо. Какъ бы хорошо было, если бы ты это перебила. Ты спрашиваешь меня о моихъ работахъ и говоришь, что хорошо мнѣ знать, что мои работы нужны. Этого я никогда не знаю, такъ же, какъ и всѣ мы. Я писалъ тебѣ въ томъ письмѣ о работахъ. Отъ «Искусства» пуповина уже оторвалась, и я обращаюсь скорѣе съ нимъ уже извнѣ, а не изнутри, какъ прежде. Я послалъ Гроту 10 главъ напечатать. Что-то будетъ—и въ смыслѣ цензуры, и въ смыслѣ достоинства сочиненія. Я не знаю. Мысли же всѣ и занятія мои направлены на кавказскую повѣсть, которой мнѣ совѣстно заниматься, тѣмъ болѣе, что она не идетъ, но отъ которой не могу

отстать. Здоровье хорошо, но погода, главное дороги—ужасны. Верхомъ нельзя ѣздить. Вчера былъ хорошій день. Я уже пѣшкомъ пошелъ въ Ясенки и упалъ много разъ. Нынче опять таетъ и гололедка. Алекс. Петр. хорошъ. Я очень радъ, что Леву я полюбилъ больше. Былъ разговоръ съ нимъ, послѣ котораго я почувствовалъ его молодость и бо́льшую близость къ нему. Какъ хорошо, что Миша пришелъ въ аккуратность; не сглазить. Отъ Тани новаго ничего не знаю. Про Машу ничего; боюсь, что мое письмо ее огорчило, это было бы очень больно.

586. **26 ноября.**

Вчера проѣхала Таня, пробывъ одинъ день, и оставила мнѣ радостное впечатлѣніе освобожденія отъ своей одержимости. Дай Богъ, чтобы только удержалось то хорошее свободное состояніе, въ которомъ она находится, и еще чтобы она нашла себѣ по сердцу и хорошую работу. Я нынче получилъ твое письмо къ Дорѣ, изъ котораго видно, что тебѣ тяжело и не хорошо. И это очень мнѣ больно, главное потому, что я не могу помочь тебѣ. Твое разсужденіе о томъ, что гораздо важнѣе и нужнѣе мнѣ быть въ Москвѣ съ тобой, чѣмъ то, что что-то такое будетъ написано немножко хуже или лучше, поразительно своей несправедливостью. Во-первыхъ, вопросъ совсѣмъ не въ томъ, что́ важнѣе; во-вторыхъ, живу я здѣсь не потому, что будутъ немного лучше написаны какія-нибудь сочиненія; въ-третьихъ, присутствіе мое въ Москвѣ, какъ ты очень хорошо знаешь, не можетъ помѣшать ни Андрюшѣ, ни Мишѣ жить дурно, если они этого хотятъ. Никакой строжайшій отецъ въ мірѣ не можетъ помѣшать людямъ съ выросшими бородами жить такъ, какъ они считаютъ хорошимъ; въ-четвертыхъ, если бы даже вопросъ стоялъ такъ, что́ важнѣе: написать то, что я пишу и что, я по крайней мѣрѣ думаю и надѣюсь (иначе бы я и не работалъ), будетъ читаться милліонами, а на милліоны можетъ имѣть доброе вліяніе, или жить въ Москвѣ безъ всякаго дѣла, суетно, тревожно и нездорово,— то и тогда всякій рѣшитъ вопросъ въ пользу не-ѣзды въ Москву.

Это не значитъ, что я не хочу пріѣхать въ Москву, не хочу сдѣлать все, что могу, чтобы сдѣлать твою жизнь болѣе хорошею, или просто самъ не желаю быть съ тобой; напротивъ, я очень желаю этого; но это значитъ, что разсужденія твои очень несправедливы, такъ же какъ и разсужденія твои, которыя ты почерпнула изъ чтенія біографіи В.... (?), что цѣль моей дѣятельности есть слава. Слава можетъ быть цѣлью юноши или очень пустого человѣка. Для человѣка же болѣе серьезнаго и главное стараго цѣль дѣятельности не слава, а наилучшее употребленіе своихъ силъ. Всѣ мы призваны жить и дѣйствовать, какъ лошадь на конкѣ. Будемъ ли мы ѣздить въ спальномъ вагонѣ (?), копать руду, играть на фортепіано,—что-нибудь мы должны дѣлать. Человѣкъ же не глупый и пожившій—я считаю себя такимъ—не можетъ не видѣть, что единственное благо, одобряемое совѣстью, есть дѣланіе той работы, которую я лучше всего умѣю дѣлать и которую я считаю угодной Богу и полезной людямъ. Вотъ тотъ мотивъ, который руководитъ мною въ моей работѣ, а про славу я уже давно спрашивалъ себя: «что, буду ли я точно такъ же работать, если никогда не узнаю, одобряютъ ли мою работу люди или нѣтъ?» и искренно отвѣчаю, что, разумѣется, что буду такъ же работать. Я не говорю, что я равнодушенъ къ одобренію людей, одобреніе мнѣ пріятно, но оно не есть причина, мотивъ моей дѣятельности. Пишу я это особенно для того, что я тебѣ бы, милая Соня, желалъ такой дѣятельности,—такой дѣятельности, при которой ты бы знала, что это лучшее, что ты можешь дѣлать, и, дѣлая которое, ты была бы спокойна и передъ Богомъ, и передъ людьми. У тебя была такая дѣятельность—воспитаніе дѣтей, которое ты дѣлала такъ самоотверженно и хорошо, и ты знаешь это сознаніе исполненнаго долга, и потому знаешь, что къ этой дѣятельности побуждала тебя никакъ не слава. Вотъ этакой дѣятельности я желаю тебѣ, страстно желаю, молился бы, если бы вѣрилъ, что молитва можетъ сдѣлать это. Какая это дѣятельность,—я не знаю и не могу указать тебѣ, но дѣятельность есть, свойственная тебѣ и важная, и достойная, такая, на

которую положить всю жизнь, какъ есть такая дѣятельность для всякаго человѣка, и дѣятельность эта для тебя никакъ уже не въ играніи на фортепіано и слушаньи концертовъ.

Какъ бы я хотѣлъ, милая Соня, чтобы ты приняла это письмо съ той же любовью, безкорыстной, съ полнымъ забвеніемъ себя, а съ однимъ желаніемъ блага тебѣ, которую я испытываю теперь.—Работа моя опять вся въ поправкахъ «Искусства». Нужно послать къ Мооду и Гроту. Кое-что обдумываю. Я совсѣмъ здоровъ, сейчасъ съ Левой и деревенскими мальчиками катался на конькахъ. Весь большой прудъ какъ зеркало. Ахъ, хорошо! Отчего ты не катаешься? Я увѣренъ, что это тебѣ было бы очень хорошо. А можетъ быть, очень дурно. Цѣлую тебя крѣпко.

Л. Т.

587. **1 декабря.**

Вчера получилъ отъ Тани письмецо, и радъ, что знаю про васъ, и что у васъ все хорошо. Мы всѣ ждемъ снѣга, котораго нѣтъ. Я здоровъ, что тебѣ передастъ Маковицкій. Сейчасъ ѣду въ Ясенки въ саняхъ и свезу эту записку. Надѣюсь нынче получить отъ тебя.

Л. Т.

1898 годъ.

Письмо въ Петербургъ, куда я ѣздила по дѣлу изъ Москвы.

588. **23 февраля.**

Саша писала тебѣ вчера, милая Соня, а нынче я. У насъ все хорошо. Вчера было пропасть народа. Вѣрно Таня назвала: и Соллогубъ, и Трубецкіе, и полкъ мальчиковъ, которые пѣли и играли въ чехарду. У меня, въ моей жизни, ничего новаго нѣтъ, включая всѣ письма. Записалъ кое-что, но ни къ какой пристальной работѣ не приступалъ. Нынче утромъ пришелъ Дунаевъ съ извѣстіемъ, что Брашнинъ умираетъ и желаетъ простить-

ся. Я пошелъ къ нему. Онъ, вѣроятно, нынче-завтра умретъ; водянка захватила уже ребра. И мы такъ славно, серьезно простились—до скораго свиданья.

Вчера былъ у меня американскій богатый молодой торговецъ хлопкомъ и джентльменъ. Онъ близокъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Америки и обѣщалъ мнѣ узнать и дать знать объ условіяхъ поселенія духоборовъ. Что-то Ухтомскій? Рѣшится ли? Какъ ты живешь? Пріятно ли тебѣ? Я очень боялся за твой переѣздъ ночью при твоемъ нервномъ возбужденіи. Иногда бываетъ хуже отъ желѣзныхъ дорогъ, а иногда усыпляетъ. Какъ было съ тобой? Цѣлую тебя, пока прощай.

Л. Т.

Письма изъ Чернскаго уѣзда отъ сыновей, куда Левъ Николаевичъ поѣхалъ изслѣдовать голодъ въ народѣ.

589. **Передъ 1 мая.**

Посылаю Сашино письмецо; шпинатъ и яблоки получили,—очень благодарны. Жаль, что ты не написала, какъ доѣхала. Ты очень была нервна, уѣзжая. Я здоровъ, только удивительно, или скорѣе неудивительно, слабъ для своихъ 70 лѣтъ. Дѣлалъ кое-какія распоряженія, сейчасъ 3 часа, хочу съѣздить въ Никольское.

До свиданья. Пишу не совсѣмъ увѣренно, что письмо дойдетъ. Соня говоритъ, что положеніе ненадежное. Изъ Черни были нынче 3 письма и объявленія на посылку. Изъ Москвы только узнали по Сашиному письму. Цѣлую тебя, Дору и Леву.

Л. Т.

Писать ничего не пишу, кромѣ нѣкоторыхъ мыслей, которыя мнѣ показались интересными. Но я доволенъ и спокоенъ.

590. **Безъ числа. Около 1 мая.**

Милая Соня, я написалъ тебѣ нѣсколько словъ въ Ясную съ карточкой отъ Саши, но, вѣроятно, тебя это уже не застало.

Вчера получилъ твое доброе письмо изъ Ясной. Я чувствую себя хорошо, не такъ слабъ, какъ былъ при тебѣ, но и не такъ бодръ, какъ бы желалъ и какъ бываю. Почти ничего не писалъ. Вчера ѣздилъ въ Никольское, гдѣ окончательно устроилъ столовыя, и къ Варенькѣ. Она хлопочетъ, убираетъ домъ. Ея Таня сидитъ въ своей комнаткѣ и читаетъ. Мы просидѣли съ Сережей болѣе часа, она такъ и не вышла.—Мужъ ея тутъ, но не былъ дома; поѣхалъ въ село закупать керосинъ, гвозди. Насколько Варенька ясна, настолько темны ея дѣти.

Илюша по случаю протеста Проташинскаго [1]) противъ столовыхъ ѣздилъ третьяго дня въ Мценскъ, въ засѣданіе Краснаго Креста, а вчера въ Орелъ, къ губернатору, отъ котораго получено разрѣшеніе на столовыя. Видѣлъ Стаховича, который хочетъ въ субботу пріѣхать сюда. Нынче онъ уѣхалъ съ Андрюшей на ярмарку. Соня старательно занимается помощью, но не совсѣмъ основательно, такъ что, для добросовѣстности исполненія передъ жертвователями ихъ порученій, я радъ, что пріѣхалъ сюда.

Былъ третьяго дня въ Лопашнѣ, гдѣ тоже надо открыть столовыя. Нынче поѣду черезъ Бастыево, гдѣ отдамъ это письмо, опять въ сторону Спасскаго, гдѣ открою столовыя. Муки все не купили. Жду отвѣта изъ Воронежа.

Здѣсь мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ очень хорошо. Всѣ мнѣ пріятны: и большіе, и дѣти. Илюша дома гораздо лучше, чѣмъ внѣ его. Изъ Москвы ничего не знаю, кажется, больше недѣли. И такъ покойно. Только про дѣтей, въ особенности про дочерей, хотя бы съ ихъ зубами, хочется знать. Теперь ты будешь писать. Нынче я утро писалъ письма, очищалъ старыя, боясь, что явятся требованья отвѣтовъ. Ну вотъ, все существенное написалъ. Просьбы мои къ тебѣ слѣдующія:

1) Книжка должна быть на столѣ адресовъ; пожалуйста, пришли поскорѣе. 2) Книжка должна быть, «25 лѣтъ на Кавказѣ, Зиссермана, часть 2-я». Она должна быть въ книжномъ шкапу.

---

[1]) Земскій начальникъ.

3) Ивану Ивановичу Горбунову скажи, что если желающая пріѣхать барышня можетъ жить на свой счетъ, то пусть пріѣзжаетъ. Дѣла будетъ много, а Андрюшу заставлять не хочется. Онъ не откажетъ, но безъ охоты. 4) Миша обѣщалъ мнѣ сходить въ фотографію на Тверской, подлѣ Филиппова, и спросить у ретушера *Краснова* мои книги: «Царство Божіе», и привезти съ Сашей въ Ясную. Ну, вотъ, сколько просьбъ.

Цѣлую тебя. Надѣюсь, что тебя не суетятъ и ты не суетишься, и спишь хорошо, и рано ложишься. Не засиживайся по ночамъ. Это ужасно вредно не спать тебѣ.—Письмо мое не такое, какое ты желала. Но не могу иначе. По почерку вижу, что я въ слабомъ духѣ.

591. **2 мая.**

Милая Соня, сейчасъ получилъ посылку съ письмами изъ Москвы и объявленія, которыя отсылаю. Вчера я писалъ тебѣ и возилъ самъ письмо въ Бастыево по дорогѣ въ Губаревку, куда я ѣздилъ. Очень было мнѣ хорошо, потому что дѣлаемое дѣло было нужное, и оно спорилось. Голода нѣтъ, но нужда убіенная, неурожайная, очень тяжелая, и видѣть ее полезно намъ.

Весна совсѣмъ открылась—зеленѣетъ все, и соловьи, и жуки. Нынче явились изъ Полтавы Линденбергъ и еще бывшій учитель Губонинъ—помогать. Я отказалъ имъ. Столовыя двѣ уже дѣйствуютъ.

Письмо это свезетъ Линденбергъ, который уѣзжаетъ завтра утромъ. Мука куплена по 84 копейки.

Занятія писательскія не идутъ, и я не тужу, потому что на досугѣ хорошо обдумываю свои писанья и, главное, свою жизнь. Здоровье совершенно хорошо. Только бы желалъ, чтобы ты была не слишкомъ засуечена и сама не торопилась и не тревожилась. Жду извѣстій.

Леонтьевъ тоже предлагаетъ мнѣ помощь. Я въ томъ письмѣ писалъ, что прошу Горбуновскую барышню; но теперь рѣшилъ, что не нужно. Помогаетъ покамѣстъ Вѣра Е..., будетъ помо-

гать Андрюша (я его постараюсь привлечь), а и не будетъ, то дѣла такъ мало, что Илюша, Соня и я все управимъ. Цѣлую тебя, Мишу, Таню, Сашу.

Л. Т.

592. **3 мая.**

Вчера получилъ другое твое письмо, милый другъ. Спасибо, что пишешь, продолжай такъ же. Я тоже пишу третье письмо, если считать маленькое, посланное въ Ясную. У насъ все очень хорошо. Дай Богъ, чтобы у васъ все было такъ же, въ особенности здоровье и душевное состояніе такъ же хорошо, какъ мое, которое прекрасно. Вотъ 2-й или 3-й день, что я пересталъ чувствовать и физическую и умственную слабость; и въ головѣ складывается суета многихъ впечатлѣній, и распредѣляются, какъ должно, по степени важности, мысли и чувства.

Третьяго дня я ходилъ съ пріѣзжимъ Линденбергомъ и другимъ въ Каменку и, къ сожалѣнію, нашелъ большую нищету. Говорятъ, что причина ея — пьянство; но дѣтямъ, женщинамъ, старикамъ отъ этого не легче. Назадъ шли полями, заблудились и много исходили, славно устали. Съ этими гостями дружелюбно простился. Вчера утромъ читалъ письма, а послѣ обѣда ѣздилъ въ Сидорово и Никольское. Все было хорошо. У Сережи застали на террасѣ кучу гостей: два брата Цуриковы, три сына Нарышкиныхъ, учитель. Вернулся домой—тутъ Ильинской сестра, Свѣчина, Варенька самъ-четвертъ. Вечеромъ пріѣхалъ твой фаворитъ—С. Онъ хорошъ, какъ и всякій человѣкъ, когда перенесешься въ него и не требуешь отъ него того, что онъ не можетъ дать. Онъ здѣсь, и я съ нимъ посылаю это письмо и обратно по почтѣ статью Черткова о духоборахъ, обращенную къ правительственнымъ лицамъ, чрезвычайно умную, новую и главное—по кроткому, разсудительному тону—хорошую.

Сейчасъ открыто 8 столовыхъ, человѣкъ около ста, и еще двѣ приготовлены. Больше открывать нельзя по средствамъ. Соня сейчасъ выдаетъ пріѣхавшимъ забирать. Андрюша помогаетъ и очень милъ.

Какая ужасная обида, что братъ Сережа пріѣхалъ безъ меня. Я всю зиму мечталъ его видѣть, и такъ неудачно! Непремѣнно съѣзжу къ нему, или отдѣльно, или по дорогѣ. Также жаль очень, что не видалъ М. А., но радъ, что операція ея удалась.

Нынче, вѣроятно, пріѣдутъ изъ Никольскаго гости съ Сережей—8, да здѣсь 2. Такъ что у нихъ суета. Соня и Илюша очень заботятся обо мнѣ. Ну вотъ, кажется, все отписалъ. Отпиши ты получше. Что ты? что Миша?—экзамены? что Таня? Маша, мнѣ думается, пріѣдетъ сюда. Сплю я прекрасно и сны вижу хорошіе. Прощай, цѣлую тебя и дѣтей.

Л. Т.

Погода чудная, только сухо. 3 мая.

593. **5 мая.**

Вчера писалъ тебѣ съ С., но сейчасъ ѣдетъ Андрюша во Мценскъ за капустой, пишу еще словечко, чтобы сказать, что гости уѣхали, я работаю, здоровъ и тебя люблю.

Л. Т.

594. **5 мая.**

Ѣду на Бастыево свезти письмо англичанину, узнать, нѣтъ ли отъ тебя письма, и заѣхать въ деревню, гдѣ открыли столовую, и вотъ пишу тебѣ два слова, чтобы сказать, что мы всѣ благополучны вполнѣ. Жара стоитъ лѣтняя, все распустилось—верба, черемуха, дубъ. Я утромъ набралъ фіалокъ, которыя отцвѣтаютъ. Дождя нѣтъ, грозы ходятъ кругомъ.

Л. Т.

595. **6 мая.**

Нынче, 6-го, не писалъ тебѣ, милая Соня, теперь вечеръ, 10 часовъ. Только что пріѣхали Маша съ Колей. Я имъ очень радъ. Андрюша ѣдетъ завтра въ Москву, и вотъ я съ нимъ пишу это. Нынче былъ сильный дождь съ градомъ. Это важное событіе, потому что жара была очень тяжелая. Я нынче только послѣ дождя съѣздилъ въ деревню Каменку, гдѣ недружное общество и столовая не ладится, такъ что я совсѣмъ отказалъ и перенесу

въ другую деревню. Зато вчера, послѣ того, какъ я писалъ тебѣ письмо на станціи, я поѣхалъ дальше, въ дальнія бѣдныя двѣ деревни, Губаревки, и тамъ все идетъ прекрасно. Назадъ ѣхалъ черезъ лѣсъ Тургенева—Спасское—вечерней зарей: свѣжая зелень въ лѣсу подъ ногами, звѣзды въ небѣ, запахи цвѣтущей ракиты, вянущаго березоваго листа, звуки соловья, шумъ жуковъ, кукушки,—кукушка и уединеніе, и пріятное подъ тобой, бодрое движеніе лошади, и физическое, и душевное здоровье. И я думалъ, какъ думаю безпрестанно, о смерти. И такъ мнѣ ясно стало, что такъ же хорошо, хотя по-другому будетъ на той сторонѣ смерти, и понятно было, почему евреи рай изображали садомъ. Самая чистая радость—радость природы. Мнѣ ясно было, что тамъ будетъ такъ же хорошо,—нѣтъ, лучше. Я постарался вызвать въ себѣ сомнѣніе въ той жизни, какъ бывало прежде, и не могъ, какъ прежде, но могъ вызвать въ себѣ увѣренность.

Если тебѣ сколько-нибудь непріятно [1]) мое желаніе дать денегъ на столовыя, то посмотри на это желаніе comme non avenu и забудь. Я управлюсь тѣмъ, что есть.

Хорошо, что Миша выдержалъ латынь. Очень бы за него обидно было, если бы онъ опять остался. Я совершенно здоровъ. Напрасно ты посылаешь эти горы провизіи.

Много заняли время полученныя письма, изъ которыхъ многія интересны. Больше читаю, чѣмъ пишу, и не жалѣю, потому что совсѣмъ неожиданно приходятъ новыя мысли, которыя, думается, мнѣ самому полезны. Ну, прощай, цѣлую тебя, Мишу, Сашу. Таня у Олсуфьевыхъ, и прекрасно сдѣлала. *Л. Т.*

596. **8 мая.**

Когда ты уѣзжаешь изъ Москвы? Я теперь жалѣю, что не оставилъ полтавскаго учителя. А то на Соню и Илюшу оставить

---

[1]) Всѣ такія пожертвованія, включая и тотъ случай, когда Левъ Ник. далъ духоборамъ 20 тысячъ на переѣздъ въ Канаду, всегда дѣлались нами съ общаго согласія.

все—не прочно. Но я во всякомъ случаѣ пріѣду, когда ты пріѣдешь. Потомъ можно будетъ съѣздить провѣдать.

597. 9 мая.

Сейчасъ Илья ѣдетъ во Мценскъ съ агентомъ, который привезъ намъ муку, чтобы принять и заплатить деньги. Вчера были у насъ Сережа, Варенька, Маша, и потому я никуда не ѣздилъ. Нынче поѣду въ дальнія деревни. Цѣлую тебя и дѣтей. Что Миша? Не падай духомъ. Я немножко боленъ.

598. 11 мая.

Это, кажется, самый длинный перерывъ, что я не писалъ тебѣ, милая Соня,—третій день. Новаго у насъ ничего. Каждый день все прибавляемъ по столовой, за исключеніемъ вчерашняго дня,—Николина дня. Всѣхъ столовыхъ теперь 10-ть, около 600 человѣкъ. Можно еще прибавить человѣкъ 200, что я и дѣлаю нынче и завтра, если Богъ дастъ, въ двухъ деревняхъ: Михайловъ Бродъ и Плисково. И на томъ покончимъ. Вѣра Г. передастъ тебѣ это письмо и разскажетъ про насъ. Я совершенно здоровъ, немного работаю. Нездоровье мое неисцѣлимое и непріятное—70 лѣтъ даютъ себя чувствовать,—и я привыкаю къ нему. Нынче видѣлъ тебя во снѣ, а вчера цѣлую ночь видѣлъ во снѣ Ванечку, и онъ такой маленькій и миленькій, и я ласкаю его, и радуюсь на него.

Нынче утромъ Миша [1]), согнувъ спинку, озабоченно и махая согнутыми руками, бѣжитъ, спѣшитъ мнѣ навстрѣчу въ дверь. Дверь стукнула: «Извини, милый дѣдушка, что я зашумѣлъ»,—и пробѣжалъ въ спальню, не затворивъ дверь. И изъ спальни слышенъ грубый, заспанный голосъ Ильи (не то, что я не люблю его, Илью, но контрастъ поразителенъ): «Дверь затворяй». Черезъ минуту выбѣгаетъ назадъ Миша въ слезахъ. Онъ искалъ

[1]) Сынъ Ильи, внукъ Льва Николаевича.

шляпу, чтобы бѣжать за В. Г. и Ан., которые только что поѣхали. Шляпа въ передней, но онъ не можетъ достать ее, и спѣшитъ страшно, и плачетъ тихо. Я досталъ ему шляпу, онъ надѣлъ резинку и пустился во весь духъ за ворота и по дорогѣ. Я вышелъ посмотрѣть. Онъ догонялъ В. Г. и Ан., догналъ и поѣхалъ. Потомъ они остановились, и я вижу, что-то бѣленькое идетъ по дорогѣ; потомъ это бѣленькое пошло влѣво. Я рѣшилъ, что это не онъ, а они уѣхали съ нимъ.

Оказывается, это онъ пошелъ къ стаду свиней и вернулся часа черезъ $1^1/_2$ съ разсказами, какъ хрякъ чужой побѣдилъ нашего хряка. Какъ на другомъ концѣ (жизни) естественно чувствуешь свою близость съ ними, какъ начало ея. И странно и жалко, что неизбѣжно они должны нести всѣ тѣ грѣхи, которые набрали предшественники. Утѣшаться тѣмъ, что меньше. И цѣль жизни, или, скорѣе, единственное разумное употребленіе ея, въ томъ, чтобы помочь имъ меньше нести набранныхъ предшественниками привычекъ лжи и зла. Сейчасъ ѣду въ Михайловскій Бродъ. Если ты не пришлешь денегъ, то я обойдусь; если и пришлешь, то я, можетъ быть, возвращу ихъ.—Прощай, милый другъ. Цѣлую тебя и дѣтей. Нынче вѣрно получу отъ тебя извѣстіе. Что Миша?

Л. Т.

599. **12 мая.**

Милая Соня, получилъ сейчасъ твое письмо черезъ Сережу. Какъ жаль мнѣ тебя, что ты все нездорова. Поскорѣе бы тебѣ деревня, гулянье, купанье и спокойствіе. Я писалъ тебѣ, что пріѣду въ Ясную, когда ты совсѣмъ переѣдешь. Это почти необходимо, такъ какъ въ тѣ двѣ недѣли, которыя остались до 28, 29, дай Богъ здѣсь все наладить. Со вчерашняго дня дѣло усложнилось тѣмъ, что въ Чернскомъ уѣздѣ выдана земская ссуда мукою, большею частью на тѣ самыя семьи, которыя ходятъ въ наши столовыя. Надо уменьшить въ этихъ деревняхъ и усилить помощь въ другихъ, особенно въ Мценскомъ уѣздѣ, гдѣ нѣтъ выдачи, и изъ которыхъ ходятъ новыя деревни. Такъ нынче были изъ двухъ,

въ которыхъ, вѣроятно, очень нужна помощь. Вчера и нынче никуда не ѣздилъ, такъ какъ немного разстроился желудкомъ—безъ всякой боли,—но я стараюсь быть осторожнымъ, и нынче къ вечеру совсѣмъ хорошо. Вчера довольно много работалъ, а главное, увидалъ ясно, что́ нужно въ начатыхъ мною работахъ. Нѣтъ той неопредѣленности, которая бываетъ отъ неясности мысли, а ясно видишь, что должно быть, куда надо идти, и задерживаетъ въ работѣ не нерѣшительность и незнаніе какъ, а только время; есть спокойная увѣренность, что если будетъ время, то сдѣлаешь.

Пріятно, что Миша выдерживаетъ, очень радъ этому за него и за себя. Соня мнѣ очень хорошо переписываетъ, вѣроятно, два дня только, но очень хорошо и много. Страхова я колеблюсь пригласить, хотя очень люблю его, и съ нимъ легко, и онъ хорошій работникъ. Но дѣла такъ немного, что Соня почти управится. Помощникъ же лучше женскаго пола, когда я уѣду. Сережа говоритъ про Муромцеву; и прекрасно. Соня хочетъ съѣздить въ Паники, свезти Анночку и Андрюшу. Впрочемъ, она сама напишетъ. Если ты пріѣдешь сюда во время ея отсутствія, то будетъ прекрасно. Посылаю объявленія. Если пожертвуешь сколько-нибудь денегъ, то будетъ хорошо. Если и не пожертвуешь, ничего. Я радъ узнать, что тебѣ и самой этого хочется. То, что у тебя нынѣшній годъ много расходовъ, я знаю.—Прощай, милая Соня. Цѣлую тебя, Мишу, Сашу и Таню. Но ея вѣрно нѣтъ съ тобой.

Л. Т.

600. **14 мая.**

Ты, вѣроятно, уже въ Ясной, милая Соня, и, судя по твоему письму, если все будетъ хорошо, пріѣдешь къ намъ, чему я очень радуюсь, хотя и безпокоюсь, что это утомитъ тебя. Что Дора милая? Какъ-то ея здоровье и положеніе? Я о нихъ—о ней и Левѣ—давно не имѣю извѣстій.

Иду сейчасъ пѣшкомъ въ Каменку и Бастыево. Боюсь, что въ послѣднемъ письмѣ, гдѣ я говорилъ о не совсѣмъ исправномъ

желудкѣ, я вызвалъ твое готовое всегда подняться безпокойство. Я совсѣмъ здоровъ. Вчера ѣздилъ довольно далеко и открылъ 4 столовыя въ Мценскомъ уѣздѣ. Въ Чернскомъ выдаетъ земство очень богато, такъ что естественно наше дѣло перенести въ Мценскій уѣздъ, гдѣ и бѣдноты больше. Вчера я былъ въ деревнѣ знаменитой Кукуевкѣ. И нынче были оттуда мужики. Ужасная нищета!

Сережа былъ у насъ и все разсказалъ, и все у васъ очень хорошо. Только твои безсонницы и запахъ [1]) мучаютъ меня. Это тоже нѣкотораго рода гипнотизація невольная; взята складка, и ты боишься этого состоянія, представляешь себѣ его и потому легко впадаешь въ него. Ты настолько энергична духомъ, что должна побѣдить это.

Сейчасъ пишу, и на столѣ букетъ ландышей, анемоновъ и сирени, и слишкомъ сильный запахъ, но пріятно.

Вчера и нынче ничего не писалъ, послѣ того какъ похвасталъ тебѣ. И не надо. Цѣлую Леву и Дору. Дай Богъ имъ хорошо пережить это важное время.

Л. Т.

Если можно будетъ, захватите мнѣ бѣлыя фуражки.

Отъ Тани получилъ хорошее письмо. Не пишу ей, надѣюсь скоро увидѣть.

601. **20 мая.**

Пишу тебѣ въ Москву, милый другъ, 20-го, 5 часовъ вечера, надѣясь, что ты туда уже благополучно пріѣхала.

Въ Ясную не успѣлъ тебѣ написать, да ты, я думаю, и не ожидала. Новости у насъ слѣдующія: здоровье мое все не такъ хорошо, какъ я привыкъ—болитъ позвонокъ и большая вялость. Но кажется, что лучше. Я вчера довольно далеко тихимъ шагомъ ходилъ пѣшкомъ по лѣсамъ, въ Каменку и Бастыево, а нынче лежу дома, берегусь. Утромъ довольно усердно писалъ, а теперь берусь за письма, изъ которыхъ первое пишу

[1]) Галлюцинаціи обонянія, появившіяся послѣ смерти Ванечки.

тебѣ. Илюша вчера ѣздилъ въ Бастыево и привезъ замѣчательно глупое письмо отъ губернатора, который пишетъ ему, что онъ разрѣшаетъ одну *или двѣ* столовыя и потому проситъ больше не открывать, такъ какъ ему донесъ земскій начальникъ, т.-е. Проташинскій; вчера же я самъ выбиралъ съ Илюшей нуждающихся въ своей деревнѣ и призналъ ихъ больше, чѣмъ записалъ Илюша. Барышню нынче утромъ повезъ Илюша къ Ильинской, въ Ефрем. уѣздъ. Отъ Стаховича я уже получилъ телеграмму, что дѣло уже слушается 19-го въ Трубчевскѣ, а не 21-го, и не въ Орлѣ, какъ было предположено. Вотъ всѣ новости наши. Да вчера еще получено изъ Черни объявленіе на мое имя на 1000 руб. Не знаю, откуда и зачѣмъ.

Когда ты получишь это письмо, уже будетъ оставаться меньше недѣли до нашего соединенія. Надѣюсь, что ты проведешь эту недѣлю, не слишкомъ утруждая себя и сдерживаясь въ своей поспѣшности.

Цѣлую тебя и Мишу. Вели Мишѣ поискать—сама поищи въ моихъ книгахъ—брошюру въ синей оберткѣ: «Истребленіе Аварскихъ хановъ», соч. Невѣровскаго, и привези.

602. **Мая 23. Гриневка.**

Вчера написалъ тебѣ, милый другъ, въ Москву. Надѣюсь, что ты получила, какъ ожидала. Вчера пріѣхалъ Семенъ (поваръ), и вчера же было отъ тебя письмо. А сегодня пріѣхала Таня и привезла кучу писемъ, на которыя я сейчасъ отвѣчаю.

Третьяго дня отвезли 13 писемъ. Въ числѣ этихъ писемъ есть извѣстіе отъ режиссера петербургской драматической труппы, которая собрала 2000 рублей для голодающихъ Тульской губ. Я отвѣчалъ, и постараюсь помѣстить ихъ въ Ефрем. уѣздѣ или и въ здѣшней мѣстности, но послѣ урожая (который такъ дуренъ). Я такъ и написалъ режиссеру.

1000 рублей получилъ отъ Мансуровой и 500 рублей отъ Кудашевой изъ Кіева.

Вчера были здѣсь, т.-е. у насъ, студентъ и курсистка, которые пріѣхали съ деньгами отъ Вольноэкономическаго общества въ Мценскій уѣздъ, за 40 верстъ отъ насъ, и ихъ высылаютъ. Наша барышня—Муромцева—пріѣхала болѣзненная, но кроткая и усердная. Илюша нынче поѣхалъ къ губернатору.

Я совершенно здоровъ; по утрамъ пишу и вечеромъ бодръ. Вчера ѣздилъ въ бѣдную деревню, 10 дворовъ, 4 лошади и 4 коровы; денегъ во всей деревнѣ нѣтъ ни копейки. Шубы и кафтаны заложены. И было радостно видѣть, что можно помочь хоть немного, хоть на время. Оттуда заѣхалъ въ Гущино на ужинъ (тоже очень бѣдная деревня, 50 домовъ, 24 безъ лошадей). Засталъ 80 человѣкъ за столами подъ навѣсомъ-дворомъ. Чинно и весело сидятъ старики съ стариками, старухи съ старухами, дѣти съ дѣтьми. Хозяинъ обходитъ съ ковригой и ножомъ, подкладывая хлѣбъ, у кого съѣденъ. Удивительно чинно и трогательно. Нынче никуда не ѣздилъ. Сейчасъ пойду пройдусь. Цѣлую тебя и Мишу.

Л. Т.

Какъ ты доѣхала? Надѣюсь увидать Вестерлунда [1]). Посылаю объявленія. Дунаеву милому, пожалуйста, скажи, что помоему пока предпринимать ничего не нужно.

603. **25 мая. Гриневка.**

Ты, вѣроятно, уже получила мои послѣднія два письма. Съ тѣхъ поръ ничего новаго. Я продолжаю быть здоровъ. Два дня былъ занятъ писаніемъ отчета и статьи объ употребленіи пожертвованій. Не знаю, куда направить. Попробую въ «Петербургскія Вѣдомости», а потомъ «Сынъ Отечества» или «Биржевыя»; поручу это Меньшикову [2]). До скораго свиданья. Ѣду на почту въ надеждѣ получить отъ тебя письмо.

---

[1]) Докторъ Вестерлундъ, отецъ жены сына Льва, пріѣзжалъ изъ Швеціи навѣстить свою дочь, Дору.

[2]) Михаилъ Осиповичъ, журналистъ.

604. **27 мая.**

Я писалъ тебѣ, милый другъ Соня, не совсѣмъ опредѣленно о своей поѣздкѣ въ Ефремовскій уѣздъ, потому что не окончательно рѣшилъ; но нынче, 27-го, рѣшилъ, что необходимо это сдѣлать и распредѣлить поступающія ко мнѣ деньги наилучшимъ образомъ, и мы сейчасъ съ Соней выѣзжаемъ къ Цуриковымъ, оттуда къ Афремовымъ, оттуда къ Левицкимъ уже завтра.

Соня ухаживаетъ за мной даже слишкомъ, и я самъ себя берегу, имѣя тебя въ памяти. Я ждалъ нынче твоего письма, но къ сожалѣнію не получилъ. Я телеграфирую тебѣ и попрошу тебя телеграфировать въ Караси, до востребованья, когда ты выѣзжаешь. Я могу окончить все такъ, чтобы быть дома въ Тулѣ въ 5 часовъ 29-го; но если ты не пріѣдешь 29-го, то и я лучше, не торопясь, пріѣду 30-го. Все это, какъ я всегда люблю прибавлять, если мы всѣ будемъ живы и здоровы. Очень радъ за Мишу, что онъ кончилъ, и болѣю за тебя, что ты очень устаешь и много трудишься скучными дѣлами. Я, было, разстроился вчера и потому тоже отложилъ отъѣздъ; нынче же чувствую себя совсѣмъ бодрымъ и здоровымъ. Все время, послѣдніе дни, писалъ свою статью о голодѣ; кажется, скромно и понятно, но боюсь, что не пропустятъ. Письмо это самъ завезу въ Черни на почту. Прощай, голубушка, будь здорова и спокойна, насколько можешь. Соня оттуда ѣдетъ въ Паники, а Таня подхватываетъ меня, и мы съ ней возвращаемся въ Ясную [1]).

Прощай, цѣлую тебя и Мишу.

Л. Т.

605.

21 сентября. Изъ Ясной Поляны въ Москву.

Ни разу не написалъ тебѣ, милый другъ, и не оттого, что не помнилъ тебя и не желалъ написать, а рѣдко мнѣ бывало такъ

[1]) Проѣхавъ по жарѣ въ коляскѣ около 90 верстъ, Левъ Ник. заболѣлъ очень сильной дизентеріей съ жаромъ и проболѣлъ у Левицкихъ 10 дней. Я поѣхала туда спѣшно, сама больная, въ жару и грипшѣ. Послѣ этого все лѣто мы не разставались.

много дѣла, какъ эти дни. Дѣло, много дѣла у меня не оттого, что извнѣ дѣла, а оттого, что работается, и тогда жалѣешь потерять хоть полчаса, а оттого устаешь. А жалѣешь потерять потому, что знаешь, что такихъ полчасовъ осталось уже немного. Кромѣ того, и извнѣ. Андрюша съ Ольгой, и Самарины, и еще кто-то. Я, впрочемъ, люблю это. Еще поправлялъ нѣмецкій переводъ Христіанскаго ученія, который мнѣ прислали, прося скорѣе просмотрѣть. Я повѣрялъ его два дня съ Сашей, которая ко мнѣ очень мила и которую я помню. Еще духоборческія дѣла, которыя находятся въ очень напряженномъ состояніи. Надо ѣхать 2000 человѣкамъ, а денегъ не хватаетъ 50 тысячъ. Вѣрю, что устроится, и дѣлаю, что могу, не волнуясь, но и не унывая [1]).

Ну, тебѣ нечего жалѣть о природѣ. День хорошій былъ только одинъ, кажется. Машенька [2]) каждый день покапризничаетъ немножко, а потомъ очень мила.

Самаринъ былъ очень мнѣ пріятенъ, надѣюсь, что и я ему. Сережа уѣхалъ въ П. и вѣроятно скоро будетъ у насъ. Объ Андрюшѣ съ Ольгой ничего не пишу, потому что знаю, что ты поступишь хорошо.

Прощай, цѣлую тебя. *Л. Т.*

За книги благодарю.

606.

Безъ числа. Тогда же. Начало ноября.

Ты во всякомъ письмѣ меня немного упрекаешь, милая Соня, а я, напротивъ, въ эту нашу разлуку особенно часто и охотно пишу тебѣ. Ты говоришь, что ошибаешься, думая, что я отдалъ отрывокъ для того, чтобы тебѣ сдѣлать непріятное. Напрасно. Мнѣ всегда всей душой хочется сдѣлать все, что тебѣ хорошо и пріятно, и, разумѣется, твое желаніе для меня много значитъ [3]).

---

[1]) Шло устройство переселенія духоборовъ въ Америку на деньги, вырученныя съ „Воскресенья“.

[2]) Сестра Льва Николаевича—Марія Николаевна.

[3]) Отрывокъ, о которомъ рѣчь, это—„Изъ записокъ матери“, который я хотѣла дать для публичнаго прочтенія.

Нынче было первое солнце, кажется, за два мѣсяца, прекрасный день. Я совершенно здоровъ и очень усердно и много работаю два послѣдніе дня.

Посѣтители у насъ не переводятся. То были Маклаковъ съ Плевако [1]). Плевако даровитый и скорѣе пріятный человѣкъ, хотя не полный, какъ всѣ спеціалисты.

Вчера пріѣхали Суллержицкій и Арчеръ [2]). Нынче Сережа. Арчеръ передастъ тебѣ это письмо. Я хотѣлъ, чтобъ онъ познакомился съ тобой. Онъ невзрачный, но очень хорошій и замѣчательно дѣловито-умный человѣкъ. Ты ничѣмъ къ нему не обязана и не стѣсняйся имъ.

Твое нездоровье, было, смутило насъ, и мы съ Таней подумывали ѣхать къ тебѣ, но послѣднее письмо успокоило. Дай Богъ, чтобъ Мишино душевное состояніе пришло въ порядокъ. Я надѣюсь и вѣрю въ его доброе чувство. Теперь за душу тянетъ Маша. Видно, она не въ силахъ была вы́носить. Очень жаль ее, хотя она нравственно очень разумно и хорошо относится къ своему положенію [3]). Положеніе ея такое: были схватки (она говоритъ), потомъ прошло, и вотъ три дня ничего. То она лежала, нынче ходила гулять, и только тяжесть внизу живота и движенья нѣтъ. Нѣтъ тоже и никакихъ истеченій.

Мишу и Сашу цѣлую и благодарю за письмо. Что-то ея воспитанникъ, Андрей? Онъ ее осрамилъ своимъ обращеніемъ съ тобой передъ отъѣздомъ. Какъ это мнѣ всегда больно слышать. Ужъ имъ ли тебѣ грубить? Марью Алексѣевну Маклакову благодарю за груши. Необыкновенно вкусныя.

Прощай, милая Соня, цѣлую тебя.

Л. Т.

---

[1]) Ѳед. Никиф. Плевако, извѣстный адвокатъ.

[2]) Участники въ переселеніи духоборовъ въ Америку.

[3]) Въ ней умеръ ребенокъ, котораго она и родила преждевременно—мертваго.

607.

Безъ числа. Того же времени.

Кромѣ живой грамоты, Маши, посылаю тебѣ и мой почеркъ, милая Соня. Жизнь наша идетъ хорошо, и погода 2-й день теплая и сухая. Жаль, что ты не пріѣхала. Можетъ быть, твоя осенняя тоска прошла бы. Нынѣшняя осень и на всѣхъ дѣйствуетъ удручающе. У меня, не переставая, болитъ голова и два дня не могъ работать. Нынче опять работалось, но голова все болитъ.

Твое письмо ко мнѣ было грустное и доброе, и трогательное, а нынѣшнее къ Танѣ—хуже. Какъ жаль Сережу. Я однако не перестаю надѣяться, что она образумится. Что́ между ними,—не знаю, но увѣренъ, что самолюбіе и гордость, отсутствіе смиренія съ ея стороны. Это можетъ пройти съ годами. Удивительно, какъ иные люди не чувствуютъ тѣхъ обязанностей, которыя налагаетъ на супруговъ сожительство и рожденіе дѣтей. Это не обязанности, а связь, которую нельзя разорвать. А она этого не чувствуетъ.

Ты приписываешь, вѣроятно, неправильное значеніе моему отвѣту Андрюшѣ на вопросъ: хочется ли мнѣ въ Москву? Какъ можетъ хотѣться ѣхать въ мѣсто, гдѣ хуже. Если ѣду, то потому, что ты тамъ, и мнѣ хочется съ тобой быть. А мѣсто хуже—и безпокойствомъ, и отсутствіемъ природы, и всѣмъ тѣмъ, чѣмъ деревня лучше города. Прощай, до свиданья. Цѣлую тебя.

Л. Т.

608.

Безъ числа. Того же времени.

Прочелъ твое письмо къ Танѣ, милая Соня, и ужасно жалко тебя было и боялся за тебя. Ты такъ полагаешь душу на то, чтобы помочь Мишѣ, а онъ такъ жестоко, какъ могутъ только дѣти и находящіеся въ сумасшествіи эгоизма юноши, огорчаетъ тебя. Мнѣ всегда страшно за себя и другихъ, когда подумаешь, что умретъ тотъ, кому дѣлаешь больно. Особенно молодымъ, какъ Миша,—если у него есть сердце,—надо помнить объ этомъ.

Да у него есть сердце, но онъ непробудно пьянъ—не виномъ, а эгоизмомъ удовольствій: похмелье и пьянство, пьянство и похмелье. А это плохо; тратятся жизнь и силы не только тѣлесныя, но и духовныя; берутся привычки, отъ которыхъ потомъ не освободишься. Скажи ему это. Надѣюсь, что онъ очнется, или уже очнулся. Главное, изъ-за минутнаго удовольствія губить счастье истинное, все счастье жизни.

У меня гости: Накашидзе И. П. и Archer, англичанинъ, живущій съ Чертковымъ, привезъ хорошія вѣсти, т.-е. разъясненія всего неяснаго. Чертковъ дѣйствуетъ вполнѣ хорошо [1]). Archer очень хорошій молодой человѣкъ. Я здоровъ, благодарю за посылку. Тебя люблю и помню. Работаю порядочно. На душѣ хорошо. Видѣлъ во снѣ нѣмку и всѣхъ васъ за обѣдомъ.

Л. Т.

609.

Безъ числа. Того же времени.

Мнѣ ужасно совѣстно, милая Соня, что такъ давно не писалъ тебѣ. Послѣднее время у меня насморкъ,—еще съ тѣхъ поръ, или новый былъ, и я былъ вялъ и не поспѣвалъ, или кто спѣшилъ [2]). Нынче тепло и насморкъ прошелъ, но голова болитъ, кажется, отъ угара. Работа идетъ и хорошо, и дурно. Больше въ воображеніи уясняется, а на бумагѣ еще нѣтъ. Нѣтъ того состоянія высшаго обладанія всѣми своими силами, которыя для этого нужны. Посѣтитель у насъ былъ англичанинъ съ Гавайскихъ острововъ для переговоровъ о переселеніи туда духоборовъ. Къ сожалѣнію, уже поздно. Онъ всѣхъ насъ плѣнилъ описаніемъ этихъ чудныхъ острововъ. Другой посѣтитель былъ только Андрюша, который тоже плѣнилъ насъ,—меня, той несомнѣнной перемѣной, которая происходитъ въ немъ. Не даромъ и въ Евангеліи одна пропащая и найденная овца дороже 99.

Еще пришелъ замѣчательный старикъ изъ Симбирской губерніи, христіанинъ, раціоналистъ, который очень замѣчателенъ,

---

[1]) По тому же дѣлу о духоборахъ.

[2]) Т.-е. торопилъ.

если понимать его. Про тебя знаю отъ Анетъ и по письмамъ, и кажется мнѣ, что ты если не вполнѣ въ спокойномъ, то не въ безпокойномъ состояніи духа.

Наши дѣвочки очень хороши, даже собой, что и тебѣ желаю. Желаю тебѣ спокойствія, твердости, которыми бы ты сама была довольна. А то меня всегда пугаетъ и трогаетъ, когда ты говоришь про свою расшатанность. Не вѣрю тому, что ты слаба, а вѣрю, что ты всемогущественна, и будешь всемогущественна въ духовной области.

Я послѣднее время совсѣмъ не выхожу и верхомъ не ѣзжу. Дивная по погодѣ осень. Прощай, милая, цѣлую тебя, хохочущую милую Сашу и могущаго быть милымъ Мишу.

610. **20 ноября.**

Событіе [1]) состоитъ въ томъ, что я, наткнувшись на икону, объѣхалъ ее полями, но на станціи опять встрѣтилъ смотрителя, шедшаго ей навстрѣчу. Я сказалъ ему, что не совѣтую предаваться идолопоклонству и обману. Мужикамъ же, къ сожалѣнію, въ этотъ разъ не пришлось ничего сказать. Также и мужики, кромѣ ласковыхъ привѣтствій, ничего мнѣ не говорили. Я удивляюсь, что ты можешь интересоваться такими пустяками. Я 20-ть лѣтъ и словомъ, и печатью, и всѣми средствами передаю свое отвращеніе къ обману и любовь къ истинѣ, и даже министру писалъ, что, считая это своей обязанностью, я это буду дѣлать, пока живъ. Какъ же тебя можетъ интересовать такой ничтожный случай. Какой дуракъ тебя напугалъ? И какое намъ дѣло до того, что говорятъ въ Петербургѣ или Казани? Цѣлую тебя.

Л. Т.

Письмо это пишу на станціи въ Тулѣ.

---

[1]) Я писала, что въ Петербургѣ ходятъ слухи, будто Л. Н., встрѣтивъ икону, отозвался крестьянамъ неодобрительно о томъ, чѣмъ они заняты, а они якобы возмутились и сказали или сдѣлали ему что-то непріятное.

611. **Ноябрь. Безъ числа.**

Вчера писалъ тебѣ, милая Соня; но хочется еще написать хоть нѣсколько словъ съ Пастернакомъ [1]). Вѣра и Пастернакъ уѣзжаютъ, такъ что у насъ остается только Лиза Оболенская. Какъ ты провела эти два или три дня? Надѣюсь, что хорошо. Если ты хоть немного чувствовала себя лучше, то было бы прекрасно. По изреченію С.: «Paris n'a pas été bâti en un jour».

Только бы ты спокойно ждала успокоенія, зная и твердо вѣря, что оно придетъ.

Маша совсѣмъ здорова. Я чувствую, что переживаю періодъ упадка: не работается, какъ прежде, какъ я тебѣ похвалился. Спокойно ожидаю, когда вернется, стараясь только не испортить того, что сдѣлано въ хорошее время. Такъ и въ жизни надо.

Отъ Сережи телеграмма изъ Тифлиса:

«Получилъ разрѣшеніе, ѣдемъ въ Батумъ 17-го».

Читаю прекрасную книгу, присланную Crosby, «О буддизмѣ».

«Жизнь и смерть одно и то же. Жизнь—постоянная перемѣна, смерть тоже только перемѣна».

«Роскошь, изнѣженность мѣшаютъ душѣ понять себя. Такъ же мѣшаетъ аскетизмъ, мученіе своего тѣла. Въ обоихъ случаяхъ человѣкъ думаетъ о тѣлѣ. А о немъ надо забыть».—Прекрасная книга.

Цѣлую тебя, и Сашу, и Мишу и жду письма нынче. Твой

Л. Т.

612. **Безъ числа. Ноябрь.**

Сегодня получилъ твое маленькое письмецо съ телеграммой Клопова. Намъ кажется, что одно твое письмо къ Танѣ пропало или не дошло. Ты упоминаешь о письмѣ Танѣ, а она получила только коротенькую записку. Мы все живемъ попрежнему. Положеніе Маши все то же. Я много опять работалъ,—не знаю

[1]) Леонидъ Осиповичъ, извѣстный художникъ и преподаватель живописи.

только, хорошо ли; но много и охотно. Безпрестанно думаю о тебѣ, милый другъ, и радъ, что скоро пріѣду. По крайней мѣрѣ буду видѣть и знать и, можетъ быть, помогать твоему душевному состоянію. А то издалека слѣдишь; по тону писемъ утѣшаешься или огорчаешься, можетъ быть, безъ основанія.

О Сережѣ знаю только, что онъ 17-го поѣхалъ въ Батумъ [1]). Нынче пишу ему.

Ботинки и калоши превосходныя и въ самую пору. Погода унылая: тепло, сыро. Сейчасъ вечеръ, я вышелъ походить, темнота и грязь ужасныя. Таня бодрится и хорошо занята. Маша съ Колей переписываютъ. Александръ Петровичъ осрамился, опять началъ пить, и въ пьяномъ видѣ былъ ужасно непріятенъ, не переставая злился и бранилъ всѣхъ: Авдотью Васильевну и меня, такъ что непріятно о немъ вспомнить. Про М. А. ничего не знаемъ. Очень бы хотѣлось мнѣ съѣздить въ Пирогово до отъѣзда. Но погода и дорога такъ дурны, что едва ли исполню это.

Напрасно ты сердишься на запрещеніе вечера [2]). Меня это скорѣе радуетъ. Уже такъ много про меня говорятъ и пишутъ, что я понимаю, какъ многихъ это должно совершенно справедливо раздражать. Мнѣ бы невольно былъ противенъ человѣкъ, о которомъ столько бы говорили такого вздора.

Писемъ особенно интересныхъ не получилъ. Читаю по вечерамъ книгу «О буддизмѣ» и Диккенса. Скажи милой Сашѣ, что радуюсь услыхать ея смѣхъ, и до отъѣзда мнѣ какъ разъ остается ея 6 грушъ.

Прощай, цѣлую тебя, Мишу и Сашу.

Л. Т.

613. **Безъ числа. Ноябрь.**

Пишу, милый другъ, дѣйствительно для того, чтобы ты видѣла мой почеркъ. Гольденвейзеръ тебѣ все разскажетъ. Мы всѣ здоровы. Я только не похвалюсь работой эти послѣдніе дни.

---

[1]) Сынъ Сергѣй провожалъ духоборовъ въ Канаду.

[2]) Запрещенъ былъ предполагавшійся вечеръ въ честь Толстого, гдѣ долженъ былъ читаться „Отрывокъ“ (см. выше).

Марксу послалъ свое согласіе, взявъ только 12 тысячъ подъ одну повѣсть [1]). Суворинъ предлагалъ тѣ же условія. Можетъ быть, коли будетъ нужда и время, и силы, дамъ ему другую.

Какъ ты начала жить? Пожалуйста, ne veille pas до 3-хъ часовъ. Это ужасно разстраиваетъ. Таня весела. Ѣдетъ провожать Стаховича. Пиши. Цѣлую тебя, Сашу и Мишу.

Л. Т.

614. **Безъ числа. Ноябрь.**

Не могу отдѣлаться отъ умиленнаго и грустнаго чувства, милая, дорогая Соня, когда вспоминаю твои утреннія слезы въ день отъѣзда. Я совершенно увѣренъ, что то хорошее, божеское, котораго такъ много въ тебѣ, побѣдитъ все то, что тебя угнетаетъ и томитъ, всю ту апатію и безсодержательность жизни, на которую ты жалуешься, и что еще будешь жить радостной, твердой и спокойной жизнью.

Я только боюсь, какъ бы не помѣшать тебѣ, а помогать я не могу ничѣмъ инымъ, кромѣ увеличиваніемъ любви къ тебѣ, которое я въ послѣднее время постоянно чувствую.

У насъ полонъ домъ народа. Завтра не будетъ никого, кромѣ Пастернака. Я вчера далеко ѣздилъ верхомъ, нынче только гулялъ съ Волькенштейномъ и много работалъ. Оба дня болитъ немного голова, и чувствую себя небодрымъ.

Пишу нынче Марксу, чтобъ отложить печатанье до марта. Это нужно и мнѣ, и Пастернаку, и издателямъ за границей. Вчера получилъ остальныя корректуры до 40-й главы включительно. Пастернаковскіе наброски—прекрасны [2]). Пожалуйста, пиши, голубушка, почаще и не злоупотребляй своимъ здоровьемъ—ходи, не торопись никуда и раньше ложись.

Пока прощай. Я радъ, что хоть немного поговорилъ съ Мишей. Онъ произвелъ на меня своимъ разговоромъ хорошее впечатлѣніе. Надѣюсь, что это было искренно и твердо. Толстую, милую Сашу цѣлую.

Л. Т.

---

[1]) „Воскресеніе“.

[2]) Иллюстраціи къ роману „Воскресеніе“.

615. **28 ноября.**

Нынче получили твое письмо къ Танѣ. Я непремѣнно пріѣду 1-го съ курьерскимъ, и радуюсь мысли быть съ тобою. У насъ все попрежнему хорошо.

Л. Т.

616. **1 декабря.**

Сижу и мучаюсь о твоемъ физическомъ и, главное, духовномъ состояніи и упрекаю себя. Ты говоришь, что я хочу быть правымъ. Напротивъ, я хочу быть виноватымъ, и чувствую себя виноватымъ за то, что не сумѣлъ сдѣлать такъ, чтобы не огорчать тебя. Если ты страдаешь, и отъ меня, то, стало быть, я виноватъ. И жестоко каюсь въ этой винѣ. Если ты была возбуждена и нервна, то тѣмъ болѣе я виноватъ, что во́-время не перенесся душой въ тебя и не пожалѣлъ тебя. А жалѣю теперь, но поздно. Мнѣ такъ, взвѣсивши всѣ pour и contre московской жизни, равно гдѣ быть—такъ какъ тамъ неудобства города, но преимущество быть съ тобой совершенно уравновѣшиваются,—что не было никакого основанія мнѣ не хотѣть ѣхать. Если я сказалъ вчера, что мнѣ лучше не ѣхать, то только потому, что я усталъ еще и не хотѣлось суеты переѣзда.

Ну, да все равно; какъ бы ни было, нѣтъ причины огорчаться, и я съ радостью пріѣду, особенно теперь, потому что не буду спокоенъ за тебя.

Пишу, и не пишется, потому что ты такъ напугала меня тѣмъ, что всѣ слова мои понимала такъ, что они огорчали тебя, что боюсь писать... Ну, да что мнѣ говорить. Если я по недоразумѣнію и дурному, усталому настроенію огорчилъ тебя нечаянно, то прости меня. Я потому прибавляю: нечаянно, потому что не могъ нарочно сдѣлать тебѣ больно, такъ какъ,—я писалъ тебѣ и говорилъ,—я въ послѣднее время чувствовалъ все только бо́льшую и бо́льшую любовь къ тебѣ.

Ну вотъ, отвѣчай поскорѣе, а я поскорѣе пріѣду и, можетъ

быть, въ этотъ промежутокъ съѣзжу въ П. [1]); но главное дѣло то, чтобы ты не страдала такъ, какъ ты страдаешь и страдала, уѣзжая. Страдая такъ, ты страдаешь не одна, а и я тоже. И не могу же я de gaîté de coeur себя мучить. Стало быть, если это случается, то по какому-то недоразумѣнію. Цѣлую тебя. Напиши скорѣе.

Л. Т.

Послѣ этого послѣдняго письма Левъ Ник. на другой день пріѣхалъ въ Москву, откуда мы всей семьей уѣхали 20 декабря въ Ясную Поляну, гдѣ провели праздники, и вернулись въ Москву 10 января, уже не разставаясь.

1899 годъ.

Письмо изъ Москвы въ Кіевъ, куда я поѣхала къ опасно заболѣвшей сестрѣ, Т. А. Кузминской.

617. **12 февраля.**

Не писалъ тебѣ вчера, милая Соня, потому что всталъ съ очень сильной болью въ рукѣ и съ лихорадочнымъ состояніемъ. Нынче совершенно здоровъ и могу писать, не боясь встревожить тебя.

Съ замираніемъ сердца ждемъ извѣстій о милой, дорогой Танѣ. Я рѣшилъ, что поѣду, если только Саша поѣдетъ; но ему нельзя ѣхать, и мы остались. Съ одной стороны, это лучше, потому что я старъ и слабъ и могу стѣснить тѣхъ, кого хочу видѣть. Хотя я рѣшилъ остановиться въ гостиницѣ. Спрашиваю у докторовъ: что? какъ?—ползучее воспаленіе. Говорятъ, что при сильномъ организмѣ—ничего. Знаю, что всѣ умремъ, что въ смерти нѣтъ ничего дурного, а больно. Очень я ее люблю. Скажи ей это, если можно. Жаль и Александра Михайловича, и дѣтей.

---

[1]) Пирогово.

У насъ все хорошо. Миша и вчера, и нынче не ходилъ отъ сильнѣйшей зубной боли. Нынче раздулась щека. Посѣтители одолѣваютъ. Но нынче въ первый разъ немного поработалъ хорошо. Что ты? Нѣтъ еще писемъ отъ тебя. Береги себя и помогай имъ. Отъ Сережи письмо къ тебѣ. Все еще въ карантинѣ [1]). Интересныя подробности. Цѣлую тебя и всѣхъ Кузминскихъ.

Л. Т.

618. **14 февраля.**

Очень жутко писать тебѣ, милая Соня; пишешь, не знаешь куда, въ какое положеніе. Сейчасъ получилъ твое 3-е письмо, письмо почти безнадежное, и мы были бы въ отчаяніи, если бы не третьягодняшняя телеграмма, обнадеживающая. Письма твои не могу безъ слезъ читать. Чувствую и всю напряженность твоего положенія, и только жалѣешь, что не можешь самъ быть съ вами. Всѣ наши новости такъ блѣдны въ сравненіи съ тѣмъ, что происходитъ у васъ. Какъ хорошо и вѣрно она сказала о томъ, что религіозное чувство разрастается въ тѣ минуты, когда становишься лицомъ къ лицу съ Богомъ. Кабы пріучаться помимо смерти вызывать въ себѣ это разрастаніе.

Таня простужена, насморкъ. Миша былъ боленъ. Былъ директоръ лицея, я съ нимъ говорилъ, стараясь поддержать его въ его добромъ расположеніи къ Мишѣ. У меня болитъ спина и большая слабость и насморкъ—не выхожу. Ничего особеннаго не случилось. Отъ Сережи нѣтъ новыхъ свѣдѣній. Пріѣхалъ Бакунинъ изъ Канады. Онъ не видалъ Сережу. Знаю только по вырѣзкѣ изъ англійскихъ газетъ, присланной Чертковымъ, что они выѣхали изъ карантина и поѣхали въ Виннипегъ. Сережа велѣлъ писать себѣ въ Нью-Іоркъ, куда я нынче писалъ ему и Crosby, который, надѣюсь, тамъ приметъ его хорошо.

Очень ждемъ нынче телеграммы. Если не будетъ нынче, завтра пошлю съ вопросомъ. Я ничего не пишу. Имѣю отвращеніе къ

---

[1]) Пароходъ съ духоборами.

своей работѣ. Только окончилъ всѣ письма и статью самую простую съ отчетомъ о распредѣленіи денегъ.

Посѣтители все не даютъ покоя... Вотъ и невозможно писать тебѣ, потому что не знаешь, въ какомъ положеніи дѣла и твое душевное состояніе. Во всякомъ случаѣ нѣжно цѣлую тебя и раздѣляю душой твои чувства. Цѣлую Машу, Вѣру и всѣхъ.

Письма въ Москву съ дороги, весною, когда 14 мая Левъ Ник. съ дочерью Таней поѣхалъ въ Пирогово къ дочери Машѣ Оболенской и къ брату Сергѣю Николаевичу.

619. **14 мая.**

Писать, разумѣется, нечего, кромѣ того, чтобы своимъ почеркомъ сказать, что все бы хорошо, если бъ знать, что ты здорова. Доставь намъ и себѣ это удовольствіе—извѣсти завтра, что ты ѣдешь совсѣмъ здоровая. Я пріѣду съ Таней, если ты пріѣдешь во вторникъ.

Л. Т.

620. **15 мая.**

Пишу тебѣ отъ Маши. День провелъ у нея, былъ вечеромъ у Сережи и сейчасъ пріѣхалъ съ Таней и Наташей. Вчера вечеръ провели у Сережи, куда я прямо пришелъ. Радуюсь и видѣть ихъ, и ихъ радости. Все очень хорошо, и я здоровъ и все утро работалъ. Завтра жду отъ тебя извѣстій.

Л. Т.

Письмо въ Кіевъ, куда я ѣздила съ дочерью Сашей навѣстить мою сестру Т. А. Кузминскую, жившую подъ Кіевомъ, въ Китаевѣ, на дачѣ.

621. **10 августа.**

Спасибо милой Сашѣ, что написала о тебѣ. Мы рады были узнать, что ты здорова и спокойна. Надѣюсь, что такъ же будетъ и далѣе. У насъ не скажу, чтобы было дурно, но и не сказать, чтобы хорошо. Не хорошо то, что все мы не совсѣмъ здоро-

вы, мы съ Таней—животами. Я берегусь и почти не выхожу; принимаю висмутъ и на ночь кладу компрессъ. Но хоть сильныхъ болей нѣтъ, все нытье. Катаръ не проходитъ. Таня тоже не совсѣмъ исправна животомъ, а про Машу извѣстія отъ Коли, что она совсѣмъ лежитъ—потери крови и слабость. Не хорошо тоже то, что Миша уѣхалъ куда-то къ Ильѣ, а вчера уѣхалъ и Андрюша и огорчилъ этимъ Ольгу [1]).

Дождь льетъ, не переставая.—Вотъ это все не совсѣмъ хорошее, а хорошее то, что я очень занятъ, и на душѣ спокойно.

Вчера былъ Дунаевъ, которому я очень радъ, и пріѣхали опять барышни Стаховичъ, которымъ Таня рада. Нынче уѣзжаютъ. Таня, Игумнова [2]) и Колечка рисуютъ Ольгу.

Цѣлую всѣхъ Кузминскихъ. Съ трудомъ могу себѣ представить ихъ молодое поколѣніе, желалъ бы посмотрѣть на всѣхъ ихъ. Надѣюсь, что тебѣ будетъ хорошо у нихъ, и что ты вернешься здоровая, здоровѣй, чѣмъ поѣхала.

До свиданья, цѣлую тебя. *Л. Т.*

1900 годъ.

Письма изъ Пирогова, имѣнія брата Сергѣя Николаевича и дочери Маши тамъ же.

622. **6 мая.**

Доѣхали мы очень хорошо. Буланже настоялъ, чтобы мы перешли въ директорскій вагонъ съ салономъ и всякими удобствами. Не замѣтили, какъ доѣхали до Тулы. Выѣзжалъ къ намъ Андрюша. У нихъ все хорошо. На станціи Лазарево не было лошадей, и телеграмма только что была отослана. Я шелъ пѣшкомъ; вечеръ былъ чудный, и мнѣ было очень пріятно.

---

[1]) Ольга Константиновна, первая жена Андрея Львовича.

[2]) Художница, Юлія Ивановна.

А Таня наняла и догнала меня за Ржавой. Немного проѣхали, встрѣтили лошадей Сережи. Маша лежитъ. Похоже, что опять готовится выкидышъ. Благодаря твоимъ заботамъ, я и дорогой ѣлъ прекрасно. У Маши поужинали, поговорили. Она лежитъ, но не страдаетъ. Ночь провелъ прекрасно. Чудное утро. Я только пошелъ къ колодцу, пріѣхалъ Сережа, поговорилъ съ нимъ, они поѣхали къ М. Бибиковой [1]), я немного занялся, а сейчасъ иду обѣдать. Цѣлую тебя и дѣтей. *Л. Т.*

Я совсѣмъ здоровъ, забылъ я только ботинки съ толстыми подошвами.

623. **6 мая.**

Все у насъ было бы хорошо, если бъ не бѣдная Маша, у которой, вѣроятно, выкидышъ. Нынче пріѣхалъ Рудневъ и ночуетъ. Теперь онъ не можетъ рѣшить, а завтра опредѣлитъ. Я съ нимъ посылаю это письмо. Нынче же пріѣхали два англичанина: St. John и Kennworthy, и съ ними Буланже. На бѣду вчера была гроза и ливень; сорвало мельницу и мосты, такъ что съ Сережей нѣтъ сообщенія. Переѣзжаютъ съ трудомъ въ бродъ. Я вчера ходилъ къ Машѣ Бибиковой. Очень хорошо у нея. И дѣвочка хорошая. Погода чудесная. Стало было свѣжо, но къ вечеру опять хорошо. Я сталъ работать и ѣмъ вдвое противъ Москвы и чувствую себя прекрасно. Англичане немного тяжелы, но нельзя не быть обходительными съ ними. Что-то ты дѣлаешь? Здорова ли? Поѣхала ли въ Петербургъ? Такъ хочется сказать тебѣ, чтобы ты меньше тревожилась и принимала все къ сердцу, но ты сама знаешь, что это надо. Цѣлую тебя и Сашу, и Мишу. *Л. Т.*

624. **7 мая.**

Вотъ и еще пишу. Что значитъ деревенская тишина. Несмотря на англичанъ, которые очень милы и интересны, но тяжелы. Руд-

[1]) Маша, дочь Сергѣя Николаевича, замужемъ за С. В. Бибиковымъ.

невъ опредѣлилъ у Маши несомнѣнный выкидышъ. Она слаба, но, кажется, никакихъ осложненій нѣтъ; но горе то, что заболѣла милая Наташа [1]), которая все дѣлала въ домѣ. У нея жаръ и голова болитъ; 39 температура и 140 пульсъ, но теперь жаръ спалъ. Погода прекрасная, тихій весенній дождь. Мы ходили—Буланже и 2 англичанина—къ Сережѣ и теперь вернулись, поужинали, и сегодня Буланже ѣдетъ. Я пишу съ нимъ. У меня на столѣ фіалки. Скоро будутъ ландыши. Я здоровъ. Но нынче немного хуже работалъ. Какъ ты переносишь свою суету? Старайся не торопиться и не переутомиться. Захарьинъ [2]) не велитъ. Цѣлую тебя, Мишу и Сашу. *Л. Т.*

7 мая, 10 часовъ вечера. Сейчасъ ложусь спать.

625. **12 мая.**

Пишу тебѣ, милая Соня, отъ брата Сережи, чтобы сказать тебѣ, что у насъ все очень хорошо. Маша нынче одѣлась и встала съ постели, лежитъ на диванѣ и поправляется. Наташа, было заболѣвшая, совсѣмъ поправилась. Я совсѣмъ здоровъ. Бѣда моя только въ томъ, что я послѣ завтрака сейчасъ ходилъ въ лѣсъ, набралъ незабудокъ (фіалки отошли) и иду домой. Съ Сережей мнѣ очень пріятно. Онъ все такой же. Былъ ли у тебя St. John? Я очень полюбилъ обоихъ англичанъ. Какъ ты дѣлаешь дѣла? I hope, что ты не будешь себя мучить уборкой дома и собираясь въ Ясную. Больше писать нечего. Цѣлую тебя, Сашу и Мишу.

626. **14 мая.**

Получилъ я сейчасъ твои два письма, милая Соня, отъ 12-го и письмо Тани, очень зовущей меня теперь къ себѣ. Я теперь къ ней никакъ не поѣду, потому что желаю пріѣхать въ Ясную,

[1]) Наталья Леонидовна Оболенская, сестра Николая Леонидовича, мужа Маши.

[2]) Упоминаніе о профессорѣ, извѣстномъ московскомъ докторѣ, лѣчившемъ Льва Николаевича и нашу семью.

какъ скоро ты туда пріѣдешь. Дай мнѣ, пожалуйста, знать, когда ты ѣдешь, и я тогда пріѣду въ тотъ же день или на другой. Ты пишешь, что пріѣдешь 17-го, такъ я пріѣду 18-го вечеромъ во всякомъ случаѣ. Если только тебя что задержитъ, то напиши мнѣ или телеграфируй. Маша поправляется, я очень здоровъ и бодръ, кончаю свою работу. Радъ, что тебѣ было пріятно въ Петербургѣ. Цѣлую тебя.

Л. Т.

Безъ года и числа. Предполагаю 1900 года. Изъ Ясной Поляны.

627.

Сейчасъ ѣдутъ, напишу два слова. У насъ не весело. Андрюша что-то бушевалъ съ бѣдной Ольгой, такъ что мы ужинали вдвоемъ съ Юл. Ив. Но теперь прошло, и онъ бѣгаетъ ей за чаемъ и за яйцами. Все-таки я радуюсь на него сравнительно съ тѣмъ, что былъ. Не умѣетъ еще сдерживать себя. И мы были грѣшны.

Письмо Тани везу; надѣюсь, что извѣстія хорошія. Дай Богъ. У насъ былъ Кунъ [1]), обѣдалъ, и мы пріятно бесѣдовали. Я два дня почти не выхожу и плохо работаю. Прощайте всѣ, до свиданья. Мы ѣдемъ послѣзавтра съ курьерскимъ, какъ хотѣли. Думалъ съѣздить къ Сережѣ и прямо оттуда ѣхать въ Москву, да нѣтъ здоровья.

Л. Т.

Письмо въ Москву, куда я ъздила показать больной глазъ глазному врачу. Осенью.

628.

Не знаю, написала ли тебѣ Саша и что написала. Она уѣхала въ Овсянниково. Я же и такъ хотѣлъ написать. У насъ все хорошо. Я совершенно здоровъ желудкомъ. Если есть что, или

[1]) Генералъ Кунъ, начальникъ тульскаго ружейнаго завода.

скорѣе было, то насморкъ и какое-то унылое, дурное расположеніе духа, которое началось еще при тебѣ. Нынче же все хорошо. Я говорю: «у *насъ* все хорошо», въ противоположность того, что у Сережи [1]) и Сони [2]), какъ ты увидишь изъ грустныхъ писемъ. Какъ мы всѣ близки къ смерти! Какъ даже въ старости, какъ я, недостаточно живо это помнимъ. Недостаточно потому, что всегда дѣлается лучше, когда живо вспомнишь и представишь себѣ.

Что твой глазъ? Я остановился на томъ, что ты ѣдешь къ Крюкову [3]). Какъ и остальныя дѣла, и скоро ли ты ихъ кончишь? Цѣлую тебя. Бывало писалъ: «и дѣтей». А теперь и при тебѣ нѣтъ, и при мнѣ одна Саша. Дня три тому назадъ былъ у Андрюши съ Сашей. У него очень хорошо по внѣшности. Но и внутренно не дурно.

1901 годъ.

Письма изъ Ясной Поляны въ Москву, куда я ѣздила по дѣламъ.

629. **26 мая.**

Отъ тебя ни одного письма, милая Соня. Надѣюсь, что это ничего не значитъ дурного. Колечкино письмо, боюсь, огорчитъ тебя, но надо надѣяться, что онъ покончитъ свои дѣла и пріѣдетъ. У насъ все хорошо, я здоровъ, только немного болятъ колѣнки, но въ общемъ гораздо лучше. Такъ что Усова [4]) мнѣ было бы очень непріятно безпокоить. Ты вѣрно съ нимъ видѣлась и посовѣтовалась о своемъ кашлѣ. Лева вчера уѣхалъ къ Ильѣ. Онъ, кажется, ворчитъ на Дору, и это очень жалко.

---

[1]) У сына Сережи умерла жена Маня.

[2]) У невѣстки Сони Толстой серьезно заболѣла мать, Соф. Ал. Философова.

[3]) Профессоръ по глазнымъ болѣзнямъ.

[4]) Московскій докторъ, лѣчившій Льва Николаевича.

Вчера вечеромъ,—мы еще не спали и ждали ихъ,—пріѣхали двѣ сестры: Лизанька и Варенька съ своимъ мальчикомъ. Сестры всѣ очень рады видѣть другъ друга. Маша не очень плоха. Ее не рветъ больше. Я пользуюсь чудеснымъ лѣтомъ,—уже не весной, и очень жалѣю, что тебя дѣла держатъ въ Москвѣ. Тутъ пріѣзжалъ изъ Рязани господинъ съ адресомъ; потомъ были два поразительные по уму и серьезности молодые рабочіе изъ Москвы и несчастный Александръ Петровичъ, кривой, которому бы надо дать денегъ и который сейчасъ уходитъ.

Сейчасъ далъ хворосту той брюхатой погорѣлой бабѣ, которую ты особенно пожалѣла. Были и остальные погорѣлые, трое; я имъ далъ по 10 рублей. Ну, прощай пока, цѣлую тебя. Будь спокойна духомъ и здорова тѣломъ.

Л. Т.

630. **26—27 мая.**

Мнѣ очень совѣстно было тревожить милаго Усова. Онъ пробылъ день, осмотрѣлъ меня и все разскажетъ тебѣ, такъ какъ хотѣлъ заѣхать къ тебѣ и послушать тебя.

Мы совершенно одни съ Сашей, а у насъ за столомъ было, кажется, 20 человѣкъ: три сестры, трое дѣтей, 7-я нѣмка, Лева съ Дорой—9, Маша съ Колей—11, мы съ Сашей—13 и Кунъ—14. Мнѣ жаль, что ты не съ нами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и хорошо, а то ты бы безпокоилась. Вчера былъ Илюша съ Соней и Анночкой. Они ѣздили на свадьбу Бобринскихъ и заѣхали.

Ну, прощай, цѣлую тебя. До послѣзавтра. Пріѣзжай здоровая и спокойная.

Погода все чудная.

Л. Т.

Послѣ этого мы не разставались вовсе до 1903 года и писемъ не было. 4 сентября 1901 года уѣхали въ Крымъ. Вообще послѣдніе годы мы рѣдко разставались, и то уѣзжали на короткое время, потому и писемъ было мало.

1903 годъ.

Письма изъ Ясной Поляны въ Москву.

631. **2 мая.**

Съ удовольствіемъ исполняю обѣщаніе писать тебѣ, милый другъ Соня, тѣмъ болѣе, что могу дать тебѣ хорошія свѣдѣнія о себѣ и всѣхъ насъ. Я здоровѣе гораздо, чѣмъ былъ при тебѣ, хотя, какъ всегда, слабъ желудкомъ. Погода сырая, я немного гулялъ и не мокну. Работаю и читаю. Хорошо нынче обдумалась ночью моя давнишняя внутренняя работа объ опредѣленіи жизни. Сейчасъ иду чай пить съ Левой, Сашей и Юліей Ивановной, и докторомъ, голоса которыхъ слышу въ залѣ. Сегодня милое письмо отъ Нарышкиной-Чичериной [1]). Что Борисъ Николаевичъ? Поклонись ему черезъ Сережу отъ меня. Прощай, цѣлую тебя.

Л. Т.

632. **Записка безъ числа.**

Вотъ, чтобы ты не думала, что я тебя забылъ, пишу, и вмѣстѣ сказать, что если вчера Юлія Ивановна тебѣ написала, что мнѣ было немножко не по себѣ,—изжога, то нынче совсѣмъ хорошо. Чудная погода и работается порядочно. Желаю, чтобъ тебѣ было хорошо.

Л. Т.

633. **Октябрь. Безъ числа.**

Хочется написать тебѣ, дружокъ, чтобы ты была спокойна и не торопилась. Жаль, что про тебя ничего не знаемъ. Несмотря на гадкую погоду—вчера вѣтеръ, а нынче туманъ и дождь, ѣздилъ съ Павломъ Александровичемъ [2]) верхомъ. Нынче доѣхали до Марьи Александровны. Она здорова. Вчера я былъ очень бодръ и спалъ прекрасно; нынче, вѣроятно, отъ дурной погоды,

---

[1]) Сестра проф. Б. Н. Чичерина.

[2]) Буланже.

сонливость, но здоровъ, нѣтъ болей и изжога только чуть-чуть. У насъ былъ вчера Шаховской [1]) съ либеральной сотрудницей по газетѣ и милый Абрикосовъ. Я все не могу освободиться отъ Шекспира [2]). Ну вотъ и все. Цѣлую тебя.

Л. Т.

634.

Пирогово. 1903 г. 6-го, безъ означенія мѣсяца.

Милая Соня, мы пріѣхали вполнѣ благополучно вчера, 5-го; нынче ѣздили къ Сергѣю Николаевичу. Мнѣ было очень пріятно, и ему тоже. Здоровье его не дурно. У меня только была изжога. Думаю пробыть еще и завтра, т.-е. 7-е. Не ѣду завтра, потому что необстоятельна погода и дорога. Кромѣ того, посылаю телеграмму, которую ты, вѣрно, уже получила. Цѣлую тебя и Сашу. Ю. И. привѣтъ.

Л. Т.

1904 годъ.

Изъ Ясной въ Москву.

635. **Мартъ. Безъ числа.**

Пишу тебѣ два слова съ Щербаковымъ. У насъ все хорошо, погода чудная, всѣ здоровы. Сейчасъ тутъ Илья съ Горчаковымъ, сыномъ Васеньки,—сейчасъ уѣзжаютъ. Что Андрюша? Я радъ за него, что ты съ нимъ, поддерживая его въ его добромъ настроеніи. Надѣюсь, онъ простится съ Ольгой. Прощай, цѣлую тебя.

636. **14 марта.**

Ты нынче зажилась, милая Соня. Но дѣло, которымъ ты занята, самое важное и хорошее. Я сомнѣваюсь, хорошо ли я сдѣлалъ, согласившись съ Ольгой, что ей лучше ѣхать и не возобно-

---

[1]) Кн. Дм. Ив., общественный дѣятель.

[2]) Писалась статья о Шекспирѣ.

влять сношеній. Во всякомъ случаѣ судить между мужемъ и женой—невозможно и не должно. Это я еще разъ видѣлъ на этомъ случаѣ. Одно, что можно совѣтовать, это то, чтобы жить хорошо и тому, и другому. А отношенія между собой они опредѣляютъ сами. У насъ все хорошо. Абрикосовъ ѣдетъ завтра въ Пирогово, и я очень радъ, просилъ его телеграммой извѣстить меня о Машѣ. До свиданья, будь здорова и покойна. Цѣлую тебя.

Левъ Толстой.

637.

Мартъ. Безъ числа. Того же времени.

У насъ все хорошо. Очень жаль Ольгу. Оставаться ей нельзя и не нужно. Но я очень радъ, что они видѣлись и отношенія лучше. По-моему, самое лучшее было бы и ему ѣхать въ Англію, хоть бы не жить съ Чертковыми; но мнѣ кажется, что самое лучшее для него было бы вырваться изъ теперешней привычной обстановки. Впрочемъ, не только трудно, но нельзя ничего ни совѣтовать, ни предвидѣть. Главное, жить хорошо для него—значитъ не нарушать добрыхъ отношеній съ семьей и воздерживаться отъ прежней роскошной жизни. Хорошо будетъ и то, чтобъ онъ пожилъ у насъ въ Ясной.

Аренскіе [1]) были намъ пріятны. Надѣюсь, и мы имъ. До свиданья, цѣлую тебя.

Л. Толстой.

638. **Вѣроятно, весной.**

Очень радъ тому, что ты такъ напомнила мнѣ, чтобы я писалъ. Вотъ и пишу утромъ, 13-го. Ничего не работается. Даже гулять еще не ходилъ, хотя 3 часа. Но здоровъ и сейчасъ пойду. Вчера былъ Сергѣенко съ дочерью,—милая; пріѣхалъ Русановъ. Я съ нимъ пошелъ гулять и встрѣтилъ Сережу. Онъ вчера въ ночь уѣхалъ съ Русановымъ. Андрюша тоже пріѣхалъ, такъ что столъ былъ большой. Была и Марья Александровна. А нынче насъ только пятеро, такъ какъ Саша вчера уѣхала.

---

[1]) Композиторъ Аренскій съ сыномъ.

Вчера читалъ свои письма къ Александрѣ Андреевнѣ и вынесъ изъ нихъ смиреніе и терпимость къ молодымъ. Такъ много въ этихъ письмахъ глупаго и ничтожнаго. Есть кое-что и порядочное.

Погода прекрасная, снѣгъ таетъ. Прощай пока, милая Соня, работай, и утѣшайся, и отдыхай музыкой. Цѣлую тебя.

Л. Т.

Письма въ Ясную Поляну изъ с. Пирогова, гдѣ умиралъ отъ рака въ лицѣ графъ Сергѣй Николаевичъ Толстой.

639. **12 августа.**

Пишу отъ Сережи. Онъ очень страдаетъ и слабъ. Я ничего не рѣшаю, но, вѣроятно, скоро пріѣду: 14-го или 15-го. Цѣлую тебя, Сашу и всѣхъ.

Л. Т.

640. **14 августа. Пирогово.**

Я пробуду еще здѣсь, милая Соня, дня два или три. Самъ не знаю. Уѣхать не хочется, потому что думаешь, что можешь быть ему полезенъ въ самомъ главномъ, въ душевномъ состояніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ очень тяжело быть съ нимъ и чувствовать свое безсиліе помочь ему. Лошадей отсылаю, такъ какъ Маша обѣщается отвезти меня. Во всякомъ случаѣ пробуду не больше 3-хъ дней, считая съ нынѣшняго, 14-го.

Положеніе его ужасно тѣмъ, что онъ не видитъ, не хочетъ видѣть своего положенія и всѣмъ волнуется, капризничаетъ, кромѣ страданья. Слабъ онъ ужасно, шатается, но все одѣвается и ходитъ.

Скажи, пожалуйста, Юліи Ивановнѣ, что Чертковъ пишетъ, что, получивъ все посланное, предисловія къ статьѣ «О революціи» онъ не получилъ. Очевидно, перехватили. Очень прошу ее послать другое съ обратной распиской. Прощай, цѣлую тебя. У меня была сильная изжога, теперь лучше, и погода чудесная.

Л. Т.

Я забылъ записную книжечку на столѣ, спрячь ее. Я занимаюсь все Календаремъ. Легкая и пріятная работа.

641. **16 августа.**

Думаю получить отъ тебя извѣстіе, какъ ты живешь въ своей тихой жизни, здорова ли, не случилось ли что? Завтра будутъ на почтѣ. У Сережи открывается другая язва, и есть опасеніе, что ракъ перейдетъ на другую сторону. Онъ подозрѣваетъ, что ракъ, но не видитъ близость смерти. Мнѣ онъ радъ, но проситъ не пріѣзжать. Я не былъ у него вчера и нынче. Завтра пойду. Хочется вызвать его на серьезный разговоръ, но до сихъ поръ не удалось, и это очень тяжело, видя всю серьезность положенія, говорить о пустякахъ и съ такимъ усиліемъ. И слушать, и говорить ему трудно. Варя тебѣ все разскажетъ. У Маши мнѣ очень хорошо. Особенно пріятна тишина. Я вчера написалъ то, что пытался начинать нѣсколько разъ; разумѣется, не написалъ, а началъ.

Маша болѣетъ головой, и я нынче не такъ хорошо расположенъ, какъ вчера, но здоровье недурно. Прощай, цѣлую тебя. Пиши.

Л. Толстой.

Если не пріѣду 17-го, не тревожься. Значитъ, отложилъ на день или два. Очень ужъ напряженное положеніе.

642. **20 августа.**

Остался дольше предполагаемаго, милая Соня, потому что, какъ я писалъ, тутъ тяжело, а уѣхать, оставить его, когда могу быть нуженъ (духовно), еще болѣе тяжело. Телеграмму ты, вѣроятно, получила. Я приготовилъ ее съ утра, но поручилъ Вѣрѣ, въ чемъ самъ виноватъ, и она пошла только вечеромъ. Во всякомъ случаѣ я намѣреваюсь пріѣхать съ вечернимъ, въ $^1/_2$ 12-го, въ Козловку. Такъ до свиданья, цѣлую тебя. Все разскажу [1]).

20 августа (вечеръ). *Л. Т.*

[1]) Левъ Ник. хотѣлъ непремѣнно провести день моего рожденія, 22-го августа, со мной. Серг. Ник. скончался безъ него, 23-го.

Изъ Ясной Поляны въ Москву. У дочери Саши ошибочно предполагали заболѣваніе скарлатиной.

643. **Ноябрь. Безъ числа.**

Письмо это и Юліи Ивановны придутъ вмѣстѣ, я пѣшкомъ принесъ на Козловку и пишу на станціи. У насъ все хорошо, хотя докторъ и признаетъ болѣзнь скарлатиною. Я думаю и вѣрю, что отъ болѣзней уйти нельзя, и потому не надо ихъ бояться, какъ мокрому дождя.

Погода нынче хорошая, дождя нѣтъ, и хотя гололедица, ходить можно хорошо, не хуже тротуаровъ. Саша огорчена, что прекратила школу. Попроси Давыдова объ Аѳанасьѣ [1]). Я, какъ и все послѣднее время, удивляюсь на свое большое счастье. Цѣлую тебя.

Л. Т.

1905 годъ.

644.

Безъ числа. Вѣроятно, январь.

Хотя Андрюша, все не сидящій на мѣстѣ, разскажетъ тебѣ про насъ, пишу, чтобы сказать, что я здоровъ, о тебѣ очень жалѣлъ, и I hope, что ты скоро благополучно вернешься. Танѣ я написалъ письмецо. Здѣсь Литвиновы. Саша обѣщала пріѣхать. Кромѣ того, пріѣзжаетъ Жозя [2]) съ англичаниномъ, и ждемъ наплыва гостей. Послѣднія извѣстія—третьяго дня о Машѣ—хорошія. Цѣлую тебя.

Л. Т.

645. **17 января.**

У насъ все благополучно, милая Соня. Вчера былъ Наживинъ [3]) съ женой—оба пріятные люди—и Орловъ. Илья Василье-

---

[1]) Крестьянинъ, сосланный въ Сибирь за кощунство.

[2]) Іосифъ Константиновичъ Дидерихсъ, братъ А. К. Чертковой.

[3]) Писатель Иванъ Ѳедоровичъ Наживинъ.

вичъ [1]) все тяжелъ и имѣетъ страшный видъ, хотя Душанъ не видитъ особенной опасности. У насъ же Жозя, вчера пріѣхавшая Вѣра и Надя Иванова. Я здоровъ, но очень старъ, чѣмъ, несмотря на противное мнѣніе Авдотьи Васильевны [2]), не огорчаюсь. Вчера получилъ письмо отъ твоего хвалителя—Bourdon'а [3]), онъ опять пріѣзжаетъ въ Россію. Сильная метель, но я все-таки сдѣлалъ свои обычныя двѣ прогулки вблизи дома. Какъ ты наслаждаешься музыкой? Я на-дняхъ думалъ о музыкѣ вотъ что: Музыка есть стенографія чувствъ. Когда мы говоримъ, мы пониженіемъ, возвышеніемъ, силой, быстрой или медленной послѣдовательностью звуковъ выражаемъ тѣ чувства, которыми сопровождаемъ то, что говоримъ: вырабатываемые словами мысли, образы, разсказываемыя событія. Музыка же передаетъ одно сочетаніе и послѣдовательность этихъ чувствъ безъ мыслей, образовъ и событій. Мнѣ это объяснило то, что я испытываю, слушая музыку. Пиши же, прощай. Цѣлую тебя и сыновей.

Л. Т.

Письма изъ Ясной Поляны въ Москву, гдѣ я заболѣла непонятой въ то время докторами болѣзнью, послѣдствіемъ которой была тяжелая операція, сдѣланная мнѣ профессоромъ В. Ѳ. Снегиревымъ 3 сентября 1906 года.

646. **3 апрѣля.**

Очень огорчило меня, милая Соня, твое письмо. Хорошо сдѣлала, что не поѣхала, если и могла. Не ѣзди черезъ силу ни въ Петербургъ, ни домой. Извѣсти, пожалуйста, какъ пойдетъ твое нездоровье. У тебя такъ много *жизненной энергіи*, что я увѣренъ, что скоро пройдетъ. У насъ все вполнѣ благополучно.

---

[1]) Слуга Льва Николаевича.

[2]) Старая экономка, говорившая, что что́ старо, то хорошо быть не можетъ.

[3]) Его книга съ лестными обо мнѣ отзывами: „En écoutant Tolstoï".

Отъ Андрюши телеграмма, что онъ пріѣзжаетъ; вѣрно, онъ теперь съ тобой. До свиданья, цѣлую тебя.

Л. Т.

647. **6 апрѣля.**

Ждалъ отъ тебя извѣстій, милая Соня, но до сихъ поръ нѣтъ. Нынче (6-е утромъ) съ Козловки еще не пріѣзжали, а Саша съ Михаиломъ Сергѣевичемъ [1]) ѣдутъ въ Тулу, и я съ ними посылаю письмо. Не безпокоиться о твоемъ здоровьѣ нельзя. Послѣднее время такъ часто стало повторяться. Думаю, что тебѣ, главное, нужно радостное спокойствіе, которое зависитъ и отъ внѣшнихъ причинъ и еще болѣе отъ внутренняго душевнаго состоянія. Извѣщай почаще. Марусю [2]) попроси отъ насъ объ этомъ. У насъ все хорошо. Старшія дочери то опускаются, то поднимаются. Саша хотѣла къ тебѣ ѣхать, но мы не совѣтовали. Я здоровъ по-стариковски и по-стариковски спокоенъ. Цѣлую тебя.

Л. Т.

Сейчасъ получилъ твое письмо. Очень грустно. Все-таки лучше дома. А впрочемъ ты лучше чувствуешь, что надо. Цѣлую еще разъ съ нѣжностью.

1906 годъ.

Безъ числа. Предполагаю, что письмо писано въ Петербургѣ.

648. **Май.**

Таня и Юлія Ивановна тебѣ вѣрно пишутъ, милая Соня, обо всемъ происходящемъ у насъ. Все вполнѣ хорошо. Нынче пріѣхалъ Горбовъ, и я ему поручаю это письмо, чтобы оно скорѣе до тебя дошло. Нынче утромъ получилъ твое письмо объ об-

---

[1]) Мих. Серг. Сухотинъ, мужъ дочери Тани.

[2]) Марья Алексѣевна Маклакова.

щемъ—о Думѣ, и о частномъ—о зубахъ и нездоровьѣ твоемъ. Послѣднее меня больше интересуетъ, чѣмъ первое. У насъ все очень хорошо; живемъ всѣ дружно, дѣти очень милы. Завтра пріѣзжаетъ Леночка, вѣроятно одна. Я ѣмъ простоквашу Мечникова, и до сихъ поръ хорошо. Только ничего не работаю, только читаю.

Нынче былъ старичокъ стараго, исчезнувшаго типа крестьянина. Это было мнѣ очень пріятное событіе. Прощай, пиши почаще и поподробнѣе. Письма твои всегда интересны. Особенно теперь. Что рѣшитъ дантистъ?

649. **4-го, вечеромъ.**

Желаю только того, чтобы съ тобой все было бы такъ же хорошо, какъ у насъ. Таня съ дѣвочкой [1]) здоровы. Если Таня и не въ духѣ, то она и сама признается, что на это нѣтъ никакихъ причинъ. У Маши болятъ подагрически члены. Я здоровъ, гриппъ почти прошелъ. Оба дня ѣздилъ верхомъ и понемногу пишу.

Былъ англичанинъ-корреспондентъ вчера. Андрюша долженъ былъ пріѣхать нынче, но телеграфируетъ, что завтра. Читаетъ Беркенгеймъ [2]) вслухъ Герцена: «Былое и Думы».—Постарайся вернуться болѣе здоровая и бодрая, чѣмъ была послѣднее время. Цѣлую тебя.

Л. Т.

1907 годъ.

650. **Ноября 10.**

Здравствуй, милая Соня, какъ-то ты, а у насъ все вполнѣ благополучно, несмотря на стражниковъ. Пора бы ихъ уволить—этихъ двухъ праздныхъ мужиковъ [3]).

[1]) Новорожденная Танечка Сухотина, родившаяся 6 ноября 1905 года.

[2]) Жившій у насъ въ то время докторъ.

[3]) Стражниковъ прислалъ губернаторъ вслѣдствіе того, что у насъ возлѣ гумна стрѣляли въ сторожей крестьяне молодые; говорили, что они были изъ Ясной Поляны.

Моего стражника, да и всѣхъ насъ настоящаго стражника не видать и не слыхать, а стережетъ Онъ насъ такъ, что лучше нельзя. Я очень, очень занятъ, полонъ мыслей, которыя кажутся мнѣ очень важными, но нѣтъ силъ и энергіи, чтобъ ихъ выразить, какъ надо. Такъ это хорошо устроено, что, когда въ старости все ясно, силъ уже нѣтъ выразить все это. Чтобъ молодымъ была работа. Про Гусева [1]) новаго ничего не знаю. Саша, Душанъ, Юлія Ивановна—все милые помощники и сожители, и такіе хорошіе люди. И тебѣ должно быть пріятно у Сережи и Маши—не люблю sobriquet: Толсто-Зубовы. Поцѣлуй ихъ отъ меня. Завтра пріѣзжаетъ Софья Александровна Стаховичъ. Вѣроятно, не знаетъ, что тебя нѣтъ. Одно письмецо твое получилъ, ждемъ еще. Будь здорова, цѣлую тебя.

Л. Т.

10-го вечеромъ.

1909 годъ.

Письмо изъ Кочетовъ отъ Сухотиныхъ.

651. **24 іюня.**

Ѣдутъ на почту, пользуюсь, чтобъ написать тебѣ словечко. Я здоровъ, сейчасъ 2 часа 24-го іюня, ѣду верхомъ къ 100-лѣтнему старику. Утромъ получилъ грустную телеграмму объ отказѣ Владиміру Григорьевичу [2]). Пишите.

Л. Т.

---

[1]) Н. Н. Гусевъ, секретарь Льва Николаевича, сосланный.

[2]) Черткову, о возвращеніи въ Телятинки.

1910 годъ.

Письмо, написанное передъ отъѣздомъ въ Тулу, когда я еще не вставала, а Левъ Ник. уѣхалъ на судъ крестьянъ, обвиняемыхъ въ ограбленіи почтальона. Присутствіе Льва Николаевича смутило судей, крестьянъ оправдали.

652. **16 января.**

Пишу, чтобъ ты не безпокоилась. Погода прекрасная, и я хорошо себя чувствую. Ѣду на саняхъ, буду во всѣхъ отношеніяхъ остороженъ и вернусь къ обѣду или скорѣе къ 5 часамъ, если все будетъ, какъ я предполагаю.

Л. Т.

Письмо изъ Кочетовъ отъ Сухотиныхъ. Рукою Маковицкаго написано начало.

653. **Май.**

Доѣхали благополучно въ Благодатную *(дальше пишетъ Левъ Никол.)*, что и я свидѣтельствую. Было немного жарко, но за всю дорогу не было ни разу изжоги. Таня прислала телеграмму въ Орелъ и сама выѣхала въ Благодатную. Цѣлую тебя. Илья Васильевичъ пусть отдастъ мою черную шапочку Александру Петровичу.

Л. Т.

Письма изъ Мещерскаго (Отрадное). Левъ Никол. гостилъ здѣсь у Черткова съ Сашей, докторомъ Маковицкимъ, секретаремъ Булгаковымъ и слугой Ильей Васильевичемъ. Я оставалась въ Ясной Полянѣ съ Никол. Никол. Ге и В. М. Феокритовой, утомительно занятая новымъ изданіемъ полнаго собранія сочиненій Л. Н. Толстого, ремонтомъ дома и другими

хозяйственными дѣлами. Отъ переутомленія и другихъ причинъ, я заболѣла первымъ недугомъ 22 іюня и долго послѣ не могла поправиться.

654. **14 іюня.**

Пользуюсь отъѣздомъ Димочки [1]), чтобъ написать тебѣ, милая Соня. Саша писала тебѣ о нашемъ путешествіи и пріѣздѣ. Новаго съ тѣхъ поръ не совсѣмъ хорошо только то, что Саша схватила гдѣ-то сильнѣйшій насморкъ, но кашля нѣтъ, и она бодра и хороша. Я совершенно здоровъ, живу точно такъ же, какъ въ Ясной Полянѣ, съ тою только разницей, что посѣтителей и просителей нѣтъ, что очень пріятно. Здѣсь очень интересный край своей необыкновенной земской дѣятельностью. Тутъ въ трехъ верстахъ огромная психіатрическая больница на 700 человѣкъ и другая, правительственная, на 1500 человѣкъ, тоже психіатрическая; тюрьма, больница для политическихъ; кромѣ того, выздоравливающіе больные сумасшедшіе. Я нынче былъ въ одной такой, гдѣ 50 человѣкъ. Я говорилъ со многими, и одинъ очень интересенъ. До сихъ поръ ничего особеннаго не работаю. Все копаюсь надъ старымъ. Но надѣюсь воспользоваться досугомъ. Какъ ни хорошо въ гостяхъ, а дома лучше. И я пріѣду, какъ хотѣлъ, уже никакъ не позже 24-го, если все будетъ хорошо у меня и у тебя. Какъ ты и твои дѣла—и издательскія, и хозяйственныя? Не слишкомъ ли тревожатъ тебя? Это главное. Главнѣе всѣхъ матеріальныхъ дѣлъ. Очень жалѣю, что Илья не засталъ меня. Каковъ онъ? Прощай, милая, старая жена. Цѣлую тебя. Надѣюсь, до свиданья.

Твой мужъ *Л. Т.*

14-го вечеромъ.

655. **18 іюня.**

Собирался и такъ нынче, 18-го, писать тебѣ, милая Соня, а вдругъ утромъ пришелъ Чертковъ съ твоей, непонятной для

---

[1]) Сынъ Черткова.

насъ, полученной ночью телеграммой [1]). У насъ рѣшительно ничего хоть мало-мальски непріятнаго и нехорошаго не было и нѣтъ. У меня желудокъ хорошъ, а бывшая слабость—если ужъ все замѣчать—прошла, и у Саши насморкъ проходитъ, и она весела и бодра. Понемногу занимаюсь, о тебѣ думаю съ любовью и, кромѣ хорошаго, ничего не испытываю. Ѣздилъ вчера верхомъ и сегодня поѣду съ Чертковымъ. Чертковъ говоритъ, что въ «Жизни» варіантовъ нѣтъ и напечатано все, что есть. Привѣтъ твоимъ милымъ сожителямъ и благодарность. Цѣлую тебя.

Л. Т.

656. **19 іюня.**

Ожидаю отъ тебя письма, милая Соня, а пока пишу, чтобъ извѣстить тебя о себѣ и поговорить съ тобой. У насъ все хорошо. Вчера ѣздилъ верхомъ въ деревню, гдѣ душевно-больныя женщины. Встрѣтилъ меня знакомый крестьянинъ, который 12 лѣтъ тому назадъ былъ въ Москвѣ и поступилъ тогда въ мое общество трезвости и съ тѣхъ поръ не пьетъ. И больныя женщины были интересны. А дома пришли изъ Троицкаго въ 3-хъ верстахъ врачи пригласить къ себѣ на спектакль въ кинематографѣ. Троицкое—это окружная больница для душевно-больныхъ, самыхъ тяжелыхъ. Ихъ тамъ 1000 человѣкъ. Я обѣщалъ имъ пріѣхать, а нынче ѣду къ нимъ осматривать больницу. Завтра же кинематографъ въ Мещерской больницѣ. Мы поѣдемъ съ Сашей. Саша не дурна. Какъ всегда, работаетъ мнѣ, и бодра, и весела. Время летитъ. И не успѣлъ оглянуться, и прошла ужъ недѣля,—остается ужъ только 5 дней до отъѣзда. Мы рѣшили ѣхать 25-го. И въ гостяхъ хорошо, и дома хорошо. Какъ ты поживаешь? Какъ твои работы? Хотѣлъ сюда пріѣхать Эрденко скрипачъ. Гольденвейзеръ едва ли пріѣдетъ. До свиданья, милая

---

[1]) Въ Ясной Полянѣ была получена срочная телеграмма отъ ред. „Петерб. Вѣд“. съ запросомъ о здоровьѣ Льва Никол. Я очень испугалась и запросила объ этомъ телеграммой къ Чертковымъ.

Соня, цѣлую тебя. Привѣтъ Колѣ и Варѣ. Сейчасъ свистять: это завтракъ или обѣдъ. Я нынче много спалъ и чувствую себя бодрымъ. Кое-что подѣлалъ.

Л. Т.

Былъ въ Окружной больницѣ. Было очень интересно и хорошо, и я не усталъ. Сейчасъ былъ въ ваннѣ и чувствую себя хорошо. Вернувшись домой, получилъ всѣхъ Чертковыхъ обрадовавшее извѣстіе, что ему «разрѣшено» быть въ Телятинкахъ во время пребыванія тамъ его матери. И они ѣдутъ туда 27-го. Это извѣщаетъ Михаилъ Стаховичъ. Какъ удивительно странно это разрѣшеніе на время пребыванія матери. Еще разъ цѣлую тебя.

Л. Т.

657. **22 іюня.**

Черезъ три дня буду съ тобой, милая Соня, а все-таки хочу написать словечко. Написанное мною тебѣ письмо залежалось по ошибкѣ, и ты, вѣрно, только что получила его. Съ тѣхъ поръ у насъ продолжаетъ быть все хорошо. Вчера былъ Беркенгеймъ, слушалъ Сашу и сказалъ, что она можетъ смотрѣть на себя, какъ на здоровую. Совѣтуетъ купаться. Хотя я не вѣрю докторамъ, мнѣ это было пріятно. Я тоже здоровъ. Вчера даже былъ необыкновенно здоровъ—много работалъ и книжки Ив. Ив. [1]), и еще пустой разсказецъ той встрѣчи и бесѣды съ молодымъ крестьяниномъ [2]). Вчера же съѣхалось бездна народа: Страховъ, Бутурлинъ, скопецъ изъ Кочетовъ, Беркенгеймъ, Орленевъ [3]) (одѣтый по-человѣчески), два рабочихъ—они были въ Ясной—изъ Москвы и еще кто-то. И мнѣ было легко, потому что былъ совершенно здоровъ.

Вечеромъ ѣздилъ въ Троицкое, въ Окружную больницу душевно-больныхъ, на великолѣпное представленіе кинематографа. Доктора всѣ очень милы. Но кинематографъ вообще мнѣ не нра-

---

[1]) Ивана Ивановича Горбунова для изданія „Посредника“.

[2]) См. разсказъ „Благодарная почва“.

[3]) Актеръ.

вится, и я жалѣю и Сашу, у которой была мигрень, и себя, просидѣвшаго тамъ менѣе часа и уѣхавшаго. Это было въ 10-мъ часу вечера. Нынче, только что вышелъ въ 8 часовъ гулять, первая встрѣча—Александръ Петровичъ съ узломъ. Я былъ радъ ему особенно потому, что онъ разсказалъ мнѣ про тебя, что могъ знать. И то хорошо. Нынче ничего не предвидится, и я сижу у себя, работаю и отдыхаю. Можетъ быть, поѣду верхомъ съ провожающимъ меня Чертковымъ.

Какъ ты? Надѣюсь, что не было новыхъ непріятностей. А если были, то ты перенесла ихъ спокойно, насколько могла. У тебя есть два дѣла, которыя занимаютъ тебя и въ которыхъ ты хозяйка. Это твое изданіе и твои Записки. Цѣлую тебя, милый другъ. Привѣтъ Варѣ и Колечкѣ.

Всѣ, какія у меня тутъ были, сношенія съ народомъ—очень пріятныя. Они ласковѣе нашихъ и болѣе воспитаны. Дня два назадъ поѣхалъ въ деревню, гдѣ выздоравливающіе больные помѣщаются у крестьянъ. И первое лицо, крестьянинъ, встрѣчаетъ меня словами: «Здравствуй, Левъ Николаевичъ». Оказывается, онъ 12 лѣтъ тому назадъ былъ у меня въ Москвѣ, поступилъ въ наше «Общество трезвости» и съ тѣхъ поръ не пилъ. Живетъ богато. Повелъ меня смотрѣть свою библіотеку—сотни книгъ, которыми гордится и радуется.—Ну, до скораго свиданья.

Левъ Толстой.

Письмо, переданное мнѣ Львомъ Николаевичемъ лично. Вызвано оно было моимъ настоятельнымъ требованіемъ взять отъ Ч... обратно дневники Льва Николаевича, 7 книгъ, за которыми пріѣзжали въ мое отсутствіе еще въ ноябрѣ 1909 года. Левъ Николаевичъ объ этомъ забылъ и искалъ ихъ у себя.

658. **14 іюля.**

1) Теперешніе дневники никому не отдамъ, буду держать ихъ у себя.

2) Старые дневники возьму у Ч... и буду хранить ихъ самъ, вѣроятно, въ банкѣ.

3) Если тебя тревожатъ мысли о томъ, что моими дневниками, всѣми мѣстами, въ которыхъ я пишу подъ впечатлѣніемъ минуты о нашихъ разногласіяхъ и столкновеніяхъ, что этими мѣстами могутъ воспользоваться недоброжелательные къ тебѣ будущіе біографы, то, не говоря о томъ, что такія выраженія временныхъ чувствъ какъ въ моихъ, такъ и въ твоихъ дневникахъ никакъ не могутъ дать вѣрнаго понятія о нашихъ настоящихъ отношеніяхъ,—если ты боишься этого, то я радъ случаю выразить въ дневникѣ или просто въ письмѣ мое отношеніе къ тебѣ и мою оцѣнку твоей жизни. Мое отношеніе къ тебѣ и моя оцѣнка тебя такія: какъ я смолоду любилъ тебя, такъ я, не переставая, несмотря на разныя причины охлажденія, любилъ и люблю тебя. Причины охлажденія эти были, во-1-хъ, все большее и большее удаленіе мое отъ интересовъ мірской жизни и мое отвращеніе къ нимъ, тогда какъ ты не хотѣла и не могла разстаться, не имѣя въ душѣ тѣхъ основъ, которыя привели меня къ моимъ убѣжденіямъ, что очень естественно и въ чемъ я не упрекаю тебя. Это, во-1-хъ. Во-2-хъ (прости меня, если то, что я скажу, будетъ непріятно тебѣ, но то, что теперь между нами происходитъ, такъ важно, что надо не бояться высказывать и выслушивать всю правду), во-вторыхъ, характеръ твой въ послѣдніе годы все больше и больше становился раздражительнымъ, деспотичнымъ и несдержаннымъ [1]).

Проявленіе этихъ чертъ характера не могло не охладить не самаго чувства, а выраженіе его. Это, во-первыхъ. Въ-3-хъ,—главная причина была роковая, та, въ которой одинаково не ви-

[1]) Этотъ упрекъ относился къ двумъ фактамъ: когда Левъ Николаевичъ собирался въ Стокгольмъ на конгрессъ мира, который не состоялся, я энергично, со слезами протестовала, боясь за его жизнь. Онъ въ молодости не выносилъ качки на морѣ. Кромѣ того, чтенія при тысячной публикѣ не вынесло бы его слабое сердце. Онъ часто плакалъ, читая самыя обыкновенныя вещи, и, не въ силахъ продолжать, передавалъ кому-нибудь книгу или рукопись. Упрекъ былъ и за мое настойчивое требованіе дневниковъ отъ господина Ч... и его удаленіе изъ нашего дома вслѣдствіе основательныхъ причинъ.

новаты ни я, ни ты,—это наше совершенно противоположное пониманіе смысла и цѣли жизни. Все въ нашихъ пониманіяхъ жизни было противоположное: и образъ жизни, и отношеніе къ людямъ, и средства къ жизни, и собственность, которую я считалъ грѣхомъ, а ты необходимымъ условіемъ жизни. Я въ образѣ жизни, чтобы не разставаться съ тобой, подчинялся тяжелымъ для меня условіямъ жизни; ты же принимала это за уступки тѣмъ взглядамъ, и недоразумѣніе между нами росло все больше и больше. Были еще и другія причины охлажденія, виною которыхъ мы были оба, но я не стану говорить о нихъ потому, что онѣ не идутъ къ дѣлу. Дѣло въ томъ, что я, несмотря на всѣ бывшія недоразумѣнія, не переставалъ любить и цѣнить тебя. Оцѣнка же моей жизни съ тобой такая:

Я, развратный, глубоко порочный въ половомъ отношеніи человѣкъ, женился на тебѣ, чистой, хорошей, умной, 18-тилѣтней дѣвушкѣ, и, несмотря на это мое грязное, порочное прошедшее, ты почти 50 лѣтъ жила со мной, любя меня, трудовой, тяжелой жизнью, рожая, кормя, воспитывая, ухаживая за дѣтьми и за мной, не поддаваясь тѣмъ искушеніямъ, которыя могли такъ легко захватить всякую женщину въ твоемъ положеніи—сильную, здоровую, красивую. Но ты прожила такъ, что я ни въ чемъ не имѣю упрекнуть тебя. За то же, что ты не пошла за мной въ моемъ исключительномъ духовномъ движеніи, я не могу упрекать тебя и не упрекаю, потому что духовная жизнь каждаго человѣка есть тайна этого человѣка съ Богомъ, и требовать отъ него другимъ людямъ ничего нельзя. И если я требовалъ отъ тебя, то я ошибался и виноватъ въ этомъ.

Такъ вотъ вѣрное описаніе моего отношенія къ тебѣ и моя оцѣнка тебя. А то, что можетъ попасть въ дневники (я знаю только, ничего рѣзкаго и такого, что бы было противно тому, что я сейчасъ пишу, тамъ не найдется). Такъ это 3-е, что можетъ и не должно тревожить тебя,—о дневникахъ. 4-е—это то, что если въ данную минуту тебѣ тяжелы мои отношенія съ Ч...мъ, то я готовъ не видѣться съ нимъ, хотя скажу, что это мнѣ не

столько для меня непріятно, сколько для него, зная, какъ это будетъ тяжело для него. Но если ты хочешь,—сдѣлаю.

Теперь 5-е—то, что если ты не примешь этихъ моихъ условій [1]) доброй, мирной жизни, то я беру назадъ мои обѣщанія не уѣзжать отъ тебя. Я уѣду. Уѣду, навѣрное, не къ Ч...ву, даже поставлю непремѣннымъ условіемъ, чтобъ онъ не пріѣзжалъ жить около меня, но уѣду непремѣнно, потому что дальше такъ жить, какъ мы живемъ теперь, невозможно.

Я бы могъ продолжать жить такъ, если бы я могъ спокойно переносить твои страданія, но я не могу. Вчера ты ушла взволнованная, страдающая. Я хотѣлъ спать лечь, и сталъ не то что думать, а чувствовать тебя, и не спалъ, и слушалъ до часу, до двухъ, и опять просыпался и слушалъ, и во снѣ видѣлъ тебя.

Подумай спокойно, милый другъ, послушай своего сердца, почувствуй, и ты рѣшишь все, какъ должно. Про себя же скажу, что я съ своей стороны рѣшилъ все такъ, что иначе *не могу, не могъ* [2]). Перестань, голубушка, мучить—не другихъ, а себя, себя потому, что ты страдаешь во сто разъ больше всѣхъ. Вотъ и все.

Левъ Толстой.

14 іюля утромъ.

Письмо изъ Кочетовъ, куда уѣхалъ Левъ Николаевичъ гостить у дочери Тани.

659. **29 августа.**

Ты меня глубоко тронула, милая Соня, твоими хорошими, искренними словами при прощаніи. Какъ бы хорошо было, если

---

[1]) Никто никакихъ условій не ставилъ. Постоянныя угрозы ухода, вліяніе *близкаго* человѣка, толкавшаго его на это, крайнее утомленіе отъ работы надъ послѣднимъ изданіемъ сочиненій Льва Николаевича,—все это привело меня въ крайне тяжелое нервное состояніе, отъ котораго я цѣлыми днями плакала, чего не могъ выносить Левъ Николаевичъ.

[2]) А что рѣшать,—неизвѣстно. Вѣроятно, уходъ изъ дома.

бы ты могла побѣдить въ себѣ то—не знаю, какъ назвать,—то, что въ самой тебѣ мучаетъ тебя. Какъ хорошо бы было и тебѣ, и мнѣ. Весь вечеръ мнѣ грустно, уныло. Не переставая думаю о тебѣ. Пишу то, что чувствую, и не хочу писать ничего лишняго. Пожалуйста, пиши. Твой любящій мужъ

Л. Т.

Ложусь спать, 12-й часъ.

660. **Кочеты, 1 сентября.**

Ожидалъ нынче отъ тебя письма, милая Соня, но спасибо и за то коротенькое, которое ты написала Танѣ. Не переставая думаю о тебѣ и чувствую тебя, несмотря на разстояніе. Ты заботишься о моемъ тѣлесномъ состояніи, и я благодарю тебя за это; а я озабоченъ твоимъ душевнымъ состояніемъ. Каково оно? Помоги тебѣ Богъ въ той работѣ, которую, я знаю, ты усердно производишь надъ своей душой. Хотя я и занятъ больше духовной стороной, но хотѣлось бы знать и про твое тѣлесное здоровье. Что до меня касается, то если бы не тревожныя мысли о тебѣ, которыя не покидаютъ меня, я бы былъ совсѣмъ доволенъ. Здоровье хорошо, какъ обыкновенно, дѣлаю по утрамъ самыя дорогія для меня прогулки, во время которыхъ записываю радующія меня, на свѣжую голову приходящія мысли. Потомъ читаю, пишу дома. Нынче въ первый разъ сталъ продолжать давно начатую статью о причинахъ той безнравственной жизни, которой живутъ всѣ люди нашего времени. Потомъ прогулка верхомъ, но больше пѣшкомъ.

Вчера ѣздилъ съ Душаномъ къ М...й, и я усталъ не столько отъ ѣзды къ ней,—она довезла насъ назадъ въ экипажѣ,—сколько отъ ея очень неразумной болтовни. Но я не раскаиваюсь въ своей поѣздкѣ. Мнѣ было интересно и даже поучительно наблюденіе этой среды, глубоко низменной, богатой, среди нищаго народа.

Третьяго же дня былъ Mayor [1]). Онъ очень интересенъ своими разсказами о Китаѣ и Японіи, но я очень усталъ съ нимъ отъ напряженія говорить на мало знакомомъ и необычномъ языкѣ. Нынче ходилъ пѣшкомъ. Сейчасъ вечеръ. Отвѣчаю на письма, а прежде всего тебѣ.

Какъ ты располагаешь своимъ временемъ? Ѣдешь ли въ Москву и когда? Я не имѣю никакихъ опредѣленныхъ плановъ, но желаю сдѣлать такъ, чтобъ тебѣ было пріятно. Надѣюсь и вѣрю, что мнѣ будетъ такъ же хорошо въ Ясной, какъ и здѣсь. Жду отъ тебя письма. Цѣлую тебя.

Левъ.

Послѣ моей поѣздки въ Кочеты, гдѣ еще оставался гостить Левъ Николаевичъ.

661. **14 сентября.**

Прочелъ твое письмо, оставленное Михаилу Сергѣевичу, и очень благодарю за него. Какъ я сказалъ, не хочу говорить о нашихъ отношеніяхъ, буду только стараться о томъ, чтобы улучшить ихъ, и вполнѣ увѣренъ, что достигну этого, если ты будешь помогать мнѣ. Пользуюсь случаемъ писать тебѣ, такъ какъ Михаилъ Сергѣевичъ посылаетъ во Мценскъ. Вчера я былъ слабъ и плохъ и тѣлесно, и душевно. Нынче хорошо спалъ и бодръ. Написалъ письмо о Гротѣ [2]). Не знаю еще, пошлю ли. Какъ ты доѣхала? Пожалуйста, извѣсти меня, милая Соня. Цѣлую тебя, до свиданья.

Л. Т.

Послѣ ухода Льва Николаевича изъ Ясной Поляны.

662. **28 октября.**

Отъѣздъ мой огорчитъ тебя, сожалѣю объ этомъ, но пойми и повѣрь, что я не могъ поступить иначе. Положеніе мое въ

---

[1]) Англичанинъ, путешественникъ.

[2]) О Николаѣ Яковлевичѣ Гротѣ, письмо для Сборника его памяти, издаваемаго тогда его братомъ.

домѣ становится—стало невыносимо. Кромѣ всего другого, я не могу болѣе жить въ тѣхъ условіяхъ роскоши, въ которыхъ жилъ, и дѣлаю то, что обыкновенно дѣлаютъ старики моего возраста—уходятъ изъ мірской жизни, чтобы жить въ уединеніи и тиши послѣдніе дни своей жизни. Пожалуйста, пойми это и не ѣзди за мной, если и узнаешь, гдѣ я. Такой твой пріѣздъ только ухудшитъ твое и мое положеніе, но не измѣнитъ моего рѣшенія.

Благодарю тебя за твою честную 48-милѣтнюю жизнь со мной и прошу простить меня во всемъ, чѣмъ я былъ виноватъ передъ тобой, такъ же какъ и я отъ всей души прощаю тебя во всемъ томъ, чѣмъ ты могла быть виновата передо мной. Совѣтую тебѣ помириться съ тѣмъ новымъ положеніемъ, въ которое ставитъ тебя мой отъѣздъ, и не имѣть противъ меня недобраго чувства. Если захочешь что сообщить мнѣ, передай Сашѣ, она будетъ знать, гдѣ я, и перешлетъ мнѣ, что нужно. Сказать же о томъ, гдѣ я, она не можетъ, потому что я взялъ съ нея обѣщаніе не говорить этого никому.

Левъ Толстой.

Письмо Льва Николаевича, написанное у Маріи Николаевны въ Шамардинѣ.

663. **31 октября.**

Свиданіе наше и тѣмъ болѣе возвращеніе мое теперь совершенно невозможно. Для тебя это было бы, какъ всѣ [1]) говорятъ, въ высшей степени вредно, для меня же это было бы ужасно, такъ какъ теперь мое положеніе вслѣдствіе твоей возбужденности, раздраженія, болѣзненнаго состоянія стало бы, если это только возможно, еще хуже. Совѣтую тебѣ примириться съ тѣмъ, что случилось, устроиться въ своемъ новомъ на время положеніи, а главное—лѣчиться.

Если ты не то что любишь меня, а только не ненавидишь, то ты должна хоть немного войти въ мое положеніе. И если ты сдѣлаешь это, то ты не только не будешь осуждать меня, но

[1]) Кто эти *всѣ?*

постараешься помочь мнѣ найти тотъ покой, возможность какой-нибудь человѣческой жизни, помочь мнѣ усиліемъ надъ собой и сама не будешь желать теперь моего возвращенія. Твое же настроеніе теперь, твое желаніе и попытки самоубійства болѣе всего другого показываютъ твою потерю воли надъ собой и дѣлаютъ для меня теперь немыслимымъ мое возвращеніе. Избавить всѣхъ близкихъ тебѣ людей, меня и главное самоё себя никто не можетъ, кромѣ тебя самой.

Постарайся направить всю свою энергію не на то, чтобы было все то, чего ты желаешь,—теперь мое возвращеніе,—а на то, чтобы умиротворить себя, свою душу, и ты получишь, чего желаешь.

Я провелъ два дня въ Шамардинѣ и Оптиной Пустыни и уѣзжаю. Письмо пошлю съ пути. Не говорю, куда ѣду, потому что считаю и для тебя и для меня необходимымъ разлуку. Не думай, что я уѣзжаю потому, что не люблю тебя; я люблю тебя и жалѣю отъ всей души, но не могу поступить иначе, чѣмъ поступаю.

Письмо твое, я знаю, что писано искренно, но ты не властна исполнить то, что желала бы. И дѣло не въ исполненіи какихъ-нибудь моихъ желаній, требованій, а только въ твоей уравновѣшенности, спокойномъ, разумномъ отношеніи къ жизни. А пока этого нѣтъ, моя жизнь съ тобой немыслима. Возвратиться къ тебѣ, когда ты въ такомъ состояніи, значило бы для меня отказаться отъ жизни. А я не считаю себя въ правѣ сдѣлать это.

Прощай, милая Соня, помоги тебѣ Богъ. Жизнь не шутка, и бросать ее по своей волѣ мы не имѣемъ права, и мѣрить ее по длинѣ времени тоже неразумно. Можетъ быть, тѣ мѣсяцы, которые намъ осталось жить, важнѣе всѣхъ прожитыхъ годовъ, и надо прожить ихъ хорошо [1]).

Л. Т.

---

[1]) Это письмо послѣднее. Воля Божья оказалась сильнѣе воли человѣческой. 7 ноября въ 6 часовъ утра Левъ Николаевичъ скончался.

Записки безъ обозначенія числа и года, приблизительно 70-хъ годовъ.

I. **Изъ Ясной Поляны.**

Посылаю за тобой лошадей и Ханну. Самъ не ѣду потому, что съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхала, я не выспался ни одной ночи, и голова болитъ не мигренно, а нервно. Совсѣмъ, было, собрался, но боюсь, что, уставши ѣздой, испорчу самъ для себя и для тебя удовольствіе тебя встрѣтить—милую мою. Еще хуже боюсь, что ты не пріѣдешь съ раннимъ поѣздомъ, тогда я въ своей нервности съ ума сойду въ Тулѣ отъ тревоги. Посылаю тебѣ твой салопъ, непремѣнно закутайся имъ, и главное—лицо, носъ, щеки. У насъ все такъ хорошо, какъ желаю, чтобъ у тебя было.

II. **Изъ Москвы.**

Пріѣхалъ я благополучно, здоровье хорошо. Остановился у Машеньки; ея не было дома. Я пошелъ къ Полинькѣ. Отъ нея ушелъ—она противна—къ Истомину. Онъ живетъ на дворѣ у нихъ. Милое семейство. Дѣти славныя. Пробылъ у нихъ до 12-го часа и теперь, вернувшись домой, у Машеньки, подъ ея разговоръ, пишу тебѣ. Съ желѣзной дороги заѣзжалъ къ Дейбнеру и Готье и выбралъ кое-какихъ книгъ, но того, что нужно, не нашелъ. Будь только здорова съ дѣтьми и съ О. Прощай, душенька.

Твой *Л. Т.*

III. **Изъ Москвы.**

Бѣдная Лиза больна. Со 2-го на 3-е въ ночь у ней сдѣлалась боль внизу живота; она испугалась, говоритъ: то же, что у Сони. Чижъ былъ на другой день и опредѣлилъ, что у ней воспаленіе. Я засталъ у нихъ Фохта. Ей ставили 6 піявокъ, даютъ каломель, компрессъ. Ей лучше было и до піявокъ. Я надѣюсь, что Чижъ ошибся. Ребенокъ славный; кормилицу взяли. И Машенька, и Леонидъ, и Варвара Дмитріевна ухаживаютъ изо всѣхъ силъ. Леонидъ жалокъ своей нѣжностью, безпомощностью и страхомъ. Я ничего не дѣлалъ еще; спалъ скверно, въ холодномъ номерѣ, и сейчасъ послалъ узнать, какъ Лиза провела ночь. Ничего въ голову не идетъ, пока не успокоюсь насчетъ ея.

Сегодня получилъ отвѣтъ отъ Леонида. Ночь провела хорошо. Боль въ правой сторонѣ прошла, начинается небольшая въ лѣвой. Я надѣюсь, что Чижъ ошибся. Ѣду по своимъ дѣламъ. Прощай, душенька, цѣлую тебя и дѣтей.

IV. **Изъ Москвы.**

Пишу нынче вечеромъ, въ 10 часовъ, отъ Нагорнаго. Пріѣхалъ хорошо, хотя и не спалъ. Сейчасъ же поѣхалъ въ типографію, сдалъ рукопись и велѣлъ принести опять поправить. Видѣлъ Цвѣткова, но къ Каткову не пошелъ. Просидѣлъ у Вари до 4-хъ часовъ и поправилъ принесенныя въ 2 корректуры. Дьяковъ пріѣзжалъ, и я пошелъ къ нему обѣдать. Дьяковы ѣхали кататься на тройкахъ съ Колокольцовыми, въ 8 часовъ, и довезли меня до Каткова. У Каткова просидѣлъ до 9 и пришелъ пѣшкомъ домой, и сейчасъ ложусь спать. Съ Катковымъ о деньгахъ не говорилъ, онъ, вѣроятно, пришлетъ. Онъ хвалитъ то, что набрано. Я еще поправилъ здѣсь. Завтра напишу еще. Прощай, душенька. Только ты будь здорова. Дѣтей цѣлую. Геямъ кланяюсь.

Л. Т.

Дьяковымъ почти обѣщалъ пріѣхать ужинать въ Славянскій Базаръ, да раздумалъ. У Соловьева денегъ нѣтъ. Айе (Ayet) заказалъ сюртукъ.

V.

Не успѣлъ вчера написать, милый другъ, но доѣхалъ хорошо. Одно было очень даже грустно,—это то, что Степа, котораго я отъ всей души жалѣлъ и хотѣлъ проводить, все время на меня за что-то дулся. Думалъ, что нынче кончится, но затянулось еще на день. Скучно, глупо, безплодно, нездорово, но почему-то это надо. Что-то вы? Пойду на почту, не получу ли отъ тебя вѣсточку. Завтра, т.-е. 7-го, навѣрное выѣду.

Твой *Л. Т.*

VI. **Записка карандашомъ.**

Не могу быть покоенъ о тебѣ, милый другъ. Все мучаюсь воспоминаніемъ того несправедливаго и дурного, которое сказалъ тебѣ. Пожалуйста, душенька, помни, что ты мнѣ дороже всего на свѣтѣ всегда. Исполни мою просьбу, не мучь себя. Постарайся заснуть днемъ. Во всякомъ случаѣ раньше ляжь внизу. Да ты не учи дѣтей, если тебѣ чуть тяжело. Да пришли мнѣ телеграмму завтра, какова ты. Если у Алексѣя нѣтъ денегъ, пошли къ Бибикову. Ты не можешь себѣ представить, какъ я буду тебѣ благодаренъ, если ты будешь себя беречь эти 3 дня. Всякій разъ вспомни, что это для меня ты дѣлаешь.

VII. **Тоже.**

Посылаю письмо Ханнѣ, и Сашѣ, и Варѣ. Грустное извѣстіе! Я ужасно огорченъ и поздравлять не буду. На почтѣ домъ сумасшедшихъ. Руку мою надо засвидѣтельствовать, и руку твою, и Алексѣя, и всѣмъ подписать подъ прошеніемъ.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЦЪ И ПРОИЗВЕДЕНІЙ.

Аданъ, М. (Adam). 197.
Азбука 99. 227.
Аксаковъ, Ив. Серг. 31. 42. 119. 267.
Александръ III. 345. 348. 349. 482. 484. 486.
Алексѣевъ, Вас. Иван. 126. 136—148. 159. 190—199.
Алехинъ, А. В. 388. 396. 399. 402.
Алехинъ, М. В. 389. 396. 399. 402. 406. 416.
Аміель (Amiel). 441.
Амфилохій, архимандритъ. 217.
Англійскій милордъ Георгъ. 262. 264.
Анке, Н. Б., деканъ медицинскаго факультета. 16—19. 26. 61.
Анна Каренина. 108. 112.
Антоній, схимн. въ Кіевѣ. 127.
Аренскій, Антонъ Степ. 573.
Арчеръ (Archer). 554. 556.

Бартеневъ, П. И., корректировалъ „Войну и миръ“. 39. 63. 64. 67. 68. 69. 70. 71. 115. 126.
Басовъ, В. А. профессоръ. 16. 17.
Баттерсби (Battersby). 357.
Башиловъ, М. С., художникъ. 54. 55. 56. 58. 61—65.
Берсъ, Алекс. Андр. 4. 19.
Берсъ, Андрей Евстаѳ. 13. 16—23. 25. 27. 30. 35. 53. 54. 55. 59. 62. 64. 65.
Берсъ, Вячесл. Андр. 27. 128.
Берсъ, Вл. Андр. 21. 37. 54. 56.
Берсъ, Елиз. Андр. (по мужу Павленкова). 1. 2. 19. 20. 25. 27. 35. 36. 38. 40. 57. 68.
Берсъ, Любовь Алекс. 16. 17. 18. 20. 26. 28. 33. 36. 37. 40. 53. 54. 62. 65. 86. 91. 96. 109. 111. 115. 128.
Берсъ, Марья Петр. 427. 428.
Берсъ, Петръ Андр. 15. 17. 21. 24. 26. 30. 35. 36. 37. 56. 102. 183—185. 335.

Берсъ, Степ. Андр. 23. 28. 37. 56. 78. 80—85. 88—98. 322. 433.
Берсъ, Тат. Андр. (по мужу Кузминская). 3. 4. 6. 10. 11. 14. 15. 17. 18. 20—38. 40. 42. 49. 52—60. 63. 69. 71. 96. 145. 147. 166. 167. 196. 285. 350. 452. 564.
Бестужевы, К. Н. и В. Н. 269.
Бибиковъ, Алексѣй Алекс. 124. 125. 136. 137. 138. 144—147. 190. 192. 195. 196—198.
Бибиковъ, Александръ Ник. 64. 65. 95. 168. 214. 215. 277.
Библія. 192.
Бирюковъ, Павелъ Ив. (Поша). 269—271. 277. 296. 311. 318. 321. 324. 332. 387—388. 394. 400. 403. 424—426. 431. 439. 443—448. 455. 469. 470. 472. 496. 518. 519.
Бистромъ, бар. 92. 93. 94.
Бистромъ, баронъ, генералъ. 115. 116.
Богоявленскій, 192—196. 200. 253. 262. 389.
Бодлеръ (Baudelaire). 437. 529.
Борисовъ, И. П. 12. 13.
Бр. Карамазовы. 429. 432.
Буланже, П. А. 463. 524. 528. 530. 531. 566. 567. 571.
Булыгинъ, М. В. 434. 461. 470. 474. 496.
Бурдонъ (Bourdon). 577.
Бѣляевъ, декабристъ. 114. 115.

Варвинскій, докторъ. 55. 59. 62.
Величкина, В. М. 386. 394. 399. 400. 415. 416. 420.
Верленъ. 529.
Вернъ *(Дѣти капитана Гранта)*. 480. 481.
Вестерлундъ, Дора Өед. (по мужу гр. Толстая). 504. 505. 509. 514. 515. 522. 523. 549.
Вестерлундъ, докторъ (отецъ Доры Өед.). 551.
Владимировъ, Н. Т. 371—373.
Власть тьмы. 301. 302. 305. 306. 514.
Воскресеніе. 331. 553. 560.
Война и миръ. 6. 16. 19. 20. 22. 23. 24. 27. 29. 34—36. 38—42. 49. 51—54. 56. 61—65. 67. 68. 70. 71. 72. 73. 76.
Въ чемъ моя вѣра. 201. 202. 208. 210. 215. 217. 285. 296.

Гаршинъ, В. М. 252.
Гайдебуровъ (редакторъ *Недѣли*). 374. 378.
Ге, Ник. Ник. (отецъ), художн. 221. 457. 462.
Ге, Ник. Ник. (сынъ, Колечка). 291—294. 307. 311. 312. 313. 323. 326 328. 329. 385. 388.

389. 396. 397. 419. 423. 425. 474. 475. 476. 581. 585.
Герценъ. 579.
Гоголь *(Исповѣдь)*. 27.
Горбуновъ, Ив. Ив. 357. 477. 542. 584.
Кн. Горчаковы. 59. 64.
Григоровичъ, Д. В. 439. 462.
Громека, М. С. 129. 130.
Гротъ, Н. Я. 344. 361. 363. 371. 377. 379. 393. 397. 404. 415. 417. 459. 463. 481. 499. 510. 528. 531. 539. 590.

Давыдовъ, Н. В. 165. 208. 209. 249. 250. 306. 315. 337. 351. 405. 430. 454. 461. 509. 576.
Данилевскій, профессоръ, А. Я. 485.
Два старика. 227. 275.
Декабристы. 114. 115.
Джорджъ, Генри. 253. 254. 257. 532.
Диккенсъ *(Мартинъ Чазльвитъ)*. 432. 559.
Диллонъ. 387.
Дитрихсъ, Анна Конст. (по мужу Черткова). 296. 297. 299. 339. 469. 497.
Дрожжинъ. 450.
Дунаевъ. Ал. Никиф. 323. 325. 326. 327. 337. 338. 357. 371. 496. 498. 505. 551. 565.
Дьяковъ, Дм. Алексѣев. 42. 49. 53. 66. 77. 96. 103—105. 110. 114. 129. 174. 342. 365.
Дэнъ, Вл. Эдуар. 306. 308. 309.
Дюма (Dumas), отецъ. 465.
Дюма (Dumas), сынъ. 450. 532.

Евангеліе. 474.

Жемчужниковъ, А. М. 42.
Житіе святыхъ. 215. 217.

Залюбовскій. 284. 285. 286.
Захарьинъ, профессоръ, знаменитый докторъ. 65. 67. 68. 69. 80. 113. 128.
Зайковскіе. 58. 60. 61.
Зиссерманъ. 504. 542.
Зола (Zola). 282. 450. 457.

Игумнова, Ю. И. 574. 576. 578. 580.
Изъ записокъ матери. 553. 559.
Изложеніе Евангелія. 138. 140.
Иліада. 344.
Иноземцевъ, Ѳ. И., профессоръ. 16. 17. 32.
Исленьевъ, Ал. Мих. 33—36.
Исленьевъ, Вас. Вл. 33. 35. 60.
Ислявинъ, Конст. Алекс. 30. 106. 112. 114. 170. 176—180. 204. 205. 255. 256.
Исповѣдь. 171.
Истоминъ, Вл. Конст. 105. 114.

Калики перехожіе. 215.
Карпентеръ (Karpenter). 511. 512. 531. 535.
Катакомбы, Евг. Туръ. 270.
Катковъ, М. Н. 20. 21. 23. 32. 34. 36. 39—41. 62. 65. 68.
Кенворти (Kennworthy). 497.
Киплингъ (Kipling). 406. 407.
Кирѣевскій, орл. помѣщикъ, охотникъ. 13. 14. 15. 46. 47.
Ключевскій, В. О. 434.
Кони, Ан. Ѳед. 331.
Коппэ, Ф. (Coppée). 445.
Корнель (Cornelle). 500.
Кошелевъ, А. И. 213.
Крейцерова соната. 339. 342. 354.
Крамской, Ив. Пик. 319.
Кросби, Е. (Crosby, E.). 473. 474. 558. 563.
Крыжановскій, Н. А. 108.
Кто правъ?. 376.
Кузминскій, Ал. Мих. 56. 65. 68. 69. 95. 112. 142. 154. 169. 254. 294.
Куно Фишеръ, философъ. 462. 463.
Купфершмидтъ, А. М., скрипачъ. 21. 25. 26.

Лазаревъ (изъ процесса 193-хъ). 195. 247. 248.
Лао-Дзи. 456. 457.
Левенфельдъ. 455.
Леонтьевъ. 382. 384. 459.
Львовъ, Георгій Евг., кн. 435. 437. 448. 449.
Любимовъ, Н. А. 21. 22. 23. 36. 41. 112.

Маклаковъ, В. А. 497. 514. 554.
Маковицкій, Душанъ Петровичъ, докторъ. 539. 577. 581.
Мальцевъ, С. И. 256. 258. 263. 264.
Маракуевъ, В. Н. 217. 254.
Марія Ѳеодоровна, Императрица. 257.
Марковъ, Евг. Льв. 4.
Маркъ-Аврелій. 169.
Масарикъ. 315. 316.
Мережковскій, Д. С. (лекція). 432.
Микуличъ (Мимочка). 459.
Миноръ (раввинъ). 187.
Моодъ. 528. 533. 539.
Монтень (Montaigne). 216. 218. 220.
Мопассанъ, Г. (Maupassant G.). 208. 443. 452. 457. 470. 472.

Нагорный, Н. М. 103. 106. 129. 498.
Наживинъ, И. Ѳ., писатель. 576.
Накашидзе, кн. 514. 516. 556.
Новиковъ, А. М. 340. 351. 365.
Недѣланіе. 450. 451.
Новосильцевъ. 44. 45.

Оболенскій, Дм. Дм., кн. 18. 19. 30. 140. 177. 361. 366. 369.
Оболенскій, Леон. Дм., кн. 77. 78. 104. 174.
Оболенскій, Н. Л., кн. 524.
О жизни. 307. 308. 309—314. 316. 317. 333.
Объ искусствѣ. 336. 517. 528. 530—539.
Олсуфьевы (сосѣди по дому). 177. 179. 180. 182.
Олсуфьевы, гр. (Ад. Вас., Анна Мих., Мих., Дмитр., Елиз. Адамовичи). 184. 187. 289. 291. 302. 303. 432. 434. 486—491. 498. 499. 500. 518. 520.
Орловъ, В. Ф. 152.
Островскій, А. Н. 17. 72.

Паркеръ, Теодоръ (Parker, Théodor). 255.
Пастернакъ, Л. Ос. 558. 560.
Первый винокуръ. 213.
Перфильевы. 24. 25. 52. 57. 61. 74. 77. 103. 114. 129. 130. 335.
Писаревъ, Раф. Ал. 364. 368. 375. 377. 378. 381. 385. 400. 402. 405. 406. 413.
Плевако, Θед. Никиф. 554.
Плоды просвѣщенія. 336. 369. 514.
Побѣдоносцевъ, К. П. 217. 287.
Погодинъ, М. П. 68.
Поповъ, Нилъ Ал., историкъ. 31.
Поповъ, хирургъ. 15. 18. 24. 29.
Поповъ, Евг. Ив. 337. 339. 352. 362. 369. 425. 433. 434. 456. 457.
Потапенко *(Повѣсти).* 436. 444. 457.
Пукиревъ, художникъ. 58.
Пругавинъ, А. С. 137.

Раевская, Ел. Пав. 348. 370. 372. 375. 384. 409. 413. 426. 431. 504.
Раевскій, Ив. Ив. 149. 150. 187. 324. 348. 360—378.
Разборъ Догматическаго Богословія Макарія. 222. 223. 228. 234.
Разсвѣтовъ, докторъ 55.
Расинъ (Racine). 500.
Рачинская, М. К. (по мужу гр. Толстая). 476. 489. 490. 498. 499. 500. 505. 512. 555. 570.
Рачинскій, С. А. 500.
Религія и нравственность. 452. 456. 457. 462. 463.
Рони (Rosny). 481.
Revue des deux mondes. 153. 157.
Робинзонъ Крузе. 480.
Рудинскій, докторъ. 17. 18.
Русановъ. 261. 468. 469. 575.
Рѣпинъ, И. Еф., художникъ. 132. 390.

Самарины, Ю. Ф. и П. Ф. 65. 67. 68. 72. 103.
Свистуновъ, П. Н., декабристъ. 114.
Семеновъ, С. Т. 443. 446.
Сенкевичъ *(Поланецкіе)*. 482.
St. John. 521. 566. 567.
St. Ives, маркизъ. 207.
Сергій Александровичъ, вел. кн. 368. 391.
Сказка объ Иванѣ дуракѣ. 275. 277. 286. 293.
Смерть Ивана Ильича. 272. 273. 274. 284. 290.
Соболевскій, С. А. 68. 74.
Стасовъ, Вл. Вас. 284. 462. 502. 503. 505.
Статьи о голодѣ 1891 г. 363—378.
Статья о голодѣ (искаженная въ „Моск. Вѣдом.“). 387. 391. 392. 396. 397. 403. 404.
Стаховичъ, А. А. (отецъ). 283. 302. 303. 396.
Стаховичъ, Мих. Ал. 291. 293. 347. 482. 484. 485. 541. 543. 544. 550.
Стебутъ, И. М. 420.
Стендаль. 209. 211. 310.
Стороженко, Ник. Ил., проф. русск. словесности. 529.
Страховъ, Н. Н. 106. 111. 113. 114. 115. 255. 277. 349. 367. 401. 432. 450. 455. 462. 497.
Страшный вопросъ. 360. 361. 363. 364. 365.
Суриковъ, художникъ. 187.
Сухотинъ (отецъ), С. М. 22. 28. 29. 59. 61. 62.
Сухотинъ, М. С. (сынъ). 440. 476. 498. 526. 581.
Сытинъ, И. Д. 271. 300.
Сютаевъ. 150. 152.

Такъ что же намъ дѣлать? 151. 155. 240. 242. 243. 250. 272. 273. 277. 278. 279. 280. 287.
Танѣевъ, С. И., композиторъ. 498. 502.
Тимротъ. 89. 91. 92. 97. 99. 100. 101. 102.
Тиссье (Tissier Michel). 465.
Толстая, Ал. Андр., гр. 115. 116. 156. 158. 339. 347. 497. 574.
Толстая, Ал. Льв., гр. 353. 370. 371. 429. 447. 456. 475. 478—481. 484. 494. 498. 502—504. 540. 556. 558. 560. 564. 567. 569. 570. 578. 581—585. 591.
Толстая, Варв. Валер., гр. (по мужу Нагорная). 11. 25. 30. 106. 570.
Толстая, Елиз. Валер., гр. (по мужу кн. Оболенская). 11. 25. 30. 31. 77. 92. 96. 113. 570.
Толстая, Марія Льв., гр. (по мужу Оболенская). 254—256

260. 320. 321. 326. 333. 341. 352—356. 360. 362. 363. 366—370. 379. 382. 384. 386. 387. 388. 399—402. 406. 407. 409. 416. 417. 424. 436—440. 451. 453. 454. 469. 470. 471. 478. 481—487. 498. 506. 508. 509. 517. 520. 522. 524. 526. 534. 537. 544. 555. 558. 565—568. 570. 575. 576.

Толстая, Марія Ник., гр. 6. 7. 10. 25. 77. 106. 129. 332. 499. 522. 523.

Толстая, Ол. Конст., гр. 553. 565. 568. 572. 573.

Толстая, Татьяна Льв., гр. (по мужу Сухотина) 86. 110. 120. 143. 149. 150. 164. 196. 229. 230. 231. 244. 267—270. 275. 289. 291. 299. 302—307. 319. 339. 347. 363—380. 404—413. 422. 423. 434—437. 462. 467. 468. 480—494. 517. 534. 536. 537. 539. 560. 566. 578. 581.

Толстой, Андрей Льв., гр. 119. 120. 318. 357. 438. 465. 467. 479. 489. 491. 492. 497. 498. 500. 502—505. 507—513. 515. 534. 536. 537. 553. 556. 565. 569. 573.

Толстой, Ванечка, гр. 323. 326—329. 337. 340. 341. 343—346. 348. 350—355. 360. 389. 436. 451—456. 458. 461. 468. 474. 475. 478. 479. 481. 484. 488. 492. 546.

Толстой, Д. А., гр., министръ. 286. 387.

Толстой, Илья. Льв., гр. 86. 109. 134. 139. 141. 157. 172. 173. 175. 178. 218. 242. 255. 264. 278. 286. 293. 302. 306. 318. 325. 330. 343. 358. 427. 431. 465. 482. 487. 493. 505. 536. 541. 545. 546. 550. 582.

Толстой, Левъ Льв., гр. 110. 141. 218. 228. 229. 242. 279. 308—312. 331. 337. 339. 347. 349. 350. 354. 355. 359. 361. 369. 382. 387. 388. 389. 403. 420. 427. 431. 432. 434. 440. 449. 450. 454. 465. 467. 468—471. 473. 475. 478. 479. 481. 483. 484. 486. 502. 503. 504. 509. 515. 522. 537. 548. 549.

Толстой, Мих. Льв., гр. 318. 358. 475. 476. 479. 502—506. 508—513. 515. 517. 524. 536. 537. 545. 547. 548. 552. 555. 557. 559. 560. 565.

Толстой, Ник. Вал., гр. 106.

Толстой, Сергѣй. Льв., гр. 29. 34. 41. 54. 60. 86. 103. 104. 120. 128. 134. 146. 148. 165. 173. 174. 178. 188. 193—197. 200. 201. 217. 256. 279. 283. 291. 305. 306. 315. 316. 317. 321.

329. 334. 342. 350. 367. 457. 467. 489. 491. 498. 501. 505. 512. 524. 531. 532. 554. 555. 558. 559. 563. 571.
Толстой, Серг. Ник., гр. 5. 6. 10. 14. 24. 49. 159. 176. 177. 179. 189. 252. 253. 318. 480. 489. 490. 506. 509. 530. 544. 568. 572. 574. 575.
Томашевскій, А. К. 58. 83.
Трегубовъ, Ив. Мих. 434. 514. 516.
Тургеневъ, Ив. Серг. 167. 202. 203. 204. 545.
Тютчева, Е. Ѳед. 22. 60.

Уваровъ, гр. 38.
Урусовъ, Леон. Дм., кн. 139. 149. 152. 164—167. 204. 205. 207. 210. 211. 219. 220. 240. 243. 246. 247. 249. 256. 257—262. 264—267.
Урусовъ, Сергѣй Сем., кн. 72. 73. 77. 92. 331. 336. 339. 480.
Ухтомскій, Эсп. Эсп., кн. 529. 540.
Ученіе 12 апостоловъ. 249. 254. 413.

Фаустъ Гете. 428.
Фетъ, Аѳ. Аѳ. 12. 92. 96. 127. 428.
Фейнерманъ, И. Б. 269. 270. 272. 273. 277. 281. 283. 293. 295. 296. 309. 311.
Философова, Пат. Ник. (по мужу Дэнъ). 324. 364. 367. 369. 381. 385. 386. 388. 390. 401. 419.
Философова, Соф. Алекс. 302. 324. 388. 390. 400. 419.
Философова, Соф. Ник. (по мужу гр. Толстая). 302. 324. 330. 343. 464. 465. 505. 531. 541. 548. 552. 570.
Флоберъ *(Бовари)* (Flaubert Gustave). 407.
Фрей. 272. 278.

Хаджи-Муратъ. 535. 536.
Халевинская. 243. 269. 457. 458.
Хилковъ, Дм. Ал., кн. 408. 413. 463.
Ходите въ свѣтѣ. 303. 304. 305.
Хозяинъ и работникъ. 488.
Хохловъ. 467. 481. 482.
Христіанское ученіе. 483. 504. 506. 507. 508.
Христіанство и патріотизмъ. 458. 462. 467.

Царство Божье внутри васъ. 414. 417. 420. 421. 424. 426. 427. 454. 459. 467. 542.

Чайковскій, П. И. 459.
Чѣмъ люди живы. 139. 148. 253.
Чеховъ, Ант. Павл. 457.

Чертковъ, Вл. Гр. 242. 267. 269—273. 280. 296. 301. 311. 316. 317. 320. 339. 342. 413. 414. 415. 424. 430. 450. 475. 494. 497. 514. 516. 518. 519. 531. 543. 556. 573. 574. 580—585. 588.
Чистяковъ, Матвѣй Никол. 371. 372. 374. 375. 378. 411. 416. 418.
Чичеринъ, Бор. Ник. 498. 571.

Шарапова, Павла Ник. (по мужу Бирюкова). 450.
Шекспиръ. 214. 461. 572.
Шмидтъ, Марія Александр. 255. 310. 330. 457. 471. 472. 482. 484. 495. 506. 528. 534. 544. 573.
Шпиръ, А. 510.

Щедринъ (Салтыковъ). 292.

Элліотъ *(Феликсъ Гольтъ)*. 252.
Энгельгардтъ, А. Н. 209.

Юрьевъ, Серг. Андр. 72. 171. 203.

Якоби, харьковскій профессоръ. 261.

Ѳедоровъ, Ник. Ѳед., библіотекарь Румянц. музея. 152. 174.

12-00

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00002797227